

СОФОКЛА

ДРАМЫ

СОФОКЛ

*Римская копия с греческого оригинала
30-х гг. IV в. до н. э.*

Ватикан, собрание б. Латеранского музея

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ΣΟΦΟΚΛΗΣ

ΤΡΑΓΩΙΔΙΑΙ

SOPHOCLES

TRAGOEDIAE

СОФОКЛ

ДРАМЫ

В переводе
Ф. Ф. ЗЕЛИНСКОГО

Издание подготовили
М. Л. ГАСПАРОВ и В. Н. ЯРХО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

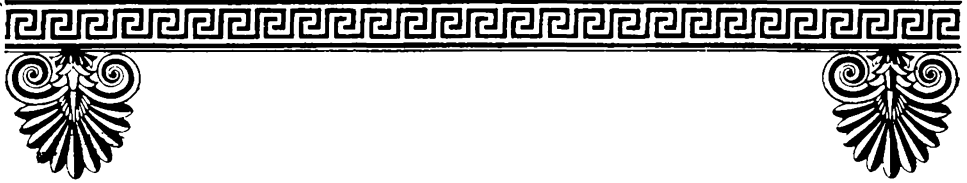
*В. Е. Багно, Н. И. Балашов, Г. П. Бердников,
И. С. Брагинский, В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров,
А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова,
Б. Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н. А. Жирмунская, А. В. Лавров,
Д. С. Лихачев (председатель), А. Д. Михайлов,
Д. В. Ознобишин, И. Г. Птушкина (ученый секретарь),
Б. И. Пуришев, А. М. Самсонов (заместитель председателя),
И. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт*

Ответственный редактор
М. Л. ГАСПАРОВ

С $\frac{4603000000-092}{042(02)-90}$ 801—90, I полугодие

© Издательство «Наука», 1990
Составление, перевод, статьи,
примечания

ISBN 5—02—012672—1

ЦАРЬ ЭДИП

Действующие лица:

<i>Эдип, фиванский царь</i>	<i>Коринфский вестник</i>
<i>Иокаста, жена Эдипа</i>	<i>Пастух Лаия</i>
<i>Креонт, брат Иокасты</i>	<i>Домочадец Эдипа</i>
<i>Тиресий, слепой прорицатель</i>	<i>Хор фиванских старцев</i>
<i>Жрец Зевса.</i>	<i>Без слов: Антигона</i>
	<i>и Исмена, дочери Эдипа</i>

Действие происходит перед царским дворцом в Фивах.

ПРОЛОГ

Перед воротами дворца — группа юношей с молитвенными ветвями в руках. Во главе их — жрец Зевса.

Эдип
(*выходя из дворца*)

Птенцы младые Кадмова гнезда!
Зачем вы здесь — в столь жалобной осанке
И с ветками просителей в руках?
Там в городе клубится фимиама
Седой туман; там песнь мольбы горячей
Возносится — и с ней страданья стон...
Не от чужих услышать я хотел
Про нужды ваши: сам сюда я вышел,
Молвой людей прославленный Эдип...

Так молви же, старик, — тебе пристало
¹⁰ Гласить за всех: что вас сюда ведет?
Загнал ли страх — иль заманила ласка?
Хотелось бы помочь вам; не из камня
Ведь наше сердце: жаль мне, дети, вас!

Жрец

Эдип, властитель родины моей!
 Ты видишь сам, у алтарей твоих,
 Собрались дети: долгого полета
 Их крылышки не вынесут еще.
 Среди них и я, под старости обузой,
 Жрец Зевса. Лучший молодости цвет
 Перед тобой, — а там народ толпами
 На площадях увенчанный сидит,
²⁰ У двух святилищ девственной Паллады
 И над Исмена вещью золой.
 Зачем мы здесь? Ты видишь сам: наш город
 Добычей отдан яростным волнам;
 С кровавой зыбью силы нет бороться,
 Нас захлестнула с головой она.
 Хиреют всходы пажитей роскошных;
 Подкошенные, валятся стада;
 Надежда жен в неплодном лоне гибнет;
 А нас терзает мукой огневицы
 Лихая гостья, страшная чума.
 Дом Кадма чахнет от ее дыханья,
 А черный Ад богатую взывает
³⁰ С него стенаний и мучений дань.
 Не бог ты, знаю. Не как к богу мы
 К тебе пришли — и я, и наши дети —
 И к очагу припали твоему.
 Но из людей для нас, Эдип, ты первый,
 И в злоключеньях жизни безрассчетных,
 И в ниспосланьях грозных божества.
 Не ты ль уж раз, пришедши в город Кадма,
 Освободил нас от жестокой дани,
 Что мы певиче ужасов несли?
 А ведь никто из нас тебе загадки
 Не разъяснил; ты божием внушеньем
 Ее постиг и спас страну от бедствий —
 Так говорит, так верует народ.
⁴⁰ И вот теперь, могущественный царь,
 Тебя, Эдип, мы все с мольбой усердной
 Пришли просить: найди для нас защиту,
 От бога ли услышав вещей глас,
 От смертного ль узнав секрет спасенья.
 Твой опыт почве благодатной равен:
 Решений всхожесть он блюдет для нас.
 Спаси ж наш град, о лучший среди смертных,
 Спаси и славу мудрости твоей!
 Теперь за то давнишнее усердьё
 Ты исцелителем земли слывешь;

О, да не скажет про твою державу
 Потомков наших память навсегда:
 50 «При нем мы свет увидели желанный,
 При нем нас гибели покрыла мгла.
 Нет — стань навеки нам творцом спасенья!
 То знаменье счастливое, что в город
 Тебя ввело, — да осенит тебя
 Оно и ныне! Коль и впредь ты хочешь
 Страною править — пусть мужей своих
 Тебе на славу сохранит она;
 Ведь нет оплота ни в ладе, ни в башне,
 Когда защитников погибла рать!

Э д и п

О дети, дети! Ведом — ах, как ведом
 Мне вашей жажды жалостной предмет.
 60 Вы в горе все; но всех страданий ваших
 В груди своей я полноту собрал.
 Лишь за себя болеет сердцем каждый
 Из вас, родные; а моя душа
 Скорбит за город — за себя — за вас.
 Нет, не со сна меня вы пробудили:
 Я много плакал, много троп заботы
 Измерил в долгих странствиях ума.
 Один мне путь открылся исцеленья —
 Его избрал я. Сына Менекея,
 70 Креонта — он моей супруге брат —
 Послал я в Дельфы, Фебову обитель,
 Узнать, какой мольбой, каким служеньем
 Я город наш от гибели спасу.
 Теперь я дни считаю и тревожусь.
 Что с ним? Давно его с возвратом жду
 И не пойму причины промедленья.
 Когда ж вернется он, исполню строго —
 В том честь порукой — все, что скажет бог.

Ж р е ц

(указывая на юношей)

Счастливый признак! С речию твоей
 Они приход Креонта возвещают.

Э д и п

80 О Аполлон-владыка! Дай, чтоб радость
 Явил он словом, как являет видом!

Ж р е ц

Густого лавра плодоносной ветвью
 Увенчан он; несет он счастье, верь.

Эдип

Сейчас узнаем — подошел он близко.

Входит Креонт.

Властитель-брат мой, Менекеев сын!
Какую весть принес ты нам от бога?

Креонт

Счастливую; ведь и невзгоду счастьем
Мы признаем, когда исход хорош.

Эдип

Что ж молвит бог? Ответ туманный твой
⁹⁰ Ни бодрости, ни страха не внушает.

Креонт

Готов пред всеми говорить — а также
И, в дом войдя, наедине с тобой.

Эдип

Скажи при всех: мне их несчастье душу
Сильней терзает, чем своя печаль.

Креонт

Что бог мне молвил, то и я скажу.
Владыка Феб велит нам в ясной речи
Заразу града, вскормленную соком
Земли фиванской, истребить, не дав
Ей разрастись неисцелимой язвой.

Эдип

Как истребить? И в чем зараза эта?

Креонт

¹⁰⁰ Изгнанием, иль кровью кровь смывая, —
Ту кровь, что град обурекает наш.

Эдип

Какую кровь? О ком радеет бог?

Креонт

Предшественник твоей державы славной,
Эдип-властитель, Лаиом был зван.

Эдип

Слышал о нем, но видеть не пришлось.

Креонт

Убитый пал он; ныне же к ответу
Бог ясно требует его убийц.

Эдип

А где они? Кто нам найти поможет
Тот тусклый след старинного греха?

Креонт

¹¹⁰ Здесь, молвит бог. Кто ищет, тот находит;
А кто искать ленив, тот не найдет.

Эдип

Где ж пал ваш Лаий? У себя ль в дворце?
Иль среди полей родных? Иль на чужбине?

Креонт

Как говорили, бога спросить
Пустился он — и не вернулся боле.

Эдип

А вестники? А спутники его?
Ужель никто улик вам не доставил?

Креонт

Погибли все, один лишь спасся; в страхе
Он все забыл. Одно лишь мог сказать...

Эдип

¹²⁰ Что ж мог сказать он? Много даст одно нам;
Надежды край схвати — и ты спасен.

Креонт

Разбойники — так молвил он — сразили
Паломника несметных силой рук.

Эдип

Не посягнул бы на царя разбойник,
Когда б не злата здешнего соблазн!

Креонт

Такая мысль была, но в нашем горе
Никто не встал отмстителем царя.

Эдип

Коль пал ваш царь, то горе не помеха
Его убийц сейчас же разыскать.

Креонт

¹³⁰ Сфинкс песнею лукавой отвлекла
Наш ум от смутных бед к насущным бедам.

Эдип

Мой долг отныне — обнаружить все.
Достоин Феб — и ты, Креонт, достоин

Заботу о погибшем воскресили.
 Союзником вам буду честным я,
 Готовым мстить за землю и за бога.
 Ведь не о дальних людях я пекусь,
 А сам себя от язвы ограждаю:
 Тот враг, что Лаия убил, и мне
 140 Той самой смертью, мнится, угрожает;
 Обоим нам явлю я помощь ныне.
 Теперь оставьте, дети, алтари,
 С собою взяв молитвенные ветви;
 Сюда же граждан Кадма созовите:
 Я все готов исполнить, что смогу,
 А бог победу нам пошлет — иль гибель.

Эдип уходит во дворец, следом за ним Креонт.

Жрец

Идемте, дети. Царь нам все исполнит,
 О чем просить явились мы к нему.
 Ты ж Аполлон, чьему мы слову вняли,
 150 Яви спасенье — прекрати болезнь!
 (Уходит, сопровождаемый юношами.)

ПАРОД

Оркестру постепенно заполняет хор фиванских старцев.

Хор

Строфа I

Зевса отрадная весть, что приносишь ты в славные Фивы
 С дельфийской рощи золотой?
 Страх обуял мою грудь, в напряжении сердце трепещет,—
 Будь милостив, Феб-исцелитель!
 Новой ли службы от нас ты потребуешь?
 Иль воскресишь из могилы забвения
 Древний обряд? О поведай, ласкающей
 Чадо Надежды, бессмертное Слово!

Антистрофа I

160 Первой тебя я зову, дочь Зевса, святая Афина,
 С сестрой державной твоей,
 Той, что на площади круглой наш город блюдет, Артемидой
 И с Фебом, стрельцом всеразящим.
 Троицей свет нам явите спасительный!
 Если когда-либо горя нависшего
 Черную тучу вы мощно развеяли —
 Боги родные, придите и ныне!

Строфа II

Ах, муки несметные терпим мы:

Охвачен заразою весь народ.

Оружие дум притупилось!

170 Гибнут роскошной земли порождения;
Жалостных мук не выносят роженицы;
Души, из тел пораженных исторгнуты,

То здесь, то там

Мчатся, как птицы небес быстрокрылые,
В пламенном рвенье к туманному берегу,
Где бог царит вечерний.

Антистрофа II

Их стаи несметные вдаль летят;

Везде неоплаканых груды тел,

180 Из них расцветает зараза!

Жены меж них и согбенные матери,
Все к алтарям, точно к берегу спасения,
С воплем беспомощным в страхе бросаются,

И льется песнь —

Льется отчаянья стон раздирающий.
Внемли, о Зевсова дочь! светлоликую
Яви защиту в горе.

Строфа III

Его ж, что град жаром жжет,

Стону радуясь людей,

190 И без щитов, без копий нас терзает,—

Ареса буйного из края изгони,

Отбрось врага в глубь морей,

В терем Амфитриты,

Отбрось к нелюдимому берегу

Фракии бурливой!

Ведь если дань простит нам ночь —

День взыскать ее спешит.

200 О Зевс! Длань твоя

Молний пламенем грозна:

Срази его безжалостным перуном!

Антистрофа III

Владыка Феб! В помощь нам

Стрел-заступниц ярый вихрь

Направь в убийцу с тетивы лучистой!

Лучистый светоч с гор ликийских принеси,

Страши врага, жги врага,

Дева Артемида!

И ты, моей родины отпрыск,

210 В митре золотистой

Веди вакханок резвый хор,

Ясноликий Дионис!
 Возьми огонь святой,
 Огонь победный, сокруши
 Среди богов презреннейшего бога!

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Э д и п

(выходя из дворца)

Вы молитесь, — меж тем, от вас зависит
 Отчизне оборону от болезни
 И отдых от несчастий даровать.
 Внемлите лишь моей усердно речи.
 Не знал я божьих слов, не знал я дела —
²²⁰ Не то — без долгих поисков и спросов
 Напал бы скоро я на верный след.
 Но нет; я — поздний гражданин меж граждан,
 И вот наказ мой Кадмовым сынам.
 Кому известно, от чьего удара
 Царь Лаий пал, сын Лабдака державный,
 Тот обо всем да известит меня.
 Да не боится он открыть улику
 Сам на себя: вреда ему не будет,
 И лишь страну оставит с миром он.
²³⁰ Да не молчит подавно о другом он, —
 Коли убийца был из иноземцев, —
 Казной за весть и лаской награжу.
 А если вы ответа не дадите —
 О друге ли, иль о себе радея —
 То вот дальнейшая вам речь моя:
 Убийца тот, кто б ни был он, повсюду
 В земле, что скиптру моему подвластна,
 От общества сограждан отлучен.
 Нет в ней ему ни крова, ни привета,
 Ни общей с вами жертвы и молитвы,
²⁴⁰ Ни окропления священных уз.
 Вы гнать его повинны все, как скверну
 Земли родимой — так мне бог пифийский
 В пророчестве недавнем возвестил.
 И вот я становлюсь по воле бога
 Заступником убитому царю.
 Я говорю: будь проклят тот убийца,
 Один ли иль с пособниками вкупе,
 Будь злая жизнь уделом злого мужа!
 Будь проклят сам я наравне с убийцей,
²⁵⁰ Когда б под кровом моего чертога

Он с ведома скрывался моего!
 А вы блюдите этот мой приказ
 В угоду мне и Фебу и отчизне,
 Лишенной сил и милости богов.

Так бог велел. Но если б даже слово
 Его не грянуло с парнасских круч —
 Вам все ж грешно забыть о мести правой,
 Когда герой, когда ваш царь погиб.
 Уж и тогда был долгом вашим розыск.
 Теперь же я его наследство принял,
 280 Я стал супругом царственной вдовы,
 И если б бог его потомством милым
 Благословил, то и детей его
 Залогом общим я б владел по праву...
 Но нет! Немилостив был бог к нему...
 Так за него, как за отца родного,
 Я заступлюсь; отныне цель моя —
 Найти убийцу Лаия — ему же
 Отцом был Лабдак, дедом Полидор,
 Кады — прадедом, и пращуром — Агенор.
 Молю богов: кто мой приказ отринет,
 Да не вернет тому земля посева,
 270 Да не родит наследника жена;
 Да сгинет он, как гибнет град несчастный,
 Иль худшей смертью, коль такая есть!
 А тем, кто слову моему послушен,
 Союзницей пускай святая Правда
 И боги все пребудут на века.

К о р и ф е й

Как ты связал меня своим заклятьем,
 Так я отвечу, государь, тебе:
 Убил не я; убийцы я не знаю.
 Послал нам Феб мудреную загадку —
 Он разрешить ее способней всех.

Э д и п

280 Сказал ты правду; но заставить бога
 Никто не властен из живых людей.

К о р и ф е й

Дозволь второе предложить решенье.

Э д и п

Не откажи и в третьем, если есть.

К о р и ф е й

Владыке Фебу силой вещей мысли
 Один Тиресий равен, государь.
 Лишь от него узнать мы можем правду.

Эдип

И это я исполнил: по совету
Креонта двух к нему гонцов послал я;
Зачем он медлит — не могу понять.

Корифей

²⁹⁰ Еще есть слово — тусклое, глухое...

Эдип

Какое слово? Все я должен взвесить.

Корифей

От путников он принял смерть — так молвят.

Эдип

Я слышал, но убийца неизвестен.

Корифей

Однако если страх ему знаком —
Не вынесет проклятий он твоих.

Эдип

Кто в деле смел, тот слов не устрашится.

Корифей

Но вот явился грозный обличитель!
Уж к нам ведут почтенного пророка,
Что правду видит из людей один.

Появляется *Тиресий*, которого ведет мальчик,
за ним следуют двое слуг Эдипа.

Эдип

³⁰⁰ Привет тебе, Тиресий — ты, чей взор
Объемлет все, что скрыто и открыто
Для знания на небе и земле!
Ты видишь, хоть и с темными очами,
Страду лихую города больного;
Единственный его спаситель — ты.
Узнай, коли не знаешь, от гонцов:
Феб на вопрос наш дал такой ответ,
Чтоб мы, разведав Лаия убийц,
Изгнаньем их иль казнью истребили —
Тогда лишь стихнет ярая болезнь.

³¹⁰ Тебе понятен рокот вещей птицы,
Знакомы все гадания пути;
Спаси ж себя, и город, и меня,
Сними с нас гнев души непримиренной!
Ведь ты — оплот наш; помогать же ближним
По мере сил — нет радостней труда.

Тиресий

О знание, знание! Тяжкая обуза,
Когда во вред ты знающим дано!
Я ль не изведал той науки вдоволь?
А ведь забыл же — и сюда пришел!

Эдип

Что это? Как уныла речь твоя!

Тиресий

³²⁰ Вели уйти мне; так снесем мы легче,
Я — свое знание, и свой жребий — ты.

Эдип

Ни гражданин так рассуждать не должен,
Ни сын; ты ж вскормлен этою землей!

Тиресий

Не к месту, мне сдается, речь твоя.
Так вот, чтоб мне не испытать того же...

(Собирается уйти.)

Эдип

О, ради бога! Знаешь — и уходишь?
Мы все — просители у ног твоих!

Тиресий

И все безумны. Нет, я не открою
Своей беды, чтоб не сказать — твоей.

Эдип

³³⁰ Что это? Знаешь — и молчишь? Ты хочешь
Меня предать — и погубить страну?

Тиресий

Хочу щадить обоих нас. К чему
Настаивать? Уста мои безмолвны.

Эдип

Ужель, старик бесчестный — ведь и камень
Способен в ярость ты привести! — ответ свой
Ты утаишь, на просьбы не склоняясь?

Тиресий

Мое упорство ты хулишь. Но ближе
К тебе твое: его ты не приметил?

Эдип

³⁴⁰ Как речь твоя для города позорна!
Возможно ли без гнева ей внимать?

Тиресий

Что сбудется, то сбудется и так.

Эдип

К чему ж молчать? Что будет, то скажи!

Тиресий

Я все сказал, и самый дикий гнев твой
Не вырвет слова из души моей.

Эдип

Да, все скажу я, резко, напрямик,
Что видит ум мой при зарнице гнева.
Ты это дело выносил во тьме,
Ты и исполнил — только рук своих
Не обагрил. А если б зрячим был ты,
Убийцей полным я б назвал тебя!

Тиресий

³⁵⁰ Меня винишь ты? Я ж тебе велю —
Во исполнение твоего приказа
От нас, от граждан отлучить себя:
Земли родной лихая скверна — ты!

Эдип

Напрасно мнишь ты, клеветник бесчестный,
Избегнуть кары за слова твои!

Тиресий

Меня спасет живая правды сила.

Эдип

Уж не гаданью ль ею ты обязан?

Тиресий

Тебе; ты сам раскрыть ее велел.

Эдип

Скажи еще раз, чтоб понятно было!

Тиресий

³⁶⁰ Ужель не понял? Иль пытать решил?

Эдип

Не ясно понял; повтори еще раз!

Тиресий

Изволь: убийца Лаия — ты сам!

Эдип

Сугубой лжи — сугубое возмездье!

Тиресий

Велишь наполнить возмущенья меру?

Эдип

Что хочешь молви: речь твоя — лишь дым.

Тиресий

В общенье гнусном с кровию родной
Живешь ты, сам грехов своих не чуя!

Эдип

Уйти от кары поношеньем мнишь ты?

Тиресий

Да, если сила истине дана.

Эдип

³⁷⁰ Есть в правде сила, есть, но не в тебе —
В тебе ж угас и взор, и слух, разум.

Тиресий

Ах, бедный, бедный! Тот упрек безумный —
Его от всех услышишь скоро ты.

Эдип

Сплошная ночь тебя взрастила; гнев твой
Не страшен света радостным сынам.

Тиресий

Не мне тебя повергнуть суждено:
Сам Аполлон тебе готовит гибель.

Эдип

Креонта ль слышу вымысел — иль твой?

Тиресий

Оставь Креонта; сам себе ты враг.

Эдип

³⁸⁰ О власть, о злато, о из всех умений
Уменье высшее среди людей —
Какую зависть вы растить способны!
Я ль добивался этого престола?
Мне ль не достался он, как вольный дар?
И что ж? Креонт, мой верный, старый друг,
Из-за него меня подходом тайным
Сгубить задумал! Хитрого волхва
Он подпускает, лживого бродягу,
В делах наживы зрячего, но полной
В вещаниях окутанного тьмой!
³⁹⁰ Скажи на милость, где явил ты Фивам

Искусства достоверность твоего?
 Когда с кадмейцев хищная певица
 Живую дань сбирала — почему
 Ты не сказал им слова избавленья?
 А ведь решить ту мудрую загадку
 Способен был не первый встречный ум —
 Тут было место ведовской науке!
 И что же? Птицы вещие молчали,
 Молчал и бога глас в груди твоей;
 И я пришел, несведущий Эдип.
 Не птица мне разгадку подсказала —
 Своим я разумом ее нашел!

И ныне ты меня замыслил свергнуть,
 400 Чтобы с Креонтом дружбу завести!
 На горе ж вы (и ты, и твой учитель)
 Себе самим — надумали наш город
 От скверны очищать! И если б я
 В тебе не видел старика — я карой
 Заслуженной бы вразумил тебя!

К о р и ф е й

Нам так сдается: и в его вещаньях
 Пылает гнев, и, царь, в твоём ответе.
 Не он спасет нас; лучше б обсудить,
 Как нам исполнить Аполлона волю.

Т и р е с и й

Ты — царь, не спору. Но в свободном слове
 И я властитель наравне с тобой.
 410 Слугою Феба, не твоим живу я;
 Опека мне Креонта не нужна.
 Ты слепотою попрекнул меня!
 О да, ты зряч — и зол своих не видишь,
 Ни где живешь, ни с кем живешь — не чувствуешь!
 Ты знаешь ли родителей своих?
 Ты знаешь ли, что стал врагом их злейшим
 И здесь, под солнцем, и в подземной тьме?
 И час придет — двойным разя ударом,
 И за отца, и за родную мать,
 Тебя изгонит из земли фиванской
 Железною стопой проклятья дух,
 И вместо света тьма тебя покроет.
 420 Где не найдешь ты гавани стенаньям?
 Где не ответит крикам Киферон,
 Когда поймешь, что к свадьбе в этом доме
 С добром ты плыл, но не к добру приплыл,
 И все иные беды, от которых
 Ты станешь братом собственных детей!

Теперь, коль хочешь, поноси Креонта
И речь мою, но скоро в целом мире
Не будет доли горестней твоей!

Эдип

Невыносима клевета такая!
430 Сгинь, дерзкий волхв! Скорей уйди отсюда
К себе обратно и оставь мой дом!

Тиресий

И не пришел бы, если б ты не звал.

Эдип

Не знал же я, что вздорных слов наслышусь
Из уст твоих; а то б не звал, поверь!

Тиресий

По-твоему, я вздорен; что ж! Но мудрым
Я звался — у родителей твоих.

Эдип

О ком сказал ты? Кто меня родил?

Тиресий

Родит тебя — и сгубит — этот день.

Эдип

Опять загадка! Кто тебя поймет?

Тиресий

440 Не ты ль загадок лучший разрешитель?

Эдип

Коришь меня за то, чем я велик?

Тиресий

В твоём искусстве и твоя погибель.

Эдип

Зато я землю спас — она важнее.

Тиресий

Я ухожу. (*Мальчику*)
Веди меня, мой сын.

Эдип

Да, уходи! Досаден твой приход
И беспечально будет удаление.

Тиресий

Что ж, я уйду, но раньше дам ответ вам
На ваш вопрос. Тебя не устрашусь я —

Меня низвергнуть не тебе дано.
 Внемли: тот муж, которого ты ищешь
 450 С угрозой кары, Лаия убийца —
 Он здесь! пришлец — таким его считают;
 Но час придет — фиванцем станет он,
 Без радости отчизне приобщенный.
 На слепоту взор ясный променяв,
 На нищенство — державное раздолье,
 Изгнанником уйдет он на чужбину,
 Испытывая посохом свой путь.
 Узнает он, что он своим ищадым —
 Отец и брат, родительнице — вместе —
 И сын и муж, отцу же своему —
 460 Соложник и убийца. Вот ответ мой!
 Теперь иди и взвесь его, и если
 Хоть каплю лжи ты в нем найдешь — в вещаньях
 Считаю меня невеждой навсегда!
 Оба уходят: *Тиресий* в город, *Эдип* во дворец.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа I

Кто он, чью длань вещего бога
 Со скалы дельфийской
 Примерил взор — страшного дела
 Тайный совершитель?
 Пора ему в глубь пустынь
 Коней-летунов быстрей
 Бежать без оглядки.
 Среди зарева молнии гонит его
 470 Вседержавного Зевса разгневанный сын,
 И рой неотступных
 Мчится вслед Эриний.

Антистрофа I

Раздался клич — клич с белоснежных
 Круч святых Парнаса:
 Заросший след тайного мужа
 Все раскрыть стремятся.
 Он рыщет в глухом лесу,
 В пещерах угрюмых гор,
 Как зверь бесприютный:
 Одинокой стопою скитается он,
 480 Лишь бы грозных вещаний тропу обмануть —

[Они ж неустанно
Над главой кружатся.

Строфа II

Страшных забот думы вспугнул
В сердце моем мудрый пророк;
Верить невмочь спорить невмочь,
Как мне решить, знать не могу.
Ни на прошлое надежды, ни на будущее нет —
Но не знал я никогда,
480 Чтобы Лайи Полибиду супостатом выступал,
Не услышал и теперь.
Где ж улика того дела, где свидетель у меня
Против славы всенародной,
[Что Эдипа осенила навсегда?
Не поверю, чтоб убийство он свершил.

Антистрофа II

Боги одни — Зевс, Аполлон —
Долю людей призваны знать;
Что же пророк? может ли он
500 Даром святым нас превзойти?
На сомненье нет ответа; но лишь мудростью велик
Человек перед людьми.
Пусть клеветуют на Эдипа; пока слово не сбылось,
Не согласен с ними я.
Кто не видел, как пред девой быстрокрылой он стоял?
610 Доказал он свою мудрость
И усердье благородства среди нас;
Мы навеки ему верность сохраним.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Креонт

(поспешно входя со стороны города)

Сограждане, в ужасном преступленьи
Меня винит — так слышал я — Эдип.
Напраслины не вынес я. И так уж
Несчастны мы; но если он считает,
Что в этом горе я способен был
Ему иль словом повредить иль делом —
Такая слава всей дальнейшей жизни
Разрушила бы радость для меня.
520 Я не в простой обиде обвинен,
А в величайшей: и перед странною,
И перед вами, и перед друзьями.

Корифей

Да, слово вырвалось из уст его;
Но, видно, гнев его внушил, не разум.

Креонт

Но все ж сказал он, что, научен мною,
Его опутал кривдою пророк?

Корифей

Он так сказал; подумав ли — не знаю.

Креонт

Как? Не кривя ни взором, ни душой,
Он произнес такое обвиненье?

Корифей

⁵³⁰ Не знаю: мне ли знать дела владык?
Но вот он сам выходит из чертога.

Эдип

(*выходя из дворца*)

Ты здесь? Зачем ты здесь? Ужели лоб твой
Такою наглостью запечатлен,
Что подступаешь к дому моему
Ты, уличенный мной убийца, ты,
Моей державы явный похититель?
Скажи на милость, трусом ли презренным
Тебе казался царь твой, иль глупцом,
Когда такое дело ты задумал?
Возмнил ли ты, что не замечу я,
Как подползать твое коварство будет,
И, распознав его, не отражу?
⁵⁴⁰ Не ты ль скорей — мечтатель безрассудный,
Что без друзей и без богатства власть
Присвоить вздумал, честолюбец жалкий?

Креонт

Прими совет мой: дай сказать мне слово
В ответ тебе — и, выслушав, реши.

Эдип

Учить силен ты, я ж учиться слаб.
Довольно слов; ты — враг мой и предатель.

Креонт

Об этом самом выслушай меня!

Эдип

Об этом самом замолчи, изменник!

Креонт

Не мудр же ты, коль вне стези рассудка
560 Находишь вкус в упрямом самомненье.

Эдип

Не мудр и ты, коль мнишь избежать кары,
Предательски нарушив долг родства.

Креонт

Не буду спорить; да, ты прав. Одно лишь
Скажи мне: в чем предательство мое?

Эдип

По твоему ль совету — да, иль нет —
Послал я за пророком многочтимым?

Креонт

И ныне тот же дал бы я совет.

Эдип

Скажи тогда: давно ли царь ваш Лаий...

Креонт

При чем тут Лаий? Не пойму вопроса.

Эдип

560 Сраженный, пал таинственной рукой?

Креонт

Давно успел состариться тот век.

Эдип

А ваш пророк — он был тогда при деле?

Креонт

Был так же мудр и так же всеми чтим.

Эдип

Назвал мое он имя в ту годину?

Креонт

Не доводилось слышать мне его.

Эдип

Вы не старались обнаружить дело?

Креонт

Как не старались? Все напрасно было.

Эдип

А он, мудрец, зачем вам не помог?

Креонт

Не знаю; и в неведение молчу.

Эдип

⁵⁷⁰ Зато другое знаешь ты и скажешь.

Креонт

Что именно? Не утаю, коль знаю.

Эдип

А вот что: это ты его наставил
Меня убийцей Лаия назвать!

Креонт

Что он сказал, тебе известно. Ты же
И на мои вопросы дай ответ.

Эдип

Изволь; убийцы не найдешь во мне.

Креонт

Скажи: ты муж моей сестры, не так ли?

Эдип

Я муж твоей сестры; сказал ты правду.

Креонт

Совместно с ней землей ты управляешь?

Эдип

⁵⁸⁰ Ни в чем отказа не бывало ей.

Креонт

С собой меня сравнивали вы в союзе?

Эдип

И ты союз изменой разорвал.

Креонт

Какой изменой? Ты подумай трезво
И взвесь одно: кто променять согласен
На полное тревоги имя власти —
Влиятельный и сладостный покой?
Я никогда в душе своей не ставил
Сан царский выше царственных деяний;
Так мыслят все, кто разумом не слаб.

⁵⁹⁰ Что ни хочу я, все могу без страха
Я получить; а если б сам я правил —
Как часто б делал вопреки себе!
Ужель милее царский мне венец
Безбольной чести, мирного величья?

Нет, не настолько я ума лишился,
 Чтоб предпочесть тревожной власти бремя
 Чете прекрасной: «выгода и блеск».
 Теперь привет, улыбки мне повсюду,
 Теперь в мою просители твои
 Стучатся дверь — успеха им залогом
 Мое вниманье. И все это, мнишь ты,
 За звук пустой я уступить готов?

⁶⁰⁰ Нет, с разумом злодейство несовместно:
 Ни сам к нему не склонен я, ни в долю
 Меня сообщник не возьмет дурной.

И вот мой вызов: сам отправься в Дельфы,
 Проверь дощечки подлинность моей!
 Затем, мои сношения с пророком
 Вели раскрыть; и если тут виновным
 Меня найдешь — то вместе со своим
 Брось и мой голос в обвиненья урну.
 Но без улик не осуждай меня.

Противно правде — и дурных напрасно
⁶¹⁰ Считать друзьями, и врагами добрых.
 Кто друга верного изгнал, — тот жизни
 Своей любимейший отрезал цвет.
 Что ж, час придет — поймешь ты, что ты сделал.
 Одно лишь время — добрым оправданье,
 Других же в день ты уличишь один.

К о р и ф е й

Он молвит здраво; стерегись паденья!
 Решений быстрых ненадежен путь.

Э д и п

Но если быстр предатель нечестивый,
 И мне быть быстрым царский долг велит.
⁶²⁰ А буду медлить — увенчает счастье
 Его коварство, мне ж готова смерть.

К р е о н т

Что ж ты решил? Чтоб я покинул землю?

Э д и п

Нет, не изгнанье твоей удел, а смерть.

К р е о н т

.....

Э д и п

Когда поймешь, чего достойна зависть.

К р е о н т

Ты вовсе не доступен убежденью?

Э д и п

.....

К р е о н т

Безумен ты!

Э д и п

Себе кажусь я здоровым.

К р е о н т

Кажись и мне!

Э д и п

Довольно: ты изменник!

К р е о н т

Где ж разум твой?

Э д и п

Почтение царю!

К р е о н т

Дурному — нет!

Э д и п

О мой народ, народ!

К р е о н т

⁶³⁰ И я народу сын, не только ты!

К о р и ф е й

Оставьте спор, властители! Выходит
В час добрый к вам царица из чертога:
Пусть мир меж вас восстановит она.

Из дворца выходит *И о к а с т а*.

И о к а с т а

Несчастные! Теперь ли время ссоре
Бессмысленной? Страдает весь народ,
А вас заботят личные обиды?
Вернись в чертог, супруг мой; удались
И ты, Креонт; ничтожного предлога
В тяжелое не возводите зло!

К р е о н т

Сестра моя! Супруг твой, царь Эдип,
⁶⁴⁰ Ужасную вменяя мне вину,
Изгнанием грозит мне или казнью.

Э д и п

Да, это так! В коварном покушенье
На жизнь мою я уличил его.

Креонт

Пусть пропаду, пусть вечно буду проклят,
Коль в чем-нибудь виновен пред тобой.

Иокаста

Ради богов, поверь ему, Эдип!
Яви почет и клятве пред богами,
И мне, и этим гражданам твоим.

КОММОС

*Строфа**Хор*

Молю, о царь выслушай
650 Не гневаясь, с разумом!

Эдип

Чего ж ты хочешь от меня?

Хор

Его блюдет клятвы сень;
Верным слыл он всегда;
Прости его!

Эдип

Что хочешь — знаешь?

Корифей

Знаю!

Эдип

Что ж, скажи!

Хор

Клятву дал твой брат; не казни его
Ради тусклой мглы призрачных улик!

Эдип

Так знай же: этой просьбой для меня
Ты просишь смерти или же изгнания.

Хор

660 О нет, нет! Светлый бог свидетель мне!
Пусть погибну я без богов, друзей,
Если зла тебе я в душе желал.
Плач страны болью грудь давит мне;
Ужель весь горя круг не пройден ей,
Ужель ей новый бедствий вал грозит?

Эдип

Свободен он! Пусть лучше я погибну,
 670 Иль из земли в бесчестье удалюсь.

(Хору)

Твой грустный лик внушил мне состраданье;
 Но он повсюду ненавистен мне.

Креонт

Ты уступил, но с гневом. Гнев пройдет.
 А гнет останется. Такие души
 Себе самим несосны поделом.

Эдип

Оставь, меня! Уйди!

Креонт

Я ухожу —

Тобой не понят, но для них — все тот же.

(Уходит.)

Антистрофа

Хор

(Иокасте)

Зачем, жена, медлишь ты
 Уйти с царем в свой дворец?

Иокаста

680 Хочу узнать, как спор возник.

Хор

Глухой упрек грянул вдруг;
 Злой извет сердце рвет
 И без вины.

Иокаста

Вскипели оба?

Корифей

Оба.

Иокаста

В чем причина?

Хор

Не довольно ли? Истрадались мы!
 Что покончено — будь покончено.

Эдип

Вот ты каков! Хоть ты и благомыслен,
 Но расслабляешь, притупляешь дух мой?

Хор

О царь, царь! Сколько уж раз клялся я!
 690 Я б безумен был, безнадежно слеп,
 Если б верности изменил своей.
 Мне ль забыть, как в те дни град страдал!
 Не ты ль путь верный отыскал для нас?
 О будь вновь лучшим нам водителем.

Иокаста

Скажи и мне, во имя всех богов:
 Зачем ты гневом воспылил таким?

Эдип

700 Скажу: ты мне почтенней, чем они.
 Креонт злоумышляет на меня.

Иокаста

Скажи яснее: в чем его вражда?

Эдип

Назвал меня он Лаия убийцей!

Иокаста

Со слов других? По собственной догадке?

Эдип

Свои уста хранит он от хулы,
 А подослал гадателя-злодея!

Иокаста

О, если так — освободи от страха
 Свой ум, Эдип, и от меня узнай,
 Что нет для смертных ведовской науки.
 710 Тому я довод ясный укажу.

Однажды Лаий — не скажу: от Феба,
 Но в Дельфах от гадателей его
 Ужасное вещанье получил,
 Что смерть он примет от десницы сына,
 Рожденного в законе им и мной.
 Но Лаий — говорят нам — у распутия,
 Где две дороги с третьею сошлись,
 Разбойниками был убит чужими!
 А мой младенец? От его рожденья
 Едва зарделся третий луч зари,—
 И он его, сковав суставы ножек,
 Рукой раба в пустыне бросил гор!
 Да! Не заставил Аполлон малютку
 720 Отцеубийством руки обагрить;
 Напрасен страх был, Лаию внушенный,

Что от родного сына он падет;
 Так оправдались вещие гаданья!
 О них не думай! Если бог захочет —
 Он сам сорвет с грядущего покров!

Эдип

Что слышу я, жена моя? Во мне
 Смутился дух мой, и в волненье разум.

Иокаста

Какой тревогой встрепенулся ты?

Эдип

Сказала ты, что пал он у распутья,
 790 Где две дороги с третьею сошлись?

Иокаста

Так молвили, да и поныне молвят.

Эдип

Где ж эта местность? Где погиб твой муж?

Иокаста

Земля Фокидой кличется, а местность —
 Где путь двойтся в Дельфы и в Давлиду.

Эдип

А сколько времени прошло с тех пор?

Иокаста

Дошла до нас та новость незадолго
 Пред тем, как ты объявлен был царем.

Эдип

О Зевс! Что сделать ты со мной задумал!

Иокаста

Эдип мой, друг мой! Что с тобой? Скажи!

Эдип

740 Постой, постой!... Каков был видом Лаий?
 Каких был лет в то время он? Ответь!

Иокаста

Могуч; глава едва засеребрилась;
 А видом был он — на тебя похож.

Эдип

О смерти! Ужель я, сам не сознавая,
 Себя проклятью страшному обрек?

И о к а с т а

Что ты сказал? Твое лицо мне страшно.

Э д и п

Боюсь, боюсь — был свыше меры зрячим
Пророк... Но нет! Еще одно скажи.

И о к а с т а

Сказать готова, хоть и страшно мне.

Э д и п

⁷⁵⁰ С немногими пошел он, иль с отрядом
Телохранителей, как вождь и царь?

И о к а с т а

Всех было пять; один из них — глашатай.
В повозке Лаий восседал один.

Э д и п

Ах, ясно все... так ясно! — От кого же
Узнали вы про смерть его, жена?

И о к а с т а

Один лишь раб от смерти ускользнул.

Э д и п

А где живет он ныне? Во дворце?

И о к а с т а

О нет. Когда вернулся он, увидел
Тебя царем, а Лаия убитым —
⁷⁶⁰ К моей руке припав, он умолил
Услать его из города подальше
На пастбища окраинные стад.
Я снизошла к мольбе его; и право,
Не будь рабом он, получил бы больше.

Э д и п

Нельзя ль скорей его обратно вызвать?

И о к а с т а

Конечно, можно. Но на что тебе он?

Э д и п

Боюсь, жена,— причин я слишком много
Тебе назвал желанья моего!

И о к а с т а

⁷⁷⁰ Да он придет! Но все ж и я достойна
Твою кручину разделить, Эдип.

Э д и п

Достойна; и кому еще доверить
 Я мог бы страх встревоженной души?
 Кто ближе мне в судьбы моей невзгодах?

Мне был отцом Полиб, коринфский царь,
 А матью — дориянка Мeroпа.
 На родине вельможей первым слыл я,
 До случая, который был достоин
 Сомнения, но гнева не достоин.
 На пиршестве, напившись до потери
 Рассудка, гость какой-то в пьяном рвенье
 «Поддельным сыном моего отца»
 780 Меня назвал. Вскипел я гневом; все же
 Себя сдержал я в эту ночь. С зарей же
 Пошел к отцу и матери, чтоб правду
 От них узнать. Они с негодованьем
 Обидчика отвергли. Я был рад,
 Но все ж сверлило оскорбленье душу:
 Я чувствовал, как дальше все и дальше
 Оно ползло. — И вот иду я в Дельфы,
 Не говоря родителям ни слова.
 Здесь Феб ответа ясного меня
 Не удостоил; но в словах вещанья
 790 Нашел я столько ужасов и бед —
 Что с матерью преступное общенье
 Мне предстоит, что с ней детей рожу я
 На отвращенье смертным племенам,
 И что я кровь пролью отца родного —
 Что я решил — отныне край коринфский
 Любить с звездой небесной наравне
 И бег туда направить, где б не мог я
 Стать жертвою пророческих угроз.
 И вот дошел я до тех мест, в которых —
 Как молвишь ты — погиб покойный царь.
 800 Тебе, жена, всю правду я открою.
 Когда уж близок был к распутью я,
 Навстречу мне повозка едет, вижу;
 Пред ней бежит глашатай, а в повозке
 Сам господин, — как ты мне описала.
 И тот и этот силою меня
 Пытаются согнать с своей дороги.
 Толкнул меня погонщик — я в сердцах
 Его ударил. То увидя, старец,
 Мгновенье улучив, когда с повозкой
 Я поравнялся — в голову меня
 Двойным стрекалом поразил. Однако,

- 810 Он поплатился более: с размаху
 Я посохом его ударил в лоб.
 Упал он навзничь, прямо на дорогу;
 За ним и прочих перебить пришлось.
 Но если между Лаием погибшим
 И тем проезжим есть какая связь —
 О, кто несчастнее меня на свете,
 Кто боле взыскан гневом божества?
 Нет мне у вас ни крова, ни привета,
 Вы гнать меня повинны все, повсюду,
 И граждане, и пришлые. И сам я
- 820 Проклятье это на себя изрек!
 И одр погибшего я оскверняю
 Прикосновеньем той руки, что насмерть
 Его сразила!... Я ли не злодей?
 Я ль не порочней всех во всей вселенной?
 Бежать я должен — и в несчастном бегстве
 Не должен взором на своих почитать,
 Не должен родины своей коснуться,
 Не то — грех с матерью, отца убийство,
 Родителя и пестуна — Полиба!
 О сколь жесток — простится слово правды —
 Ко мне был бог, что так меня сгубил!
- 830 Нет, нет, не дай, о чистое светило,
 Моим очам увидеть этот день!
 Пошли мне смерть, но не клейми при жизни
 Меня таким несчастьем пятном!

К о р и ф е й

И мы в тревоге; все ж, пока свидетель
 Не выслушан — надежды не теряй!

Э д и п

Своей надежде дал я срок недолгий —
 Пока придет с окраины пастух.

И о к а с т а

Что может дать отрадного тебе он?

Э д и п

- Пусть в показаньях он с тобой сойдется —
 840 Тогда свободен от нечестья я.

И о к а с т а

В каком же слове видишь ты опору?

Э д и п

Он показал — так от тебя я слышал —
 Что от разбойников погиб твой муж,—

От многих, значит. Коль и ныне то же
 Покажет он,— убил его не я:
 Один прохожий ведь не равен многим.
 А если путник одинокий будет
 Показан им — тогда уж нет сомнений:
 Убийства грех нависнет надо мной.

И о к а с т а

О, если так, то будь уверен: слово
 Он произнес, как я передала.
 Его обратно взять не может он:
⁸⁵⁰ Все слышали его, не я одна!
 Но если б даже от тогдашней речи
 Отрекся он — вещаний он и этим
 Не оправдает. Феб царю судил
 От сына моего погибнуть; что же,
 Убил его малютка бедный? Нет!
 Он сам погибель до того отведал.
 Теперь не верю я гаданьям божьим:
 Они с дороги не собьют меня.

Э д и п

Ты судишь здраво; все ж за очевидцем
⁸⁶⁰ Пошли гонцов — прошу тебя, пошли!

И о к а с т а

Пошлю не медля. Но войдем в хоромы;
 Тебе во всем я рада услужить.

(Уходит с Эдипом во дворец.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р

Строфа I

Судьба моя! Дай мне вечно
 Слов и дел святую чистоту блюсти
 И чтить Законы, что в небесной выси
 Из лона Правды самой взошли.
 Их край родной — ясный свет эфира;
 Олимп им отец; родил
 Не смертного разум их;
⁸⁷⁰ Не он в забвения мгле их схоронить властен!
 Велик в них зиждущий бог; они нетленны.

Антистрофа I

Слепая спесь — власти чадо;
 Спесь же, снедью благ пресытившись вконец,

Сверх меры пышных, вред в себе несущих —
 На счастья крайний уступ взойдя,
 С него стремглав в глубь несется бездны.
 Но ты, справедливый бог,
 Молю, не оставь народ
 880 В борьбе, которая нам в граде сулит счастье!
 Мне будет зиждущий бог оплотом вечно.

Строфа II

Если ж кто рукам и речи
 Путь надменности избрал,
 Без страха пред ликом Правды,
 Без почтения к богам —
 Судьба да постигнет злая
 Спесь несчастную его.
 Кто в беззаконье к выгоде стремится,
 890 И кто в нечестии своем,
 Не признает ненарушимых граней —
 Возможно ль нам стрелы гнева своего
 От груди отвлечь злодея?
 Если честь делам нечестья воздавать —
 К чему мои песни?

Антистрофа II

Уж с молитвой не пойду я,
 Где срединный храм Земли,
 Ни в Фебов чертог Абейский,
 900 Ни к Олимпии холмам, —
 Пока с очевидной силой
 Бог себя не оградит.
 О Зевс-вершитель, выше всех царящий!
 Коли права моя мольба —
 Твой взор бессмертный обрати на дерзких!
 Уж веры нет Феба гаснущим словам;
 Меркнет в почестях народных
 Бога-песнопевца лучезарный лик;
 910 Конец благочестью!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Из дворца выходит *Иокаста*;
 за ней прислужница несет цветы и благоволия.

Иокаста

Пришла мне мысль, фиванские вельможи,
 Припасть смиренно к алтарям бессмертных
 С венком и с горстью ладана в руках.
 Волнуется в заботах выше меры

Душа Эдипа; не умеет он,
 Как должно здравомыслящему мужу,
 По прошлому о будущем судить, —
 Он отдается первой встречной речи,
 Когда о страхе шепчет эта речь.

Моим советам он не внемлет боле;
 И вот к тебе, Ликейский Аполлон —
 920 Ты ближе всех — с мольбой я обращаюсь:
 Яви нам добрый выход из беды.
 Поник ладьи отважный кормчий нашей;
 Его уныньем все омрачены.

(Кладет цветы и благоволия к подножию статуи Аполлона.)
 К дворцу Эдипа приближается коринфский вестник.

Вестник

Дозвольте, граждане, у вас спросить:
 Где здесь Эдипа царственный чертог?
 Иль лучше — самого мне укажите!

Корифей

Чертог ты видишь; сам он дома, гость мой;
 А здесь супруга — мать его детей.

Вестник

Будь счастлива среди счастливых вечно,
 930 Царя Эдипа верная супруга!

Иокаста

Тебе, мой гость, того же я желаю,
 За ласковый привет. Скажи, однако,
 В чем — или воля, или весть твоя.

Вестник

Супругу твоему и дому — счастье.

Иокаста

Какое счастье? Кто тебя прислал?

Вестник

Народ коринфский. Шлет тебе он радость...
 Конечно, радость... но и горе с ней.

Иокаста

В чем этой вести двойственная сила?

Вестник

Его царем поставят уроженцы
 940 Земли истмийской — так судили там.

Иокаста

Но разве власть уж не в руках Полиба?

Вестник

О нет; он сам признал уж смерти власть.

Иокаста

Что ты сказал? Отец Эдипа умер?

Вестник

Да. Если лгу — пускай умру я сам.

Иокаста

(прислужнице)

Скорей, раба, ступай за господином,
Скажи ему... — О, где вы ныне? Где вы,
Вещания богов? — Всю жизнь боялся
Его убить мой муж, и вот теперь
Его судьба сразила, а не он!

Эдип

(поспешно выходя из дворца)

⁹⁵⁰ Друг-Иокаста, милая супруга,
Зачем сюда ты вызвала меня?

Иокаста

Его послушай — он тебя научит,
Как верить им — пророчествам богов!

Эдип

Кто он такой? И что он мне приносит?

Иокаста

Гонец коринфский с вестью о Полибе,
Отце твоём: его уж нет, он умер.

Эдип

Возможно ль, гость мой? Сам мне дай ответ!

Вестник

Уж если с этого начать мне должно —
Да, будь уверен; нет его в живых.

Эдип

⁹⁶⁰ Болезнь его сразила? Иль коварство?

Вестник

Для старости и мелочи довольно.
Огнь гаснущий и ветерок задуёт.

Эдип

Болезнь беднягу унесла, я вижу.

Вестник

Еще вернее — поздние года.

Эдип

Жена, жена! И стоит ли считаться
 С пифийским Феба очагом, иль с криком
 Невнятным птицы над главой людей?
 Они судили мне отца убийство —
 И вот он умер, схоронен в земле,
 А я, беглец, к мечу не прикоснулся!...
 Уж не тоска ль по мне его убила,
 970 И в этом смысле «от меня он пал»?...
 Но нет: все божеские прорицанья
 С собой похитил в глубь земли Полиб,
 Всю их тщету изблещив пред миром!

Иокаста

Не я ль давно тебе о ней твердила?

Эдип

Твердила, да; но страх меня стегал.

Иокаста

Теперь навек ты от него свободен.

Эдип

А все ж я ложа матери боюсь.

Иокаста

Чего ж бояться, если ты уверен,
 Что случай правит жизнью твоею,
 А провиденью места нет нигде?
 Жить надо просто, как позволит доля.
 980 Брак с матерью! Иной и в вещем сне
 Его свершит; и чем скорей забудет,
 Тем легче жизнь перенесет свою.

Эдип

Меня б легко ты в этом убедила,
 Когда б не то, что мать моя жива.
 Теперь же страха не сразить словами.

Иокаста

Зарей во тьме отца могила светит!

Эдип

Зарей, не спорю; но живой боюсь.

Вестник

Да что за женщина вас так пугает?

Эдип

990 Мерапа, старче: та, с кем жил Полиб.

Вестник

Что ж страшного находите вы в ней?

Эдип

Вещаньем бог меня смутил тревожным.

Вестник

О нем дозволено узнать чужому?

Эдип

Таить не стану. Феб мне предсказал,
Что с матерью сойтись в любви преступной
Мне суждено и кровь отца пролить.
Вот почему уж с давних пор Коринфа
Я не видал. Был счастлив я; но все же —
Отраден блеск родительских очей!

Вестник

¹⁰⁰⁰ Так этот страх прогнал тебя из дома?

Эдип

Отца убить я не желал, старик.

Вестник

О государь! К тебе с добром пришел я;
Дозволь навеки страх рассеять твой!

Эдип

Тебе б я был навеки благодарен.

Вестник

А я как раз затем пришел, чтоб вызвать
Тебя домой — и дар твой заслужить.

Эдип

Я не вернусь, пока жива Мeroпа!

Вестник

Дитя! ты сам не знаешь, что творишь.

Эдип

О ради бога! Научи меня.

Вестник

Ты из-за них в изгнанье пребываешь?

Эдип

¹⁰¹⁰ Чтоб не исполнилось вещанье Феба!

Вестник

Чтоб от родивших скверны не принять?

Эдип

Да, старче, да; ее страшусь я вечно.

Вестник

Так знай же: страх твой пуст был и напрасен.

Эдип

Как пуст? мои ж родители они!

Вестник

Нет общей крови у тебя с Полибом.

Эдип

Что ты сказал? Отец мой — не Полиб?

Вестник

Ничуть не более чем я, поверь мне!

Эдип

Ты бредишь! Он отец мой, ты — ничто.

Вестник

1020 Ты не был сыном ни ему, ни мне.

Эдип

Но как же? Сыном он ведь звал меня!

Вестник

А получил — из этих самых рук.

Эдип

Из рук чужих? И так любил? Так нежно?

Вестник

Так что ж? Своих им не дал бог детей.

Эдип

А ты... купил меня? Иль подобрал?

Вестник

Нашел тебя... в долине Киферона.

Эдип

А что ж тебя в ту местность завело?

Вестник

Был горных стад надсмотрщиком тогда я.

Эдип

Ты пастухом был? Батраком скитался?

Вестник

1030 Я был твоим спасителем, мой сын.

Эдип

В какой беде простер ко мне ты руки?

Вестник

О ней суставы знают ног твоих.

Эдип

Не вспоминай об этом древнем горе!

Вестник

Я развязал израненные ноги.

Эдип

Да, был в пеленках искалечен я!

Вестник

И именем ты той беде обязан.

Эдип

Кто это сделал? Мать? Отец? Ответь же!

Вестник

Почем мне знать? Ты давшего спроси!

Эдип

Что? Давшего? Не сам меня нашел ты?

Вестник

¹⁰⁴⁰ Да нет же; взял у пастуха другого.

Эдип

Откуда был он? Отвечай, коль знаешь!

Вестник

Ему был, мнится, Лаий господином.

Эдип

Покойный царь фиванского народа?

Вестник

Он самый; был его он пастухом.

Эдип

А где он? Жив? Могу его увидеть?

Вестник

Об этом лучше вам, фиванцам, знать.

Эдип (к хору)

Кому-нибудь средь вас пастух тот ведом?

Быть может, видел кто его иль здесь,

Иль в деревнях? Скажите все, прощу вас;

¹⁰⁵⁰ Настало время тайну обличить.

К о р и ф е й

Я полагаю, это — тот пастух
Окраинный, которого и раньше
Хотел ты видеть. Впрочем, лучше всех
О нем царица Иокаста знает.

Э д и п

Жена, скажи: не тот ли это самый,
Кому велели мы прийти сюда?

И о к а с т а

Как? Что? Кого назвал он? Не заботься,
Забудь скорее все его слова!

Э д и п

Тому не быть, чтоб я, с такой уликой,
Раскрыть свое рождение упустил!

И о к а с т а

¹⁰⁶⁰ Коль жизнь тебе мила, оставь расспросы.
Молю бѣгами, — я и так страдаю.

Э д и п

Не бойся; пусть предстану пред тобой
Тройным рабом, — не станешь ты рабыней.

И о к а с т а

Эдип, молю, послушайся меня!

Э д и п

Послушаться? Не обнаружить рода?

И о к а с т а

Но я забочусь о твоём же благе!

Э д и п

Вот это благо уж давно мне в тягость!

И о к а с т а

О, век бы не узнать тебе, кто ты!

Э д и п

(телохранителям)

Вы, пастуха скорей ведите!

(И о к а с т е)

Ты же

¹⁰⁷⁰ Любуйся вволю знатностью своей!

И о к а с т а

О горе, горе! О злосчастный — это

Тебе последний мой привет; прости!

(Уходит во дворец.)

К о р и ф е й

Смотри, Эдип, в каком ужасном горе
Твоя жена умчалась! Я боюсь,
Ее молчанье бурей разрешится.

Э д и п

Пусть разрешается чем хочет! Я же
Свой корень — как ни скромн он — хочу
Увидеть. Страх ее и мне понятен:
В ее гордыне женской стыдно ей,
Что я могу безродным оказаться.
1080 Я — сын Судьбы! от матери своей —
Она добра ко мне была — позора
Я не приму. А родичи мои —
Их Месяцами вы зовете — малым
Меня найдя, поставили великим.
Таким я стал; иным мне не бывать;
Итак, мой род — долой с тебя завесу!

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Х о р

Строфа

Если я впрямь прорицатель,
Если верен вещей ум, —
О Киферон! Ты услышишь
Крик и шум в своих ущельях
1090 Завтра в полнолуние:
Будем тебя мы, Эдипа
Кряж родной,
Величать отцом, кормильцем,
Песней-пляскою восславим,
Что фиванскому царству
Ты принес отраду.
А ты, Аполлон-исцелитель,
Ниспошли нам милость!

Антистрофа

Кто тебе мать, кто, малютка,
В сонме вечно юных дев?
1100 Горного ль Пана подруга,
Иль избранница младая
Феба-властелина?

Он навещает любовно
 Склоны гор!
 Иль Гермесу на Киллене,
 Иль владыке Дионису
 В дар принесла тебя нимфа
 Там, на горных высях,
 Где он с геликонскими нимфами
 Водит хороводы?

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Показывается *старый пастух Лаия*, ведомый слугами *Эдипа*.

Эдип

¹¹¹⁰ В лицо его не знаю, но уверен,
 Друзья мои, что это он, пастух,
 Тот самый, за которым мы послали.
 Он очень стар, он впрямь гонцу ровесник;
 К тому же в спутниках его как будто
 Своих рабов я узнаю. Но вам
 Скорей судить возможно: ведь и раньше
 Вам был знаком тот Лаиев пастух.

Корифей

Ты не ошибся, это он. Был верен
 Царю он так, как только может раб.

Эдип

(*Вестнику*)

¹¹²⁰ К тебе, коринфянин, вопрос мой первый:
 О нем ли говорил ты?

Вестник

Да, о нем.

Эдип

(*Пастуху*)

Теперь, старик, смотри мне в очи прямо
 И прямо на вопросы отвечай.
 Скажи мне: был ты Лаия рабом?

Пастух

Да, но не купленным: я в доме вырос.

Эдип

И чем ему служил ты? Чем кормился?

Пастух

Почти всегда к стадам приставлен был.

Э д и н

Где ж ты их пас? В каких местах бродил ты?

П а с т у х

На Кифероне или по соседству.

Э д и н

Ты с этим мужем уж встречался в жизни?

П а с т у х

О ком ты говоришь? И что он делал?

Э д и н

1180 О том, кто пред тобой. Ты с ним знаком?

П а с т у х

Дай посмотреть... нет, государь, не помню.

В е с т н и к

Куда ему! но все же, государь,
Заставлю я его припомнить ясно,
Хоть он и не узнал меня.

(П а с т у х у)

Забыл ты,

Как там, на Кифероне мы сходились?
Ты двух был стад надсмотрщиком, а я
Лишь одного. И вот, три года сряду
Мы полное там лето проводили
Вплоть до Арктура. А на зиму мы
Домой спускались — я к своей избушке,
А ты к родному Лаия двору.

1140 Что ж скажешь? Правду я тебе напомнил?

П а с т у х

Да. Только было это так давно!

В е с т н и к

Теперь припомни: не давал ли ты
Младенца мне в те дни на воспитанье?

П а с т у х

К чему об этом спрашивать теперь?

В е с т н и к

А вот к чему: младенец этот — вот он!

П а с т у х

Да будет проклят твой язык! Молчи!

Эдип

Ты не брани его, старик! Внушенья
Не он достоин, а скорей ты сам!

Пастух

В чем я виновен, государь любимый?

Эдип

¹¹⁶⁰ Ты о младенце отвечать не хочешь!

Пастух

И отвечать мне нечего: он лжет!

Эдип

Не хочешь честью, так заставят силой.

Пастух

О государь, не мучь меня: я стар!

Эдип

(телохранителям)

Скрутите руки за спиной ему!

Пастух

Зачем, несчастный! Что ты хочешь знать?

Эдип

Ты дал ему младенца, или нет?

Пастух

Дал. Лучше б смерть я принял в ту минуту!

Эдип

Ее ты примешь, коль не скажешь правды!

Пастух

А коль скажу — приму ее подавно.

Эдип

¹¹⁶⁰ Ты вновь уверток ищешь, мнится мне?

Пастух

Да нет; сказал ведь, что младенца дал.

Эдип

А чей был он? Твой сын? Иль сын — другого?

Пастух

Не мой, не мой; его — другой мне дал.

Эдип

Кто он? Фиванец? Имя, род скажи!

П а с т у х

О государь, молю тебя, довольно!

Э д и п

Погиб ты, если повторю вопрос!

П а с т у х

Здесь, в этом доме жил его отец.

Э д и п

Кем был? Рабом? Иль ...родственник царю?

П а с т у х

Вот ужас, вот! и мне о нем сказать!

Э д и п

1170 А мне — услышать. Пусть же я услышу!

П а с т у х

То был, как говорили, сын царя.

А прочее тебе жена доскажет.

Э д и п

Она тебе дала младенца?

П а с т у х

Да!

Э д и п

И для чего дала?

П а с т у х

На истребленье.

Э д и п

Свое дитя?

П а с т у х

Из страха злых пророчеств!

Э д и п

Каких?

П а с т у х

Чтоб он не стал отцеубийцей.

Э д и п

А ты зачем меня другому отдал?

П а с т у х

Мне стало жаль тебя, и я подумал:

Пусть на чужбину отнесет! А он

На горе страшное тебя сберег...

1180 И если ты — тот брошенный младенец,
То знай — себе на горе ты рожден!

Э д и п

Свершилось все, раскрылось до конца!
О свет! В последний раз тебя я вижу:
Нечестием мое рождение было,
Нечестьем — подвиг и нечестьем — брак!

Э д и п поспешно уходит во дворец.
В е с т н и к и *п а с т у х* расходятся в разные стороны.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Х о р

Строфа I

Горе, смертные роды, вам!
Сколь ничтожно в глазах моих
Вашей жизни величье!
Кто меж нас у владык судьбы
1190 Счастья большую долю взял,
Чем настолько, чтоб раз блеснуть
И, блеснувши, угаснуть?
Твой наукою жребий мне,
Твой, несчастный, Эдип, пример:
От блаженства грядущих дней
Уж не жду ничего я.

Антистрофа I

Ты уметил стрелою в цель,
Ты стяжал себе лучший дар,
Счастья дар без изъяна.
Ты — о Зевс! — сокрушил в те дни
Вещей девы жестокий пыл;
1200 Ты несчастной стране моей
Стал от смерти оплотом.
С той поры ты царем слывешь,
Ты венец у людей стяжал
Высшей чести — великих Фив
Многославный владыка!

Строфа II

А ныне кто злополучней меж людей?
Где больше мук? Резче смена жизни где?
Где горше помрачился ум?
О, царь, славный средь царей, Эдип!
Терем ждал тебя —
Терем страшных нег;

1210 В нем отец и сын
 От одних пылали уст!
 Боги! могла ли столько лет
 Нива отца тебя терпеть —
 Молча терпеть ужас несказанный!
Антистрофа II
 Но Время все знало, и раскрыло все:
 Предстал пред ним тот, кому и брак не в брак,
 И кем рожден, от той родил:
 То ты, Лаев потомок, ты!
 Лучше б, лучше б мне
 Не видать тебя;
 Погребальный стон
 1220 С уст моих готов слететь.
 Правду скажу я: ты мне дал
 Дух утомленный перевести,
 И ты же вновь тьмой покрыл мне очи!

ЭКСОД

Из дворца выходит *домочадец Эдипа*.

Домочадец

Земли фиванской славные вельможи,
 О, сколько ужасов узнать, увидеть
 Вам предстоит! Какое горе вам
 Покроет душу, если дому Кадма
 Наследственную верность вы храните!
 О, если б Истр и Фасис, волны слив,
 Струей могучей Фивы затопили —
 Им все ж не смыть неслышанную скверну,
 Что этот дом таит — еще таит,
 Но вскоре обнаружит; скверну бедствий
 1230 И вольных и невольных; но душе
 Больше добровольное страданье.

Корифей

Скорбели мы о том, что знали раньше, —
 Что нового прибавить можешь ты?

Домочадец

Быстрейшая для речи весть — погибла
 Великая царица Иокаста!

Корифей

Несчастная! Что ж в гроб ее свело?

Домочадец

Своя рука. Лишь тот, кто видел дело,
 Его всю горечь в сердце испытал;
 Но все ж, поскольку память мне подвластна,
 1240 Страдалицы вам участь расскажу.
 Вы помните, как в исступленье горя
 Она умчалась. Из сеней она
 В свой брачный терем бросилась, руками
 Вцепившись в волосы свои. А там
 Она, замкнувши двери, воззвала
 Кю Лаию, погибшему давно,
 Коря его: «Ты помнишь ли той ночи
 Старинной тайну? В ней ты сам себе
 Родил убийцу, а меня, супругу,
 На службу мерзкого деторожденья
 Своей же плоти горестной обрек!»
 Она и одр свой проклинала: «Ты мне
 1250 От мужа — мужа, и детей от сына
 Родить судил!» И вслед за тем — конец.
 Но как она покончила — не знаю.
 Раздался крик — в чертог Эдип ворвался —
 Не до нее тут было. Все за ним
 Следили мы. Метался он повсюду.
 «Меч! Дайте меч мне!» Так взывал он к нам.
 То снова: «Где жена моя, скажите...
 Нет! Не жена — перст нивы материнской,
 Двойной посев принявшей — и меня,
 И от меня детей моих зародыш!»
 Тут, в исступления грозе, сам бог —
 Не мы, конечно, — в терем оскверненный
 Его направил. Страшно вскрикнул он
 1260 И, точно силой неземной ведомый,
 На дверь закрытую нагрянул, ось
 Из гнезд глубоких вырвал — и вломился
 Во внутрь покоя. Мы за ним. И вот
 Мы видим — на крюке висит царица,
 Еще качаясь в роковой петле.
 Стоит он, смотрит — вдруг с рыданьем диким
 Ее хватает и с петли всячей
 Снимает бережно. Вот на земле
 Лежит несчастная. Тогда — ах, нет!
 Ужасное свершилось тогда!
 Эдип срывает пряжку золотую,
 Что на плече ей стягивала ризу,
 И, вверх поднявши острую иглу,
 1270 Ее в очей зеницы погружает.

«Вот вам! Вот вам! Не видеть вам отныне
 Тех ужасов, что вынес я, — и тех,
 Что сам свершил. Отсель в кромешном мраке
 Пусть видятся вам те, чей вид запрещен,
 А тех, кто вам нужны, — не узнавайте!»
 С такими причитаньями не раз он,
 А много раз, приподнимая вежды,
 Колол глаза. Кровавые зрачки
 Не редкой каплей темно-бурой влаги,
 А черным градом истекая, лик
 И бороду страдальца орошали.

1280 Так бедствие двойное прорвалось
 В двойном деянии — жены и мужа.
 То счастье древнее — ах, древле было
 Оно по правде счастьем. А теперь
 Царит в чертоге этом грех, стенанье,
 Позор, погибель — все, чем только зло
 Речь наша нарекла — все в нем найдешь.

К о р и ф е й

Что ж ныне он? Слабеет натиск мук?

Д о м о ч а д е ц

Он требует, чтоб двери мы открыли,
 Чтоб показали Кадмову народу
 Того, что пролил кровь отца, а мать
 Свою — ужасных слов не повторить мне.
 1290 Покинуть хочет он и дом и землю,
 Проклятию послушный своему.
 Все ж без опоры, без проводника
 Не обойтись ему: невыносимы
 Его терзанья. Сам ты убедисься.
 Уже скрипят дверей дворцовых створы.
 Ах, зрелище увидишь ты — такое,
 Что жалость может и врагу внушить

Д о м о ч а д е ц уходит.

На пороге дворца появляется ослепивший себя Эдип.

К о р и ф е й

О ужасное дело! ужаснее всех,
 Что когда-либо жизнь омрачили мою!
 1300 Что за ярость, несчастный, постигла тебя?
 Что за дух кровожадный из адских глубин
 Устремился и прынул тяжелым прыжком
 На твою горемычную долю?
 О несчастный, несчастный! Хотелось бы мне
 И спросить и узнать и подумать с тобой —

Не могу, не могу! Не выносит мой взор
Этой страшной, зияющей раны!

Эдип

Я несчастный, несчастный... В какие места,
О мой демон, завел ты меня? И зачем
1310 Вдруг рассеялся стон мой в воздушных волнах?
О куда ты завел меня, демон!

Корифей

В невиданный, неслыханный позор!

КОММОС

Строфа I

Эдип

О мрак! О мрак!
Муть ужасная, несказанная,
Тьма проклятая, непроглядная!
О горе!

И снова горе! Боль терзает плоть,
Терзает душу память лютых дел.

Корифей

В таком страданье нам понятен натиск
1320 Двойной кручины и двойных стенок.

Антистрофа I

Эдип

О друг мой, друг!
Ты один из всех верность мне хранишь;
Да, тебе слепца не противен вид.

О горе!

Хоть я и темный — речи до меня
Донесся звук, и я тебя узнал.

Корифей

Как ты дерзнул луч света погасить
В своих очах? Иль бог тебя подвигнул?

Строфа II

Эдип

Аполлон то был, Аполлон, друзья!
1330 Он делам моим злой исход послал.
Но их своей рукой я вырвал — без сторонних сил.
Света дар — к чему?

Что мог отрадного увидеть я?

Корифей

Свершилось так, как ты сказал.

Э д и п

Куда глядеть стал бы я,
 С кем любовно речь вести,
 Чьему привету отвечать, друзья?
 1340 Ах, отправьте вдаль поскорей меня!
 Я погибелью над землей навис,
 Проклял сам себя и богам родным
 Ненавистен стал!

К о р и ф е й

Так мудр ты, царь,— и так сражен несчастьем;
 Ах, было б лучше нам не знать тебя!

*Антистрофа II**Э д и п*

О, да сгинет он, он, что с ног моих
 Снял оков позор, он, что жизнь мою
 1350 В те дни из пасти смерти вырвал — нет любви ему!
 Смерть спасла б меня,
 Спасла б друзей моих от стольких бед!

К о р и ф е й

И нам бы легче было так.

Э д и п

Исторг бы я жизнь отца?
 Слыл бы я в речах людей
 Супругом той, что родила меня?
 1360 Богом проклят я: мать я осквернил,
 Стал соложником своего отца!
 Есть ли на земле зло превыше зла —
 Все стяжал Эдип!

К о р и ф е й

Нет, не пойму я твоего решенья;
 Уж лучше смерть, чем жизнь влачить слепцом!

Э д и п

Мое решенье? Нет, оставь советы,
 1370 Оставь упреки: лучше не найти!
 Скажи, какими б я дерзнул очами
 Взглянуть на Лаия среди теней,
 Взглянуть на мать несчастную... пред ними
 Я так виновен, что вины своей
 И тысячью смертей не искупил бы.
 Иль скажешь ты, что вид детей отраден
 Был для меня — в таком рожденных браке?
 Нет, нет, навеки взор для них закрыт.

Иль город наш, иль кремль, иль божьи храмы,
 Иль светлые кумиры... Ах, пред вами
 1380 Фиванец истый, гражданин меж граждан —
 И я всего, всего себя лишил!
 Я сам сказал, чтоб все меня вы гнали,
 Меня, безбожника и нечестивца,
 Меня, что род свой осквернил грехом,—
 И я, бесчестьем сам себя обрекший,
 Дерзнул бы взор на Фивы свой поднять?
 Нет, нет! Мне жаль, что не могу и слуха
 В ушах своих родник засыпать я;
 Тогда бы тело жалкое свое
 Я отовсюду оградил; я был бы
 И слеп, и глух, и уж ничто б о горе
 1390 Напоминать мне не могло моем.
 О Киферон! Зачем меня ты принял,
 Зачем не мог, принявши, истребить,
 Чтоб тайной я для всех людей остался?
 О царь Полиб, о родины коринфской —
 Так думал я — старинный отчий дом!
 В какой красе меня вы воспитали —
 Злодея, порожденного во зле!
 О горный путь, о мрак укромной рощи,
 Где две дороги с третьею сошлись!
 Ты помнишь ли, ущельное распустье,
 1400 Как длань моя моею же крови влагой
 Из отчих жил дорогу напоила?
 Что делал я при вас и что потом?
 О свадьба, свадьба,— мой трофей победный!
 О ты, что родила меня — и снова
 От семени рождала моего!
 Стал братом сын родителю, и мать
 Женою сыну — большего позора
 Не мог бы и придумать человек!
 Но будет, будет! Гнусные деянья
 Не должно в ризу речи облекать.
 1410 Богами заклинаю вас: скорее
 Меня ушлите за предел страны,
 Иль в море бросьте, иль в могиле скройте,
 Чтоб ваших взоров не смущал мой вид.
 Решитесь к мужу бедствий прикоснуться,
 Не бойтесь скверны: зол моих из смертных,
 Опричь меня, не вынесет никто.

К о р и ф е й

Креонт отныне страж земли фиванской
 Взамен тебя; и словом он и делом

Тебе ответить властен. Он идет!

Входит *Креонт*.

Эдип

Идет! О боги! Что ему скажу я?
 1420 Как убедить его теперь сумею,
 Я, что его так гнусно оскорбил?

Креонт

Эдип, не бойся; без злорадства в сердце
 Пришел я, без упрёка на устах.
 Но вы, о люди! Если смертных род
 Вам не внушает уваженья — Солнца,
 Властителя, всезидущее пламя
 Почтить должны вы — и такой заразой
 Не осквернять нетленной чистоты.
 Ее не примет ни земля сырая,
 Ни дождь священный, ни небесный свет.

(*Прислужникам*)

Скорее в дом страдальца отведите:
 1430 Лишь ближний вправе видеть муки ближних.

Эдип

Молю богами! Ты, великодушно
 Избавивший негодного от страха,
 Одну еще мне службу сослужи!
 Не о себе я — о тебе радею.

Креонт

Какой же службы ждешь ты от меня?

Эдип

Из этих мест отправь меня в изгнание,
 Где не видать и не слышать людей.

Креонт

Отказа нет, но должен я сначала
 Узнать, как бог судьбу твою решил.

Эдип

1440 Его решение нам известно: смертью
 Отцеубийцу, грешника сгубить.

Креонт

Так он сказал; но в положение новом
 Вновь спросить его нам долг велит.

Эдип

О нечестивце вопрошать ты будешь?

Креонт

И ты с ответом бога согласишься.

Эдип

Пусть будет так. Но вот еще наказ.
Там, в доме... сам ведь знаешь. Но ее ты
Земле предашь по своему решению:
Она — твоя, твой долг ее почтить.
Но я ведь — жив. О, не дозволю, чтоб город
Родимый наш был жителя такого
1450 Прикосновеньем осквернен. Отправь
Меня в пустыню, где главу возвысил
Мой Киферон. Законною могилой
Он от отца и матери мне дан:
Пусть волю их исполнит смерть моя.
А впрочем, нет: не истребит Эдипа
Ни голод, ни болезнь. Уж коль тогда я
От верной смерти спасся — знать, исход
Неслыханный мне бережет судьба.
Но будь, что будет; я всему покорен.

Теперь — о детях. Сыновей, Креонт,
Твоей заботе поручать не нужно:
1460 Они — мужчины; сами жизнь себе
И без улыбки ласки завоюют.
Но девочек мне жаль, сирот несчастных.
Досель ни разу с яствами трапеза
Им без меня не ставилась; во всем,
Что я вкушал, удел и им давался.
Их приголубь. О, если можно, дай мне
К ним прикоснуться, их слезой согреть.

О брат мой!
О благородный! Раз один обнять
Дозволь мне дочек — и в мечте забыться,
Что все по-прежнему они мои,
1470 Как в ту пору, когда их видел взор мой.

На пороге дворца появляются *Антигона* и *Исмена*,
сопровождаемые прислужницей.

Что это?

О, ради бога! Плач их слышу я,
Моих голубок! Сжалился Креонт,
Прислал любимиц мне моих! Ведь правда?

Креонт

Да, правда. Знал я, чем тебя утешить,
Чего так страстно жаждал ты душой.

Эдип

Будь счастлив, друг, и пусть тебя за ласку

- Не мой хранитель-демон бережет.
 1480 О дети, где вы? Братских рук моих
 Вы не чуждайтесь. Правда, эти руки
 Недружелюбно с ясными очами
 Расправились того, кто вас родил...
 Родил от той, что родила его,
 И этого не видел и не ведал!
 Жалею вас... той мыслию, что реет
 За раной глаз невидящих: какую
 Вам от людей жить жизнью суждено!
 Ах, не для вас собранья у соседей,
 1490 Взамен веселья с празднеств вы вернетесь
 С унылой мглой в заплаканных очах.
 Настанет час, наступит время брака —
 Кто вас возьмет? Кто презрит мрак позора,
 Что вас покрыл, и род ваш, и меня?
 Чего в нем нет! Отца убил отец ваш,
 Мать опорочил, из родного лона
 На свет вас вывел, вас детей своих!
 1500 Вот ваша слава; кто же вас возьмет?
 Нет, не надейтесь; будете вы вянуть
 Безбрачные, бездетные, одни.
 Сын Менекея! Ты один у них
 Отцом остался — мы, что их родили,
 Погибли оба. О, не покидай
 Их в нищете, безбрачных и безродных,
 Не дай сравняться горю их с моим.
 Нет, пожалей их — молоды они,
 И ты один опорой им остался.
 1510 О друг! Кивни главой и дай мне руку.

Креонт подает ему руку.

Спасибо. Вам же, дети — если б ум ваш
 Уже созрел — я б много дал заветов.
 Теперь лишь об одном богов молитесь:
 Да будет ласков жребий ваш — да будет
 Он легче доли вашего отца!

Креонт

Уж полна стенований мера; во дворец со мной иди.

Эдип

Как ни грустно,— повинуюсь.

Креонт

Все, что в пору, хорошо.

Эдип

Но условие дай поставить.

Креонт
Укажи его, Эдип.

Эдип

Изгони меня скорее.

Креонт
Это — бога дар, не мой.

Эдип

Богу стал я ненавистен.

Креонт
Тем скорей получишь дар.

Эдип

1520 Ты решил?

Креонт
Я слов не трачу попустому; да, решил.

Эдип

Что ж, вели меня отправить.

Креонт
Да, иди, детей оставь.

Эдип

О молю, не отнимай их!

Креонт
Всем владеть ты не хоти:

И того не мог сберечь ты, что своим при жизни звал.

Уводит *Эдипа* во дворец;
за ними уходят *Антигона* и *Исмена*.

Корифей

О сыны земли фиванской! Вот, глядите — вот Эдип,
Он, загадки разгадавший, он, прославленный царь; —
Кто судьбе его из граждан не завидовал тогда?

А теперь он в бездну горя ввергнут тою же судьбой.
Жди же, смертный, в каждой жизни завершающего дня;

Не считай счастливым мужа под улыбкой божества

1530 Раньше, чем стопой безбольной рубежа коснется он.

Хор покидает оркестру.

ЭДИП В КОЛОНЕ

Действующие лица

<i>Эдип, некогда царь Фив, слепец-изгнанник</i>	<i>Фесей, афинский царь</i>
<i>Антигона</i>	<i>Страж в Колоне</i>
<i>Исмения</i>	<i>Вестник</i>
<i>Полиник</i>	<i>Хор аттических старцев</i>
<i>Креонт, фиванский царь, шурин Эдипа</i>	<i>Без слов: свита Фесея, свита Креонта</i>

*Действие происходит близ священной рощи в Колоне,
предместье Афин. Вдали виден афинский акрополь.*

ПРОЛОГ

На дороге, ведущей извне, появляются *Эдип*
и сопровождающая его *Антигона*.

Эдип

Дитя слепого старца, Антигона,
Куда пришли мы? Как зовут страну?
Кто в ней живет? Кто бедному скитальцу
Предложит скудный милостыни дар?
Ах, о немногом просит он — и меньше
Немногого ему дают — и этим
Доволен он. Довольству научили
Его и горести, и долгий век,
И прирожденный благородства дух.
Итак, дитя, сиденье поищи мне
¹⁰ В мирском ли месте, иль в святой ограде.
Узнать пора, куда с тобой пришли.
Мы странники; что граждане прикажут,
Тому должны мы следовать, дитя.

Антигона

Отец-страдалец, городские стены
 Еще не близко — если глаз меня
 Не обманул. А место здесь святое:
 Все виноградом поросло оно,
 Маслиной, лавром; рокот соловьиный
 Повсюду льется в зелени ветвей.
 Но вот сиденье из живого камня;
 Согни ж колени; старческой стою
²⁰ Измерил путь ты долгий, мой отец.

Эдип

Изволь, присяду; помоги ж слепому!

Антигона

Мне не учиться стать; не в первый раз!
 Усаживает отца на камень, находящийся в пределах рощи.

Эдип

Куда ж зашли мы? Можешь мне сказать?

Антигона

Афины узнаю я, местность — нет.

Эдип

Да, так нам каждый встречный говорил.

Антигона

Но эта местность — расспросить велишь?

Эдип

Да, расспроси, коль жителей в ней видишь.

Антигона

Как им не быть! — Но и ходить не надо:
 Какой-то путник к нам направил шаг.

Эдип

³⁰ К нам, подлинно? Уж близко подошел он?
 Со стороны города приближается колонский Страж.

Антигона

Он пред тобою; если что надумал
 Ему сказать ты — смело говори.

Эдип

Услышав, чужестранец, от нее,
 Чьи очи видят за обоих нас,
 Что в добрый час ты к нам направлен богом
 Недоуменье наше разрешить...

Страж

Об этом после; ты же рощу эту
Оставь: не место здесь стопе твоей!

Эдип

Она — святая? Кто ж владеет ею?

Страж

Земли и Мрака грозные исчадья,
40 Никто иной да не войдет сюда.

Эдип

Но как наречь, молясь, святых богинь?

Страж

Их Евменидами зовет народ наш
Всезрящими; но у других людей
И имена пристойны им другие.

Эдип

О да не минут милостью своей
Просителя святые Евмениды!
Из рощи их я боле не уйду.

Страж

Что это?

Эдип

Знаменье судьбы моей.

Страж

Послушай, странник. Без народной воли
Тебя изгнать отсюда не дерзну я;
Но доложить я должен о тебе.

Эдип

О ради бога, не презри скитальца!
50 Открой мне все, что знать мне надлежит.

Страж

Что ж, спрашивай; я отвечать согласен.

Эдип

В какую местность привели нас боги?

Страж

Что сам я знаю, все скажу тебе.
Вся эта местность благодатью дышит;
Ее владыка — Посидон святой.
Здесь чествуют и бога-огненосца,

Титана Прометея; место ж это,
 Что простирается у ног твоих,
 У нас зовется «медный праг земли»: —
 Оплотом создан он Афинам нашим.
 В соседстве — стогны; здесь Колон-наездник —
 60 Вот этот самый — пращуром слывет.
 Его же именем почтенным всех мы
 Собща селян привыкли величать.
 Такой наш край, прославленный не в сказах,
 А в нашей всенародной вере, гость.

Э д и п

Так эту местность населяют люди?

С т р а ж

Конечно: соименники Колона.

Э д и п

Кто ж правит ими? Иль в народе сила?

С т р а ж

Царю афинскому они подвластны.

Э д и п

Совета вождь и лютой брани — кто он?

С т р а ж

Покойного Эгея сын — Фесей.

Э д и п

70 К нему гонца могли бы вы отправить?

С т р а ж

Весть передать? Или сюда позвать?

Э д и п

За малый труд снискать большую прибыль.

С т р а ж

Какая ж прибыль от слепого старца?

Э д и п

Не бойся: зрячей будет речь моя.

С т р а ж

Ты благороден, мнится, чужеземец,
 Хоть и печальной доле обречен;
 Послушай же меня, и будет лучше.
 Здесь оставайся, где тебя я встретил;
 Я ж о твоём приходе доложу
 Селянам только — горожан не надо.

Они решат, как быть тебе — остаться
 80 Почтенным гостем, иль покинуть край.

Уходит в сторону Колона.

Эдип

Дитя мое, ушел ли чужеземец?

Антигона

Да, мой отец; спокойно говори
 Все, что желаешь: мы одни с тобою.

Эдип

(Обращаясь в сторону рощи)

О рой могучих, грозноликих дев!
 У вас впервые я согнул колени,
 Пройдя рубеж аттической земли;
 Явите ж милость Фебу, милость мне.
 Он сам в тот день неслыханных гаданий
 От долгих мук мне отдых предвещал.
 «В предельный край, — так молвил он, — придешь ты.
 90 Богинь Почтенных утомленный гость;
 Там склон настанет горемычной жизни,
 И будешь ты приявшим — благодостыней,
 Изгнавшим же — нещадною грозой.
 А знаменьем признаешь необманном
 Земли внезапный трепет, грома гул
 Иль пламень ясный Зевсовой зарницы.
 Я знаю, вашей волею влекомый,
 Нашел я к роще вашей верный путь.
 Недаром первыми я встретил вас,
 100 Я, трезвый, вас, бесхмельных сотрапезниц,
 И камень ваш, не тронутый булатом,
 Сиденьем первым труженику стал.
 Итак, богини, ниспошлите мне
 Во исполненье Фебовых обетов
 Судьбы земной предел и завершенье,
 Коль стал достоин милости я вашей,
 Испив до дна страдания фиал.
 Внемлите, дочери изначальной Тьмы!
 Внемли, Паллады град непобедимый,
 Столица славы, древние Афины!
 Пред вами тень несчастного Эдипа:
 110 О сжальтесь же! Не тот уж я, что был...

Антигона

Умолкни! Старцев шествие я вижу:
 Тебя, знать, ищет их тревожный взор.

Эдип

Я умолкаю. Отведи с дороги
 Меня подальше в рощу. Знать я должен
 Их замыслы; лишь в знании для смертных
 Благоуспешной мудрости залог.

Оба скрываются в роще.

ПАРОД

Со стороны Колона появляется хор аттических старцев.

Строфа I

Хор

Смотри! Его нет... Где же он?
 Уж не покинул ли рощу, след скрывая,
 120 Пришелец, не знавший удержу!
 Исследуй все вокруг,
 Повсюду взор мечи!
 С чужбины, с чужбины этот старец в наш
 Край прибрел: не дерзнул бы он
 Так своей осквернить стопой
 Рощу сильных, суровых дев...
 Их мы назвать дрожим.
 130 Да, без оглядки мы проходим
 Мимо, робкой молитвы вздох
 Им мы голосом тихим шлем.
 И что ж? Их оскорбил скиталец
 Без стыда, без страха!
 И напрасно кругом озираемся мы
 По ограде святой:
 Ускользнул он от нашего взора.

Эдип с Антигоной показываются на опушке рощи.

Эдип

Это я, тот скиталец: по голосу вас
 140 Я, селяне, узнал.

Корифей

Это ты! Это ты!
 Неприветлив твой образ, нерадостен глас.

Эдип

Не должны вы меня нечестивцем считать.

Корифей

О защитник наш Зевс! Кто пред нами стоит?

Эдип

Перед вами — несчастный, жестокой судьбе
Обреченный, старейшины этой земли!
Я чужими глазами свой путь нахожу:
Посмотрите, бреду,
Большой, за малою следом!

Антистрофа I

Хор

О да! Твоих глаз свет потух.
150 С детства ли был ты незряч в своей дороге
Столь долгой и столь бедственной?
Но не прибавь к беде
Проклятий божества!
Зашел ты, зашел ты далеко за грань:
Берегись заповедных мест,
Где в кратиру воды святой
Сладкий ярого меда сок
160 Жертвой благой течет:
Их берегись, несчастный путник,
Отстранись, удались, уйди —
Ты стоишь далеко от нас —
Слышишь речь мою, горький странник?
Из запретной чащи
Уходи! Если хочешь мне дело сказать —
Из дозволенных мест
Говори, а дотоле — ни слова!

Эдип

170 Что велишь ты мне делать, родная моя?

Антигона

Мой отец, волю граждан почитать мы должвы,
Уступая, где надо, и слушаясь их.

Эдип

Прикоснись же ко мне.

Антигона

Дай мне руку, отец.

Эдип

Чужестранцы! Не будет вреда мне от вас,
Если сень я покину, доверившись вам?

Строфа II

Хор

Никто против воли твоей не посмеет
Увести тебя, старец, отсюда.

Эдип, ведомый Антигоной,
медленно приближается к хору.

Эдип

Сюда?

Хор

Дальше, старец, дальше!

Эдип

180 А теперь?

Хор

Дальше, дальше, дева!

Ты разве меня не слышишь?

.....

Антигона

Слабой поступью, не спеша,
Следуй дальше, отец, за мной.

.....

Хор

Помни, странник: в земле чужой
Воля граждан — тебе завет:

Что им любо — воздай почет.

Что не любо — чуждайся!

Эдип

Так веди меня, дочь,

Чтобы, местную веру смиренно почтив,

190 Мог я слово сказать и услышать ответ.

С неизбежностью нам ли бороться?

Антистрофа II

Хор

Дошел ты до края земли каменистой,
Оставаться здесь можешь без страха.

Эдип

Вот здесь?

Хор

Я сказал: довольно!

Эдип

Можно сесть?

Хор

Да, на камень, сбоку
Он низок; согни колено!

Антигона

Это мне предоставь, отец...

Эдип

Ох, тяжело, тяжело!

Антигона

Шаг за шагом со мной иди.
200 Силе любящих рук доверь
Тела старого слабый вес.

Эдип

Слепая, жестокая доля!
(*Опускается на камень*)

Хор

Здесь, несчастный, спокойно вздохни
И ответствуй: откуда ты?
Что за горе тебя ведет?
Кто ты, откуда родом?

Эпод

Эдип

Я изгнанник, друзья! Не пытайтесь...

Хор

К чему запрет, скиталец, твой?

Эдип

210 Не пытайся узнать, кто я!
Нет, прекрати расспросы!

Хор

Почему?

Эдип

Страшен род мой!

Хор

Молви!

Эдип

(*Антигоне*)

О дитя! Что мне делать?

Хор

Ты какого семени сев?
Кем рожден? Говори, пришлец!

Эдип

Страшно, родимая, мне! Что мне сказать?

Хор

До предела дошел ты; признайся!

Эдип

Да, мне признаться пора; правды не скрыты!

Хор

Слишком долго вы медлите; молви!

Эдип

220 Ведом вам Лаия сын?

Хор

Увы!

Эдип

Род Лабдакидов?

Хор

О боги!

Эдип

Ведом несчастный Эдип?

Хор

Так это ты?

Эдип

Не пугайтесь же этого слова!

Хор

Горе, горе!

Эдип

Горе мне!

Хор

Горе!

Эдип

Моя дочь, что случилось со мною?

Хор

Уходите из нашего края!

Эдип

Вы не то обещали мне, старцы.

Хор

Нет от богов рокового возмездия

Тем, кто обиды карает обидами;

220 Тщетно к обману обман прибавляешь ты:

Им не добро, а лишь боль порождается.

Нет, нашу землю покинуть обязан ты,
Прочь уходи от предела священного,
Чтоб не обрушилась
Божья на город кара!

Антигона

Где же ваша кротость, друзья?
Старца вид почтенный
Вам противен стал
В миг, что напомнил вам
240 Весть о делах его невольных,
Дайте же мне умолить вас, безрадостной;
Хоть надо мной сжальтесь вы!
Я за отца вас прошу горемычного,
Я; не слепыми встречаю глазами я
Взор ваших глаз, точно племени вашего
Отпрыск; о сжальтесь над долей несчастного!
Как перед богом, пред вами предстали мы.
Сирых обрадуйте: радость неожиданную
Нам подарите.
260 Всем, что вам дорого, вас заклинаю я,
Чадом, женою, именем, богом, —
Сжальтесь! Не встретить под солнцем вам смертного,
Кто б мог богов ниспровергнуть волю.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Корифей

Верь, дочь Эдипа: и тебя нам жаль,
И об его мучениях скорбим мы.
Но гнев богов нам страшен; ради них —
Мы не изменим прежнего решенья.

Эдип

Когда поток струится праздной славы
В устах людей, какая польза в нем?
260 Благочестивы, слышал я, Афины
Превыше всех; лишь в них гонимый странник
Найдет надежный, ласковый приют.
Что ж? Оправдалась ли на мне их слава?
Не вы ли из священного приюта
Меня подняв, изгнать хотите вон?
Чего боитесь? Имени пустого!
Иль образ мой смутил вас? Нет, не он;
Свои ж деянья, если молвить правду,
Я претерпел скорее, чем свершил.

Отца проклятье, матери проклятье —
 Они пугают вас, ведь так? Но где же
 270 Моя порочность тут сказалась, где?
 На зло ответил злом я; будь я даже
 В сознание полною — и тогда б вины
 Тут не было. Но нет: когда я пал —
 Я пал в неведенье; а кто казнил —
 Те ведали, кого они губили.

О взвесьте все, богами вас молю!
 Принудив кров покинуть благодатный,
 Нас не оставьте помощью своей.
 Негоже из почтения к блаженным
 Святые их заветы попирашь.
 Нет, верьте, старцы: видит божий глаз
 280 И благочестье смертных, и нечестье,
 И нет злодеям от него спасенья.
 Не омрачайте ж родины счастливой
 В богопротивном рвении своем.
 Просителю залог спасенья давши,
 Храните верность до конца ему.

Я знаю сам, нерадостен мой вид —
 И все ж страшиться вам меня не должно:
 Я освящен и просветлен страданьем,
 И счастлив будет мой приход для вас.
 290 Когда придет ваш царь — вы все поймете;
 Пока ж — терпите, не творите зла!

К о р и ф е й

Твои советы, старец, мне внушают
 Немалый страх: его в словах немногих
 Не выскажешь. Но мы согласны: дело
 Пускай решит державный царь Афин.

Э д и п

А где же ныне пребывает он?

К о р и ф е й

В отцовском граде правит он; тот страж,
 Что нас прислал, гонцом к нему умчался.

Э д и п

Как мните вы? Уважит он желанье
 300 Слепого старца? Выйдет он ко мне?

К о р и ф е й

Конечно, выйдет: имя привлечет.

Э д и п

Кто ж возвестит его царю афинян?

К о р и ф е й

Хоть путь не близок, но молва привыкла
Гонцов перегонять; ее услышав,
Царь будет здесь, не бойся. Все народы
Твое, бедняга, имя облетело.
Хотя б и спал он, вялостью объятый —
На твой призыв он быстро поспешит.

Э д и п

О, да придет он, городу на благо
И мне: глупец лишь сам себе не друг.

А н т и г о н а

(вглядываясь вдаль)

³¹⁰ О Зевс! Что вижу? Что сказать, отец мой?

Э д и п

Родная, Антигона, что случилось?

А н т и г о н а

Там — женщина к нам близится; везет
Ее этнейский конь. Ее чело
Убор дорожный фессалийский кроет,
От солнца защищая. Кто она?

Что мне сказать?

Ужель она? Иль нет? Иль заблуждаюсь?
То признаю, то нет; как быть, не знаю...

О боги!

³²⁰ Она, она! Улыбкою приветной
Ее глаза сияют; нет сомнения,
То он, возлюбленный Исмены лик!

Э д и п

Дитя, что молвишь?

А н т и г о н а

Дочь твою я вижу,
Мою сестру; по голосу узнаешь.

И с м е н а

Отец, сестра! О, нет имен дороже
Душе моей. Я с болью вас искала —
И с болью новою смотрю на вас.

Э д и п

Дитя, ты здесь?

И с м е н а

О зрелище печали!

Эдип

Ты к нам пришла?

Исмена

Пространствовав не мало.

Эдип

Дай руку, дочь!

Исмена

Даю ее обоим.

Эдип

³³⁰ О, дочери мои!

Исмена

О, сколько бедствий!

Эдип

Над ней и надо мной?

Исмена

И надо мной.

Эдип

С чем ты пришла?

Исмена

С заботой о тебе.

Эдип

Тоска томила?

Исмена

Да, и весть несу.

(указывая на сопровождающего ее слугу)

Помог мне он — в других угасла верность.

Эдип

А братья где? Чем заняты, скажи!

Исмена

Не спрашивай, ужасна участь их.

Эдип

Что это! Видно, у египтян нравам

Они учились и укладу жизни!

Там, говорят, мужчины в теремах

³⁴⁰ Сидят у кросен, жены ж той порою

Вне дома средства к жизни промышляют.

Так и у вас. Те, коим долг велит

Нести обузу трудовой заботы —

Как девы, нежатся в тени хором,
 И вместо них уход за горемычным
 Лежит на вас. Ты, друг мой Антигона,
 Едва подросши и окрепнув телом,
 Со мной повсюду спутницей несчастной
 Невзгоды старца делишь. Сколько лет
 Блуждаешь ты без пищи, босонога,
 В глуши лесной! Да, молодой главою
 350 Дождя удары, зной палящий солнца
 Ты выносила, ни во что не ставя
 Уют домашний, лишь бы от меня
 Нужды голодной отвратить страданья!
 А ты, Исмена, тайно от фиванцев
 И раньше вестницей гаданий Феба
 Ко мне ходила, верный страж отца,
 С тех пор как был я изгнан из отчизны.
 И ныне, дочь моя, какую весть мне
 Приносишь ты? Что привело тебя?
 Уж не с пустыми ты пришла руками
 360 Ко мне, я знаю; чует страх душа.

И с м е н а

О мой родитель, как томилась я,
 Следя пути твоих скитаний — это
 Оставляю я; к чему рассказом грустным
 Испытанное горе повторять?
 Твоих несчастных сыновей невзгоды
 Тебе пришла поведать я, отец.
 Сначала в рвенье праведном Креонту
 Они престол хотели уступить,
 Спасая град от пагубы старинной,
 370 Что твой несчастный обуяла род.
 Так разум им советовал. Но вскоре —
 По воле бога и в порыве духа
 Преступного — они в мятежном споре
 За царский ухватились венец.
 И вот, в отваге юношеской, младший
 Лишает власти старшего, в изгнанье
 Его ссылая. Тот в гористый Аргос —
 Так убеждает нас молва — идет.
 Там — новый брак, там — смелая дружина,
 380 И там — решение: покорить Кадмею
 Или погибнуть в славе до небес.
 Да, мой отец. Не слов лишь вереницы,
 Нет, дел грозу я принесла тебе;
 И как среди них твоим страданьям отдых
 Богов готовит милость — не пойму.

Эдип

С чего решила ты, что их заботы
Я стал достоин и спастись могу?

Исмена

Так новые пророчества вещают.

Эдип

Пророчества? Какие, дочь моя?

Исмена

Живой и мертвый станешь ты желанным
390 Залогом счастья гражданам навек.

Эдип

Но что за счастье дать могу я людям?

Исмена

В твоих руках победы дар для них.

Эдип

Теперь я муж, когда ничем уж стал я!

Исмена

Губили боги — и возносят боги.

Эдип

Низвергли юного — возносят старца!

Исмена

Так знай: пророчеств ради этих вскоре —
Уж близок час — Креонт сюда придет.

Эдип

В чем замысел его? Скажи мне, дочь!

Исмена

Ты будешь жить в земле, подвластной Фивам,
400 Но на фиванский не взойдешь порог.

Эдип

Какой же прок томиться у дверей?

Исмена

Твоя могила им была бы скверной.

Эдип

Не нужен бог, чтоб это понимать.

Исмена

Вот почему он хочет, чтобы ты
Жил рядом, но не сам себе хозяин.

Эдип

Но буду ль я покрыт землей родною?

Исмена

Нельзя, отец: ты кровь родную пролил.

Эдип

Тогда вовек им мною не владеть!

Исмена

Но им и это сбудется бедою.

Эдип

⁴¹⁰ Какой бедою? Почему, дитя?

Исмена

Твой гнев сразит их у твоей могилы.

Эдип

Откуда же пришли такие вести?

Исмена

Из Фебова чертога, от послов.

Эдип

Сам Феб меня вещанием почтил?

Исмена

Так говорят вернувшиеся мужи.

Эдип

А сыновья мои об этом знают?

Исмена

Обоим ведом Фебов приговор.

Эдип

О нечестивцы! Знали ведь — и все же
Милей отца престол им царский был!

Исмена

⁴²⁰ Мне больно слышать, но роптать не смею.

Эдип

О разгорись же, распря роковая!
О боги! Мне исход отдайте в руки
Грядущей битвы, поднятых мечей!
Тогда ни тот, кто ныне властью грозен,
Не сохранит ее, ни тот изгнанник
Своей отчизны не увидит вновь.
Да, горе им! Когда родитель их
Бесчестно из отечества был изгнан —

- Никто из них его не удержал,
 Не заступился, нет: детей раченьем
 Меня глашатай всенародно в Фивах
 430 Изгнанником безродным объявил!
- Не говори, что родина мне этим
 Желанный дар по праву поднесла!
 Да, было время: пыл души мятежный
 Мгновенной смерти жаждал; я готов
 Принять был гибель от меча иль камня —
 Но нет; никто той просьбы не исполнил!
 Прошли года; остыл душевный жар;
 Я понял, что раскаяньем безмерным
 Жесточе жизнь разрушил я свою,
 Чем юности моей грехом невольным.
- 440 И вот, тогда решеньем запоздалым.
 Меня народ насильственно изгнал,
 Они ж, родные дети, не хотели
 Помочь отцу и, слова не замолвив,
 Скитаньям горьким обрекли меня.
 Лишь эти девы помогают мне
 По мере сил своей природы женской;
 Их милостью и пищу я имею,
 И мой приют, и родственную помощь.
 А те отцу державу предпочли:
 Им любо властвовать, землю править...
- 450 Что ж, в добрый час! Но другом им не буду,
 И впрок им власть лихая не пойдет.
- Я верю, да; и из твоих вещаний
 Я эту веру черпаю, дитя,
 И из того старинного завета,
 Которым Феб меня благословил.
 Пусть искушать меня Креонт приходит,
 Иль кто другой из городских вельмож:
 Но вы, мои гостеприимцы, вместе
 С богинями, блюдущими ваш край,
 Явите только вашу мне защиту.
 И вы во мне спасителя найдете,
- 460 От тех, кто нынче стал моим врагом.

К о р и ф е й

И ты, Эдип, достоин состраданья,
 И эти девы. А за то, что края
 Ты нашего спасителем приходишь,
 Ты и от нас совет благой прими.

Э д и п

Советуй, друг; я все готов исполнить.

Корифей

Очиститься ты должен перед теми,
Чья сень тебя впервые приютила.

Эдип

Очиститься; но как? Скажите мне!

Корифей

Святой струи рукой благоговейной
470 Из родника живого зачерпни.

Эдип

Что ж делать мне с той непорочной влагой?

Корифей

Там чаши есть, художника изделье;
Их рукоятки и края обвей...

Эдип

Чем? Зеленью иль шерстяной повязкой?

Корифей

Волною чистой агницы младой.

Эдип

Дальнейший ход обряда объясни мне!

Корифей

К заре поднявши лик свой — возлияй.

Эдип

Из тех же чаш, что указал ты, лить мне?

Корифей

Да, три струи; но третью чашу всю —

Эдип

480 Я чем наполнить должен? Все скажи!

Корифей

Водой и медом, а вина не лей.

Эдип

Дар примет черная земля; а дальше?

Корифей

Стеблей маслины трижды девять ей
Ты возложи и сотвори молитву.

Эдип

Ее прочти мне; вся ведь святость в ней.

К о р и ф е й

«Как мы Благими их зовем — благою
 Душой пусть примут гостя во спасенье».
 Так ты молись, иль за тебя другой,
 Но шепотом, неслышными устами.
 490 Затем уйди, лица не обращая.
 Все это ты исполни — и без страха
 В свою среду тебя мы примем; ныне ж
 Мой ум встревожен за тебя, мой гость.

*Э д и п**(дочерям)*

Селян советы слышали, родные?

И с м е н а

Да, слышали; повелевай, отец.

Э д и п

Мне прегражден тот путь двойной преградой:
 И зренья нет, и телом я ослаб.
 Одна из вас пусть заместит меня.
 Суть не в числе: и одного довольно,
 Когда полно в нем сердце благочестья.
 500 Итак, спешите, но одним меня
 Не оставляйте: неспособен стал я
 И краткий путь без помощи пройти.

И с м е н а

Охотно все свершу. *(Старцам)* Лишь укажите,
 Как путь найти к святилищу богинь.

К о р и ф е й

У той опушки рощи, чужестранка;
 Там страж живет; он даст тебе, что нужно.

И с м е н а

Иду. Останься, Антигона, здесь.
 Отца храни. Дочерняя забота
 Хоть тяжела, родным она не в тягость.

Уходит в сторону рощи.

КОММОС

*Строфа I**Х о р*

510 Хоть жестоко будить древнее зло,
 Что в глубине сердца заснуло,
 Но все же спросить я должен.

Эдип

О чем же?

Хор

О том, как грянул удар нещадный
И счастье твое разрушил.

Эдип

Во имя гостеприимства
Не трогай моих страданий!

Хор

О деле идут смутные слухи,—
Друг, правды весть я хочу услышать.

Эдип

Горе!

Хор

Не томи отказом!

Эдип

Увы!

Хор

⁵²⁰ Молви, друг! Я ли уж не был к тебе уступчив?

Антистрофа I

Эдип

Испытал я беду, злую беду,
Сам не гадав, бог мне свидетель:
Моей в том не было воли.

Хор

Но чья же?

Эдип

Греховным браком меня опутал
Народ; ничего не знал я.

Хор

Ты матери ложе, молвят,
Растлил в нечестивой неге?

Эдип

О горе мне! Смерть в вашем вопросе.
⁵³⁰ Да! Эти две рождены в том браке!

Хор

Боги!

Эдип

Дочери проклятья.

Хор

О Зевс!

Эдип

Да, со мной в том же они зачаты лоне.

Строфа II

Хор

Итак, они и дщери тебе...

Эдип

И дщери, да, и сестры отцу.

Хор

Увы!

Эдип

Тысячу раз я стонал — увы!

Хор

Ты страдал?

Эдип

Нет страданьям забвенья!

Хор

Ты свершил?

Эдип

Не свершил!

Хор

Как?

Эдип

Я принял дар —

540

Ах, не такую наградой спасителя
Почтить был должен град, спасенный мною.

Антистрофа II

Хор

Несчастный, дальше! Пролил ты кровь?

Эдип

К чему вопрос? Что хочешь ты знать?

Хор

Отна?

Эдип

Новый удар, на боли боль.

Хор

Ты убил?

Эдип

Да, убил. И однако

Хор

Что, скажи?

Эдип

Нет вины!

Хор

Как?

Эдип

Услышь ответ:

Если б не тронул я, был бы я сам убит.

Я пред законом чист: свершил, не зная.

Со сторожы города показывается царь Фесей.

Корифей

Наш царь идет — Фесей, Эгея отпрыск;

⁵⁶⁰ Твоя, знать, просьба вызвала его.

Фесей

Сын Лаия, и раньше много раз

Весть о твоём кровавом ослепленье

Мне приходилось слышать; уж по ней

Я догадался, кто ты. Вид твой ныне

У всех сомнений отнимает почву:

Одежда жалкая, несчастный лик —

Тебя бесспорно выдают и сердце

Мне заливают жалости волной.

Ответь же мне, безрадостный Эдип,

С какой нуждою к нам пришли вы — сам ты

И спутница несчастная твоя?

⁵⁶⁰ Пожалуй, лишь в неслыханном желанье

Ты мог бы получить у нас отказ.

И сам чужим я вырос на чужбине

И много бедствий у чужих людей

Своей главою вынес — как и ты.

А потому и помощь чужестранцам —

Таким, как ты — мой неуклонный долг.

Как ты, я смертен, и тебя не боле

Уверен в счастье завтрашнего дня.

Эдип

Фесей, ты кратким, благородным словом
 570 Мне длинной речи тягость отпустил.
 Ты сам сказал, кто я, кто мой родитель,
 Какой земли я гражданином был.
 Одно осталось: моего желанья
 Предмет назвать — и речи всей конец.

Фесей

Ты прав; его услышать жажду я.

Эдип

Пришел я с даром: собственное тело
 Несчастное тебе принес я. Знаю,
 Что нероскошен с виду этот дар:
 Не красотой важен он, а пользой.

Фесей

Какая польза мне — тебя принять?

Эдип

580 Увидишь сам, когда наступит время.

Фесей

В какой же час объявится она?

Эдип

Когда умру и ты мне дашь могилу.

Фесей

Ты говоришь о жизненном пределе,
 Как будто жизнь тебе уже ничто?

Эдип

Нет, но с пределом и ее мне дашь ты.

Фесей

Изволь; желанье скромное твое.

Эдип

Не говори! Напасть грозит лихая.

Фесей

Кому же? Мне, иль сыновьям твоим?

Эдип

Они домой меня влекут насильно.

Фесей

590 Что ж, согласишься: нерадостно изгнание.

Эдип

Когда хотел остаться,— изгнан был!

Фесей

Глупец, от гнева пользы нет в несчастье!

Эдип

Узнай сначала все — затем кори.

Фесей

Что ж, молви; в знание лишь совета сила.

Эдип

Фесей! Мой жребий — зло превыше зла.

Фесей

Ты о несчастьях рода речь заводишь?

Эдип

К чему? И так их вся Эллада знает.

Фесей

Но где ж еще чрезмерность зол твоих?

Эдип

Вот где она. Своя же кровь изгнала
 600 Из родины меня. А возвратиться
 Не волен я: ведь я — отцеубийца!

Фесей

И все ж, сказал ты, за тобой приплюют?

Эдип

Да; их заставит божьей воли слово.

Фесей

Какой бедой пророчество грозит им?

Эдип

В твоей земле им гибель суждена.

Фесей

Но разве есть нам отчего раздорить?

Эдип

О сын Эгея дорогой, богов лишь
 Ни старость не касается, ни смерть;
 Все прочее всесильною рукою
 Стирает время. Убывают силы
 610 И наших тел, и матери-земли,
 Хиреет верность и коварство крепнет,

И мягкий ласки ветерок — не вечно
Он будет веять, ни от друга к другу,
Ни от страны к стране. Сегодня — здесь,
Завтра — там менять готовы люди
Раздор на дружбу, дружбу на раздор.

Пусть ныне ясен небосвод, и в мире
Живут фиванцы с родиной твоей:
Бог времени в течение непрерывном
Рождает много и ночей, и дней;
Из них любой ударом прихотливым
⁶²⁰ Пожатый верных узы рассечет.
И вот тогда струя их жаркой крови
Мой хладный прах в могиле утолит,
Коль Зевсом — Зевс, и вещим — Феб остался.
Довольно: страх в вещаньях нерушимых
Живет для смертных. Дай мне кончить тем,
С чего я начал: соблюди мне верность —
И будешь ты доволен поселенцем
Мест этих, если правду молвил бог.

К о р и ф е й

Да, государь; в таких словах и раньше
⁶³⁰ Земле он нашей благодать сулил.

Ф е с е й

Как я дерзну твою отринуть дружбу,
Когда незыблем в нашем доме общий
Очаг стоит, куначества залог?
Когда, проситель Евменид почтенный,
Земле несешь ты дар благой и мне?
Все это свято нам; твою приемлю
Я благодать: живи в стране моей.
Приятно здесь тебе остаться — старцам
Твою охрану поручу; а нет —
⁶⁴⁰ Иди со мной. Сам выбирай, что лучше;
Твой выбор будет и моим, Эдип.

Э д и п

О Зевс! Будь ласков к благородству их!

Ф е с е й

Что ж скажешь ты? Согласен жить со мною?

Э д и п

Я был бы рад; но нет, нельзя. Лишь здесь...

Ф е с е й

Что ж дальше? «Здесь»? Не буду прекословить.

Эдип

Я поражу врагов, меня изгнавших.

Фессей

То был бы дар, достойный пребывания.

Эдип

Так будет, знай. Лишь ты будь верен слову!

Фессей

На том стою: не выдам я тебя.

Эдип

⁶⁵⁰ Связать тебя присягой не держаю.

Фессей

Она не крепче слова моего.

Эдип

Как быть теперь!

Фессей

Чего же ты боишься?

Эдип

За мной придут!

Фессей

Твоя охрана — здесь.

Эдип

Не уходи!

Фессей

Учить меня бесцельно.

Эдип

Но в страхе...

Фессей

Страх душе моей неведом.

Эдип

Ты знаешь ли угрозы их?

Фессей

Я знаю,

Что нет того, кто б против воли нашей
Тебя отсюда увести дерзнул.

Пусть тешат гнев угрозами пустыми,—

⁶⁶⁰ Придут в себя,— и больше нет угроз.

Пусть земляки твои в тщете речей
Тебя страшат насильственным уводом,—

За дело лишь возьмутся, — путь сюда
 Покажется им морем неприютным.
 Ты и помимо слова моего
 Дрожать не должен: Феб — твоя защита.
 Но где бы сам ни пребывал я — имя
 Тебя мое убережет от зла.

Уходит.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа I

В землю гордых коней, мой гость,
 Ты пришел, красоты отчизну дивной —
 670 В край блестящий Колона; здесь
 День и ночь соловей поет;
 Звонко льется святая песнь

В шуме рощи зеленой.

Люб ему темнолистый плющ,
 Люб дубравы священной мрак,
 Кроткого бога листва многоплодная,
 Приют от бурь и зноя;
 И здесь, увлекая хор
 Его воспоивших нимф,

Кружится

680 Он сам — Дионис желанный!

Антистрофа I

Здесь, небесной росой взрощен,
 Вечно блещет нарцисс красой стыдливой,
 Девы-Коры венечный цвет;
 Здесь горит золотой шафран
 Словно пламень над пеной волн

Вдоль ручьев неусыпных.

В них Кефиса журчат струи;
 День за днем по полям они,
 690 Грудь орошая земли материнскую,
 Живой играют влагой.
 Хор муз возлюбил наш край,
 И к нам с золотых колес

Нисходит

Волшебница Афродита.

Строфа II

Есть и древо у нас — равного нет в Азии дальней,
 Нет и в дорийской земле — ею же царь

Древний Пелоп некогда правил:
 Природы дар, смертных рук не знавший,
 Дружины вражеской гроза,
 700 Земли родной отпрыск благодатный,
 Кроткий пестун детей — древо маслины.
 Ни стар, ни млад рук ударом дерзких
 Век не сгубит его: видит врага
 Сну непокорный и день и ночь
 Зевса-Мория лик и взор
 Ясноокой Афины.

Антистрофа II

И еще нам одну славу хранит наша отчизна;
 710 Бог могучий ее нам даровал —
 Ею навек нас он прославил:
 Он бог коней — бог он мореходства.
 О Кронов сын! Тебе гремит
 Хвалебный гимн — Посидон владыка!
 Гнев коней укротил здесь ты впервые,
 Вручив узду в помощь человеку.
 Здесь же прынул в лазурь, сотнею рук
 Быстро по влажным путям гоним,
 Первый струг, Нереид морских
 Среброногих товарищ.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Антигона

720 Колон прославленный! Готовься ныне
 Тех слов хвалу на деле оправдать.

Эдип

Что нового, дитя мое?

Антигона

Креонт

К нам близится; с ним ратников немало.

Эдип

О старцы дорогие! В вас одних
 Предел я вижу своего спасенья.

Корифей

Не бойся, друг! Хоть мы и старцы — сила
 Земли афинской вечно молода.

В сопровождении свиты входит *Креонт*.

Креонт

- Селяне благородные Колона!
 Я вижу, страх напрасный ваши очи
 730 Вдруг затуманил при моем приходе.
 Зачем робеть вам и недобрым словом
 Меня встречать? Я не со злом пришел.
 И сам я стар, и знаю, что ваш город
 В Элладе славен силою своей.
 Нет; послан я — его, такого ж старца,
 Уговорить вернуться в землю Кадма.
 Того желает не один лишь муж,
 Нет, город весь; а послан я, как родом
 Ему ближайший и печальник первый.
 740 А ты, Эдип несчастный, не отринь
 Желаний наших: в дом родной вернись!
 Тебя кадмейцы все зовут по праву,
 И всех усердней — я. Я был бы худшим
 Из всех людей, когда б ответной боли
 Твои страданья не внушали мне.
 Ты здесь, несчастный, средь чужих чужой,
 Скиталец вечный; жизнь полна лишений;
 Одна опора — дева молодая.
 Жаль и ее мне; мог ли кто подумать,
 Что на нее такой падет позор?
 750 Все о твоей печется нищей доле,
 Не зная мужа, всякому добыча.
 О стыд! О жалость! О каким бесславьем
 И ты, и я, и весь наш род покрыт!
 О ради бога — ведь того не скроешь,
 Что в глазах у всех, — Эдип несчастный,
 Послушайся меня, вернись без спора
 К родному очагу, в отцовский град.
 С Афинами простимся дружелюбно —
 Они достойны нашей ласки — все же
 Чтить выше всех повелевает Правда
 760 Твой край родной, которым вскормлен ты.

Эдип

Вития дерзкий, что во всяком деле
 Умеешь слов лукавым изворотом
 Вид лживый правды кривде придавать!
 Зачем меня ты искушаешь, сети
 Вторично стелешь мне таких мучений,
 Что всех больнее сердцу моему?
 Когда, внезапным ужасом сраженный,
 Как избавленья я изгнанья жаждал —
 Ты утолить меня не пожелал.

Когда же стих прибой мятежной страсти,
 И стал мне мил уют домашней сени —
 770 Тогда безжалостно меня изгнал ты,
 Презрев родства ненарушимый долг!
 И вот теперь, когда народ афинский
 Прием мне благосклонный оказал,
 Меня сманить задумал ты коварно
 Красивой оболочкой темных дел.
 К чему? Любовь взаимностью сладка:
 Оставь меня! Когда, нуждой томимый,
 Ты лишь отказ встречаешь у людей,
 Позднее же, когда беде конец,
 К тебе спешат с ненужною подмогой,—
 780 Ужель на ласку лаской ты ответишь?
 Такая же и здесь твоя услуга:
 В ней на словах добро; на деле ж — зло.
 В чем это зло — скажу гостеприимцам!
 Да, ты пришел за мною; но не с тем,
 Чтоб дать мне жить у очага родного:
 За рубежом меня укрыть ты хочешь,
 Чтоб от Афин я вам оплотом стал!
 Тому не быть! Но вот что будет: в Фивах
 Дух-мститель мой, навеки поселенный;
 Земли ж отцовской сыновьям моим
 Пространства столько, сколько, умирая,
 790 Они займут в падении своем!
 Тебя ли хуже Фив судьбу я знаю?
 Нет, верь мне, лучше: вразумил меня
 И Феб, и Зевс, отец державный Феба.
 А ты, сюда шаги направля, ложью
 Коварных уст речистость отравил,
 Забыв о том, что слов пустых избыток
 Урона больше, чем добра таит.
 Ты мне не веришь, знаю я; ну, что же!
 Уйди отсюда, а меня оставь.
 Пусть в незавидной доле я — не так уж
 Она горька, коль ей доволен я.

К р е о н т

800 Тебя послушать, враг тебе я злейший.
 Меж тем как сам себе ты худший враг.

Э д и п

Коль ты мне друг — не искушай напрасно
 Притворной речью ни меня, ни их.

Креонт

Ужель в тебе твой долгий век ума
Не вырастил? Зачем порочить старость?

Эдип

Язык твой остр; но кто во всяком деле
Красноречив, тот праведным не будет.

Креонт

Кто говорит обильно, кто — уместно.

Эдип

Твоя, знать, речь уместна и кратка!

Креонт

³¹⁰ Нет, не для тех, чей ум с твоим согласен.

Эдип

Приют мой здесь; твое усердие тщетно;
Они со мной тебе твердят: уйди!

Креонт

Они и подтвердят, что был я добр,
Когда я вновь тобою овладею.

Эдип

Мной овладеешь? При такой защите?

Креонт

Да, и при ней я огорчу тебя.

Эдип

Что ты задумал? Чем мне угрожаешь?

Креонт

Из дочерей твоих уже одну
Я захватил; теперь схвачу другую.

Эдип

⁸²⁰ О боги!

Креонт

Скоро завопишь не так.

Эдип

Дочь — у тебя?

Креонт

Пока — одна; но вскоре...

Э д и п

(к старцам)

И вы потерпите, друзья? С позором
Отсюда не изгоните злодея?

К о р и ф е й

Уйди скорее, чужестранец! Правду
Ты оскорбил и оскорбляешь вновь.

К р е о н т

(свите)

Теперь за вами дело: силой деву
Ведите, если честью не пойдет.

А н т и г о н а

Меня хватают! Помогите, боги!
О люди, сжальтесь!

К о р и ф е й

Что ты сделал, гость?

К р е о н т

⁸³⁰ Его не трону, но она — моя.

Э д и п

О, властные!..

К о р и ф е й

Пришелец, ты неправ!

К р е о н т

Нет, прав!

К о р и ф е й

Как прав?

К р е о н т

Беру свое, не боле.

Строфа

Э д и п

Сюда, народ!

Х о р

Как ты посмел, пришелец? Боя жаждешь ты?
Отступи скорей!

К р е о н т

Прочь!

Хор

Ни шагу прочь, пока буйствуешь!

Креонт

Мои обиды Фивы взыщут с вас!

Эдип

(к старцам)

Я говорил вам это?

Корифей

Отпусти

Ее скорей!

Креонт

Приказ без власти празден.

Корифей

⁸⁴⁰ Эй, руки прочь!

Креонт

Ступай своей дорогой.

Хор

К нам, селяне, к нам! Весь народ восстань!

Град отвагой их, град наш оскорблен!

К нам, народ, скорей!

Антигона

Меня уводят! Старцы, заступитесь!

Эдип

Где ты, дитя?

Антигона

Увлечена насильем!

Эдип

Дай руку, дочь!

Антигона

Нет мочи, мой отец.

Креонт

Скорее, в путь!

Эдип

Несчастный я, несчастный!

Свита *Креонта* уводит *Антигону*.

Креонт

Да, уж не стало этих двух опор;

Без них скитайся! Победить ты вздумал
 850 Свою отчизну и друзей природных,
 Приказу коих повинуюсь, я,
 Хоть сам вельможа, за тобой явился,—
 Что ж, побеждай! Со временем поймешь ты,
 Что, как в те дни, так и теперь, себя
 Ты сам караешь, угождая гневу,
 Всегдашнему злодею твоему!

Хочет уйти. *Хор* преграждает ему дорогу.

Корифей

Стой, чужестранец!

Креонт

Вы, подалее, старцы!

Корифей

Ты не уйдешь, не возвратив нам дев!

Креонт

А, если так — готовьте выкуп больше:
 Я к той добыче новую прибавлю.

Корифей

860 Какую?

Креонт

В плен и старика возьму.

Корифей

Кичишься тщетно ты!

Креонт

За словом дело!

Лишь только б мне ваш царь не помешал...

Эдип

Хвастун бесстыдный! Ты меня коснешься?

Креонт

Замолкни!

Эдип

Нет! Для одного проклятья
 Мне сохранят еще богини эти
 Мой голос. Да, будь проклят ты, злодей!
 Ты вырвал у меня последний светоч,
 Что мне светил во мраке слепоты —
 Так пусть же Солнца зоркая зеница
 Тебе такую же дарует старость,

870 Бессветную и сирую, как мне!

Креонт

Вы слышите, почтенные селяне?

Эдип

Они обоих слышали — и знают,
Что я на дело словом возразил.

Креонт

Конец терпенью! Хоть один и стар я
Его сумею силой увести.

(*Хватает Эдипа*)

Антистрофа

Эдип

Несчастный я!

Хор

Ужель ту мысль, пришелец, дерзости твоей
Ты исполнить мнишь!

Креонт

Да!

Хор

Ужели мы не в своей земле?

Креонт

⁸⁸⁰ И слабый сильного сразит — во правде!

Эдип

Вы слышали угрозу?

Корифей

Зевс не даст

Свершиться злу.

Креонт

Со мной да будет Зевс!

Корифей

Насильник ты!

Креонт

Пусть так; стерпеть придется.

Хор

К нам, вожди страны! Весь народ, сюда,
Поспешай скорей! Уведут гостей
За рубеж страны!

Входит *Фессей* со свитой.

Фесей

(к старцам)

Что за крики? Что случилось? Что за страх
меня зовет

С алтаря морского бога, где я жертву приносил,
Покровителя Колона? Знать хочу я, кто виной,
890 Что пришлось прийти быстрее,
чем хотелось бы прийти!

Креонт отпускает Эдипа.

Эдип

О друг — по голосу тебя узнал я —
Насилья жертвой стал я без тебя!

Фесей

Насилия? Какого? Кто обидчик?

Эдип

Креонт — вот этот — отнял у меня
Моих детей единственных чету.

Фесей

Что ты сказал?

Эдип

Что претерпел, не боле.

Фесей

(к одному из свиты)

Беги скорей, людей от алтаря,
Всех ратников и конных вмиг и пеших
900 Отправь туда, где устьем единым
Дороги две торговые сошлись.
Не то — уйдут, и страннику я стану
Посмешищем, насилью покорясь.
Иди скорей, исполни все.

(Глядя на Креонта)

Его же

Мой правый гнев — когда б его вине
Он равен был — не отпустил бы целым.
Но нет; лишь своего закона кару
Мой суд его заставит испытать.

Ты не уйдешь из этих мест, покуда
910 Похищенных мне дев не возвратишь.
Своим поступком и мою попрал ты,
И родины своей, и предков честь.
Придя в страну, где уважают правду,

Где лишь законом власти длань крепка,
 Ты сам себе управой стать задумал.
 Берешь, что хочешь, присвояешь силой;
 Как будто средь рабов ты, иль в безлюдье,
 И царь земли в глазах твоих — ничто!
 А ведь не Фивы злым тебя вскормили:
 920 Неправды облик ненавистен им.
 Дай лишь узнать им, как мою державу
 И божью ты обитель оскорбил,
 Как ты увел просителей несчастных —
 Они осудят первые тебя!
 Как мог бы я, в твою пришедши землю —
 Хотя б вся правда за меня была —
 Презрев законную владыки силу,
 Свое добро схватить и унести?
 Нет; раз ты гость — не забывай о чести,
 Что воздавать ты гражданам обязан!
 А ты безвинно город опозорил —
 930 Свой собственный, и твой преклонный век
 Тебя и старцем ставит, и безумным.
 Приказ мой слышал ты; услышь еще раз.
 Скорей гонца за девами пошли,
 Не то — в земле афинской поселенцем
 Невольным весь свой век ты проведешь.
 Вот какова и речь моя, и воля.

К о р и ф е й

Ты понял, чужестранец? Род твой знатен,
 Но рода честь ты делом запятнал.

К р е о н т

Нет, сын Эгея, не презрел я силу
 940 Земли твоей, но и безумным дело
 Мое напрасно ты назвал, поверь.
 Не мог я думать, что моих племянниц
 Внезапно так возлюбит ваш народ,
 Что у меня насильно их отнимет;
 Иль что его он примет, что себя
 Отцеубийства осквернил нечестьем
 И матери священный одр растлил.
 О нравах здесь печется благомудрый
 Ареопэг — так думал я; он доступ
 В страну таким скитальцам преградит.
 950 Вот почему своим считал я правом
 Его схватить — и все ж сдержал себя.
 Но он проклятье страшное извергнул
 На род мой и меня. Тогда, вскипев.

На зло и я ответил злом, не сжорю.
Ведь нет для гнева старости иной,
Чем смерть одна; лишь мертвые безбольны.

В делах своих, конечно, волен ты;
Хоть я и прав — на слабость обречен я
Уж тем, что я один. Но все же знай —
Как я ни слаб, в долгу я не останусь.

Э д и п

960 О верх бесстыдства! И кого ж порочит,
Меня ль язык твой лживый, иль тебя?
Убийством, браком ты меня коришь —
Двойным несчастьем, посланным богами
На юную, безвинную главу!

Да, боги так судили; почему?

Того не знаю; видно, ненавистен

Им был и раньше Лабдакидов род.

Но где ж ты разыскал во мне вину

Что и меня, и род мой погубила?

Ответствуй мне: когда отцу вещанье

970 Лихую смерть от сына предрекло —
Заслуживаю я ли в том упрека?

Ни от отца тогда еще не принял

Зародыша грядущей жизни я,

Ни от нее, от матери моей.

Затем, родившись, бедственный подвижник,

Отца я встретил — и убил, не зная,

Ни что творю я, ни над кем творю;

И ты меня коришь невольным делом!

Затем, тот брак... и ты не устыдился

Сестры родной несчастье разглашать

И вырывать из уст моих признанье

980 Ее позора!... А молчать нельзя:

Ответа ждет язык твой нечестивый.

Страдалица! Мне матерью была ты,

И мы не знали; и родному сыну

Себе на срам детей ты родила!

Зато я знаю: ты по доброй воле

Ее позоришь и меня, Креонт;

Я ж с нею грех тогда свершил неволей,

Неволей ныне помянул его.

Не потерплю я, чтоб и в их глазах

Меня порочил ты упреком вечным,

Что мать свою познал я в брачном ложе

990 И пролил кровь священную отца.

Скажи мне, праведник: когда б тебя —

Вот здесь, вот ныне, враг убить задумал,—

Выпытывать ты стал бы, кто такой он,
 И не отец ли он тебе — иль быстро
 Мечом удар предупредил меча?
 Я думаю, коль жизнь тебе мила,
 Ты б дело сделал, а вопрос о праве
 Ты отложил до лучшей бы поры.
 В такое же несчастье ввергнут я
 Богов раченьем; это бы признала
 Она сама, родителя душа.

1000 Но нет, не правде служишь ты; свободу
 Себе и честных, и запретных слов
 Ты разрешил во всем; не то — не стал бы
 Меня так злобно пред людьми корить.
 Фесею льстишь ты, и хвалой Афины
 Возносишь за достойное житье.
 Но многого не помнишь ты; не знаешь,
 Что, если где-либо почет богам
 Умеют воздавать — Афины в этом
 Все города Эллады превзошли.
 И в их земле просителей похитить
 Дерзнул ты — старца с дочерьми его?
 1010 О вы, богини грозные! С молитвой
 Взываю к вам: заступницами будьте
 Моими; пусть узнает нечестивец,
 В каких мужей охране этот град!

К о р и ф е й

Наш гость оправдан, государь; несчастьем
 Погублен он, — помочь ему твой долг.

Ф е с е й

Довольно слов; обидчики спешат,
 А мы, их жертвы, здесь стоим и спорим!

К р е о н т

Я беззащитен, — что прикажешь мне?

Ф е с е й

1020 Ты нам вожатым будешь; я ж, как спутник,
 Пойду с тобой. И если дев от нас
 Ты здесь укрыл — ты сам их нам укажешь.
 А если похитители в тревоге
 Бегут к границе — мне исход не страшен:
 За ними и другие поспешат,
 И не придется им за счастье в бегстве
 Из этих стран богов благодарить.

Итак, веди. Схвативший схвачен сам;
 Ловца судьба словила. Так бывает:

Нейдет нам в прок неправое добро.
 Защитника не жди себе, хоть знаю:
 Не одиноким ты, не безоружным
 1030 На нашу честь так дерзко посягнул:
 Заруку сильную иметь ты должен.
 Тут осмотрительность нужна, чтоб землю
 Не дать в обиду мужу одному.
 Ты понял ныне? Или снова ветер
 Развеет слово властное мое?

К р е о н т

Пока мы здесь, упрека не услышишь;
 А буду дома — делом дам ответ.

Ф е с е й

Гроби, но шествуй. — Ты, Эдип, спокойно
 Останься здесь. Во мне уверен будь:
 1040 Коль не умру — трудиться не устану,
 Пока детей тебе не возвращу.

Э д и п

Сторицей пусть тебе вовек воздастся
 За благодетельство и заботу, царь!

К р е о н т уходит; за ним *Ф е с е й* со свитой.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р

Строфа I

О там бы нам быть, где крик,
 И шум, и булатный звон
 Услышит родимый край!
 То будет ли Пифийский брег,
 Иль луг светозарный,
 1050 Где вечных тайн пестуют людям цвет святой
 Могучие богини, где
 Ключ златой уста смыкает элевсинского жреца?
 Там Фесей, бесстрашный в бою,
 Там невинных сестер чета
 Ликующим криком
 Миг победы славною возвестят полям
 Нашей отчизны.

Антистрофа I

Иль пройден затский кряж,
 И виден вечерний им
 Горы снеговерхой склон?

Ужель умчит их бег коней
 В пределы родные?
 Не быть тому! Грозен Колона бранный пыл,
 Грозна младая мощь Афин!
 Всюду медь удил сверкает, вся вперед
 устремлена

1070 Рать лихая; милостив к ней
 Бог-земледержец, бог морской,
 Сын Реи любимый;
 Милостива бурных госпожа коней,
 Дева-Афина!

Строфа II

Все ль ждут? Иль грянул бой?
 Надежда к сердцу льнет:
 Спасенья близок час!
 Не будет им обид истоком крови родственной
 союз—
 1080 Свершит, свершит Зевс свое дело;
 Чует дух сражений славу.
 Стать бы мне на миг голубкой быстролетной!
 С тучей небесною вскоре я б вернулся,
 взор свой
 Насытив власть зрелищами брани.

Антистрофа II

О Зевс, всевышних царь!
 Вождам земли моей,
 Всевидящий, даруй
 1090 Удачливой облавой в сети похитителей загнать!
 И ты внемли, Дева Паллада,
 Феб-ловец, и ты с сестрою,
 Что пугливых ланей гонит, Артемидой,
 Помощь двойную яви нам, на святое дело
 Благослови город наш и гражданин!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Появляются *Антигона* и *Исмения*;
 за ними *Фессей* со свитой.

Корифей

Скиталец-гость, не назовешь ты лживым
 Вещателя: под слуг охраной верных
 Уж близко, близко дочери твои.

Эдип

Где, где? Что молвишь ты?

Антигона

Отец, отец мой!

1100 О дал бы бог тебе увидеть мужа,
Который нас вернул в твои объятия!

Эдип

О дети! Здесь вы?

Антигона

Доблестью Фесея

И дорогих соратников его.

Эдип

О, ближе, дети! Я уж и не чаял
Вас вновь в свои объятия заключить.

Антигона

Изволь, отец; тоске равна отрада.

Эдип

Ах, где вы, где вы?

Антигона

Здесь, с тобою рядом.

Эдип

О дорогие!

Антигона

Для отца родного!

Эдип

Моя опора!

Антигона

Горе к горю льнет.

Эдип

(обнимая дочерей)

1110 Со мной, со мной! Теперь и смерти жало
Не страшно мне, когда все вместе мы.
Нежней к отцу прижмитесь, дорогие.
И ты, и ты! Вздохните полной грудью:
Пришел разлуке горестной конец.
И расскажите, как спаслись вы, кратко:
Юницам речь нехитрая к лицу.

Антигона

Он — наш спаситель. Тот да молвит слово,
Кто дело сделал. Вот вся речь моя.

Эдип

(к Фесею)

- О государь, прости, что так я с ними
 1120 Разнежился. Я потерял надежду
 Увидеть их — и вот, они со мной.
 Но все ж я знаю, что тебе лишь этим
 Благодеяньем я обязан; ты,
 Да, ты их спас, единственный из смертных.
 Да воздадут тебе достойно боги,
 Тебе и всей земле твоей. У вас лишь
 Нашел и правду я, и благочестье,
 И ласковость, и верность обещанью.
 Я только словом отплатить могу,
 Но в знанье тверд я: все, что я имею,
 Я от тебя имею одного.
 1130 О дай мне руку, царь, дозволю коснуться
 Главы твоей, облобызать ее...
 Что говорю? Проклятьем я отмечен,
 Нельзя к тебе мне прикоснуться... столько
 Ужасных скверн на мне: не надо, нет.
 Лишь тот, кто сам несчастием запятнан,
 Лишь тот товарищем мне может быть,
 Тебе же издали привет пошлю я
 И попрошу, чтоб ты и впредь таким же
 Мне был заступником, как в этот день.

Фесею

- Я б не дивился, если б ты и доле.
 1140 Дочерней лаской душу услаждал.
 Не упрекну тебя и в том, что первым
 Приветом их ты встретил, не меня.
 Не в тягость мне такое предпочтенье:
 Пусть жизнь моя делами блещет — речи
 Мне не нужны. Тому свидетель — ты.
 Не запятнал своей я клятвы ложью:
 Твоих детей к тебе привел я, старец,
 Живыми, здоровыми, на зло врагам.
 А как победа нам досталась — хвастать
 Я не хочу: от них узнаешь все.
 1150 Другая встреча душу мне волнует:
 Взвесь речь мою, прошу тебя: она,
 Хоть и кратка, достойна удивленья:
 В делах людских пренебреженье — грех.

Эдип

Что видел ты? Скажи, Эгеев сын;
 Моя душа полна недоуменья.

Фесей

Муж некий — не согражданин тебе,
Но родственник — в ограду Посидона
Проникши незаметно, к алтарю
Припал, где жертву я принес недавно.

Эдип

1160 Кто он? Чего святым залогом просит?

Фесей

Одно лишь знаю: речью нелукавой
Твоих ушей коснуться хочет он.

Эдип

Какою? Неспроста такая просьба?

Фесей

Его желанье — подойти к тебе,
Сказать свое и удалиться с миром.

Эдип

Но кто он, этот странник безымянный?

Фесей

Ты сам припомни: в Аргосе дорийском
Родных ли нет, чтоб с просьбою пришли?

Эдип

О милый мой, ни слова!

Фесей

Что с тобою?

Эдип

1170 Не требуй от меня —

Фесей

Чего? Скажи!

Эдип

Я понял, понял, кто проситель этот!

Фесей

Кто ж он, скажи! Ужель его отвергнем?

Эдип

Он сын мой, государь; и сын, и враг.
Изранит душу слов поток постылых.

Фесей

Но выслушать — не значит сразу сделать.
Какая ж боль от слова может быть?

Эдип

Один уж голос ненавистен слуху
Отца; молю тебя, не принуждай!

Фесею

Все ж помни: Посидона он проситель.
1180 Ужель пред богом не смиришься ты?

Антигона

Дозволь, отец, хотя и молод ум мой,
Тебе советом добрым услужить.
Когда наш царь и бога волю хочет
Почтить, и голос совести своей, —
Подумай, вправе ль ты ему перечить?
А с ним и мы того ж желаем: дай нам
Увидеть брата. Ведь не может силой
Он изменить решенья твоего;
А слово выслушать — какой тут вред?
Коли он зло в душе своей замыслил,
Не слова ль свет изобличит его?
Тобой рожден он; будь он даже сыном
1190 Из нечестивых нечестивым — все же
Ты злом на зло не должен отвечать.
Пусть он придет. И у других бывает,
Что дети возбуждают гнев отца;
Но все ж возможно ласковым уветом
Заворожить души мятежный пыл.
Забудь на миг о нынешних невзгодах;
Припомни день, когда удар сугубый —
От матери и от отца — ты принял:
Печален страсти яростной исход!
Так учит страшный памятник и вечный —
1200 Угасший свет истерзанных очей.

О, уступи! Упорствовать не должно
В неправом гневе; а за благостыню
Платить неблагодарностью — не честь.

Эдип

Дитя мое, о горьком угожденье
Вы просите; ну что ж! Да будет так.

(Фесею)

Когда ж придет он — пусть никто, о друг мой,
Не властвует душой моей свободной.

Фесею

Такое слово раз один лишь слышать
Довольно мне. Я хвастать не хочу.

Но все же знай: ты невредим, покуда
 1210 Меня оставит невредимым бог.

(Уходит.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Х о р

Строфа

Кто за грани предельных лет
 Жаждет жизни продлить стезю —
 Тщетной дух упоив мечтой,
 Станет для всех суеты примером.
 День за днем свой исполнит бег,
 Горе к горю прибавит он;
 Редко радости луч сверкнет,
 Раз сверкнет — и угаснет вновь.
 И все ж пылаем жаждой мы

1220 Большой доли; но утолитель

Равноудельный

Ждет нас, подземной обители жребий,
 Чуждая свадеб и плясок и песен
 Смерть — и конец стремленьям.

Антистрофа

Высший дар — нерожденным быть;
 Если ж свет ты увидел дня —
 О, обратной стезей скорей
 В лоно вернись небытья родное!
 1230 Пусть лишь юности пыл пройдет,
 Легких дум беззаботный век:
 Всех обуза прижмет труда,
 Всех придавит печали гнет.
 Нам зависть, смуты, битвы, кровь
 Несут погибель; а в завершенье
 Нас поджидает
 Всем ненавистная, хмурая осень,
 Чуждая силы и дружбы, и ласки.
 Старость, обитель горя.

Эпод

В старости не я один несчастен:
 1240 И он, как берег северный угрюмый,
 Всюду открыт волн и ветров ударам —
 Так в него отовсюду
 Безустанным прибоем
 Валы ударяют мучений вечных:

Те от закатной межи морей,
 Те от восточных стран,
 Те от стези срединной,
 А те от полуночных граней.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Со стороны города появляется *Полиник*.

Антигона

Уж близится пришелец к нам, отец мой.
 1250 Он одинок и весь в печали; слезы
 Без удержу струятся из очей.

Эдип

Кто он?

Антигона

Тот самый, о котором сразу
 Ты догадался: пред тобой — твой сын.

Полиник

О, что мне делать? Собственное горе
 Оплакать раньше, сестры? Иль его,
 Родителя, печальный вид? Заброшен
 Он на чужбине, странник бесприютный,
 Одетый в рубище; зловонный тлен
 Лохмотьев ветхих старческое тело
 1260 Его бесчестит; на главе слепца
 Свободный ветер развевает космы
 Нечесанных волос; а там, в суме
 Несет он пищи нищенской остатки.
 О горе мне! Как поздно понял я,
 Неблагодарный, что с тобой я сделал!
 Сознаться должен я: средь сыновей
 Нет нечестивее меня на свете!
 Я сам в том признаюсь тебе, отец,
 Но ведь недаром у престола Зевса
 Во всяком деле Милость восседает;
 И ты, отец, совет ее прими,
 Мой грех велик и больше стать не может,
 1270 Но искупить его возможно мне.

Молчишь ты?

Отец, не отвращай лица, ответь!
 Ужель, ни слова не сказав, с бесчестьем
 Меня отпустишь ты? Хоть взрывом гнева
 Молчание ужасное прерви!

О дочери измученного старца,
 О сестры милые, уговорите
 Его хоть вы, чтоб разомкнул застылость
 Окаменелых, неприветных уст,
 Чтоб убоился отпустить с презреньем
 Просителя смиренного богов!

Антигона

1280 Нет, лучше сам скажи ему, несчастный,
 Зачем ты здесь. Нередко слова звук,
 Внушая радость, иль печаль, иль злобу,
 Устам безмолвным голос возвращал.

Полиник

Да, здрав совет твой; расскажу вам все.
 Ты ж, Посидон, яви мне помощь ныне!
 У твоего святого алтаря
 Поднял меня страны властитель этой
 И повелел мне, под залогом слова,
 Бесстрастной речью облегчить нужду.
 И вас прошу о помощи, селяне,
 1290 И вас, родные, — и тебя, отец.
 Итак, зачем пришел я? — Вот зачем.
 Я изгнан кривдой из земли фиванской
 За то, что я, по праву первородства,
 Престол державный твой занять хотел.
 Изгнал меня брат младший, Этеокл,
 Не пожелав ни словом убежденья
 Меня склонить, ни меч скрестить в бою —
 Нет, граждан он увлек лукавой речью.
 Опутал, видно, сердце нечестивца
 Дух-мститель твой; так сам я смутно чуял,
 1300 Так и пророки возвестили мне.
 Итак, я беглецом явился в Аргос,
 Дорийский град; там стал Адраст мне тестем;
 Там собрались вокруг меня герои,
 Чей бранный меч в земле Пелопа славен.
 Мы поклялись — походом семиратным
 Идти на Фивы, чтобы с честью пасть
 Иль, город взяв, низвергнуть супостата.
 Ты спросишь, для чего теперь я здесь?
 К тебе пришел я, мой отец, с мольбою
 1310 И от себя, и от дружины всей, —
 Нас семь вождей, и ратью семеричной
 Мы окружили кремль и стены Фив.
 Там — царственный Амфиарай, боец
 Прославленный и прорицатель мудрый;

Второй — Тидей, сын старого Энея,
 Этолец; третий — Этеокл аргосский;
 Гиппомедонт — четвертый, сын Талая;
 Вождь пятый — тот, что зарево пожара
 Возгачь поклялся в Фивах, Капаней;
 1320 Шестым пришел Парфенопей аркадский, —
 По матери он назван, что лишь поздно
 Отдавшись мужу, родила его, —
 Прекрасной Аталанты верный отпрыск;
 А я — седьмой, твой сын — пускай не твой;
 Сын рока злобного; но все ж твоим
 По отчеству привык я величаться —
 На Фивы рать бесстрашную веду.

И все тебя, отец, мы заклинаем
 Душой твоей и дочерьми твоими:
 О, отпусти нам гнев тяжелый свой,
 Дай наказать мне брата, что отчизну
 1330 Из длани братней вырвал и похитил!
 Вещаньем верным суждена победа
 Той рати, что своей признаешь ты.
 О ради вод, питающих отчизну,
 Богов родимых ради: пожалей!
 И я ведь нищ и странник, как и ты;
 Чужой подвластны прихоти мы оба,
 Судьбы одной печальные рабы.
 А он, о низость! Негой окруженный,
 И надо мной глумясь, и над тобой,
 В дворце твоём властителем сидит!
 1340 Но если ты за нас, родитель — быстро
 Заявет спеси скошенной убор.
 Его я свергну, и опять, как прежде,
 Царем ты будешь — и с тобою я!
 Дозволен мне полет мечтаний гордых,
 Но лишь с тобой, а без тебя и жизни
 Не вынесу из брани я, отец!

К о р и ф е й

Почти пославшего, Эдип. Ответ
 Дай человеку — и пускай уходит.

Э д и п

Вы правы, старцы, этою землею
 Владеющие. Если б не Фесей
 1350 Его прислал услышать мой ответ —
 Остался б нем я на его мольбы.
 Теперь, отцовской удостоен речи,
 С ответом он нерадостным уйдет.

Да, нечестивец! Скиптром и престолом
Владел и ты, как ныне брат твой, в Фивах;
И ты отца из родины изгнал,
Лишил земли, пустил ходить в лохмотьях,
О коих ныне, зритель сердобольный,
Ты слезы льешь, скитальцем став и сам.
1360 Теперь уж поздно плакать! До могилы
Их донесу, на память о тебе,
Моем убийце! Да, им стал ты явно:
Ты жизнь мою страданьем отравил;
Ты отнял дом; из-за тебя, скитаясь,
Я подаюньем у чужих живу,
И если б дев-защитниц не взрастил я,
Я б смерть вкусил — по милости твоей!
Они — мои спасительницы; пищей
Я им обязан, в бедственных скитаньях
Мужей я в них, не слабых жен нашел,
А вам отец — кто хочет, но не я.
Зато теперь карающего бога
1370 Взор беспощадный на тебе почил.
И все ж ничто весь нынешний твой ужас
Пред тем, что будет, если рать на Фивы
Воистину ты двинешь. Не мечтай
Разрушить город: раньше сам ты кровью
Прах осквернишь, и брат твой заодно.
Таким я Карам вас обрек; и раньше
Я их призвал в союзницы себе,
И ныне призываю — чтоб вы знали
Впредь уважать родителя главу
И не считали для себя бесчестьем,
Что вы слепцом, вельможи, рождены, —
Иначе поступили девы эти!
1380 Да! Если истинны заветы предков,
Что в небесах блюстительница Правда
Среди законов Зевса почтена, —
То на твоём теперь престоле Кара
Взамен тебя недвижно восседает.
Иди, отвергнутый отцом преступник,
Негодный из негоднейших! Тебе
Я посылаю вслед свое проклятье.
Ты не добудешь родины желанной,
В гористый Аргос не вернешься ты.
Братоубийственной враждой пылая,
Падешь и ты, — и он, обидчик твой.
1390 Да внемлет мне ужасного Эреба
Мрак изначальный, твой приют навек!
Да внемлют эти грозные богини,

Да внемлет он, что ваши души ядом
Нешадной злобы отравил, Арес!

Иди! Иди! И возвести кадмейцам
И доблестным союзникам твоим,
Каким наследством сыновей любимых
В последний раз порадовал Эдип!

К о р и ф е й

Не в добрый час отправился ты в Аргос;
Теперь — конец. Оставь нас, Полиник.

П о л и н и к

О слезный путь! о горестный исход!
1400 О, для какой, товарищи, судьбины
Оставили мы Аргоса поля!
О я, несчастный! не сказать друзьям,
Что ждет нас впереди; и нет возврата.
Одно осталось: молча смерть принять.

О сестры, дети гневного отца!
Вы слышали его молитвы: скальтесь
Хоть вы, родные, надо мною! Если
Исполнятся отцовские проклятья
И доступ вам откроется домой,—
Не отдавайте в поруганье прах мой,
1410 Его почтите жертвой и могилой.
Венец прекрасной верности дочерней,
Который ныне осеняет вас,
Вы этой новой службой завершите.

А н т и г о н а

Одну мне просьбу, Полиник, исполни!

П о л и н и к

Какую, Антигона, друг? Скажи!

А н т и г о н а

Скорее рать отправь обратно в Аргос,
Избавь от смерти граждан и себя!

П о л и н и к

Нет, Антигона. Трусом раз прослав —
Уж не собрать вторично мне дружины.

А н т и г о н а

1420 К чему ж вторично гневу угождать?
Ужель спасет тебя отчизны гибель?

П о л и н и к

Мне, старшему, позорно перед младшим
Бежать и стать посмешищем ему.

Антигона

Итак, стезю прямую ты готовишь
Отца проклятьям — смерть обоим вам?

Полиник

Он хочет так — мне уступить нельзя.

Антигона

Кто ж за тобой последовать дерзнет,
Отца вещанья грозные услышав?

Полиник

1430 Кто ж станет разглашать их? Умный вождь
Благое молвит, о дурном молчит.

Антигона

И ты решенья не изменишь, брат мой?

Полиник

Не убеждай. Мой путь начертан мне —
Путь скорбный, мрачный — путь, покрытый мглою
Его вражды и памятливых Кар.
Но ваш да будет светел путь... лишь брата
Почтите после смерти! А в живых
Уже нам не увидеться. Прощайте!

Антигона

О брат мой, брат мой!

Полиник

О не плачь, родная!

Антигона

1440 Не плакать? Мне? Когда ты устремился
Навстречу смерти явной, неизбежной?

Полиник

Умру, коль надо.

Антигона

Уступи, родимый!

Полиник

Честь не велит — не убеждай!

Антигона

О горе!

Погибнешь ты!

Полиник

Погибну ль я, иль нет —
Решит сам бог... За вас молиться буду,

Чтоб чист от зла был жизненный ваш путь:
Вы всякого достойны счастья, сестры!

Уходит.

КОММОС

Строфа I

Хор

Несчастье от слепого старца снова,
Несчастье тяжкое грозит,
1450 Если рок спастись нам не даст!
Таят исход живой и верный
Знаменья богов для нас.
Всегда, всегда помнит их
Время; ждет порой,
Но порой и вмиг шлет конец...

(Молния и гром.)

Грянуло в горних! Зевс, Зевс!

Эдип

О дети, дети, кто бы мог немедля
Ко мне Фесея славного призвать?

Антигона

Его призвать — но для какого дела?

Эдип

1460 Перун, возвестник Зевса окрыленный,
Меня зовет в подземную юдоль.

(Новый удар грома.)

Антистрофа I

Хор

Смотрите! Снова бич небесный грянул.
И снова дрогнул небосвод
Сердце охватил властный страх
Душа сраженная поникла,
Небо в молниях горит.
Какой исход дает нам бог?
Горе нам сулит
1470 Гнев его; боюсь, быть беде!
Боже, что в горних! Зевс, Зевс!

Эдип

О дети, близок боговозвещенный
Кончины час; пошлите же скорей!

Антигона

Зачем? Где знания твоего исток?

Эдип

Я знаю твердо; торопитесь, старцы!
Пусть царь афинский поспешит ко мне!

Строфа II

Хор

Внемли! Внемли!

Снова грянул гром! Гул стоит.

¹⁴⁸⁰ Милостив, боже, будь! Милостив будь! Зачем
Покрыт мраком лик матери-Земли?

Неправой мздой нас не карай,
Хоть проклят гость — но вид его
В бездну зла да не ввергнет нас!
Тебя, Зевс, молю!

Эдип

Идет он, дети? Встречу ли при жизни
И в полноте сознания его?

Антигона

Какой завет ему оставить мнишь?

Эдип

За благостыню — дар обетованный,
¹⁴⁹⁰ Могучий благоденствия залог.

Антистрофа II

Хор

Сюда! Сюда!

К нам, о к нам гряди, царь земли!
Там над обрывом ты в честь Посидона огонь,
Святой огонь возжег, тельчей жертвы знак!

Тебе и граду и друзьям
Страдалец-гость возжаждал свой
Долг отдать — за добро добром!
Спеши, царь, спеши!

Фесей

(входит в сопровождении свиты)

¹⁵⁰⁰ Что значит крик ваш громкий и совместный —
И ваш, селяне, зов, и твой, Эдип?
Ниспала ль градом туча грозовая?
Иль гром вспугнул вас? В звоне бури — бог,
И много бедствий гнев его сулит нам.

Эдип

Желанным царь, явился ты; на благо
Твои шаги ко мне направил бог.

Фессей

Ты звал меня, сын Лаия? Зачем?

Эдип

У грани я. Хочу обет пред смертью
Сдержать тебе и родине твоей.

Фессей

¹⁵¹⁰ Где ж знаменье удара рокового?

Эдип

Его сам бог мне явно возвестил,
Явив исход гаданьям необманный.

Фессей

В чем объявил свою он волю, старец?

Эдип

Ты слышал грома неустанный гул,
Удары стрел победоносной длани?

Фессей

В твоих устах вещаний клад неживых:
Тебе я верю. Молви, что мне делать.

Эдип

Вот мой завет, Эгеев сын, — отчизне
Твоей — зари порука незакатной.
¹⁵²⁰ Урочный холм, где смерть мне суждена —
Его я сам тебе в пути насущном,
Проводником нетронутый, явлю.
Его ты бойся выдавать другому,
И где он сам, и чем он окружен:
Тебе оплотом станет он навек
От копий и щитов соседских ратей.
Обряд же тайнств, ввек ненарушимых,
Ты там узнаешь от меня один.
Я б не доверил ни друзьям-селянам,
Ни дочерям возлюбленным его —
Нет, сам ты тайну береги святую;
¹⁵³⁰ Когда ж конец почувешь жизни — сыну
Любимому в наследье передай,
Тот — своему, и так пребудет град
Ваш безопасен от сынов дракона.
Затем — еще внимли мне, сын Эгея.
В несметном соние городов нетрудно

Гордыне завестись, хотя б достойный
 В них вождь царил. Ведь боги зорко видят
 Да медленно останавлиют взор,
 Когда, безумьем обуянный, смертный
 В пренебрежение топит их закон.
 О да не будешь ты тому причастен!
 Хоть ты и мудр, но помни мой завет.

1540 А ныне — в путь! Торопит божья воля:

Идти пора, не вправе медлить мы.
 Вы, дети, следуйте за мной. Доныне
 Вы темный путь указывали мне;
 Теперь же я вам проводник чудесный.
 Идите, не касайтесь; дайте мне
 Тот холм священный самому пайти,
 Где рок мне сень укромную готовит.
 Сюда, друзья! Сюда идти велит мне
 Гермес-вожатый и богиня мглы.
 О свет бесцветный! Некогда своим ведь
 Я звал тебя. Теперь в последний раз
 1550 Меня твой луч ласкает; в безднах ада
 Отныне скрою душу я свою.

Хозяин дорогой! Навеки счастлив
 Будь ты, и люди, и земля твоя;
 А в счастья сиянье не забудьте,
 Друзья, и мне честь памяти воздать.

Уходит в глубину рощи;
 за ним *Фесей* со свитой и *Антигона* с *Исменой*.

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Хор

Строфа

Если доступна ты
 Гласу мольбы моей,
 Тьмы вековой царица —
 Если ты внимлешь мне,
 1560 Аидоней! Аидоней!
 Вас молю:
 Пусть наш гость
 Смертью безбольною,
 Смертью бесслезною
 Свидет к вам
 В мглистый приют теней,
 В незримого царства
 Укромный покой!

Несчетных мук в жизни дни
 Жала испытал Эдип:
 Да будет он богом возвеличен!

Антистрофа

Силы подземные!
 Необоримый зверь —
 1570 Ты, что у врат всем открытых
 Бодрствуешь день и ночь,
 Ада жилец! Ада жилец!
 Ты, чей вой
 В тьме звучит,
 Страшный в преданиях
 Бездны полунощной
 Грозный страж!
 Кротко введи его,
 Земли и Эреба
 Суровая дочь.
 На тихий луг, где в тени
 Мреет душ бесплотных рой.
 Тебя молю: сон дай гостю вечный.

ЭКСОД

Вестник

(Выходит из роши)

Эдип, селяне, вечным сном почил.
 1580 Вот весть моя в немногих слов убранстве.
 Но как он умер — вкратце не расскажешь:
 Столь многих дел свидетелем я стал.

Корифей

Почил страдалец?

Вестник

Вытянул у бога
 Он жребий вечной жизни для себя.

Корифей

Но как? Безбольной, богоданной смертью?

Вестник

Чудес немалых весть услышишь ты.
 Ты видел сам, как он ушел отсюда:
 Без помощи участливой руки —
 Нет, сам ведя нас, проводник бесстрашный.
 1590 И вот, придя к обрывистой стезе,

Что медными устоями недвижно
 В глубоких недрах почвы коренится —
 Остановился он у разветвления,
 Близ Полой Чаши, где погребены
 Залоги дружбы вечной Пирифоя
 С царем Фесеем. Здесь, среди святынь —
 Скалы Фориковой, дуплистой груши
 И каменной могилы — сел он, снял
 Лохмотья ветхие и крикнул девам,
 Ему воды проточной принести
 Для омовенья и для возлиянья.
 1400 Послушно дочери, на ближний холм
 Деметры-Хлои отойдя, поспешно
 Исполнили веление отца;
 Омыв его, одели благолепно.

Когда ж во всем угоду получил он,
 И всех желаний завершен был ряд —
 Вдруг загремел подземный Зевс, и девы
 От страха задрожали и, припав
 К отца коленям, воплем безутешным
 Заголосили; не было предела
 Ударам в грудь и слез струям горячих.
 1410 Эдип же, зов нерадостный услышав,
 Сложивши руки над главами их,
 Сказал им: «Дети, час настал мой ныне.
 Уж нет у вас отца; прошли навеки
 Для вас ухода тягостного дни.
 Немало мук я причинил вам, знаю —
 Одним лишь словом искупаю их:
 Такой любви не встретите нигде вы,
 Какую к вам родитель ваш питал.
 Все кончено уже; в путь новый жизни
 Вы без меня отправитесь теперь».
 1420 И плакали они навзрыд, руками
 Обвив друг друга; наконец, устав
 От плача долгого, умолкли все.
 Все тихо стало.—

Вдруг какой-то голос
 К нему воззвал. Страх нас объял, по коже
 Прошел мороз, и волосы внезапно
 У оробевших дыбом поднялись.
 А голос звал, протяжно, многократно:
 «Эдип! Эдип! Тебя зову! Давно уж
 Идти пора; не в меру медлишь ты».
 Поняв, что бог его зовет, Фесея
 1430 К себе он требует, царя земли.
 Тот подошел. «О друг желанный! — молвит

Ему Эдип,— залог священной клятвы,
 Десницу, детям протяни моим —
 И вы свою ему подайте, дети —
 И обещай, что не покинешь их
 И все исполнишь, что к их благу нужным
 Найдешь». Не медля, благородный муж
 Торжественную клятву гостю дал.
 Тогда Эдип, бесчувственной рукою
 В последний раз детей своих коснувшись,
 1640 Сказал им: «Дети, стойко и смиренно
 Стерпите благородный ваш удел;
 Оставьте нас; не пожелайте видеть
 Запретное и гласу тайн внимать.
 Ступайте и оставьте здесь Фесея:
 Лишь он достоин таинства узреть».
 Послушались мы все его приказа
 И с девами в обратный путь пошли,
 Горюя, плача. Отойдя немного,
 Вспять обернулись мы и видим — странник
 1650 Исчез, а царь рукою заслоняет
 Глаза, как будто страх невыносимый
 Ему привиделся. Прощав немного,
 Молитву сотворил он и послал
 Привет совместный и богам Олимпа,
 И матери-Земле.—

Какую смертью
 Погиб тот муж — сказать никто не может,
 Опречь царя Фесея. Не перун
 Его унес, летучий пламень Зевса,
 1660 Не черной вьюги бурное крыло.
 Нет, видно, вестник от богов небесных
 Ниспосланный его увел; иль бездна
 Бессветная, обитель утомленных,
 Разверзлась ласково у ног его.
 Ушел же он без стоа и без боли,
 С чудесной благодатью, как никто.
 И если кто меня безумным ставит —
 То мне его не надобно ума.

К о р и ф е й

А дети где? Где спутники-друзья?

В е с т н и к

Они вблизи, все громче и яснее
 Приход несчастных возвещает стон.

КОММОС

Приближаются *Антигона* и *Исмена*.

Строфа I

Антигона

1670 Сестра, сестра! Время пришло
Плач вознести по родителю! Вот оно,
Крови родной врожденное проклятье!
В долгих скитаниях
Мзду ненасытному злую платили мы;
Ныне ж очами и сердцем извели
Исход непредставимый.

Хор

Какой исход?

Антигона

Вам известен он, друзья!

Хор

Он умер, да?

Антигона

Так и всем бы нам почтить!

1680 Не в пылу кровавой сечи,
Не в волнах морской пучины,
Нет, ведомый тайной силой
В недра тайные земли.
Но мы, но мы! Злосчастный мрак
Нам покрыл чело и очи.
Где, в каких пределах суши,
На какой ладье пловучей
Уготован для страдальц
Жалкий, горестный приют?

Исмена

1690 Ах, не знаю. Пусть губитель,
Пусть Аид с отцом-страдальцем
И меня сведет в могилу:
В тусклых днях грядущей жизни
Нет отрады для меня.

Хор

Дети мои! Что бог судил, должно и вам
Не ропща нести всечасно;
Бросьте вздохи, бросьте слезы:
Ваш жребий хулы не встретит.

*Антистрофа I**Антигона*

И в горе, зная, есть улады доля —
 Милым мне стало теперь и немилое:
 Тогда я с ним свою сплетала руку.
 1700 Друг мой, родитель мой,
 Мгложу подземной навеки окутанный,
 Мне и сестре ты навеки возлюбленным,
 Несчастный старец, будешь!

Хор

Свершилось все?

Антигона

Так, как он того желал.

Хор

Желал? Чего?

Антигона

Смерть принять в краю чужом.
 Темной ночью осененный,
 Мирно спит он под землею;
 Слух усопшего ласкает
 Надмогильный плач детей.
 1710 О да, о да! Мой влажный взор —
 Вечный горести свидетель.
 О, прочна печать страданья!
 Смерть ты встретил на чужбине,
 Как и сам желал, но принял
 Ты кончину без меня.

Исмения

О родная, сиротами
 Стали мы! Какой судьбине
 Нас пошлют навстречу боги?

Нет отца для нас с тобой!

Хор

1720 Счастливо кончил жизнь свою славный Эдип;
 Дети милые, к чему же
 Ваши стоны, ваши слезы?
 Без бед не бывает жизни.

*Строфа II**Антигона*

Назад, назад, родная!

Исмения

Ах, к чему, сестра?

Антигона

Душа горит...

Исмена

О чем?

Антигона

Увидеть сумрачный очаг...

Исмена

Чей?

Антигона

О несчастная! Отца!

Исмена

1730

Нельзя, сестра! Ты знаешь ведь:
Строг запрет.

Антигона

К чему упреки?

Исмена

Знаешь также...

Антигона

Вновь сомненья?

Исмена

Без могилы, всем далекий...

Антигона

Там и мне бы смерть принять!

<*Исмена*

Ты о чем?

Антигона

Нет силы жить.>

Исмена

Смерти жаждешь? На кого же
Сироту-сестру оставишь?

И так мне нет отрады!

Антистрофа II

Хор

Воспряньте духом, девы!

Антигона

Ах, куда бежать?

Хор

Избегли ведь...

Антигона

Чего?

Хор

1740 Судьбы избегли вы лихой.

Антигона

Все ж...

Хор

Что заботит так тебя?

Антигона

На родину вернуться нам

Как, скажи.

Хор

Терпи: вернетесь.

Антигона

Сердце ноет!

Хор

Не впервые.

Антигона

Силы страсть преодолагает.

Хор

Зол пучина впереди!

Антигона

Горе, горе!

Хор

Горе, да!

Антигона

О, что делать! Боже, боже!

О, какую мглою страха

1750

Ты окружил нас, демон!

Входит *Фессей* со свитой.

Фессей

Прекратите ваш плач, дорогие: чей гроб

Под землей благодать осенила, о том

Неуместны людские рыдания.

Антигона

О наследник Эгея, мы молим тебя!

Фесей

Что заботит вас? Чем вам могу угодить?

Антигона

О, дозволю нам взглянуть на могилу отца!

Фесей

Я не властен, родные, ее указать.

Антигона

Что ты молвишь, державный владыка Афин?

Фесей

¹⁷⁶⁰ Ваш отец наказал: не давать никому
Ни коснуться стопой заповедной земли,
Ни нарушить приветом святой тишины,
Что страдальца могилу навеки блюдет.
Мне за верность награда — счастливая жизнь
И безбольный покой для любимой страны.
Наши речи услышал всевнемлющий бог
И прислужница Зевсова — Клятва.

Антигона

¹⁷⁷⁰ Если так заповедал он волю свою,
Мы смириться должны. Но на родину нас
В древлезданные Фивы отправь, чтобы там
Увели бы мы прочь со смертельной тропы
Наших братьев, единых по крови.

Фесей

Я и в этом служить вам готов, и во всем,
Что полезно для вас и отрадно ему,
Новозванному гостю подземных глубин.
Мое рвенье не знает отказа.

Хор

Да умолкнет же плач ваш, да станет слеза.

Есть для смертных закон:

Что случилось, того не избегнуть.

Актеры и *Хор* покидают оркестру.

АНТИГОНА

Действующие лица

<i>Антигона</i> } дочери	<i>Страж</i>
<i>Исмена</i> } Эдипа	<i>Вестник</i>
<i>Креонт</i> , фиванский царь	<i>Домочадец Креонта</i>
<i>Евридика</i> , его жена	<i>Хор фиванских старцев</i>
<i>Гемон</i> , их сын	Без слов: слуги Креонта;
<i>Тиресий</i> , слепой старик - прорицатель	прислужницы Евридики.

Действие происходит перед царским дворцом в Фивах.

ПРОЛОГ

Антигона

(вызывая из дворца Исмену)

Сестра родная, общей крови отпрыск,
Исмена, слушай. Тяжелы проклятья
Над семенем Эдипа — и при нас
Им, видно, всем свершиться суждено.
Казалось бы, и горя, и бесчестья,
И скверны, и греха всю чашу мы
До дна с тобой испили? Нет, не всю!
Ты знаешь ли, какой приказа недавно
Всем объявил Креонт-военачальник?...
Не знаешь, вижу, — а беда грозит
¹⁰ Ужасная тому, кто мил обеим.

Исмена

О милых я не слышала вестей, —
Ни горького, ни радостного слова, —
С тех пор, как наши братья друг от друга
Смерть приняли в один и тот же день.
Но вот настала ночь, и рать аргиев

На родину бежала; я не знаю,
Сулит ли скорбь иль радость этот день.

Антигона

Я так и думала — и из дворца
Тебя велела вызвать, чтоб о деле
Поговорить с тобой наедине.

Исмена

²⁰ Ты вся дрожишь... о, что случилось, молви!

Антигона

Вот что случилось. Одного лишь брата
Почтил Креонт, и даже свыше меры;
Другой последней милости лишен.
Могиле отдал прах он Этеокла
По правде праведной и по закону,
И он велик среди теней в аду.
А Полиника труп несчастный в поле
Поруганный лежит; никто не волен
Его ни перстью, ни слезой почтить;
Без похорон, без дани плача должно
Его оставить, чтобы алчным птицам
³⁰ Роскошной снедью стала плоть его.
Так приказал достойный наш Креонт
Всему народу, и тебе, и мне...
О да, и мне! А кто еще не знает,
Тому он здесь объявит свой приказ.
И не пустым считает он его:
Плащ каменный расправы всенародной
Ослушнику грозит. Вот весть моя.
Теперь решай: быть благородной хочешь,
Иль благородных дочерью дурной?

Исмена

Несчастливая, возможно ль? Крепок узел;
⁴⁰ Мне ни стянуть, ни развязать его.

Антигона

Согласна труд и кару разделить?

Исмена

Какую кару? В чем твое решение?

Антигона

Своей рукою мертвого зарыть.

Исмена

Как,— хоронить запрету вопреки?

Антигона

Да — ибо это брат и мой и твой.
 Не уличат меня в измене долгу.

Исмена

О дерзкая! Наперекор Креонту?

Антигона

Меня моих он прав лишить не может.

Исмена

Сестра, сестра! Припомни, как отец наш
⁵⁰ Погиб без славы, без любви народной;
 Как, сам себя в злодействе уличив,
 Он двух очей рукою самосудной
 Себя лишил. Припомни, как страдальца
 Мать и жена — два слова, плоть одна! —
 В петле висячей жизнь свою сгубила.
 Еще припомни: оба наших брата,
 Самоубийственной дыша отвагой,
 Одной и той же смертью полегли.
 Лишь мы теперь остались. Всех позорней
 Погибнем мы, когда, поправ закон,
⁶⁰ Нарушим власть и волю мы царя.

Опомнись! В женской родились мы доле;
 Не нам с мужами враждовать, сестра.
 Им власть дана, мы — в подданстве; хотя бы
 И горшим словом оскорбил нас вождь —
 Смириться надо. Помолюсь подземным,
 Чтоб мне простили погранный завет,
 Но власть имущим покорюсь: бороться
 Превыше силы — безрассудный подвиг.

Антигона

Уж не прошу я ни о чем тебя,
 И если б ты мне помощь предложила,
⁷⁰ Я б неохотно приняла ее.
 Храни же ум свой для себя, а брата
 Я схороню. Прекрасна в деле этом
 И смерть. В гробу лежать я буду, брату
 Любимому любимая сестра,
 Пав жертвою святого преступленья.
 Дороже мне подземным угодить,
 Чем здешним: не под властью ли подземных
 Всю вечность мне придется провести?
 Ты иначе решила — попирай же
 В бесчестье то, что бог нам чтить велел.

Исмена

Я не бесчещу заповеди божьей,
Но гражданам перечить не могу.

Антигона

⁸⁰ При том и оставайся.— Я же брата
Любимого могилую почту.

Исмена

Несчастливая! Мне страшно за тебя.

Антигона

Меня оставь,— живи своею правдой.

Исмена

Храни же в тайне замысел опасный,
Не посвящай чужих! И я смолчу.

Антигона

Всем говори! Услужью молчанья
Ты лишь усилишь ненависть мою.

Исмена

Твой пламень сердца душу леденит!

Антигона

Но тем, кому служу я, он угоден.

Исмена

⁹⁰ Несбыточны твои желанья, верь мне!

Антигона

Коль так — мой пыл остынет сам собой.

Исмена

И приступать к несбыточному праздно.

Антигона

Так продолжай — и ненавистна будешь
Усопшему навеки, как и мне.
Нет, пусть я буду вовсе безрассудна,
Пусть претерплю обещанный удар —
Но я не отрекусь от славной смерти.

Исмена

Прощай сестра! Мечта твоя безумна,
Но для родных ты истинно родня.

(Расходятся.)

ПАРОД

Со стороны города появляется *Хор фиванских старцев.*

*Строфа I**Хор*

¹⁰⁰ Здравствуй, Солнца желанный луч!
 Краше всех просиявших зорь
 Над Диркейским святым руслом
 Ты сверкнул, золотого дня
 Ясный взор, после долгой мглы
 Свет неся семивратным Фивам!
 Ты же, жгучей шпорой вонзаясь,
 Вражью рать о белых щитах,
 Что к нам Аргос в бой снарядил,
 В бегство двинул быстрее.

Корифей

¹¹⁰ Поднялась она гордо на нашу страну,
 Под грозой Полиниковых гневных речей.
 Как блистали доспехи, как веял султан!
 Так парит над землею могучий орел:
 Белоснежные крылья колышут его,
 И угрозой с небес
 Его яростный крик раздается.

*Антистрофа I**Хор*

¹²⁰ Над чертогом повис орел;
 Лесом гибельных копий он
 Обложил семивратный вал.
 Но вкусить не пришлось ему
 Нашей крови, и смольный огонь
 Не коснулся венца твердыни.
 Вспять направил гордый он лет,
 За спиной услышав своей
 Гром оружий: хищник узнал
 Силу бранную змея.

Корифей

¹³⁰ Ненавидит надменных речей похвальбу
 Правосудный Зевес. Он заметил поток
 Необорный мужей и бряцающих лат
 Золоченую спесь — и у грани самой
 Огневицей перуна врагов ниспроверг,
 Уж разверзших уста
 Для ликующей песни победы.

Строфа II

Хор

В гулком паденье поверженный огненосец
 Землю ударил. Дышал он безумной злобой:
 словно смерч-лиходей,
 Мнил смести он державный град.
 Такой ему жребий пал;
 Смертью иной прочих сразил
 Бурный Арес, наш покровитель
 140 Благоусердный.

Корифей

И седмица вождей у ворот семерых,
 Что доверилась удали в равном бою,
 Свои латы оставила Зевсу побед.
 Лишь они, нечестивцы, что, крови одной
 По отцу и по матери, копьа свои
 Друг на друга направили, — смерти одной
 Испытали совместную горечь.

Антистрофа II

Хор

Нам же дарует всеславный венец Победа,
 Светлая гостья царицы ристаний Фивы,
 150 Чтоб забвения мглой
 Войн годину покрыли мы.
 Пусть пляски вихрь в тьме ночной
 Радости мзду в храмы несет;
 Ты ж, Дионис, будешь нам в Фивах
 Царь хороводов!

Корифей

Но я вижу владыку родимой страны,
 Менекеева сына Креонта: сам бог
 Ему царство недавним решеньем вручил.
 Он идет. Что за думы волнуют его?
 160 Знать, не даром он старцам гонцов разослал
 И в совет их державный на площадь зовет
 Принуждением царского слова!

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Креонт

(выходит со стороны поля боя)

О, мужи Фив! Божественною волей
 Наш город вновь спасен из моря бед.
 И вот я вас созвал — от всех отдельно,

Посланца гласом каждого — считая
 Оплотом царского престола вас.
 Так вы уж древней Лаия державе
 Хранили верность; так, затем, Эдипу;
 И наконец, по гибели отца,
 Вы так же верно сыновьям служили.
¹⁷⁰ Теперь двойная их скосила доля
 В один и тот же день — убийцы оба,
 Они ж и жертвы, юную десницу
 Братоубийства скверной опорочив —
 И унаследовал царей погибших
 Престол, как родственник ближайший, я.
 Я знаю: безрассудно полагать,
 Что понял мысль и душу человека,
 Покуда власти не отведал он.
 Узнайте же, как я намерен править.
 Кто, призванный царить над всем народом,
 Не принимает лучшего решенья;
¹⁸⁰ Кому позорный страх уста сжимает,
 Того всегда считал негодным я.
 И кто отчизны благо ценит меньше,
 Чем близкого, — тот для меня ничто.
 Я не таков. Да будет Зевс-всевидец
 Свидетель мне! Молчать не стану я,
 Когда пойму, что под личиной блага
 Беда к моим согражданам крадется,
 Не допущу подавно, чтобы дружбу
 Мою снискал моей отчизны враг.
 Отчизна — вот та крепкая ладья,
 Что нас спасает: лишь на ней, счастливой,
¹⁹⁰ И дружба место верное найдет.
 Такой закон наш город вознесет,
 И с ним согласен тот приказ, который
 Я о сынах Эдипа объявил.
 Гласит он так: героя Этеокла
 За то, что пал он, за страну сражаясь,
 Покрытый славой многих бранных дел, —
 Почтить могилкой и достойной тризной
 С славнейшими мужами наравне;
 Но брат его — о Полинике слово —
 Кто, изгнанный, вернулся в край родной
²⁰⁰ Чтob отчий Град и отчие святыни
 Огнем пожечь дотла, чтоб кровью граждан
 Насытить месть, а тех, кто уцелел,
 В ярмо неволи горькой впрячь, — о нем
 Народу мой приказ: не хоронить,
 Ни плачем почитать; непогребенный,

Оставлен на позор и на съеденье
 Он алчным псам и хищникам небес.
 Вот мысль моя, и никогда злодея
 Не предпочту я доброму среди нас.
 Кто ж верен родине, тому и в жизни
 210 И в смерти я всегда воздам почет.

К о р и ф е й

Ты так решил, Креонт, сын Менекея,
 И о враге отчизны, и о друге;
 В твоих руках закон; и над умершим,
 И над живыми — нами, — власть твоя.

К р е о н т

Так бдите же над исполнением слова!

К о р и ф е й

Не молодых ли это плеч обуза?

К р е о н т

Конечно; к трупу стражу я приставил.

К о р и ф е й

А нам ты что приказываешь, царь?

К р е о н т

Ослушникам закона не мирволить.

К о р и ф е й

220 Кто ж в казнь влюблен? Таких безумцев нет.

К р е о н т

Наградой казнь ослушнику, ты прав;
 Но многих и на смерть влечет корысть.

С т р а ж

(появляясь со стороны поля)

По правде не могу я, государь,
 Сказать, чтоб от чрезмерного усердья
 Я запыхавшись прибежал сюда.
 Нет: остановок на пути немало
 Внушала мне забота, и не раз
 Уж восвоися я хотел вернуться.
 То так, то сяк душа мне говорила:
 «Глупец! Куда спешить? Ведь на расправу!
 Несчастный! Что ты медлишь? Вдруг Креонт
 230 Узнает от другого, — будет хуже!»
 Так мысль свою ворочал я, досужий
 Шаг замедляя, — а в таком раздумьи
 И краткий путь способен долгим стать.

Но верх взяла решимость: я пришел.
Хоть и сказать мне нечего, а все же
Скажу: пришел сюда не без надежды
Не испытать, чего не заслужил.

Креонт

О чем же речь? Ты оробел, я вижу!

Страж

Узнай сначала про меня: то дело
Свершил не я, а кто свершил — не знаю.
240 Ответ держать поэтому не мне.

Креонт

Что за увертки, что за оговорки!
Не мешкай: что за новость, объяви!

Страж

Тут поневоле мешкать будешь: страшно!

Креонт

Так говори — и убирайся прочь!

Страж

Ну вот, скажу: похоронен тот труп.
Печальник скрылся. Слой песку сухого
На мертвеце и возлияний след.

Креонт

Что ты сказал? Кто мог дерзнуть? Ответствуй!

Страж

Почем мне знать? Ни рытвины кругом
250 От заступа или лопаты; почва
Тверда, суха ступне и колесу:
Кто здесь и был, тот не оставил следа.
Так вот, когда дневальщик первый дело
Нам показал — всем и чудно и жутко
Внезапно стало: мертвеца не видно!
Не то, чтоб в землю он ушел: лишь сверху
Был тонким слоем пыли он покрыт,
Как бог велит во избежанье скверны.
И ни от пса, ни от другого зверя
Следов не видно — ни зубов, ни лап.

Тут друг на друга мы с обидной бранью
260 Набросились, страж стража обвинял;
Вот-вот, казалось, до ручной расправы
Дойдет — кому же было нас унять?
На каждого вину взвалить пытались —
И каждый отрицал ее. Готов был
Всяк раскаленное держать в руках железо,

И сквозь огонь пройти, и бога в клятве
 Свидетелем призвать, что он невинен,
 Что он ни в замысле, ни в исполнении
 Не принимал участия. Спорим, спорим, —
 Нет, не выходит ничего. Тут слово
 Сказал один из нас — такое слово,
 Что в страхе все поникли головой:
 270 Перечить не могли, а что бедою
 Оно чревато — было ясно всем.
 Его же слово — вот оно: с повинной
 К тебе прийти и обо всем сказать.
 Что было делать? Покорились, жребий
 Метнули — мне досталась благодать.
 И вот я здесь, что враг во вражьем стане;
 Еще бы! Всем противен вестник зла.

К о р и ф е й

Недоброе нам сердце ворожит;
 Подумай, царь, не бог ли тут замешан.

К р е о н т

280 Умолкни! Гневом душу мне наполнишь.
 Ужель с годами ум твой отупел?
 Что за кощунство! Чтобы сами боги
 Заботились об этом мертвеце!
 Что ж, благодетеля они в нем чтили,
 Что перстью упокоили его —
 Его, пришедшего в наш край, чтоб храмы
 В убранстве их колонн огнем разрушить,
 Разграбить приношенья, разорить
 Мать-землю, надругаться над законом?
 А коль злодей он — видано ли дело,
 Чтоб о злодее боги так пеклись?
 Нет, нет, не то. — Уже давно среди граждан
 290 Я ропот слышу. Им мое решенье
 Противно, видно, и строптивой вые
 Претит ярмо. Нелюб им новый царь.

(Показывая на стража)

Они и их — я это ясно вижу —
 Посулом мзды презренной обольстили,
 Чтоб мой приказ нарушили они.
 Да, деньги, деньги! Хуже нет соблазна
 Для смертного. Они устои точат
 Стен крепкозданных и из гнезд родных
 Мужей уводят; их отравя в душу
 Сочится добрых, страсть к дурным деяньям
 300 Внушая ей; они уловкам учат,
 Как благочестья грань переступать.

Но все же те, кого соблазн наживы
Заманит в грех такой — хоть и не сразу —
Добьются кары строгого судьи.

(С т р а ж у)

Теперь заметь: как свят мне Зевса облик! —
Ты видишь, клятвой я связал себя —
Моим глазам представите вы вскоре
Виновника запретных похорон;
Не то — вам смерти не простой награда
Назначена: живые вы на дыбе
Заплатите за дерзновенье мне.
³¹⁰ Я научу вас знать, где к месту алчность,
И воровать с разбором, твердо помня,
Что не везде подачка нам сладка.
Опасна гнусная корысть, и чаще
Ты с ней беду, чем прибыль наживешь.

С т р а ж

Ответить дашь? Иль сразу уходить?

К р е о н т

Разгневал ты и так меня довольно!

С т р а ж

Слух ли болит иль сердце у тебя?

К р е о н т

Еще искать ты вздумал место боли?

С т р а ж

Я огорчил твой слух, виновник — сердце.

К р е о н т

³²⁰ Болтать на диво мастер, ты, я вижу!

С т р а ж

Пусть так; но труп похоронил не я.

К р е о н т

Неправда, ты, продав за деньги душу.

С т р а ж

Увы!

Беда, когда судья нездраво судит.

К р е о н т

Толкуй себе, что здраво, что нездраво,
Но отыщи виновника, — не то
Поймешь: корысть чревата злой невзгодой.

Уходит во дворец.

С т р а ж

И я согласен, чтоб его поймали.
 Но будет ли он пойман, или нет —
 Ведь в этом властен бог один — с возвратом
 330 Меня не жди. И то уж я не думал,
 Что жизнь цела останется моя;
 Спасибо, боги, вам за милость вашу!
 (Поспешно уходит.)

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Х о р

Строфа I

Много в природе дивных сил,
 Но сильней человека — нет.
 Он под вьюги мятежный вой
 Смело за море держит путь;
 Кругом вздымаются волны —
 Под ними струг плывет.
 Почтенную в богинях, Землю,
 Вечно обильную мать, утомляет он;
 340 Из году в год в бороздах его пажити,
 По ним плуг мул усердный тянет.

Антистрофа I

И беззаботных стаи птиц,
 И породы зверей лесных,
 И подводное племя рыб
 Власти он подчинил своей:
 На всех искусные сети
 Плетет разумный муж.
 Свирепый зверь пустыни дикой
 350 Силе его покорился, и пойманный
 Конь густогривый ярму повинуется,
 И царь гор, тур неукротимый.

Строфа II

И речь, и воздушную мысль,
 И жизни общественной дух
 Себе он привил; он нашел охрану
 От лютых стуж — ярый огонь,
 От стрел дождя — прочный кров.
 360 Благодолен! Бездолен не будет он в грозе
 Грядущих зол; смерть одна
 Неотвратна, как и встарь,
 Недугов же томящих бич
 Теперь уж не страшен.

Антистрофа II

Кто в мудрость искусство возвел,
 Превыше бессильных надежд,
 Тот путь проторил и к добру и к худу.
 Кто Правды дочь, Клятву, чтит,
 Закон страны, власть богов, —
 370 Благороден! Безроден в кругу сограждан тот,
 Кого лихой Кривды путь
 В сердце дерзостном пленил:
 Ни в доме гость, ни в вече друг
 Он мне да не будет!

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Со стороны поля появляется *Страж*, ведущий *Антигону*.

Корифей

Непонятное диво мне разум слепит.
 Это ты, Антигона? Зачем не могу
 Уличающих глаз я во лжи уличить!
 380 О Эдипа-страдальца страдальца-дочь!
 Чего ради, царица, схватили тебя?
 Неужели дерзнула ты царский закон
 Неразумным деяньем нарушить?

Страж

Да, да, она виновница; ее мы
 Застали хоронящей. Где Креонт?

Корифей

Он вовремя выходит из дворца.

Креонт

С какой потребностью совпал мой выход?

Страж

Да, государь; ни в чем не должен смертный
 Давать зарок: на думу передума
 Всегда найдется. Вот возьми меня:
 390 Я ль не клялся, что ни за что на свете
 Не возвращусь сюда? Такого страху
 Твои угрозы на меня нагнали.
 Но сам ты знаешь: всех утех сильнее
 Нежданная-негаданная радость.
 И вот я здесь, и клятвы все забыты,
 И эту деву я привел: у трупа
 Лелеяла покойника. Без жребья,
 Без спора мне присуждена находка.

Ее тебе вручаю я: суди,
 Допрашивай, меня же от опалы
 400 Освободи и отпусти домой.

Креонт

Ее привел ты... как и где найдя?

Страж

Труп хоронящей — этим все сказал я.

Креонт

Ты понимаешь, что ты говоришь?

Страж

Сам видел, хоронила труп она,
 Тебе наперекор. Ужель не ясно?

Креонт

Как ты увидел? Как схватил ее?

Страж

Так было дело. Я туда вернулся
 Под гнетом яростных угроз твоих.
 Смели мы пыль, что покрывала труп,
 410 И обнажили преющее тело.
 Затем расселись на хребте бугра,
 Где ветер был покрепче — от жары ведь
 Тлетворный запах издавал мертвец.
 Чуть засыпал кто — руганью усердной
 Его будил сосед — знай дело, значит.
 Так время проходило. Вот уж неба
 Средину занял яркий солнца круг,
 И стал нас зной палить. Внезапно смерч
 С земли поднялся, в небо упираясь
 Своей верхушкой. Всю равнину вмг
 420 Собой наполнил он, весь беспредельный
 Эфир; кругом посыпались с деревьев
 Листва и ветви. Мы, глаза зажмурив,
 Старались божью вынести напасть.

Прождали мы немало; наконец,
 Все успокоилось. Глаза открыли —
 И что же? Дева перед нами! Плачет
 Она так горько, как лесная пташка,
 Когда, вернувшись к птенчикам, застанет
 Пустым гнездо, осиротелым ложе.
 Так и она, увидев труп нагим,
 Взрыдала, проклиная виноватых,
 И тотчас пыли горстию сухой
 430 И, высоко подняв кувшин узорный,

Трехкратным возлияньем труп почтила.
 Увидев это, бросились мы к ней.
 Она стоит бесстрашно. Мы схватили
 Ее, и ну допрашивать: о прежнем
 Обряде, о вторичном — и во всем
 Она призналась. И отраднo мне,
 И жалко стало. Да и впрямь: ведь сладко,
 Что сам сухим ты вышел из беды;
 А все же жаль, когда беду накличешь
 Ты на людей хороших. — Ну, да что!
 440 Всегда своя рубашка к телу ближе.

Креонт

(*Антигоне*)

Ты это! Ты!... Зачем склоняешь взор?
 Ты это совершила или нет?

Антигона

Да, это дело совершила я.

Креонт

(*Стражу*)

Теперь иди, куда душе угодно:
 С тебя снимаю обвиненье я.

Страж уходит. *Креонт* обращается к *Антигоне*:

А ты мне ясно, без обиняков
 Ответь: ты о моем запрете знала?

Антигона

Конечно, знала; всем он ведом был.

Креонт

Как же могла закон ты преступить?

Антигона

450 Затем могла, что не Зевес с Олимпа
 Его издал, и не святая Правда,
 Подземных сопрестольница богов.
 А твой приказ — уж не такую силу
 За ним я признавала, чтобы он,
 Созданье человека, мог низвергнуть
 Неписанный, незыблемый закон
 Богов бессмертных. Этот не сегодня
 Был ими к жизни призван, не вчера:
 Живет он вечно, и никто не знает,
 С каких он пор явился меж людей.
 Вот за него ответить я боялась
 Когда-нибудь пред божьим судом,

А смертного не страшен мне приказ.

Умру я, знаю. Смерти не избегнуть,
 460 Хотя б и не грозил ты. Если жизнь
 Я раньше срока кончу — лишь спасибо
 Тебе скажу. Кто в горе беспросветном
 Живет, как я, тому отрадой смерть.
 Нет, не в досаду мне такая участь.
 Но если б брата, что в одной утробе
 Со мной зачат был — если б я его,
 Умершего, без чести погребенья
 Оставила — вот этой бы печали
 Я никогда осилить не смогла.
 Ты разума в словах моих не видишь;
 Но я спрошу: не сам ли неразумен,
 470 Кто в неразумии корит меня?

К о р и ф е й

Отца мятежного мятежный дух
 В тебе живет: не сломлена ты горем.

К р е о н т

(Антигоне)

Ну, так узнай: чем круче кто в гордыне,
 Тем ближе и падение его.
 Пусть раскалится в огненном горниле
 Железа сила: будет вдвое легче
 Его ломать и разбивать тогда.
 И пылкого коня лихую удаль
 Узда смиряет малая: не след
 Кичиться тем, кто сильному подвластен.

(К старцам)

Что ж нам о ней поведать? Провинилась
 480 Уж в первый раз сознательно она,
 Когда закон, известный всем, попраля;
 Теперь же к той провинности вторую
 Прибавила она, гордяся делом
 Содеянным и надо мной глумясь.
 Не мужем буду я — она им будет —
 Коль власть мою ей в поруганье дам.
 Нет; будь сестры она мне ближе, ближе
 Нам всем родного домового Зевса:
 Они с Исменой не избегнут кары,
 И кары строгой. Обе виноваты:
 490 Они вдвоем обдумали тот шаг.

(Страже)

Вы, позовите мне сюда Исмену.

Я только что ее в покоях видел
 Безумною от крайнего волнения.
 Да, кто во тьме недоброе замыслит,
 В своей душе предателя взрастит;
 Но хуже тот, кто, пойманный с поличным,
 Прикрасы слов наводит на вину.

Антигона

Ты кару ищешь мне сильнее смерти?

Креонт

Нет, этого достаточно за все.

Антигона

Зачем же ждать? Мне речь твоя противна;
 500 Не примирюсь я с нею никогда.

Так и тебе не по сердцу мой подвиг.

И все ж — могла ли я славнее славу
 Стяжать, чем ныне? Я родного брата
 Могилою почтила.

(Ук зывая на хор)

Если б страх

Язык им не сковал, они б признались

Что мыслями со мною заодно.

Завидна жизнь царей: они лишь могут

И говорить, и делать, что хотят.

Креонт

Ужели всех кадмейцев ты умнее?

Антигона

Спроси у них — пусть разомкнут уста.

Креонт

510 Не стыдно ль мыслить розно ото всех?

Антигона

Почтить родного брата — не позорно.

Креонт

А тот не брат, что с ним в бою сразился?

Антигона

О да, и он: одна и та же кровь.

Креонт

За что ж его ты оскорбила тень?

Антигона

Меня покойный не осудит, знаю.

Креонт

Как? Нечестивца ты сравнила с ним!

Антигона

Погиб мой брат, а не какой-то раб.

Креонт

Погиб врагом, а тот спасал наш город!

Антигона

И все ж Аида нерушим закон.

Креонт

⁵²⁰ Нельзя злодеев с добрыми равнять!

Антигона

Почем мы знаем, так ли там судили?

Креонт

Вражда живет и за вратами смерти!

Антигона

Делить любовь — удел мой, не вражду.

Креонт

(указывая на землю)

Ступай же к ним и их люби, коль надо;
Пока я жив, не покорюсь жене!

Из дворца выводят *Исмену*.

Корифей

Посмотрите: Исмена у входа, друзья!
Сердобольные слезы текут из очей;
Ее щеки в крови; над бровями печаль,
Словно туча, нависла, горячей струей
⁵³⁰ Молодой ее лик орошая.

Креонт

(Исмене)

А, это ты в тени укромной дома
Змеей ползучей кровь мою точила,
И я не ведал, что рощу две язвы,
Две пагубы престола моего!
Скажи мне ныне: признаешь себя ты
Сообщницей в том деле похорон,
Иль клятву дашь, что ничего не знала?

Исмена

Коли она призналась — то и я.
Ее вину и участь разделяю.

Антигона

Нет, не разделишь — Правда не велит:
Ты не хотела — я тебя отвергла.

Исмена

⁵⁴⁰ Но ты несчастна — и в твоём несчастье
Я не стыжусь быть дольщицей беды.

Антигона

Любовь не словом дорога, а делом;
О деле ж знает царь теней, Аид.

Исмена

О, не отталкивай меня! Мы вместе
Умрем и смертью мертвого почтим.

Антигона

Ты не умрешь. Чего ты не коснулась,
Своим не ставь; за все отвечу я.

Исмена

Какая жизнь мне без тебя мила?

Антигона

Спроси Креонта: он тебе опора.

Исмена

⁵⁵⁰ К чему насмешки! Легче ли от них?

Антигона

Верь, горше слез нас мучит смех такой.

Исмена

Чем же утешу я тебя хоть ныне?

Антигона

Себя спаси; тебе я жить велю.

Исмена

О горе, горе! Жить с тобой в разлуке?

Антигона

Ты жизни путь избрала, смерти — я.

Исмена

Но я тебя отговорить пыталась.

Антигона

Кто прав из нас, пускай рассудят люди.

Исмена

Но в этом деле обе мы виновны.

Антигона

Нет. Ты жива, моя ж душа давно
 560 Мертва; умерших чтит моя забота.

Креонт

Ума решились эти девы, вижу:
 Одна — теперь, другая — с малых лет.

Исмена

Да, государь, ты прав; врожденный разум
 Со счастьем вместе покидает нас.

Креонт

Впрямь, коли ты со злой влечешься к злу!

Исмена

Мне жизнь не в жизнь с ней розно, государь.

Креонт

Не говори ты «с ней»! Ее уж нет.

Исмена

И ты казнить решил невесту сына?

Креонт

Есть для посева и другие нивы!

Исмена

570 Нет, коли все давно сговорено!

Креонт

Дурной жены я сыну не желаю.

Исмена

О Гемон, как не дорог ты отцу!

Креонт

Его женитьба — не твоя забота.

Исмена

И сына ты лишишь такой невесты?

Креонт

Лишу не я: разлучница здесь смерти!

Корифей

Как видно, казни ей не избежать.

Креонт

Ты понял верно. Но довольно. Стража!
 Домой их уведите... Да, еще:
 Двух женщин этих под охраной верной

Держать, свободы не давать отнюдь:
 580 И смельчаки не презирают бегства,
 Коль сознают, что смерть недалека.
 Стража уводит *Антигону* и *Исмену*.
Креонт остается на оркестре.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа I

Блаженны вы, люди, чей век бедой не тронут!
 Если ж дом твой дрогнул от божьего гнева,
 Смена жизней лишь приумножит наследье кары.
 Мятажится за валом вал,
 Точно лютых вьюг разгул
 Подводный ад на гладь лазурных волн извлек.
 590 На свет ил дна всплывает черный,
 Страждет скал прибрежных кряж,
 Протяжным стоном вою бури вторя.

Антистрофа I

Я вижу растущую в роде Лабдакидов,
 За бедой беду в чередѣ поколений;
 Не искупит жертва сыновняя отчих бедствий,—
 Сам бог в погибель дом ведет.
 Рос последний в нем цветок,
 600 Последний свет он лил на весь Эдипа дом.
 Увы! Серп бога тьмы подземной
 Срезать и его готов:
 Безумье речи,— разума затменьѣ.

Строфа II

Твою, Зевс, не осилит власть
 Человечьей гордыни дерзость
 И сон-чародей перед тобой бессилѣн,
 И дней неустанный ход;
 Старости чужд, вечно державен ты,
 Вечно тебя Олимпа
 610 Свет лучезарный нежит.
 Человеку ж дан и в прошлом,
 И ныне, и впредь закон:
 Бди, борись — все тщетно;
 В уделе Земном всё под Бедой ходит.

Антистрофа II

Надежд сонм обольщает ум,
 Но одним он бывает в пользу,

Другим — на беду легкообманной страсти.
 Грядешь ты, не чуя зла,—
 И в ярый огонь ступишь негаданно.
 620 Видно, недаром предкам
 Мудрость внушила слово:
 Благодать во зле мы видим,
 Когда ослепленный ум
 В гибель бог ввергает;
 Недолго нам ждать: близко Беда ходит.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Со стороны города появляется *Гемон*.

Корифей

Но я Гёмона вижу; в гнезде он твоём
 Стал единственным ныне... Как тускл его взор!
 Знать, о доле невесты проведаль жених;
 630 Знать, не сладко с надеждой прощаться!

Креонт

Узнаем вскоре сами без пророков.
 Мой сын, ужель ты гневен на отца,
 Про приговор решительный невесте
 Узнав? Иль, что бы я ни делал, прочен
 Сыновнего почтения завет?

Гемон

Отец, я твой; ты путь мне указуешь
 Решеньем благостным, и путь тот — мой.
 Не так мне дорог брак мой, чтоб заветам
 Твоим благим его я предпочел.

Креонт

Ты прав, мой милый. Пред отцовской волей
 640 Все остальное отступить должно.
 Затем и молим мы богов о детях,
 Чтоб супостатов наших отражали
 И другу честь умели воздавать.
 А кто и в сыне не нашел опоры —
 Что скажем мы о нем? Не ясно ль всем,
 Что для себя он лишь кручину создал
 И смех злорадный для врагов своих?
 Нет, нет, дитя! Не допусти, чтоб нег
 Твой ясный разум обуяла; женской
 Не покоряйся прелести, мой сын!
 Кто с лиходейкой делит ложе — верь мне,

- ⁶⁵⁰ Морозом веет от таких объятий!
 Нет горше язвы, чем негодный друг.
 Отринь и ты ее, презренья полный:
 Она нам — враг. Пускай во тьме подземной
 Себе другого ищет жениха!
 Я уличил ее уликой явной
 В том, что она, одна из сонма граждан,
 Ослушалась приказа моего;
 Лжецом не стану я пред сонмом граждан:
 Пойми меня, мой долг — ее казнить.
 И пусть взывает к родственному Зевсу:
 Когда в родстве я зародиться дам
 Крамоле тайной — вне родства бесспорно
⁶⁶⁰ Еще пышнее расцветет она.
 Нет. Кто в кругу домашних безупречен,
 Тот и гражданский долг исполнит свято;
 Напротив, кто в безумном самомнении
 Законы попирает, кто властям
 Свою навязывает волю — мною
 Такой гордец отвержен навсегда.
 Кого народ начальником поставил,
 Того и волю исполняй — и в малом,
 И в справедливом деле, и в ином.
 Кто так настроен, тот — уверен я —
 Во власти так же тверд, как в подчиненье.
⁶⁷⁰ Он в буре брани на посту пребудет,
 Соратник доблестный и справедливый.
 А безначалье — худшее из зол.
 Оно народы губит, им отравя
 В глубь дома вносится, союзной рати
 В позорном бегстве узы рвет оно.
 Но где надежно воинство — его там
 Ряды блюдет готовность послушанья.
 Храни же свято стяг законной власти,
 Не подчиняя женщине ума.
 Уж если пасть нам суждено — от мужа
⁶⁸⁰ Падем, не в женской прелести сетях!

К о р и ф е й

Нам мнится, если возраст нам не враг,
 Твоими разум говорит устами.

Г е м о н

Ах, разум, разум... Да, отец мой, высший
 То дар богов для смертных, спору нет;
 И что неправ ты — это доказать
 Не в силах я — и не хочу быть в силах.
 Но прав, быть может, также и другой?

- Поверь, отец: что делает народ,
 Что говорит и чем он недоволен,
 690 Мне лучше видно. Страх простолюдину
 Твой взор внушает, прерывает речи,
 Что неуютны слуху твоему.
 А я, в тени, и вижу все, и слышу.
 Я слышу, да, как все ее жалеют,
 Все говорят: «Ужель погибнет та,
 Что гибели всех менее достойна? —
 Ужель за подвиг столь прекрасный — кару
 Столь жалостную понесет она? —
 Ту, что, родного брата в луже крови
 Найдя, непогребенным не снесла,
 Не потерпела, чтоб от псов голодных
 Он поруганье принял и от птиц —
 Ее ль златым мы не почтим венком?»
 700 Так глухо бродит темная молва.
 Отец! Ведь мне всего добра на свете
 Дороже благоденствие твое.
 И быть не может иначе: ведь слава
 Цветущего отца — величье сына,
 Как и отцу отраден сына блеск.
 Не будь же однодумен: не считай,
 Что правда только в том, что ты сказал.
 Кто лишь в себе высокий разум видит,
 Иль чары слова, иль души величье —
 Тот часто вдруг оказывался пуст.
 710 Ты — человек, и как бы ни был мудр ты, —
 Позора нет познать и уступить.
 Когда поток весенних вод избыток
 Стремит в долину — гибкие лишь лозы
 Его выносят, а деревьев силу
 Он, с корнем вырывая, истребляет.
 Когда моряк натянет корабельный
 Канат и не захочет отпустить —
 Не миновать ладье перевернуться.
 Нет, уступи, смири свой гордый дух!
 Дозволь и мне, хоть я и молод, словом
 Тебя правдивым вразумить, отец:
 720 Всех совершенней я того считаю,
 Кто сам в себе клад мудрости хранит.
 Но он немногим достается; прочим —
 И доброму совету внять хвала.

К о р и ф е й

Полезно обоюдное ученье,
 Коль доля правды у обоих есть.

Креонт

Седые старцы мы; не время нам
У молодого разуму учиться!

Гемон

Одной лишь правде! Если ж молод я,—
Смотреть на дело должно, не на возраст.

Креонт

⁷³⁰ А дело ли ослушника почтить?

Гемон

Почтить дурных я не просил, отец.

Креонт

Ну, а ее ты к ним не причисляешь?

Гемон

Ни я, ни всенародный глас фивян.

Креонт

Народ ли мне свою навяжет волю?

Гемон

Ты ныне слово юное сказал.

Креонт

Своей мне волей править, иль чужою?

Гемон

Единый муж — не собственник народа.

Креонт

Как? «Мой народ» — так говорят цари!

Гемон

Попробуй самодержцем быть в пустыне!

Креонт

⁷⁴⁰ Жене ты покорился, вижу я!

Гемон

Коль ты — жена; я о тебе забочусь.

Креонт

Ты, негодяй? И судишься с отцом?

Гемон

Так должно; Правды ты завет нарушил.

Креонт

Нарушил, если власть я чту свою?

Гемон

Хорош почет, коль ты богов бесчестишь!

Креонт

Презренный, женской прелести угодник!

Гемон

Все ж не дурному делу я служу.

Креонт

Ты в каждом слове лишь о ней радеешь!

Гемон

Нет; и о нас с тобой, и о богах.

Креонт

750 Живой ее ты не получишь в жены!

Гемон

Она умрет... пусть так! Но не одна.

Креонт

Еще угрозы? Вот венец дерзанию!

Гемон

Угрозы? Нет; тщете ответ бессильный.

Креонт

Тщеты питомец не учитель мне!

Гемон

757 Ты говорить лишь хочешь, а не слушать?

Креонт

756 Раб женщины, не раздражай меня!

Гемон

755 Отец!... другого б я назвал безумцем.

Креонт

758 Что ж, называй! Но не на радость, верь мне,
К хуле и брань прибавил ты.

(Страже)

Эй вы!

760 Сюда преступницу ведите! Тотчас
На жениха глазах ее казню.

Гемон

Нет, этого не будет! Глаз моих
Уж не увидят боле ни невеста
В мученьях казни горестной, ни ты:

Других ищи союзников безумью!

Уходит.

К о р и ф е й

Его шаги торопит гнев, владыка —
Советник лютой в юных дней пылу.

К р е о н т

Что ж, в добрый час! Пускай в своей гордыне
И дерзости себя хоть богом мнит:
Их он и этим не спасет от казни.

К о р и ф е й

⁷¹⁰ «Их», ты сказал? Ужель казнишь обоих?

К р е о н т

Ты прав: лишь ту, что прикоснулась к трупу.

К о р и ф е й

Какую ж ей ты приготовил казнь?

К р е о н т

За городом, в пустыне нелюдимой,
Врыт в землю склеп; из камня свод его.
Туда живую заключу, темного
Ей пищи дав — так, как обряд велит,
Чтоб города не запятнать убийством,
Пусть там Аиду молится — его ведь
Она считает богом одного!
Быть может, он спасет ее от смерти.
А не спасет — на опыте узнает,

⁷⁸¹ Что почитать подземных — праздный труд.

Уходит во дворец.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Строфа

Х о р

Эрот, твой стяг — знамя побед!
Эрот, ловец лучших добыч,
Ты и смертному сердце жжешь
С нежных щек миловидной девы.

Подводный мир чует твой лет; в чаще лесной гость ты;
Вся бессмертная рать воле твоей служит;

Всех покори́л людей ты —

⁷⁹⁰ И, покори́в, безумишь.

Антистрофа

Тобой не раз праведный ум

В неправды сеть был вовлечен;
 Ты и ныне лихую рознь
 В эти души вселил родные.
 Преграды снес негой любви взор молодой девы —
 Той любви, что в кругу высших держав судит.
 Нет поражений играм
 800 Царственной Афродиты!

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Из дворца выходит, окруженная стражей, *Антигона*.

Корифей

О, что вижу? И сам послушания долг
 Позабыть я готов, и из старческих глаз
 Неудержно струится горячий родник.
 Антигону ведут — ах, не в дом жениха:
 Ее ждет всеприемлющий терем!

КОММОС

Строфа I

Антигона

В последний путь, старцы земли родимой,
 Я собралась теперь.
 Этот солнца лучистый круг,
 Ах, в последний вижу я раз.
 810 Все прошло: живую меня
 В дом ведет свой мрачный Аид
 К берегу плача.
 Нет мне проводной песни,
 Подруг игры не услышит мой
 Свадебный терем,
 О, нет: владыке невеста я мрака.

Корифей

Но ты чести стяжала нетленный венец,
 С ним нисходишь ты славно в обитель теней.
 Не ползучая хворь иссушила тебя,
 820 Не жестокий булат твою грудь изрубил:
 Ты нисходишь живая, одна среди жен,
 Своему повинуюсь закону.

Антистрофа I

Антигона

Погибла так в горя расцвете, молвят,
 Гостя с фригийских гор:

Где белеет Сипила кряж,
 Там живую камня побег,
 Точно цепкий плющ, охватил,
 Бурный дождь струится по ней,
 Снег белеет, —

830 Так говорят сказанья.
 Поныне там от бессонных слез
 Камень влажнеет;
 Такую гибель и мне судил демон.

К о р и ф е й

Не забудь: то богиня, бессмертных дитя,
 Мы же смертные люди и дети людей;
 А ведь грешен запретной гордынею тот,
 Кто с богами и в жизни равняет себя

.....
 И в загробной всесилиии доли.

Строфа II

А н т и г о н а

Глумишься ты? Ради богов отчизны нашей!
 840 Скоро меня не будет;
 Долго ли ждать вам?
 О мой родимый край,
 О счастливое племя,
 О волны Диркеи! О роца
 Царицы ристаний, Фивы!
 Я вас зову в свидетели,
 В какой меня могильный склеп, в страшный плен
 Ведут, поправ людской закон,
 И нет слезы мне от друзей!
 850 О, что ждет меня?
 Уж не числюсь среди живых я,
 Еще не став между мертвых мертвой.

Х о р

Прейдя земной отваги грань,
 К престолу Правды вековой
 Припала ты теперь, дитя.
 Отца, знать, искупаешь горе.

Антистрофа II

А н т и г о н а

Коснулись вы самой больной моей кручины,
 Той незабвенной смерти,
 Рока — его же
 860 Тяжесть несем мы все,
 Славный род Лабдакидов.

О терем проклятья! О ложе!
 О ласки родимой крови,
 От матери сыну жаркий дар!
 От них ведь я несчастных дней нить веду.
 И вот безбрачной девой к ним
 Меня проклятье гонит — в ад;
 А ты, бедный брат,
 870 Негу брака познал — и ею
 Живую, ах! мертвый к мертвым сводишь.

Х о р

Почет богам — наш долг святой.
 Но кто приемлет власти скиптр,
 Тот власти должен честь блюсти.
 Тебя ж дух гордой мысли губит.

Эпод

А н т и г о н а

Ах, без друзей, без песни брачной
 Меня несчастную уводят
 В последний, подневольный путь!
 Этого ока святого сияние боле
 880 Я не вправе видеть;
 Боги! И никто меня почтить не хочет
 Хоть слезой участия!

К р е о н т

(выходя из дворца)

Конечно! Дайте волю человеку
 Пред смертью чувства изливать свои —
 Конца не будет жалобам и плачу!

(Страже)

Теперь довольно. Уведите деву
 Скорей под полого кургана сень,
 Как я сказал вам, и одну оставьте.
 Там полная ей воля будет. Хочет —
 Пусть тотчас примет смерть; а то и дальше
 Живет во мраке птицей гробовой.
 Нам от нее не будет осквернения:
 Я крови родственной не пролил, только
 890 От мира жизни отлучил ее.

А н т и г о н а

О склеп могильный! Терем обручальный!
 О вечный мрак обители подземной!
 Я к вам схожу — ко всем родным моим,
 Которых столько, в лютой их кончине,

Приветила царица мглы ночной.
 Теперь и я... Казалось, жизни этой
 Конец далек, и что же? Злейшей смертью
 Последовать за ними я должна.
 И все ж — не каюсь я. Я верю, милой
 Приду к отцу, к тебе, родная, милой,
 К тебе желанной, брат родимый мой.

⁹⁰⁰ Родители, когда почили вы,
 Своими я омыла вас руками,
 Убрала вас и возлияний дань
 Вам принесла. А за твою, о брат мой,
 Своей я жизнью заплатила честь...
 [И все ж — не каюсь я. Разумный скажет,
 Что и тебя почтила я разумно.
 Да, будь детей я матерью — вдовою
 Убитого супруга — я б за них
 Не преступила государства воли;
 Вам ведом крови родственной закон?
 Ведь мужа и другого бы нашла я,
 И сына возместила бы утрату,

⁹¹⁰ Будь и вдовой я, от другого мужа.
 Но раз в аду отец и мать мои —
 Другого брата не найти мне боле.
 Таков закон. Ему в угоду честью
 Тебя великою почтила я.
 Тень братняя! Виною зовет Креонт
 Поступок мой и дерзкою отвагой.]
 И вот меня схватили и ведут
 На смерть — до брака, до веселья свадьбы,
 Не дав изведать мне ни сладких уз
 Супружества, ни неги материнства;
 Нет, сирая, без дружеской слезы

⁹²⁰ Я в усыпальницу схожу умерших.
 Но где ж тот бог, чью правду, горемыка,
 Я преступила? Ах, могу ли я
 Взирать с надеждой на богов, искать в них
 Заступников? За благочестья подвиг
 Нечестия я славу обрела!...
 Что ж! Если боги — за царя, — то в смерти
 Познаю я вину и искуплю.
 Но если он виновен, — горя чашу
 Мою — не более испить ему.

К о р и ф е й

⁹³⁰ Не стихает, я вижу, мятежный порыв
 В Антигоны душе.

Креонт

Не стихает он, да, по ведущих вине,
И за медленность их наказание ждет.

Антигона

О бездушное слово! Уж в гибели пасть
Ты ввергаешь меня!

Креонт

Да, пожалуй. Совет мой — покончить совсем
С безрассудной надеждой на лучший исход.

Антигона

Что ж, идем; я готова. О боги отцов!
Вы простите — прости ты, родная земля!
⁹⁴⁰ О, смотрите, фиванцы! Царевна идет —
Остальная наследница древних владык.
Вот судья мой — и вот преступленье мое:
Благочестию честь воздала я!

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

*Хор**Строфа I*

И Данае-красе светоч небесный —
Меднокованных врат тьмой заменить пришлось.
Терем могильный
Скрыл невесту от глаз людских в те дни.
А ведь рода почет был ей велик, дитя,
⁹⁵⁰ И ей лоно затем Зевса согрел дождь золотой.
Знать, могуча вовек рока над нами власть.
Над ней ни золото, ни булат,
Ни крепкий вал, ни легкий струг,
Забава волн, нам не даст победы.

Антистрофа I

Гневен был он и царь Фракии дикой,
Сын Дрианта, Ликург; сам Дионис его
Смелость изведал.
Все ж в затворе и он окончил дни.
В холодном камне остыл гнева багровый жар;
⁹⁶⁰ Цвет дерзанья поблек; понял тщету мыслей своих
Царь, что бога хулил в злобе безумной он,
Громя вакханок грозный пыл,
Ретивых светочей восторг,
Святую песнь Муз поляны горной.

Строфа II

Там, где в каменных Врат голубеющем мареве
 Двум преграду морям положили бессмертные,
 970 Где Босфора пловцов в мгле Салмидесс ждет,
 Там видел сосед-Арес
 Братьев-Финидов рану.
 Лихая их мачеха сгубила.
 Потух в зрачках страдальцев ясный солнца свет;
 Их смял не меч — нет, руки кровавой
 Коварный взмах, кознь иглы рабочей.

Антистрофа II

В склепе чахли они — и жестокою матери
 980 Долю в плаче глухом вспоминали. Вела она
 Славный род от вельмож древлержавных,
 Царевны афинской дочь.
 Взрастила в пещере дальней
 Крутой горы вьюг отцовских стая
 Лихая Бореаду, легкую как вихрь.
 Но брак приспел — и познала рока
 Царица власть, о дитя родное!

Во время исполнения стасима
 стража медленно уводит *Антигону*.

ЭПИСОДИЙ ПЯТЫЙ

Тиресий

(*входит, ведомый мальчиком*)

Мы к вам пришли, фиванские вельможи,
 Путем совместным. Двое нас, но пара
 990 Очей одна — и зрячий вождь слепцу.

Креонт

Что нового мне скажешь, друг Тиресий?

Тиресий

Скажу; а ты послушайся пророка!

Креонт

Не в первый раз тебе я повинуюсь.

Тиресий

И оттого ты прямо правишь город.

Креонт

Недавний опыт говорит: ты прав.

Тиресий

Так знай: опять по лезвию идешь!

Креонт

Тревожит сердце речь твоя; в чем дело?

Тиресий

Внемли, все скажут знаки ведовства.
 На древнем сидя волхвовском престоле,
 1000 Где вещей птицы гавань для меня,
 Неведомые клики я услышал,
 Разящий, непривычный слуху глас.
 Ударами когтей окровавленных
 Друг друга в алобе вещицы терзали —
 Таков был шум их мечущихся крыл.
 Мне страшно стало; огненную жертву
 На всепалаящем алтаре решил
 Я принести. И что ж? Гефеста пламя
 Не вспыхнуло из тучных бедр овцы;
 Лишь на золу сочилась прелой влаги
 Струя густая и, дымясь, шипела;
 Вверх брызгала из лопнувшей плевры
 1010 Желчь черная; покровы тука жижей
 Стекали долу, обнажая мяса
 Куски кровавые. — Все это мне
 Вот этот отрок указал, как мглою
 Покрылся свет пророческих вещаний.
 Ведь он — вожатый мне, народу ж — я.
 И в этой мгле, что над страной нависла,
 Твой замысел виновен, государь.
 И очаги, и алтари святые
 Осквернены заразой мертвечины:
 Недаром псы и птицы разнесли
 Царевича несчастного останки.
 Вот почему ни жертвенных молений
 1020 От нас, ни бедр воспламененных дани
 Бог не приемлет; птица не издаст
 Понятных звуков в вещей перекличке,
 Вкусив отравы человеческой крови.
 Мой сын, опомнись. Не в позор ошибка —
 Нет, это общий всех людей удел.
 Но раз ошибся человек — не будет
 Он ни безумным, ни несчастным, если
 Путь к исцеленью из беды найдет.
 Убожества примета — гордый нрав.
 Нет, уступи усопшему; кто станет
 1030 Лежачего колоть? Какая доблесть —
 Второю смертью мертвого казнить?
 Совет мой благ, благой внушенный мыслью,
 И радостно его принять ты можешь —

Полезный дар от любящей души.

Креонт

О старче, старче! Все вы, как стрелки,
 Себе мишенью грудь мою избрали.
 Теперь и ведовством меня донять вы
 Пытаетесь, и племенем пророков
 Уж распенен, распродан я давно.
 Торгуйте, наживайтесь; пусть к вам в дом
 Из Сард электр стекается, и золото
 Из Индии, — его же скрыть в могиле
 1040 Не дам! Хотя бы Зевсовы орлы
 К престолу бога самого примчали
 Его растерзанную плоть — и этой
 Не испугаюсь скверны я, Тиресий:
 Не властен смертный бога осквернить!
 Нет, нет, не быть царевичу в могиле!
 И мудрецов крушение терпит мудрость,
 Когда прикрыть неправду дела дымкой
 Красивых слов внушает им — корысть.

Тиресий

О, люди!

Кто точно взвесит, кто из вас рассудит...

Креонт

О чем вещаешь снова ты, старик?

Тиресий

1050 Насколько лучший дар — благоразумье?

Креонт

Насколько худший — неразумье, мнится.

Тиресий

Своей болезни сущность ты назвал!

Креонт

Не стану бранью отвечать пророку.

Тиресий

А кто сказал, что я в вещаньях — лжец?

Креонт

Волхвам стяжанье свойственно бывает.

Тиресий

А произвол разнузданный царям!

Креонт

Ты с государем говоришь! Забыл?

Тиресий

Нет, помню: мне же царством ты обязан.

Креонт

О, мудр ты, мудр: когда б и честен был...

Тиресий

1060 Не вынуждай сокрытое открыть!

Креонт

Что ж, открывай! Но не корысти ради.

Тиресий

Моя корысть на пользу лишь тебе.

Креонт

Свое решенье я не продаю!

Тиресий

Запомни же. Немного вех ристальных
 Минуют в горних Солнца бегуны —
 И будет отдан отпрыск царской крови
 Ответной данью мертвецам — мертвец.
 Ты провинился дважды перед ними:
 Живую душу, дочь дневного света,
 В гробницу ты безбожно заключил,
 1070 А тьмы подземной должника под солнцем
 Удерживаешь, не предав могиле
 Нагой, несчастный, полный скверны труп.
 Он не тебе подвластен и не вышним —
 Ты заставляешь их его терпеть!
 И вот, покорный Аду и богам,
 Уж стелет сеть нещадного возмездья
 Эриний сонм — и ты падешь в нее,
 Равняя кары и обиды чаши.

Корысть вещанье мне внушила, да?

Дай срок: ответят из твоих покоев
 Мужчин и женщин стоны за меня.

1080 И города соседние возропщут
 В бурливых сходах на тебя, в чьих стогнах
 Голодный пес, иль дикий зверь, иль птица
 Глетворной плоти клочья схоронили,
 Бесчестя смрадом чистый двор богов.
 Стрелком меня назвал ты. Верно; в гневе —
 Его ж ты вызвал — много горьких стрел
 Пустил я в грудь твою. Не промахнулся
 Мой лук: от их ты жара не уйдешь.

(Мальчику)

Меня же, сын мой, в путь веди обратный.
 Пусть терпят спесь его, кто помоложе.
 Язык ему полезно обуздать
 1090 И мысль направить по пути благому.

Уходят.

К о р и ф е й

Пророк ушел; пророчество осталось
 Ужасное. Прошло не мало лет
 С тех пор, как кудри черные мои
 Засеребрились; но вещаний лживых
 Я не запомню от него, мой царь.

К р е о н т

Сказал ты правду; я и сам смущен.
 Что ж, уступить?... Ах, больно!... Но большее
 В несчастья цепи душу заковать.

К о р и ф е й

Благоразумью следуй, государь!

К р е о н т

Что делать? Молви! Я на все согласен.

К о р и ф е й

1100 Освободи из подземелья деву;
 Погибшего могилою почти.

К р е о н т

Так должен поступить я? Вправду так?

К о р и ф е й

Да, государь, не медля. Божьи Кары
 Стремительно виновных настигают.

К р е о н т

Ах, трудно побороть души упорство,
 Но с Неизвестным в спор вступать — безумье.

К о р и ф е й

За дело, царь — не доверяй другим!

К р е о н т

Пойду немедленно. Скорее, слуги!
 И те, что здесь, и прочие: секиры
 1110 Возьмите, и вперед — на скорбный холм.
 И я, — коль так решил теперь, — то узел
 Сам затянув, — сам развяжу его.

Боюсь, что лучше доживать нам век свой,
Храня давно заветный закон.

Уходит вместе со слугами по направлению к полю.

СТАСИМ ПЯТЫЙ

Х о р

Строфа I

Многозванный, краса и любовь Кадмейской девы,
Зевса семя, молнии сын!
Тобой Италия полна,
Ты Элевсина славить
1120 Луг святой, народов приют,
На лоне Деметры сияя.
Ты в нашей живешь земле,
Где вакханки поют,
Брег увлажнит Исмена струя,
И сев вошел змеинный.

Антистрофа I

Средь багрового дыма, поверх скалы двуглавой,
Где журчит Касталии ключ,
Под звон кимвалов реешь ты
1130 В нимф хороводе горных.
В плющ убрал ты Нисы услон,
В лоз винных и пурпур и зелень —
И все ж ты стремишься к нам,
Чтоб при крике твоих
Слуг бессмертных снова познать
Веселье стогн фиванских.

Строфа II

Бог, влюбивший Фивы,
Где родила тебя мать,
Молнией сраженная, —
1140 О, гряди! Болен град: тяжек недуг!
Ты очистить властен его.
С высот Парнасских чистой стопой к нам гряди,
Презри гнев рокочущих волн пролива!

Антистрофа II

В твою честь пылают
Алмазных звезд хоровод;
Ты ночных веселий царь!
О, явьсь! Светлый бог, Зевса дитя!
1150 Пусть наш град вакханок твоих
Неистовый восторг огласит в тьме ночной,
Твою слава честь, Дионис-владыка!

ЭКСОД

Со стороны поля показывается *Вестник* — слуга *Креонта*.

Вестник

Соседи дома Кадмова! по правде
Мы не должны ни горькой, ни счастливой
Жизнь человека называть — до смерти.
Вот счастья баловень — вот горя сын —
И что ж? Случайность манием единым
Того низвергнет, этого возвысит,
1160 А как — того не скажет и пророк.

Доселе думал я: чья жизнь завидней
Креонтовой! Он город от врагов
Освободил, он в блеске самодержца
Им управлял, среди детей цветущих.
А ныне — все погибло. Ведь когда
Свет радости угас для человека —
Он не живой уж, он — бродячий труп.
Сбирай в чертог свой все богатства мира,
Венчай чело властителя венцом:
1170 Коль радости лишен ты — за величье
И тени дыма я не дам твое.

Корифей

Каким же горем взыскан царский дом?

Вестник

Кто умер... а живой — виновник смерти.

Корифей

О, кто убийца, кто убитый? Молви!

Вестник

Смерть принял Гемон — от своей руки.

Корифей

Своей, сказал ты? Сына, иль отца?

Вестник

Он сам себя убил, отцу в укор.

Корифей

О вещей старец! Правду молвил ты.

Вестник

Пока свершилось все, как он сказал.

Корифей

Но вот царица Евридика здесь.
1180 Несчастливая! Случайность ли из дома

Ее к нам вызвала? Иль весть о сыне
Коснулась слуха чуткого ее?

Евридика
(*выходя из дворца*)

Да, граждане, я слышала ее.
В путь собралась я, чтоб Палладе грозной
Смиренной дань молитвы принести.
И только дверь я притянула, чтобы
Засовы сдвинуть — как в мой слух стрелю
Вонзилось слово горя моего.
Упала навзничь я: прислужниц руки
Беспамятную подхватили. Ныне
1190 Я вышла к вам; молю, скажите все.
Удар не первый от судьбы терплю я.

Вестник

Царица дорогая, все я видел
И все, как есть, по правде расскажу.
К чему утайкой робкой вызывать
Ближайшей обличение минуты?
Надежно ведь лишь истина стоит.
Слуга царя, последовал за ним я
На край долины, где лежал в позоре
Труп Полиника; псами был жестоко
Истерзан он. С молитвой мы воззвали
1200 К царю теней и к девственной Гекате,
Распутий бдительной богине, гнев свой
Чтоб милостиво отпустили нам.
Затем, омыв в струях купели чистой
Все то, что от царевича осталось,
На свежих отпрысках маслины дикой
Мы упокоили в огне его.
Крутой насыпав холм земли родимой
Покойнику, мы поспешили дальше,
В могильный терем, где на ложе камня
Невеста Ада жениха ждала.
Вдруг, издали еще, один из нас
Услышал громкий вопль — из той гробницы
Заброшенной он доносился. Тотчас
Обратно устремился он к царю.
1210 Прибавил шагу тот. Вторично вопль
Раздался, жалкий и протяжный. Вскрикнул
Несчастный царь: «О боги! Что за звуки?
Недоброе вещает сердце мне!
О безотрадный путь! То голос сына
Ласкает слух мне — лаской смертоносной!

Бегите, слуги! В устье подземелья
 Раздвиньте камни и скорей взгляните,
 Не Гемона ль то голос был, иль боги
 Меня морочат». Так сказал он нам,
 Едва живой от страха. Мы приказ
 1220 Исполнили. И вот, в глуби гробницы
 Пред нами оба — Гемон, Антигона.
 Она — висит, повязки крепкотканной
 Петлею шею нежную обвив;
 Он, как прильнул к ее груди, так держит
 Ее в объятьях, проклиная свадьбы
 Подземной ужас, и надежды гибель,
 И суд суровый своего отца.
 За нами и Креонт его увидел —
 И с криком раздирающим к нему
 Помчался в склеп. «Несчастный, — возопил он, —
 Зачем ты здесь? Иль помрачен твой разум?
 Какой безумья вихрь тебя принес?»
 1230 Дитя мое, богами заклинаю,
 Оставь могилу!» Гемон дикий взор
 В него вперил и, меч за рукоятку
 Схвативши, замахнулся на него.
 Царь отступил, и в воздухе повис
 Отцеубийственный удар. Тогда лишь
 Пришел в себя он — и в порыве новом
 Отчаянья, внезапно в грудь свою
 Свой меч вонзил... Еще сознания искра
 В нем тлела, видно: слабою рукою
 Лежащий труп невесты обнял он,
 Прильнул к устам — и, испуская дух,
 Умершей девы бледную ланиту
 Румянцем жаркой крови обагрил.
 1240 Труп возле трупа — так они лежали;
 Союз их брачный Ад благословил.
 Да будет же их участь всем наукой,
 Что неразумье — злейшее из зол.

Е в р и д и к а, выслушав, молча уходит во дворец.

К о р и ф е й

Что это значит? В гробовом молчанье
 Ушла царица: это ли — ответ?

В е с т н и к

Дивлюсь и я; но все ж меня ласкает
 Надежды луч: знать, не велит душа
 При всем народе о несчастье сына
 Плач поднимать; ей хочется скорее

В кругу домашних сердце облегчить.
 1250 Она разумна — не поступит криво.

Корифей

Не знаю. Мне ее уход немой
 Сильнее грудь щемит, чем если б в крике
 Она безумном горе излила.

Вестник

Узнаем тотчас. Если вправду рану
 Души больной молчания покров
 У ней таит... Да, я войду; ты прав:
 Страшнее слез молчание такое.

Уходит во дворец.

КОММОС

Со стороны поля возвращается *Креонт*,
 неся тело *Гемона*.

Корифей

Приближается царь; что несет он в руках?
 Ах, то явственный след, незабвенный навек —
 1260 Хотя и больно сказать — не чужой вины,
 А своей необузданной воли.

Строфа I

Креонт

Груз ты разума неразумного,
 Груз упорства ты смертоносного!
 Крови родственной, други, видите
 И убийцу вы, и убитого!
 О несчастный плод замыслов моих!
 Юной смертью ты, юный сын, почил.
 О дитя!

Не своей руки пал ты жертвою,
 А моим сражен неразумием.

Корифей

1270 О Правда! Поздно ты узнал ее!

Креонт

О да!

Ее познал я — явственно познал.
 Видно, бог тогда, бог тогда главу
 Тяжкою тяжестью поразил мою,
 На безумья путь мысль мою увлек,
 Растоптать велел жизни радости.
 Вот он, смертных труд — безотрадный труд!

Домочадец
(выходит из дворца)

О царь, тяжелый груз в руках твоих.
Пришел ты с горем не последним, нет,—
1280 Ждет горе новое тебя в чертоге.

Креонт

Какое горе? Есть ли хуже худа?

Домочадец

Лежит в крови царица Евридика,
Младого сына истинная мать.

Антистрофа I

Креонт

Где ты, Адова гавань мутная!
Смертью быстрою упокой меня!
Весть несчастную возвестивший мне,
Снявший тьмы покров с горя лютого,
О зачем терзать сердце мертвое,
1290 Посылать на казнь труп безжизненный?
О жена!

Ах, ужели там жертвой новою
Жертвы прежней боль ты усилила?

Открываются двери дворца.

В глубине видно тело *Евридики*.

Домочадец

Раскрылась дверь; царица пред тобой.

Креонт

Увы!

Какую бездну горя вижу я!
О, чего ж еще, о, чего мне ждать?
Сына труп в руках я держу своих —
Очи ранит вид трупа нового;
1300 Отовсюду смерть на меня глядит.
Мать несчастная! Бедное дитя!

Домочадец

На алтаре она ножом священным
Желанный мрак на очи навела,
Оплакав славный жребий Мегарея,
Рок Гемона — и в третьем, смертном вопле
Детоубийцу-мужа проклиная.

Строфа II

Креонт

Увы!

Ужас сердце жмет. Кто из вас, друзья,
 Меч отточенный в грудь мою вонзит?
 1310 О несчастный я! О постылый день!
 Приросла к душе горесть лютая.

Домочадеу

Да, государь: виновником обеих
 Тебя смертей царица назвала.

Креонт

Но как исторгла жизнь свою она?

Домочадеу

Ударом в печень роковым — услышав
 О смерти сына жалостную весть.

Креонт

Жалостную весть о моей вине!
 Да, никто другой не виновен в том.
 И тебя, мой друг, я один убил,
 1320 Я, — один лишь я. Слуги верные,
 Уведите в глушь поскорей меня —
 Вознесен был я, — стал ничем теперь.

Корифей

Уйти бы лучше — если лучшим вправе
 Назвать мы зло: страданью люб конец.

Антистрофа II

Креонт

Явись,
 Жребий мой, явись! Милость высшую,
 Дар прекраснейший принесешь ты мне, —
 1330 День предельный мой! О, явись, явись,
 Чтоб не видеть мне завтрашней зари!

Корифей

Он не замедлит.

(Показывая на трупы)

Ты лишь долг насущный
 Исполни свой — а в прочем властен бог.

Креонт

О том молюсь, чего я страстно жажду.

Корифей

Оставь мольбы; нет смертному спасенья
 От бед, что предначертаны судьбой.

Креонт

1340 Да, ведите в глушь безрассудного,
 Что и сыну дал смерть невольную,
 И тебе, жена! О несчастный я!
 Здесь — убитый мной, там — убитая!
 Страшной тяжестью, нестерпимую
 На главу мою рок обрушился.

Уходит во дворец в сопровождении слуг,
 несущих тело Гемона.

Корифей

Человеку сознание долга всегда —
 Благоденствия первый и высший залог.
 1350 Не дерзайте ж заветы богов преступать!
 А надменных речей беспощадная спесь,
 Беспощадным ударом спесивцу воздав,
 Хоть на старости долгу научит.

Хор покидает оркестру.

АЯКС

Действующие лица

<i>Афина</i>	<i>Текмесса, пленница</i>
<i>Аякс, предводитель саламинян под Троей</i>	<i>Аякса</i>
<i>Агамемнон, предводитель ахейского войска</i>	<i>Тевкр, сводный брат</i>
<i>Менелай, спартанский царь, его брат</i>	<i>Аякса</i>
<i>Одиссей, предводитель итакийцев</i>	<i>Вестник</i>
	<i>Хор саламинских воинов</i>
	<i>Без слов: Еврисак, сын</i>
	<i>Аякса; слуги.</i>

Действие происходит в ахейском лагере под Троей; в первой половине — перед шатром Аякса, во второй — на пустынном берегу моря.

ПРОЛОГ

Входит Одиссей, внимательно изучая следы, ведущие в шатер Аякса. С другой стороны появляется Афина, невидимая Одиссею.

Афина

Не в первый раз я застаю тебя,
Лаэрттов сын, как замыслом отважным
Предупредить стремишься ты врага.
Теперь у крайнего предела стана,
Где выстроил приморский свой шатер
Аякс, его ты свежие следы,
Охотник терпеливый, измеряешь,
Узнать желая, дома ль он иль нет.
Твое чутье, что у лаконской гончей,
На путь тебя надежный навело.
Да, он вернулся; пот с лица струится
¹⁰ И кровь смывает с обгаренных рук.

Тебе же нет нужды за дверь шатра
Заглядывать; открой мне мысль свою:
От знающей узнать ты можешь все.

Одиссей

Афины ль слово слышу я, дражайшей
Мне из богинь? Да, это ты! Хоть лика
Ты не являешь своего, — твой голос
Я узнаю; он жжет мне сердце, точно
Трубы тирренской медноустой звон.
Ты не ошиблась. Замысел хочу я
Врага раскрыть, Аякса-щитоносца:
20 Его давно слежу я одного.
Он в эту ночь деяньем непонятным
Обидел нас — коль он его виновник;
Ведь нет в нас знанья, лишь гадать дано нам, —
И этот труд я принял на себя.
Мы только что нашли все наше стадо
Зарезанным безжалостной рукою;
Лежит в крови и скот и пастухи.
Все в том винят Аякса, да и мне
Один сказал свидетель, что увидел,
30 Как он во тьме с мечом, покрытым кровью,
Недавно мчался по полям пустынным.
Немедля по указанной тропе
Пустился я; одни следы признал я,
Другие ж — нет. Недоуменья полный,
Стою я здесь. Ты вовремя явилась,
Заступница моя! Твоей деснице
Свою судьбу я вверил навсегда.

Афина

Мне все известно — и твоей охоте
Помощницей и стражем я пришла.

Одиссей

Владычица! Недаром я трудился?

Афина

Нет: той резни виновник был Аякс.

Одиссей

40 Каков же смысл безумного деянья?

Афина

Жестокий гнев за отнятый доспех.

Одиссей

Но почему ж на скот он гнев направил?

Афина

Он мнил, что вашу проливает кровь.

Одиссей

Как? Он отмстить аргивянам задумал?

Афина

И отомстил бы, если бы не я.

Одиссей

На что же он дерзнул в своей отваге?

Афина

На вас — коварно, в ночь, один на всех.

Одиссей

И цели беспрепятственно достиг?

Афина

Достиг шатра обоих полководцев.

Одиссей

⁵⁰ И все ж свирепых рук не обагрил?

Афина

Нет. Удержала от потехи злобной
Аякса я, губительным обманом
Его глаза сурово заслонив
И на стада его направив — вашу
Неразделенную еще добычу
Под стражей пастухов. И вот, нагрнув,
Он стал рубить кругом себя и душу
Убийством рати многогородь тешить.
То думал он, что братьев он Атридов
Жизнь исторгает, то — других вождей.

Я ж разжигала дух его больной
⁶⁰ И в сеть беды безумца завлекала.
Резнею душу усладив, живых
Связал быков он и баранов крепко
И в свой шатер погнал, воображая,
Что воинов уводит, а не скот
Рогатый. Там поныне в исступленье
Он пленников своих терзает всласть.

Теперь ты сам болезнь его увидишь
И весть о ней данайцам передашь.
О, не пугайся! Не грозит бедою
Его явление тебе. Туманом
Покрыла я его глаза: не может
^o Он образа увидеть твоего.

(В направлении шатра)

Эй, друг! К чему без усталости у пленных
Ты руки вяжешь? Выходи! Тебя,
Аякс, зову я: выходи скорее!

Одиссей

Зачем, Афина? Не зови его!

Афина

Блюда молчанье! Иль ты трусом стал?

Одиссей

Ради богов! Оставь его в палатке!

Афина

Боишься ты? Боишься человека?

Одиссей

Он был врагом мне и врагом остался.

Афина

Смех над врагом — не всех ли он отрадней?

Одиссей

⁸⁰ Не для меня; оставь его в палатке!

Афина

Безумец, вижу, страх тебе внушает.

Одиссей

Перед здоровым страха б я не знал.

Афина

Да не увидит он тебя, не бойся!

Одиссей

Как не увидит? Не слепцом же стал он!

Афина

И зрячему я помрачу глаза.

Одиссей

Для божьей воли нет препятствий, знаю.

Афина

Блюда ж молчанье, с места не сходи!

Одиссей

Я остаюсь, но неохотно, верь мне.

Афина

Аякс! Вторично я зову тебя!

⁹⁰ Иль о союзнице своей забыл ты?

Аякс

*(Выходит из шатра
с окровавленным бичом в руках)*

О, радуйся, дочь Зевсова, Афина!
Ты хорошо мне помогла: золотыми
Трофеями тебя украшу я!

Афина

Спасибо за готовность. Но скажи мне:
Ты наслаждался ли аргивян кровью?

Аякс

Могу гордиться, наслаждался вдоволь!

Афина

И на Атридов меч ты обратил?

Аякс

Не обесчестить им Аякса боле!

Афина

Ты на тот свет отправил их, не так ли?

Аякс

¹⁰⁰ И пусть теперь наград меня лишат!

Афина

Что ж, правильно. Ну, а Лаэртос сын?
Что с ним? Он спасся от руки твоей?

Аякс

Ты про лису проклятую спросила?

Афина

Про Одиссея, что с тобою спорил!

Аякс

Его, владычица, живьем я взял
На радость сердцу своему. В палатке
Сидит он; смерть же примет он не скоро...

Афина

Зачем не скоро? Что задумал ты?

Аякс

Привязанный к столбу хоромной сени...

Афина

Какую казнь готовишь ты бедняге?

Аякс

¹¹⁰ Он этот бич своей окрасит кровью!

Афина

Не издевайся над несчастным, полно!

Аякс

Во всем, Афина, воля будь твоя, —
Но он свою пускай потерпит кару!

Афина

Что ж, если сердце так велит, исполни
Все, что задумал; не жалея руки!

Аякс

Исполню тотчас. А тебя прошу я
И впредь союзницей мне быть такой!

Уходит в шатер.

Афина

Богов ты силу, Одиссей, на нем
Изведать мог. Вот человек! Видал ли
120 Ты прозорливей иль дельней его?

Одиссей

О нет, богиня. И тем больше жалость
Терзает сердце мне — хоть он и враг мой —
При виде унижения его.
И не о нем одном скорблю я. Все мы,
Все, что землю вскормлены, не боле
Как легкий призрак и пустая тень.

Афина

Так рассуждай и впредь, мой друг, и бойся
Богов надменным словом оскорбить.
Пусть ты сильнее других своей десницей,
И пусть бездонней всех твое богатство, —
130 Не дай душе гордыней обольститься!
Ты видишь сам: все счастье человека
Дня одного добыча или дар.
К благоразумным милостивы боги,
Но ненавистен сердцу их гордец.

Афина исчезает. *Одиссей* уходит.

ПАРОД

На оркестру вступает *хор саламинских воинов*.

Корифей

Теламонов наследник, что город блюдешь
На берегах Саламина средь волн голубых,

Твое счастье всем нам отрада.
 Но когда над тобою Зевесов перун,
 Когда речи данайцев порочат тебя,
 Мы смущеньем объаты и в страхе дрожим,
 140 Точно глаз голубицы пугливой.
 Так, в последнюю ночь, что от солнца бежит,
 Злоречивые вести по стану ползут
 И бесславят тебя:
 Что на выгона луг ты коварно проник
 И добытый данайцами скот перебил,
 Все, что после раздела хранилось у нас,
 Поражая булата грозою.
 Так сплетает рассказ про тебя Одиссей,
 Его на ухо шепчет то здесь он, то там,
 150 И все верят ему.
 Убедительно лживое слово звучит,
 Ему пуще рассказчика слушатель рад,
 Все глумятся над горем Аякса.
 Да, в великую душу нетрудно стрелять:
 Промahnуться нельзя. Если кто про меня
 Небылицы сплетет, не поверят ему,—
 А имущего Зависть следит по пятам,
 Между тем как толпа без великих мужей
 160 Неадежный оплот воздвигает в бою.
 Лишь под сенью великого малый цветет,
 Лишь от малых великий могуч и си н.
 Но не внемлет глупец в ослепленье своем
 Благомыслящей мудрости слову.
 И тебя они ныне поносят, Аякс,
 И не в силах мы им ничего возразить,
 Переспорить не можем одни, б з тебя!
 Они рады, что взоров избегли твоих,
 Верещат, словно стая шумливых птенцов,
 Но яви им свой лик,— как пред коршуном злым,
 170 Оробеют внезапно и в страхе немом
 Разлетятся, забыв об отваге.

Х о р

Строфа

Вправду ль тебя Тавропола, дочь Зевсова,—
 О безотрадная весть,
 Мать позора моего!—
 На неделинный скот подняла меченосного?
 За то ль, что не дал ей в добыче доли ты,
 Иль что трофеем почтить
 Ее забыл ты, иль за охоту — венком?
 Иль меднобронный бог Эниалий в бою

180 К тебе был ласков, ты же не вспомнил о нем
И ночным был страхом наказан?

Антистрофа

Нет, не поверю, чтоб в здравом рассудке ты,
Сын Теламона, скота

Кровью меч забрызгал свой!

Болезнь от бога — нам не осилить; но дайте же,
О Зевс и Феб, отпор молве-злоречию!

Если же лживой молвой

Тебя порочат или Атридов чета,

190 Иль что Сисифом в ложе позора рожден —

Молю, владыка! Лик из палатки явив,

Мглу развей навета лихого!

Эпод

Встань, поднимись скорей с одра! Не всю же вечность
Ты на нем пролежишь в безделье стыдном.

Наш позор до небес горит!

Гордыня врагов мчится,

Не зная препон, шумно,

Как вихрь на горе в роще.

У них на устах смех лишь,

Обиды полна речь их,

200 У нас же болит сердце.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Из шатра выходит *Текмесса*.

Текмесса

Дорогие гребцы с саламинской ладьи,

Эреxfиды, земли благодатной сыны!

Всем нам горе приспело, что верность храним

Теламонову дому в далекой стране.

Наш великий, наш сильный, наш грозный Аякс

Изболевшись, лежит,

Помраченный ужасною бурей.

Корифей

Что за тяжкое зло ночь могла принести,

День прошедший сменив?

210 Расскажи, Телевванта-фригийца дитя,

Обо всем: ведь тебя, хоть и пленница ты,

Как жену возлюбил бурностранный Аякс,

Тебе ведомы все его думы.

Текмесса

Как в слова мне облечь несказанную боль?
 Тяжелее ведь смерти лихой моя весть!
 В эту ночь, помраченный безумия мглой,
 Свою славу Аякс на позор променял.
 Посмотрите: там преют под сенью шатра
 Бездыханные туши; струится с них кровь;
 220 Это — жертвы несчастного мужа!

КОММОС

*Строфа**Хор*

С какой ты к нам вестью,
 Вестью несносной, нещадной пришла
 Сказать о гневном муже!
 Эта ли весть на устах у данайских вождей,
 Эта ли весть множится в толках?
 Грядущий миг бедствия полн;
 Смерть над тобой нависла,
 О вождь, ты, что свой меч
 230 Поднял рукой безумной
 На весь скот и на пастырей всех
 Единой черной казнью!

Текмесса

Ах, оттуда пришел и оттуда пригнал
 Он сплетенное вервием стадо домой.
 Тут одних он, на землю повергну, заклал,
 Иль ударом меча пополам разрубил.
 Два барана остались. Из них одному
 Отсекает язык он и голову вмиг,
 240 А другого, стоямя ко столбу привязав,
 Он сечет двухконечным свистящим бичом,
 Изрыгая ужасные речи — злой бог
 Его им научил,
 А не смертного ум человека.

*Антистрофа**Хор*

Пора и нам, видно,
 Робко покровом главу осенив,
 Искать спасенья в бегстве
 Или, к весельным уключинам дружно подсев,
 250 Синим волнам судно доверить.
 Таких угроз речи полны

Двух против нас Атридов!
 Боюсь, близок наш час:
 Каменный плащ грозит нам,
 Грозит нам и Аяксу; а он
 В тисках безумья страждет!

Текмесса

Их уж нет. Как тот ветер, что с юга шумит,
 После страстных порывов без яркой грозы
 Утихает — так в нем ослабела болезнь.
 Но, прозрев, он лишь новую чувствует боль.
 260 И не диво: сильнее та рана горит,
 Что своей же рукою себе ты нанес,
 А не принял от вражьей десницы.

Корифей

Коль он прозрел, надеюсь на удачу:
 О прошлом зле не тяжела забота.

Текмесса

Чтоб выбрал ты, когда б свободу дали:
 Сам быть счастливым, огорчая близких,
 Или делить с печальными печаль?

Корифей

В двойном несчастье больше зла, жена.

Текмесса

Так вот: болезнь прошла, а горе нет.

Корифей

270 Какое горе? Я тебя не понял.

Текмесса

Пока болезнь Аякса осеняла,
 Он наслаждался бедствием своим,
 Хоть нам, разумным, был причиной горя.
 Теперь же спала с глаз его завеса,
 И что ж? Он сам отчаяньем охвачен,
 А нам не легче стало. Так-то вправду
 Одно он горе на два поменял.

Корифей

Да, ты права. Тем более боюсь я,
 Удара божества: как быть иному,
 280 Когда больней здоровье, чем болезнь?

Текмесса

Больней, бесспорно. Все ты понял ныне.

К о р и ф е й

Но в чем начало стольких лютых зол?
Все расскажи: товарищи мы в горе.

Т е к м е с с а

Тебе я все, как другу, расскажу.
В полнощный час, когда кругом потухли
Огни лампад вечерних, меч схватил он
И в безнадежный устремился путь.
Я вскрикнула в испуге: «Что с тобою,
Аякс? Без зова, без вождей приказа
290 Затеял дело ты? Трубы не слышно,
И мирно дремлет весь ахейский стан!»
Но он старинным мне ответил словом:
«Жена, молчаньем женщина красна!»
Умолкла я, а он один умчался.
Что там он делал, знать я не могу.
Сюда ж пригнал он связанных друг с другом
Быков, собак и белорунный скот.
Тут началась расправа: тех в затылок
Он поражал, тех в горло, тех мечом
Он надвое рубил; иных в оковах
300 Он истязал — людей он, верно, видел,
А не животных бессловесных, в них.
Вдруг он уходит; слышу, как за дверью
Он спорит с тенью и клянет Атридов
И Одиссея, и залившись смехом,
О мести, им свершенной, говорит.
Окончив речь, он в дом вбегает снова —
И здесь с трудом в себя приходит он.
Кругом он смотрит — все полно позора.
Тут с криком бешеным главу свою
Ударил он и грохнулся меж трупов
Зарезанных баранов и быков —
Развалиной среди развалин мести,
310 Рукой вцепившись в волосы свои.
И долго так в безмолвии унылом
Лежал он. Вдруг меня увидев, крикнул
С угрозою, чтоб все ему сказала,
Всю правду обнаружила ему.
Мне страшно стало; рассказать решилась
Ему я все, что ведомо мне было.
Но тут завыл отчаянным он воплем —
Таким, какого никогда я раньше
Не слышала. Лишь трус и жалкий, мнил он,
320 Рыданьем громким душу облегчает;
Он сам не плакал никогда, а глухо

Стонал лишь, точно бык расвирепевший.

А ныне, весь в кручину погруженный,

Ни пищи не отведав, ни питья,

Как пал тогда он, так лежит недвижно

Среди скота, закланного мечом.

И, видно, зло замыслил он: зловещим

И стон его мне кажется, и речь.

Но вы, друзья, — я с умыслом к вам вышла —

Посильную явите помощь мужу.

³³⁰ Слова друзей нужны таким, как он.

К о р и ф е й

Боюсь, Текмесса, что от бедствий этих

Безумствует в отчаянье Аякс.

А я к с

(в шатре)

О доля, доля!

Т е к м е с с а

И я боюсь. Вы слышали, друзья,

Аяксов крик? Как жалобно он стонет!

А я к с

О доля, доля!

К о р и ф е й

Он либо болен, либо страшный след

Болезни прошлой дух его терзает.

А я к с

О сын мой, сын мой!

Т е к м е с с а

³⁴⁰ О Зевс! Тебя зовет он, Еврисак!

Зачем зовет? Ах, где ты? Горе, горе!

А я к с

Пришлите Тевкра! Где он? Вечно ль рыщет

Он за добычей? Смерть моя настала!

К о р и ф е й

Он здраво мыслит. Дверь открой: быть может

Наш вид его одуматься заставит.

Т е к м е с с а

Открыть согласна. Приготовьтесь видеть

И все дела, и все несчастье мужа.

Распахивает полог шатра.

Виден *А я к с* среди убитого им скота.

КОММОС

Строфа I

Аякс

(поднимаясь навстречу хору)

Увы!

Вы, друзья мои безупречные,
 350 Вы, что верность мне до конца блюли!
 Нагрязнул вал кровавого прибора,
 И весь я им — весь погребен навеки!

*Корифей**(Текмессе)*

Ужасный вид. Правдивы свыше меры
 Слова твои: безумье налицо.

Антистрофа I

Аякс

Увы!

Вы средь волн морских помогали мне,
 Вы со мной пришли на ладье одной,
 360 От вас одних спасенья жду и ныне:
 О сжальтесь же! Дайте вкусить мне гибель!

*Корифей**(Аяксу)*

Оставь кощунства! Злом ты зла не сможешь;
 Лишь выше встанет бедствия пучина.

Строфа II

Аякс

Вот, смотрите все: вот бесстрашный муж,
 В яростных боях богатырь лихой!
 Стал овец грозой беззащитных он!
 О смейтесь, люди! Нет конца позору!

Текмесса

Молю, Аякс, властитель! Успокойся!

Аякс

Оставь меня! Оставь, уйди отсюда!
 О горе, горе!

Текмесса

Ради богов, приди в себя, смягчись!

Аякс

Несчастливая доля моя!
 Не смог злодеев я казнить,

Нет: на быков, на мирный скот
 Несущий смерть меч обратив,
 Кровь алую я пролил!

К о р и ф е й

К чему о прошлом горевать напрасно?
 Его иным не сделать нам никак.

Антистрофа II

А я к с

О Лаэртос сын, ты, что все свершить,
 380 Всех орудьем зол быть готов всегда,
 Ты, что всех людей в кознях превзошел!
 Сколь громким смехом эту весть ты
 встретишь!

К о р и ф е й

Над смехом и над плачем властен бог.

А я к с

Добраться бы мне только до него,
 Хоть я и стражду!

К о р и ф е й

Оставь гордыню: мало ль бед тебе?

А я к с

О Зевс, моих дедов отец!
 Позволь предателя сгубить,
 Злого врага, и с ним царей
 390 Двойную власть! Сам я затем
 Главу сложить согласен.

Т е к м е с с а

В такой молитве гибель испроси
 И мне: нет жизни без тебя мне боле.

Строфа III

А я к с

Увы!

Ночь, что дня милей, мрак, что солнца свет
 Для меня затмил!

Я к вам, я к вам всей душой стремлюсь!

Да, к вам. Не в силах я

Видеть богов, видеть людей:

Ни радости, ни пользы нет

400 В моем для ближних взоре.

Дева сильная, Зевса дочь, меня

В смерть позором гонит.

О, куда бежать? Где приют найти,
 Если родовая рухнула слава!
 Бессмысленной добычей окружен я,
 А войско все, вздымая копьа,
 Смерть мне готовит!

Т е к м е с с а

410 О горе, горе! Не такие речи
 Привыкли слышать мы из уст бойца!

Антистрофа III

А я к с

Увы!
 Шумный моря вал, круч прибрежных мрак,
 Высь зеленая!
 Давно, давно гостем вашим здесь,
 Давно под Троей я.
 Гостем и впредь буду у вас,
 Но не живым уж боле, нет —
 В ком разум есть, пусть знает.
 О Скамандровы струи ближние,
 420 Милые данайцам!
 Уж Аякса вам не видать вовек,
 Лучшего — сказать ли гордое слово? —
 Из всех, пришедших из Эллады в Трою.
 А ныне под позора гнетом
 Падший лежу я!

К о р и ф е й

Ни говорить я, ни молчать заставить
 Тебя не в силах: так несчастен ты.

А я к с

430 Несчастен, да. И мнил ли кто, что имя
 Созвучьем жалобным с моим несчастьем
 Соляется в крике? Да, Аякс! И дважды
 Стонать тебе, и трижды не грешно:
 Таким ты морем окружен недоли.
 Здесь мой отец, у ног священной Иды,
 Главу украсил доблести венцом
 И с громкой славой в дом свой возвратился.
 Я ж, сын его, у той же Трой стен,
 Не уступая ни телесной силой
 Родителю, ни подвигов красою,
 440 Бесчестной смерти в стане обречен.
 А все ж в одном уверенность храню я:
 Будь сам Ахилл над доблестью ахейцев

Судьей — никто иной его доспехов
 Не получил бы в дар, опричь меня.
 Атриды же мою презрели силу
 И негодяю присудили их!
 Не повторить бы им суда кривого,
 Когда б глаза и ум заблудший мой
 Лихому замыслу не изменили:
 Я заносил уж руку на злодеев —
⁴⁵⁰ Но необорная, с грозящим взором
 Дочь Зевса обессилила удар мой,
 Опутала безумием мне душу
 И на овец направила мой пыл.
 Теперь они, спасенные, смеются!
 Не я щадил их. С помощью богов
 И трус избегнет храбреца десницы.
 Что ж дальше будет? Явно ненавистен
 Я стал богам; все войско мне враждебно,
 Враждебна Троя и земля кругом.
⁴⁶⁰ Что ж, бросить мне приморскую стоянку,
 Атридов с ней, и по волнам Эгейским
 Вспять к родине направить бег ладьи?
 С каким лицом пред очи я предстану
 Родителя, без славы, без наград,
 Которых он венец стяжал великий?
 Невыносима эта мысль. — Нагряну ль
 На стену Трои, ратник одинокий,
 Чтоб, дорого продавши жизнь, погибнуть?
 На радость лишь Атридам будет подвиг.
⁴⁷⁰ Нет, нет, не то. Исход найти я должен.
 Пусть твердо знает старый мой отец,
 Что не трусливого родил он сына.
 Не стыдно ли желать продленья жизни,
 Когда просвета в горе не видать?
 Дни тянутся, и только в них отрады,
 Что смерть они отсрочили твою.
 Надейся, скажут. — Не почтенен муж мне,
 Которому пустая льстит надежда.
 Прекрасно жить, иль умереть прекрасно —
⁴⁸⁰ Вот благородства путь. Я все сказал.

К о р и ф е й

Не подкидным ответил нам ты словом,
 Аякс: оно — души твоей дитя.
 Но все ж смягчись; даруй друзьям победу
 Над разумом твоим: оставь ту мысль!

Текмесса

- Аякс, властитель! Нет для человека
Сильнее гнета, чем судьбы решение.
Я родилась свободной; мой отец
Царем могучим слыл среди фригийцев.
Теперь раба я; так угодно было
490 Богам всевышним и твоей деснице.
На ложе принял ты меня; с тех пор
Я преданной тебе подругой стала.
И вот я Зевсом, что очаг блюдет наш,
Любовным общим ложем заклинаю:
Не допусти, чтоб от врагов твоих
Вкусила я обиду поношенья,
Доставшись в руки им. Ведь в тот же день,
Когда умрешь ты и в сиротской доле
Оставишь нас — в тот самый день, поверь,
И я и сын твой под насилья гнетом
Данайцам будем в рабство отданы.
500 И будут господа злорадной речью
Нас попрекать: «Взгляните на нее!
Она с Аяксом разделяла ложе,
Что первым в стане был богатырем.
Такая честь таким сменилась горем!»
И ляжет брань их на меня — гоненьем,
А на тебя и весь твой род — позором.
Нет. Пожалей отца, не обрекай
Его невзгодам старости печальной.
Мать пожалей: — ей столько лет в удел
Уже досталось, — много шлет к всевышним
Она молить, чтоб ты живым вернулся.
510 И сына своего, властитель, вспомни:
Лишенный в детстве твоего ухода,
Отца лишенный, под рукой немилых
Опекунов — подумай, сколько зла
Ему ты смертью причинишь своею...
Ему и мне. Ведь нет уж для меня
Другой отрады. Ты мою отчизну
Копьем разрушил; мать и отца
Свела в Аида мрачную обитель
Судьба лихая. Родина мне ты,
Мое богатство — и мое спасенье.
520 Да, вспомни и меня. Достойно мужа
Лелеять память об усладе нежной:
Ведь от любви рождается любовь.
А кто забвением за ласку платит,
Тому неведом благородства путь.

Корифей

О, если б был ты жалости доступен,
Как я — ее одобрил бы слова!

Аякс

Сполна мое ей будет одобренье,
Пусть лишь приказ мой тщательно исполнит.

Текмесса

Аякс мой, друг мой! Все исполню я.

Аякс

⁵³⁰ Дай же мне с сыном повидаться нашим.

Текмесса

Его я в страхе удалила, друг.

Аякс

Чего боялась ты? Моих несчастий?

Текмесса

Чтоб не убил при встрече ты его.

Аякс

И это бы судьбе моей пристало!

Текмесса

Вот это я предупредить хотела.

Аякс

Ты поступила хорошо; спасибо.

Текмесса

Чего ж теперь ты хочешь от малютки?

Аякс

Его увидеть, мой сказать завет.

Текмесса

Недалеко он, под слуги охраной.

Аякс

⁵⁴⁰ Зачем же здесь его не вижу я?

Текмесса

Дитя мое, тебя зовет отец твой!

(Слугам)

Сюда его ведите кто-нибудь.

Аякс

Идет он? Иль пропало даром слово?

Текмесса

Его уж за руку ведет слуга.

Выходит слуга, ведя Еврисака.

Аякс

Дай, дай его сюда! Не испугает
Его вид крови от резни недавней,
Коль скоро мой поистине он сын.
Нет, с малых лет в отца суровой школе
Расти он должен и сравняться с ним.

560 Мой сын, счастливей будь отца, но в прочем
Ему подобен — и дурным не будешь.
В одном уж ныне счастлив ты, малютка,
Что мук моих не в силах ты понять.
Да, сладко время, что забот не знает,
Ни радости не ведает, ни горя.
Придет пора — и ты врагам отцовским
Покажешь, кто ты, кем ты был рожден.
Теперь же легкими ветрами душу
Питай, на радость матери твоей.

560 Ахейцы не дерзнут насильем гнусным
Тебя обидеть, где бы ни был я;
Я пестуном тебе оставлю Тевкра.
Могуч он, верен — жаль, что ныне он
Далеко, охотой на врага задержан.

Вам, щитоносцы, вам, питомцы моря,
Вверяю сына, общую отраду.

Вы ж передайте Тевкру мой завет:
Домой вернувшись, пусть он Теламону
И Эрибее, матери моей,

Его как сына моего представит.
570 Да будет он их старости кормильцем,
Пока не примет их подземный мрак.
Мои ж доспехи — не хочу, чтоб судьи
Ахейцам их наградой предложили,
И лиходей мой ими завладел.
Нет, Еврисак. Тот щит неразрушимый,
Что из семи был шит воловьих шкур,
Тот щит, что имя дал тебе — им сам ты
Владеть обязан. Дни придут — узнаешь,
Как им вращать, и молодую длань
Чрез рукоятку крепкую проденешь.
Все прочее со мной похороните.

(Текмессе)

Теперь довольно. Унеси дитя,
Запри палатку и смотри — на людях

⁵⁸⁰ Не голоси: уж больно вы слезливы.
Запри скорей. Нет места причитаньям
Там, где разреза требует нарыв.

Корифей

Твоя решимость мне боязнь внушает:
Как острый нож отточен твой язык.

Текмесса

Аякс, властитель! Что замыслил ты?

Аякс

Не рассуждай, не спрашивай! Довольно.

Текмесса

Ах, страшно! Ради сына твоего,
Ради богов: молю, не оставляй нас!

Аякс

Не досаждай мольбой мне безрассудной!
⁵⁹⁰ Богам я не должник,— запомни это!

Текмесса

Не богохульствуй!

Аякс

Слов не трать напрасно!

Текмесса

Послушайся!

Аякс

Моления прекрати!

Текмесса

Мне страшно, царь!

Аякс

(Слугам)

Заприте дверь за ней!

Текмесса

Смягчись, молю!

Аякс

Оставь пустые бредни!

Пора ученья для меня прошла.

Полог палатки опускается.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

*Строфа I**Хор*

Где ты, где, Саламин святой?
 Ты средь плещущих волн далеко
 Лучезарной сияешь славой.
 600 А нас бедняг столько лет на лугах своих
 Земля троян держит ночью и днем в плену,
 Что овец бесприютных стадо.
 Прошел пыл молодой;
 Одна цель впереди:
 Сойти, да, сойти
 В туман Аида ненавистный.

Антистрофа I

Нет в Аяксе отрады нам.
 610 Недоступен друзей он слову:
 Бог наслал на него безумье.
 Не ты ль его полным некогда буйных сил
 Отправил в бой? Ныне горем друзьям он стал,
 Дух его на стезях пустынных.
 Весь свет доблестных дел,
 Весь блеск славы былой
 Померк, да, померк
 620 В глазах вождей неблагодарных.

Строфа II

А там вдали, там под долгих обузой лет,
 Седая мать в день, когда о болезни сына
 Бедственной услышит,
 Ах, плач, плач она
 Жалкой пташки лесной громче поднимет.
 630 О несчастная! Вошь всюду раздастся сирой.
 Рук безумных удары
 Грудь изранят царицы,
 Ключья белых волос падут на землю.

Антистрофа II

Аида мгла лучше жизни в безумья тьме.
 О горе! Он, он что рода кичился славой
 Средь бойцов ахейских,
 Душой вне тропы
 640 Прежних мыслей своих в безднах витает!
 О несчастный отец! Грустную весть узнаешь:
 Сына горькую долю,
 Беспримерную раньше,
 В доме древнем Эака боготвора.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Из шатра выходит *Аякс*. За ним — *Текмесса*.

Аякс

Бег времени в несметных дней течение
 На свет выводит крошечный зародыш
 И света детища хоронит в тьме.
 Зароков нет для смертных; время точит
 И клятвы страшной и упорства силу.
 650 Таков и я. Давно ли бушевал я?
 Но как булат багровый пыл теряет
 В воде студеной, так меня слеза
 Смягчила женская. Мне жалко стало
 Жену вдовой и сиротою сына
 Врагам на посмеяние отдать.
 Теперь к лугам иду, что омывает
 Купель морская, чтоб от скверны там
 Очиститься и тяжкий гнев богини
 Уласковать. Найду укромный угол —
 И этот меч в нем схороню, оружие
 Постылое, вдали от взора смертных:
 660 Пусть Ночь им властвует и царь теней.
 С тех самых пор, как от врага лихого,
 От Гектора я получил его,
 Померкла честь моя среди аргивян.
 Недаром, видно, слово говорится,
 Что впрок нейдут нам вражьи дары.
 А впрямь наука: уступать богам
 И честь оказывать царям-Атридам.
 Им власть дана, — им и служи. Не так ли?
 Пусть ты силен и грозен, — уступи
 Чужому праву. И в природе зимы
 670 С тропы уходят, снегом заметенной,
 И Лето плодоносное по ней
 К нам близится. Унылой Ночи круг
 Сверкающие кони занимают
 Дня белого; ветров могучих бич
 Не вечно стон пучины вызывает;
 И Сон всемогущий пленникам своим
 Свободу возвращает ежедневно.
 Пора и мне власть разума признать.
 Еще одну науку я извлеку.
 Мы и врага лишь в меру ненавидеть
 Должны и помнить, что и в нем мы друга
 680 Со временем, быть может, обретем, —
 И другу в меру доверять полезно:

Час неровен, изменит он. Лишь редко
Надежна будет гавань дружбы нам.
Коль это помнишь, все пойдет на лад.

(Текмессе)

Жена, войди в наш дом и помолись,
Чтоб счастливо исполнилось желанье
Души моей. И вы, друзья, завет мой
С ней наравне блюдите. Тевкру же,
Когда придет он, слово передайте:
Пусть чтит меня и к вам пребудет добр.
690 Я ухожу в назначенный мне путь,
Вы ж воле следуйте моей — и скоро
Услышите, взамен гнетущих бедствий,
Благую весть спасенья моего.

Уходит в сторону моря.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Строфа

Хор

В волненье радостном свободно дышит грудь.
Сюда, сюда, Пан, Пан!
Брось Киллены седую вьсь,
Брось ее каменистый кряж
И чрез море сюда приди,
Ты, веселый богов товарищ!
Как на Нисе, святой горе,
Как при Кноссе ведется пляс,—
700 Так и нас научи плясать ты!
Ты ж над пучиной
Волн Икарйских
Свет яви знакомый
С Делосских высот, Феб наш;
И будь вовек нам благосклонным другом!

Антистрофа

Развеял грусти мглу с туманных глаз Арес.
Молю, молю, Зевс, Зевс!
Дай, чтоб ласковой свет зари
Вновь для нас загорелся, вновь
Мирным блеском сиял судов
710 Над стоянкою быстроходных!
Боль обиды забыл Аякс,
Честной жертвой он чтит богов,—
Все на свете смиряет время!

Нет, ни к чему уж
 Нет недоверья!
 Мыслей ход мятежных
 Аякс изменил круто,
 Он бросил гнев, бросил вражду с вождями!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Со стороны ахейского лагеря входит *Вестник*.

Вестник

Друзья мои, вот первая вам весть:
 720 Наш Тевкр вернулся в стан с высот мисийских.
 Но лишь дошел он до шатра Атридов,
 Как возгорелась средь аргивян ссора.
 Заметив издали его приход,
 Они его толпою обступили,
 И бранные посыпались слова
 То здесь, то там, и вдруг повсюду: «Вот он,
 Вот брат изменника, вот брат безумца!
 Нет, не уйдешь: сдерем камнями кожу
 И лютой смерти предадим тебя!»
 Дошли уж до того, что в гневных дланях
 730 Сверкнули обнаженные мечи,
 И все не унималась страсть; с трудом лишь
 Он был спасен почтенных старцев словом.
 Но где Аякс? К нему я с порученьем
 Отправлен; все открыть владыкам должно.

Корифей

Ушел недавно; новое решенье
 Созрело в нем под настроеньем новым.

Вестник

Увы! Увы!

Ах, вижу, поздно снарядил меня
 В дорогу Тевкр; иль поздно я пришел?

Корифей

740 В чем видишь долга нарушение ты?

Вестник

Держать в палатке Тевкр велел Аякса,
 Пока он сам не явится к нему.

Корифей

Благой, не бойся, вдохновен он волей:
 Богов желает гнев он примирить.

Вестник

Невежества полна твоя надежда,
Коль правда есть в пророчествах Калханта.

Корифей

В каких пророчествах? Что знаешь ты?

Вестник

Я знаю то, что видел сам и слышал.
Покинув царского совета круг,
750 Калхант один и тайно от Атридов
Десницу Тевкру дружелюбно дал,
И наказал настойчивою речью:
«В тот день, чей свет нас ныне озаряет,
Старайся всеми силами Аякса
Без выхода в палатке удержать,
Когда желаешь, чтоб он жив остался:
Над ним навис сегодня — но не дале —
Афины грозной памятливым гнев.
В могучем теле буйных сил избыток
К паденью тяжкому по божьей воле
760 Ведет: не должно в доле человека
Гордыней возноситься до небес.
Таков твой брат. При выезде из дома
Он на отца разумные заветы
Ответил безрассудным хвастовством.
Тот говорил: мой сын, стремись к победе,
Но пусть победой бог тебя дарит!
А он, глупец кичливый, возразил:
Отец, при помощи богов и слабый
Врага осилит; я же и без них
Стяжать надеюсь доблести венец.
770 Так хвастал он. Второй же раз Афине —
Когда бодрящий зов ее раздался,
Чтоб с яростью он грянул на врагов —
Ответствовал неслышанным он словом:
Владычица, других аргивян кликом
Подбадривай; а там, где я стою,
Враг сомкнутого строя не прорвет.
Такою речью грозный гнев богини
Навлек гордец безумный на себя.
Но если день благополучно минет,
Мы с божьей помощью его спасем».
780 Так говорил пророк. А Тевкр не медля
С совета царского меня послал
К вам с порученьем — охранять Аякса.
Но если он шатер оставил, знайте:

Или Калхант не мудр, иль он не жив.

К о р и ф е й

Злосчастливая Текмесса, выходи!
Гонца послушай: весть приносит он,
Что радость нашу в корень разрушает.

Из шатра выходит *Текмесса*,
держа за руку *Еврисака*.

Текмесса

Едва улегся вихрь недавних бедствий,—
Зачем вы снова вызвали меня?

К о р и ф е й

Его послушай: об Аяксе слово
790 Он нам недоброе сказать пришел.

Текмесса

Что скажешь ты? Ужель погибли мы?

Вестник

Твоей не знаю доли; об Аяксе,
Коль он не дома, беспокоюсь я.

Текмесса

Не дома он, и я полна тревоги.

Вестник

Тевкр наказал его держать под кровом
И одного не выпускать никак.

Текмесса

Но где ж он сам? К чему такой приказ?

Вестник

Он только что вернулся и боится,
Что, отлучившись, примет смерть Аякс.

Текмесса

800 О горе мне! Да кто ж ему сказал?

Вестник

Сын Фестора сказал, что день насущный
Аяксу жизнь дарует или смерть.

Текмесса

Друзья мои, не оставляйте нас
В минуту роковую!

(Вестнику и слугам)

Вы за Тевкром

Скорей отправьтесь: пусть поспешно к нам
Сюда идет он.

(К хору)

Вы — восточной берег
Исследуйте, вы — западной луки;
Старайтесь разузнать, в какую местность
Несчастные шаги Аякс направил.
Он обманул меня, уж нет сомнений,
Изгнал из сердца прежнюю любовь.

(Глядя на Еврисака)

А мне, дитя, что делать? Невозможно
Сидеть на месте. Нет, пойду и я,
810 Насколько хватит сил, искать Аякса.

(Хору)

Скорей, друзья! Не медлит там спаситель,
Где умереть спасаемый спешит.

Корифей

Не на словах готовность мы докажем —
Ускорим дело скорою стопой.

Хор, разделившись на две половины, покидает оркестру.

Вслед за ним уходит Текмесса.

Пустынный морской берег. Входит Аякс.

Аякс

(Укрепив в песке меч острием вверх)

Меч жертвенный надежно установлен,—
Как посужу я, нет его острей.
Куначества его залогом Гектор
Мне подарил, что ненавистней был
Всех смертных мне для сердца и для взора.
В земле врагов недвижно он стоит,
820 Отточенный на оселке кремневом.
А укрепил его усердно я,
Чтоб от него благую смерть принять.
Итак, в оружие нет изъяна. Ныне ж
К тебе, о Зевс,— так долг велит — я с первой
Молитвой обращаюсь, простой и скромной:
Пусть о моей кончине весть лихую
Узнает Тевкр; пусть первый он меня
С меча поднимет среди горячей крови.
Не дай, чтоб враг меня, увидев раньше,
830 Добычей бросил воронам и псам.
Вот вся моя к тебе молитва, Зевс.

Тебя ж, Гермес, мой проводник к подземным,
Прошу о смерти ласковой и скорой.

Да, без борьбы, без судорог, в паденье
Меча ударом грудь мне разорви.

Зову и вас, что в девственности вечной
Блюдете вечно все деянья смертных,
Святых Эриний неустанный рой!
Вы знаете, как жалко и обидно
Я по вине Атридов погибаю:
Такой же жалкой и обидной смерти
840 И их предайте, и как я своею
Рукой казнен, так пусть и их своя
Рука — рука домашних — поразит.
За дело, быстрые проклятья духи,
Всю нашу рать терзайте беспощадно!

А ты, чьи кони по крутому склону
Небес ристают, Гелий лучезарный!
Когда увидишь родину мою,
Вспять потяни поводья золотые
И весть подай об участи Аякса
Старцу-отцу и матери несчастной.
860 Прости, родная! Плачем неумолчным
Ответишь ты на роковую весть...
Но нет! Не время жалостью напрасной
Дух изнурять: пора за дело взяться.

Смерть, Смерть, сюда! К тебе взываю я...
Да что! и там тебя почтить могу я.
Тебе привет, золотая колесница,
Тебе, сверкающий полудня луч —
Привет последний и неповторимый.
О ясный свет! О ты, святая почва
860 Родного Саламина! О очаг
И отчий дом! О славные Афины,
Кровь братская! О родники и реки!
Привет вам всем! Привет тебе, равнина
Троянская, кормилица моя!
В последний раз вы слышите Аякса.
Отныне мрак Аида — мой удел!

Бросается на свой меч.
Низкий куст скрывает его тело.

ЭПИПАРОД

С двух сторон оркестры появляются два полухория.
Вскоре вслед за ними — *Текмесса*.

Полухории первое
Труд труду труда носитель.
Где, где,

Где моих не было стоп?
 Повсюду лишь неведение кругом...
 870 Чу, чу!

Шум слышался вблизи!

Полухорие второе

То мы, пловцы того же корабля.

Полухорие 1

Что ж скажешь?

Полухорие 2

Исследован вечерний берег весь.

Полухорие 1

И что же?

Полухорие 2

Весь труд пропал, Аякса не нашли мы.

Полухорие 1

И на другом не найден берег он,
 Что к восходящему направлен солнцу.

КОММОС

Строфа

Хор

Ах, скажи ты нам, моря труженик,
 880 Ты, морских добыч неусыпный страж!
 Иль с Олимпа грянь орады клик,
 Или рокот рек, что в Босфор текут!
 Не видали ль вы мужа грозного
 Не бродил ли здесь между скал Аякс?
 Истомились мы в долгих поисках,
 Не могли набрести на надежный след.
 890 Нигде неуловимого не видно!

Текмесса

О горе, горе!

Корифей

Чей крик раздался в зарослях надбрежных?

Текмесса

О доля, доля!

Корифей

Ах, вот бедняга, пленница-невеста!
 Текмессы вопль мы слышали в кустах.

Текмесса

Погибла я, погибла, дорогие!

Корифей

Но что случилось?

Текмесса

Аякс лежит недавней смерти жертвой.
Незримый меч он в теле схоронил.

Хор

⁹⁰⁰ Где ты, наш возврат? Нас, товарищей
В плаванье твоём, ты с собой сгубил.
Злополучный вождь! Бедная жена!

Текмесса

Свершилось; уготован путь слезам.

Корифей

От чьей руки, несчастный, принял смерть он?

Текмесса

От собственной, сомненья нет; уликой —
Зарытый в землю, плоть пронзивший меч.

Хор

Ах, моя вина. Не в кругу друзей, —
⁹¹⁰ В одиночестве кровь свою ты пролил.
А я, слепец, безумный, упустил тебя!
Где, где
Пал злоименный Аякс, наш вождь непреклонный?

Текмесса

Взор опустите; складчатым плащом
Его покрою я всего сначала:
Невыносим и другу вид его.
Сочится кровь последнего дыханья
Из уст и из ноздрей, и кровь застыла
Струюю черной вокруг багровой раны,
Что сам себе нанес он.

Покрывает своей накидкой тело *Аякса*.

Что мне делать?

⁹²⁰ Кто из друзей тебя поднимет? — Тевкр?
О, вовремя пришел бы к нам теперь он:
Помог бы брата павшего убрать.
Ты ль это, витязь, ты ль, Аякс, несчастный?
И враг слезой почтил бы смерть твою!

*Антистрофа**Хор*

Знать, судьба тебе, знать, судьба была
 Душу сильную об утес разбить
 Горя горького, необъятного!
 Знать, недаром боль нестерпимая
 Из груди твоей в ночь и поутру
 930 Исторгала стон раздирающий
 Гнева ярого на вождей лихих!
 Сколько лютых зол нам сулил тот суд —
 Суд доблести золотых доспехов ради!

Текмесса

О горе, горе!

Корифей

Удар жестокий сердце ранит, знаю.

Текмесса

О горе, горе!

Корифей

940 Не в диво мне сугубое стenanье —
 Такого друга миг один унес!

Текмесса

Вам понимать, мне ж чувствовать дано.

Корифей

О да, права ты!

Текмесса

Дитя мое, какой ярмо неволи
 Нас ждет! Чьей власти покоримся мы!

Хор

Горе новое несказанное
 Ты затронула! Власть безжалостных
 Двух царей грозит! Да хранит вас бог!

Текмесса

950 Когда б не боги, злой беде не быть!

Корифей

Да, горестей сверх меры нам послали!

Текмесса

Взрастила их во славу Одиссея
 Жестокая владыки-Зевса дочь.

Хор

О, злорадствует черная душа
 Многохитрого мужа-лиходея!

Исход безумья громким смехом встретит он.

Да, да:

⁹⁶⁰ Смехом его и цари приветят Атриды!

Текмесса

Что ж, пусть смеются, пусть над горем нашим
Злорадствуют! Живого не ценили —
Поди, заплачут об умершем вскорее,
Когда в бою придавит их нужда.
Не знает благ своих глупец, покуда
Не вырвет их из рук его беда.

На горе мне, не им на радость умер
Аякс; себе ж, конечно, угодил,
Обретши то, чего душа желала.

Пристало ль им смеяться над погибшим?

⁹⁷⁰ Пал в жертву он богам, а не Атридам.

Пусть Одиссей победою кичится:
Аякса нет; лишь мне одной оставил
Он горький плач и стоны по себе.

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Со стороны стоянки ахейцев появляется *Тевкр*.

Тевкр

(приближаясь)

О горе мне!

Корифей

(Текмессе)

Замолкни: Тевкра, мне сдается, голос
Я слышу, отклик нашего несчастья.

Тевкр

Аякс, любимый, брат единокровный!
Ужель потух родного ока свет?

Корифей

Да, Тевкр, он умер; нет вернее вести.

Тевкр

⁹⁸⁰ Судьба моя, как тяжек твой удар!

Корифей

Свершилось все.

Тевкр

О день мой злополучный!

К о р и ф е й

Дай волю плачу!

Т е в к р

Быстр несчастья ход.

К о р и ф е й

О да, он быстр.

Т е в к р

(увидев Текмессу)

О боже! Где же сын?
В каком углу земли троянской скрыт он?

К о р и ф е й

Один в палатке он.

Т е в к р

(Текмессе)

Скорей сюда

Его веди! Из логовища львица
Ушла одна — нетрудно супостату
Детеныша похитить. Поспеши же,
Сил не жалея: над витязем лежащим
Всяк надругаться из врагов охоч.

Текмесса уходит.

К о р и ф е й

⁹⁹⁰ Еще при жизни, Тевкр, тебе он вверил
Дитя; его доверье оправдал ты.

Т е в к р

(подойдя к покойнику)

О зрелище печальное! Болеее
Тебя вовек не видывал мой взор.
О путь унылый! Кровью истекало
Сердце мое, Аякс, мой незабвенный,
Когда, узнав об участи твоей,
Выслеживать я бросился несчастье.
Весь стан ахейский облетела быстро,
Как божий глас, про смерть твою молва.
¹⁰⁰⁰ Ее вдали стенанием я встретил;
Вижу теперь — и, видя, погибаю.

О доля!

(Воину)

Сними покров, открой мне бездну горя.
О вид немилый! Вид отваги горькой!
О, скольких зол зародышем мне будет

Твоя кончина! Не помог в страданиях
 Тебе ничем я; кто ж меня приветит,
 В какой стране убежище найду?
 Отец наш общий, Теламон — не правда ль,
 Сколь ласковым, сколь милостивым взором
 Меня он примет, если одиноким
 1010 К нему вернусь, тебя оставив здесь?
 Он и счастливым не умел смеяться —
 Ему ль смолчать? ему ли скрыть зазнобу
 Против того, что отпрыском побочным
 Рожден от пленной дочери врага?
 Из трусости, из жалкого бессилья —
 Так скажет он — тебя я предал, брат,
 А то и с умыслом, — чтоб после смерти
 Твоей и дом, и царство захватить.
 Он вспылчив был всегда; теперь и старость
 Его гнетет и поводом ничтожным
 Склоняет к гневу; в завершение землю
 Покину я, взамен свободной доли
 1020 Рабом ославленный из уст отца.
 Вот родины привет. А здесь, под Троей,
 Враждебно все, друзей слаба опора —
 Так обессилен смертью я твоей.
 Что ж делать мне? Как из груди холодной
 Мне вырвать жало твоего убийцы —
 Меча стального? Суждено, знать, было
 Тебе от Гектора погибнуть, — даром,
 Что он давно могильным сном почил.
 Смотрите, как похожа их судьба:
 Аякс дал Гектору в подарок пояс,
 1030 Тем поясом троянец к колеснице
 Привязан был, и в бешеной погоне
 В мученьях долгих дух свой испустил.
 Аяксу дал он меч, и от подарка
 Погиб мой брат в паденье смертоносном.
 Эриния сковала этот меч,
 Аид — тот пояс, мастер бессердечный!
 В таких сплетеньях сказочных судьбы
 Игру богов над смертными я вижу;
 Кто мыслит розно — пусть лелеет веру
 И сам свою, и мне мою оставит.

К о р и ф е й

1040 Подумай лучше, как тебе могилой
 Его почтить, и как ответ держать.
 Врага я вижу; верно, надругаться
 Сюда пришел он — нет ведь чести в нем.

Тевкр

Кто там идет? Из нашего ли стана?

Корифей

То Менелай, виновник всей войны.

Тевкр

Да, вижу: он вблизи, узнать нетрудно.

Со стороны стоянки ахейцев появляется *Менелай*.

Менелай

Эй, друг! От мертвеца подальше руки!
Пусть здесь лежит: оставь его на месте.

Тевкр

Кому в угоду столько слов ты тратишь?

Менелай

¹⁰⁵⁰ Себе и войска вышнему вождю.

Тевкр

Дозволь узнать причину вашей воли!

Менелай

Причина есть. Союзника и друга
Мы в нем найти надеялись для нас,
И для того под Троию привели;
А он троян враждебней оказался.
Все войско вырезать задумал он
Мечом, в предательском ночном набеге,
И если б бог не отвратил попытки,
Нас всех его б постигла доля; все мы
Постыдною бы смертью полегли,
¹⁰⁶⁰ А он бы жил. По воле ж бога жребьем
Мы поменялись: гнев свой на овец
И прочий скот направил храбрый витязь.
Зато и не найдется смельчака
Настолько сильного, чтоб этот труп
В могиле честной схоронить. Оставлен
Он будет здесь, среди песков унылых,
И станет птиц добычею морских.

Итак, прошу смирить свой дух надменный.

Если живой не подчинялся он
Державе нашей — мертвого сумеем
Мы обуздать, тебе на зло. Теперь уж
Моя рука над ним. При жизни, правда,

¹⁰⁷⁰ Мои слова он ни во что не ставил.

Никчемн тот, кто в рядового доле
Вождям повиноваться неспособен.

И в государстве лучшие законы
 Хиреть должны, коль нет в сердцах боязни,
 И в войске здоровой выдержки не встретишь,
 Коль страх и стыд на страже не стоят.
 Всяк должен знать, хотя б большое тело
 Себе он вырастил, что пасть оно
 От незначительной причины может.
 Нет. Стыд и страх: в ком эти два сошлись,
 1080 Тот в них найдет спасения залог.
 А где преграды нет бесчинству граждан
 И своеволью — община такая,
 Хотя б счастливые ей ветры дули,
 Пучины не избегнет роковой.
 Храни ж оплот спасительного страха!
 Ты хочешь делать, что душе угодно?
 Смотри, претерпишь, что душе невзгодно.
 Изменчива судьба. Недавно он
 Был дерзок, грозен — ныне мой черед.
 Итак, еще раз: руки прочь! Не то —
 1090 Взамен его, себя ты в гроб уложишь.

К о р и ф е й

Бесчинство в мудрых ты словах караешь,
 А сам бесчинствуешь над мертвым, царь!

Т е в к р

Что ж, диво ли, друзья, что к преступлениям
 Низкорожжденные питают склонность,
 Когда знатнейшие в ахейской рати
 Таких преступных не стыдятся слов!

(М е н е л а ю)

Ответствуй мне, какой ты власти правом
 Его сюда союзником привел?
 Он сам явился, сам собой владея!
 1100 Ты ль вождь ему? Ты ль воинам начальник,
 Что из дому привел под Трою он?
 Поставлен Спарты ты царем, не нашим:
 Им управлять ничуть не боле ты
 Уполномочен, чем тобою он.
 Ты сам другим подвластен, не над всеми
 Военачальник; где ж ты царь ему!
 Владей своими, их — внушеньем грозным
 Обуздывай; Аякса ж — твоему
 Наперекор запрету иль другого
 Начальника — я погребеньем честным
 1110 Почту, твоих не убоявшись слов.
 Елены ль ради он в поход собрался,

Подобно жалким подданным твоим?
Он клятвою был связан, не тобою:
Ничтожество он ни во что не ставил.

Вот мой ответ. Хоть рать возьми с собой
Глашатаев и полководца с нею:
Не испугаюсь грома слов твоих,
Пока собой останешься ты сам!

К о р и ф е й

И эта речь нам в горе не пристала:
И в добром деле резкость нам вредна.

М е н е л а й

¹¹²⁰ Знать, одержим гордыней наш стрелок!

Т е в к р

Стрелок я вольный, не наемник жалкий.

М е н е л а й

А щит возьмешь — не будет меры спеси!

Т е в к р

И так с тобой вооруженным справлюсь!

М е н е л а й

Лишь твой язык вскормил твою отвагу!

Т е в к р

Она святою правдой взрощена!

М е н е л а й

По правде ль победит убийца мой?

Т е в к р

Хорош убийца, если жив убитый!

М е н е л а й

Бог спас меня, а для него я мертв!

Т е в к р

Спасенный богом, не гневи богов!

М е н е л а й

¹¹³⁰ Чем же нарушил божьи я законы?

Т е в к р

Не позволяешь мертвых хоронить.

М е н е л а й

Долг не велит нам почитать врагов.

Т е в к р

Тот враг тебе, кто за тебя сражался?

Менелай

Про ненависть взаимную забыл ты?

Тевкр

Судом кривым ты оскорбил его.

Менелай

Вините судей; я тут непричастен.

Тевкр

Всегда злодейство тайною красно.

Менелай

Раскаешься ты в слове дерзновенном!

Тевкр

Раскаешься стократ больней ты сам!

Менелай

¹¹⁴⁰ В последний раз: нет похорон Аяксу!

Тевкр

Ответ запомни: похороны будут!

Менелай

Я видел мужа: языком отважным
Он в бурю плыть заставил моряков.
Но лишь в беде он очутился — слова
Не произнес; плащом покрыл он тело,
И всякий мог лежачего топтать.
Так и тебя — невелика, мол, тучка —
И твой язык бесстыдство обуяло;
Но пусть из этой тучки буря грянет,
И сразу стихнет твой несносный крик.

Тевкр

¹¹⁵⁰ И мне был ведом неразумный муж,
Что над несчастьем ближних не стыдился
Злорадствовать. Его другой увидел —
Вроде меня по внешности и нраву —
И речь такую стал ему вести:
«Не обижай умерших, человече!
Тебе воздастся за обиды их».
Так некто неразумного учил.
Его и ныне вижу; мнится мне,
Муж этот — ты. Жду похвалы за притчу!

Менелай

Прощай; позорно укрощать словами,
¹¹⁶⁰ В руках имея принужденья власть.

Тевкр

Прощай и ты; еще позорней — слушать
Слова пустые из безумных уст.

Менелай уходит.

Корифей

Недалек уже ярого спора разгар.
Поскорее же, Тевкр, ты для брата наметь
Усыпальницы место под кровом земли.
Осенит его мрачное ложе курган,
Незабвенный для смертных навеки.

Возвращается *Текмесса*, ведя за руку *Еврисака*.

Тевкр

Ты прав. И вовремя как раз приспели
Жена и сын покойного, чтоб вместе
1170 Последний долг несчастному воздать.
Сюда, дитя, поближе! как проситель
Рукой к отцу родному прикоснись.
В молитвенной осанке, на коленях,
Держи в руках по пряди ты волос
Моих, своих и матери своей —
Просителей святыню. Если ж кто
Тебя насильно от останков этих
Дерзнет отторгнуть — пусть злодей злодейски,
Отторгнутый от родины своей,
Без погребенья на чужбине сгинет;
Его же рода корень срежьте, боги,
Как я срезаю эту прядь мечом!
1180 Храни ее, и с места ни на шаг.
Изо всех сил прильни к отцу, дитя.

А вы, друзья, не стойте, точно жены,
В беспомощном унынии кругом!
Нет, заступитесь; я ж вернуся скоро
И всем назло земле его предам.

(Уходит.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

*Хор**Строфа I*

Ах, когда исполнится час
После годов
В бездне томлений горьких —
Час, когда спасения луч
Нам наконец

1190 В вечной службе бранной блеснет,
Чтобы нам бросить Трои поля,
Стыд и горе родной Эллады?

Антистрофа I

Пусть эфир бы мужа того
Раньше объял
Или Аид бездонный,
Мужа, что жестокой войны
Первый пример
Средь сынов Эллады явил!
Вот оно, зло, родившее зло!
От него мы и ныне гибнем.

Строфа II

1200 Он виной, что нежных венков
Нет для нас, что радостный звон
Мы глубокой чарки забыли,
Он, несчастный, сладкий напев
Звучной флейты отнял у нас,
Отнял сна ночного отраду.

Любви, любви лишил он нас, о горе!
Мы без ласки лежим; в кудрях
Виснут капли росы ночной;
Будем помнить тебя вовек,

1210 О постылая Троя!

Антистрофа II

Все ж доселе был нам Аякс
От лихой напасти во мгле
И от копий вражьих оплотом.
Пал оплот наш; демону тьмы
Жизнь свою он в жертву принес;
Нет для нас уж в мире услады.
О, раз еще б Сунийский кряж увидеть,
Где на пену лазурных волн
Смотрит лесом поросший мыс,
1220 Чтобы вам наш привет послать,
Вам, святые Афины!

ЭКСОД

Быстро возвращается *Тевкр*.
С другой стороны приближается *Агамемнон*.

Тевкр

Прибавил шаг я: военачальник,
Царь Агамемнон к нам заторопился.
Польется, вижу, злобных слов поток.

Агамемнон

- Ты ль возомнил, что в грозной речи сможешь
 Над нами безнаказанно глумиться —
 Ты, ты, военнопленницы отродье?
 Подумать страшно, как бы возгордился
 1230 Спесивец наш, как голову бы поднял,
 Будь благородной крови мать его,
 Когда теперь, в ничтожестве своем,
 На нас восстал — пустого места ради!
 Еще божился ты, что я не волен
 Начальствовать ни над ахейской ратью,
 Ни над тобою; сам собой владея —
 Так молвил ты — приплыл сюда Аякс.
 Пристойны ли рабу такие речи?
 И за кого ты хвастаешь так дерзко?
 Куда шагнул он, чей напор жестокий
 Он выдержал, где я бы отступил?
 Ужели нет мужей среди ахейцев,
 Опричь него? Напрасно объявили
 1240 Из-за Ахилловых доспехов мы
 То состязанье, если повсеместно
 По мненью Тевкра трусы мы и только!
 И даже судей приговор законный
 Вам не указ; за поражение мстя,
 Вы поносить нас будете бесстыдно
 И меч на нас злодейский поднимать?
 Такие нравы не дадут порядок
 Среди людей установить нигде,
 Когда мы победителей законных
 Гонять дозволим, а их честь и место
 Предоставлять прикажем побежденным!
 1250 Тому не быть. И не в плечах могучих
 Залог победы, не в спине широкой —
 Нет; выше тот, кто разумом силен.
 Бок у быка огромен — все же им
 Невзрачный бич успешно управляет.
 Приспеет и к тебе лекарство это,
 Если ума не припасешь заране.
 Ты ль не безумен? Ведь твой брат — ничто,
 Он тенью стал; и за него ты дерзко
 Нас поносить и вольнословить вздумал!
 Возьмись за ум! Подумай, кем рожден ты,
 1260 И хоть свободного сюда поставь,
 Чтоб за тебя у нас ответ держал он.
 Твоя же речь не будет мне понятна:
 Я в варварском не сведущ языке.

К о р и ф е й

Когда бы оба вы взяли за ум,
Я не желал бы ничего иного.

Т е в к р

Как быстро к мертвым благодарность тает,
Как им охотно изменяют все!
Вот муж; его так часто от врагов ты
Спасал, Аякс, своею за него
1270 Душою жертвуя — и хоть бы словом
Он помянул тебя! Исчезло все.

(А г а м е м н о н у)

О образец обидных словопрений!
Ужель забыл ты, все забыл бесследно,
Как в судовой ограде взаперти
Сидели вы, как после бегства рати
Уж пред глазами видели вы смерть,
И он один вас спас? Пылало пламя
Уж на кормы верхушке корабельной;
Коней гнал Гектор через ров с разбега
И выстроенным угрожал ладьям;
1280 Кто удержал его? Аякс, тот самый,
Что ни сразить, ни отразить врага
Способен не был, по словам твоим!
Что ж, разве свой не выполнил он долг?
Затем припомни, как бойцом он вольным
В единоборство с Гектором вступил.
Не беглый жребий в воду бросил он,
Ком глины влажной — нет, такой, который
Из плема первый порывался прочь!

Таков был он, а я — его товарищ,
Я, в рабской доле варваркой рожденный.
1290 Несчастный! Ты ль мне это говоришь?
Не твой ли дед Пелоп, отца родитель,
Сам варвар был, фригийской сын земли,
Отец же твой, Атрей, в пиру безбожном
Вкусить дал брату плоть его детей?
Не той ли ты критянки сын, которой
Отец родной, застав с рабом на ложе,
Назначил рыб быть пищею немых?
Вот слава рода твоего — и ты же
Глумишься над рождением моим?
Отец мой — Теламон; он в войске первым
1300 Прослыл бойцом и доблести наградой
В подруги ложа мать мою добыл,
Царевну родом, дочь Лаомедонта.

Он получил ее из рук Геракла
 Как избранный высокой чести дар.
 От витязя рожденный и царевны
 Я не позорю рода моего.
 А ты страдальца чести погребенья
 Лишил — и не стыдишься слов своих?

Заметь однако: ту ж насилья меру,
 Как и к нему, придется к нам троим
 Вам применить: мы заодно. И, право,
 1310 Мне больше чести за него погибнуть,
 Чем в битве за супружницу твою,—
 Или там брата твоего — Елену.
 Теперь подумай. Не мое уж только,
 Но и свое решаешь дело ты.
 Не раздражай меня! Не то — быть трусом
 Ты предпочтешь, чем хватом против нас.

Со стороны стоянки появляется Одиссей.

К о р и ф е й

Пришел ты кстати, Одиссей — коль скоро
 Распутать узел, не стянуть ты хочешь.

О д и с с е й

В чем дело, мужи? Издали я слышал
 Атридов крик над витязем умершим.

А г а м е м н о н

1320 Крик? Да, пожалуй; чересчур обидных
 Наслышались речей мы от него.

О д и с с е й

Каких речей? Простить я мужа склонен,
 Когда на брань он бранью отвечает.

А г а м е м н о н

Он эту брань делами заслужил.

О д и с с е й

Что ж сделал он и в чем тебя обидел?

А г а м е м н о н

Не позволяет труп лишить могилы
 И мне назло грозит похоронить.

О д и с с е й

Возможно ль другу,— честь воздавши правде,
 Тебе и впредь с готовностью служить?

Агамемнон

1330 О да; запрет безумью был бы равен:
Из всех аргивян ты мне лучший друг.

Одиссей

Послушай же. Не должен ты бездушно
Аякса оставлять без погребенья,
Не должен силе доверять настолько,
Чтоб в ненависти правду поспирать.
Он и ко мне враждой пылал безмерной
С тех пор, как я доспехами Ахилла
По приговору овладел. Но я
Не отплачу бесчестьем за бесчестье.
Признать я должен, что из всех ахейцев,
1340 Что против Трои двинулись в поход,
Он уступал Ахиллу одному.
Так и тебе не след его бесчестить.
Ведь не его, а божиин законы
Ты оскорбишь. Позорить трупы храбрых
И в ненависти Правда не велит.

Агамемнон

Ты, Одиссей — ты с ним — и против нас?

Одиссей

Да; ненависти честь кладет предел.

Агамемнон

И я не вправе мертвого поспирать?

Одиссей

Не домогайся выгоды бесчестной!

Агамемнон

1350 Во власти правду нелегко блюсти!

Одиссей

А уступать благому друга слову?

Агамемнон

Долг добрых — уступать законной власти.

Одиссей

Брось! Власть — твоя, хотя б и внял ты дружбе.

Агамемнон

Ты помнишь ли, кого почтить ты хочешь?

Одиссей

Он мне врагом, но благородным был.

Агамемнон

Что ж, столько чести мертвому врагу?

Одиссей

Я помню не вражду его, а доблесть.

Агамемнон

Безумия полны такие речи!

Одиссей

Подчас и друг становится врагом.

Агамемнон

1360 Таких друзьями делать — твой совет?

Одиссей

Совет мой — избегать жестокосердья.

Агамемнон

Ты трусом выставишь меня сегодня!

Одиссей

Нет, праведным судьей для всей Эллады.

Агамемнон

Велишь отдать его для похорон?

Одиссей

Да; и меня ведь та же участь ждет.

Агамемнон

Все таковы: всяк о себе радеет!

Одиссей

О ком же больше мне радеть прикажешь?

Агамемнон

Ответишь ты за дело, а не я.

Одиссей

Кто б ни ответил — благороден будешь.

Агамемнон

1370 Запомни ж слово ты мое: тебе
И в большем деле я служить согласен,
Но с ним вражда моя и здесь и там
Непримирима. Поступай, как знаешь!

(Уходит.)

Корифей

Кто и теперь души твоей не ценит,
Царь Одиссей, тот сам лишен души!

Одиссей

Одно осталось. Тевкру предлагаю,
 Чтоб равносильной дружбе уступила
 Недавняя вражда. Аякса тело
 С тобою я похоронить хочу,
 Весь труд твой разделить, всю чести меру
 Ему воздать, какую благородным,
 1380 Вкусившим смерть, установил закон.

Тевкр

О благородный Одиссей, ты всякой
 Хвалы достоин! Ты мой страх развеял.
 Аяксу злейший враг в ахейском войске,
 Ты лишь один помог ему. Не стал
 Живой над мертвым злобно надругаться,
 Как тот военачальник безрассудный
 И брат его, что вздумали Аякса
 Последней грустной почести лишить.
 Пусть же Олимпа царственный властитель,
 Отец наш Зевс, пусть памятливым рой
 1390 Эриний и вершительница Правда
 Злодейскую злодеев смертью възыщут,
 Равно бесчестной, как они хотели
 Бесчестной доле храброго предать!

Тебя ж, Лаэрта-старца мудрый сын,
 Я все ж прошу не прикасаться к трупу.
 Я не уверен, будет ли приятно
 Покойному твое прикосновение.
 Но в остальном желанной будет нам
 Твоя подмога: если кто из войска
 Тобою прислан будет, согласимся
 Охотно мы. А прочее пускай
 Моей заботой будет. Знай, что с нами
 Ты поступил, как благородный муж.

Одиссей

1400 Готовность заявил я, но сомненья
 Твои одобрить должен я; прощай!

Тевкр

Уж довольно речей; приниматься давно
 Нам за дело пора. Вы идите, друзья,
 И глубокой могилы холодную сень
 Снарядите скорей. Вы на ярый огонь
 Меднобокий треножник поставьте, святых
 Омовений купель.

Вы же, третий отряд, из палатки туда
 Принесите доспехов суровый убор.

Ты, малютка, руками к отцу своему
1410 Прикоснися любовно и вместе со мной
Изо всех твоих сил его грудь поддержи.
Ах, тепла эта грудь, и из стынущих жил
Еще к горлу сочится багровая кровь!
Поспешите, идите, усердствуйте все,
Кто когда-либо другом усопшего звал!
Он был добрым из добрых; из смертных никто
С ним сравниться не мог.
[Об Аяксе, что был, мое слово!]

К о р и ф е й

Человеку во многом учителем век,
И никто не пророк,
1420 Пока жизнь впереди, о грядущем.
Сопровождая тело *Аякса*, актеры и хор покидают оркестру.

ФИЛОКТЕТ

Действующие лица:

*Филоктет, вождь малий- Моряк мирмидонский (позд-
цев нее под видом купца)*
Одиссей, вождь итакийцев Геракл
*Неоптолем, вождь мир- Хор мирмидонских моряков.
мидонян, сын Ахилла*

*Действие происходит на скалистом берегу острова Лемноса,
перед пещерой Филоктета.*

ПРОЛОГ

Со стороны моря входят *Одиссей* и *Неоптолем*
в сопровождении мирмидонского *Моряка*.

Одиссей

Пред нами берег морем окруженной
Земли лемносской — дикий, нелюдимый.
Здесь некогда, — о друг Неоптолем,
Сын лучшего бойца в ахейской рати! —
Я Филоктета высадил малийца,
Пеанта сына. Так мне повелели
Мои вожди. Ужасная болезнь
Его снесла ногу. Гной сочился;
Ни возлиянье совершить, ни жертву
Богам благоговейно принести
Он не давал нам; крики и стенанья
¹⁰ Его всечасно знаменем зловещим
Носились в стане... Но довольно слов!
Не время слух пространной речью тешить:
Еще заметит он приход мой — тщетной
Тогда уловка станет, что его
Нам подчинить должна в ближайший час.
Теперь твоей услуге наступил

Черед. Пещеру должен отыскать ты
 Двувходную, с таким расположеньем,
 Чтоб жителя зимой двойным приветом
 Ласкало солнце, летом же, сквозной
 Стезей гуляя, ветерок прохладный
 20 Сон навевал. Под ней, немного слева,
 Родник увидишь — если только цел
 Поныне он. Пойди и посмотри,
 И дай мне знак движением немым,
 Нашел ли ты описанное мною,
 Иль нет. Тогда и прочему пора
 Настанет, мне — сказать, тебе — услышать,
 И к общему приступим мы труду.

Неоптолем

(осматриваясь по сторонам)

Царь Одиссей, исполнена задача:
 Твою пещеру, мнится, вижу я.

Одиссей

Где, выше нас иль ниже? Я не вижу.

Неоптолем

(указывая рукой)

Над нами, здесь; и все кругом молчит.

Одиссей

30 Быть может, сонный он лежит в пещере?

Неоптолем

(подходя к пещере)

Жилище пусто; нет людей нигде.

Одиссей

Домашнего уюта есть следы?

Неоптолем

Постель простая из листвы сухой.

Одиссей

И это — все? Другого скарба нет?

Неоптолем

Дубовый ковш — знать, мастер-самоучка
 Его строгал — и рядом с ним огниво.

Одиссей

Так я и ждал; его ты утварь видишь.

Неоптолем

Фу, смрад какой! А здесь на солнце сохнут

Его лохмотья, черные от гноя.

Одиссей

- ⁴⁰ Сомнения нет; здесь Филоклет живет.
И вряд ли далеко забрел он: трудно
Больному, с раной гложущей в ноге,
В далекий путь собраться. Видно, пищу
Пошел он добывать; а то за зельем,
Чтоб усыпить страдания свои.
Итак, отправь в дозор ты моряка,
Чтоб не застал меня враспloh он; знаю,
Он больше дал бы за мою погибель,
Чем за аргивян остальную рать.

По знаку *Неоптолема* моряк отправляется в дозор.

Неоптолем

Уж он пошел; дорога под присмотром.
А от тебя второй я речи жду.

Одиссей

- ⁵⁰ О сын Ахилла, требуется твердость
Не только тела, — духа — от тебя.
И если от меня теперь услышишь
Речь новую, — послушно выполняй.

Неоптолем

Но в чем задача?

Одиссей

Филоклета ум

- Обманным словом ты опутать должен.
Когда он спросит, чей ты сын, откуда —
Ответь: Ахиллов (здесь обман не нужен);
Плывешь домой, ахейский бросив стан,
Враждой горя великой. На мольбы их
⁶⁰ Склонился ты — ведь при иных условиях
Не мог быть взят ахейцами Пергам.
Они ж, глумясь над справедливой просьбой
Твоей, Ахилловых тебя доспехов
Лишили злостно, Одиссею их
Отдав... И тут меня ты вволю можешь
Последними словами поносить.
От них не будет больно мне; но если
Завет нарушишь мой — тогда аргивян
Ты всех обидой лютой огорчишь.
Одно запомни: без его оружия
Тебе не взять Дардановых высот.

- 70 А что не мне в доверчивом общенье
С ним разговор вести, а лишь тебе —
Понять нетрудно. Ты явился к нам
Не под грозой присяги, не под гнетом
Насилья, и не в первом ополченье.
Не то, что я. И коль стрелок искусный
Меня увидит — неизбежной смертью
Погибну я и в гроб тебя сведу.
Тебе ж в одном лишь надо исхитриться, —
Чтобы украсть непобедимый лук.
Я знаю, сын мой, от природы ты
Не приспособлен ближнего бездолить
- 80 Сплетеньями излучистых речей,
Но верь: победа — драгоценный дар!
Решись! А там — и правде мы послужим.
На час один лишь душу ты свою
Мне предоставь для замысла кривого.
А как потребность минет — хоть всю жизнь
Благочестивейшим слыви из смертных.

Неоптолем

- Лаэртос сын, совсем я не охотник
До дел таких, о коих речь одна
Мне режет слух. Не создан я природой
Чтоб к выгоде стезей кривой стремиться;
Не таковым был — так гласит молва —
И тот, кому я жизньию обязан.
- 90 К чему тут козни? Я согласен силой
Его под Трою с нами увести.
Не может быть, чтоб он, с хромой ногою,
Осилит нас, приехавших вдвоем.
Меня тебе помощником послали;
Предателя ты не найдешь во мне.
Но знай мой взгляд: милей победы гнусной
Мне неудача честная стократ.

Одиссей

О милый отпрыск храброго отца!
И я был молод, и язык неловкий
Не поспешал за бодрюю рукой.
Но жизни опыт говорит: не доблесть,
А слава правит все дела людей.

Неоптолем

- 100 Итак, я должен лгать; но что же дале?

Одиссей

Ты хитростью его опутать должен.

Неоптолем

Зачем же так, зачем не убежденьем?

Одиссей

Не убедишь; насилье ж бесполезно.

Неоптолем

Какой же мощью обнадежен он?

Одиссей

Волшебный лук руке его послушен.

Неоптолем

Но если так — возможно ль с ним общенье?

Одиссей

Лишь хитростью — таков и мой совет.

Неоптолем

И эту ложь ты не сочтешь позорной?

Одиссей

Конечно, нет — когда спасенье в ней.

Неоптолем

¹¹⁰ Ему в глаза смотреть с неправдой в речи?

Одиссей

Так выгода велит; сомненья брось!

Неоптолем

Но чем мне выгодно его участие?

Одиссей

Его лишь стрелы Трою покорят.

Неоптолем

А вы сказали: покоритель — я?

Одиссей

Ни ты без них, ни без тебя — они.

Неоптолем

Исход один: они должны быть наши.

Одиссей

Ты этим делом два венца добудешь.

Неоптолем

Какие? Смелость мне придаст ответ.

Одиссей

И доблестным, и мудрым прослывешь.

Неоптолем

¹²⁰ Ну, будь что будет; поборол я стыд.

Одиссей

А помнишь ты внушение мое?

Неоптолем

Уж если дал согласие,— значит, помню.

Одиссей

Итак, останься, Филоктета жди;

Я удалюсь,— так осторожней будет.

Лазутчика же нашего с собой

Возьму на судно — и его же к вам

Пришлю обратно, если встречи вашей

Замедлится желательный исход.

В купца осанке явится к тебе он,

И война никто в нем не признает.

¹³⁰ Речь поведет о том он и об этом,

А ты, мой сын, что на руку тебе,

Уж сам извлечь из слов его сумеешь.

Я возвращаюсь на корабль: теперь —

Твоя забота. Да блюдет тебя

Наш хитроумный проводник, Гермес,

А с ним — Афина мудрая, царица

Побед, моя заступница вовеки.

Уходит.

ПАРОД

Оркестру заполняет хор мирмидонских моряков.

Строфа I

Хор

В земле чужой, со странником угрюмым

Что говорить, о чем молчать велишь?

Ты все скажи нам, вождь!

Там наука и ум цветет,

Где божественной власти жезл

¹⁴⁰ Зевсом в верные руки дан.

Так к тебе перешла теперь

Древнего царства держава; итак, скажи,

Служить тебе могу ль я?

Неоптолем

На краю, над обрывом жилище его;

Если хочешь, взгляни, как устроился он:

Безопасно теперь. Но как только придет
 Неприветливый путник — обратно ко мне
 Из пещеры явись и по силам своим
 Помоги мне в задуманном деле.

Антистрофа I

Хор

¹⁵⁰ Давнишнюю ты воскресил заботу —
 Всегда радеть о выгоде твоей.
 Теперь скажи одно:
 Где пустынного дом найти,
 Где блуждает стопа его?
 Это надо бы ведать нам,
 Чтобы он не застиг нас вдруг.
 Где ж его хижина? Где пребывает он?
 В глуши лесной, иль дома?

Неоптолем

Видишь здесь ты жилище в пещере сквозной,
¹⁶⁰ Среди каменных стен двуотверстных?

Корифей

А страдалец-хозяин — куда он ушел?

Неоптолем

Видно, в поисках пищи вблизи он ползет
 И отвисшей ногою тропу бороздит,
 Ибо он, горемычнее всех горемык,
 Оперенной стрелой поражая зверей,
 Только тем и живет;
 Исцелителя нет его ране.

Хор

Строфа II

Ах, болеет о нем душа!
¹⁷⁰ Нет ухода за ним, далек
 Взор участливый, день и ночь
 Стонет он, одинокий.
 Злою болью болеет плоть,
 В муках корм добывает он —
 Страшно думать, как мог бедствий таких
 Он пересилить гнет!
 О произвол богов!
 О, людской злополучный род,
 О, безмерная доля!

Антистрофа II

¹⁸⁰ Отпрыск славных мужей, судьбы
 Первый баловень среди своих —

Всех он жизни даров лишен,
 Всеми ныне покинут.
 Зверь лесной ему гость и друг,
 Голод — брат и болезнь — сестра;
 Одр его стережет ночью и днем
 Мук неотлучных сонм.
 Тщетно рыдает он:
 Эха лишь неумолчный зов
 190 С дальних скал ему вторит.

Неоптолем

Коль судить мне дозволено — участь его
 В изумленье души не повергнет моей.
 Не без воли блаженных его поразил
 Той безжалостной Хрисы удар роковой;
 Не без их же решенья и ныне он здесь
 Без ухода томится десятый уж год —
 Чтоб не раньше направил на Троию он лук,
 Неизбежной стрелою сражая врага,
 200 Чем исполнится время, когда от него
 Суждена тому граду погибель.

Строфа III

Хор

О, тише, сын мой!

Неоптолем

Что там?

Хор

Звуки слышу я,
 Точно где человек в муках томится.
 Там ли, здесь ли — знать не могу...
 Слышен вновь голос мне:
 Кто-то путь свой, полный страданий,
 Свершает; жалобным стоном
 Мне душу издали тянет
 Странник горький: так явно слышен он.

Антистрофа III

Хор

210 Наметь же, сын мой...

Неоптолем

Что же?

Хор

Новых мыслей путь:
 Близок странник, сейчас будет он с нами.

Не свирели вверил он песнь,
 Как пастух горных рощ;
 Иль, споткнувшись, голос страданий
 Он шлет в лазурные дали,
 Иль брег признал нерадушный
 Глаз его; но все громче стонет он.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Появляется *Филоктет*, держа в руке лук.

Филоктет

Чужие здесь?

220 Кто вы? Зачем корабль ваш занесен
 На этот остров, дикий и безлюдный,
 Где даже для судов пристанищ нет?
 Какой отчизны вы, какого рода?
 Как величать вас? Эллинских я вижу
 Уборы риз, усладу глаз моих;
 Но голос ваш услышать я хочу...
 О, не пугайтесь! одичал я, знаю,
 Но все ж не ужас вам внушать я должен,
 А состраданье — бедный, одинокий,
 Покинутый, без дома, без друзей.
 Скажите ж слово, коль с добром пришли!
 230 Ответьте мне! Велик ли дар ответа?
 Уж в нем никто не вправе отказать.

Неоптолем

Внемли же, странник. На вопрос твой первый —
 Ответ готов: мы — элины, ты прав.

Филоктет

О голос милый! Боги! сколько лет
 Я ждал того, кто б так мой слух утешил!
 Теперь скажи, какой неволи гнет
 Иль воли ласка вас ко мне пригнали
 И привели? тот ветер драгоценный —
 Как звать его? Ты все мне расскажи:
 Хочу я знать и кто ты, и откуда.

Неоптолем

Мне родина — обвитый морем остров:
 240 Зовется Скирос. Я плыву домой,
 Ахиллов сын Неоптолем. Все знаешь.

Филоктет

О сын отца любимого, о отпрыск

Отчизны милой, старца Ликомеда
Питомец юный! О, какой судьбой
Ты занесен сюда? Откуда путь твой?

Неоптолем

Из Илиона бег мы направляем.

Филоклет

Возможно ли? Ведь не был ты средь нас,
Когда поход мы в Трою снаряжали!

Неоптолем

А разве ты — участник тех трудов?

Филоклет

О милый! Кто перед тобой — не знаешь?

Неоптолем

²⁵⁰ Да нет; тебя я вижу в первый раз.

Филоклет.

А имя? А страданий лютых слава?
Все это — чуждо слуху твоему?

Неоптолем

Я ничего не слышал, будь уверен.

Филоклет

О верх обид! Ужели так противен
Я стал богам, что о моих мученьях
Мой край родной и вести не узнал,
Что я совсем забыт во всей Элладе?
Мои враги покинули меня
Бесчестно и смеются втихомолку,
Моя ж болезнь растет и расцветает!

²⁶⁰ О мой родной, о сын Ахилла милый,
Ведь я — тот самый, о котором ты,
Конечно, слышал, что Геракл его
Чудесных стрел наследником оставил:
Царя Пеанта сын я, Филоклет!
Меня чета правителей и с ними
Итаки царь в пустыне одиноким
Позорно бросили... сказать, за что?
За то, что жалом гибельной ехидны
Я тронут был; ее укус жестокий
Больное тело истреблял мое.

²⁷⁰ И вот, когда от морем окруженной
Скалы хрисейской корабли свои мы
Сюда пригнали и в изнеможенье
От сильной качки, под утеса сводом

На берегу я сладкий сон вкусил,—
Они, меня покинув, прочь уплыли,
Оставивши мне жалкие лохмотья
Да пищи крохи — горькая подмога
На первый раз несчастному... Самим бы
Такую же усладу испытать!
Подумай, друг, с какой веселой думой
Проснулся я — покинутый, один!
Как разрыдался я, каким я воплем
Нахлынувших пучину бедствий встретил!
280 Исчезли крылья кораблей моих,
Души живой не видел я кругом;
Ни кроткого привета, ни ухода
Больному телу — ничего! И сколько
Я ни метался — ничего не видно
На всем берегу, oprичь страданий горьких;
Но их — обилье полное, дитя!
И день за днем мучительной чредой
Потек. Пришлось в скалы приюте тесном
Жилье устроить — одному. Питанье
Мне добывал мой лук, стрелою верной
Он поражал крылатых голубей.
290 Но за добычей сам ползти я должен,
Измученную ногу волоча.
И также за питьем, и за дровами,
Когда мороз: все это сам, несчастный,
Я промышлял. Да, вот еще: огня
Ведь не было. С большим усильем, камень
О камень ударяя, извлекал
Я пламя сокровенное; поныне
Оно меня спасает. Кров жилой,
Да жар огня — вот всем нуждам подспорье,
Когда б не боль отравленной ноги!
300 Еще узнай ты острова природу.
Сюда добром никто не пристаает;
Он не дает стоянки мирной судну;
Нет жителей, чтоб с барышом товар
Им свой продать, прием радушный встреть.
Нет, не плывет сюда разумный муж!
Неровен час, нужда кого пригонит —
Ведь мало ль что в несметных дней теченье
Случиться может! Ну, так вот, дитя,
Я от пловца заезжего такого
Дань получу участия — на словах!
Кто пищи уделит из сожаленья
Мне долю малую, а кто одежды
310 Немного даст. Но чтоб домой отправить

Меня — о том и слышать не хотят.
 Так гибну я — десятый гибну год.
 Сам голодая, лишь болезнь-обжору
 Своею плотью вскармливаю. Так
 Меня почтили добрые Атриды
 И Одиссей-властитель. Пусть же им
 Зачтут цари державные Олимпа
 Моих страданий безутешных гнет!

К о р и ф е й

И мы не мене тех пловцов заезжих
 Тебя жалеем, о Пеантов сын!

Н е о п т о л е м

320 Готов и я свидетельством правдивым,
 Друг Филоктет, рассказ твой подтвердить:
 И я врагов твоих изведаль низость.

Ф и л о к т е т

Как? И тебя Атриды оскорбили
 Проклятые? Разгневали тебя?

Н е о п т о л е м

Насытит гнев рука моя сумеет!
 Тогда узнают Спарта и Микены,
 Что доблестных мужей родит и Скирос!

Ф и л о к т е т

Так, так, дитя! Какой же злобы ради
 Ты столь великий гнев на них растишь?

Н е о п т о л е м

330 Что ж, расскажу... ох, не легка задача!
 Как насмеялись надо мной вожди,
 Когда пришел последний час Ахиллу...

Ф и л о к т е т

Что ты сказал? Постой! Скажи еще раз.
 Ужели смерть познал Пелеев сын?

Н е о п т о л е м

Да, он убит — не человека дланью:
 Его сам Феб стрелою поразил.

Ф и л о к т е т

Достоин он — достоин и сразивший.
 Душа двоятся, и твою судьбу
 Хочу услышать, и его оплакать.

Неоптолем

Ах, горемыка! И твоих страданий
 340 Достаточно — тебе ль скорбеть о ближнем?

Филоктет

Ты прав, мой сын. Вернись к началу снова
 И расскажи мне про обиду их.

Неоптолем

Ко мне приплыли в пышном корабле
 Царь Одиссей и дядька моего
 Отца; их речь — правдивая ль, не знаю —
 Звучала так: раз умер мой отец,
 То мне лишь одному судьбой дано
 Взять Илион, — и никому другому.
 Такая речь заставила меня
 Не медля, друг мой, в путь морской собраться.
 350 Хотелось на отца взглянуть, покуда
 Он не разрушен челюстью огня, —
 Ведь никогда я не видал его;
 К тому же слава сладостно манила
 Сорвать Пергама каменный венец.
 И вот плыву я; день, второй зарделся —
 Сигея виден ненавистный холм;
 Попутный ветер струг крылатый гонит —
 На берегу я. Войско все кругом
 Меня с приветом громким обступает;
 Клянутся все, что с новой жизни силой
 Из небытья Ахилл им возвращен...
 А он лежал. Печаль глаза покрыла;
 360 Воздал родителю я плача дань.
 Затем, немного обождав, к Атридам,
 Друзьям моим — так думал я — иду:
 Прошу отдать отцовские доспехи
 И все другое, что своим он звал.
 Они ж в ответ бессовестное слово
 Сказали мне: «Внемли, Ахиллов отпрыск!
 Добро отца наследуй невозбранно;
 Доспехи же его присуждены
 Другому витязю — Лаэрта сыну».
 Тут слезы брызнули из глаз моих,
 Набухло гневом сердце. Я поднялся:
 «Насильники! Чужому человеку
 Мои доспехи дать посмели вы,
 370 Не выждав даже моего решенья?»
 На это Одиссей — стоял вблизи он —
 Ответил мне: «Да, отрок, и по праву

Они вождами мне присуждены:
 Ведь я их спас, и труп Ахилла с ними».

Тут уж всего меня объяла злоба;
 С потоком слов обидных на него
 Я устремился: как, чтоб он оружие
 Отцовское похитил у меня?
 Не вспылчив он; но, видно в сердце жало
 Ему проникло. Выслушав меня,
 Он так ответил: «С нами доли нашей
 Ты не делил, отсутствуя не в пору;
 А так как дерзкой удали своей
 380 Ты волю дал, то знай: отца доспехов
 Ты в Скирос свой с собой не увезешь».

Так он сказал. И вот я, оскорбленный,
 Домой плыву, отцовского наследья
 Бесчестнейшим лишенный из людей.
 Да что! Не так его я в том виню,
 Как их, вождей. Правителям за город
 Ответ держать пристойно, и за войско,
 И если кто бесчинствует — наверно
 Учителя он словом совращен.
 Рассказ мой кончен. Кто Атридам недруг —
 390 Богам да будет так же мил, как мне!

Х о р

Строфа

Царица гор, ключ жизни вечный,
 Зевеса мать самого,
 Что златоносного Пактола
 Блудешь течение, — Земля!
 К тебе, родительница, слезно
 Я обращал молящий глас
 В тот скорбный день, когда царей
 Нависла горькая обида
 Над молодым вождем моим:
 Увы, увы, о мать блаженных,
 400 Чью колесницу увлекают
 Львы, погубители быков,
 Смотри: уже доспех Ахилла,
 Наследие Неоптолема,
 В награду принял Лаэртид!

Ф и л о к л е т

Я вижу, гости, символ необманный
 Обиды общей, единящей нас.
 Во всем согласны мы: узнать нетрудно,
 Что те ж Атриды, тот же Одиссей —

Враги обоим. Нет дурного слова,
 Которого б чуждалась речь его;
 Со всякой злобой дух его сроднился,
 Чтоб все пышнее цвел неправды цвет.
 410 Не в этом диво: но как мог великий
 Аякс такую кривду допустить?

Неоптолем

Его уж смерть похитила, мой друг;
 О, будь он жив — не ликовал бы враг мой!

Филоктет

Что молвишь ты? Ужель и он погиб?

Неоптолем

Да; для него угас навеки свет.

Филоктет

О горе мне! Зато Тидея сын,
 Зато Сисифа продажное семя
 В живых, конечно. Вот кого б под землю!

Неоптолем

Чего бы лучше; только вот беда:
 420 Как раз они цветут в аргивской рати.

Филоктет

А добрый, старый друг мой, царь Пилосский,
 Почтенный Нестор? Сколько раз он в войске
 Советом мудрым козни их сметал!

Неоптолем

И он в беде: погиб, кто был с ним рядом, —
 Его любимый отпрыск, Антилох.

Филоктет

Еще утрата! Всех других скорее
 Я б лютой смерти уступил, чем их.
 О жизнь ты, жизнь! Где ж нам искать опоры,
 Когда такие люди умирают,
 А Одиссей... Ему бы вместо них
 430 Средь мертвых быть, а он под солнцем бродит!

Неоптолем

Хитер боец наш; что ж! Подчас и хитрый
 В сетях своих запутаться способен.

Филоктет

Постой! Да где же был Патрокл в то время,
 Он, твоего отца вернейший друг?

Неоптолем

И он в могиле уж лежит. Наука
 Ко всем одна: гнушается Арес
 Худых мужей — лишь лучших косит он.

Филоктет

Ты прав. И для примера лишь спрошу
 Тебя о муже — недостойном, правда,
 440 Но хитром и речистом: жив ли он?

Неоптолем

Таков был Одиссей; других не знаю.

Филоктет

Не он: Ферсит, кричавший вновь и вновь,
 Хотя бы все молчать ему велели.
 О нем скажи мне, жив ли он иль нет.

Неоптолем

Не знал его, но слышал, что он жив.

Филоктет

Еще бы! Сорное не гибнет семя:
 Его любовно охраняет бог.
 Людей коварных и бесчестных души
 Он даже с дна Аида возвращает,
 450 А благородных в грязь топтать готов.
 Что тут сказать? Кому молиться? Горько,
 Душою в божий промысел вникая,
 Самих богов в безбожье уличать!

Неоптолем

Отныне, сын этейского владыки,
 Подальше я держаться и от Трои
 И от вождей злокозненных решил.
 Где гибнет правда и злодей ликует,
 Где трус в чести, а добрый в униженье,
 Там нет предмета для любви моей.
 Скалистый Скирос родиной мне будет,
 460 Домашней жизнью утолю тоску.
 Итак, на судно! Ты же, сын Пеанта,
 Привет прими — сердечный мой привет!
 Да снимут боги немощи обузу
 С тебя, мой друг, желанье исполняя
 Души твоей. А нам на струг пора,
 Чтоб тотчас крылья по ветру расправить,
 Лишь только бог зазывает моря гладь.

Филоктет

Ты едешь, сын мой?

Неоптолем

Да, пора; вблизи
Следить нам ветра пробуждение должно.

Филоктет

О, ради матери родимой, ради
Отца-героя, ради всех услад,
Что дома ждут тебя, — мольбой горячей
470 Молю, мой сын, не оставляй меня
В моем несчастье сирым, одиноким.
Ты видишь, как я здесь живу: ты слышал,
Как я страдаю. Брось куда-нибудь
Меня, как груз ненужный... знаю, много
Вам от него и так терпеть придется,
Но все ж стерпи. Кто родом вознесен,
Тому позор невыносим, но славу
Добро приносит. Если ты меня
Оставишь здесь — бесславием тяжелым
Себя покроешь ты; а увезешь,
Живым доставив на Этейский склон, —
Венец добудешь славы незакатной.
480 Решись, дитя! Томленья — день один,
И то не весь. В какое хочешь место
Мне лечь: вели — в трюм, на нос, на корму,
Чтоб я присутствием своим — плывущим
Не досаждал. О, ради Зевса, сын мой,
Просителей заступника, — кивни,
Послушайся! К коленям я твоим
Припасть готов — бессильный, хромоногий:
Не покидай меня в глуши безлюдной!
Спаси меня — к себе ль, в родимый Скирос,
Иль ко двору евбейца Халкодонта;
490 Оттуда быстро доведут меня
До склонов Эты, до трахинской выси
И до стремительных Сперхея вод.
Отец навстречу выйдет мне любимый...
Ах, уж давно мне гложет сердце страх,
В живых ли он. Не раз пловцам заезжим
Посланья слезные я для него
Вручал, моля, чтоб снарядил он судно
И сам за мной на Лемнос поспешил.
Но, видно, смерть похитила его;
Иль те посланцы — мало ль что бывает! —
Мою мольбу презрели, чтоб домой

Скорей вернуться. Ныне уж не то:
 500 В тебе одном и вестник и спаситель,
 Тебя молю: ты сжался, ты спаси.
 Ты видишь сам: непрочна и опасна
 Судьба людская. Нынче ты с успехом —
 С уроном завтра. Мудрость нам велит
 В расцвете счастья взвешивать возможность
 Лихой невзгоды и следить за жизнью,
 Чтоб невзначай не рушилась она.

Х о р

Антистрофа

О, сжался, вожды! Таких мучений
 Нам подвиги поведал он.
 Да не познает их вовеки,
 Кто дорог сердцу моему.
 510 И если ненависть, владыка,
 Растышь ты на Атридов злых,—
 То не забудешь и о том,
 Что их беда — ему отрада,
 Они вам общие враги.
 Кормила манию покорный,
 Пусть в отчий дом его доставит
 Летучий бег ладьи твоей.
 Мечту души его исполним —
 И нам вовек не будет страшен
 Гнев Немесиды и богов!

Н е о п т о л е м

(Х о р у)

Смотри же! Ныне полную готовность
 Ты изъявляешь; а когда болезнь
 520 Соседством близким чувств твоих коснется —
 Тогда, боюсь, иное скажешь ты.

К о р и ф е й

О нет! того не будет, чтоб по правде
 Такого я упрека заслужил.

Н е о п т о л е м

Что ж, в добрый час! В усердии похвальном
 На благо гостя от тебя отстать
 Честь не велит. Итак, скорее в путь!
 Ты снаряжайся, Филоклет, корабль же
 Тебя принять и увезти готов.
 Пусть только боги из земли немилрой
 Наш путь задуманный благословят!

Филоктет

530 О день желанный! Гость великодушный!
 Пловцы любезные! О, если б делом
 Я доказать вам мог, какой любовью
 Наполнили всю душу вы мою!
 Идем же, сын мой — только дай проститься
 Мне с неудобным кровом навсегда.
 Войди со мной; увидишь, как я жил,
 Как стойко я с невгодами боролся.
 Иной и вида б их не вынес; я же
 Сдружиться с ними приказал себе.

Филоктет и Неоптолем направляются к пещере.

Корифей

Повремените. Двух мужей я вижу:
 540 Один — пловец твой; незнакомец с ним.
 Их выслушать вперед необходимо.

Появляются два моряка из свиты *Неоптолема*.
 Один из них одет кушчом.

Купец

Привет тебе, Ахиллов сын! мой спутник
 С двумя другими был тобой оставлен
 Усердным стражем судна твоего.
 С ним встретившись нежданно для себя —
 Судьба свела нас с ним в стоянке общей, —
 К тебе его проводником я взял.

Я корабельщик; в малом корабле
 Держу я путь домой из Илиона
 В вином обильный Пепареф. И вот,
 Узнав от моряков твоих, что вместе
 550 С тобой они сюда пригнали струг,
 Я так решил: коли судьба свела нас,
 То, зная, не след мне молча удалиться,
 И должен все поведать я тебе.
 Ты сам не знаешь, что тебе грозит,
 Что о тебе аргивяне решили.
 Да только ли решили? Нет, исполнить
 С усердием великим собрались.

Неоптолем

Гость, за твою заботу благодарность —
 В том честь моя порукой — ждет тебя.
 Открой мне все: что нового решили
 560 Против меня аргивяне-враги?

Купец

На быстром судне мчатся за тобой

Сыны Фесея, старый Феникс с ними.

Неоптолем

Вернуть меня? Насильем иль коварством?

Купец

Того не знаю, слуха вестник я.

Неоптолем

С таким усердьем Феникс и другие
Атридов слово выполнить спешат?

Купец

Их слово — дело, а не звук пустой.

Неоптолем

А Одиссей? Возможно ль, что не сам он
За дело взялся? Страх его объял?

Купец

⁵⁷⁰ Он с Диомедом за другой добычей
Сбирался в путь, когда прощался я.

Неоптолем

Кого ж себе добычею избрал он?

Купец

Был некто... Но одно скажи сначала,
Потише только: кто с тобой стоит?

Неоптолем

То славный Филоктет, любезный гость!

Купец

Коль так — оставь дальнейшие расспросы,
Из этих вод скорее уплыви!

Филоктет

О чем он шепчется с тобою, сын мой?
Какие козни строит он во тьме?

Неоптолем

⁵⁸⁰ Я сам не знаю; пусть открыто скажет
Он весть свою — тебе и мне и им.

Купец

Ахиллов сын, не выдавай меня
Аргивянам! Они мои услуги
Оплачивают щедро; я ж — бедняк.

Неоптолем

Я — враг Атридам, он — мой друг любезный

За то одно, что их он ненавидит.
Коль ты с добром пришел — открыто молви
Ему и мне, что слышал ты о нас.

Купец

Смотри ж, мой сын...

Неоптолем

Уже давно смотрю я.

Купец

⁵⁹⁰ Ответишь ты!

Неоптолем

Отвечу; говори!

Купец

Ну, что ж, скажу. Те двое, что назвал я,
Тидея сын и Одиссей могучий,
За ним плывут, торжественно поклявшись,
Что или словом убедят его,
Иль силой уведут. И эту клятву
Услышало все воинство ахейцев
Из Одиссея уст — сильнее друга
В удаче дела был уверен он.

Неоптолем

Уж так давно отрезали от мира
Его цари; как объяснить — о нем же
⁶⁰⁰ Столь запоздалую заботу их?
Откуда вдруг к нему такая страсть?
Иль божий суд и Немесиды гнев
И здесь злодейство карой устрашили?

Купец

Все объясню — я вижу, ты не слышал,
Как было дело. Есть пророк почтенный,
Приама сын, по имени Елен;
Его однажды в вылазке ночной
Коварный Одиссей (немало гнусных,
Обидных слов уж к имени его
Пристало!) пленным захватил и в узах
Привел на площадь, чтоб ахейской рати
Прекрасную добычу показать.
⁶¹⁰ Пророцеств много возвестил тогда им
Елен: что никогда стены троянской
Им не разрушить, если Филоктета
Они разумным убежденья словом
С обители пустынной не вернут.

Но не успел окончить речь гадатель,
 Как слово взял Лаэрта сын и войску
 Представить Филоктета обещал,
 Скорей всего — так мнил он — добровольным
 Союзником; а нет, так принуждением.
 Главу свою он ратнику любому
 На отсечение отдавал, коль в деле
 Задуманном успех ему изменит.
 620 Ты знаешь все; решеньем быстрым, отрок,
 Себя спасешь ты и друзей своих.

Филоктет

Какая гнусность! Он, сосуд позора,
 Меня поклялся к войску убежденьем
 Вернуть! таким же убежденьем властен
 Он из Аида возвратить меня,
 Как некогда отец его вернулся.

Купец

Того не знаю. Мне пора на судно;
 А вам во всем пускай поможет бог!

Оба моряка уходят.

Филоктет

Ты слышал, сын мой? Этот Лаэртид —
 Он мнит, что лъстивым словом он меня
 На судно завлечет и как добычу
 630 Свою покажет воинству всему!
 Нет, нет! Скорей ехидны ненавистой
 Слугой я стану, что ноги моей
 Меня лишила. Но запретной речи
 Нет для него, предела нет его
 Отваге дерзкой. И я верю, скоро
 Он будет здесь. Итак, дитя мое,
 Идем на судно; пусть простор широкий
 Меж нами ляжет и ладьей его.
 Скорее, в путь! Поспешностью уместной
 Окупим сон и отдых беззаботный
 По минованье страхов и трудов.

Неоптолем

Теперь нельзя. Пусть раньше стихнет ветер,
 640 Что с моря дует; двинемся тогда.

Филоктет

Все ветры благи, чтоб от зла бежать!

Неоптолем

Да, да; но ведь и их задержит он.

Филоклет

Нет для разбойника противных ветров,
Когда добычу пред собой он чует.

Неоптолем

Ну, что ж, пойдем. Возьми же из пещеры,
В чем нужду чаешь — что душа велит.

Филоклет

Добра не много — а придется взять.

Неоптолем

А у меня в запасе не найдется?

Филоклет

Там зелье есть, которым боль свою
650 Я укрошаю, — помогает верно.

Неоптолем

Возьми его. Другой нужды не будет?

Филоклет

Посмотрим, не найдем ли стрел забытых, —
Оставить не хочу их никому.

Неоптолем

В твоих руках тот самый славный лук?

Филоклет

Тот самый; я другого не имею.

Неоптолем

Дозволишь ли взглянуть мне на него,
Рукой коснуться и почтить, как бога?

Филоклет

Тебе, дитя? Конечно! Все мое
Считай своим, чего б ни пожелал ты.

Неоптолем

660 Мое желанье — вот оно: желаю,
Коль бог согласен; если ж нет, оставь.

Филоклет

Благочестива речь, и бог согласен.
Ведь ты один свет дня мне даровал.
Твоею милостью родную Эту
Увижу я, и старика отца,
И всех друзей; поверженный врагами,
Я чрез тебя возвысился средь них.
Да, сын мой, лука ты касаться можешь:

Пусть чередует он со мной тебя.
 Гордись, мой друг; один из смертных право
 Стяжал ты это добротой своей.
 Коснись его: ведь некогда и сам я
 670 Благодеянием его добыл.

Неоптолем

Я рад и встрече и любви твоей;
 Кто за добро добром платить способен,
 Тот драгоценней всех сокровищ в мире.
 Ну что ж, иди!

Филоклет

Войди и ты со мною:
 Я слаб; опору я найду в тебе.

Поддерживаемый *Неоптолемом*, направляется к пещере.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа I

Об Иксионе древнем слышали мы весть,
 680 Как Зевсова ложа пытал он священного,
 И как к колесу-бегуну любострастника
 пыл приковал

Сын державный Крона.
 Но страдальцев других равных ему
 В злобе лихой судьбы
 Глаз не видел досель и слух не слышал.
 Ничьих он прав святых ничем не оскорбил,
 Был среди добрых добр всегда —
 Ах! и так недостойно он погибает.

Диву даемся мы,
 Как в одиноких скал глуши,
 Слыша мятежных волн прибой, —
 Как многослезной жизни гнет
 690 Мог он нести так долго!

Антистрофа I

Он сам себе соседом, ног лишенный, был;
 Он окрест не ведал товарища в бедствии,
 В ком отклик нашел бы исторгнутый гложущей
 равную стон,

Раной незаживной;
 Кто бы крови напор, жаркой струей
 Бьющей из вспухших жил

Истомленной ноги, благого зелья
 Желанной силой усыпил, подняв его
 700 С лона всезизждущей Земли.
 Полз он взад и вперед по трудным тропам,
 Язву с собой влача,
 Точно дитя без няни ласк;
 Сам он целебных трав искал,
 Если палящей раны боль
 Сердцу вздохнуть давала.

Строфа II

Он ни хлеба не знал, дара святой Земли,
 Столько лет, ни других людям привычных ясть,
 710 Птиц крылатой стрелой меткого лука он
 С троп небесных срывал — вот корм страдальца!
 О беспросветный мрак!
 Столько лет не вкушал винной лозы ласковой
 влаги он;
 Искал, где дремлет муть дождевой воды
 И к ней наклонялся.

Антистрофа II

Ныне ж радостный луч солнца из мглы сверкнул:
 720 Мужа доброго сын прислан ему судьбой.
 Он чрез море его, долгий кончая плен,
 В отчий дом увезет. Там ждет скитальца
 Роща малийских нимф;
 Там Сперхея крутой берег манит; там
 в огневой заре
 Вознесся муж о медном щите к богам
 Над Эты вершиной.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

На пороге пещеры показывается *Филоктет*,
 поддерживаемый *Неоптолемом*.

Неоптолем

730 Пора идти... Что это? Без причины
 Замолк ты вдруг и головой поник?

Филоктет

О, о, о, о!

Неоптолем

В чем дело?

Филоктет

Так, пустое, друг. Идем!

Неоптолем

Уж не болезнь ли вновь тебя терзает?

Филоклет

Нет, нет, не бойся; кажется, прошло...

О боги!

Неоптолем

Зачем к богам со стоном ты взываешь?

Филоклет

О милости спасительной молю их.

О, о, о, о!

Неоптолем

⁷⁴⁰ Нет, что с тобой? Да говори ж! Зачем
Молчишь ты все? Беда стряслась, я вижу.

Филоклет

Беда, мой сын; не в состоянии буду
Ее я скрыть. Ай, больно мне! Насквозь,
Насквозь прошибло. О несчастный жребий!
Грызет, дитя, погиб я. Боги, боги,
Как больно мне, как нестерпимо больно!
О, ради бога, если меч, мой сын,
Добыть ты можешь — отсеки ударом
Ступню мою, хотя б ценою жизни!
⁷⁵⁰ Молю тебя!

Неоптолем

Откуда ж вдруг такая боль явилась?
Кричишь ты, стонешь... что с тобой, скажи!

Филоклет

Ты знаешь ведь!

Неоптолем

В чем дело?

Филоклет

Знаешь!

Неоптолем

Право,

Не знаю.

Филоклет

Как не знаешь!.. Ай, опять...

Неоптолем

С какою силой вспыхнула болезнь!

Филоклет

С ужасной, несказанной. Сжался, сын мой!

Неоптолем

Что ж делать мне?

Филоклет

Не бойся, друг, не выдай!

Свиреп припадок, но зато вернется

Не скоро он.

Неоптолем

Ах, бедный, бедный друг!

⁷⁶⁰ Каким жестоким взыскан ты страданьем.

Помочь тебе? погладить? прикоснуться?

Филоклет

Нет, нет, не надо! Только лук возьми.

Ты сам просил меня недавно... Скоро

Уляжется безумной боли пыл.

Храни его... Ты должен знать: в глубокий

Я погружаюсь сон, когда стихает

Ее напасть. Тогда меня тревожить

Нельзя; не то — вернется. Я боюсь,

⁷⁷⁰ Придут проклятые. О, ради бога,

Ни лести их, ни силе, ни обману

Не уступай! Себя погубишь ты

И своего просителя — меня.

Неоптолем

Напрасен страх твой. Кроме нас с тобою

Никто владеть не будет им, поверь!

Позволь его принять мне — в добрый час!

Филоклет

Прими, мой сын. Да будет Немесида

К тебе кротка, чтоб не принес тебе он

Таких страданий бешеных, как мне

И прежнему владельцу своему.

Неоптолем

Да, боги, так да будет. Путь же нас

⁷⁸⁰ Да осенит желанная удача,

Как бог велел и наше сердце просит.

Филоклет

Боюсь, дитя, напрасно ты молился:

Опять из недр измученной ноги

Сочится кровь, источник новых мук.

Ай-ай! Ой-ой!
 Нога, нога! Как я страдаю, боже!
 Вот, вот, ползет,
 Все ближе подползает, ближе, ближе!
 Вы поняли? Смотрите ж, не бегите!
 790 Ах, боль! ах, боль!
 О царь Итаки! Кабы эту муку
 Навеки в грудь переселить твою!
 Опять схватила! О вождей чета,
 О Менелай, о Агамемнон! Вам бы
 В таком недуге биться столько лет!
 Увы, мне, увы!
 О смерть! о смерть! тебя я звал так часто —
 Зачем же ты принять меня не хочешь?
 Мой сын, мой верный сын! Возьми страдальца
 800 И здешним яростным огнем лемносским
 Меня испепели: ведь так и я
 За этот лук, что у тебя в деснице,
 Предсмертной внял Геракловой мольбе!
 Что ж скажешь?
 Зачем молчишь?... Да где ты, сын мой, где?

Неоптолем

Я здесь; твои страданья рвут мне сердце.

Филоклет

Не бойся, друг. Болезни этой схватки
 Мучительны, но и проходят быстро.
 Ты лишь, молю, не оставляй меня.

Неоптолем

810 Уж будь покоен!

Филоклет

Не оставишь?

Неоптолем

Нет же!

Филоклет

Не смею клятвы у тебя просить.

Неоптолем

К чему? Не волен без тебя уплыть я.

Филоклет

В знак верности дай руку!

Неоптолем

Вот. Изволь.

Филоктет

Теперь туда бы...

Неоптолем

Что сказал ты?

Филоктет

Вверх...

Неоптолем

Ты бредишь, друг? Зачем ты в солнце смотришь?

Филоктет

Пусти меня!

Неоптолем

Куда пустить?

Филоктет

Пусти же!

Неоптолем

Да что с тобой?

Филоктет

Не тронь меня! Убьешь!

Неоптолем

Ну что ж, как знаешь: отпущу тебя.

Филоктет

Прими, Земля, безжизненное тело!

⁸²⁰ Стоять не в силах: не дает болезнь.

(Опускается на землю.)

Неоптолем

Еще недолго — и потонут чувства
В глубоком сне. Склонилась голова;
Покрыл все тело пот обильной влагой,
И черной кровью налитая жила
Уж прорвалась на ступне ноги.
Не трогайте страдальца: пусть заснет.

(Остается над телом Филоктета с луком в руках.)

КОММОС ПЕРВЫЙ

Хор

Строфа

Сон-избавитель от горя, от недуга,
Сон благовейный!

830 Вежды надолго смежи утомленному
 И над очами зарю золотистую
 Мира иного разлей!
 Сон-исцелитель, явись!
 А нам, дитя, где ход, где отдых?
 Каков ближайший путь забот?
 Ты видишь сам, он скован дрёмой;
 Доколе ждаться велишь ты делу?
 В выборе времени — опыт премудрости;
 Добрый час велит спешить.

Неоптолем

Он нас услышать не может, но я тебе
 молвлю: напрасной
 840 Лук мы добычей несем, если он нам
 в пути не товарищ.
 Он ведь богами указан, ему суждено
 одоленье;
 Жалкая слава — кичиться вотще
 неисполненным делом!

Хор

Антистрофа

Богу пути одоления ведомы,
 Бог да решает!
 Тихо ты молви нам слово ответное:
 Сон ведь бессонен у мужа болящего;
 Зорко чрез зыбкий покров
 Смотрит он сомкнутых вежд.
 850 Для тайного ты послан дела,
 Его исполнить должен ты,
 Ты знаешь сам, о чем твержу я:
 Готовься в путь, приспело время.
 Если же хочешь дожидаться ты спящего —
 Быть неслыханной беде!

Эпод

Ветер, ветер подул нам!
 Он же в покое бессветном, беспомощном
 Спит, распростертый под сенью туманною;
 860 Свесились руки, и ноги не движутся,
 Разум угас, точно житель Аида он!
 Смотри же, не медлит Час!
 Свободный от страха труд —
 Вот лучший труд; не хватает дальше ум мой.

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Филоктет медленно пробуждается.

Неоптолем
(*Хору*)

Блюди ж свой ум и прекрати советы:
Вот дрогнул глаз — вот голову он поднял.

Филоктет
(*пробуждаясь*)

Привет тебе, преемник сонной ночи,
Свет золотой! Привет вам, гости! Верность
Надежды ваша превзошла мои.
Дитя мое! И мог ли я подумать,
870 Что ты с такой участливой любовью
Моей болезни тягостную близость
Перенесешь и помощь явишь мне?
Уж не Атриды, добрые вожди,
Таким терпением похвалиться могут!
Но, видно, с благородной ты душою
От благородного отца рожден:
Все вынес ты — и крик, и смрад, и ужас.
Теперь меня забыла боль, и отдых
Как будто наступил. Своей рукою
Дай мне подняться, на ноги поставь.
880 Усталость быстро минет; вместе сядем
Тогда на судно, вместе уплывем.

Неоптолем

Я рад тому, что боль твоя прошла,
Что свет ты видишь и вдыхаешь воздух.
А я уж мнил, что не жилец ты боле
Среди живых: столь грозные приметы
Являл ты взору в немощи своей.
Теперь привстань... а впрочем, если хочешь,
Тебя снесут; не будет затруднений,
Раз ты согласен, раз и я велю.

Филоктет

Спасибо, друг! Услугу принимаю:
890 Дай руку мне — а их оставь. Не должно
Им раньше срока смрадом досаждать:
Натерпятся довольно и на судне.

Неоптолем

Ты прав. Бери же руку, выпрямляйся!

Филоктет

Сейчас; привык я так вставать, не бойся.
(Делает несколько шагов.)

Неоптолем

Что ж дальше, боги? Как мне быть? Что делать?

Филоклет

О, что случилось, сын мой? Что сказал ты?

Неоптолем

Куда направить речь недоуменья?

Филоклет

Недоумения? Зачем? Не надо!

Неоптолем

Запутался в тенетах я беды!

Филоклет

⁹⁰⁰ Тебя болезни тягость одолела,
Что ты с собой не хочешь взять меня?

Неоптолем

Все в тягость тем, кто, праву изменяя,
Несвойственных орудьем станет дел.

Филоклет

Достойного от гибели спасая —
Ужель отца ты праву изменил?

Неоптолем

Я низок стал; давно я этим мучусь.

Филоклет

В деяньях — нет; но слов твоих мне страшно.

Неоптолем

Что делать, Зевс? Вторично низким стать мне,
Скрывая правду ради гнусной лжи?

Филоклет

⁹¹⁰ Коль не плохой угадчик я — намерен
Меня здесь бросить этот человек!

Неоптолем

Не бросить, нет. Но повезу ль на радость —
Давно сомненье сердце мне сверлит.

Филоклет

Что говоришь ты, сын мой? Не пойму.

Неоптолем

Сейчас поймешь. Твой путь со мной — под Трою,
К ахейской рати под Атридов власть.

Филоктет

Что слышу? О!

Неоптолем

Брось стоны, и узнаешь.

Филоктет

Что мне узнать? Что ты задумал? Боги!

Неоптолем

Тебя от недуга спасти; с тобою
 920 Затем равнину Трои покорить.

Филоктет

Не может быть!

Неоптолем

Велит необходимость;
 Оставь свой гнев и слушай до конца.

Филоктет

Я продан, я погиб! О гость коварный,
 Что сделал ты? Отдай мне лук скорей!

Неоптолем

Не волен я; вождей приказ исполнить
 И правда мне, и выгода велит.

Филоктет

О лютый изверг! Пламень смертоносный!
 Злодейства ненавистное орудье!
 Что сделал ты! Ты обманул меня,
 Что стал твоим под сению молитвы —
 930 И не стыдишься мне в глаза смотреть?
 Безжалостный! Ведь жизнь мою ты отнял,
 Отняв мой лук! Отдай его обратно,
 Прошу тебя! молю, дитя, отдай!
 Отцов тебя богами заклинаю,
 Остаток жизни пощади моей!
 Что это, боги! Он молчит угрюмо
 И смотрит в землю, стиснув лук в руке...
 О ложе волн, о горные забеги,
 Лесные звери, каменные кручи,
 Вам плачусь я — других я не имею —
 Всегдашние печальники мои!
 940 Вот сын Ахилла! Что со мной он сделал!
 Поклялся в дом меня вернуть родной —
 Везет под Тройю! Дал руки залог мне, —
 И лук, Геракла дланью освященный,
 Похитил у меня! Добычей хочет

Аргивянам меня он показать,
 Как будто силой одолел он мужа
 Могучего! Того не знает он,
 Что мертвого на смерть он обрекает,
 Тень дыма, призрак бестелесный! Сильным
 Он никогда б меня не поборол;
 Ведь и теперь, когда увечным стал я,
 Он лишь коварством мог меня сразить.
 Обманут я, обманут! Что мне делать?
 950 Отдай мне лук! Хоть ныне стань собою!
 Я жду! — Молчишь? — Погибла жизнь моя!
 О сень пещеры двуотверстой! Снова
 Приду к тебе — голодный, безоружный,
 И, брошенный, исчахну под тобой!
 Уж не добудет меткая стрела
 Ни зверя горного, ни вольной птицы.
 Меня кормили вы — теперь же сам я
 Своею плотью утолю ваш голод,
 Своей добыче сам добычей став,
 За кровь ее своей ответив кровью!

(*Неоптолему*)

960 Казалось мне, на зло ты неспособен.
 Так будь же проклят, — или нет, опомнись!
 Не то, злодей, злодейской смертью сгинь!

Корифей

Что делать нам? Тебе решать — уплыть ли,
 Иль ум склонить к просителя речам.

Неоптолем

Ах, жалость страшная мне сердце гложет
 Не ныне только — уж давно, давно.

Филоктет

О, сжался, сын мой! Не пятнай пред миром
 Себя позором кражи нечестивой!

Неоптолем

970 Как быть, о боги! Ах, зачем покинул
 Я Скирос свой; себе противен стал я!

Филоктет

Не зол ты, нет: от злых людей науку
 Ты злую принял. Им ее верни —
 Она к лицу им. Мне ж отдай ты честно
 Мое оружие, и затем — прости!

(Не замеченный говорящими появляется *Одиссей*
 в сопровождении двух моряков.)

Неоптолем

Что делать, мужи?

Одиссей

Как, «что делать», трус!
Лук мне отдай, а сам — скорей, на судно!

Филоклет

О смерть! Что слышу? Одиссея голос?

Одиссей

Да, Одиссея! Сам он пред тобой!

Филоклет

Я продан, боги, я погиб! Так вот кто
И обокрал и полонил меня!

Одиссей

⁸⁸⁰ Да, будь уверен! Не ищи другого.

Филоклет

(*Неоптолему*)

Отдай мне лук скорее, сын мой!

Одиссей

Нет!

Его отдать, хотя б и сам желал он,
Не сможет он. Но с ним и ты в наш стан
Последуешь; не то — заставят силой.

Филоклет

О негодяй презренный! Как, меня
Заставят силой?

Одиссей

Лучше б честью, право!

Филоклет

О Лемнос мой! О рдяная заря,
Гефеста пламень всепалаящий! Ты ли
С горы твоей меня увлечь дозволишь?

Одиссей

Зевс, помни, Зевс страны властитель этой!
⁸⁹⁰ Зевс так судил; его орудье — я.

Филоклет

Речист злодей! Богов он призывает,
Чтоб бремя кривды разделили с ним.

Одиссей

Не кривды, правды; ну, да что! Сбирайся!

Филоктет

Сказал, что нет!

Одиссей

Сказал, что да. Идем!

Филоктет

Что это? Видно, не в свободной доле
Родил меня отец мой, а рабом!

Одиссей

Нет, в равной доле с лучшими из рати,
Чтоб с ними Трою взять и разорить!

Филоктет

Не быть тому! — пока горы лемносской
1000 Угрюмый кряж над бездною висит!

Одиссей

На что тебе он?

Филоктет

С высоты я брошусь —
И вспыхнет кровью белизна скалы.

Одиссей

(морякам)

Хватай его! И в том не будет властен.

Филоктет

О руки! Вот удел ваш: нет желанной
Вам тетивы — скрутил вас этот муж!
О лживая, о рабская душа!
Опять обман! Уж раз меня ты в сети
Свои завлек, за отроком укрывшись
Мне незнакомым, хоть и был он нравом
Скорей в меня, а не в тебя, злодей,—
1010 Чужих приказов верный исполнитель.
И ныне, вижу, он скорбит душою
О всем, что сделал он, что вынес я.
Ты в том виной, что, точно гад в пещере,
Следишь добычу; ты и нрав его
Заворожил, и волю молодую,
И сделал ловким в темной службе злу.
Теперь меня связал ты, жалкий витязь,
И хочешь силой с берега увлечь,
Где сам меня ты бросил одиноким,
Покинутым, умершим для живых.
Будь проклят!

Ах, сколько раз тебя уж проклинал я!
 1020 Да нет — мне боги радости не шлют.
 Ты жив и весел, мне лишь жизнь обузой,
 Страдания вокруг — и смех в награду
 Атридов-братьев, коим служишь ты.
 Ну что ж, служи! В обмане уличенный,
 По принуждению с ними ты поплыл.
 Но я несчастный, что с семью судами
 По доброй воле двинулся в поход,
 Бесчестно брошен — ими, скажешь ты;
 Они тебя винят; не все ль равно?
 Чего ж вы ныне от меня хотите,
 Зачем уводите? Ведь я — ничто,
 1030 От вас давно я смерти обречен!
 Скажи, богам противный, разве ныне
 Уже я не кажусь хромым, зловонным?
 Теперь возможно, значит, и при мне
 Богам и жертвы возжигать, и влагу
 Святую лить? Ведь из-за них когда-то
 Вы здесь в пустыне бросили меня!
 О, гибель вам! Да, гибель вас настигнет,
 Зачтутся вам страдания мои,
 Коль подлинно о правде бог радеет.
 Радеет, верю: неспроста же судно
 За мной, страдальцем, вы послали: знать,
 Сверлит вас больно божьей воли жало.
 1040 Да, край родной! Да, зоркая зеница
 Богов всевышних! Хоть теперь взыщи,
 Взыщи их мукой лютою возмездья
 Всех, всех — и слезы пожалей мои:
 Как ни жалка судьба моя — их гибель
 Меня от всех недугов исцелит.

К о р и ф е й

О, гневен муж, и речь его гневна,
 Царь Одиссей; не сломлен он страданьем.

О д и с с е й

На речь его я возразить немало
 Сумел бы, верьте; но не терпит час.
 Одно услышь: каким я людям нужен,
 1050 Таков и есть; где правда мощь дарует,
 Там не найдешь ты праведней меня.
 Везде и всюду мне мпла победа —
 Не над тобой, однако; да, тебе
 Я добровольно уступить согласен

(Морякам)

Эй, люди! Отпустите чужестранца,
 Не прикасайтесь; пусть зимует здесь.
 Ты нам не нужен более; твой лук
 И так у нас. Есть в нашем стане Тевкр,
 Стрелок искусный; да и я, надеюсь,
 Тебя не хуже: натянуть его
 И выстрелить — рука не дрогнет, верь.
 На что ж нам ты? Гуляй себе на радость
 1060 По Лемноса утесам твоего,
 А мы пойдем; пусть лук твой мне доставит
 Тот чести дар, что был сужден тебе.

Филоктет

Что делать мне? Моим оружием грозный,
 К аргивянам явиться хочешь ты?

Одиссей

Довольно слов; я ухожу, прощай!

Филоктет

(Неоптолему)

О сын Ахилла! Неужели слова
 Не скажешь ты? Безмолвствуя, уйдешь?

Одиссей

(Неоптолему)

Уйди скорей, не поднимай очей;
 Погубишь все своим ты благородством.

Филоктет

(Хору)

1070 И вами я покинут, чужестранцы?
 И вы не властны пожалеть меня?

Корифей

Наш юный вождь — он здесь. Что скажет он,
 То и от нас тебе ответом будет.

Неоптолем

Мне снова скажут, что не в меру мягок
 Мой дух; но все ж — останьтесь, если так
 Ему угодно. Надобно сначала
 Корабль спустить и богу помолиться.
 Тем временем, быть может, мысль благая
 В душе его созреет. Мы вдвоем
 Пока оставим вас; а вы готовьтесь,
 1080 Лишь кликну я, за нами поспешить.

(Уходит с Одиссеем.)

КОММОС ВТОРОЙ

*Строфа I**Филоклет*

О пещера в пустой скале,
 Где прохлада и где тепло,
 Знать, судьба не была с тобой
 Мне расстаться, и в смерти час
 Ты приютом мне будешь.
 Ах! Увы!

Лоно скал, что наполнил я
 Стоном жалобным мук моих,
 1090 Кто в нужде мне насущной
 Помощь даст? Кто укажет мне
 В бездне томлений надежду-кормилицу?
 О птиц вольных рой,
 Смело резвитесь с ветрами звенящими:
 Уже я вам не страшен.

Хор

Ты сам, ты сам тому причиной,
 Злополучный муж!
 Не силы внешней гнет
 В гибель низверг тебя.
 Опомниться не поздно:
 1100 Зачем же брать худший удел,
 Пренебрегая лучшим?

*Антистрофа I**Филоклет*

О несчастная жизнь моя,
 О разбитая горем грудь!
 Нет уж друга в грядущем мне,
 Нет; в пустыне немой один
 Жалкой смертью погибну.
 Ах! Увы!
 1110 Не взовьется в лазурь небес
 Легкий вестник могучих рук,
 Корм живой добывая;
 Все коварный унес обман —
 Вкрался умело он в сердце открытое!
 О Зевс! Дай ему,
 Зла измыслителю, столько же времени
 В моей томиться доле!

Хор

Судьбы, судьбы признай решенье!

Бог ведет тебя,
 Не наши козни, нет.
 Грозный проклятья крик
 1120 В груди твоей да смолкнет.
 И мы ведь все жаждем того,
 Чтоб не отверг ты дружбы.

Строфа II

Филоклет

Где-то там, на обрыве скал,
 Над пучиною волн седых
 Он со смехом обидным
 Лук трясет, что кормил меня,
 Что чужой не знавал руки!
 Ах, неволею вырван ты,
 Лук мой милый, из милых рук!
 1130 Верно, кручина томит тебя лютая,
 Что впредь служить не будешь
 Другу Геракла ты
 В службе привольной душою невинною.
 Новой службы час настал:
 Ты во власти коварного мужа,
 Ты видишь муть козней лихих,
 Ты видишь лик лживый врага,
 Вскоходы обид ты видишь всех,
 В них же никто мужу тому не равен.

Хор

1140 Первый долг — неуклонно молвить правду;
 Долг второй — за правую речь
 Гневным словом нас не корить.
 Знай, один среди многих
 Поднял этот труд Одиссей:
 Помощь общую всем друзьям явил он.

Антистрофа II

Филоклет

Вы, крылатые стаи, вы,
 Яркие звери, гор
 Нелюдимых питомцы!
 Минул страха для вас черед,
 1150 Минул; нет уж в руке моей
 Той грозы, что пугала вас;
 Жалок стал я отныне всем,
 Рухнул утеса оплот заповедного,
 Не страшен вам он боле.
 Где вы? Настал ваш час
 Плотью моей утолить посинелю

1160 Месть и голод заодно:
 Не надолго уж хватит мне жизни.
 Ведь нечем мне силу растить,
 Не вскормит шум ветра меня,
 Коль ни один не служит мне
 Матери дар — жизнеобильной почвы!

Хор

Если дружбой почтить ты хочешь гостя,
 Помни, помни, ради богов,
 Речь мою: во власти твоей
 Зол твоих исцеленье.
 Тщетно кормишь язву свою:
 Силы нет превозмочь страду такую.

Эпод

Филоклет

1170 Опять, опять затронул ты
 Древней боли жгучий след —
 Лучший друг доселе мне!
 Зачем терзать? к чему укор?

Хор

Что молвишь ты?

Филоклет

Ужель меня ты думал
 Увлечь под стены ненавистой Трои?

Хор

Твоего же счастья ради.

Филоклет

Прочь отсюда, прочь скорее!

Хор

Твоему я велению рад,
 Быстро его мы исполним.

Идем же, идем же!

1180 Каждого ждет долг и место.

Филоклет

Не уходи, Зевса тебя гневом молю, гости!

Хор

Успокойся!

Филоклет

Друзья, ради богов,
 Оставайтесь, молю!

Хор

Что ты хочешь?

Филоклет

Увы, увы!

О мой жребий, мой жребий! Погиб я, погиб!

Боль, проклятая боль, как быть

Мне в дальнейшие дни с тобой?

¹¹⁹⁰ Гости! Прошу вас, ко мне возвратитесь!

Хор

Что ж прикажешь сделать ты нам?

Иль иной ты исход надумал?

Филоклет

Простительно мужу

В вихре боли слово метнуть

С здравым смыслом в разрез, друзья!

Хор

Бедный, иди же, куда мы зовем тебя!

Филоклет

Нет, никогда! Это — слово несменное;

Ихоть бы перуна властитель огнистого

Испепелил меня пламенем молний!

¹²⁰⁰ Пусть пропадает и Троя, и войны,

Те, что решились презреть мой мучительный,

гложащий недуг!

Друзья мои, просьбу одну мне исполните!

Хор

Просьбу какую?

Филоклет

Секиру пришлите мне,

Меч ли, другое ль оружие железное!

Хор

Что за насилие в мыслях лелеешь ты?

Филоклет

Тело свое рассеку безбоязненно,

Смерти я жажду, смерти!

Хор

¹²¹⁰ К чему?

Филоклет

К отцу бы вернуться!

Хор

Куда?

Филоклет

Под землю;
 Ведь под солнцем нет его.
 Край мой родимый, отцовский край!
 Ах, тебя бы увидеть несчастному,
 Кто поток твой покинул святой,
 Чтоб данайцам проклятым помочь!
 Пришел конец мой.
 (Уходит в пещеру.)

ЭКСОД

Корифей

Давно б на судно мы ушли свое,
 Когда б не видели вблизи поляны
 1220 Неоптолема с Одиссеем; вместе
 Они сюда свой направляют путь.
 Быстро входит *Неоптолем*, за ним *Одиссей*.

Одиссей

Скажи на милость: для чего так быстро
 Стезей обратной ты сюда идешь?

Неоптолем

Недавнюю хочу я смыть вину.

Одиссей

Чудная речь. И в чем твоя вина?

Неоптолем

В том, что тебе и рати всей в угоду —

Одиссей

Ты что-нибудь худое совершил?

Неоптолем

Обманом гнусным ближнего опутал.

Одиссей

Кого? Недоброе задумал ты!

Неоптолем

1230 Ничуть; хочу я просто Филоклету —

Одиссей

Ох, сердце бьется! Что же: Филоклету?

Неоптолем

Тот лук, что мне он передал, обратно —

Одиссей

Ужель вернуть? О Зевс! Опомнись, друг!

Неоптолем

Ценой позора он достался мне.

Одиссей

О, ради бога! Шутить ты, надеюсь!

Неоптолем

Коль слово правды шуткой ты зовешь.

Одиссей

Что ты сказал, Ахиллов сын? Опомнись!

Неоптолем

Одно и то же хочешь дважды слышать?

Одиссей

Нет; этого б ни разу не хотел.

Неоптолем

¹²⁴⁰ Ты все сполна услышал, будь уверен.

Одиссей

Не быть тому; исполнить не дадим.

Неоптолем

Что? Кто не даст, раз я того желаю?

Одиссей

Весь стан ахейский, и в том стане — я!

Неоптолем

Из умных уст неумной речи внемлю!

Одиссей

Где ж ум в словах, где ум в твоих деяньях?

Неоптолем

Зато в них правда есть, и это лучше.

Одиссей

По правде ли заботы плод моей
Разрушишь ты?

Неоптолем

Позорную вину
Хочу загладить я; вот весь мой долг.

Одиссей

1250 Ахейской рати не боишься ты?

Неоптолем

Служу я правде; страх твой мне не страшен.

Одиссей

Неоптолем

Тебе подавно не сломить меня.

Одиссей

Что ж, не трояне нам враги, а ты?

Неоптолем

Что будет, будет.

Одиссей

Берегись! Десница

Меча коснулась!

Неоптолем

И моя немедля

Последует примеру твоему!

Одиссей

Прощай пока. Все расскажу я войску,

И кары не избежнешь ты его.

Неоптолем

Так лучше. Будь и впредь благоразумен

1260 И слез межги не переступишь ты.

Одиссей отступает вглубь оркестры.

Неоптолем поворачивается к пещере *Филоклет*а.

Эй, сын Пеанта, Филоклет! Послушай,

Оставь свой каменный покой, явись!

Филоклет

(*появляясь у входа*)

Чей зов раздался у пещерной сени?

Чего вам нужно, гости, от меня?

Ужель так мало взыскан я несчастьем,

Что вы еще терзать меня пришли?

Неоптолем

Нет; успокойся, выслушай меня.

Филоклет

Боюсь. Уж раз от слов красивых горе

Я принял в дар, доверившись тебе.

Неоптолем

1270 Ужель мне и раскаяться нельзя?

Филоклет

Снаружи честность и в душе коварство —
Так и тогда ты лук похитил мой!

Неоптолем

То было раз. Теперь узнать хочу я:
Решил ли ты упорствовать в отказе,
Иль с нами плыть?

Филоклет

Довольно, не трудись.
Что б ни сказал ты — все напрасно будет.

Неоптолем

Ты так решил?

Филоклет

Решенье тверже слова.

Неоптолем

Хотел бы тронуть лаской убежденья
Твой жесткий ум; но если тщетно все —
1280 Что ж, уступлю.

Филоклет

Да, тщетно будет все.

Не снищешь вновь ты моего доверья.
Обманом жизнь похитив у меня,
Ты здесь опять со словом увещанья,
Сын—выродок честнейшего отца!
Проклятье вам — Атридам, Одиссею,
Да и тебе!

Неоптолем

Довольно проклинать!

Из рук моих возьми обратно лук.

Филоклет

Что говоришь ты? Новое коварство?

Неоптолем

Клянусь святой десницей Зевса — нет!

Филоклет

1290 И это правда? Радостное слово!

Неоптолем

За словом дело: руку протяни

И вновь владей своим заветным луком.

(Отдает лук *Филоктету*.)

Одиссей

(*поспешно возвращаясь*)

Кладу запрет от имени Атридов
И рати всей — тому свидетель бог!

Филоктет

Чей это голос, сын мой? Одиссея
Я слышу вновь?

Одиссей

И видишь пред глазами!

И он неволей увезет тебя
Под стены Трои, не спросясь согласия
Безвольного Ахиллова птенца!

Филоктет

Увидим тотчас: ты лети, стрела!

(*Натягивает тетиву*)

Неоптолем

(*хватая его за руку*)

¹³⁰⁰ Нет, ради бога! Не пускай стрелы!

Филоктет

Родной мой, сын мой! Дай руке свободу!

Неоптолем

Нет, ни за что!

Филоктет

Злодея-супостата

Убить я мог бы верною стрелой!

Неоптолем

С собой меня б ты этим опозорил.

Филоктет

Ты видишь сам. Вот в воинстве ахейском
Вожди-витии! Лживым языком
Они сильны, но духом в битве слабы.

Одиссей уходит.

Неоптолем

Пусть так. Лук — твой, и не за что тебе
Уж гневаться и упрекать меня.

Филоклет

1310 О да, дитя! Ты оправдал породу:
 Отцом тебе был не Сисиф, а тот,
 Что лучшим слыл среди живых при жизни,
 А ныне средь теней слывет — Ахилл!

Неоптолем

Я рад тому, что ты отца восславил,
 А с ним меня. Теперь моей ты просьбе
 Внемли. — Что боги нам пошлют, должны
 Смиренно мы нести — на то мы люди.
 Но кто, как ты, своею вольной волей
 Себя в несчастья омут вверх, тому
 1320 Ни сострадать не должно, ни прощать.
 Ты одичал, совету недоступный;
 Кто добрым словом вразумить тебя
 Усердствует, того ты ненавидишь,
 Как будто враг он и предатель твой.
 Все ж мысль свою я выскажу тебе
 Правдиво — Зевс порукой! Ты ж внемли
 И в сердце запиши совет неспрадный.

Твое несчастье — божье непосланье:
 Вкусил ты Хрисы — недренного стража,
 За то, что ты приблизился ко змию,
 Который постоянно сторожит
 Хрисейскую священную ограду,
 И не надейся от болезни тяжкой
 1330 Другое исцеление найти,
 Покуда Солнца колесница эта
 Оттуда всходит и туда опять
 К закату мчится — кроме одного:
 Ты должен сам, своей склоненный волей,
 Прийти под Трою и принять спасенье
 У нас, из рук Асклепия сынов.
 Они с тебя старинный недуг снимут,
 И ты со мной, владелец стрел чудесных,
 Сорвешь Пергама царственный венец.

Откуда я про это знаю, спросишь?
 Мы взяли в плен троянского пророка
 Славнейшего, Елена; что из уст
 Моих ты слышал, все нам он поведал.
 1340 Сказал еще, что Троя пасть должна
 Добычей лета, что теперь настало:
 За ложь главой он заплатит готов.

Вот речь моя. Склонись же добровольно!
 Красив твой жребий: лучшим ты объявлен

Из эллинов; целителя рука
 Тебя под Троей ждет; — и в довершенье
 Когда возьмешь ты Трою, город горя,
 То высшей славой будешь осенен.

Филоклет

Жизнь-мачеха! Зачем меня неволишь
 Ты видеть дня сиянье на земле?
 Зачем в Аида не отпустишь мрак?
 1350 Что делать мне? На искреннее слово
 Могу ль ответить недоверьем я?
 Но уступить? О ужас! Как осмелюсь
 Себя я солнцу показать? Кому
 Сказать привета слово? Очи, очи,
 Вы, что обиду видели мою!
 Дерзнете ль вежды вы открыть — и встретить
 Проклятый взор Атреевых сынов,
 Иль Одиссеевой зеницы луч
 Отверженной? Не о былом скорблю я,
 Нет: в будущем я вижу оскорблений
 1360 Несметный ряд. Ведь тот, кому душа
 Пороков мать, — стезе порочной верев
 Навеки будет. И тебе, мой сын,
 Дивлюся я. Тебе ль под Троей место?
 Удерживать ты должен бы меня
 От всякого общения с врагами,
 Что отчие доспехи у тебя
 Похитили. И им несешь ты помощь,
 К ним и меня в союзники зовешь?
 Нет, нет, дитя. Другое обещанье
 Исполни лучше, и в страну меня
 Отправь родную. Сам живи спокойно
 На Скиросе, врагам же лиходеям
 Лихою гибелью погибнуть дай.
 1370 За это ты двойную благодарность
 И от меня, и от отца получишь;
 А если злым прислуживаться будешь —
 Смотри, и сам причислен будешь к ним!

Неоптолем

В твоих словах есть доля правды; все же
 Прошу тебя, поверь богам и мне
 И, вместе с другом, уплыви отсюда.

Филоклет

Куда? Под Трою? Чтоб с ногой болящей
 Предстать пред очи гнусные Атрида?

Неоптолем

Пред очи тех, что прекратят мученья
И немощь той отравленной ноги.

Филоклет

1380 Что молвишь ты? Ужасна речь твоя!

Неоптолем

Для нас двоих нет лучшего исхода.

Филоклет

Оставь советы! Устыдись богов!

Неоптолем

Тому ль стыдиться, кто о благе просит?

Филоклет

Да, но кому? Атридам или мне?

Неоптолем

Тебе, мой друг! Доверься доброй речи!

Филоклет

А кто злодеям выдает меня?

Неоптолем

В несчастье гнев — советник ненадежный!

Филоклет

Из слов твоих я вижу, ты мне враг!

Неоптолем

Ты сам не знаешь, друг, что говоришь!

Филоклет

1390 Я знаю тех, кто погубил меня.

Неоптолем

Кто погубил тебя, теперь — спасет.

Филоклет

Под Трою мне не плыть по доброй воле!

Неоптолем

Ни в чем не смог я убедить тебя,
И что мне дальше делать, я не знаю.
Исход один: мне — прекратить советы,
Тебе ж — и впредь без исцеленья жить.

Филоклет

Ну что ж, стерплю, что должно мне стерпеть.
Одно лишь помни. Руку дав залогом,

В мой дом меня ты обещал вернуть.
 Исполни ж слово, сын мой, без задержки.
 1400 Про Троию же не говори: и так
 Довольно слез из-за нее я пролил.

Неоптолем

Что ж, идем, коль так решил ты.

Филоклет

Слово чести ты сказал!

Неоптолем

Твердо ставь большую ногу!

Филоклет

Лишь бы сил хватило мне!

Неоптолем

А ахейцев недовольство?

Филоклет

Брось о нем и думать, друг!

Неоптолем

Как на остров мой нагрянут!

Филоклет

Там меня они найдут!

Неоптолем

Что ж поделаешь ты с ними?

Филоклет

Лук Геракла натяну!

Неоптолем

Ну, и что ж?

Филоклет

Он их удержит!

Неоптолем

Поклонись земле — и в путь!

На вершине холма появляется *Геракл*.

Геракл

Подождите. Сначала моей, Филоклет,
 1410 Должен речи ты внять.
 Не смущайся: Геракла ты видишь лицо,
 Его голоса звуки приемлет твой слух.
 Для тебя я спустился с небесных высот,
 Чтобы замыслы Зевса тебе передать

И тобою задуманный путь преградить;
 Ты ж внемли дружелюбному слову!
 Сначала свой тебе напомню жребий:
 Трудов я много перенес — за то
 И доблести венец стяжал бессмертный;
 1420 Его и ныне видишь ты на мне.
 Поверь мне, друг мой: и тебе указан
 Такой же путь. Страданья поборов,
 Ты многославную обрящешь жизнь.
 Под стены Трои с ним уплыть ты должен.
 Там от болезни исцелишься ты;
 Там доблестью средь всех увенчан будешь
 Бойцов ахейских; там стрелой моей
 Исторгнешь жизнь у дерзкого Париса,
 Виновника всех ужасов войны;
 Возьмешь и Трою, и трофей победный,
 Как лучший витязь воинства всего,
 В чертог отправишь свой отцу Пеанту,
 1430 К родимой Эты солнечным лугам.
 Трофей другой, с врагов полегших взятый,
 Благоую луку память воздавая,
 Воздвигни там, где мой костер стоял.
 Второй завет, тебе, дитя Ахилла:
 И ты не властен Трою покорить
 Без помощи его — и он бессилен
 Без рук твоих. Нет, точно львов чета,
 Сражайтесь там, друг друга охраняя.
 Теперь Асклепия под Илион
 Отправляю я, чтоб снял с тебя он недуг.
 Час Трои близок: от моей вторично
 Стрелы волшебной пасть ей суждено.
 1440 А вам наказ: когда стопой победной
 Войдете в град — почтение богам!
 Все прочее вторым отец считает.
 Одно лишь благочестье вашу смерть
 Разделит с вами: ни при солнца блеске
 Оно не гибнет, ни в подземной тьме.

Филоктет

О возлюбленный друга усопшего глас,
 После долгой разлуки я слышу тебя!
 Повинуюсь охотно заветам твоим.

Неоптолем

(Филоккету)

И свое я решенье с твоим сочетал.

Г е р а к л

Если так, то спешите! уж час наступил
 1450 И открылся вам путь:
 От кормы уж проносится ветер.

(Исчезает.)

Ф и л о к л е т

А теперь, пред уходом, земле помолюсь.
 Ты прости, мой приют, безмятежная сень;
 Влажнокудрые нимфы весенних лугов;
 Ты, раскатистый рокот прибоя, и ты,
 Под навесом горы прибрежный утес,
 Где так часто летучею пылью валов
 Мне порывистый ветер чело орошал;
 Ты, Гермейский хребет,

что в страданиях моих

1460 Мне участливо стоном на стон отвечал;
 О певучий родник, о святая струя!
 Покидаю я вас, покидаю навек:
 Благостыню нежданную бог мне явил.
 Мой привет тебе, Лемноса кряж береговой!
 Ты же с ветром счастливым отправь
 нас туда,

Куда рока великого воля влечет,
 И усердые друзей, и державный призыв
 Всеблагого вершителя — бога!

К о р и ф е й

Собирайтесь, все вместе за ними пойдем!
 1470 Вы же, резвые нимфы пучины морской,
 Благосклонно пловцов охраняйте!

Актеры и *Х о р* покидают оркестру.

ЭЛЕКТРА

Действующие лица:

<i>Эгисф, микенский царь</i>	<i>Воспитатель Ореста</i>		
<i>Клитеместра, его жена</i>	<i>Хор микенских девушек</i>		
<i>Электра</i>	} <i>ее дети</i>	<i>Без слов: Пилад, крисейский царевиц, друг Ореста; прислужница Клитеместры; слуги Ореста.</i>	
<i>Хрисофемида</i>			} <i>от</i>
<i>Орест</i>			

Действие происходит в Микенах, перед царским дворцом, расположенным на вершине Акрополя.

ПРОЛОГ

Появляются старый *Воспитатель Ореста*, за ним *Орест* и *Пилад*.

Воспитатель

Вождя ахейских славных сил под Троей,
Атрида сын, теперь ты видеть можешь
Все то, к чему стремился ты душой.
Здесь древний Аргос твой желанный; в нем же
Святая сень неистовой Ио;
Там прямо, друг мой, бога-волкобойцы
Ликейский торг; налево от него
Прославленный богини Геры храм;
А перед нами золотых Микен
Ты стогны видишь, видишь обгаренный
¹⁰ Обильной кровью Пелопидов дом.
Здесь пал отец твой. В день его убийства
Тебя я принял от сестры твоей,
Унес и спас — и вырастил героя,
Чтоб за отца убийцам ты отмстил.
Итак, Орест, и ты, кунак любезный,
Пилад, скорей решайте, как нам быть.

Уже восходит яркий солнца круг;
Его встречает утренним приветом
Беспечных птичек голосистый рой,
И звездной ночи мрак покинул землю.
20 Еще недолго — выйдут люди. Быстро
Совет держите. В положенье нашем
Не время медлить — действовать пора,

О р е с т

О друг-слуга, сколь ясные являешь
Ты верности свидетельства своей!
Как благородный конь на склоне жизни
В опасности не никнет головой,
Но уши выпрямляет, так и ты
Нас к бою побуждаешь и среди первых
Готов идти опасною стезей,
И нас бодрить и сам вперед стремишься.
Свой замысел тебе я обнаружу;
30 Ты ж, острым слухом восприняв его,
Поправь меня, коль в чем изъян заметишь.
Когда я в Дельфах Феба вопрошал,
Каким путем мне за отца убийство
Возмездье от убийц его взыскать, —
Такое слово бог мне возвестил:
Чтоб я один, без щитоносной силы,
Как тать коварный, праведной рукою
Кровавой мести подвиг совершил.
Коль скоро мы узнали волю бога,
То в дом войди, когда удобный случай
40 Тебя введет; свидетелем всему,
Что там творится, будь — и с верным словом
Ко мне вернись. Узнать тебя не могут:
Ушел давно ты и успел с тех пор
Состариться; тебя не заподозрят
В сребристом цвете седины твоей.
А речь такую им держи: пришел ты
Гонцом к ним от фокейца Фанотея —
Он им ближайшим кунаком слывет —
С надежной вестью (не жалея тут клятвы),
Что принял смерть, по непреложной воле
Судьбы, Орест: с бегущей колесницы
Упал он на ристания пифийских.
50 Вот речь твоя: ее запомни твердо.
А мы, покорные завету бога,
Отца курган обильным возлияньем
И прядью срезанных волос почтим.
Затем вечнемся с урной меднобокой

(Ее в кустах заранее я спрятал)
 И подтвердим обманную им весть
 Обманным словом, что Ореста тело
 Уж сожжено и обратилось в прах.
 К чему боязнь? Хоть на словах умру я,
⁶⁰ На деле жизнь и славу обрету.
 Нет в слове прибыльном дурной приметы.
 О многих слышал я, о мудрых людях,
 Что слухи ложные про смерть свою
 Они пускали, а затем, вернувшись,
 С сугубой славой доживали век.
 Уверен я: над тьмой молвы зловещей
 Звездой яркой на врагов сверкну!
 Вы ж, боги предков, ты, земля родная,
 Благословите мой приход, молю;
 Равно и ты, мой отчий дом. Пришел я
⁷⁰ Под сенью правды, по завету бога,
 Тебе былую чистоту вернуть.
 Не допусти же, чтоб в бесчестье изгнан
 Отсюда был я; власть отца верни мне
 И род его дай основать мне вновь.
 Теперь довольно. Ты иди, старик,
 Не упусти решающей минуты.
 Уйдем и мы: зовет нас добрый час,
 Вершитель всех великих дел для смертных.

Электра

(во дворце)

О горе, горе мне!

Воспитатель

Ты слышишь, сын мой? Полный скорби стон
 Прислужницы раздался из чертога.

Орест

⁸⁰ То не страдальцы ль Электры плач?
 Послушать бы, о чем она горюет!

Воспитатель

Нельзя. Что Феб нам приказал, с того
 Начать — наш долг, ничем не отвлекаясь.
 Отца могиле — первой дань заботы!
 Вот силы нам и одоления путь.

Расходятся.

Строфа

Электра

(выходит одна из дворца)

- О чистейшее солнце, о ясный, с землей
 Равнодольный эфир,
 Вы — свидетели горького плача,
 Вы — свидетели жестких ударов
- ⁹⁰ Окровавленных рук в истомленную грудь,
 Чуть рассеется ночи туманной покров!
 А как сна я усладу привыкла вкушать,
 Это знает чертога постылого одр;
 Да, он знает, что вечно я плачу о нем,
 О несчастном отце. Его в вражьем краю
 Упокоить не смог кровожадный Арес;
 Наша мать и ее сопостельник Эгисф
 Одолели тебя: словно дуб, ты упал,
 Пораженный кровавой секирой в чело.
- ¹⁰⁰ Так позорно, так жалко погиб ты, отец,
 И никто не дерзает оплакать тебя
 Кроме дочери сирой, Электры.

Антистрофа

- Но зато не умолкнет печальная песнь,
 Моей жалобы стон,
 Пока звезд я алмазных, течение,
 Пока дня я сияние вижу!
- Точно мать безутешная, птичка лесов,
 Точно эхо унылое отчих хором,
 Буду вечно мольбу я лихую твердить:
- ¹¹⁰ О чертог Персефоны, Аидова сень,
 О подземный Гермес и Проклятия Дух,
 О святые Эринии, дщери богов!
 Вы, что видите жертвы безбожных убийств,
 Вы, что видите ложа растление во тьме,
 Помогите, явитесь, отомстите врагам
 За страдальца отца нечестивую казнь!
 И пришлите мне брата скорей моего!
 Ослабела я, сил нет одной выносить
- ¹²⁰ Нарастающей скорби обузу.

ПАРОД

На оркестру вступает *Хор микенских девушек.*

Строфа I

Хор

О несчастной матери дочь!
 Вечно ль будут слезы твои

В плаче течь ненасытном, друг Электра?
 Столько уж минуло лет, как родителя
 Гнусно сгубила супруга коварная,
 Как трус предатель кровь героя пролил.
 Будь проклят он! Бог простит нам злобу.

Электра

Дети отцов благородных,
 130 Вижу, утешить пришли вы печальную;
 О, понимаю я ваше усердие,
 Но не хочу отказаться от плача я —
 Плача о смерти отца горемычного.
 Любви моей
 Каждую ласку всегда возвращали вы:
 Оставьте ж песню горя
 В устах подруги!

Антистрофа I

Хор

Ах, бессилён жалобы стон,
 Стон мольбы; не встанет отец
 Из Аида, чьи воды всех приемлют.
 140 Тщетно, о меру в печали забывшая,
 Душу ты точишь тоской неустанною;
 В ней нет решенья бедственной загадки:
 К чему ж нести мук бесплодных бремья?

Электра

Тот неразумен, кто павших
 Смертью лихой забывает родителей!
 Ей отдалась я душою, что в зарослях
 Итиса, Итиса кличет без устали,
 Птица печальная, Зевсова вестница.
 И ты мне бог,
 150 Мать-Ниобея, страданьем венчанная,
 Чьи в каменной могиле
 Не сохнут слезы!

Строфа II

Хор

Тебе ль одной, подруга,
 Мрак горя жизнь покрыл?
 Возьми в пример там под сенью дома
 Твоих сестер, кровь тебе родную:
 Вспомни, как Хрисофемида живет или Ифманасса!
 И тот в безболье юных лет
 160 Блажен, кого отчий град

Сыновней любви венцом
 Скоро украсит, лишь Зевсовым манием
 На радость нам вернется он — Орест.

Электра

Его весь век бесплодно дожидаясь,
 Без брачных уз, без детей я чахну,
 Слезы без отдыха лью, неутешного
 Горя обузу влача. Забывает он
 Долю свою и мои наставления;
 170 Вести одни посылает он лживые!
 Тоскует он вечно, да,
 И все же в тоске к нам явиться медлит.

Антистрофа II

Хор

Дерзай, дерзай, подруга!
 Ведь жив великий Зевс:
 Все видит он, все объемлет властью,
 Ему доверь гневных сил избыток
 И, не прощая врагам, от чрезмерной вражды откажися.
 Бег времени — надежный бог.
 180 И верь, не забывчив он,
 Парнасской равнины гость,
 Сын Агамемнона — как забывчив
 Бог, Ахеронтской правящий волной.

Электра

Ах, долгий век унес мои надежды!
 Проходят дни, силы нет бороться.
 Столько уж лет без детей изнываю я,
 Помощи нет от супруга любимого;
 Точно прислужница, всеми презренная,
 190 В доме отца я брожу, облаченная
 В наряд такой, в поздний час
 С пустых столов крохи яств собирая!

Строфа III

Хор

Стон стоял в возвратный час,
 Стон стоял над ложем мук,
 Стон секиры встретил взмах,
 Над главой царя взнесенной.
 Ее хитрость вручила, любовь подняла;
 Они ужаса образ потомству всему,
 Сговорившись, явили, — будь смертный
 200 Смерти той вершитель.
 иль бог

Электра

О черный день! Из всех он сердцу
 Был ненавистней моему.

О ночь кровавая! О ты,
 Неизреченная трапеза,
 Обуза горя навсегда!

Там, там принял он
 Худую смерть от рук двойных!

Будьте прокляты вы, руки!

Жизнь сгубили вы мою.

210 Пусть же Зевс, судья небесный,
 Вам воздаст сугубой болью,

Пусть не раскинется полдень сияющий
 Вам, свершившим это зло!

Антистрофа III

Хор

Стань на месте, речь твоя!
 Взвесь умом, откуда зло:
 Знай, мятежной распри вихрь
 На позор себе вздымаешь.

Ты несчастья долю себе избрала,
 Разжигая вражду омраченной душой;

220 А в вражде приближаться к владыкам своим —
 Беспобедный подвиг.

Электра

Ах, ужас, ужас сердце давит;
 Строптив мой дух, сомненья нет.
 И все же в ужаса тисках
 Я гнев свой сдерживать не стану,
 Пока живу я и дышу.

Кто — кто в горький час,

Подруги милые мои,

Мне шепнет благое слово,

Верной мыслью метя в цель?

230 Бросьте ж, бросьте утешенья:
 Бед моих стянулся узел,

Нет избавленья от горя мне лютого,

Нет слезам моим конца!

Эпод

Хор

Слово дружбы молвлю я,
 Словно мать, полна любви:
 Не плоди виной вины!

Электра

Знает ли меру беда беспросветная?
 Дело ли чести — измена умершему?
 Где среди смертных обычай такой?
 Пусть позор меня покроет,
 240 Если я, в утешной доле
 Беззаботно процветая,
 Долг родителю воздать
 Позабуду, и повиснут
 Крылья вопля моего!
 Дланью врагов своих
 В прах обращен, в ничто,
 Спит в могиле он,
 А убийц чета
 Мзды не знает за кровь его.
 Где ж быть тут страху,
 250 Где быть стыду в жалком роде смертных?

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Корифей

Подруга милая, для общей пользы
 К тебе пришли мы. Если ж мы не правы,
 Ты побеждай; с тобой мы заодно.

Электра

Мне совестно, подруги, вечным плачем
 Вам досаждать; но будьте милосердны!
 Ах, не моя в том воля, верьте мне.
 Возможно ль деве благородной крови,
 Приняв такое горькое наследье
 Обид отцовских, сдерживать себя?
 А для меня с днем каждым, с каждой ночью
 260 Оно цветет скорей, чем убывает.
 Везде лишь горе. Матери родной
 Я ненавистна; в собственных хоробах
 Должна с отца убийцами я жить,
 Их властной воле слепо подчиняться,
 От них подачки и отказ терпеть.
 Подумайте, какой мне день сияет,
 Когда Эгисфа на отца престоле
 В отца я вижу царственных парчах,
 Когда предатель в пламя очага,
 Что был свидетелем его злодейства,
 Богам струю святого приношения
 270 Из чаши льет убитого царя?

И худшее я вижу из нечестий:
Как на родительский он всходит одр,
Убийца подлый, с матерью несчастной...
Да полно! Звать ли матерью ее,
Что сон в его объятиях вкушает?
Нет; точно мало ей греха и срама,
Что с осквернителем она живет,
Забыв о гневе бдительных Эриний,—
Она в насмешку над своим злодейством,
Дня улучив возврат, когда отец
Ее коварства жертвою погиб,
280 Овец приводит, хороводы ставит
И месячным молебствием богов
Спасенья — так зовя их — ублажает!
Все это видеть я должна — недаром
Я взаперти сижу — и плачу, плачу,
В слезах свою кручину изливаю,
И проклиная пир тот нечестивый,
Что именем отца уж нарекла
Молва народная; но тихо, тихо,
Сама с собой — ведь даже плакать вволю
Мне не дают. Она,— она, что всюду
В речах своих достоинство блюдет! —
В таких словах скорбящую поносит:
«О тварь безбожная! Одна ль на свете
290 Отца лишилась ты? Никто другой
Не взыскан горем? Сгинь лихою смертью!
И пусть печали этой никогда
С тебя не снимут преисподней боги!»
Вот наглости ее пример. А если
Ей намекнуть на возвращенье сына,
Она, себя не помня, с диким воплем
Летит ко мне. «Не ты ль всему виною?
Не ты ль, из рук моих его похитив,
Отправила в далекий край? Но верь мне:
Достойная тебя постигнет кара!»
И дальше льется слов поток бесстыдных,
300 И достославный вторит ей супруг,—
Он, этот трус презренный, эта язва,
Он, что руками женщины бой ведет!
И жду я, жду, когда ж святая грянет
Ореста месть — и в ожиданье чахну.
Он вечно медлит, иссушая корни
И нынешних и будущих надежд.
В таком несчастье места нет почтенью
И добрым нравам, милые; не диво,
Что в злой судьбе и злые мысли зреют.

Корифей

³¹⁰ Скажи одно мне: близок ли Эгисф
К беседе нашей, иль ушел из дома?

Электра

Ушел, конечно. Не была б я с вами,
Будь дома он. В полях он, далеко.

Корифей

За весть спасибо. Легче будет мне
Собраться с духом и спросить тебя.

Электра

Спроси о всем, чего душа желает.

Корифей

Изволь, спрошу. Что говорят о брате?
Спешит иль медлит? Все я знать хочу!

Электра

Спешить готов — да только долго медлит!

Корифей

³²⁰ Не сразу муж великих дел творец.

Электра

Но жизнь ему спасла я все же сразу!

Корифей

Он благороден, не теряй надежды!

Электра

Одной надеждой жизнь моя красна.

Корифей

Теперь ни слова! Из дому выходит
Хрисофемид, кровь тебе родная;
В руках у ней даров заупокойных
Сосуд, подземным божествам привет.

Из дворца выходит *Хрисофемид*.

Хрисофемид

И вот ты снова у дверей, сестра,
И все поешь старинной скорби песню
³³⁰ Ужель тебя не отучило время
Порывам тщетным угождать души?
И мне — настолько знаю я себя —
И мне тяжел насущной жизни облик,
И будь я в силе — вмиг они б узнали,
Как я нещадно осуждаю их.
Но нет нам ветров ласковых, — и парус

Мы свой спустить должны и бросить мысль
О показных ударах, от которых
Не больно им. Такое же решение
Я и тебе желала бы внушить.
Конечно, правда не моим словам
Сопутствует, а твоему суждению;
Но я свободы жажду, а она
310 Лишь послушанью полному награда.

Электра

Ужель совсем забыла ты отца,
Родившего тебя, и только помнишь
О матери? Ведь вся твоя премудрость —
Ее заученный урок; ни слова
Ты от себя сказать мне не могла.
Что ж, выбирай! Иль ты должна сознаться,
Что нет в деяньях разума твоих,
Иль, что, владея разумом и волей,
Ты забываешь о своих родных.
Ты только что сказала, что охотно —
Будь в силе ты — дала бы волю гневу.
Зачем же мне, в старанье неусыпном
За честь отца, не хочешь ты помочь?
350 Нет, и меня ты совратить стремишься,
Чтоб с малодушием бесчестье слить!
Зачем? Скажи мне — иль тебе скажу я,
Что мне наградой будет, если плач
Умолкнет мой. Живу и так я — жалко,
Не стану спорить; что ж? С меня довольно.
Но их я мучу и из их мучений
Венок почета для отца сплетаю, —
Коль радость там доступна, под землей.
Твоя же ненависть словами лишь
Грозна, на деле ж заодно ты с ними,
С убийцами отца. Не буду я
Покорна им, хотя б они мне дали
360 Все те дары, что так милы тебе.
И пышный стол, и полную до края
Тебе я чашу жизни уступлю;
Мне ж будут пищей лишь врагов мученья:
Они вкуснее почестей твоих.
И ты бы так судила, если б разум
Ты обрела. Подумай: величаться
Державнейшего дочерью отца
Могла бы ты, а предпочла прослыть
Лишь дочерью при матери твоей!

Позор тебе в глазах всего народа,
Предательнице ближних и отца!

К о р и ф е й

Ради богов, не отдавайся гневу!
370 В речах обеих правда есть; могли бы
Вы поучиться друг у друга смело.

Х р и с о ф е м и д а

Ах, милые, не привыкать мне, видно,
К ее речам. Смолчала б и теперь,
Но вижу, горе ей грозит такое,
Что плач ее умолкнет сам собой.

Э л е к т р а

Скажи, какое? Если хуже участь,
Чем жизнь моя, — не стану возражать.

Х р и с о ф е м и д а

Узнаешь все, что мне самой известно.
Они решили, — если жалоб вечных
Не прекратишь ты — заточить тебя
380 В подземный терем; там уж не увидишь
Смянья солнца ты. За рубежом
Страны родной, жива в могильной сени,
Ты о себе затынешь скорби песню.
Итак, блюди себя, меня ж в несчастье
Не упрекай: теперь прозреть пора.

Э л е к т р а

Так поступить они со мной решили?

Х р и с о ф е м и д а

В тот самый час, когда Эгисф вернется.

Э л е к т р а

Пусть с богом он вернется — хоть сейчас!

Х р и с о ф е м и д а

Безумная, в чем речи смысл твоей?

Э л е к т р а

Чтоб он, вернувшись, мысль свою исполнил.

Х р и с о ф е м и д а

390 Исполнил — для чего? В уме ль своем ты?

Э л е к т р а

Чтоб дальше, дальше мне уйти от вас!

Х р и с о ф е м и д а

А жизнь свою совсем в ничто ты ставишь?

Электра

На диво превосходна эта жизнь!

Хрисофемида

Была бы лучше, каб за ум взялась ты.

Электра

Опять меня предательству ты учишь?

Хрисофемида

Тебя учу я силе уступать.

Электра

Сама учись; мне это не по нраву.

Хрисофемида

Что пользы нам в паденье безрассудном?

Электра

Падем, коль надо, за отца отмстив!

Хрисофемида

⁴⁰⁰ Отец простит нас, уповаю твердо.

Электра

Так утешать себя лишь трус способен!

Хрисофемида

А ты ни в чем мне уступить не хочешь?

Электра

Не дай мне бог настолько стать безумной!

Хрисофемида

Тогда прощай! Иду, куда послали.

Электра

Куда ж идешь ты? Для кого дары?

Хрисофемида

Их мать велела посвятить отцу.

Электра

Не может быть! Тому, кого из злобы...

Хрисофемида

Сама убила — мысль твою дополню.

Электра

Кто мог решенье это ей внушить?

Хрисофемида

⁴¹⁰ Тревожный сон приснился ночью ей.

Электра

О боги предков! Хоть теперь вступитесь!..

Хрисофемида

Тебе отвагу страх ее внушает?

Электра

Сон мне поведай — все потом скажу.

Хрисофемида

О нем немного лишь известно мне.

Электра

Хоть этим поделись. Из слов немногих
Нередко смерть мы черпаем и жизнь.

Хрисофемида

Есть слух такой. Приснилось ей, что видит
Она отца; для нового общенья
На свет вернулся он. И вот, схватив
420 Свой царский посох — ныне им владеет
Эгисф — в очаг его он водрузил.
И посох отпрыск дал, и отпрыск этот
Все рос, да рос — и, наконец, покрыл он
Зеленой сенью весь микенский край.
Так мне свидетель рассказал, при коем
Она виденье солнцу открывала.
Вот все, что знаю. И меня она
С дарами шлет того же страха ради.
Электра! Именем родных богов
Тебя я заклинаю: уступи мне!
Не дай безумию тебя повергнуть.
Ведь если ныне оттолкнешь меня —
430 Увидишь, с плачем призовешь обратно.

Электра

Сестра моя! Не оскверняй могилы
Ее дарами. Не потерпят Правда
И Благочестье, чтобы ты отцу
Несла даянья от жены преступной.
Развей их по ветру; а то в песок
Зарой поглубже, чтоб они покоя
Его не потревожили — и ей,
Когда умрет, сохранными остались.
Не будь она преступнейшей из жен. —
440 Не вздумала б надгробным возлияньем
Убитого супруга гнев купить!
Сама подумай: милостиво ль примет
На дне могилы дремлющий отец

Ее дары? Она ж его убила
 И, как врагу поруганному, руки
 Отсекла, и затем, чтоб скверну смыть,
 Живую кровь, пятнавшую секиру,
 О голову убитого обтерла!
 Так и теперь она твоей услугой
 С себя стереть клеймо убийства мнит.

Нет, так нельзя. Все это брось, отцу же
 Волос своих прядь крайнюю отрежь,
 450 Да от меня прибавь — убогий дар,
 Но это все, чем дочь его богата —
 Мой скромный пояс, да волос кольцо
 Запущенных. И помолись, к могиле
 Склонившись, чтоб из мглы подземной он
 Усердную нам помощь на врагов
 Своих явил, и чтобы сын его
 Орест, живой, стопой победоносной
 Его злодеев головы попраля.
 Тогда мы впредь щедрейшею рукою
 Его почтим, чем можем чтить теперь.

Я верю, да, я верю — этот сон
 460 Нерадостный не без его веленья
 Приснился ей. Но все ж, сестра моя,
 В угоду мне, самой себе в угоду
 Послушайся меня — всего же боле
 Блюдя любовь к дражайшему из смертных,
 В обитель душ сошедшему отцу!

К о р и ф е й
(Хрисофемиде)

О благочестии радеет дева;
 Разумна будь, послушайся ее.

Х р и с о ф е м и д а

Послушаюсь. Не терпит двоеречья
 И споров Правда — делом служат ей.
 Но вы молчанья, милые, покровом
 Моей попытки смелость осените;
 470 Не то — узнает об исходе мать,
 И поплачусь я за нее жестоко.

Уходит.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Строфа

Х о р

Если вещей мой ум тьмой не окутан,
 Если мыслью не празден он —
 К нам грядет предтечей

Святая Правда с силой праведной в руке.
 Недолго ждать, взыщет кровь за кровь она.
 Отваги грудь полна,
 480 Сладкой надеждой дышит ночи благодатный сон.
 Знать, помнит недругов родитель,
 Эллинов почивший вождь,
 И помнит их секиры древней
 Челюсть медная вовек,
 Она, что позорной силой
 Жизнь его исторгла.

Антистрофа

Медной поступи звон слышу во мгле я,
 490 Вижу взмахи несметных рук:
 Сонм грядет Эриний!
 Кровавой свадьбы зуд несладостный проник
 Чету убийц Правде в поношение.
 Возмездья час настал!
 Верю я, верю: кары исполненьем сон грозит
 Творцам и пестунам злодейства;
 Если правда есть для нас
 500 И в сновидениях тревожных
 И в реченьях божества,
 То призрак минувшей ночи
 Благо нам готовит.

Эпод

О ты, что над пеной волн
 Свершил многослезный путь,
 Наездник лихой Пелоп!
 На горе познал тебя
 Край родной.
 Пылает над пеной волн
 Златой колесницы свет;
 510 С златой колесницы вглубь
 Низринут тобой Миртил;
 Застыл на устах его
 Безмерной обиды стон.
 С той поры
 Не знал многослезный дом
 Покоя от мук греха.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Из дворца выходит *Клитемистра*
в сопровождении прислужницы, несущей дары.

Клитемистра

Опять гуляешь ты на воле, вижу.
Что делать! Нет Эгисфа: он один
Тебя обуздывал, чтоб хоть на людях
Ты не позорила семьи родной.
Но нет его, а на меня вниманья
520 Не обращаешь ты... А все ж ты много
И перед многими коришь меня,
Что царствую надменно, что бесстыдно
Тебя и горе поношу твое.
Надменность мне чужда, тебя ж браню я,
Отведав много бранных слов твоих.
Всегда отец тебе предлогом ссоры,
Что от меня он принял смерть свою.
Да, от меня! Не стану запыраться:
Моей рукой его сразила Правда.
И, будь разумна ты,— ты помощь ей
Сочла бы долгом принести. Ведь он,
530 Тот твой отец, о ком ты вечно плачешь,
Всех эллинов бездушьем превзошел:
Он в дар богам сестру твою зарезал.
Счастливый муж! Ему ее рожденье
Не стоило болезни и трудов,
Как мне, что в муках родила ее.
Так молви же, за что, кого он ради
Ее заклял? Аргивян, скажешь ты?
Откуда ж право их на дочь мою?
Иль Менелаю-брату угождая,
Ему он в жертву кровь мою принес?
По праву ж взыскан он своею кровью!
Скажи сама: ведь двух детей отцом
540 Был Менелай! Не им ли надлежало
Скорее пасть, коль их отец и мать
Губительной войны причиной стали?
Иль так уж жаждал царь теней Аид
Моих, а не ее детей отведать?
Иль твой отец преступный не умел
Любить моих детей и всю любовь он
Лишь к детям Менелая сохранил?
Отцу ль под стать такое безрассудство!
Так мысля я,— пускай с тобою розно,
Зато согласно с дочерью убитой.
Вот почему я не скорблю о деле

550 Руки моей. Тебе ж совет: сама
Разумней будь, коль мать корить ты хочешь!

Электра

Теперь не скажешь ты, что мною вызван
Твоих речей неласковых поток.
А впрочем, если ты согласна, правду
Сказать готова я — и за отца
И о сестре покойной заодно.

Клитемestra

Согласна, говори. Когда б и раньше
Со мной ты так почтительна была,
Без горечи могла б тебя я слушать.

Электра

Вот речь моя. Отца убила ты —
Сама сказала. Мыслимо ль признанье
Ужаснее — по правде ль ты убила
560 Его, иль нет? Но докажу тебе,
Что правды не было в твоём деянье,
Что ты злодея подчинилась ласке —
Того же, с кем и ныне ты живешь!
Спроси ловцов богиню Артемиду,
За что на нас прогневалась она
И ветров рать в Авлиде задержала.
Иль лучше я тебе скажу: ее
Ведь не потребуешь к ответу. Слушай!
Отец мой — так сказали мне — гуляя
В лесу богини, шумом ног своих
Спугнул пятнистого оленя; метким
Его он выстрелом убил — и слово
На радостях кичливое сказал.
570 За это гневом воспылала дева,
Ахейцев ждать заставила она,
Пока отец, в возмездие за зверя,
Свое дитя ей в дар не принесет.
Вот повод гибели ее; и в Трою,
И вспять домой был прегражден им путь.
Тогда отец под гнетом принужденья
И после долгой, тягостной борьбы
Заклал ее — не Менелая ради.
Но пусть права ты; пусть его хотел он
Возвысить. Что же? Неужели смерть
Он от тебя за это заслужил?
Где ты закон такой нашла? Смотри же!
580 Являя смертным приговор такой,
Пример расплаты за вину ты явишь.

Как будем друг за друга убивать мы —
 Тебе по праву первой пасть придется.
 Но нет; предлог тот вымышлен тобой.
 Не то — скажи, какой отплаты ради
 Погрязла в сраме ты таком? Зачем
 Ты с кровопийцей-мужем делишь ложе,
 С которым раньше ты отца сгубила?
 Зачем детей ему рождаешь, — тех же,
 Что в ложе чести рождены тобой,
 590 Чужими считаешь? Как за это
 Тебя одобрить? Иль и тут ты скажешь,
 Что мстишь за дочь? Постыдное признание!
 Позор, хотя б и дочери в угоду,
 Врага-злодея мужем называть!
 Да что! И слова не даешь сказать ты;
 Всегда упрек я слышу, что на мать
 Я клевету. Меж тем, я госпожой
 Скорей, не матерью тебя считаю.
 Живу я, как раба; терплю обиды
 600 И от тебя и от него, что другом
 Твоим явился. Сын же твой, Орест,
 С трудом руки твоей избегший, — в горе
 Среди чужих изгнанником живет.
 И за него корить меня ты любишь,
 Что мстителем тебе его рацу.
 Да я сама, коли б могла, отмстила!
 Вот речь моя. Зови меня пред всеми
 Дурной, бесстыдной, злоречивой, — пусть!
 Когда такой воистину я стала, —
 Что ж! матери я не срамлю своей.

К о р и ф е й

610 Она вся дышит гневом, вижу я:
 Но с ней ли правда — нет о том заботы.

К л и т е м е с т р а

Достояна же заботы дочь такая,
 Что мать свою так злобно оскорбить
 Отважилась — она, младая дева!
 Вы сами видите, на все она
 Способна, нет в стыде для ней преграды.

Э л е к т р а

Неправда. Стыдно мне, до боли стыдно.
 Судья — не ты. Сама я понимаю,
 Что не девичье дело я творю.
 Но где исход? Твои наветы злые,
 620 Твои поступки к этому меня

Принудили. В среде порочной зреют
Сами собой порочные дела.

К л и т е м е с т р а

Речей немало, дерзкая, внушают
Тебе поступки и слова мои!

Э л е к т р а

Ты им виною. Ты дела дурные
Творишь — они ж в слова облечься жаждут.

К л и т е м е с т р а

Да знает же святая Артемиды:
Тебе припомнит спесь твою Эгисф!

Э л е к т р а

Вот и угрозы! Ты ж сама велела
Мне говорить, а слушать не умеешь!

К л и т е м е с т р а

⁶³⁰ Велела, да. Но все ж — хоть помолиться
Ты разрешишь в благоговенье мне?

Э л е к т р а

Изволь, молись. И вообще довольна
Ты будешь мной: отныне я молчу.

К л и т е м е с т р а

Подай сюда с плодами мне кошницу,
Прислужница. Хочу к владыке Фебу
Смирненную молитву вознести,
Чтоб снял он с сердца гнет давящий страха.
У алтаря Аполлона.

Окружена немилую средою,
К тебе взываю, Феб—предстатель мой.
Внемли моей мольбе ты сокровенной.
Я не могу при дочери строптивой
⁶⁴⁰ Облечь желанье в ясные слова:
Она способна с криком ликованья
Их разгласить по городу всему.
Нет, так внемли, как я молиться буду.
Тот сон двуликий, что во мраке ночи
Явился мне — его, о светлый бог,
Коль он мне друг, исполни дружелюбно,
Коль враг, — на вражью обрати главу!
И если кто растит крамолу тайно,
Дабы, лишив меня моих богатств,
Низвергнуть в прах — ты заступись, владыка.
⁶⁵⁰ Дай, чтоб и впредь, живя безбольной жизнью,
Атридов дом и этот власти посох

Хранила я, в кругу друзей, что ныне
 Меня блюдут. Благослови меня
 С детьми моими — я о тех молюсь,
 Что не привыкли злобною враждою
 И горечью мне сердце отравлять.
 Будь милостив, ликейский Аполлон,
 И дай нам всем мольбам согласно нашим.
 Услышь и то, о бог непогрешимый,
 Что я таю в молчанье осторожном:
 Все видят очи Зевсовых сынов.

Выходит *Воспитатель Ореста.*

Воспитатель

(*Кхору*)

660 Как мне узнать, микенские гражданки,
 Здесь ли чертог властителя Эгисфа?

Корифей

Ты сам уж догадался, гость. Он здесь.

Воспитатель

А здесь, у алтаря, его жена?
 Державный вид в ней выдает царицу.

Корифей

Опять ты прав: она перед тобой.

Воспитатель

(*Клитеместре*)

О, радуйся, владычица! Несу
 Благою весть от верного я мужа.

Клитеместра

Я слушаю охотно, все ж вопрос
 Тебе мой первый: кто тебя отправил?

Воспитатель

670 Фокеец Фанотей, с известьем важным.

Клитеместра

С каким, мой гость? От друга ты, наверно,
 Приносишь дружелюбную мне речь?

Воспитатель

Орест погиб, — вот вкратце мысль ее.

Электра

О жизнь моя! разбита ты сегодня.

Клитеместра

Что ты сказал, мой гость? Ее не слушай!

Воспитатель

Скажу еще раз: нет в живых Ореста.

Электра

Погибла я! Нет места мне на свете.

Клитеместра

(Электре)

Оставь ты нас! — А ты, мой гость, скажи мне
По правде все, какой он смертью пал.

Воспитатель

- 660 Все расскажу я; с тем сюда и послан.
На поле славных эллинских стязаний
Явился он, дельфийских ради игр.
И вот, когда раздался громкий клич
Глашатая, и первым был объявлен
Ристанья подвиг — пред людьми предстал он,
Блестящий, юный, всем на восхищенье.
И оправдал природы благодать
Исход бегов. С венком победы славным
Оставил он парнасскую стезю.
В словах немногих, многих дел величье
Я возведу: не видел я поныне,
Чтоб столько славы муж один стяжал.
- 690 Одно запомни: сколько видов спора
Блюстителю ни объявляли игр —
Во всех победы цвет сорвал твой сын.
И ликованье слышалось в ответ,
Когда глашатай объявлял, что первый —
Аргивянин, по имени Орест,
Сын Агамемнона, что всей Эллады
Повел в поход прославленную рать.
Так было дело. Но коль бог враждебен,
Злой доли не избегнет и герой.
- Прошли те дни. И снова встало солнце,
И скакунов открыло ветроногих
Ретивый бег. Явился он опять
- 700 И с ним возниц испытанных немало.
Был там ахеец, был спартанец; двое
Из Ливии далекой колесницы
К нам привезли: меж них был пятым он,
С коней четверкой фессалийских. Далё
Этолянин с четверкою гнедых,
Седьмой — с гористой области магнетов,
Восьмой — наездник энианский, белых
Коней владыка; из Афин, богами
Воздвигнутых, девятый; а десятым

Соперником явился беотиец.

- Метнули жребий, стали по порядку,
710 Как им по жребью место указали
Блюстители. Вот звук трубы раздался —
Бег начался. Возницы с громким криком
Поводьями стегнули скакунов,
И понеслись со скрипом колесницы
По пыльному ристалищу вперед.
Вначале вкупе были все, но каждый
На волю рвался, не щадя бича,
Чтоб миновать передней колесницы
717 Чеку и ржущих головы коней.
723 И долго прямо все вперед неслись.
Вдруг энианца кони, закусивши
В упрямыстве удила, метнулись вправо —
Меж тем к концу шестой уже шел круг —
И в повороте головой о кузов
Ударились ливийской колесницы;
На них другие налетели. Всюду
Паденье, грохот, общий крик и ужас;
Обломки конского крушенья вмиг
730 Наполнили крисейскую поляну.
Завидя вовремя беду других,
Афинянин, расчетливый возница,
Рванул направо — и пронесся мимо
Бушующей пучины. Наш Орест
Последним правил: утомлять коней
Он не хотел и возлагал надежды
На состязания конец. Увидя,
Что изо всех один соперник цел,
Он поднял бич и сильным, острым свистом
Над самыми ушами скакунов
Погнал вперед их. Вот они сравнялись,
Несутся рядом, и главами лишь
740 Коней поочередно выдаются,
718 И каждому четверки задней жар
Затылок жжет, и брызги белой пены
И спину и колеса покрывают.
Искусно бег свой направлял Орест:
Всегда вплотную огибал он мету,
Давая волю пристяжному справа
722 И сдерживая левого. И все
741 Почти круги прошел благополучно,
На устремленной колеснице стоя.
Но в этот раз при огибанье меты,
Он левый повод опустил — и осью
Ударился о выступ. Вмиг чека

Разбилась; он, упавши с колесницы,
 В резных запутался ремнях, а кони
 В испуге по поляне понеслись.
 760 Крик ужаса тут вырвался у всех;
 Все плакали о юноше прекрасном,
 Что после стольких подвигов такую
 Несчастную он участь испытал.
 Его ж все дальше волочили кони
 По жесткой почве; то лицом к земле он
 Был обращен, то, навзничь лежа в прахе,
 Беспомощно колени возносил
 К безжалостному небу. Наконец,
 Наездники, с трудом остановивши
 Коней безумный бег, из пут его
 Освободили. Кровью истекая,
 Неузнаваем был он для друзей.
 Немедленно огню его предав,
 Героя тело в урне невеликой,
 Печальный пепел, избранные люди
 Страны фокейской к вам несут, чтоб витязь
 760 Гробницей был почтен в земле родной.
 Так умер он. И на словах плачевен
 Его исход; для нас же, очевидцев,
 Он всех несчастий нашей жизни злей.

К о р и ф е й

О горе нам! Теперь владык исконных
 До основанья весь разрушен дом.

К л и т е м е с т р а

Как мне назвать, о Зевс, твое решенье?
 Неужто — счастьем? Иль грозой, но все же
 Спасительной? О жребий безотрадный!
 Своим же горем жизнь спасти свою!

В о с п и т а т е л ь

Сомнения твои мне непонятны,

К л и т е м э с т р а

770 Я родила его, и в этом ужас!
 Нет той обиды, чтобы мать решилась
 Возненавидеть детище свое.

В о с п и т а т е л ь

Напрасен был приход мой, вижу я.

К л и т е м е с т р а

Напрасен? Нет! Не говори: напрасен!
 Ты верные приметы мне принес
 О гибели того, кто, мной рожденный,

Отстал от груди и любви моей
 И на чужбине меж чужими вырос.
 Покинув край родной, меня ни разу
 Не видел св; убийцею отца
 Меня он звал и угрожал мне мезтью
 Ужасною; не осенял меня
 780 Ни ночью сон приветливый, ни днем
 Покой отрадный; каждый новый час
 Лишь гибели отсрочкой мне казался.
 Но этот день свободу мне вернул;
 Прошел мой страх пред ним. —

(в сторону Электры)

И перед нею.

Она ведь большей язвой мне была.
 Живя со мною, кровь мою сосала
 Из недр души моей. Теперь довольно!
 Уж не смутят меня ее угрозы,
 Покоя не нарушат моего.

Электра

О горе мне! Орест, твою кончину,
 Оплакать я должна, — а над тобой
 790 Родная мать глумится. Хорошо ли?

Клитемистра

Тебе — не знаю, а ему — вполне.

Электра

Внемли, оплот усопших, Немесида!

Клитемистра

Она вняла — и дело решено.

Электра

Кошунствуй смело; власть — твоя отныне.

Клитемистра

Орест иль ты меня молчать заставят?

Электра

Умолкли мы, — умолкла бы и ты,

Клитемистра

(Воспитателю)

Благословен приход твой, гость, за то уж,
 Что ты ее заставил замолчать!

Воспитатель

Итак, спокойно я уйти могу?

К л и т е м е с т р а

⁸⁰⁰ Нет, так нельзя: и нас бы ты обидел
 Таким уходом, и того, кто в путь
 Тебя отправил. Нет, войди в наш дом,
 Ее ж оставь на площади: пусть вволю
 Себя оплачет и друзей своих.

Уходят в дом.

Э л е к т р а

Вот мать! Не правда ль, в исступленье горя
 Безумным воплем огласила стогны
 Бедняга, про страдальческую смерть
 Родного сына услышав? Так нет же!
 Ушла со смехом! Горе, горе мне!
 Орест мой милый, всю меня сгубил ты
 Своею смертью. Из души моей

⁸¹⁰ Последнюю надежду вырвал ты —
 Что день придет, когда грозою ясной
 Ты мести грянешь — за отца в могиле
 И за меня несчастную. Теперь же
 Что делать мне? Одна на свете я,
 Без брата, без отца. Опять рабой
 Убийц презренных стать! Ужель со мною
 Достойно, боги, поступили вы?

Нет, я не в силах под одною кровлей
 Жить с ними доле; здесь у входа дома
 Лежать хочу я вне семьи, покуда
 Вконец я не исчахну. Если ж кто
 Из домочадцев вида моего

⁸²⁰ Не вынесет — пусть смерть мне даст. Спасибо
 Ему скажу. Обузой стала жизнь:
 Нет боле в ней предмета для желанья.

КОММОС

*Строфа I**Х о р*

Где ж ты, перун Зевса, и ты,
 Яростный луч Солнца? Зачем,
 Видя такое,
 Спокойно ты терпишь?

Э л е к т р а

О горе мне, горе!

Х о р

К чему эти слезы?

820

Горе!

*Электра**Хор*

Оставь твои стоны!

Электра

Пожалей!

Хор

Как?

Электра

Он под землей, знаешь сама;
 Если ж ты вновь светоч надежд
 В сердце возжешь, станет кругом
 Вдвое черней горе!

*Антистрофа I**Хор*

Слушай: был царь Амфиарай;
 Златом жены в мрака чертог

Был он отправлен.

Теперь среди мертвых —

Электра

840 О горе мне, горе!

Хор

Он властвует мощно!

Электра

Горе!

Хор

Да, горе: убийца —

Электра

Сражена!

Хор

Да!

Электра

Знаю, сразил мститель ее:
 Горе отца сын утолил.
 Был и у нас мститель такой,—
 Взяли его боги!

*Строфа II**Хор*

Ах, жалка жизнь твоя, жалка!

Электра

860 Испытала я вдоволь усладу ее,
Как за месяцем месяц, что мутный поток,
Вереницей рыданий тянулся!

Хор

Знаем грусть твою.

Электра

Будь же нем, зов любви!
Там, ты видишь, нет...

Хор

Чего!

Электра

Надежды нет на крови участ.е родной,
Крови отца-героя!

*Антистрофа II**Хор*

860 Смертным всем смерти час сужден.

Электра

Суждено ли и то, чтоб в ристанья пылу
Безнадежно повиснуть в тенетах вожжей
И в мучениях дух испустить свой?

Хор

Горю меры нет!

Электра

Где ж ей быть? Дом чужой
Без руки моей —

Хор

Увы!

Электра

870 Огню предал несчастного брата; молчал
Плач упокойной песни!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Быстро входит *Хрисофемида*.

Хрисофемида

На крыльях радости к тебе лечу я,
Родная; я забыла о приличье,

Чтоб поскорее известить тебя.
А весть моя — восторг и избавленье
От зол, в которых изнывала ты.

Электра

Неисцелима скорбь моя; помочь мне
Бессильна ты; к чему ж слова твои?

Хрисофемид а

Так знай же! Здесь Орест наш, здесь, так явно,
Как пред тобою я теперь стою!

Электра

Ты, видно, обезумела: глумишься
890 И над моим, и над своим несчастьем!

Хрисофемид а

Клянусь отцовским очагом! По правде,
А не в глумленье молвлю я: он здесь!

Электра

Ах, бедная! чьему пустому слову
Поверила так беззаветно ты?

Хрисофемид а

Своим глазам, а не чужому слову
Я верю: нет надежнее улик.

Электра

Улики, как же! Брось огнем надежды
Обманчивым большое сердце греть!

Хрисофемид а

Ради богов, хоть выслушай! Узнаешь,
890 Звать ли разумной впрעד меня, иль нет.

Электра

Что ж, говори, коль так тебе приятно.

Хрисофемид а

Все расскажу, что видела сама.
Пришла к отца я древнему кургану.
Вдруг вижу — на холма вершине млека
Еще белеет свежая струя.
Кругом ее площадка вся покрыта
Цветами — всеми, что растит земля.
В недоуменье дух я затаила;
Смотрю кругом, не видно ли вблизи
Кого из смертных. Нет; везде молчанье.
900 Я подошла поближе, и у края
Сжигальницы — прядь молодых волос,

Ножом отрезанных, внезапно вижу.
 И как увидела ту прядь я — вдруг
 Меня как молнией озарило: образ
 Душой взлелеянный Ореста явно,
 Из смертных всех любезнейшего, встал
 Передо мной: он эту прядь оставил!
 Беру ее — так хочется мне вскрикнуть...
 Но нет, то место свято: только слезы
 Счастливые зеницам застыт.— В этом
 И ныне так же я убеждена,
 Как и тогда, что он один могилу
 Тем приношением украсить мог.
 Кому ж пристало благочестье это?
 Тебе еще, да мне. Но про себя
 Я знаю, что виновница не я,
 И про тебя уверена. Ведь даже
 Молитвы ради из дому уйти
 Тебе нельзя — гроза нависнет тотчас.
 О матери и думать праздно — дух
 Ее не так направлен, да и вряд ли
 Она б скрывалась. Нет, то был Орест:
 Он эту почесть оказал отцу!
 Итак, мужайся, милая. Не вечно
 Одна судьба над смертным тяготеет.
 На нас злодейка хмурилась доселе;
 Зато теперь день радости настал!

Электра

920 Как ты жалка в безумии своем!

Хрисофемида

Опять упрек? Нерадостен рассказ мой?

Электра

Не знаешь ты, где мысль твоя витает.

Хрисофемида

Не знаю я, что видела сама?

Электра

Его уж нет, несчастная! Оплот наш
 Погиб, не жди отрады от него!

Хрисофемида

Что ты сказала? Кто принес известье?

Электра

Свидетель близкий гибели его.

Хрисофемида

Удивлена я; где ж свидетель этот?

Электра

Желанным гостем с матерью вошел он.

Хрисофемида

⁹³⁰ О горе нам! Но кто ж отца курган
Украсил столькими дарами чести?

Электра

Скорей всего — на память о покойном
Ореста друг с чужбины их принес.

Хрисофемида

О бедный брат! А я к тебе спешила
На радостях, не зная, как близка
Была кручина. Вот я здесь — и что же?
К печали прежней новую нашла.

Электра

Все это правда. Но прими совет мой —
И ты обузу лютых зол стряхнешь.

Хрисофемида

⁹⁴⁰ Могу ль умершим жизнь я возвратить?

Электра

Речь не о том! Ума я не решилась.

Хрисофемида

Что ж ты велишь — в пределах сил моих?

Электра

Чтоб мой завет исполнила ты стойко!

Хрисофемида

Не откажусь, коль пользу он сулит.

Электра

Ты знаешь: без труда удачи нет.

Хрисофемида

Да, знаю, и труда жалеть не буду.

Электра

Так выслушай решение мое.

Что от друзей нам помощи не будет —
Сама ты знаешь: нет у нас их боле.

Что были, тех Аид похитил; так-то

⁹⁵⁰ Покинуты мы всеми и одни.

Пока я знала, что в расцвете силы
 Живет наш брат — он был моей надеждой,
 В нем видела я мстителя, родная,
 Обетованного за кровь отца.
 Его не стало — на тебя отныне
 Взираю я. Ты смелою рукою
 Должна со мной, сестрой твоей, повергнуть
 Эгисфа — тайн быть не должно у нас.
 Подумай! Долго ль в благодушие мирном
 Согласна ждать ты? Знаешь ли надежду
 Нескошенную хоть одну? В слезах
⁹⁶⁰ Тебя я видела, что все наследье
 Отца ты потеряла, что без брака
 И без детей ты вянешь столько лет.
 И будешь дольше вянуть, будь покойна:
 Не так уж легкомысленен Эгисф,
 Чтоб дать взойти иль твоему потомству,
 Иль моему, себе же в явный вред!
 Итак, решишь! За мной последуй смело!
 И благочестия ты долг исполнишь,
 Почтив отца и брата заодно;
⁹⁷⁰ И вновь свободной прослывешь — такую,
 Какою от рожденья ты была;
 И жениха достойного найдешь:
 Ведь все стремятся к благородству люди.
 А слава, слава! Милая, ужель
 Не видишь ты, какой венец негленный
 Себе и мне ты подвигом своим
 Добудешь? Как и граждане, и гости,
 Завидев нас, воскликнут с похвалой:
 «Вот две сестры, что отчий славный дом
 Воздвигли вновь, что, не жалея жизни,
 Брагам-убийцам в час победы их —
⁹⁸⁰ Кровавой мести в грудь вонзили меч!
 Хвала и честь, привет и ласка им!
 Пусть и на праздниках богов и в вече
 Их за отвагу слава осенит!»
 О милая! Послушайся меня!
 Отцу на помощь, брату в утешенье,
 Избавь от зол обеих нас! Решись!
 Тому, кто от рожденья благороден,
 Позорно жизнь позорную влачить!

К о р и ф е й

⁹⁹⁰ Здесь вещей ум полезен — и тому,
 Кто дал совет, и кто совет приемлет.

Хрисофемида

Ах, был бы ум ей спутником, подруги,
 Она бы раньше, чем раскрыть уста,
 Про осторожность вспомнила. Но нет!
 Она ее и помнить позабыла!
 Откуда смелость почерпнула ты
 Таковую, что сама кинжал хватаешь
 И мне прислуживать себе велишь?
 Не видишь разве, что не мужем ты,
 А женщиной родилась, что слабее
 Твоя рука, чем меч твоих врагов?
 Что к ним судьба всегда благоволит,
 1000 А к нашей доле вовсе безразлична?
 Возможно ли, с таким врагом воюя,
 На радостный надеяться исход?
 Пусть лишь узнают наши речи — вдвое
 Обуза бедствий станет тяжелей,
 И не утешит золотая слава
 Пред обликом позорной смерти нас.
 Не в смерти ужас — нам желанной станет
 Она, но выбрать честной не дадут.
 Молю тебя, не допусти, чтоб в корень
 1010 Погибли мы, и дом наш опустел.
 Оставь свой пыл! Слова твои забудем:
 Их не было, до слуха моего
 Не долетел их звук. Но ты, родная,
 Хотя теперь, хоть поздно образумься:
 Бессильная, всесильным уступи!

*Корифей**(Электре)*

Послушайся! Предвиденье и мудрость —
 То лучший смертному от бога дар!

Электра

Нежданным слово не было твое:
 Прекрасно знала я, что ты отвергнешь
 Мой замысел. Итак — своей рукою
 Должна исполнить дело я, одна:
 1020 Порыв души моей не будет праздным.

Хрисофемида

Ах!

Зачем такой ты не была в тот миг,
 Когда отец наш умирал! Ему бы
 Надежную ты помощь принесла.

Электра

Умом была слабее я, не духом.

Хрисофемида

Такой бы ум тебе на весь твой век!

Электра

Я вижу, помощи мне нет в тебе.

Хрисофемида

Злой замысел ведет к исходу злomu.

Электра

Завиден ум твой — трусость незавидна.

Хрисофемида

Стерпела брань — и похвалу стерплю.

Электра

От этой ты опасности ушла!

Хрисофемида

¹⁰³⁰ Дней много впереди: они рассудят.

Электра

Прощай! Я пользы от тебя не жду.

Хрисофемида

Была б и польза, если б ты хотела.

Электра

Ступай, и мать предупреди свою!

Хрисофемида

Нет, не настолько мне ты ненавистна.

Электра

Позоришь ты меня своим решением!

Хрисофемида

Позора нет в нем, лишь забота есть.

Электра

Твоей должна я правде подчиниться?

Хрисофемида

Разумна будь, и за тобой пойду.

Электра

Лоск слов твоих кривую мысль скрывает.

Хрисофемида

¹⁰⁴⁰ Свою болезнь ты верно назвала.

Электра

Ужель не видишь правды ты моей?

Хрисофемида

Бывает, что и правда вред приносит.

Электра

Не признаю законов я таких!

Хрисофемида

Возьмись за дело, и признаешь скоро.

Электра

Возьмусь, не бойся. Страха нет во мне.

Хрисофемида

И не изменишь ты решенья? Правда?

Электра

Дурных решений ненавистней нет.

Хрисофемида

В мои слова ты вдуматься не хочешь?

Электра

Уж с давних пор начертан мне мой путь.

Хрисофемида

¹⁰⁵⁰ Тогда прощай! Ни мне твоя горячность
Не по сердцу, ни разум мой — тебе.

Электра

Прощай, сестра! Меня с тобой не будет,
Хотя б в тоске изныла ты. Безумье
Гоняться вслед за призраком пустым.

Хрисофемида

Что ж, если разум пред собой ты видишь,
Гонись за ним. А как в беду тебя
Он заведет, — совет ты мой одобришь.

(Уходит во дворец.)

СТАСИМ ВТОРОЙ

Хор

Строфа I

Под сенью туч

Реет разумных племя птиц.

Нежной заботой чтут они

1060 Тех, что родили их и корм
 Им приносили в дни весны.
 С них мы зачем не берем примера?
 Нет, как свят нам перуна блеск,
 Свят нам Правды небесной лик,
 Нет, не минет нас кара!
 О замогильной глас молвы!
 Кликни Атридам вглубь земли
 Весть безутешной скорби, весть,
 Полную слез и обиды горькой!

Антистрофа I

1070 Скажи им все:
 Как пошатнулся дом родной,
 Как загорелась двух сестер
 Лютая рознь, и нет надежд,
 Чтоб осенил их кроткий мир.
 Всеми покинута в море бедствий
 Век изводит Электра свой;
 Все звучит о судьбе отца
 Стон ее соловьиный.
 Уж не заботит смерть ее:
 Рада не видеть солнца свет,
 1080 Лишь бы стереть убийц чету;
 Есть ли пример благочестья равный?

Строфа II

В тине жизни позорной
 Погрязнет доблесть вся венчанных славой душ,
 Имя их в бездну канет.
 Но твой, дитя, светел путь, слез горячих
 полный;
 Соблазны зла сразила ты, двойной хвалы честь
 стяжав:
 Хвалы ума и любви дочерней.

Антистрофа II

1090 Стань же властью и силой
 Врагов превыше всех, насколько ныне им
 Ты в унижение служишь!
 Нашла тебя в горе я, в жалостной
 судьбине;
 Но из заветов божьей Правды лучший ты, всех
 святей,
 Умеешь чтить — долг любви дочерней!

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Приближаются *Орест* и *Пилад*, за ними двое слуг;
у одного из них в руках медная урна.

Орест
(к *Хору*)

Гражданки, правду ли сказали нам,
И верно ль путь намеченный мы держим?

Корифей

¹¹⁰⁰ Что хочешь знать ты, и зачем ты здесь?

Орест

Давно мы ищем, где живет Эгисф.

Корифей

Живет он здесь; пославший не солгал.

Орест

Вопрос второй: кто известит его
О нашем радостном к нему приходе?

Корифей

Как член семьи властителей — она.

Орест

Иди же, дева, доложи, что гости
Фокейские царя Эгисфа ждут.

Электра

Ах, чую горе! не несете ль вы
Той страшной вести явные улики?

Орест

¹¹¹⁰ Твоей не знаю вести; старец Строфий
Мне об Оресте порученье дал.

Электра

Какое, гость? Дрожу я вся от страха.

Орест

Умершего мы жалкие останки
В той амфоре, что видишь ты, несем.

Электра

О смерть моя! Теперь сомненья нет!
Вся пред глазами тяжесть злоключенья.

Орест

Коль об Ореста ты скорбишь несчастье,
То знай: в сосуде этом прах его.

Электра

О, ради бога, гость, дай в руки взять мне
 1120 Ту амфору, коль пепел в ней его;
 Хочу себя и весь наш род несчастный
 С ним вместе плачем и слезой почтить.

Орест
(слугам)

Подайте смело урну незнакомке.
 Уж, видно, не вражда ей мысль внушила,
 А голос дружбы или долг родства.

Электра
(с урной в руках)

О жалкий груз, дражайшего из смертных,
 Ореста прах, души его наследье!
 Как обманул надежды ты мой!
 Теперь ничто ты, ноша рук пустая,
 1130 А из дому цветущим я тебя
 Отправила. Зачем от жизни бог
 Не отрешил меня пред той минутой,
 Когда руками я тебя своими
 Похитила и от убийц спасла,
 Чтоб был воспитан ты в земле далекой!
 Тогда бы смерть ты принял в тот же день
 И был бы в отчей схоронен гробнице.
 Теперь же вне страны, беглец несчастный,
 В земле чужой страдальческою смертью
 Погиб вдали ты от сестры своей.
 Я не могла заботливой рукой
 Тебя омыть в купели погребальной;
 Я не могла, как долг велит сестре,
 1140 Твой бедный прах из челюстей огня
 Всепожирающих принять: чужою
 Рукою упокоенный, пришел ты,
 В сосуде легком, легкой горсть золы!
 О мой призор давнишний, бесполезный!
 О неустанность сладостных забот!
 Не так ты матери, как мне, был дорог.
 О лепет детский! Ведь меня одну
 Ты няней звал, меня одну сestroю.
 И столько счастья день один унес!
 1150 О брат мой милый! Все с собой похитив,
 Как вихрь, умчался ты. В гробу отец наш,
 В гробу и я, и ты уж сам ничто.
 Смеется враг, ликует в иступление
 Мать бессердечная... а сколько раз
 Мне вести тайные ты посылал,

Что мести долг над нею ты исполнишь!
 Несчастен, горек жребий твой и мой:
 Он всю надежду отнял, и тебя
 Таким прислал мне — вместо жизни милой,
 1160 Лишь пепла горсть и призрачную тень.
 О горе,
 О жалкий образ, горе,
 О путь ужасный, горе,
 Ужасен путь твой, брат мой дорогой!
 Меня с собою, брат мой, погубил ты.
 Прими ж меня в последний твой приют:
 И я — ничто. С тобою во гробу я
 Хочу лежать. Когда ты видел свет,
 Я неотступно мысли все роднила
 С тобой, мой брат; так пусть и в смерти нас
 1170 Одной могилы осенит покров;
 Печали ведь лишь мертвые не знают.

К о р и ф е й

От смертного отца ты рождена,
 Электра; смертным был твой брат: смирися!
 Нам всем назначен их удел печальный.

О р е с т

Что мне сказать? Какой исход в волненье
 Найти? Не в силах тайну я сберечь.

Э л е к т р а

В чем боль твоя? Что хочешь ты сказать?

О р е с т

Электры ль вижу славный образ я?

Э л е к т р а

Электры образ? Да — из жалких жалкий!

О р е с т

Какой же страшной взыскан я кручиной!

Э л е к т р а

1180 Уж не меня ли ты жалеешь, гость?

О р е с т

О бедственно загубленная жизнь!

Э л е к т р а

В меня ты метишь, гость, зловецим словом?

О р е с т

Без радости, без брака вянешь ты!

Электра

Что значит взгляд твой, и зачем твой стон?

Орест

И своего же горя я не ведал!

Электра

Откуда ж ныне ты о нем узнал?

Орест

Тебя увидев в горестях ужасных!

Электра

Что знаешь ты о горестях моих?

Орест

Ужели вид твой превзошли они?

Электра

¹¹⁹⁰ Так знай же: дом с убийцами делю я!

Орест

О, с чьими? Молви! Где источник зла?

Электра

С убийцами отца. Рабой я стала!

Орест

Кто ж волю так насилует твою?

Электра

Ей имя — мать, но нрав не материнский.

Орест

Но чем же? Силой, иль лишений гнетом?

Электра

И силой, и лишеньями, и всем.

Орест

И нет тебе заступника на свете?

Электра

Один лишь был — его ты прах принес!

Орест

Несчастливая! Как жалко мне тебя!

Электра

¹²⁰⁰ Один ты пожалел меня доселе.

Орест

Да! Я один такой же болью болен.

Электра

Уж не в родстве ли с нами ты, мой гость?

Орест

Я б рад сказать; но верны ль дев уста?

Электра

Они мне верны; тайны не нарушат.

Орест

Коль так, отдай мне урну, все узнаешь.

Электра

О нет, молю! Не отнимай ее!

Орест

Дай веру слову! Нет обмана в нем.

Электра

О, не лишай меня моей отрады!

Орест

Оставь же урну!

Электра

1210 И прах твой у меня хотят отнять!
Милый мой Орест,

Орест

Без слов зловещих! Ты скорбеть не вправе.

Электра

Скорбеть не вправе о погибшем брате?

Орест

Не след тебе так называть его!

Электра

Мне, что утехи лишена последней?

Орест

Не лишена ты; урна не твоя!

Электра

Но я в ней прах Ореста обнимаю!

Орест

Да не Ореста! То молва одна.

(Забирает урну)

Электра

Где ж бедному насыпали курган?

О р е с т

Нигде. Живым не надобен курган.

Э л е к т р а

Что ты сказал?

О р е с т

Святую правду, верь.

Э л е к т р а

¹²²⁰ Он жив, мой сокол?

О р е с т

Если жив я сам.

Э л е к т р а

Ты — ты — Орест?

О р е с т

(показывая ей свой перстень)

Печать отца ты знаешь?

Взгляни, проверь, сказал ли правду я!

Э л е к т р а

О день восторга!

О р е с т

Да, восторга, верю.

Э л е к т р а

О голос милый!

О р е с т

Ты узнала брата?

Э л е к т р а

(обнимая его)

В моих руках?

О р е с т

В твоих руках навек!

Э л е к т р а

Подруги милые, гражданки-девы,
Здесь, здесь Орест! Уловкой смерть была —
Уловкой той же возвращен он жизни.

К о р и ф е й

¹²³⁰ Да, милая! И от приюта счастья
С очей росится радости слеза.

*Строфа**Электра*

Пришел, пришел!
 О родная кровь, дорогой мой брат,
 Ты пришел, нашел
 Ты здесь, ты видишь ту, кого желал!

Орест

Я здесь, по ты храни молчанье, жди!

Электра

Молчанье?

Орест

Так лучше: в доме нас услышать могут!

Электра

4240 Артемидою, вечной девою,
 Не боюсь, клянусь, этих в доме жен,
 Матери-земли бесполезной ноши!

Орест

Смотри! И жен рукою смерть разит:
 Сама ты знаешь — опыт не забыла.

Электра

1250 О лютой скорби песнь!
 Ах, напомнил ты незабвенную,
 Незаживную рода Атридов рану!

Орест

И это знаю. Пусть настанет час,
 И все мы вспомним — всю кручину дома.

*Антистрофа**Электра*

О каждый час,
 Каждый час теперь речь о ней ведет;
 Правда так велит.
 Теперь, теперь блеснула воля мне!

Орест

Блеснула, знаю; так храни ж ее!

Электра

Но как же?

Орест

Уйми речей до времени поток!

Электра

1260 Ярким светом ты предо мной стоишь,

Мне ль молчанья мглой омрачить его?
Уж надежда мне больше не светила!

Орест

Вновь вспыхнула, когда подвигли боги

.....

Электра

О радость без конца!

1270 Коль сам бог сюда нам тебя послал,
Твой возврат ко мне диво превыше дива!

Орест

Мне жаль перечить радости твоей,
Но подчиняться ей сверх меры — страшно.

Эпод

Электра

Столько долгих дней я ждала тебя;
Путь желанный свой совершил ты ныне;
Ты застал меня в горе горестном:
О, не будь жесток!

Орест

Я жесток, сестра?

Электра

Не лишай меня радости моей.

Орест

И другим того не простил бы я!

Электра

1280 Так согласен ты?

Орест

Нет сомнения.

Электра

(к *Хору*)

О подруги мои!

Не надеялась этот голос я
Услыхать хоть раз,— и услышала!
Все же и тогда чрез уста мои
Не прорвался крик неумеренный.

(к *Оресту*)

Ты со мной теперь, ликом ласковым
Упиваюсь я — этой радости
Не забыть уж мне в самом горьком горе!

О р е с т

Теперь оставь речей избыток долгих,
 Не говори, как мать тебя терзает,
 1290 Ни, как Эгисф безумною рукою
 Крошит, роняет, по ветру разносит
 Отца наследье; за такую речью
 Призыв минуты упустили б мы.
 Ты ж мне скажи, что мне для дела нужно:
 Куда явиться, где нам скрыть себя,
 Чтоб смех врагов навеки онемел?

 Затем одно. Нам в дом войти придется:
 Блюда ж себя, чтоб радости печать
 Нас на лице не выдала твоим.
 Нет, точно правда весть о том ударе,
 Скорби и плачь; а как блеснет удача —
 1300 Тогда и смеху волю мы дадим.

Э л е к т р а

О брат мой, все, что важным ты считаешь,
 И мне закон: ведь от тебя я радость
 В дар получила; вся она — твоя.
 Я и великой выгоды своей
 Не окуплю малейшим огорченьем
 Твоим, мой милый; недостойной службой
 То было б богу, что возносит нас.
 Дела же наши сам ты знаешь; слышал,
 Что нет Эгисфа во дворце, что дома
 Лишь мать одна; она же не увидит
 1310 Улыбки счастья на устах моих.
 Живуч старинной ненависти след;
 К тому же слезы — радостные, правда —
 С того мгновенья, как открылся ты,
 С очей моих струятся неустанно,
 И как им не струиться! Ведь в одном
 Пришествии предстал ты предо мною
 И мертвым и живым. Такое чудо
 Ты совершил, что если бы отец
 К нам вдруг явился — я б не удивилась,
 Не отказала бы глазам в доверье!
 И вот ты здесь, желанный кончен путь —
 Отныне ты мне повелитель. Я же,
 Будь я одна, один венец из двух
 1320 Стяжала бы: я или благородно
 Спасла б себя, иль благородно пала б.

О р е с т

Молчанье! В доме шум шагов я слышу.
Идут к дверям.

Э л е к т р а

Войдите, чужестранцы,
Вам дом открыт; с собою принесли вы
Нерадостный, но неизбежный дар.

В о с п и т а т е л ь

(Поспешно выходя из дворца)

Безумные! Что делаете вы!
Ужели ни во что спасенье жизни
Вы ставите? Иль ум врожденный ныне
Оставил вас? Не на краю пучины
Стоите вы — среди валов ваш челн,
1330 И вы грозы не видите своей?
Ведь если б я все время верным стражем
Не охранял вас — раньше вас самих
Деянья ваши были бы в чертоге.
Заботою я отвратил свою
Ближайшую опасность; но и вы
Оставьте негу долгих разговоров
И ненасытного веселья крик!
Войдите в дом. Опасна в деле нашем
Медлительность. Решенья час настал!

О р е с т

Что ожидает во дворце меня?

В о с п и т а т е л ь

1340 Все к лучшему; никто тебя не знает.

О р е с т

Ты смерть мою, конечно, возвестил?

В о с п и т а т е л ь

Для них ты ныне — преисподней житель.

О р е с т

А что ж они? Смеются или плачут?

В о с п и т а т е л ь

Скажу потом. Теперь же знай: для нас
Все к лучшему — и то, что хуже худа.

Э л е к т р а

(к О р е с т у)

Кто этот гость? Скажи мне, брат любимый!

Орест

Не догадалась?

Электра

Разум мой молчит.

Орест

Кому меня передала — не помнишь?

Электра

Что ты сказал?

Орест

А кто меня в Фокиду
1350 Отнес, твой мудрый замысл исполняя?

Электра

О боги! Он — единственный, что верность
Тогда соблюл убитому отцу?

Орест

Тот самый: вот ответ на все вопросы.

Электра

О свет родимый, о спаситель дома
Единственный! Тебя ль я вижу здесь?
Его, меня — от стольких зол отважно
Ты сохранил! О руки дорогие,
О незабвенная услуга ног!
Уж сколько времени ты здесь — и тайны
Не выдал мне. Казнил меня словами,
1360 Неся безмерной радости дела!
Привет тебе, отец мой! Да, я вижу
Отца в тебе! Привет! И знай, что в день
Один возненавидела тебя я
И возлюбила больше всех людей.

Воспитатель

Довольно слов. В своем вращенье небо
Нам много дней, Электра, ниспошлет,
Чтоб ясность полную тебе представить
Всех ныне недосказанных речей.
А вам, друзья, я снова повторяю:
Час дела наступил! Теперь царица
Одна, теперь в хоромаш нет мужей.
1370 Спешите же! Не то — приспеет враг вам
Числом грознее и сильней умом.

Орест

Идем, Пилад. Не терпит долгой речи

Назревший час. Скорей же во дворец,
Привет пославши всем богам родимым,
Что неусыпно наш порог блюдут.

(Уходят во дворец вместе с *Воспитателем*.)

Электра

Услышь мольбу их, Аполлон властитель,
Услышь и мой молитвенный призыв!
Тебе не раз усердною рукою
Даров посильных долю я несла;
Тебя и ныне с почестью посильной
Прошу, молю и заклинаю я:
1380 О Аполлон Ликейский! В деле нашем
Яви нам помощь милостью своей!
Пусть знают люди, какова награда
Нечестию от праведных богов!

(Уходит во дворец.)

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Хор

Строфа

Вот он идет — а перед ним
Свежей крови жар — бог-ловец Арес.
Скользнул под сень отверженных хором,
Чуя верный след древнего греха,
Псиц-Эриний сонм.
Конец тревоге; вещей сон
1390 Души моей пред нами вмиг
Предстанет въявь!

Антистрофа

Переступил через порог
Тайной поступью бледной рати друг
В древледержавный отческий чертог:
Жаждет меч его вновь отточенный
Кровь за кровь взыскать.
Конец настал; ведет его,
Коварство мраком скрыв, Гермес.
У цели он.

ЭКСОД

КОММОС

*Строба**Электра**(выходя из дворца)*

О, тише, тише, милые подруги!
Они уж там; свершится дело вмиг!

Корифей

1400 Что там творится?

Электра

Урну украшает
Венком она; они пред ней, над ней...

Корифей

Зачем же ты здесь?

Электра

Сторожить должна я,
Чтоб не застал при деле их Эгисф.

Голос Клитеместры

О дом! кровавый дом!
Друзья вдали, убийцы лишь вокруг.

Электра

Чу! крик раздался; слышали, подруги?

Хор

Я слышу вопль... страшно мне...
Вопль невыносимый!

Голос Клитеместры

Несчастливая! Ах, где ты, где, Эгисф?

Электра

Вторичный крик!

Голос Клитеместры

1410 Дитя, дитя мое!

Мать пожалей!

Электра

А ты его жалела,
Жалела ты родителя его?

Хор

О город, о горем испытанный род!
Довольно висела судьба над тобой;
Конец ей, конец!

Голос Клитеместры

Ударил ты!

Электра

Коль ты силен, еще раз!

Голос Клитеместры

О горе мне!

Электра

Тебе с Эгисфом — да!

Хор

Свершились проклятья; жизнь обрел

1420 В тьме земли скрытый царь;
Незримой тягой кровь точит убийц
своих, —

Возмездья кровь, — древле смерть
вкусивший.

Из дворца выходят *Орест* и *Пилад*.

Антистреха

Корифей

Они вернулись; жертвенная влага

На их руках; их осуждать не нам.

Электра

Орест, свершилось?

Орест

Все к добру в чертоге,
Коль доброе вещал нам Аполлон.

Электра

Она погибла?

Орест

Не страшися боле
От матери бесчестья и обид.

Электра

Орест

Хор

Довольно слов; медь блестит,
К нам Эгисф стремится.

Орест

Электра

1430 Орест, уйди!

Орест

Где видишь ты его?

Он близок, да?

Электра

С предместья он собрался

С веселым видом в невеселый путь.

Хор

Скорей в междудверии скройтесь, скорей!

Свершили вы счастливо дело одно —

Второе теперь!

Орест

Исполним все.

Электра

Иди в чертог, не медли.

Орест

(*уходя с Пиладом во дворец*)

Я ухожу.

Электра

Приму его сама.

Хор

Злодей пусть услышит кротких слов

Льстивый звук от тебя;

1440 Не чуя близкой гибели, он прянет сам,

Как дикий зверь, в сеть суровой Правды!

Приближается *Эгисф*.

Эгисф

(*к Хору*)

Кто скажет мне, где гости из Фокиды,

Что весть несут нам об Ореста смерти,

Погибшего в крушение колесниц?

(*к Электре*)

К тебе вопрос мой; да, к тебе — что случилось

С обычной дерзостью твоей? Та весть

Всех более тебя должна заботить,

Всех лучше ведать ты ее должна!

Электра

Ты прав; могла ль я чуждой оставаться

Судьбе неожиданной тех, кто близок мне?

Эгисф

1450 Где ж чужестранцы? Научи меня!

Электра

Обласканы приветливой хозяйкой.

Эгисф

Они про смерть сказали достоверно?

Электра

И доказали правду слов своих.

Эгисф

Так я могу доказанному верить?

Электра

Не только верить — можешь посмотреть.

Эгисф

Речь не по праву радостна твоя!

Электра

Что ж, радуйся, коль радость тут уместна!

Эгисф

Молчанье всем! Откройте настежь двери!

Смотри, микенский и аргосский люд!

И если раньше кто-нибудь из граждан

1460 Надеждой дух свой тешил безрассудной —

Пускай, взирая на недвижный труп,

Мою узду безропотно приемлет;

Пускай не ждет, чтоб строгой кары сила

Взрастила поздний разум у него!

Электра

Примером — я. Ты видишь — я разумна,

Пред силою склонилася твоей.

Двери дома растворяются.

Орест и Пилад стоят у покрытого тела.

Эгисф

О Зевс, его ль я вижу? Жертвой пал он,

Средь счастья, божьей зависти, — не стану

Я гнев твой, Немесида, вызывать.

(*Оресту и Пилладу*)

А вы снимите гробовой покров:

Хочу и сам родную кровь оплакать.

Орест

¹⁴⁷⁰ Своей рукой сними. Не мне,— тебе
Пора взглянуть на труп и поклониться.

Эгисф

Ты молвил правду; так да будет. Ты же
Скажи царице, чтоб сюда пришла.

Орест

Она вблизи; и звать ее не нужно.

Эгисф

(*снимая покрывало*)

Что вижу? Боги!

Орест

В ком ты обознался?

Эгисф

Кто вы? Как мог среди тенет коварных
Я очутиться?

Орест

Не заметил ты,

Что мертвыми зовешь живых все время?

Эгисф

Я понял, понял! Нет сомненья боле:
¹⁴⁸⁰ О вестник лживый! Знаю, ты — Орест!

Орест

И ты, пророк, так долго заблуждался?

Эгисф

Ах, смерть настала! Умоляю, дай мне
Сказать хоть слово!

Электра

Ради бога, брат мой,

Не дай ему словами жизнь продлить.
[Что пользы нам, когда злодей презренный
Отсрочит смерти неизбежной миг?]

Тотчас убей, убитого же тело
Могильщикам достойным предоставь,
От взора нашего подальше; прежде

¹⁴⁹⁰ Не стихнет боль измученной души.

Орест

Ступай в чертог скорей! Не время ныне
Для слов пустых; мне жизнь твоя нужна.

Эгисф

Зачем в чертог? Ужель ты мраком скроешь
Столь славный подвиг? Здесь меня убей!

Орест

Ты там умрешь, где от твоей секиры
Отец мой пал; не наставляй меня!

Эгисф

Иль неизбежно, чтобы этот дом
Зрел долю Пелопидов днесь и присно?

Орест

Нет, лишь твою, пророк тебе я в этом.

Эгисф

1500 Не от отца наследье эта мудрость!

Орест

Ответами ты смерть лишь замедляешь;
Ступай.

Эгисф

Веди же!

Орест

Ты вперед иди!

Эгисф

Побега путь ты преградить мне хочешь?

Орест

О нет; лишь смерти добровольной путь;
Ее ты горечь всю изведать должен.
И то уж вред, что не тотчас злодеев
За их деянье настигает казнь;
Тем и плодится нечестивцев племя.

Эгисф уходит во дворец,
сопровождаемый *Орестом* и *Пиладом*.

Корифей

О Атреевы внуки, из многих кручин
Вы прорвались на свет по свободы пути:
1510 Ваше счастье исполнилось ныне!

Электра и *Хор* покидают оркестру.

ТРАХИНЯНКИ

Действующие лица

<i>Геракл</i>	<i>Лихас, глашатай</i>
<i>Деянира, его жена</i>	<i>Геракла</i>
<i>Гилл, их сын</i>	<i>Старик, врач Геракла</i>
<i>Кормилица Деяниры</i>	<i>Хор трахинских девушек</i>
<i>Вестник</i>	<i>Без слов: Иола, пленница Геракла.</i>

Действие происходит перед домом Геракла в Трахине.

ПРОЛОГ

Деянира

(выходит из дома

в сопровождении Кормилицы)

Напрасно молвят издавна, что рано
Судить о жизни смертного — несчастна ль
Иль счастлива она — пока он жив.
Я не сошла в Аидову обитель
И все же знаю, что досталась мне
Безмерно тяжкая, лихая доля.
Еще в Плевроне у отца Энея
Такая мне грозила злая свадьба,
Как ни одной из италийских жен.
Мне женихом поток был — Ахелой,
¹⁰ И в трех он образах к отцу являлся:
То настоящим приходил быком,
То скользким змеем приползал, то снова
Как будто муж, но муж быкоголовый,
И с бороды его густой и длинной
Струи стекали влаги ключевой.
Таков был он. Я в ожиданье свадьбы
О скорой смерти всех богов молила,

Чтоб только с ним мне ложа не делить.
 И поздно лишь, но все ж на радость мне
 Пришел герой, сын Зевса и Алкмены.
 20 Он в бой вступил с чудовищем постылым
 И спас меня. Каков был бой — о том
 Не расскажу: сама не знаю. Тот лишь,
 Кто без забот за зрелищем следил,
 Тот лишь о нем способен рассказать;
 А я сидела без ума от страха
 И красоту кляла, что стольких бед
 Грозила стать виновницей. Исход же
 По воле Зевса был благополучен.
 Благополучен... так ли? Стала я
 Избранницей Геракла; но с тех пор
 Страх за него — мой неотлучный спутник.
 30 За ночью ночь тревогой я томлюсь.
 Детей своих — и тех он редко видит;
 Так пахарь отдаленный свой надел
 К посеvu лишь и к жатве навещает.
 Лишь в дом вернется — из дому уж гонит
 Его царя презренного приказ.
 Окончен ныне службы срок — и ныне ж,
 Как никогда, боюсь я за него.
 С тех пор, как он могучего Ифита
 Убил, — мы изгнаны, и здесь в Трагине
 40 В чужих чертогах проживаем; он же
 Куда исчез — не знает здесь никто.
 Одно лишь знаю, что в душе кручину
 Он горькую оставил по себе.
 Да, чует сердце лютое несчастье:
 Не день ведь и не два, а-десять лун
 Без вести все мы — сверх других пяти.
 Ах, знать, беда ужасная свершилась:
 Такую запись он оставил... Боги!
 Удар вы отворотите от меня!

К о р м и л и ц а

Не в первый раз, царица Деянира,
 50 Я вижу слезы горькие твои
 Об участи ушедшего Геракла;
 Я все молчала — но теперь скажу.
 Прости, что душу царскую твою
 Умом я рабским вразумлять дерзаю.
 Детей я столько вижу у тебя:
 На поиски хоть одного пошли ты —
 И первым Гилла. Рад ведь будет он

Увидеть в добром здравии отца.
Появляется *Гилл*, направляющийся к дому.

Да вот он — в добрый час! — спешит к чертогу.
Знать, не впустую слово я сказала,
60 И совпадение на руку тебе.

Деянира

Сын мой, дитя мое! И рабской речи
Удачу бог дарует. Вот она —
Хоть и раба, но речь ее свободна.

Гилл

Какая речь? Скажи, коль можно знать мне.

Деянира

Так много дней отец твой на чужбине;
Достойно ли, что ты не знаешь, где он?

Гилл

О нет, я знаю, если весть правдива.

Деянира

Где ж он, дитя? Что слышал ты о нем?

Гилл

Весь год минувший, говорят, провел он
70 На рабской службе у жены лидийской.

Деянира

И это снес он? Все тогда возможно!

Гилл

Теперь, я слышу, он свободен вновь.

Деянира

Где ж он живет... иль не живет он боле?

Гилл

В стране евбейской град стоит Еврита.
На этот град походом он пошел.

Деянира

Так знай же, сын мой, о походе этом
Пророчество он верное оставил!

Гилл

Какое? Не слыхал я ничего.

Деянира

Что или с жизнью он на нем простится,
80 Иль, совершив последний этот подвиг,

Дни остальные в счастье проведет.
 Час наступил решающий. Ужели
 Ты не пойдешь отцу на помощь? В нем ведь
 Спасенье наше; с ним мы все погибли!

Г и л л

Конечно, мать, готов идти; и раньше
 Пошел бы, если б знал про слово бога.
 Отцу во всем сопутствовал успех —
 Бояться за него не приходилось.
 90 Теперь же, зная, что́ ему грозит,
 Не прекращу я поисков, покуда
 Всей правды я о нем не обнаружу.

Д е я н и р а

Иди же, сын мой. Сам ты будешь рад,
 Хотя и поздней, но счастливой вести.

Г и л л уходит.

ПАРОД

На оркестру вступает *Х о р тразинских девушек.*

Х о р

Строфа I

Тебя я зову, кого звездная ночь,
 Теряя покров лучезарный, рождает
 И вновь усыпляет на пламенном ложе —
 Тебя я зову, Гелибс, Гелибс!
 Поведай, владыка сверкающих стрел —
 100 Где ныне приметил ты сына Алкмены?
 Скитается ль он по извилинам моря?
 В Элладе ли, в Азии ль ищет приюта?
 Поведай нам, бог, о сияющем взоре!

Антистрофа I

Я вижу — и сердце щемит мне печаль —
 Я вижу награду борцов, Деяниру,
 В слезах неутешных, в тоске неусыпной,
 Как пташку лесную, певицу скорбей.
 Все мысли ей занял зловещий угод
 Скитальца-супруга; и ночью глухую
 Не сходит печаль с овдовелого ложа,
 110 Не сходит с ума лиходейка-забота;
 Все чует беду истомленное сердце.

Строфа II

Как в пучине разъяренной
 Под крылом ветров могучих

Справа, слева вал за валом
Ударяет на пловца,
Так и витязя-кадмейца
То крутит, то вновь возносит
В многотрудном море жизни
Разъяренная волна.
Все же бог его поныне
От обители Аида
120 Невредимого спасал.

Антистрофа II

Дай же в речи дружелюбной
Упрекнуть тебя, подруга:
От надежды ты отрадной
Отрекаться не должна.
Ведь и царь — вершитель мира,
Зевс-Кронид, в земной юдоли
Дней безоблачного счастья
Человеку не судил,
И Медведицы вращенье
130 Круговое с горем радость
Чередует для людей.

Эпод

Да; не всегда царит на небосклоне
Ночь звездная; не навсегда навис
Мрак горести над жизнью человека.
И счастье и нужда
Сегодня одному,
Другому завтра достаются в долю.
Запомни же навек,
Царица, речь мою,
Когда опять томиться будешь страхом:
140 Ужели сына своего в беде
Оставит Зевс. Кто этому поверит?

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Д е я н и р а

Вам ведома тоски моей причина;
Но как я стражду, милые, того
Не знаете, и знать вам не желаю.
Ах, молодежь! Мы в парниках ее
Растим и холим, чтоб ни солнца зной,
Ни дождь ее, ни ветер не касался;
Беспечна жизнь ее до той поры,
Когда девица женщиною станет

И причастится тех ночных печалей,
 150 В которых страх за мужа и детей.
 Изведав это, по себе поймете,
 Какое горе сердце мне щемит.
 Я много слез и раньше проливала,
 Но никогда так горько, как теперь.
 Когда Геракл в последний путь собирался,
 Он мне дощечку с письменами дал
 Старинную — до тех пор он ни разу,
 На подвиг отправляясь, не решался
 Ее оставить дома: знал он твердо,
 160 Что побеждать идет, не умирать.
 Теперь же, точно с жизнью он прощался,
 Определил он вдовый мой надел
 И детский — сколько каждому в наследье
 Земли отцовской оставляет он, —
 И срок поставил: Если на чужбине
 Сверх года он три месяца пробудет,
 То это значит: или он погиб,
 Иль, смерти избежав, домой вернется,
 170 Чтоб жизни путь в покое завершить.
 То божье слово, молвил он; ему же
 В Додоне дуб его открыл старинный
 Устами двух пророчиц-голубиц.
 И ныне срок тот наступил, подруги,
 И слово божье исполненья ждет.
 И никогда так сладко мне не спится,
 Чтоб мне с постели не вскочить в испуге,
 При мысли, что лишиться я должна
 Храбрейшего из всех мужей на свете.

К о р и ф е й

Ни слова больше! К нам идет мужчина
 Увенчанный; знать, радость он несет.

В е с т н и к

(поспешно приближается со стороны города)

180 Моя царица, первым из гонцов
 Освобожу тебя от страха. Муж твой
 Жив, победил и дань победы славной
 Несет родным Трахина божествам.

Д е я н и р а

Что ты сказал, старик? Скажи еще раз!

В е с т н и к

Сказал, что скоро твоей супруг желанный
 Вернется к нам с победоносной ратью.

Д е я н и р а

Кто знать вам дал? Трахинец иль чужой?

В е с т н и к

Там, где наш скот пасется на лугу,
Глашатай Лихас всем нам весть поведал,
190 И я к тебе бежать пустился первым,
Чтоб первым дар и милость заслужил.

Д е я н и р а

Что ж сам он медлит, если весть благая?

В е с т н и к

Не так легко пройти ему, царица:
Его народ малийский обступил,
С расспросами дорогу преграждая.
Ведь кто тоскою истомился, тот
Не отойдет, не насладившись вдоволь.
Так вот и он, их воле угождая,
Своей лишился; но придет он скоро!

Д е я н и р а

200 О Зевс, властитель Эты заповедной!
Ты поздний мне, но светлый дар прислал.
Запойте песню вы, что в доме нашем,
Вы, у дверей! Нежданным солнцем ясным
Взошла та весть, что жизнь мне принесла.

ГИПОРХЕМА

Х о р

В свадебном веселье
Возликуй, чертог!
Дружной песней славьте,
Юноши, владыку:
210 Аполлон вам внемлет,
Сребролукий бог.
Пойте, девы, звонко:
«О пеан, пеан»!
Ту, что в мраке ночи
Светочи возносит,
Чья стрела пугливых
Ланей поражает —
Ваша да прославит
Артемиду песня,
С ней соседних нимф!
Помчусь и восторженной пляской

Отвечу на флейты призыв.
 Ты видишь, меня возбуждает
 Твой плющ, эвоэ! всемогущий
 Владыка ума моего:
 220 В вакхической радости гонит
 Прислужниц своих Дионис.

На оркестре появляется *Лихас*, сопровождающий пленниц.

Хор

Ио, Ио пеан!

(*Деянире*)

Смотри, смотри, подруга!
 Лицом к лицу блаженство
 Ты видишь наконец.

Деянира

Да, милые; от глаз моих не скрылся
 Вид этот — долго я ждала его!

(*К Лихасу*)

Тебе, глашатай, первый мой привет!
 Давно желанный, если только радость
 Ты мне несешь.

Лихас

Да, госпожа моя,
 230 Сколь радостен привет твой, столь отраден
 И наш приход. За добрые дела
 Достойно добрыми встречать словами.

Деянира

О дорогой, на первый мой вопрос
 Ответ дай первый: жив ли мой Геракл?

Лихас

Конечно. Я живым его оставил,
 Цветущим, сильным, без следа болезни.

Деянира

В стране родной, иль варварской? Скажи!

Лихас

В Евбее. В честь кенейского он Зевса
 Там жертвенник и рощу освящает.

Деянира

Обета долг? Иль приказанье бога?

Л и х а с

(показывая на пленниц)

240 Он дал обет, когда с оружием бранным
Их город он поработить собирался.

Д е я н и р а

А кто они, скажи мне, и откуда?
Мне жаль их — если жалость тут уместна.

Л и х а с

Их муж твой, взяв Еврита град, богам
Наградой выбрал и себе добычей.

Д е я н и р а

Еврита град? Так под его стенами
Весь долгий срок разлуки он провел?

Л и х а с

Не весь. Он долго у лидийцев медлил,
(Так говорит он сам) — не доброй волей,
250 А купленный. Негодовать не должно
На то, что Зевс определил, жена.
Он, проданный лидианке Омфале,
Исполнил год (так говорит он сам),
И так был уязвлен обидой этой,
Что клятву дал виновника ее
Поработить с женою и детьми.
И слово мужа не пропало даром.
Очистившись, дружину он набрал
Из люда пришлого — и грянул бой
260 У стен Еврита: всех своих страданий
Его считал виной он одного.
К нему однажды, как кунак старинный,
Он гостем в дом вошел. И что ж? Хозяин
Глумился словом и недоброй мыслью,
Что гость, владыка всеразящих стрел,
Уступит меткостью его сынам,
Что он, как раб последний, господину
Готов во всем покорно угождать.
И на пиру его, в хмельной отваге
Прогнать с позором со двора велел.
Вскипел ретивый муж. И вот, в отместку,
Когда Ифит, ища табун заблудший,
270 Его тирифский замок навестил
И, вниз смотря, но о другом мечтая,
Стоял на вышке — тот его внезапно
Низвергнул в бездну со стены крутой.
Разгневался на то богов владыка.

Отец наш общий, олимпиец Зевс:
 Он сына в рабство отдал — в наказание,
 Что он врага — один лишь в жизни раз —
 Убил коварством. А убей открыто —
 Зевс снизошел бы к справедливой мести:
²⁸⁰ И небожителям противна спесь.
 Теперь их всех язык неукротимый
 В Аида свел туманную обитель;
 Их город взят. А те, что пред тобой,
 Простившись с счастьем, в незавидной доле
 К тебе пришли. Так приказал твой муж,—
 Его приказ я честно исполняю.
 А сам он вскоре, дань священной жертвы
 Отцу принесши Зевсу за удачу,
 Сюда придет. Таков конец отрадный
²⁹⁰ Хорошей речи, госпожа, моей.

К о р и ф е й

Царица, ныне счастлива ты явно:
 И взор и слух победою полны.

Д е я н и р а

Конечно, рада повести я славной
 О счастье мужа — рада от души.
 И быть не может иначе. Но все же
 И страх питать за баловня успеха
 Велит нам разум: долго ль до паденья?
 Ах, жалко мне, так жалко мне, подруги,
 На них смотреть, на сирот горемычных,
³⁰⁰ Бездомных, брошенных в стране чужой.
 Давно ль они цвели в свободной доле
 Среди своих? Теперь удел их — рабство!
 О Зевс-вершитель! Не суди мне видеть
 Такого ж гнева твоего на тех,
 Что мною рождены! Такой боязнью
 Меня исполнил их печальный вид.

(Обращая внимание на И о л у)

Ах, кто ты, кто, страдаллица младая?
 В девицах ли? Иль матерью слыла?
 Не говорит о муках материнства
 Твой стан... и столько благородства в нем...
³¹⁰ Кто, Лихас, эта пленница? Скажи мне!
 Кто мать ее? Как звать ее отца?
 Скажи! Всех боле тронута я ею:
 Она одна достоинство хранит.

Л и х а с

Почем мне знать? К чему меня пытаешь?
Евбеянка — и видно, не простая.

Д е я н и р а

Уж не царевна ль? Дочь имел Еврит?

Л и х а с

Почем я знаю? Нам не до расспросов.

Д е я н и р а

И имени от спутниц не слыхал?

Л и х а с

Да нет же: молча путь свой совершал я.

Д е я н и р а

(*К И о л е*)

³²⁰ Откройся ж ты мне, бедная! Ведь горе,
Когда и имя пропадет твое.

Л и х а с

Не жди ответа. Не изменит дева
Упорству своему. Она ни слова,
Ни звука одного не проронила
На всем пути. В страдании безмолвном
Она лишь слезы льет с минуты той,
Когда добычей поднебесным ветрам
Свой отчий дом оставила она.
Была жестока к ней судьба — но этим
На снисхожденье право ей дала.

Д е я н и р а

³³⁰ Иди же с миром в дом мой, чужестранка,
Так, как самой приятней. Не хочу я
Страданий новых причинять тебе:
Довольно терпишь ты и так. — И мы
Войдем во двор: тебе собраться надо
В обратный путь, мне — к встрече дом убраться.

Л и х а с с пленницами и *Д е я н и р а* направляются к воротам;
В е с т н и к выступает ей навстречу

В е с т н и к

(*Д е я н и р е*)

Не торопись. Дай им уйти — узнаешь,
Кого ты в дом ввела, узнаешь все,
Что от тебя намеренно скрывают:
Об этом мне вся истина известна.

Д е я н и р а

О чем ты? Для чего еще мне медлить?

В е с т н и к

340 Меня послушай. Давеча ведь правду
Тебе сказал я — и теперь скажу.

Д е я н и р а

Что ж, позовем обратно тех? Иль тайну

(указывая на х о р)

Лишь мне да им согласен ты открыть?

В е с т н и к

Тебе да им; а те пускай уйдут.

Л и х а с и пленницы уходят в дом.

Д е я н и р а

Они уж скрылись; говори, что знаешь.

В е с т н и к

Глашатай этот весь рассказ свой длинный

Вел по неправды колее кривой.

Он или ныне стал гонцом коварным,

Иль раньше лживым вестником пришел.

Д е я н и р а

Что говоришь ты? Выскажись яснее!

350 В недоуменье ты поверг меня.

В е с т н и к

При всем народе этот человек

Рассказывал, что ради девы пленной

Твой муж престол Еврита ниспроверг

И стены срыл Эхалии венчанной,

Что лишь Эрот из всех богов небесных

Его на подвиг бранный вдохновил —

Не Лидия, не прихоти Омфалы,

Не рабской службы у нее позор,

Не смерть Ифита, сброшенного в пропасть,

Как он теперь притворно говорит.

Вначале словом он склонить пытался

Ее отца, чтоб дочь свою родную

360 Ему для тайных наслаждений дал.

Отказ. Тогда, предлог пустой придумав,

Он двинул рать на родину ее.

Царя-отца он лютой смерти предал,

Разрушил город, а красу-царевну —

Ты видела? — он в дом к тебе ведет!

Ведет не спроста, не рабой смиренной —

Об этом ты и думать не должна:
 Уж коль он страстью воспылал такою...
 Прости; решил я все тебе открыть,
 370 Царица, что от Лихаса я слышал.
 Не я один, а весь народ трахинский
 Со мной там был; спросить любого можешь.
 Тебя рассказ мой огорчил, я вижу:
 Что ж делать! Правду я зато сказал.

Д е я н и р а

О горе, горе! Что со мной творится?
 Какую язву тайную ввела
 Я в терем свой! Так вот она какая
 Безродная, как клялся провожатый!

В е с т н и к

Да, как же! В блеске красоты и славы,
 380 Державного Еврита дочь, она
 Звалась Иолой — а ее он рода
 Не мог назвать: не наводил, мол, справок...

К о р и ф е й

Погибнут пусть не все злодеи — тот лишь,
 Кто втайне зло недолжное творит!

Д е я н и р а

Как быть, подруги? Так поражена я
 Всем слышанным; не знаю, что мне делать.

К о р и ф е й

Войди в хоромы, допроси его:
 Он скажет правду, лишь пытай построже.

Д е я н и р а

Да, я войду. Совет дала ты здравый.

В е с т н и к

390 А мне остаться? Иль войти прикажешь?

Д е я н и р а

Нет, оставайся. И послов не надо:
 Он добровольно из дому идет.

Л и х а с

(выйдя из дому)

Что мне Гераклу передать, царица?
 Ты видишь, я в обратный путь готов.

Д е я н и р а

Пришел так поздно, и уже уходишь,
 Разговориться не успев со мной!

Лихас

Я на вопросы отвечать согласен.

Деянира

И правду всю мне скажешь, без утайки?

Лихас

Клянуся Зевсом — все, что знаю сам.

Деянира

⁴⁰⁰ Скажи мне: кто та пленница, что в доме?

Лихас

Евбеянка; а кто отец, — не знаю.

Вестник

Смотри сюда: ты знаешь, перед кем ты?

Лихас

А ты зачем вопрос мне этот ставишь?

Вестник

Изволь ответить, коль в уме ты здоров.

Лихас

Я пред державной Деянирой, дочерью
Энея и Геракловой супругой —
Коль не ослеп я, — госпожой моей.

Вестник

Вот это и хотелось мне узнать.
Ты госпожой ее назвал?

Лихас

По праву.

Вестник

⁴¹⁰ Какую ж казнь ты претерпеть достоин,
Когда ее ты нагло обманул?

Лихас

Я обманул? Брось выдумки, почтенный!

Вестник

Не я, а ты выдумывать горазд.

Лихас

Я ухожу; тебя мне слушать глупо.

Вестник

Постой: ответь мне кратко на вопросы.

Лихас

Что ж, спрашивай; не молчалив, небось.

Вестник

Ты пленницу, что ввел ты в дом — ты понял,
О ком я говорю?

Лихас

Что ж дальше? Понял.

Вестник

Ее ты знать не хочешь; а тогда
420 Ведь звал Иолой, дочерью Еврита?

Лихас

Где звал? Кто слышал? Кто во всей Элладе
Свидетелем, что так я звал ее?

Вестник

О, сколько хочешь! В сборище трахинцев
Огромная толпа тебе внимала.

Лихас

Эге!

Сказал я лишь, что ходит слух такой,
Догадка — не отчет о деле верном.

Вестник

Какая там догадка! Ты ль не клялся,
Что вводишь в дом ее женой Геракла?

Лихас

Женою, я? Царица дорогая,
430 Скажи хоть ты, что это за чудак?

Вестник

А тот чудак, что слышал от тебя —
Вот как теперь — что из любви он к деве
Эхалию разрушил всю дотла.
Да; что тому не Лидия причиной,
А только к ней внезапная любовь.

Лихас

Вели ему уйти, царица! Право,
Под стать ли мне, степенному мужчине,
На всякий бред больного отвечать?

Деянира

Нет, ради Зевса, чей перун сверкает
С вершины Эты: все открой мне, все!
Ты не пустой ведь женщине внимаешь.
Я знаю сердце человека; знаю,
Самой природой не дано ему

440 Всегда одним и тем же увлекаться.
 А тут еще — Эрот. Кто с ним дерзает
 Тягаться силой, как борец в палестре,
 Тот безрассуден. И богами он
 Державно правит прихотью своею,
 И я его извела законы;
 Теперь другая женщина — как я.
 Мне ль мужа своего корить, что он
 Болезни той безропотно отдался?
 Иль ту бранить, что страсть в нем пробудила,
 В которой для меня позора нет.
 Нет, не безумна я. А ты запомни:
 Коль мой супруг ко лжи тебя наставил,
 450 То школу ты постыдную прошел.
 А если сам себя в науке этой
 Ты воспитал, то вместо благородства
 Ты лишь дурную славу обретешь.
 Скажи мне правду. Ведь прослыть лжецом —
 Свободному тяжелая обида;
 А истины ты все равно не скроешь:
 Свидетелей не мало — их спрошу.

Иль ты меня боишься огорчить?
 Мне неизвестность тягостна, не спору;
 Но в знанье нет угрозы для меня.
 460 Уж сколько женщин в жены брал супруг мой!
 И что ж? слыхала ль хоть одна из них
 Дурное слово от меня? И этой,
 Хоть расплылись она в любви, — не трону.
 О нет; мне жалость вид ее внушает
 Сильнейшую. Своею красотой
 И собственную жизнь она сгубила,
 И отчий город, бедная, неволей
 Разрушила. — Но в этом боги властны.
 Ты можешь лгать кому угодно, мне же
 Всегда и всюду правду говори.

К о р и ф е й

470 Она права; послушайся: не спорь,
 И все тебе мы благодарны будем.

Л и х а с

Царица дорогая! Так разумны
 Слова твои, как далеки от спеси,
 Что я молчать и скрытничать не в силах.
 Да, прав тот вестник. К ней Геракл в те дни
 Неудержимой страстью загорелся;
 Из-за нее в потоках крови бранной

Эхалия родная пала в прах.
 Все ж должен за него я заступиться.
 480 Не отрекался от нее нигде он,
 И страсть свою скрывать мне не велел.
 Я сам, царица, не решился вестью
 Правдивой сердце огорчить твое
 И провинился — коль вина тут есть.
 Теперь ты знаешь все — и в знанье этом,
 К твоей, к его отраде обоюдной,
 Люби ту деву и сдержатъ старайся
 То слово ласки, что ты ей сказала:
 Ведь он — во всем непобедимый витязь
 И лишь пред ней оружие сложил.

Д е я н и р а

490 Я и сама так поступить решила.
 Усиливать лихое наважденье
 Безумным богоборством не хочу.
 Теперь войдем. Тебе я передать
 Словесное имею порученье
 И дар ответный на дары его.
 Пришел ко мне ты с полными руками —
 Не след тебе с пустыми уходить.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Х о р

Строфа

Великую силу являет в бою
 Афродита!
 Сказать ли, как власть испытали ее
 500 Царь вселенной
 И ночи подземной владыка,
 И грозный земли колебатель,
 Бог трезубца?
 Оставим блаженных. Какие борцы
 Отважились в бой ради свадьбы твоей,
 Деянира!
 В каких поединках они проявили
 Под градом ударов, покрытые пылью,
 Мощь и удаль?

Антистрофа

Пришел Ахелой, эниадский поток
 Грознорогий,
 510 С безмерною силой в копытах, быка
 Дикий образ.

Пришел и от Вакховой Фивы
С копьем, булавой и стрелами
Сын Кронида.

Такие противники, страстью горя,
Спустились в поляну для брака с тобой,
Деянира!

Но ведала бой, управляя незримо,
Одна лишь владычица неги любовной —
Афродита.

Эпод

Посыпались рук богатырских удары,
Вокруг раздалось бряцание стрел,
Рога заскрипели; стоял над поляной
Вперемежку рев и стон.

⁵²⁰ Вот строятся «лестниц» крученые козни,
Вот гибельной «плигмы» исход роковой;
А нежная дева о взоре прекрасном
На кургане мужа ждет.

Ах, как зритель равнодушный
Я пою о славной брани;

Но был жалостен невесты
Дожидающейся лик,

Жалостен, когда расстаться
Ей с родимую велели

И как сирую телицу

⁵³⁰ На чужбину увели.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Д е я н и р а

(выходит из дому

с запечатанным ларцом в руках)

Украдкой к вам я вышла, дорогие,
Пока с младыми пленницами Лихас
Ведет внутри прощальный разговор.
Хочу сообщить вам, что я совершила,
Хочу участью вашему доверить
Глухую скорбь истерзанной души.

Ту деву (только подлинно ли — деву?)

Я приняла, как судовщик товар —

Товар обидный, купленный ценою

Любви моей. И вот теперь нас двое,

И под одним мы одеялом ждем

⁵⁴⁰ Объятый мужа; вот какой гостинец

Геракл, мой верный, любящий супруг,

Привозит мне — за то, что я так долго,
Так честно дом скитальца берегла!
Хоть гнева не питаю я в душе
(Привыкла я к такой его болезни),
Но с нею жить в одном и том же браке —
Нет, это выше женских сил. К тому же
Ее краса, я вижу, расцветает,
Моя — идет на убыль, а мужчины
Любовный взор лишь свежестью приковав
И облетевшим брезгает цветком.

550 И я боюсь, что будут звать Геракла
Моим супругом, мужем же — ее.
Но вновь скажу, что гневаться — не дело
Разумной женщины; хочу вам только
Доверить мысль спасения мою.
Давно храню в ковчеге медном, девы,
Я давний дар чудовищного Несса.
В дни юности его я собрала
В потоках крови, что с груди косматой
Струились издыхающего зверя.
Тот Несс тогда через Евен глубокий
Людей за плату на плечах своих

560 Перевозил, без весел, без ветрила.
Он и меня, когда, отцу покорна,
С Гераклом в первый путь я снарядилась,
Понес чрез реку. На середине брода
Рукой нескромной он меня коснулся;
Я вскрикнула — и тотчас Зевсов сын
В него стрелу крылатую пустил.
Стрела со свистом грудь ему пронзила
И в легкое впилась; сраженный насмерть
Сказал мне зверь: «Энея-старца дочь!

570 Хочу на память о моей услуге
Тебя почтить — за то, что я тебя
Наездницей последней перевез.
Возьми в свой плащ моей ты крови ком,
Что запеклась вокруг стрелы в том месте,
Где яд лернейской гидры в черный цвет
Ее окрасил. Приворот могучий
В нем обретешь ты для любви Геракла:
Какую б впредь ни встретил он жену —
Сильнее, чем тебя, он не полюбит».

О средстве том я вспомнила, подруги,
Хранившемся в дому и под замком,
И вот прибавив снадобья, как Несс

580 Мне указал, — я этот плащ Гераклу
Им намастила. Вот вам весь рассказ.

В душе я дерзких мыслей не растила
И знать их не хочу; преступных жен
Я ненавижу. Цель моя другая:
Хочу своим я средством превзойти
Ту деву, что заворожила мужа.
Но если вам не по сердцу мой шаг,
Я отказаться от него готова.

К о р и ф е й

Надежно ль это средство? Если да, —
То мысль твою одобрить мы согласны.

Д е я н и р а

⁵⁹⁰ Надежно ли? Уверенность питаю,
Но испытать поныне не могла.

К о р и ф е й

Уверенности мало. Зная, действуй;
А знание один лишь опыт даст.

Д е я н и р а

Что ж, опыт близок; Лихаса я вижу,
Он у ворот, — готов в обратный путь.
Вы лишь храните тайну, дорогие:
Во мраке и позор нам не в укор.

Л и х а с

(выходя из дома)

Чем услужить тебе могу, царица?
Проходит время; опоздился я.

Д е я н и р а

⁶⁰⁰ Чем услужить ты можешь мне, нашла я,
Пока ты с пленными беседу вел.
Прошу тебя вот этот плащ нарядный,
Труд рук моих, супругу передать.
Но вот условие: никто не должен
Опречь владельца надевать его,
Не должен ни палящий солнца луч
Его увидеть, ни трапезы божьей
Святой огонь, ни пламя очага,
Пока он явно, в явном одеянье,
Его богам в день жертвы не представит.
⁶¹⁰ Таков, скажи, был мой обет: спасенным
Его увидев, иль услышав весть
Надежную — в хитон прекрасный этот
Его одеть и показать богам
Слугою новым в новом облаченье.
А достоверность слов моих ты знаком

Ему докажешь, здесь запечатленным.

Итак, иди. Переступить приказ мой
По долгу ты глашатая не волен;
За исполнение ж от обоих нас
Получишь ты двойную благодарность.

Л и х а с

⁶²⁰ Клянусь Гермесом, чью несую я службу
Почтенную, ты мной довольна будешь:
И твой ларец ему я передам
Нетронутым, и то привета слово,
Какое мне ты поручить хотела.

Д е я н и р а

Ну что ж, ступай. Ты сам ведь знаешь, точно,
Как в нашем доме обстоят дела?

Л и х а с

Благополучно; так и доложу.

Д е я н и р а

Затем... про пленницу... ты сам ведь видел,
Как ласково я встретила ее?

Л и х а с

Поныне сердце в радости трепещет!

Д е я н и р а

⁶³⁰ Так что ж добавить? Как с ним жажду встречи?
Повременим. Узнать сначала надо,
Насколько жаждет встречи он со мной.

Л и х а с уходит. *Д е я н и р а* удаляется в дом.

СТАСИМ ВТОРОЙ

Х о р

Строфа I

О вы, что у скал надбрежных
Кипучий исток блюдете!
Что склоны священной Эты
И средний услон малийский
Зовете страной своей!
Что край населяете морю соседний
Девы златолукой,
Где эллинов речи в собраниях славных
Фермопилы внемлют!

Антистрофа I

640 Вы флейты прекрасной
 Услышите голос скоро:
 Не вестницей вражьей брани
 Придет она — с песней лиры
 Сольется призыв ее.
 Сын Зевса-царя и Алкмены счастливой
 Скоро к нам вернется;
 Увенчанный доблестью, знаки победы
 Он с собой приносит.

Строфа II

Где не блуждал изгнанник бесприютный?
 Двенадцать лун он за морем томился,
 И мы не знали ничего.
 650 Его ж супруга любящей душою,
 В многострадальной доле изнывая,
 О нем потоки слез лила.
 Но в гневе вскипел Арес:
 Час брани лихой настал —
 И минули дни тревоги.

Антистрофа II

Вернись же к нам, вернись скорей, желанный!
 В путь торопи твой струг многовесельный,
 Без отдыха его гони,
 Пока до нас не доплывет он, остров
 И жертвенник покинув, где ты ныне
 Благодаренье шлешь богам.
 660 Вернись, но с огнем в груди,
 Подвластный чарам любви,
 В крови заключенным зверя!

ЭПИСОДИЙ ТРЕТИЙ

Деянира
 (поспешно выходя из дому)

О милые, как страшно мне! Боюсь,
 Зашла я слишком далеко в затее.

Корифей

В чем дело, Деянира, дочь Энея?

Деянира

Не знаю; но боюсь, что вместо блага
 Я страшное свершила злодеянье.

Корифей

Ужель про дар Гераклу говоришь?

Деянира

Да, про него. О, никому совета
670 Не дам — без знания действовать впопыхах!

Корифей

Коль можно, объясни, чего боишься.

Деянира

Рассказ о чуде невообразимом
Услышать вам, подруги, предстоит.
Тот белый клочок овцы прекраснорунной,
Которым плащ я дома натирала —
Разрушен весь! Не посторонней силой, —
Нет! сам себя, шипя, он пожирает,
По каменному растекаясь полу.
Не поняли вы слов моих, я вижу;
Постойте же, я расскажу вам все.
680 Из тех наказов, что кентавр мне дал,
Стрелю в грудь жестокой пораженный,
Не позабыла я ни одного.
Так прочно их запечатлела я
В своей душе, как на скрижали медной
Незыблемы чернеют письма.
Он так учил, и так я поступила:
Хранила эту мазь в укромном месте,
Вдали от света и тепла, покуда
Я испытать его не пожелаю.
Все это свято я блюла. И вот,
Когда настало время, в мраке дома
Натерла я мой плащ, клочок шерсти вырвав
690 У нашей же овцы, затем сложила
И схоронила в ящичке, как сами
Вы видели: луч солнечный его
И не коснулся. — А теперь, домой
Вернувшись, неслыханное я вижу
Явленье, выше мысли человеческой:
Тот клочок овечьей шерсти, коим плащ
Я натирала, — бросила случайно
Я в самый жар, на солнцепек. Нагревшись,
Он по земле вдруг растекаться стал,
Теряя вид свой прежний, рассыпаясь,
700 Как сыплются опилки под пилой.
Так он лежит — а где лежал он раньше,
Вскипают комья краснобурой пены,
Как будто кто густую влагу пролил
Плодов созревших Вакховой лозы.
Не знаю, что подумать, — только вижу,
Что страшное я дело совершила.

Ради чего и за какую милость
 Стал бы тот зверь в минуту страшной смерти
 Ко мне, виновнице, благоволить?
 Нет! Он убийце отомстить хотел
 710 И для того мне вкрадывался в душу.
 Теперь я это поняла, но поздно!
 Да, чует сердце: мужа своего,
 Одна из смертных, я свожу в могилу!
 Хирон был богом, да; но и его
 Замучила стрелы отравы этой.
 Всем губительно ее прикосновение;
 Теперь еще через кентавра кровь
 Тот черный яд прошел; ужель Геракла
 Он пощадит? Безумное желанье!
 Но твердо я решила, если он
 720 Оставит свет, под тем же пасть ударом —
 Невыносимо жить в бесславье той,
 Которой честь всех жизни благ дороже.

К о р и ф е й

Явлениям грозным страх — обычный спутник;
 Все ж до исхода не теряй надежды.

Д е я н и р а

Кто замыслы безумные взлелеял,
 Тому надежда сил не придает.

К о р и ф е й

Но если кто невольно виноват,
 Того прощают — и тебе простится.

Д е я н и р а

Так не участник горя рассуждает,
 730 А тот, кто сам беды не испытал.

К о р и ф е й

Речь прекрати, коль сыну ты не хочешь
 Ее доверить: с поисков отца
 Он возвратился и сюда спешит.

Стремительным шагом входит *Г и л л*.

Г и л л

О мать моя! Уж лучше б я не встретил
 Тебя живой; иль матерью другого
 Ты б стала; иль безжалостное сердце
 На лучшее бы променять могла!

Д е я н и р а

За что, мой сын, ты так жесток ко мне?

Г и л л

За то, что мужа... да! что моего
740 Родителя сегодня ты убила!

Д е я н и р а

Что говоришь, дитя мое! Опомнись!

Г и л л

То говорю, чего уж не исправить.
Былого не вернешь ты в небытье.

Д е я н и р а

Откуда эта весть? С чьих слов, мой сын,
Меня винишь ты в столь несчастном деле?

Г и л л

Я видел сам тяжелые мученья
Отца; не нужен мне язык чужой.

Д е я н и р а

Где ж ты нашел, где встретил ты его?

Г и л л

Ты хочешь знать? Наслушаешься вдоволь.
760 Когда с похода славного домой
Он возвращался, город взяв Еврита,
И вел с собой победные трофеи
И первенцы добычи для богов, —
Есть мыс Евбеи; с двух сторон его
Морской колеблет вал; зовут Кенеем, —
Там Зевсу он родителю алтарь
Отмежевал и лиственную рощу.
Впервые там увидел я его
И в радости с тоской своей простился.
Уж к жертве он обильной приступит
Сбирался — вдруг его глашатай Лихас
Вернулся из дому, твой дар неся,
Плащ смертоносный. Он его надел,
Во всем наказу твоему послушный,
760 И в нем быков двенадцать непорочных
Заклал, почин добычи; всех же сто
Голов скота различного привел он.
Вначале он с душою просветленной
Мольбы, несчастный, возносил к богам,
Одежде новой радуясь. Когда же
Огонь священной жертвы разгорелся
В борьбе и с кровью и с древесным соком, —
Пот выступил на теле у него,
И по суставам плащ к нему прильнул

- Везде вплотную, точно столяром
Прилаженный. Вдруг бешеная боль
770 Встрясла его, проникши в мозг костей,
И стала грызть кругом себя отрава,
Как яд грызет гадюки ненавистой.
Тут крикнул он глашатая-беднягу,
В злодействе неповинного твоём, —
С каким коварным замыслом тот плащ он
Ему принес? В недоуменье Лихас
Сказал, что твой и только твой — вручил
Он дар ему, приказ твой исполняя.
Едва услышал эти он слова,
И судорога в легкие внезапно
Ему вонзилась болью беспощадной —
Схватил он за ногу его в том месте,
Где голени вращается сустав,
И бросил о скалу, что среди моря
780 Его волной обрызгана кругом.
Разбился череп надвое, и белый
Потек с волос облитый кровью мозг.
Заголосил народ: двойное горе! —
Смерть Лихаса, безумие Геракла!
К нему никто приблизиться не смел.
Метался он, то вскакивал, то падал,
Со стоном, с ревом; вторили вокруг
Локрийцев склоны горные и скалы
Евбейские. И долго он метался,
790 В стенах долго он вопил, твоё
Неласковое ложе проклиная,
Несчастливая, и свадьбу у Энея,
Которой жизнь он загубил свою.
Но, наконец, средь жертвенного дыма
Подняв свой взор блуждающий, на мне
Остановил его. Стоял в толпе я
И слезы лил. Позвав меня, сказал он:
«Приблизься, сын мой, не бросай больного,
Не бойся гибель разделить мою,
И, если можешь, унеси в пустыню,
800 Где б не увидел смертный глаз меня.
Но если жалость ты ко мне питаешь,
То хоть отсюда увези, хоть здесь
Не дай мне умереть!». Приказ услышав,
Его на дне мы лодки уложили
И переправили сюда с трудом
Безмерным: в корчах он кричал все время.
И скоро вы увидите его —
Живым ли, иль скончавшимся, не знаю.

Ты ж, мать моя, и в замысле преступном
 Уличена и в деле. Пусть за все
 Тебе отмстит карающая Правда
 И грозная Эриния,— коль вправе
 Тебя я проклинать. Но нет! Я вправе:
 810 Ты это право мне дала, убив
 Из витязей храбрейшего — ему же
 Ты равного не встретишь никогда.
Деянира в молчании направляется к дому.

К о р и ф е й

Ты молча удаляешься? Пойми же,
 Молчаньем подтверждаешь ты вину!

Г и л л

О, дайте ей уйти — пускай хоть ветер
 Ее прогонит от очей моих!
 Возможно ли кичиться материнством
 Той, что забыла материнский долг?
 Иди же с богом! Радость же, которой
 Отца ты наградила моего,
 820 Тебе самой я испытать желаю!
 Быстро уходит во двор.
 За ним скрывается в доме и *Деянира*.

СТАСИМ ТРЕТИЙ

Х о р

Строфа I

Сбывается, подруги, на глазах
 То вещее слово,
 Что изрекло в пророчестве старинном
 Само провиденье:
 Когда, истекая, исполнит месяцев двенадцать
 Двенадцатый год испытаний,— отдых он исполнит
 Истому сыну Зевса.
 И правду поведал бог;
 Смежит ему очи смерть —
 Какая ж за гробом служба
 830 Ему предстоит еще?

Антистрофа I

Вы слышали: коварство роковое
 Смертельной сетью
 Его опутало кентавра, мучит
 Отравой яда,

Что смерть родила, воспитал же змей искривокожий.
 Увидит ли завтрашним утром новое он солнце,
 Крови отведав гидры?
 Косматого зверя с ней
 Впились ему в грудь шипы;
 Созрели лихие козни,
 840 И гибельный жар вскипел.

Строфа II

Не поняла глухой угрозы
 Жена несчастная; она
 Предвидела крушение дома,
 Куда влетела, словно вихорь,
 Геракла новая любовь.
 Послушалась она чужого слова
 В минуту встречи роковой.
 Теперь она в горе вся,
 Теперь неутешных слез
 Живые потоки льет;
 850 Свершился рок; предстало пред очами
 Горе без меры.

Антистрофа II

Наружу рвутся слез потоки:
 Увы, Кронидов сын, увы,
 Такая боль вступает в тело,
 Какой от вражеских ударов
 Ты никогда не испытал.
 О ты, копьё, что пламенем зловещим
 Перед Эхалией неслошь!
 Не ты ль привело тогда
 Невесту с далеких гор
 На брак торопливый к нам?
 860 Но все вершила, властвуя воочью,
 Ты, Афродита!

ЭПИСОДИЙ ЧЕТВЕРТЫЙ

Из дома слышен плач.

Предводительница первого полухория
 Ошиблась я? Иль подлинно в чертоге
 Раздался плач — вы слышали, подруги?
Предводительница второго полухория
 Да, точно.
 Глубокой скорби голос к нам несется:
 Недоброй тайны терем этот полн.

Корифей

Ты видишь?

С лицом печальным, с сумрачною бровью
870 Идет старушка вестницею к нам.

Кормилица

(Выходит из дома)

О девы, скольких бед нам стал почином
Дар злополучный, посланный Гераклу!

Корифей

Что нового случилось? Говори!

Кормилица

В последний путь царица Деянира
Отправилась недвижною стопою.

Корифей

Неужто — к смерти?

Кормилица

Ты узнала все.

Корифей

Она скончалась?

Кормилица

Ты вторично слышишь.

КОММОС

Корифей

Несчастливая! Но как она погибла?

Кормилица

Самой горестной смертью.

Хор

880 Как же встретила она эту смерть?

Кормилица

Сама себя убила.

Хор

Что за мысль, что за боль

На смертельное лезвие

Ее, бедную, бросила,

Смерть за смерть: казнь за казнь

Беспощадной свершая рукой

С клинком, несущим гибель?

Ты видела ее в ее гордыне?

Кормилица

Да, видела, как видят, стоя рядом.

Хор

⁸⁹⁰ Как же, как? Молви, расскажи!

Кормилица

Сама в себя вонзила смертный меч.

Хор

Что ты говоришь?

Кормилица

Правду одну.

Хор

Накликала, накликала
Всесильную Эринию
Невеста новоявленная на нас!

Кормилица

Да, это так. И если бы ты рядом
Стояла, был бы плач еще больней.

Корифей

И женская не дрогнула рука?

Кормилица

Увы! послушай и суди сама.

⁹⁰⁰ Она одна вошла под сень чертога;
Когда же сына во дворе она
Увидела — он мягкими коврами
Носилки настлал, чтоб их отцу
Навстречу вынести — в свои покои
Она ушла, от глаз людских спасаясь.
Там припадала к алтарям она
И плакала, что уж никто не будет
У них молиться; плакала, касаясь
Той утвари, что ей дотоль служила.
Вперед, назад блуждая по покоем,
То с тем встречалась, то с другим она

⁹¹⁰ Из милых слуг — и из очей ее
Струились слезы; и о доле горькой
Она своей скорбела, и о доме,
Чужой отныне прихоти подвластном.

Затем умолкла. Вдруг в порыве быстром
В Гераклов терем мчится. Я в тени
Слежу незримо. Вижу, одеяла
Она бросает на Геракла ложе.

Устав его, сама поверх садится
 И, волю дав потокам слез горючих,
 920 «Прости,— сказала,— брачный терем мой,
 Прости навеки; уж не примешь боле
 Ты ввечеру под сень свою меня!»
 Сказавши так, руки движеньем страстным
 Расстегивает плащ она в том месте,
 Где на груди застежка золотая
 Красуется, и разом обнажает
 Бок левый и плечо. В испуге я
 Бежать пустилась, сколько сил хватало,
 Чтоб о недобрых замыслах ее
 Поведать Гиллу; но пока туда
 И вместе с ним обратно я бежала —
 Беда свершилась: застаем ее
 930 Мечом двуострым в сердце пораженной.
 Сын завопил: ведь это сам ее
 Он в гневе натолкнул на злое дело.
 Узнал к тому ж, хоть поздно, от домашних,
 Что нет вины на матери, — она
 Доверилась внушению Кентавра.
 Тут юноша несчастный уж не мог
 Утешиться: без устали он с плачем
 Мать призывал, в уста лобзал немые,
 На труп упал со стоном, проклиная
 940 Свои упреки прежние. Кричал,
 Что сиротой он полным стал, отца
 И матери в единый день лишившись.
 Вот весть моя. Безумен, кто вперед
 На пару дней загадывать берется;
 Не существует завтра для тебя,
 Пока безбольно не прошло сегодня.

(Уходит в дом.)

СТАСИМ ЧЕТВЕРТЫЙ

Х о р

Строфа I

Дань слезы кому воздам?
 Чаша горя где полней?
 Тяжко, тяжко мне судить!

Антистрофа I

950 Скорбь пришла под этот кров,
 Новой скорби с моря ждем.
 Здесь иль там — не все ль одно?

Строфа II

Ах, пусть бы внезапный вихрь
 На нас с утесов фессалийских грянул,
 На бурных крыльях вдаль отсюда нас унес!
 О Зевса многославный сын!
 Боюсь умереть от страха,
 Тебя завидя лишь среди нас!
 А уже говорят, что несут тебя к нам,
 960 Томимого злою болью —
 Чудо выше чуда.

Антистрофа II

Ах, близкого горя песнь,
 Как соловей тоскующий, я пела!
 Печальным шагом к нам чужая рать идет.
 Куда несут его? С какой
 Заботой влекут бесшумно
 Тяжелых поступь ног они!
 Ах, безмолвно лежит он у них на руках!
 970 Что с ним? Неужто он умер!
 Иль во сне забылся?

ЭКСОД

Войны вносят находящегося в забвенье *Геракла*.
 Его сопровождает старый слуга.
 Навстречу им из дома бросается *Гилл*.

Гилл

О отец мой, о горе, не стало тебя!
 Как мне быть? Что мне делать? О горе!

Старик

Ах, умолкни, мой сын! Не тревожь, не буди
 Беспощадную боль в разъяренном отце.
 Он не умер еще: закуси же уста
 И молчи.

Гилл

Что сказал ты? Не умер?

Старик

Не буди ж ты его! Он лежит в забвенье.
 980 Пусть оставит его хоть на время, дитя,
 Ненавистный недуг.

Гилл

Ах, не в силах нести
 Это горе я: сердце заняло.

Г е р а к л
(просыпаясь)

О Зевс!
Где, в какой я стране? Что за люди меня,
Истощенного вечною болью, несут?
О несчастная доля страдальца!
А! грызет ведь, проклятая, снова!

С т а р и к
(Г и л л у)

Не полезней ли было молчанье хранить?
990 Ты развеял завесу целебного сна
Ему с вежд и главы!

Г и л л

Захлестнуло меня
Несказанного зрелища горе.

Г е р а к л

О ступень роковая, кенейский алтарь!
Как почтил я тебя — и какую за честь
Отплатил ты мне ласчой! О горе!
О, в какое посмешище, Зевс, мой отец,
Обратил ты меня! О, погибнуть бы раз
И не видеть себя

В иступления дикого цвете!
1000 Где тот знахарь лихой, где тот опытный врач
Столь искусной руки, что болезнь бы мою
Против Зевсовой воли сумел усыпить?
Это в сказках лишь бают старинных!

Строфа

А! а! боль грызет!
О, дайте же мне,
О, дайте почить,
Почить смерти сном!

(*С т а р и к у, старающемуся его удержат*)

Ах, куда ты так больно меня наклонил?
Ты погубишь меня!
Взбередил ты зажившие раны!
1010 Боже! Вцепилась опять, шевелится, грызет. Вы откуда
Родом, Эллады сыны недостойные? Вам посвятил я
Жизнь безотрадную всю, и моря очищая и земли;
Сломлен я болью теперь — и никто протянуть мне
не хочет
Нож или светлый огонь и спасти от мучений жестоких!
Отсеките ж главу мне, ударом одним
Ненавистную жизнь отнимите!

С т а р и к

(Г и л л у)

Мужа болящего сын, мою мощь превышает обуза,
 Сам ты отца придержи: ты моложе и много сильнее.
 1020 Мне помоги, я прошу.

Г и л л

Придержать я родителя в силах.
 Но чтобы боль усыпить, ни наружного средства
 Я, ни благого питья; такова уже Зевсова воля!
 не знаю

Г е р а к л

Антистрофа

Мой сын, где ты, где?
 Ты здесь, здесь меня
 Своею рукой
 Коснись, здесь держи.
 Она прыгнула снова и снова впилась,
 Она губит меня,
 1030 Неприступная, дикая язва!
 Новые пытки, Паллада, Паллада заступница! Сын мой,
 Ты хоть отца пожалей: обнажив в благочестья порыве
 Меч, под ключицей ударь, исцели ненавистную рану,
 Матери дело твоей — о, увидеть ее мне паденье
 1040 Так, да, именно так, как меня лиходейка сразила:
 О родителя брат, о Аид дорогой,
 Упокой ты меня,
 Упокой быстрокрылою смертью.

К о р и ф е й

Как страшны эти стоны, дорогие!
 Такой боец такой измучен болью!

Г е р а к л

О, сколько зол — о них и речь ужасна —
 И на руках и на плечах я вынес!
 Но никогда ни Зевсова супруга,
 Ни ненавистный Еврисфей таким
 Страданиям меня не обрекали,
 1050 Как ныне дочь Энеева — она
 С ее притворной кротостью во взоре!
 Она мне плащ прислала смертоносный,
 Эриниями сотканный в аду;
 И этот плащ, прильнув к моим бокам,
 Разрушил плоти внешние покровы,
 Все жилы легких высосал, и ныне

Уж кровь точит из недр моих живую.
Я весь истерзан, искалечен весь,
Незримыми опутанный цепями.
И кто ж мой враг? Не рать на поле брани,
Не исполинов земнородных племя,
Не дикий зверь, не кто-либо из сильных,
1060 Будь эллин, варвар он, иль кто другой,
На всем пространстве матери-земли,
Которую, скитаясь, я очистил;
Нет, женщина, бессильная, одна
Меня рукой сразила безоружной!
 О сын мой! Будь воистину мне сыном!
Пред материнским именем пустым
Не преклоняйся; выволоки сам
Ее из дома и мне в руки дай,
Дабы я знал, мои ль тебе мученья
Внушают жалость, или лик постылый
Преступницы пред справедливой карой.
1070 Решись, мой сын, и пожалей меня!
Уж я ль не жалок! Точно дева с криком
Я слезы лью. А ведь никто не скажет,
Что слышал раньше плач из уст моих;
Я всякую беду встречал без стога,
Таким я был — и женщиной вдруг стал я!
 Но нет: приблизься, стань со мною рядом
И посмотри, какой ужасной язвой
Так обессилен я: сорву покров!
1080 Смотрите все на бедственное тело!
Вы видите, как я истерзан весь!
 А! Горе, горе мне!
Опять взъярилась судрожная боль
И в грудь впиалась; не терпит без мучений
Меня проклятый, гложащий недуг.
 Возьми меня, царь Аид!
 Ударь в меня, Зевсов луч!
Молю, владыка: пламенем перуна
Испепели меня! Опять она
Грызет, терзает, рвет... О руки, руки,
1090 Хребет и грудь, о мышцы дорогие!
Своей лихою мощью вы когда-то
Насельника Немеи, пастухов
Губителя, чудовищного льва
Неслыханно жестокого сразили!
И гидру Лерны, и надменный род
Двуобразный кентавров беззаконных,
И зверя Эриманфского, и пса
Трехглавого, который необорен,

Ехидною рожденный для Аида,
 И стража-змея, что у грани мира
 1100 Плоды златые юности берег —
 О сколько подвигов исполнил я,
 И нет того, кто б надо мной гордиться
 Победными трофеями дерзнул.
 А чем я стал? Издерганы все жилы,
 В лохмотьях кожа свесилась, и весь
 Опустошен я язвою незримой!
 И это я, сын доблестной Алкмены,
 Я, сын царя обители надзвездной!
 Но знать должны вы: пусть я изничтожен,
 Пусть пригвожден, — и этих сил мне хватит,
 Чтоб отомстить изменнице своей!
 Пусть подойдет, и все кругом узнают,
 1110 Что мстить умел врагам своим Геракл
 И в жизни дни и в час кончины лютой.

К о р и ф е й

Как загрустишь ты, сирая Эллада,
 Столь доблестного мужа потеряв!

Г и л л

Своим молчаньем дал ты мне возможность
 Тебе ответить, мой отец. Послушай,
 Хоть ты и болью удручен; просить же
 О справедливом лишь я деле буду.
 О, не смотри так гневно на меня!
 В волнение ты не различишь обмана
 Отрады ложной и напрасной злобы.

Г е р а к л

1120 Сказав, что надо, замолчи. Я болен:
 Мне мудрствований не понять твоих.

Г и л л

Хочу сказать о матери своей,
 Ее судьбе, ее вине невольной.

Г е р а к л

О выродок! Ты матери печальник,
 Той, что отца убила твоего!

Г и л л

Да, матери; теперь молчать не время.

Г е р а к л

Ты прав; греха ее не замолчишь.

Гилл

О новом деле я хотел поведать.

Геракл

Изволь, но помни благочестья долг.

Гилл

1130 Смерть незадолго приняла она.

Геракл

От чьей руки? Звезда блеснула в мраке!

Гилл

От собственной; никто тут не причастен.

Геракл

Увы, мою опередила месть!

Гилл

Узнавши все, от гнева отречешься.

Геракл

Чудная речь; но все же объясни.

Гилл

Она ошиблась в замысле благом.

Геракл

Отца убийство благом ты считаешь?

Гилл

Она приворожить тебя хотела,
Увидев в доме новую невесту.

Геракл

1140 И кто в Трахине столь искусный знахарь?

Гилл

Кентавр когда-то Несс ей посулил
Твою любовь вернуть чудесным зельем.

Геракл

Что ты сказал? О я погиб, погиб,
Навеки солнце для меня зашло.
Теперь я понял смысл моих страданий!
Скорей, мой сын — отца уж потерял ты —
Ко мне всех братьев призови, ко мне
Несчастную Алкмену, что напрасно
Избранья удостоилась Кронида.
Я завещать вам должен слово бога,
1150 Последнее сказание мое.

Гилл

Ах, мать твою хранит Тиринф надбрежный;
 Твоих детей при ней же часть живет,
 Другие в Фивах: налицо лишь я,
 Отец мой; все, что должным ты считаешь.
 Я и услышать и свершить готов.

Геракл

Послушай же. Теперь настало время
 Мне убедиться, по какому праву
 Геракла сыном ты слывешь. Внимай.
 Давно отцом объявлено мне было,
 1160 Что пасть мне от живых не суждено,
 А от того лишь, кто, изведав смерть,
 Стал жителем Аидовой юдоли.
 И вот кентавр, во исполнение слова,
 Меня живого мертвый погубил.

Узнай еще, как с откровеньем древним
 Недавнее пророчество сошлось.
 Его со слов я записал священных
 Многоязычного отцова дуба,
 Вошед в нагорную обитель Селлов,
 Что на земле покой вкушают голой.
 1170 Он обещал мне отдых от трудов
 В тот самый день, что ныне жизнью дышит.
 На счастье лелеял я надежду,
 А отдых значил смерть, — и это верно:
 Ведь от трудов лишь мертвые свободны.

Ты видишь, все сбывается, как должно;
 Будь же отцу помощником, не жди,
 Чтоб гнев в устах моих разбушевался:
 Сам уступай, сам помогай отцу,
 Являя всем прекраснейший на свете
 Сыновнего почтения пример.

Гилл

1180 Меня пугает речь твоя, отец;
 Твою же волю я исполню свято.

Геракл

Сперва десницу протяни твою.

Гилл

К чему залога требуешь такого?

Геракл

Скорее дай! Ужель непослушанье?

Гилл

Бери ее: не буду прекословить.

Геракл

Отца главой теперь мне поклянись —

Гилл

В чем клясться мне? Предмет указан будет?

Геракл

В том, что исполнишь веленное дело.

Гилл

Клянусь, отец мой; Зевс свидетель мне.

Геракл

За нарушение кару призови.

Гилл

¹¹⁹⁰ Готов призвать, хоть клятвы не нарушу.

Геракл

Вершину знаешь Эты, царство Зевса?

Гилл

На ней не раз я жертвы приносил.

Геракл

Туда ты должен, на руках своих
И избранных друзей, большое тело
Перенести мое; затем, срубивши
С дубов высокоствольных много сучьев
И много диких вырубив маслиц,
Воздвигнуть ложе страждущему телу.
И, в руки взяв сосны смолистой факел,
Зажечь костер. Заупокойных жалоб
¹²⁰⁰ Я не хочу; без слез, без стона должен,
Коль ты мне сын, обряд весь совершить.
Не уклоняйся — иль из тьмы Аида
Тебе я грозен буду навсегда.

Гилл

Что ты сказал? Что повелел мне? Горе!

Геракл

То, что исполнить свято ты обязан,
Когда моим ты хочешь сыном слыть.

Гилл

О горе, горе! Ты велишь, отец мой,
Твоим убийцей нечестивым стать!

Г е р а к л

Нет, сын мой, нет: спасителем единым,
Мучений исцелителем моих.

Г и л л

1210 Я ль, поджигая, исцелю тебя?

Г е р а к л

Боишься жечь? Сверши хоть остальное.

Г и л л

Перенести тебя согласен я.

Г е р а к л

Так; а костер приказанный воздвигнуть?

Г и л л

Лишь бы своей рукой не прикоснуться;
Во всем другом служить я не устану.

Г е р а к л

Теперь еще одну мне окажи
В придачу к большей меньшую услугу.

Г и л л

И от великой я не уклонюсь.

Г е р а к л

Ты знаешь деву — дочь царя Еврита?

Г и л л

1220 Ты об Иоле, мнится, говоришь?

Г е р а к л

Ты угадал. Запомни же о ней,
Мой сын, моей последней воли слово.
Когда меня не станет, ты ее —
О долге благочестия радея
И клятву помня, что отцу ты дал —
Возьми женой. Не будь неблагодарным,
Не дай чужому разделить с той ложе,
Что у моей груди вкусила сон;
Нет, для себя ты этот брак храни.
Послушайся; награду важной службы
Не разрушай отказом в небольшой.

Г и л л

1230 Ах, нечестив на страждущего гнев;
Но как с такой мне примириться волей?

Геракл

Ответ твой несогласием звучит!

Гилл

Ее ль, что смерти матери моей
Причиной стала и твоих страданий,
Ее ль мне взять? Да разве дух безумья
В меня вселился? Лучше уж и мне,
Отец мой, умереть, чем жизни бремя
С женою ненавистною нести!

Геракл

Не хочет, вижу, этот человек
Исполнить умирающего волю;
Не забывай же, что богов проклятье
1240 За твой отказ нависнет над тобой!

Гилл

Боюсь я, говоришь ты, как безумец!

Геракл

Зачем будить заснувшей раны ярость?

Гилл

О я несчастный! Нет нигде исхода!

Геракл

И поделом: отцу перечишь ты.

Гилл

Ты ль мне, отец, нечестия учитель?

Геракл

Нечестье ль — сердце усладить мое?

Гилл

Ты подлинно велишь мне это сделать?

Геракл

Да, я велю; свидетелями боги.

Гилл

Тогда — изволь. Но боги знать должны,
1250 Что это — твой приказ. Дурным не стану,
Тебе, отец, почтенье оказав.

Геракл

Спасибо за конец. Теперь же, сын мой,
О скором исполнении прошу,
Чтоб, не дождавшись судорог и корчей,
Ты упокоил на костре отца.

(Свите)

Скорей, друзья! Там будет исцеленье,
Последний отдых вашего вождя!

Г и л л

Препятствий нет; с усердием исполним
Твое желанье — твой приказ, отец.

Г е р а к л

А теперь, пока вновь не взъярилась болезнь,
1260 Мой бестрепетный дух, удила на язык
Наложу мне стальные и крик задуши;
Пусть покажется всем, что на радость себе
Ты свершишь подневольное дело.

(Опускается на носилки.)

Г и л л

Поднимайте, друзья; вы великое мне
В том дадите свидетельство; вы и богов
Уличите в великой неправде, — богов,
Что отцами слынут и спокойно с небес
На такие мученья взирают.
1270 О грядущем судить не дано никому.
Настоящего ж облик печален для нас
И позорен для них; но из всех тяжелей
Он тому, кто несет
Несказанного бедствия бремя.

Погребальное шествие направляется в путь.

К о р и ф е й

(к остальному хору)

Разойдемся же, девы, и мы по домам.
Вы ужасную только что видели смерть,
И страданья, и муки, и новую боль.
Но во всем была Зевсова воля.

Х о р покидает оркестру.

СЛЕДОПЫТЫ

Действующие лица:

Аполлон *Киллена, горная нимфа*
Силен *Хор сатиров*

*Действие происходит перед пещерой,
находящейся в горе Киллене, в Аркадии.*

ПРОЛОГ

Аполлон

-
7 Сим объявляется [богам и] смертным:
[Я, Аполлон, сын Зевса,] обещаю
.....
10 [Притом сейчас же, а не] в срок далекий,—
[Тому, кто] гнет невыносимый с сердца
[Мне снимет] ... дойные коровы
Из стойл моих исчезли, и вотще
Я их выслеживаю. Кто-то тайно
С неслышанною хитростью увел их
От яслей далеко...
Не думал я, чтоб кто-нибудь из смертных
И даже из богов такое дело
Свершить отважился. [Узнав о нем,]
Я в огорченьи страшном на разведки
Отправился и всем богам и смертным
О нем поведал — чтоб никто незнаньем
20 Не мог отговориться...
Я странствую по свету в исступленье.
Все племена на свете обошел
.....
34 [И вот в земле] дорийской...

.
 38 Пришел, помощников [ища]
 Киллены. . .
 Кряж неприступный....
 Я объявляю всем: и овчарам,
 И землепашцам, [и покрытым сажей]
 40 [Угольщикам,] и горных нимф исчадьям
 [Звероподобным] — кто бы ни был здесь
 Свидетелем беседы нашей: знайте!
 Кто мне вернет [излюбленное стадо,]
 Тому награду приготовил я.

На призыв *Аполлона* является *Силен*.

Силен

О Феб, едва услышал я твой голос —
 А прозвучал он громко, что труба,—
 Без промедления сюда примчался
 Я, не жалея старых ног своих.
 Тебе услугу оказать хочу я,
 Чтоб нас связала дружба: вот причина
 50 Поспешности моей. Тебе все дело
 Я выслежу... А все-таки то золото
 Ты приготовь. Я более всего

 Да и детей моих глаза [надежны].
 [Их прихвачу я] — коль согласен ты
 Нам обещание свое исполнить.

Аполлон

Исполню свято; ты ж свое исполни!

Силен

[Коров я приведу;] не где ж награда?

Аполлон

57 [Находчику] вручу ее сполна.

Силен

62 О чем это?...

Аполлон

Свободен будешь ты [и весь твой род.]

Исчезает. На свист *Силена* отовсюду сбегаются *сатиры*.

ПАРОД

Х о р

.....
 Дружно все сюда!
 Чтобы ног следы.....
 Апапапапай!....
 Эге-ге, тебя....
 Эй, ищи воров...
 Вверх по пастбищам...
 70 Совершая путь...
 Зов отцовский...
 Как бы набрести [легкой] поступью
 На неясный [след] похищения!
 Жизнь свободную, жизнь привольную
 Даст удача всем, и отцу, и нам.
 Будет другом бог; он работу дал —
 Пусть же вместе с ней и в награду нам
 Засияет блеск злата ясного.

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

С и л е н

(глядя на суетящихся сатиров)

О боги! О судьба! О кормчий демон!
 80 Да будет счастлив ваш усердный бег!
 Да выследит с добычей он и вора,
 Что Аполлона дерзко обокрал.
 Коль есть тому иль послух, иль свидетель,—
 Мне будет другом, помощь оказав,
 И Феб-владыка службы не забудет.

Х о р

С и л е н

91 Что, есть охотник? — Иль [никто не видел?]
 [Самим нам,] видно, [весь исполнить труд.]
 Итак, за дело все! [Совет мой:] нюхом
 [Сначала запах] в воздухе ловить,
 Впивая в ноздри ветерок [залетный,]
 Затем, на корточках, [лицом земли]
 Почти касаясь, [отпечатков слабых]
 И обонянием искать, [и взором.]
 Полезно все, что к цели нас ведет.
 (Удаляется. Сатиры принимаются за розыск.)

Первый сатир

¹⁰⁰ То бог, то бог, то бог! Ура, ура!
Открыли след мы!.. Стой! [Смотри, затопчешь!]

Второй сатир

Да, это те коровии следы.

Первый сатир

Сам бог ведет команду нашу; тише!

Второй сатир

Ну, что, товарищ! Долг исполнен нами?

Первый сатир

Что скажет та артель?

Третий сатир

И очень даже:

Улик яснее этих не найдешь.

Смотри, смотри!

Вот новый след воловьего копыта.

Ты видишь, да?

Второй сатир

¹¹⁰ С ним совпадает отпечаток прежний.

Первый сатир

Итак, бегом!

.

Как только уха их коснется свист.

Свистит.

Корифей

Их голоса расслышать не могу я;

А все же ясно: их следы нашли мы,

И ими здесь протоптана тропа.

А это что?

Здесь, видит Зевс, направлены обратно

Следы; назад глядит копыто: так ведь?

¹²⁰ Что это значит? Кто ведет так стадо?

Переднее здесь задним стало, видишь?

Противных направлений сплетены

Между собою отпечатки; право,

У волопаса помутился ум.

Из глубины пещеры раздается внезапно игра на неизвестном для *сатирос* инструменте — лире. *Сатиры*, пораженные ужасом, падают на землю и в этом положении остаются неподвижно до конца игры.

С и л е н
(возвращаясь)

А это что за новая уловка?
Кто так следит, плашмя на землю пав?
Не понимаю вас. Что это значит?
Так робкий еж в кустарниках лежит,
Так обезьяна, притаившись, злобу
На супостате выместить своим
Готовится; но вы? В какой земле
Вас научили этому? Скажите!
130 В подобных хитростях несведущ я.

Х о р
У! у! у! у!

С и л е н
Что [это? Стоны?] — Что вас напугало?
Что вы увидели? Где разум ваш?
Иль пустельгу вы выследить хотите?
Что ж вы безмолвны, болтуны мои?

К о р и ф е й
[Отец, молчи!]

С и л е н
Да в чем причина страха, не пойму.

К о р и ф е й
[Так слушай! Чу!]

С и л е н
И слушать нечего; кругом молчанье.

К о р и ф е й
140 Тогда поверь!

С и л е н
От вас мне помощи не будет, верю!

К о р и ф е й.
Узнай же дело. Времени немного
Прошло... тут звук раздался, странный, страшный —
Такого никогда никто не слышал.

С и л е н
Как? Звука испугались вы? Из воска
Вас вылепили, что ли? Негодяи,
Зверье проклятое! Везде вам страхи
Мерещатся, чуть шелохнется куст!
Лишь к рабской, дряблой, недостойной службе

150 Вы приспособлены, и только мясо
 Я вижу в вас, да языки, да... будет!
 Нужда нагрянет — на словах всегда вы
 Надежны, а дойдет до дела — трусы!
 Таков ли был, негодное отродье,
 Родитель ваш? О, сколько славных дел
 Свершил он в юности! О них поныне
 В пещерах нимф трофеи говорят.
 Он не о бегстве думал, не о страхе;
 Он не пугался голосов невинных
 Пасущихся на горных склонах стад!
 Он подвизался силой рук своих.

И этот блеск — его вы загрязнили!
 Из-за чего? Из-за пустого звука
 160 Какой-то новой песенки пастушьей.
 Ее вы, точно дети, испугались,
 Еще не видя, кто ее певец,
 Забыв о светлом, золотом богатстве,
 Обещанном от Аполлона нам,
 И о свободе, вам и мне сулимой.
 На все рукой махнули вы — и спите!
 Довольно! Встаньте — и за дело! Стадо
 Извольте выследить — и пастуха.
 Не то — из вас я трусость выбью, знайте!

К о р и ф е й

Будь нам и ты товарищем, отец;
 170 Тогда увидишь, были ль мы трусливы.
 Сам скажешь ты, что ты кругом неправ.

С и л е н

Согласен. Сам я натравлять вас буду
 Ловецким свистом, как борзых. Итак,
 Выстраивайся в три шеренги, живо!
 А я, ваш вождь, от вас не отойду.

СТАСИМ ПЕРВЫЙ

Х о р

Улю-лю, улю-лю! Пст, пст! А, а,
 Что хлопчешь, скажи!
 Пустолайка, что зря заливаешься? А,
 Ты мне знак подаешь: он вблизи!
 Вот он! Сразу поймался зверь,
 180 Пойман, пойман он! Не уйдешь теперь!
 Ты уж мой, полезай!
 Что еще за беда?..

Ты, Глазун! Ты, Хватун!...
 Эй, Хвостатый, сюда!...
 Сбился ты...
 Эй, куда понесло?...
 Да прямее держи!...
 Вот тропа...
 Ну, Вояка, Вояка...
 190 Все за мною, сюда...
 Вот коровы, награда...
 Эй, Певун, не плошай!...
 Что за радость нашел?...
 То ли дело Бегун!
 По уставу бежит...
 Настигай, настигай!
 Оппопой! Ах, подлец...
 Уливнуть ты собрался?...
 200 Мне в неволе остаться...
 Да смотри, чтобы в сторону...
 Заходи, настигай, застигай...
 Мы ж с боков удержать...

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

Из пещеры снова раздается игра на лире.

К о р и ф е й

Что ж ты молчишь, отец? Мы были правы!
 Ты слышишь звуки? Иль совсем оглох?

С и л е н

Молчи!

К о р и ф е й

Да что ты?

С и л е н

Будь здоров!

К о р и ф е й

Останься!

С и л е н

Благодарю! Нет, ты один, как знаешь,
 Ищи, выслеживай и богатей,
 Возьми коров, и золото, [и свободу,—]
 А мне довольно...

(Убегает.)

К о р и ф е й

210 Никак нельзя...
Отлынивать!...
Узнать сначала надо...

Х о р

Эй! ...
Звуки эти льешь...

.
Прибыль в дом твой потечет ...

К о р и ф е й

.
...Но я его, будь он и глух, заставлю
Услышать нас. Давайте дружно, громко
Шуметь, брыкаться, кувыркаться, землю
220 Прыжками сотрясать и стуком ног.
Хор исполняет бурную деревенскую пляску.

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

На шум из пещеры выходит нимфа *Киллена*

К и л л е н а

Что это, звери? Дело ли, чтоб ревом
Зеленый холм наш, дикую дубраву
Вы оглашали? Кто ведет себя
Так непристойно? Так ли раньше вы
Радением владыке угождали?
Он впереди, небриду свесив с плеч,
Игривым тирсом потрясали руки;
За ним — и вы, и нимф родимых рой
С безумной пляской, с криками восторга.
А ныне? Не пойму. Безумьем новым
230 Сменилось прежнее — так странно было
То, что я слышала. Как будто клики
Охотников, что натравляют псов
На свежий след и логовище зверя;
И тут же...
За кражу поносили вы кого-то.
Затем опять глашатаями
. объявляли мне.
И вдруг, забыв
Вы с [криком, шумом,] топотом звериным
Приблизились к обители моей.
Услышав неприличный...
240 . . . что в дикой этой пляске

Вы разума лишились. Не пойму.
 бесхитростную нимфу?

Х о р

Строфа I

О, красавица-нимфа...
 Не с враждою....
 Ты обидного звука...
 Неурочного слова от нас.
 Прекрати же и ты [укоризны]
 250 И с душой разъясненной [поведай,]
 [От кого] этот наигрыш дивный,
 Что в дубраве пред тем прозвучал?

К и л л е н а

Вот так-то лучше...
 Звериные повадки...
 Наскоков...
 Для нимфы; мне...
 Пронзительно...,
 Итак, теперь поведайте спокойно,
 Что за нужда сюда вас завела?

К о р и ф е й

Могучая Киллена, этих мест
 Владычица! Зачем мы здесь, об этом
 Речь впереди; теперь же научи нас,
 260 Что значит этот звук, что к нам донесся?
 Какого мужа знаменует он?

К и л л е н а

Самим вам ведать твердо надлежит,
 Что, разглашая весть мою, вы кару
 На головы накличете свои.
 Об этом деле в вече олимпийском
 Молчание хранится, чтобы Гера
 Случайно не проведала о нем
 ...девы Атлантиды
 ...Зевс вкусил,
 ...ласку
 270 Красавицы-богини позабыв.
 Она ж дитя [в пещере] родила.
 Уход [за ним] моим рукам доверен —
 Ведь силу [матери] болезнь сломила —
 И вот у колыбели день и ночь
 [О пище,] о питье, о сне младенца,
 О пеленании забочусь я.
 А он растет по дням невероятно:

И удивление и ужас мне
 Внушает вид его. Шестой лишь день
 Он видит свет — и ростом уж сравнялся
 280 С цветущим юношей. И в гору все
 Стремится [сила] — удержу ей нет.
 Таков вертепа заповедный плод —
 Младенец, [скрытый] по отца веленью.
 ...а этот звук чудесный
 ...за день один
 ...соорудил...
 Перевернув, на радость
 Такой....
 Наполнил... голосом дитя

Х о р

Антистрофа I

290 Несуразное ...
 Чтоб ребенок...
 Изловив...
 И звучание...

 Изобрел.
 Голос зверя умершего вновь!

К и л л е н а

Оставь сомненья: достоверен слова божьего привет!

К о р и ф е й

Могу ль поверить, чтоб так громко
 голос трупa прозвучал?

К и л л е н а

300 Верь! Был безгласен он при жизни, стал
 лишь мертвый голосист.

К о р и ф е й

Каков же с виду он? Короткий? Или длинный?
 Иль кривой?

К и л л е н а

Короткий, горшковидный, кожей он пятнистою покрыт.

К о р и ф е й

Пятнистой? Значит, вроде кошки? Или, скажем,
 леопард?

К и л л е н а

Огромна разница меж ними: кругл он и коротконог.

К о р и ф е й

Ихнёвмону подобен зверь твой? Иль на рака он похож?

К и л л е н а

Совсем не то; в другом он роде. Дальше, умница,
гадай!

К о р и ф е й

Мы слышали, на склонах Этны водится рогатый жук.

К и л л е н а

Теперь почти попал ты в точку: вот кому
он сроден, да.

С т а р ш и й с а т и р

Но где ж таится сила звука в нем? Снаружи,
иль внутри?

К и л л е н а

310 он на устрицу похож.

С т а р ш и й с а т и р

. Поведай, коли знаешь это, нам.

К и л л е н а

. мальчик лирою зовет.

К о р и ф е й

. добычу . . .

К и л л е н а

. шкурой обтянув.

К о р и ф е й

. сам собою зазвучал?

К и л л е н а

Сначала три стебля приладил, после планку укрепил

325 И вот единственная радость, утешение в тоске
Для мальчика; в пылу восторга песню напевает он
Созвучную: его уносит лиры серебрястый звон.
Так зверю мертвому младенец звучный голос подарил.

Х о р

Строфа II

330 Струится песни звонкий лад,
Что ветер, над горою:
От звуков дивных дивный цвет
Видений расцветает.
Он здесь, блуждания предел!

Твой бог-искусник — знай, жена —
 Он и есть вор наш!
 О, да! О, да! Никто другой!
 А ты прости нас — гневный пыл
 Укроти, нимфа!

К и л л е н а

...какой вам вор приснился?

К о р и ф е й

... молю, не раздражайся!

К и л л е н а

340 [Ты сына Зевса] воровом называешь?

К о р и ф е й

...он и в воровстве своем!

К и л л е н а

[Конечно,] если вымолвил ты правду.

К о р и ф е й

...святую правду.
 ...украд, без всякого сомненья,
 ...одну корову,
приладил,
содрав

.

К и л л е н а

352 ...я поняла вас, наконец;
 ...над глупостью моей
 ...шутки ради
спокойно,
 ...и хочешь выгоду извлечь.
 ...глумись и забавляйся.
ясно сказано,
что Зевсом он рожден.
 ...другую речь придумай.

360 Не от отца он склонность к кражам
не материнский род
 ...ищите вора там,
 Где вы [нужду] бездомную найдете.
 И к роду не пристегивай преступность,
 Которому она не подобает.

А впрочем, — вечно ты дитя. Хоть с виду
 Ты юноша, бородку отпустил,
 А все дурить горазд ты, как козленок.
 Остепенись. Не надоело темя

Плешивое под шутки подводить?
 Кто над богами шутит и смеется,
 370 Заплачет вскорее. Вот вам речь моя.

Х о р

Антистрофа II

Как хочешь, в доводах своих
 Вертись и извивайся,
 Хоть кол на голове теши,—
 Напрасны все старанья!
 Волоньей шкурой обтянул
 Он лиру, да? А вол-то чей?
 Мой ответ: Фебов!
 С него содрал он шкуру, да!
 И с этого пути ты нас
 Не собьешь, нимфа!

.

К и л л е н а

397 Давно пасется стадо...

К о р и ф е й

Но очень многих нынче....

К и л л е н а

Негодник, кто владеет...

К о р и ф е й

400 Кто ж, как не он,— ребенок, что в пещере!

К и л л е н а

Он — Зевса сын; не смей [его порочить!]

К о р и ф е й

Не буду; вы же нам коров [отдайте]!

К и л л е н а

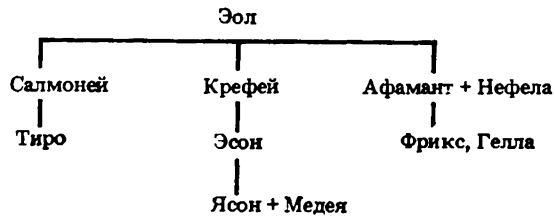
Отстанешь ты с [коровами своими?]

.

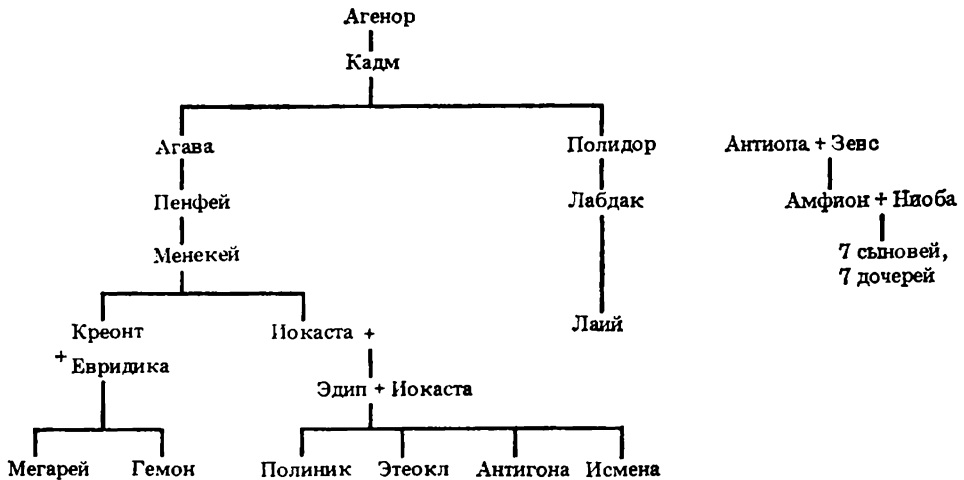

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ, УПОМИНАЕМЫХ СОФОКЛОМ

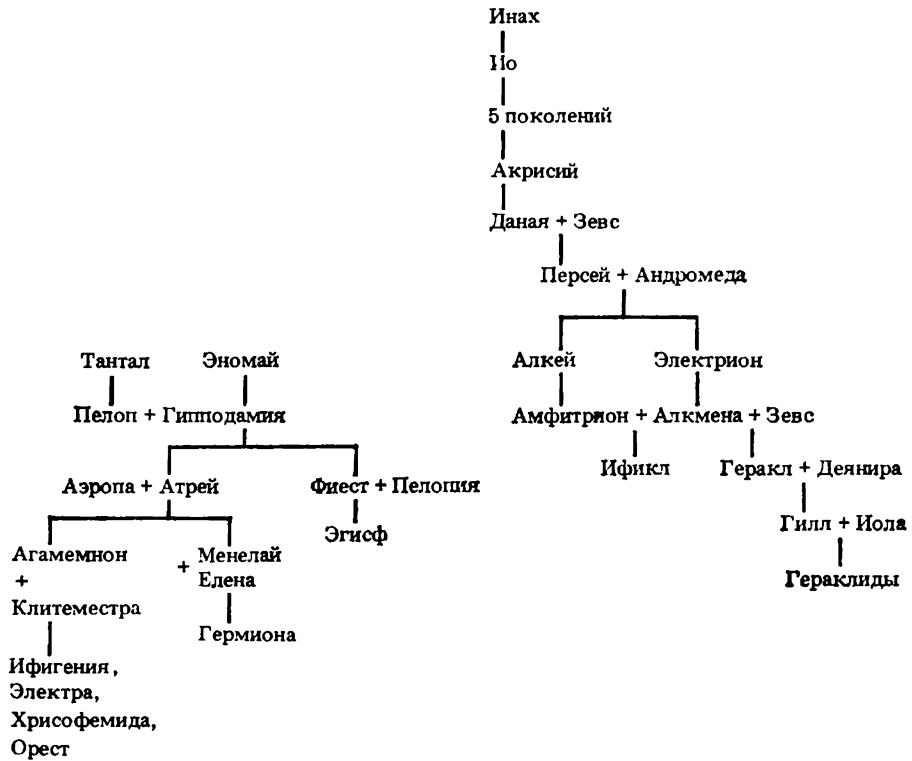
1. К ЦИКЛУ АРГОНАВТОВ

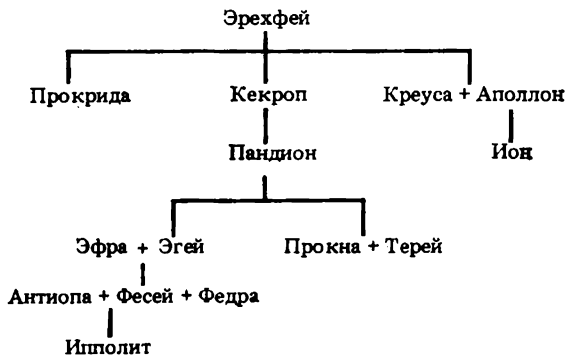
2. К ФИВАНСКОМУ ЦИКЛУ

3. К АРГОССКОМУ ЦИКЛУ

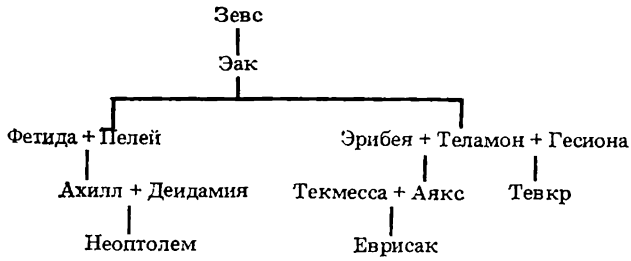

4. К АТТИЧЕСКОМУ ЦИКЛУ

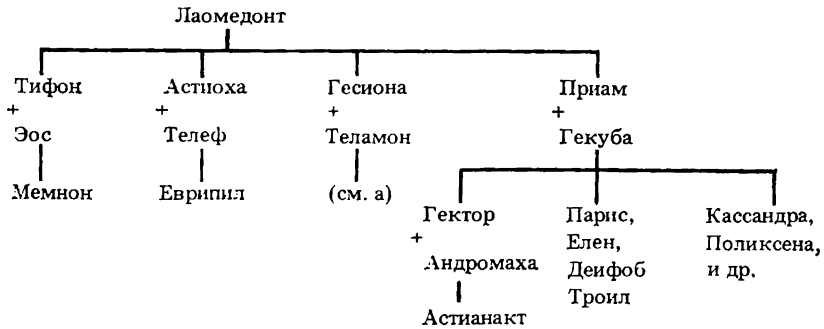

5. К ТРОЯНСКОМУ ЦИКЛУ

а. Ахейцы

б. Троянцы

ФРАГМЕНТЫ

А. ЦИКЛ АРГОНАВТОВ

[Содержание совокупности мифов, положенных в основу трагедий этого цикла, составляло путешествие греческих героев во главе с Ясоном на корабле «Арго» в Колхиду за золотым руном; помощь, оказанная им колхидской царевной Медеей, и история дальнейших взаимоотношений Ясона и Медеи. Что же касается самого золотого руна, то оно оказалось в Колхиде при следующих обстоятельствах. У орхоменского царя Афананта было двое детей от первого брака — Фрикс и Гелла; его вторая жена Иво вздумала их извести. Детей спас баран, с помощью которого они бежали из Орхомена. Переправляясь через пролив, отделяющий Европу от Азии, Гелла упала в воду и утонула (отсюда название Геллеспонт); Фрикс же благополучно добрался до Колхиды (фр. 4) и здесь принес барана, ставшего по воле богов златорунным, в жертву, а шкуру его отдал местному царю Ээту.]

АФАМАНТ

[Под этим названием в античности были известны две трагедии Софокла; одна была связана с изложенной выше историей Фрикса и Геллы, в другой изображалось безумие, овладевшее Афанантом; спасаясь от него, вторая жена с сыном бросились в море (фр. 1), но не погибли, а превратились в морские божества. Сохранились незначительные фрагменты, о которых нельзя даже сказать, к которому из двух! «Афанантов» они относились.]

Одноименная трагедия была у Эсхила (фр. 1—4а), ту же тему обрабатывали в Риме Энний (фр. 128—132; возможно, основой послужила трагедия Еврипида «Ино») и Акций (фр. 155—161).]

- 1(4). Бездомен, без жены и без детей.
- 2(5). Вином, как видно, Ахелой течет.
- 3(6). Что ж, в добрый час.

ФРИКС

[Содержание неизвестно; к циклу аргонавтов отнесена по имени заглавного персонажа.]

- 4(721). Земли предместной здесь предел пути...
- 5(722). Прикончил, как визжащего щенка.

ЛЕМНИЯНКИ

[По дороге в Колхиду аргонавты (некоторые из них названы в фр. 7) сделали остановку на о. Лемносе, где их встретили с оружием в руках местные женщины, истребившие до этого своих мужчин. После ожесточенного сражения произошло примирение, и пришельцы вступили в брак с лемвиянками.]

Одноименная трагедия была у Эсхила (фр. 123а—b, по одному слову).]

- 6(384). О Лемнос! О соседние высоты
Хрисейские!

- 7(386). Адмет, Феретов сын, и муж дотийский,
Лапиф Корон.
8(387). Угрюмой, неприступною ее
Я воспитала.
9(388). Скоро станет дело ясным.

АМИК

[Сатировская драма, названная по имени царя бекриков на Босфоре; всех приезжих он заставлял вступать с ним в кулачный бой и, победив, убивал. Полидевк, один из аргонавтов, одержал над ним верх.]

- 10(111). И журавли, и кобчики, и совы,
И черепахи <там живут>, и зайцы.
11(112). И челюсти ему помягче сделал.

ФИНЕЙ

[Следующий пункт на пути аргонавтов в Колхиду — фракийский город Салмидесс, где царствовал Финей. С ним были связаны два варианта мифа. Согласно первому, по наговору своей второй жены он заключил двух сыновей от первого брака в темницу, где мачеха выколола им глаза. См. Ан. 966 и примеч. Проезжавшие мимо аргонавты освободили заключенных, и находившийся на «Арго» Асклепий вернул им зрение. По другому варианту, Финей убил собственных детей, а на вопрос Зевса, какую кару он предпочитает, — смерть или ослепление, — выбрал второе (фр. 15). Тогда Гелиос наслал на слепого Финей крылатых Гарпий, которые, налетая на приготовленную для слепца трапезу, часть пищи пожирали, а остальное пачкали. Аргонавты прогнали Гарпий, а Асклепий вернул Финею зрение (фр. 16).

У Софокла были две пьесы, названные именем «Финей» (одна из них, возможно, — драма сатиров), причем идентификация достаточно скудных фрагментов остается проблематичной.

Трагедия под тем же названием была поставлена Эсхилом в 472 г. вместе с «Персам» (фр. 258—260.)

- 12(707). Нижэ Боспорская вода у скифов.
13(707а). Вот прядь волос с главы, мне ненавистой.
14(712). Мертвец он,
Египетская мумия на вид.
15(711). Закрыты веки, точно дверь харчевни.
16(710). Был милостив к нему наш врач Асклепий:
Он вновь обрел лучистый свет очей.

ТИМПАНИСТЫ

[В схолии к ст. 980 «Антигоны» указывается, что в «Тимпанистах» шла речь о втором браке Финей. В остальном содержание трагедии неизвестно. Дриму эту показывал в Риме еще в 199 г. н. э. пантомим Л. Аврелий Аполавст из Мемфиса (TrGF 1², p. 344, did 14a).]

- 17(636). И вот она, отраднейшая доля:
Земли достигнуть — и внимать под кровом
Паденью капель дремлющей душой.
18(637). А мы в пещере Сарпедонской кручи...
19(638). Халдей и колх и весь народ сирийский...

КОЛХИДЯНКИ

[Прибывшему в Колхиду Ясону царь Эт поставил условие выдачи золотого руна: он должен был запрячь огнедышащих быков, вспахать поле и засеять его зубами дракона, из которых выросли вооруженные воины (фр. 24). С помощью Медеи, снабдившей его огнеупорной мазью, Ясон сумел обуздать волов (фр. 22 — вероятно, слова Медеи к Ясону). В «Колхидянках» фигурировал мотив убийства Медеей ее малолетнего брата Апсирта, которое упоминается и в еврипидовской «Медее» (1334), поставленной, вероятно, после этой трагедии Софокла. Из античного предисловия к эсхилловскому «Прометею» известно также, что в «Колхидянках» в виде отступления излагался миф о Прометее (фр. 23), — может быть, ему приписывалось изобретение чудодейственной мази.]

20(337). Над Ионийским морем взвился вихрь.

21(338). Удивился б ты,

Лучей златых сияние увидев.

22(339). Клянешься ты воздать за благостыню?

23(340). Вы, знать, не слышали, что Прометей...

24(341). Эт

Что ж? Земнородный не взошел посев?

В е с т н и к

И как еще! Сверкая медью шлемов,
В доспехах медных грозно вырос он
Из лона матери.

25(345). Красною бедр власть Зевса разжигает.

26(346). Хорошо, когда

Долг человека соблюдает смертный.

27(342). В прекрасноопоясанных плащах

Они стояли.

СКИФЫ

[Обратный путь аргонавтов излагался в древние времена по-разному. Согласно одной из версий, они попали в землю скифов, где их нагнал Эт. Вероятно, в трагедии изображался спор или судебный процесс, где сам Ясон или кто-то из друзей Медеи пытался смягчить ее вину — убийство Апсирта, ссылаясь на то, что она и Апсирт произошли от разных матерей (фр. 28). Предполагают, что для римской сцены «Скифов» обработал поэт Акции в трагедии «Медея» (фр. 381—413).]

28(546). Ведь не в одном они зачаты ложе:
Он лишь недавно отпрыском <Неэры>

Родился nereиды, а ее
Уже давно Идия родила,

Дочь Океана.

29(549). Обрывы и утесы и ущелья

Прибрежные.

ЗЕЛЬЕКОПЫ

[Название этой трагедии точнее было бы перевести как «Режущие корни» — речь шла в ней о Медее, нарезающей ядовитые травы (фр. 30). По поводу того, с какой целью она этим занималась, мнения разошлись. Большинство исследователей считает, что Медея готовилась таким образом извести старого царя Пелия, занимавшего престол, который по праву принадлежал вернувшемуся из Колхиды Ясону. Зелинский полагал, что действие трагедии надо отнести к более позднему времени, когда Медея решила отомстить Ясону, готовому бросить ее и жениться на коринфской царевне.]

- 30(534). Отвращая свой взор от работы руки,
Она сок мутно-белый, стекающий с ран
Ядовитого зелья, в сосуд медяной
Осторожно приемлет...
А в ларцах сокровенных хранятся пучки
Ею срезанных трав.
Их она с причитанием громким <в ночи>,
Обнаженная, медным ссекала серпом.
- 31(535). Ты, о Гелий-владыка и пламень святой,
Перекрестков царицы, Гекаты, доспех!
Ведь тобой на высотах Олимпа она
Потрясает, тебя по распутьям несет,
Увенчавши дубовой листвою главу
И плетеньем из змей ядовитых.
- 32(536). Расплавив воск в огне.

Б. ФИВАНСКИЙ ЦИКЛ

[В фиванском цикле объединилось несколько групп мифов: о рождении Диониса от фиванской царевны Семелы; о Ниобе и гибели ее детей; судьбе рода Лаия, неудачном походе семерых вождей против Фив и о разорении города после его повторной осады в следующем поколении. В творчестве Софокла наиболее широкое отражение получили мифы последней группы (в том числе три из семи сохранившихся трагедий).]

АМФИАРАЙ

[Нашедший приют в Аргосе Полиник (см. ЭК. 1301—1307) подкупил драгоценным ожерельем Эрифилу, жену царя-прорицателя Амфиарая, который знал о неудаче, грозящей походу семерых вождей против Фив. С помощью Эрифилы ее брату Адрасту, возглавившему поход, удалось склонить Амфиарая к участию в нем. Античные источники, ссылаясь на «Амфиарая», называют его иногда сатирической драмой, хотя трудно представить себе, какую роль в этой истории могли играть сатиры. Фрагменты достаточно загадочны.]

- 33(113). Моллюск из хора этого пророка.
34(120). От страха побледнел: сдавило сердце.
35(115). Как быть умнее, учит рыбака
Плавник колючий.

ЭПИГОНЫ

[Когда дети погибших под Фивами семерых полководцев задумали повторить подвиг своих отцов, они решили выбрать вождем Алкмеона, сына Эрифилы и Амфиарая, поглощенного землей при бегстве из-под Фив. Между тем, Амфиарай, отправляясь в поход, завещал Алкмеону отомстить Эрифиле, виновной в его смерти, и лишь затем возобновить войну с Фивами. Таким образом, в «Эпигонах» должны были получить отражение приготовления к походу, вынудившие Алкмеона исполнить завет отца и этим самым взять на себя вину матереубийства (ср. фр. 38, 40).

До Софокла миф о походе эпигонов был обработан Эсхилом (фр. 55 и 56); трагедия Софокла послужила образцом для одноименного произведения римского драматурга Акция (фр. 272—294).]

- 36(185). О, что за речь, несчастное дитя?
 37(188). Бесславие завистников толкает
 К позору, а не к доблестным делам.
 38(189). О всех злодейств зачинщица, жена!
 Уж если горе человеку боги
 Судили — не было и быть не может
 Такого зла, как женщина, ему!
 39(190). Не будет впредь он в Аргосе гористом...
 40(187). *Алкмеон*: Ты — брат родной жены-мужеубийцы!
Адраст: А ты — убийца матери своей!

ЭРИФИЛА

[По содержанию трагедия должна была очень близко соприкасаться с предыдущей; если бы составитель позднеантичной антологии Стобей не употреблял оба названия, можно было бы предположить, что «Эрифиле» тождественна «Эпигонам».

От одноименной трагедии Акция уцелел один стих (фр. 326).]

- 41(201a). Язык, какими ты людьми почтен!
 Не теми ли, что выше дел привыкли
 Слова ценить?
 42(201b). А где нельзя в свободной речи правду
 Средь граждан молвить, где в почете кривда —
 Там в неудаче гибнет счастье их.
 43(201c). Ты стар — блюди ж пристойно благоречье!
 44(201d). Лишь добродетели надежен дар.
 45(201e). Не викнут духом доблестные мужи.
 46(201f). Могу ли, смертный, с божьим ниспосланьем
 Бороться я? Где ужас наступил,
 Там не согреть нам души надежда.
 47(201g). Уйди! Ты гонишь сон, врача болезни.
 48(201h). Аргивян вижу!

АЛКМЕОН

[Подвергшись после убийства матери преследованию Эриний, Алкмеон должен был покинуть Аргос и искать убежища сначала у царя аркадской Псофиды Фегея, затем — на острове, образованном наносами реки Ахелоя (в Этолии). Живившись в Псо-

фиде на дочери Фегея, Алкмеон затем предпочел ей дочь Ахелоя и попытался выманить у первой жены роковое ожерелье Эрифилы, но был разоблачен ею и убит ее братьями. В какой мере все это было отражено Софоклом в его трагедии, на основании сохранившихся фрагментов сказать трудно.

Миф об Алкмеоне был широко представлен на афинской сцене: его именем было названо, кроме софокловской, еще 8 или 9 трагедий, и в том числе еврипидовский «Алкмеон в Псофиде», поставленный в 438 г. вместе с «Алкестидой». Из фрагментов Еврипида (65—87) часть принадлежит к другой его трагедии о том же Алкмеоне, так что распределение фрагментов между двумя одноименными драмами является затруднительным. К которому из двух «Алкмеонов» — софокловскому или еврипидовскому — восходила одноименная трагедия Акция (фр. 21—32), остается спорным.]

49(108). Ах, если б в разуме тебя я здравом
Увидела!

НИОБА

[Ниоба, супруга фиванского царя Амфиона, возгордившаяся своим обильным потомством перед Лето, матерью Аполлона и Артемиды, и лишенная за это всех детей, упоминается уже у Гомера (Ил. XXIV 603—617) и Гесиода (фр. 183). Согласно первому, у нее было по шесть сыновей и дочерей, согласно второму — по десять. Начиная с Эсхила, также написавшего трагедию «Ниоба» (фр. 154а—167b), ей приписывается по семь сыновей и дочерей.

О развитии действия в софокловской «Ниобе» можно теперь судить по недавно найденному папирусному отрывку античного предисловия к ней (Р. Оху. 52, 1984, 3653).

Любя своих детей, Ниоба утверждала, что ее многодетность дает ей основание величаться перед Лето, и за это Аполлон застрелил из лука всех ее сыновей во время охоты. Узнав от вестника о гибели сыновей, Ниоба продолжала гордиться оставшимися дочерьми, хотя на всякий случай и заперла их в доме. Между тем Амфион, негодуя на поведение Аполлона, вызвал его на единоборство и пал, сраженный стрелой бога. После этого Аполлон велел Артемиде истребить также находящихся в доме дочерей Ниобы (фр. 50, 51), что она и исполнила. Конец предисловия не сохранился, но появляющееся в конце колонки имя Зета — брата-близнеца Амфиона — дает основание думать, что он пытался утешить Ниобу рассуждениями о бренности человеческого счастья.

К очень скудным фрагментам «Ниобы», сохранившимся в античных источниках (фр. 52, 53), прибавились уже в наше время папирусные отрывки (фр. 50, 51).]

А п о л л о н

50(441a). ⁴ Ты видишь: там, в дому, одна в испуге
Укрыться ищет меж ларцов и бочек?
Она одна сумела ускользнуть —
Срази ее стрелой, пока не скрылась!

Х о р

О, горе, горе ей!
Участью дети разнились недолго —
¹⁰ Юные девы и отроки — братья —
Все это будет к большому несчастью.

Н и о б а

51(442). ³ [Сгубил меня] Феб и его сестра.
Зачем из дома гонишь? [Почему]
Стрелю медлишь грудь мою пронзить?

К о р и ф е й

...многослезный стон.

На помощь ей ли устремить шаги?

Н и о б а[Потеряв детей,] в бездну Тартара
Мне сокрыться бы! Больше нет пути.*Н и о б и д а*10 ...владычица, молю,
Стрелой не убивай меня!..*К о р и ф е й*

...несчастливая ты дева!

52(448). О друг, прости ты руки надо мной!

53(447). Мила была тому, кто выше их.

В. АРГОССКИЙ ЦИКЛ

[Область Арголида на северо-востоке Пелопоннеса относится к числу древнейших мифологических центров Греции. Кроме Аргоса, в ней были расположены Микены, основанные, по преданию, Персеем; впоследствии там царствовал Еврисфей, на службе у которого совершил свои 12 подвигов Геракл; затем Микены стали резиденцией Атрея и Фiestа, изгнанных Пелопом из Писы. Таким образом, в аргоССкий цикл в качестве предыстории одной из его ветвей втягивается и воцарение в Греции Пелопа. С другой стороны, сыновья Атрея Агамемнон и Менелай были женаты на дочерях спартанского царя Тиндарея — Клитемestre и Елене, благодаря чему к аргоССкому циклу тесно примыкают мифы троянского цикла.]

ИНАХ

[Родословная аргоССких героев восходит к древнейшему царю и богу одноименной реки Инаху. Его дочь Ио от союза с Зевсом родила Эпафа, чьими потомками были 50 сыновей Египта и 50 дочерей Даная. Когда Египтиады пожелали взять себе в жены Данаид, те бежали на свою прародину — в Аргос; преследовавшие их Египтиады в первую же брачную ночь были все, кроме одного, убиты Данаидами. От брака оставшегося в живых Линкея с Гиперместрой и пошла новая ветвь аргоССких, микенских и тирифских царей, которые, таким образом, все являлись потомками Ио.]

Содержание «Инаха» составляло начало истории Ио. Чтобы скрыть свою возлюбленную от взора Геры, Зевс превратил Ио в телку. Однако Гера приставила к ней сторожем стоокого Аргуса, который мешал Зевсу приблизиться к Ио. Тогда по приказу Зевса Гермес усыпил Аргуса и убил его. «Инах», судя по всему, был драмой сатиров. В пользу этого говорят сохранившийся на папирусе слишком краткий для трагедии рассказ о превращении Ио в телку (фр. 54, ст. 32—43), бурное чередование коротких лирических стихов и триметров в следующей затем реакции хора, отдельные черты языка и стиля.

Хотя от «Инаха» дошло сравнительно много фрагментов в косвенной передаче и два относительно крупных папирусных отрывка, восстановление содержания во всех подробностях остается затруднительным. Из фр. 54 ясно, что некий чужестранец, приветливо принятый Инахом, отплатил ему черной неблагодарностью: прикоснувшись рукой к его дочери Ио, он превратил ее в телку (ср. также фр. 62). Поскольку у ст. 36 папирусного отрывка сохранилась стихометрическая пометка, обозначающая трехсотый стих, ясно, что эта сцена принадлежала к началу второй трети всей

пьесы. Чем была занята первая треть, остается лишь гадать. Фр. 55 предполагает диалог Гермеса с сатирами, причем первоначально они слышат только звук его свирели, а его самого не видят, так как на нем надета шапка-невидимка. Затем Гермес начинает гоняться за сатирами, — с какой целью, опять же неизвестно. Из других фрагментов ясно, что выходявший хор приветствовал Инаха (фр. 56), причем эту аргосскую реку сатиры считали продолжением одноименной реки на западе Греции (фр. 57; может быть, фр. 64). Фр. 58 свидетельствует о появлении вестницы богов Ириды, вероятно, посланной к Гермесу с приказом от Зевса убить Аргуса. Относительно самого Аргуса сохранилось сообщение в схолии к ст. 574 эсхиловского «Прометея»: это стоглазое чудовище было выведено в «Инахе» распеваящим песню. Какое-то место занимали в пьесе воспоминания о золотом веке (фр. 61) и реалии современной жизни — избрание судей в Афинах (фр. 67) и игра в коттаб (фр. 60).]

Х о р

54(269а). ²⁹ Но молча прочь уходит...
Со взором помраченным...
Пока еще не знаю ужаса...

И н а х

Ужасно — как же нет! — а он...
И в доме пир честной...
А он, взяв деву за руку...
Идет по дому, быстро удаляясь...
Но нос меж тем и все лицо у девушки
Коровий облик обретают...
Коровья голова растет...
И шея на плечах...
⁴⁰ Копыта на ногах...
И об пол бьет...
Жена, как львица...
Сидит...
Такое вот...
А гость...

Х о р

⁴⁶ О, нету слов!
.....
⁵⁰ ... Невероятно это...
Увы, земля богов...
В толк не возьму...
А полный ядов...
Цветок нездешний, чужеземный...
Он то, что вид менять способно...

Х о р

55(269с). ¹⁶ О, много-многомудрый,
Кто средь давно умерших
Под шапкою Аида
В подземной тьме крошечной
²⁰ Твое промолвил имя.

Г е р м е с

Вестник Зевсовых любовей и великий скороход.

Полухорие 1

Стук такой, что это, видно, появляется Гермес.

Полухорие 2

Ты назвал того, кто ныне ноги к нам сюда принес.
Горе новое прогнал ты прежде, чем успел моргнуть.

Х о р

Увы! Зришь ли ты?

Стой, где стоишь,

Безумие — слушать сие.

Ведь ты, Зевс, речам

²⁹ Не веришь таким.

56(270). Многоструйный Инах, прародителя вод
Океана дитя! Твою славу блюдут
И аргосские нивы, и Геры услон,
И тирренское племя, пеласги.

57(271). Он стекает и с Пинда и с Лакма высот,
Что в перребской стране; к амфилохам затем,
К акарнанцам, и там в Ахелоя русло
Свои вводит струи...

А оттуда, прорезав пучину, в Лиркей
Устремляет он волны и в Аргоса край.

58(272). Кто эта женщина в аркадской шляпе?

59(273). То вход Богатства...

60(277). Янтарной влаги влюбленный плеск
Слышался там во всех домах.

61(278). Блаженны вкусившие жизни
Той нетленной люди.

62(279). И грубой шкуры черепастья жесткость
<На нежном теле> выступает.

63(282). Спасибо, и да подтвердишь ты слово
Народной притчи — что и в скромной доле
Возникнуть может знаменитый муж.

64(284). А отец Инах
Подобен стал реке в подземном царстве.

65(286). И повсюду виднеется ткань пауков.

66(287). Земли аргосской отзвук.

67(288). ...Судья, бобами избранный.

68(289). Зимой, повсюду мрачной.

АКРИСИЙ

[Аргосскому царю Акрисию была предсказана смерть от руки внука. Чтобы избежать исполнения пророчества, Акрисий заточил свою незамужнюю дочь Данаю в подземелье. Однако Зевс, проникнув к Данае в виде золотого дождя, оплодотворил ее, и на свет появился маленький Персей. Разгневанный Акрисий велел поместить дочь с внуком в деревянный ларец и бросить в море. В трагедии, по-видимому, имели место разоблачение Данаи (фр. 69, 70), ее попытка оправдаться перед отцом (фр. 71) и его объяснение вынесенного ей жестокого приговора (фр. 74, 75).]

- 69(61). Чу! Крик раздался... иль ошибся я?
Ах, все шумит, когда в тревоге сердце!
- 70(62). Не доживет до долгой жизни ложь.
- 71(64). Речь краткая благоразумным детям
Прилична перед обликом отца;
А деву и аргивянку подавно
Не многословье, а молчанье красит.
- 72(63). Оно понятно: пойманный беглец
В оковах все, что пожелает, скажет.
- 73(65). Дерзай, жена! Что сновиденье ночью
Навеяло, уносит ясный день.
- 74(66). Ведь жизнь никто не любит так, как старец.
- 75(67). Дитя мое, нет дара слаще жизни:
Ведь не дано нам дважды умереть.
- 76(60). Чтобы гусли зазвенели, чтоб раздался флейт напев...

ДАНАЯ

[Ларец с Данаей и Персеем был прибит к острову Серифу и извлечен из моря рыбаками. Красавица Даная пробудила страсть в местном царе Полидекте, но не согласилась стать его женой, так как однажды разделяла ложе Зевса. В качестве же препятствия для брака она выставляла присутствие Персея (вероятно, выросшего со сказочной быстротой), почему Полидект и отправил его за головой Медузы.

Единственный вразумительный фрагмент по смыслу больше подходит к предыдущей драме, чем к «Данае».]

- 77(165). Не знаю я твоих оид; зато
Одно я знаю: если этот мальчик
Останется живым,— погибну я.
- 78(167). Ешь, пей, живи...

АНДРОМЕДА

[Срубив голову у Медузы, Персей на обратном пути застаёт у берегов Эфиопии ужасную картину: прикованная к скале дева отдана на растерзание морскому чудовищу. Это была Андромеда, дочь местных царей, которую Посидон обрек в жертву дракону во искупление похвалы ее матери (фр. 79—80). Заручившись согласием царя отдать ему Андромеду в жены, Персей вступает в единоборство с чудовищем и убивает его. Некоторыми исследователями высказывалось предположение, что «Андромеда» была сатирической драмой, однако, надежных доказательств этому нет, кроме фр. 83, может быть, адресованного сатиру.

Одноименная трагедия была поставлена в 412 г. Еврипидом (фр. 114—156) и использована Энием (фр. 117—127). Прототип «Андромеды» Акция (фр. 62—78) неизвестен.]

- 79(126). От граждан жертвой морю (?) избрана.
Ведь есть у варваров закон старинный,
Чтоб жертвой человеческой они
Гнев Крона ублажали.
- 80(128a). Прикованная страждет без вины.
- 81(127). А на коне ты объезжаешь землю,
Иль на ладье?
- 82(128). Чтоб не бояться новых поручений.
- 83(129). Смотри: багровый
Двойной ремень!

ЛАРИСЕЙЦЫ

[Освободив мать от притязаний Полидекта, Персей решил принять участие в состязаниях, устроенных царем фессалийского города Ларисы в память об умершем отце (фр. 85). Сюда же прибыл Акрисий, и Персей, метнув слишком далеко диск, попал в неузнанного им деда и убил его (фр. 86).

Зелинский полагал, что трагедии «Акрисий», «Даная» и «Ларисейцы» составляли связанную трилогию и поэтому относились к «эсхилловскому», т. е. раннему периоду творчества Софокла.]

- 84(374). Лариса, мать предков-пеласгидов...
- 85(378). Для всех гостей он игры объявляет
Роскошные; наградами котлы
Им будут меднокованные, чаши
Из серебра, иные с позолотой,
Увесистые — всех числом сто двадцать.
- 86(380). Я в третий раз свой диск метнуть собирался;
Тут муж дотийский, именем Элат,
Ко мне вплотную подошел.
- 87(381). Да не дерзнет живой
Над мертвым похвалиться, твердо помня,
Что и его настанет смертный час!
- 88(382). Как жаждут все спастись от тирана!

АМФИТРИОН

[Тирийский царевич Амфитрион был внуком Персея. Из-за совершенного на родине нечаянного убийства был вынужден бежать в Фивы, где получил в жены свою двоюродную сестру] Алкмену. Содержание трагедии Софокла неизвестно, а единственный связный отрывок повествует, по-видимому, о пророчестве, данном Амфитриону в связи с рождением Геракла.

Одноименная трагедия была у Акция (фр. 45—61); сохранилась комедия Плавта.]

- 89(122). Когда же, молвил, вырастет младенец,
Из трех спасительных даров один
Ему довлеет...

ГЕРАКЛ-МЛАДЕНЕЦ

[В сатировской драме под этим названием было, скорее всего, изображено, как еще в колыбели Геракл задушил двух змей, подосланных Герой из ревности к его матери Алкмене.]

90(223a). Ведь лучше благодарность воздавать
Богам, чем смертным.

91(223b). Сверхившему и претерпеть достойно.

ГЕРАКЛ

[Содержанием этой драмы было, как предполагают, нисхождение Геракла в подземное царство за псом Кербером. Так как вход туда локализовался в пещере на мысе Тенаре в Лаконике, весьма вероятным является отождествление «Геракла» с сатировской драмой «На Тенаре», от которой кроме названия сохранились совершенно незначительные отрывки.

Софокловский «Геракл» упоминается в каталоге его пьес на надписи ок. I в. до н. э., найденной в Пирее (*TrGf* I, P. 57).]

92(225). Набрали дров,
Чтоб не нуждаться в топливе...

93(296). Местного

Там змея кормят, стража родника.

94(227). Круг киклопический...

КЕРБЕР

[Вероятно, другое название предыдущей драмы.]

95(327a). Там мертвых лишь переправляют души.

ЭНЕЙ

[К циклу произведений Софокла о Геракле следует отнести и сатировскую драму, озаглавленную именем отца Деяниры Энея (не смешивать с известным троянским героем!). Здесь миф о сражении Геракла за Деяниру с речным богом Ахелоем был подан в юмористическом духе — в качестве претендентов на руку юной красавицы выступали также сатиры, на аттической сцене — всегда большие любители женского пола. Подробности развития действия в «Энее» нам неизвестны, а приводимые ниже отрывки взяты из многочисленных папирусных фрагментов, среди которых были и другие тексты Софокла.]

Х о р с а т и р о в

96(1130). ...В этом споре кто участник,
в плен [кого мы заберем?]

Э н е й

Все расскажу. Но сам хочу я раньше
От вас узнать, кто вы, какого рода,
Зачем явились; все загадкой мне.

Хорсатиоров

Узнаешь тотчас. Все мы — женихи,
 Нимф сыновья и слуги Диониса;
 К богам мы вхожи и во всех искусствах
 10 Испытаны; и в боевом копье,
 И в конном беге, и в борьбе, в ристанье,
 На кулаки, кусаться, между ног
 Врага схватить — всё мы умеем. Далё:
 И даром песни мы владеем, можем
 Предсказывать судьбу не привирая,
 Лечить болезни. И пределы неба
 Известны нам, и вести преисподней —
 Все выпляшем. С руками не пустыми
 Пришли мы, а? Что хочешь, то бери —
 Коль за меня согласен выдать деву.

Эней

Ваш род почтенен, но пришелец новый
 20 Является: расспросим и его.
 97(1131). Уж свет угас, повсюду тьма... Что это?
 Светило ночи? Или...
 В сиянье солнца умирает?...
 Он выдыхает черную...

ИОБАТ

[С Тиринфом связана история еще одного древнегреческого героя — коринфского царевича Беллерофонта. Найдя здесь очищение от невольного совершенного убийства, юноша имел несчастье вызвать страсть Сфенебеи, жены местного царя Прета. Отвергнув им женщина оклеветала Беллерофонта перед мужем, который отослал его к своему тестю, ликийскому царю Иобату с просьбой умертвить молодого человека. Однако Беллерофонт с честью вышел из самых опасных поручений и получил от Иобата в жены одну из его дочерей и полцарства впридачу. Что из этого было использовано в трагедии Софокла, остается неизвестным.]

98(297). И нам обоим яркий жизни светоч
 Возжечь.

99(298). Ведь смерть любить и старость не научит.
 100(299). ...безлиственный утес.

ЭНОМАЙ

[Царю Писы (в Элиде) была предсказана смерть от руки зятя; поэтому он всячески препятствовал выдаче замуж своей дочери Гишподамии. Сватавшиеся к ней женихи должны были вступать с Эномаем в состязание в беге на колесницах, которого никто не мог выиграть, так как Эномай обладал на редкость быстрыми лошадьми. Давая своему сопернику возможность начать соревнование первым, Эномай потом догонял его и поражал насмерть ударом копья в спину. Головы убитых он выставлял для устрашения на ограде дворца. Когда лидийский царь Пелоп, оставивший свою страну, прибыл в Пису и понял, что нет другого средства одолеть Эномая, кроме хитрости, он привлек на свою сторону его возницу Миртила, и тот заменил металлическую чеку в колеснице

Эномая на восковую. Веледствие этого колесница перевернулась, и Эномай погиб либо от удара о землю, либо от копья вернувшегося Пелопа. Умирая, он понял, что стал жертвой предательства Миртилла, и проклял его. Что касается Миртилла, то Пелоп склонил его к измене хозяину, пообещав ему то ли половину царства, то ли ночь с Гипподамией. Однако, не желая сдержать слово, он во время объезда своих владений столкнул Миртилла с утеса в море, и тот в свою очередь проклял Пелопа. Этим проклятием афинские трагики нередко объясняли бедствия, обрушившиеся впоследствии на само-го Пелопа и его потомков. (Ср. Эл. 10, 503).

Трагедия написана, очевидно, незадолго до 414 г., так как ее цитирует Аристофан в «Птицах» (см. фр. 107); ставили ее и в IV в. с участием Эсхина, политического противника Демосфена (см. его речь 18, 180, 242).

В сохранившихся фрагментах находим указание на жестокость Эномая (103 — головы убитых женихов заменены здесь скальпами) и на любовь к Пелопу, пробудившуюся у Гипподамии (104—106), а также отрывок из песни хора после отъезда Эномая (107).

Одноименные трагедии были у Еврипида (фр. 571—577) и у Акция (фр. 494—512), следовавшего за Софоклом.]

- 101(471). Та утверждала, что быстрее ею
Рожденный отрок, эта же, что ею.
- 102(472). Кто клятву дал, тот бдительней душою
Становится: двух страхов он страшится —
Хулы друзей и гнева божества.
- 103(473). По-скифски волосы содрав у них
На утиральники.
- 104(474). Таким Пелоп владеет талисманом
Неотразимым. Молния во взоре
Его горит и, душу согревая
Его, воспламеняет кровь мою.
Так прям ее полет из ока в око —
Прямей не будет зодчего черта.
- 105(475). Я вижу, как скребницей
С коня гнедого ты счищаешь пыль.
- 106(477). И птица-самка заблудиться может
В путях воздушных — кроме дней, когда
Ее забота о птенцах томит.
- 107(476). О дайте стать мне неутомимым орлом!
Я вознесусь над синею моря волной
В чистую безоблачность эфира.

АТРЕЙ, ИЛИ МИКЕНЯНКИ

[Сыновья Пелопа Атрей и Фиест, стремясь избавиться от своего сводного брата Хрисиппа, подстроили его гибель, но были разоблачены, изгнаны и прокляты отцом. Прибежше они нашли в Микенах, где право на власть должен был получить тот из братьев, кто предьявит золотую овечку. Такое животное находилось в стаде Атрея, и Фиест, прознав это, соблазнил жену Атрея, с ее помощью выкрал овечку и представил ее как дарованную ему богами. Атрей воззвал о справедливости к Зевсу и получил предзнаменование в свою пользу. Он изгнал Фиеста из Микен и задумал ужасную месть: под видом примирения он вызвал Фиеста с малолетними детьми в Микены, а сам велел зарезать младенцев и подать их мясо для трапезы отцу («Фиестов пир»). Узнав о случившемся, Фиест проклял брата. Единственный сохранившийся фрагмент — вероятно, слова Атрея.

Одноименную трагедию написал Акций (фр. 162—200).]

108(140).

Клянусь

Той трусостью, которой вскормлен он —
Женоподобный, что мужчин врагами
Иметь дерзает!

ФИЕСТ

[У Софокла было три трагедии под названием «Фиест». Ссылаясь на них, источники называют их либо просто «Фиест», либо «Фиест в Сикионе». Содержание последней трагедии сводилось к следующему. После гибели малолетних детей Фиесту было предсказано, что за него отмстит сын, который родится у него от нового брака. Поскольку, однако, Фиест считался оскверненным ужасной трапезой, никто не хотел выдавать за него свою дочь. Однажды ночью он оказался в роще вблизи Сикиона, где у местного царя воспитывалась его дочь Пелопия, старшая сестра зарезанных мальчиков. В эту ночь она как раз была в числе участниц девичьего празднества и случайно отбилась от подруг. Фиест, воспользовавшись случаем, овладел не узанной им девушкой, которая, однако, успела выхватить у него из ножен меч. Вскоре в Сикионе оказался Атрей, который попросил у царя руку Пелопии, считая ее сикионской царевной.

Дальнейшие события должны были получить отражение в других трагедиях о Фиесте.

Рожденного ею младенца Пелопия велела подбросить; его нашли пастухи и дали выкормить козе (отсюда его имя Эгисф, от греч. корня αἴγ- «коза»). Найдя однажды ребенка у пастухов, Атрей усыновил его, а Пелопия подарила меч, отнятый у насильника. Со временем сыновья Атрея от первой жены разыскали Фиеста, схватили его и привели к отцу. Атрей заточил брата в тюрьму и послал Эгисфа убить его. Когда Эгисф выхватил меч, Фиест узнал в нем свое оружие и захотел узнать, как оно попало к Эгисфу. Вызванная для разбирательства Пелопия опознала в Фиесте своего давнего насильника и покончила с собой при помощи того же меча. Понявший всю правду Эгисф вернулся к Атрею и показал ему окровавленный меч; тот решил, что Фиест убит, и устроил благодарственное жертвоприношение, во время которого был сражен Эгисфом.

Из приводимых ниже фрагментов № 110 обозначен как заимствованный из «Фиеста в Сикионе», остальные — из «Фиеста первого» (109) или просто из «Фиеста» (111—116).

Трагический образ Фиеста привлекал многих греческих и римских драматургов. Известно 15 трагедий, озаглавленных его именем, в том числе — Еврипида (фр. 391—397) и Сенеки.]

109(247). Мудр только тот, кого почтили боги:

Им вверх себя. Хотя бы против правды

Идти велели — нужды нет, иди:

Дурным не будет, что они прикажут.

110(248). Безумною стопою.

111(255). Есть край чудесный, морем окруженный —

Зовут Евбеей. Там в единый день

Плод Диониса созревает. Утром

Еще цветет кудрявая лоза;

Зеленые висят к полудню гроздья;

Начнет клониться день — и янтарем

Они блестят прозрачным; а к закату

Уже срезают спелые, и в кубки

Живительную влагу разливают.

112(256). Против судьбы бессилен и Арес.

113(257). Идем скорее; справедливой нашей

Поспешности не тронет укоризна.

- 114(258). Его постигло горе, знаю я;
Но есть и в нем источник исцеленья.
115(259). И от простой беседы польза есть,
Когда мы в ней о горе забываем.
116(260). Я старец, правда: но ведь старцу разум
Сопутствует и благостный совет.

Г. АТТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ

[Легендарное прошлое Аттики получило отражение в относительно небольшом числе мифов. Важнейшие из них связаны с пребыванием в Элевсине не узнанной местными жителями Деметры и историей царского рода, возводившего свое происхождение к сыну Аполлона и афинской царевны Иону, родоначальнику ионийского племени.]

ТРИПТОЛЕМ

[Когда бог подземного царства Аид с согласия Зевса похитил себе в жены Персефону, ее мать Деметра долго скиталась в поисках дочери, пока не остановилась в Элевсине, став няней местного царевича Триптолема. Перед расставанием со своим воспитанником она подарила ему колесницу, запряженную крылатыми змеями, и пшеничные колосья, посредством которых он засеял всю землю. В сохранившихся фрагментах находим описание колесницы (117) и наставления Деметры Триптолему с указанием земель, в которых ему предстоит побывать (118—125).

Предполагают, что «Триптолем» входил в тетралогию 470 г., которой Софокл одержал свою первую победу (см. АС 35).]

- 117(596). Два змея, ось хвостами обхватив...
118(597). В скрижали духа речь мою внеси.
119(598). А позади руки моей, направо,
Энотрия тебя приемлет вся,
Залив Тирренский и земля лигийцев.
120(599). Оттуда долг опять тебя направит...
121(600). Италия счастливая желтеет
От золотистых нив.
122(601). ...Иллирийский род.
123(602). И Карфагена каменный венец —
Привет ему!
124(603). ...сильфия поля.
125(604). И Харнобонта — гетами он ныне
Начальствует.
126(605). И Пир настал веселый, из богов
Почтеннейший.
127(606). Не давши даже рыбьего рассола,
Несчастливая...
128(611). Бездонной чаше нет в трапезе места.

ТЕРЕЙ

[Дочь афинского царя Пандиона Прокна была выдана замуж за фракийского царя Терей. Соскучившись по своей сестре Филомеле, она попросила мужа привезти ее из Афин. На пути из Афин во Фракию Терей овладел Филомелой и, чтобы скрыть следы преступления, вырезал ей язык. Однако Филомела с помощью вытканной ею картины сумела открыть сестре правду. Прокна в гневе убила своего сына от Терей Итиса и, сварив его, подала отцу, который в неведении вкусил страшной еды. Спасаясь от преследования узнавшего правду Терей, Прокна по воле богов превратилась в соловья, Филомела — в ласточку, Терей — в удода. Таково было содержание мифа и трагедии Софокла, как об этом свидетельствует ее античное изложение (*Р. Олу.* 42, 1974, 3013). Судя по пародии в аристофановских «Птицах» (414 г.), «Терей» был поставлен незадолго до этой даты.

Среди сохранившихся фрагментов № 129 и 130 — из партии Прокны; № 131 — вероятно, обращенное к ней утешение кормилицы; № 138 и 139 — из рассказа вестника о событиях в доме Терей.

Одноименную трагедию написал Акий (фр. 639—655) и задолго до него — Ливий Андроник (фр. 24—29); неизвестно, однако, в какой мере Ливий использовал драму Софокла.]

129(583). Теперь, в разлуке, я ничто. О, часто
Я размышляла так о женской доле,
Что мы — ничто. Да, в детстве, в отчем доме,
Не спорю, сладкую ведем мы жизнь.
Ведь бессознательность — нет лучшей няни
Для нас. А только мы созреем, цвет
Обретши юности — к чужим нас гонят
От очага родного, продают,
К разлуке нас с богами принуждая
Отчизны нашей, с матерью, с отцом;
Тех — к незнакомым; к варварам — других;
Тех — в славный дом; а тех — под сень позора.
И лишь спряжет нас с мужем ночь одна,
Должны мириться мы, самим себе
Твердя, что жизнь нас к лучшему ведет.

130(584). Тебе завидую во многом я,
Всего же боле, что чужбины ты
Не испытала.

131(586). Все это горько, Прокна, спору нет;
Но все же смертны мы, и ниспосланыя
Богов должны безропотно сносить.

132(591). *Х о р*

Строфа

Одно мы племя; всех на один образец
Отец и мать родили нас, и нет в природе,
Кто б благороднее был другого.

Антистрофа

Растит же в горе рок необорный одних,
Других — в богатстве; он в ярмо неволи жалкой

- Дланью всеильною нас впрягает.
 133(587). Введь варваров весь род златолюбив.
 134(588). Не бойся; молвя правду, не потерпишь
 Ущерба ты.
- 135(586). <Угождая>
 Ее ж усердью, и в наряде пестром...
 136(582). Ты, Гелий,
 Наездникам-фракийцам высший бог!
- 137(592, 879а, 593). *Х о р*
Строфа I
 Так-то человека жизнь
 Многоискусное горе
 В день любой с престола счастья в мрак ввергает.
Антистрофа I
 В чем же радость всех красот,
 Если сам цвет благоденствий
 Нам рукой взлелеян бедственной заботы?
Строфа II
 Не должно счастьем смертных великому нам
 Дивиться; быстро вянет и сохнет оно,
 Как нежный тополь, слабою вскормлен корою.
Антистрофа II
 Живите ж, люди, радость насущного дня
 Лелея в мыслях; завтрашний облик зари
 Густым туманом мглы затуманили боги.
- 138(589). Безумен он; безумнее они:
 Своим насильем на его насилье
 Ответили. Кто в горе гнев растит
 И прибегает к худшему лекарству,
 Чем зло само — того не назову я
 Искусным врачевателем болезни.
- 139(581). Его ж в удода превратил он, скал
 Отважного товарища, оставив
 Ему доспеха полного убор.
 Все ж о весне он примет оперенье
 Седого кобчика: на то и двух он
 Существ сосуд — себя и сына — в теле
 Одним. А лишь молодого урожая
 На тучной ниве зажелтеет колос,
 Наденет снова пестрый он наряд.
 И будет жить он, избегая грешниц,
 В пустынных чащах и в безмолвье гор.
- 140(590). Пусть по-смертному мыслит, кто смертным рожден;

Пусть он помнит, что ключник грядущего — Зевс,
 Что никто, кроме Зевса, не должен решать
 Назревающих завтра событий.

ПРОКРИДА

[Дочь афинского царя Эреффея была выдана замуж за аттического юношу Кефала. Молодые супруги поклялись друг другу в вечной любви, но однажды Прокрида заподозрила мужа в измене и решила его выследить во время охоты. Спрятавшись в кустах, она выдала свое присутствие неосторожным движением. Кефал, думая, что в кустах затаился зверь, метнул копьё и убил им, вопреки своему желанию, Прокриду. Единственный сохранившийся фрагмент не позволяет делать какие-нибудь выводы о том, как этот миф был разработан в трагедии Софокла.]

141(533). Каратели, корящие в бедах..

КРЕУСА

[Креуса, дочь афинского царя Эреффея, став матерью от Аполлона, подбросила рожденного ею мальчика в гроте на склоне Акрополя. Будучи выдана замуж за чужеземного царя Ксуфа, она долгое время оставалась бездетной. Когда супруги отправились за советом в Дельфы, выяснилось, что подброшенный Креусой ребенок по воле Аполлона был перенесен в Дельфы, вырос здесь при храме и может возвратиться в Афины в качестве законного наследника царского престола. На афинской сцене это сказание, кроме Софокла, обработал Еврипид в трагедии «Ион» (ок. 412—408). Сохранные отрывки из «Креусы» Софокла носят слишком общий характер, чтобы дать какую-нибудь нить к восстановлению ее содержания. Ясно только, что хор, как и у Еврипида, состоял из женщин (фр. 145).]

- 142(350). Всего больше знать, что счастье было
 Так близко — и ты сам его отверг.
 143(351). А кто опасность мужеством встречает,
 Того и мысль ясна, и тверд язык.
 144(352). Я знаю сам, что лгать нехорошо;
 Но если гибель страшную приносит
 Нам слово истины — тогда, надеюсь,
 И нехоршее простится нам.

145(353). *Х о р*

Мне не нужен блестящий брак,
 Ни сверх меры пышный дом
 От богов, подруги; те
 Ненадежны пути...

- 146(354). Не удивляйся, царь, что так усердно
 О выгоде своей радею я.
 Иного жизнь — раздолье; но и он
 За выгоду руками и ногами
 Цепляется, и вообще для смертных
 На первом месте — деньги, на втором
 Все остальное. Правда, и здоровье
 Иные хвалят — разницы тут нет:

- 147(356). Бедняк ведь не здоров, а вечно болен.
 Вот дар прекраснейший — быть справедливым;
 Вот лучший дар — всю жизнь здоровым быть;
 А дар приятнейший — чего захочет
 Твоя душа, немедля получить.
- 148(357). Уйди, дитя: не для тебя те речи.
- 149(355). Что, старче? Что за страх тебя волнует?

ИОН

[Содержание неизвестно. Не была ли эта трагедия тождественна «Креусе»?]

- 150(319). Все благородство переносит добрый.
- 151(320). В Зевсовых садах блаженства люди черпают струи.

ЭГЕЙ

[Содержание трагедии могло в общих чертах соответствовать сказанию, изложенному у Плутарха («Фесей», гл. 3—12).

Находясь в гостях у своего друга Питфея в Трезене, афинский царь Эгей сошелся с его дочерью Эфрой. Покидая ее, Эгей спрятал под тяжелым камнем свой меч и сандали, завещав жене, если родится сын, вручить ему эти предметы, когда он будет в силах сдвинуть с места камень. Достигнув зрелости, Фесей (так назвала Эфра сына) легко поднял камень и, поясавшись отцовским мечом, отправился на свидание с Эгеем в Афины. По дороге, лежавшей через Коринфский перешеек, он одолел различных великанов и разбойников, делавших этот путь опасным для пешеходов. Прибыв в Афины инкогнито, Фесей едва не стал жертвой Медеи, поселившейся здесь после бегства из Коринфа: сразу узнав в нем сына Эгея, чье появление расстраивало планы Медеи, она уговорила Эгея отравить пришельца; только случайно вынутый Фесеем меч позволил Эгею опознать в нем своего сына. В дошедших фрагментах находим отрывки из рассказа Фесея после его опознания (152—155) и из сообщения вестника о победе, одержанной юношей над Марафонским быком, опустошавшим окрестности Афин (156).

Одноименная трагедия была у Еврипида (фр. 1—13).]

- 152(22). Тавровы струи...
- 153(22). Как по разбойничьей дороге тайно
 Ты мог пройти?
- 154(21). Не слышу я, но вижу селянина.
- 155(20). Железным молотом хребет и грудь
 Я смял ему.
- 156(25). И, гибких лоз на руки намотав,
 Из них он петель изготовил узы.
- 157(23). Как в тополя раскидистых ветвах,
 Хотя б кругом все тихо было, вечно
 Листвою зыбкой ветерок играет...
- 158(24). ...мне определил отец
 Почетный жребий — побережьем править
 Земли своей. Второму сыну, Лику,
 Он супротивный завещал евбейский
 Роскошный сад; земли соседней долю

Он Нису выделил — Скиронов брег;
А область к югу от моей — жестокий
Паллант, гигантов пестун, получил.

ФЕСЕЙ

[Действие этой трагедии, как стало ясно из опубликованных в начале 60-х годов папирусных фрагментов, происходило на Крите.

Вследствие того, что во время посещения Аттики погиб сын царя Крита Миноса, могущественный владыка наложил на Афины тяжелую дань: ежегодно афиняне обязаны были отправлять на Крит по семь юношей и девушек из знатных семей для прокормления помещенного в лабиринт Минотавра — полубыка, получеловека. Оpozнание Фесея совпало с очередным приездом Миноса в Афины за данью, и юный герой решил присоединиться к отобранному жертвам, чтобы убить Минотавра и покончить с этим позорным подчинением афинян Миносу. Прибыв на Крит, Фесей возбудил любовь к себе в душе Ариадны, дочери Миноса, и с помощью врученного ею клубка ниток вместе с юными соотечественниками выбрался после убийства Минотавра из лабиринта и тайно отплыл на родину.

Как явствует из папируса, среди действующих лиц трагедии были, кроме Фесея, также Ариадна и Эрибея, одна из афинских девушек, отправленных на Крит и счастливо избежавших гибели. Приводимый ниже отрывок — из монолога Фесея, готового к решительному поединку с Минотавром.

Одноименная трагедия была написана Еврипидом (фр. 381—390); возможно, одна-ко, что по содержанию она была ближе к софокловскому «Эгею».]

159(730с,8—21).

Я не хотел, я вовсе неискусен,
Да и не должно говорить мне — пусть
¹⁰ И прежде мне не раз уже случилось
Своей рукою зло уничтожать.
Но я решился [выйти] на него:
Он будет прежде схвачен...
Чтоб никогда...
И дань такую — юношей и дев...
...и кормящая Земля
У круч истмийских...
И Кроммион приморский...
Злотворного воздвигший кабана,
²⁰ Которого убил я. И Скирона,
Которого убил я, [свергнув] в море...

ФЕДРА

[Федра, младшая дочь Миноса, выданная замуж за Фесея, влюбилась в своего пасынка Ипполита. Пользуясь отсутствием мужа, который вместе со своим другом Пирифоем отправился в Аид похитить для него Персефону, Федра открылась Ипполиту и была им с негодованием отвергнута. Боясь разоблачений, Федра по возвращении Фесея обвинила перед ним Ипполита, отец проклял сына, и тот погиб. После его смерти покончила с собой и Федра.]

Сюжет этот был разработан Еврипидом в двух трагедиях под названием «Ипполит». Первая, написанная в середине 30-х годов, до нас не дошла, но была широко использована Сенекой в его «Федре». Вторая (428 г.) сохранилась целиком и отличается от общепринятой версии тем, что Федра, оставив письмо, в котором содержалась клевета на Ипполита, кончает с собой, не дожидаясь дальнейшего развития событий. Софокл при-

держивался, очевидно, традиционной версии. Среди сохранившихся фрагментов находим доводы кормилицы, осуждающей сопротивление Федры власти Афродиты (160), обращение Федры к женщинам, составлявшим хор (162—164), признание кормилицы в неудаче ее попытки склонить Ипполита к прелюбодеянию (161), указание на возвращение Фесея (165—166), отрывки из спора Ипполита (167) с обвиняющим его отцом (168) и из рассказа о гибели юноши, растерзанного собственными конями (171).]

- 160(684). Не на мужчин одних ведь нападает
Эрот, и не на женщин: он богов
На небесах смущает, он и море
Себе послушным сделал. Власть его
Сам Зевс стряхнуть не может — и не хочет.
- 161(678). ...отринул речь.
- 162(679). Не обессудьте, соблюдайте тайну:
Позор жены жене скрывать прилично.
- 163(680). Никто, подруги, не уйдет от срама,
Когда от Зевса зло его настигнет;
Богами ведь ниспосланный недуг
Должны нести мы.
- 164(685). Для матери оплоты жизни — дети.
- 165(686). А. Ты жив? Ты в недрах не погиб земли?
Б. До срока не сразит судьба нас.
- 166(687). Хвостом вильнул он, уши опустил.
- 167(677). Не дело ведь, чтоб благородный муж
Неправедной утехой тепил душу.
- 168(683). В том государстве прочных нет устоев,
Где топчут в грязь и правду и разумность,
Где взял бразды преступною рукой
Болтливый муж и градом управляет.
- 169(682). Нет злее зла для мужа, чем жена
Порочная, и нет добра добрее
Хорошей; опыт — каждому учитель.
- 170(681). Всех перечти людей: ни одного
Меж ними не найдешь ты, кто бы вечно
Был счастлив.
- 171(687а). Из уст стекала непрерывно пена.

Д. КРИТСКИЙ ЦИКЛ

[Сказания критского цикла были связаны с мифами афинского цикла благодаря двум фигурам: афинского мастера Дедала, бежавшего на Крит и построившего там лабиринт для Минотавра, и Фесея, который убил Минотавра и этим избавил афинян от дани Мивосу.]

ПРОРИЦАТЕЛИ, ИЛИ ПОЛИИД

[Сын Миноса Главк, играя в мяч, упал в бочку с медом, задохнулся и умер. Из прорицателей, призванных разыскать исчезнувшего ребенка, Полиид обратил внимание, что сова сидит над чаном и прогоняет пчел; по этому признаку он извлек из бочки умер-

шего ребенка, но не мог вернуть ему жизнь. Тогда Минос дал Полииду меч и заключил его в гробницу вместе с телом мальчика. Заметив змею, подползающую к телу, Полиид убил ее мечом; вскоре, однако, появилась другая змея с волшебным зельем; прикоснувшись им к телу убитой змеи, она оживила ее. Воспользовавшись тем же зельем, Полиид вернул жизнь Главку и был щедро награжден царем. В чем состоял трагический конфликт в этой трагедии-сказке, сказать трудно. Фр. 174—175, 177—179 — вероятно, из приготовления к гаданиям Полиида. В фр. 176 содержится разгадка, заданная Миносу Аполлоном: что за существо трижды меняет свой цвет.

Трагедия «Полиид» была также у Еврипида (фр. 634—646).]

- 172(390). Вещателя я вижу Полиида
Готовый...
- 173(391). Один лишь Полиид, Керана сын...
- 174(393). Открыть души закрывшуюся дверь.
- 175(394). Пузыри шерстяною петлею стянув...
- 176(395). Вначале белый и цветущий колос
Увидишь ты; затем румянец нежный
Покроет полный шелковицы плод;
Египетская старость напоследок
Им овладеет.
- 177(396). Птиц нечистых еду...
- 178(397). Нет без труда пути к вершине славы.
- 179(398). Там шерсти клок, там винограда влагу
Для возлиянья заготовил он,
Там заодно с полбой всеплоды дань,
И жир елея, и пчелы искусной
Изделие в ячейках восковых.
- 180(399). Шел впереди мертвец, что для меня
Истоком был проклятья...
- 181(400). И веющего ужасом на <нас>
От мстительной богини.

ДЕДАЛ

[В этой пьесе (скорее всего, сатиrowsкой драме), вероятно, изображалось состязание Дедала с Талом — механическим человеком, изготовленным для Миноса Гефестом.]

- 182(158). Его мы стиснем эту оковую
Не медною.
- 183(159). Строителей владычица, ты, Муза.
- 184(162). Но вряд ли также жук он из породы
Этнейских.

КАМИКИЙЦЫ

[Построившего лабиринт Дедала Минос не хотел отпускать с Крита; тогда, изготовив крылья из птичьих перьев, Дедал поднялся в воздух и нашел себе убежище в сицилийском городе Камике. Желая вернуть Дедала, Минос разослал по греческим городам гонцов, обещая большую награду тому, кто сможет продеть нить через извилины раковины (фр. 186). Привязав нить к ножке муравья, пущенного внутрь раковины, Дедал решил эту задачу и тем дал понять Миносу, где он скрывается. Однако, когда Минос

явился в Камик, дочери местного царя, устроив ему ванну, залили его в ней не теплой водой, а кипящей смолой. Хор драмы состоял, как видно из заглавия, из жителей Камика; среди сохранившихся фрагментов № 188 касается перелета Дедала с Крита в Сицилию, а в № 185 упоминается его ученик — афинянин Пердик (по-гречески: куро-патка), убитый им из зависти.]

- 185(323). Соименник птицы,
Пердик явился в славный кремль Афин.
186(324). Когда б нашли мы мужа, дочь моя,
Кто б <нить продеть> чрез раковину эту
Морскую <мог>...
187(326). О ней никто не знал,
Что спряталась по божьему внушенью.
188(327). Поднявши, верные меня несут...

МИНОС

[Содержание неизвестно; может быть, другое название трагедии «Камикийцы».]

- 189(407). Не помогает счастье нерадивым.

Е. ТРОЯНСКИЙ ЦИКЛ

[Это — самый разветвленный комплекс древнегреческих сказаний, поскольку он включает в себя и предысторию Троянской войны (похищение Елены, привлечение к участию в войне Одиссея и Ахилла, а после гибели последнего — его сына Неоптолема и владевшего луком Геракла Филоктета), и ее последствия — возвращение греческого войска, убийство Агамемнона, скитания Менелая и Одиссея и т. д. Насколько можно судить по названиям драм Софокла и сохранившимся от них отрывкам, сказания Троянского цикла составляли не меньше одной трети всей его творческой продукции. Сюда же относятся и три из семи дошедших полностью трагедий: «Аякс», «Филоктет» и «Электра».]

ЭРИДА

[На свадьбу Пелея и Фетиды были приглашены все боги, кроме Эриды — богини раздора. Как было изображено в этой драме Софокла (возможно, сатировской) вмешательство Эриды в праздничный пир, сказать трудно. Единственный сохранившийся фрагмент — вероятно, из речи не допущенной на пир Эриды.]

- 190(199). Голодная, на пирожки я зарюсь.

СУД

[Эта драма сатиров имела содержанием суд Париса, которому Зевс через посредничество Гермеса поручил рассудить, кто из трех богинь красивее. Отдав пальму первенства Афродите, Парис навлек на себя и на Трою гнев двух остальных богинь — Геры и Афины. Единственный сохранившийся фрагмент — вероятно, слова сатира, примеряющего на себя плащ одной из богинь.]

- 191(360). И вот покроюсь этим я плащом,
Как бы своим.

АЛЕКСАНДР

[В то время, как Гекуба, троянская царица, была в очередной раз беременна, ей приснился сон, будто она родила пылающую головню. Прорицатели истолковали этот сон таким образом, что рожденный ею ребенок спалит Трою. Поэтому только что родившегося мальчика подбросили в предгорья Иды, где его нашли и воспитали пастухи, давшие ему имя Париса. Здесь он взял на себя судейство в споре трех богинь. Когда же Приам назначил в Трое поминальные игры о своем подброшенном и наверняка погибшем сыне Александре, Парис принял в них участие и одержал победу над сыновьями Приама. При попытке одного из них убить незванного соперника (ср. фр. 194) Парис — Александр был опознан как сын Приама и принят в царскую семью.

Вероятно, уже после Софокла этот миф послужил основой для трагедии Еврипида «Александр» (415 г.; см.: *Шопина Н. Р.* Папирусное «содержание» трагедии «Александр» и ее место в творчестве Еврипида // ВДИ. 1986. № 1. С. 117—130) и следовавшего за ним римского драматурга Эвния (фр. 38—82.)]

- 192(91a). Не ошибается лидийский камень.
 193(92). Не подобают горожанам игры.
 194(93). Что горожан подпасок победил.

ТИНДАРЕЙ

[Самой прекрасной женщиной в Греции, обладание которой Афродита пообещала Парису, была Елена, дочь спартанского царя Тиндарея. Когда она достигла брачного возраста, в Спарту съехались десятки претендентов на ее руку, и Тиндарей находился в большом затруднении, кого из них предпочесть. К сожалению, два сохранившихся фрагмента из трагедии Софокла носят настолько общий характер, что трудно сказать, какой эпизод из жизни Тиндарея составил ее содержание.]

- 195(646). Не должно славить счастья человека
 Счастливого, покуда жизни он
 Не кончит поприща в безболыи тихом.
 Ведь в миг один цветущее богатство
 Отнимет прихоть демона, когда
 Изменит он, иль бог когда захочет.
 196(647). И от старости свет притупился очей.

СВАДЬБА ЕЛЕНА

[Речь шла здесь не о выдаче Елены замуж за Менелая, а о свадьбе, которую справил Парис, привезя похищенную Елену в Трою. Для этой драмы засвидетельствовано восточное слово «оросанги» (телохранители) и двустийшие, заставляющее предположить в ней участие сатиров и, таким образом, отнести пьесу к числу сатировских драм.]

- 197(181). Ах, смоква старая! Ты сам бессилен,
 И нас, других, осмоквить хочешь речью?

ОДИССЕЙ БЕЗУМСТВУЮЩИЙ

[Как один из женихов Елены Одиссей обязан был принять участие в походе против Трои. Однако ко времени похищения Елены Одиссей уже был женат на Пенелопе, имел малолетнего сына Телемаха и не испытывал никакого желания оставлять их ради легкомысленной супруги Менелая. Поэтому перед явившимися за ним ахейскими вождями он притворился безумным: запрягнув в плуг коня и вола, он с утра отправлялся

вспахивать свое поле, засевая его солью. Хитрость Одиссея раскрыл Паламед, полуживший на его пути Телемах. Объехав ребенка, Одиссей сам себя разоблачил и вынужден был примкнуть к походу. Сохранившийся фрагмент — вероятно, из речи одного из Атридов.]

198(462). Ты знаешь все: я весь свой долг исполнил —
Аргивян речь сжата и коротка.

ФЕНИКС

[Ахейцам было предсказано, что поход под Трою не увенчается успехом, если они не привлекут к себе Ахилла — сына царя Фтии Пелея и морской нимфы Фетиды. Таким образом, в сказания Троянского цикла оказались втянутыми эпизоды из ранних лет Ахилла и окружавшие его персонажи. Одним из них был Феникс — сын беотийского царя Аминтора. Так как его отец увлекся молодой рабыней и этим оскорбил свою законную супругу, та убедила Феникса отбить у отца любовницу. Сын послушался матери, но навлек этим на себя проклятие изгнавшего его отца. Феникс нашел себе убежище у Пелея, который отдал ему на воспитание своего сына (*Ил.* IX, 447—483). Из двух связанных фрагментов № 200 явно имеет в виду любовницу Аминтора.

Одноименные трагедии написали Еврипид (фр. 804—818) и следовавший за ним Эвний (фр. 306—318).]

199(718). ...Песий терн заповил всю ниву.
200(720). ...Женщина, кормящаяся телом...

ЖИТЕЛЬНИЦЫ ФТИИ

[Содержание трагедии, действие которой должно было происходить во Фтии, царстве Пелея, неизвестно. Судя по фр. 201 и 203, какую-то роль здесь снова играл Феникс, избранный в воспитатели Ахилла. Аристотель (*Поэтика*, 18, 1456 а 1) относил эту трагедию к числу «этических», т. е. наиболее сильных в изображении нравов.]

201(694). Ты — молод, многому учиться должен,
Услышать много, много воспринять.
202(695). Я сам
Тебе вожатым буду, старцу старец.
203(696). Вину отцеубийства
Он на себя навлек бы.

ПОКЛОННИКИ АХИЛЛА

[Поскольку пьеса относилась к числу сатирических драм, то содержанием ее было, очевидно, влечение сатиров к юному Ахиллу, которого Феникс всячески оберегал от их приставаний (фр. 205). В фр. 207 речь идет об усилиях, которых потребовало от Пелея овладение Фетидой; имя гонимого пса Сиагр (фр. 209) и фр. 208, по-видимому, относятся к охоте как занятию, достойному Ахилла; фр. 211 — вероятно, пророчество о подвигах Ахилла под Троей.]

204(149). Ведь этот недуг день один излечит.
Ты знаешь, с чем бы я сравнил его?
Бывает, с неба холодом повеет,
И мальчики игривыми руками
Хватают плотный, затверделый лед.
Диковина их радует вначале;

Конец же тот, что мальчику-то жаль
 Расстаться с ней, она ж игрушкой прочной
 Не остается у него в руке.
 Так и любовь: одна и та же страсть
 И к делу манит, и от дела гонит.

Феникс

- 205(153). Увы! Ты видишь сам, что страсть напрасна.
 206(157). Он глаз своих
 Бросает стрелы.
 207(150). Каких трудов не натерпелся я!
 И львом, и змеем, и огнем, и влагой...
 208(152). Иль копыя двуострое жало.
 Его терзали сугубые муки
 От удара Ахиллова древа.
 209(154). А ты, Сиагр, питомец Пелиона...
 210(155). Мед речи, с уст стекающей.
 211(156). Он там оружием несокрушимым,
 Изделием Гефеста...

СОБРАНИЕ АХЕЙЦЕВ

[Содержание драмы неизвестно. Если в фр. 213 речь идет о клятве, которую дали жёны Елены, — совместно мстить за оскорбление ее будущего супруга, — то действие могло происходить в начале похода, когда мать собиралась в Авлиде.]

- 212(143). И стражи жребия ночного — струг
 Кормилами по ветру направляют.
 213(144). Ты в кресло сядь и, взявши в руки складень
 Исписанный, прочти нам, все ль приплы,
 Чтó вместе клятвою себя связали.
 214(144a). О, Несторова лысая глава!

ИФИГЕНИЯ

[Когда ахейский флот стоял в беотийской гавани Авлиде, Агамемнон метким выстрелом убил лань и громко воскликнул, что такой удаче могла бы позавидовать сама богиня-охотница Артемиды. Разгневанная похвальбой смертного, богиня наслала на флот противные ветры, которые мешали отправлению войска под Троию. Поскольку прорицатель Калхант объявил, что гнев Артемиды может быть смягчен только принесением ей в жертву Ифигении, дочери Агамемнона, девушка была привезена в Авлиду и подставлена под жертвенный нож. Однако в последний момент богиня подменила Ифигению на алтаре ланью и перенесла ее в Тавриду, где сделала ее жрицей в своем храме.]

Миф о жертвоприношении Ифигении обрабатывали все три афинских трагика. Трагедия «Ифигения» была у Эсхила (фр. 94); к этому мотиву он возвращался и в «Агамемноне» (184—249, 1412—1420). Целиком дошли две трагедии Еврипида — «Ифигения в Авлиде» (405 г.) и «Ифигения в Тавриде» (ок. 414—412 г.). В первой из них Ифигения была вызвана в Авлиду под предлогом ее бракосочетания с Ахиллом. Этот же мотив, как видно из фр. 215, использовал у Софокла посланный за Ифигенией в Микены Одиссей. Напарником его был избран Диомед, к которому, возможно, обращены слова Одиссея в фр. 217.

Одноименную трагедию написал Эвний (фр. 220—252), следовавший «Ифигении в Авлиде» Еврипида.]

*Одиссей**(Клитеместре)*

- 215(305). О ты, которой лучший зять достался...
 216(306). В сосуд прокисший меда не вливай.
 217(307). Как осьминог природный цвет меняет
 На цвет утеса, так и ты свой разум
 Окрашивай под обстановку, друг.
 218(308). Не сладок плод бездельного досуга.

СОТРАПЕЗНИКИ

[Эта драма, которую большинство исследователей считают сатиrowsкой, изображала, как видно, в юмористическом освещении жертвенный пир, устроенный ахейцами по пути в Трою на о-ве Тенедос. Среди действующих лиц была Фетида, обращавшаяся к Ахиллу (фр. 219), и сам Ахилл, изображенный в традициях сатиrowsкой драмы обжорой (фр. 220, 221) и вступающий в спор с Одиссеем (фр. 224), который, в свою очередь, ставил под сомнение героизм Ахилла (фр. 223).]

Фетида

- 219(562). Оставив хор подводных Нереид,
 Сюда я вышла.
 220(563). Несите же. Ты тесто приготовь,
 А ты вина в глубокую кратиру
 Налей. Ведь этот витязь бесподобный —
 Что вол рабочий: если не наестся
 Как следует, он к делу не приступит.
 221(564). И как не стыдно! Надушив бородку,
 Ты, уж не мальчик и породы знатной,
 Добился, чтоб по брюшеству тебя,
 А не по отчеству, мы величали.
 222(565). И вот в сердцах посудыной зловнойной
 В меня пустил он — и не промахнулся:
 О голову мою мироточивый
 Сосуд разбился, и пропах я весь
 Благоуханьем жидкости противной.

Одиссей

- 223(566). Едва увидел Трои ты твердыню,
 Как уж боишься!
 ...Я знаю, отчего бежать ты хочешь.
 Бесчестье не при чем тут, нет: но Гектор
 Вблизи — и прибыльно отдаться гневу.
 224(567). О негодяй! Как верно отразился
 Сисиф в тебе, муж матери твоей!
 225(568). Ненавистно забвенья святых Пиерид
 И проклятью подобно; а память певцов —

Вожденное счастье: возносит она
Кратковечное поприще жизни.

ПАСТУХИ

[Содержание драмы составляли события, разыгравшиеся на троянской равнине сразу же после высадки ахейцев: от рук Гектора погибает ступивший первым на троянскую землю Протесилай; против Ахилла выходит хвастливый Кикн (фр. 232—233), но терпит поражение от ахейского героя. Название драме дано по хору фригийских пастухов (фр. 226—229).]

- 226(502). То было на рассвете; пастухи
Еще из стойл не выходили; я же
Отправился, чтоб козочкам нарвать
Ветвей зеленых. Тут я рать увидел:
По берегу морскому шла она.
- 227(503). Где пирамида плещется в волнах,
Соседка Геллеспонта — боспоритам
Она ведь гостя летняя, у них
Ее нередко встретишь.
- 228(504). Плетеной мрежей губит багряниц.
229(505). Их господа, им как рабы мы служим,
И их молчание для нас закон.

Гектор

- 230(498). А хорошо бы руки поразмять,
Поупражнять их.
- 231(499). Крик Кикна...

Кикн

- 232(501). Он в быстром беге от стены умчится.
Подошвой целой ягодиц касаясь.
- 233(507). В ознобе челюсть затрясется, точно
От лихорадки.
- 234(508). Не знаю ран я, словом нанесенных.
- 235(500). И для булата, и для меди он
Неуязвим.
- 236(510). ...И сколько нужно, глины намешал.
- 237(506). Сорвав венец, рук Посидона
Творенье, с троянской стены.
- 238(511). Трех богинь ниспослал Олимп
Средь овец на Идейский кряж,
Всех в одной колеснице.

ПОСОЛЬСТВО О ЕЛЕНЕ

[После первой битвы на троянской равнине ахейцы хотели решить дело миром и отправили в Трою послами Менелая и Одиссея с требованием выдачи Елены и увезенных с нею сокровищ. В то время как все остальные троянцы отнеслись к послам враж-

дебно, Антенор принял их у себя в доме и защитил от недоброжелательства своих соотечественников. В сохранившихся фрагментах можно видеть характеристику Менелая (239), Елены (240) и ее собственное высказывание (241).]

- 239(176). Таков сам строй его нехитрых слов;
Лаконской речи дух я чую в них.
240(177). Похитив (?) женщину, что щек увядших
Румянец кистью воскрешать способна.
241(178). Уж лучше мне напиться бычьей крови,
Чем вечной пищею служить злословью.

ТРОИЛ

[Троила, юного сына Приама, Ахилл убил из засады у источника недалеко от Скейских ворот. В чем состоял смысл конфликта в этой трагедии, не ясно. Рядом с Троилом был выведен и его воспитатель-евнух (фр. 243, 244).]

- 242(618). И вышло то, что вышло: сочетался
С Фетидою безмолвным браком он
Многообразною.
243(619). Господина потерял я,
Годами — отрока, душою — мужа.
244(620). Ножом царица оскопив меня...
245(621). Идем к текучей родниковой влаге.
246(622). ...Епанчами, длинными до пят.

ПАЛАМЕД

[Возненавидев Паламеда, который заставил его принять участие в Троянской войне, Одиссей искал способ отомстить ему. Он сумел незаметно спрятать мешок с золотом под полом палатки Паламеда и подбросить в ахейский лагерь письмо, якобы написанное Паламедом Приаму и удостоверяющее получение золота. На суде ахейских старейшин Паламед был обвинен в мнимой измене и побит камнями.]

Миф о Паламеди был обработан также в недошедших трагедиях Эсхила (фр. 181—182а) и Еврипида (фр. 578—590). От трагедии Софокла сохранилось меньше всего: высказывание общего порядка (фр. 247) и отрывок из речи какого-то персонажа, защищавшего Паламеда апелляцией к его заслугам перед ахейским войском (фр. 248).]

- 247(478). Уж с первых слов ты будь благоречива.
248(479). Не он ли — бог простит мне похвальбу! —
Их голод прекратил? Не он ли в шашки
И в кости войско научил играть,
Забавой умной время коротая,
Чтоб червь безделья не глодал души
Морскою качкой утомленной рати?

НАВПЛИЙ

[Античные источники употребляют наряду с названием трагедии «Навплий» также дополнительные обозначения: «Навплий приплывающий» и «Навплий—возжигатель». Содержание первой из них, как это видно из позднеантичных свидетельств (включая сюда недавно найденный обрывок папирусного «содержания» — Р. Оху. 52, 1984, 3653), составляла попытка Навплия добиться посмертной реабилитации его невинно

казненного сына Паламеда. Не достигши цели, Навплий отправился к женам ахейских героев, воевавших под Троей, склоняя их к измене мужьям. Однако главный акт его мести был впереди: в бурную ночь возвращения ахейцев из-под Трои Навплий зажег ложные маячные огни на крутых прибрежных скалах острова Евбеи. Держа путь на эти огни, многие греческие корабли разбились о подводные рифы, а люди на них погибли. К первой из упомянутых трагедий по содержанию могут быть отнесены фр. 249 (обращение Навплия к Зевсу перед началом спора с Атридами?), 252 и 254 (из речи Навплия, перечисляющего заслуги Паламеда перед войском), ко второй — 255—257 и 253 (описание ахейцев, запутавшихся во время бури в корабельных снастях?)

- 249(425). Зевс — утолитель нашей боли! Зевсу
Спасителю святое возлиянье
От третьей чаши!
- 250(426). Нет, щитоносным в блеске всеоружья...
- 251(427). Как щитоносец или скиф стрелами...
- 252(429). Забаву шашек на пяти чертах,
Игру костей...
- 253(431). Головами вниз,
Как зяблики в силках, они повисли.
- 254(432). Для рати он аргивской изобрел
Весов и чисел и объемов меры.
Из единиц десятки он сложил;
Пятидесятницы из них составил,
И сотни он, и тысячи впервые.
Сигнальной службы верные огни
Для войска он измыслил — раньше их
Не знали. Звезд вращения и меры,
Небесных тел порядок и значенье
¹⁰ Он выяснил; он стражу указал
Ночных часов надежные приметы,
А кормчему ладьи средь волн морских —
Медведицы незыблемые круги
И Сириуса бедственный закат.
- 255(433). Молю и Ночь, родительницу горя...
- 256(434). Ночь горя тысячу ночей вмещает;
День счастья пролетает как стрела.
- 257(435).западню огня.

ФРИГИЙЦЫ

[По аналогии с недошедшей трагедией Эсхила «Выкуп Гектора или Фригийцы» (фр. 263—272) содержанием этой трагедии Софокла предполагают поездку Приама в ахейский лагерь и его встречу с Ахиллом (фр. 258). Что касается фр. 259, то в нем, возможно, речь идет о бракосочетании Ахилла с троянской царевной Поликсеной, которое могло бы смягчить обстановку под Троей, но было прервано роковым выстрелом из засады Париса, вероломно сразившим Ахилла.]

- 258(724). Охотно губит добрых и могучих
Арес, мой сын. Кто языком лишь смел,
Беглец невзгоды, жизнь свою спасает:
Добытчик вялый на дурных Арес.

- 259(725). О перестаньте в свадебных напевах
Союз <злосчастный> этот величать!

ЭФИОПЫ

[Содержание неизвестно. Возможно, это другое название трагедии Софокла «Мемнон», упоминаемой в античном предисловии к «Аяксу» (АС 108); от нее, впрочем, кроме названия, ничего не дошло. По другому предположению, «Эфиопы» — иное название «Андромеды».]

- 260(28). По доброй воле, не под силы гнетом
Тебе я так советую. А ты,
Благоразумным подражая, правду
Хвали, но сам о выгоде радей.
- 261(29). Четырехкрылы, поясами туго
Обтянуты, с головкой черной...

СКИРОСЦЫ

[После гибели Ахилла возникла необходимость привлечь к военным действиям под Троей его сына Неоптолема, родившегося и воспитывавшегося на о-ве Скиросе. Ср. Ф. 240 и примеч. Содержание трагедии составляло, по всей видимости, прибытие ахейского посольства (с участием Феникса, старого воспитателя Ахилла) на Скирос и сборы Неоптолема. Фр. 267 — вероятно, из его речи к Фениксу.]

Одноименную трагедию написал Еврипид (фр. 682—686), но ее содержанием было привлечение к Троянской войне Ахилла, скрытого Фетидой среди служанок царевны Деидамии на Скиросе.]

- 262(553). Обвеянный ветрами Скирос...
- 263(554). Бог брани жаждет молодых людей.
- 264(555). Средь смертных нет несчастнее пловцов,
И как бы ни осыпал их богатством
Их демон или бог — заслуги меньше
Награда будет. Утлая ладья
Товар под вечным страхом многоценный
Везет; опасность всюду, и не знает
Пловец, спасет ли прибыль он свою,
Иль потеряет все.
- 265(555b, 3—20) ³ Я призываю...
Да знает пусть...
И гавань...
Чтобы ни враг любой...
Ни всякий, кто...
С мольбою обращаюсь...
Давайте поразмыслим...
- ¹⁰ Пусть так. И что...
Теперь все это...
На кораблях ахейских и...
Которых, ради осторожности...
Мы отплываем из обоих...

- И к мужу Халкодонту...
 Живущему близ круч...
 Здесь плаванье привычно нам...
 Привел нас и отправил тот...
 И был бы далеко уже от сей земли.
²⁰ А вот теперь из-за задержки...
 266(556). Ведь горшее из бедствий — долгий век.
 267(557). Когда б могли мы плачем исцелять
 Свои несчастья и слезами мертвым
 Жизнь возвращать — ценнее золота был бы
 Наш плач. Но нет! желанье тщетно, старче,
 Чтоб свет узрел в могиле схороненный.
 Ведь будь в слезах все дело — я и сам
 Родителя на божий свет бы вывел.

ФИЛОКТЕТ ПОД ТРОЕЙ

[По содержанию примыкала к дошедшему «Филоккету», хотя и была написана раньше. В сохранившихся незначительных фрагментах речь идет, по-видимому, об исцелении Филоктета. Фр. 271 — из описания Асклепия.]

- 268(697). Чтоб смрадом вам я тягостен не стал.
 269(698). Недуги лучше всех врачует — Смерть.
 270(699). Ужасной песнью оглашая <стан>,
 С напевом флейт святых несоместимой.
 271(701). И, как у вестника, двуглавый жезл
 С двумя драконами.

ЕВРИПИЛ

[Сын Геракла Телеф, царь малоазийской области Мисии, сражался против ахейцев, когда они, согласно одной из версий, высадились по ошибке на мисийском побережье. Раненный копьем Ахилла, Телеф исцелился от незаживающей раны только благодаря повторному прикосновению к ней того же копыя. В благодарность он дал обет за себя и за своих потомков — никогда не сражаться с ахейцами. Когда, однако, положение Трои (уже после гибели Гектора и Мемнона) стало очень трудным, Приам через свою сестру Астиоху, жену Телефа, убедил его сына Еврипила привести под Трою мисийское ополчение. Совершив здесь много подвигов, Еврипил пал от руки Неоптолема, сраженный все тем же копьем Ахилла. Все отрывки из «Еврипила» известны из папирусных находок; в одной из них был прочитан и единственный стих из этой трагедии, сохраненный Плутархом (фр. 272, ст. 9, пространно переведенный Зеллинским). В наиболее уцелевших папирусных фрагментах речь идет о гибели Еврипила и отчаянье Астиохи.]

- 272(210). ⁹ Без похвалы, без брани
 К кругам прорвались медных лат они

А с т и о х а

- ³⁰ Увы! Увы!
 Сугубый стон...

Х о р

35 Горе лютое...

Ум врожденный свой позабыла ты.

А с т и о х а

О демон, демон! ты сгубил меня.

Х о р

Не зови его: он и так вблизи —

Без разбора бьет.

А с т и о х а

40 За ними Правда увлечет меня.

Х о р

Да, Правда!

А с т и о х а

Что же, чем скорей, тем лучше!

К о р и ф е й

Ах!

Что нам сказать? Что молвить нам?

А с т и о х а

По праву всякий поразит меня!

Х о р

Сразил вас рок; не он тебе судья.

А с т и о х а

И, в довершение горя, надругались

Насильники-аргивяне над трупом?

В е с т н и к

Не довелось им оскорбить его.

50 Товарищи в одной и той же битве,

Они лежали все ж не очень близко;

Один был цел, другой — совсем изрезан:

.....

65 Оторван бурей...

Так голосил в отчаяньи народ.

И много тканей, много риз, изделий

Истрийских жен, на мертвого бросали, —

Почетный, да, но бесполезный дар!

70 А он, припав к пронзенной груди мужа,

Хоть не отец, с отеческой любовью

Родную кровь оплакивал Приам,

Годами отрока, но старца думой

И юношу отвагой боевой.

Он не мисийцем, не Телефа сыном
 Был для него — свое дитя родное
 Он видел в нем, взывая так к нему:
 «И ты, мой сын, покинул нас! Последней
 Для нас ты был и лучшею надеждой.
 Надолго будешь памятен ты всем,
 Кого жестокость пощадит Ареса.
 80 Не так о Мемноне скорбели мы,
 Не так о смерти Сарпедона...»

А с т и о х а

273(211). ...Приам!
 Идейской отчизны царь!
 Не ты ль убеждением
 Склонил неразумную
 Свершить это дело?

Х о р

Он память...
 Оставил...
 О нем не...

А с т и о х а

Булат роковой! сразил
 Телефова сына ты!
 О горе, копье! Давно ль
 Целебных ты сил полно...
 274(212). 3 ...И в смерти счастлив был...
 Он и погиб прекрасно.
 И вот наказ:
 ...в каменной гробнице,
 Хороме общей, бок о бок с Телефом;
 В пирах же поминальных...
 275(222). 2 ...Нашел науку я: нам ввек не будет
 От горя отдыха, от бед спасенья;
 Всему хозяин случай; всех быстрее
 Низвергнуть может...

ЛАКОНЯНКИ

[Когда ахейцам стало известно, что Троя не может быть взята, пока в ней находится Палладий — статуя Афины-Паллады, доставить его в лагерь взялись Одиссей и Диомед. Проникнув в город через клоаку (фр. 276), Одиссей, предварительно изуродовав себя, вошел в стовор с Еленой и с ее помощью вместе с Диомедом увес Палладий. Фр. 277, возможно, заимствован из речи Одиссея, стремившегося сломить сопротивление Диомеда предательскому похищению Палладия. Название трагедии, предполагающее женский хор из спартанок — прислужниц Елены, указывает, что действие происходило в ее доме.]

- 276(367). В канал подземный тесный и зловонный
Тогда вошли мы.
- 277(368). Не спорь напрасно. Первые трояне
Аргивянам обиду нанесли,
И боги никогда их не одобряют,
Коль в праве смертный говорить за них.

ЛАОКООНТ

[Среди сохранившихся фрагментов этой трагедии ни один не упоминает о судьбе Лаокоонта, который отговаривал троянцев от введения в город деревянного коня со спрятавшимися в нем ахейскими воинами и вместе с сыновьями был задушен змеями, появившимися из моря. Фр. 278 описывает радостное настроение троянцев после отплытия ахейского флота; как видно из фр. 279, они славили при этом Посидона. Во фр. 280 вестник сообщает о покидающем Трои Энее — вероятно, еще до ее падения, и в этом случае надо признать, что версия, принятая Софоклом, отличалась от более известной нам по изложению Вергилия во II кн. «Энеиды».]

- 278(370). И пред домами жертвенник пылает,
В струях огня зернь смирны растворяя,
Восточных благовоний пышный дар.
- 279(371). Забеги ли вод Эгейских ты,
Иль морскую синеву
Блудешь с высоких скал надбрежных,
О Посидон владыка!
- 280(373). Теперь у врат — Киприды сын Эней;
Отца, перуном тронутого, поднял
Себе на плечи он, покрыв ему
Виссоновым плащом большую спину,
И окружил себя толпою слуг.
Но и фригийцев сонм за ним несметный
Последовал — столь велико желание
Переселиться на чужбину с ним.
- 281(374). Труд кончен наш — и сладок стал нам труд.
- 282(375). Минувшее нас не заботит горе.
- 283(377). Сверхаясь с выси...

АЯКС ЛОКРИЙСКИЙ

[«Илиада» и примыкавшие к ней киклические поэмы знали двух Аяксов — знаменитого героя, сына Теламона, которому была посвящена дошедшая до нас трагедия Софокла, и так наз. «малого» Аякса, сына Оилея из Локр. Этот последний был известен тем, что в ночь падения Трои пытался отторгнуть от алтаря Афины искавшую там спасение Кассандру (фр. 290), чем осквернил священный участок и заслужил избиение камнями. На суде он спас себя от казни ложной клятвой, однако был низвергнут богами в море во время возвращения ахейского флота в Грецию. Так как этот эпизод не мог быть изображен в трагедии, о нем, вероятно, пророчествовала Кассандра. От «Аякса Локрийского» до недавнего времени было известно всего лишь несколько цитат. Папирусная публикация 1976 г. (Р. Оху. 44, 3151) принесла множество новых фрагментов, но связный характер носит только отрывок из монолога (фр. 284).]

- 284(10с, 2—6). Какой Дриантов отпрыск, о ахейцы,
В поход пошел под Трою...
Кто смел замыслить умысел безбожный?
Не Салмоной ли вновь восстал из мертвых,
Что бычьей шкурой громыхал, как Зевс?..
- 285(11). Доспех ливийский,
Пятнистая пантеры дикой шкура.
- 286(12). Око правды золотое,
Видит все: оно возмездьем
Беззаконникам грозит.
- 287(13). Лишь дуновенье человек и тень.
- 288(14). Общеньем мудрых мудры и царя.
- 289(15). О чем пророчил Аполлон тебе?
- 290(15а). И рухнул с грохотом
Кумир богини древний...

ПЛЕННИЦЫ

[Из античного предисловия к «Аяксу» (АС 108) ясно, что «Пленницы» относились к трагедиям троянского цикла. В остальном содержание ее неизвестно. Ф. Зелинский считал «Пленниц» другим названием трагедии «Аякс Локрийский» (ср. фр. 296, 299).]

- 291(33а). Разумным людям слово не в укор.
- 292(34). Ученый волхв и рати очиститель.
- 293(35). Как решето, стал многоок мой щит.
- 294(36). Он отнят у тебя, как рог у лиры.
- 295(37). Под каждым камнем скорпий стережет.
- 296(38). И за очаг алтарный ухватившись.
- 297(39). И с островов, и с европейской тверди.
- 298(40). Я Киллу вместе с Хрисою блюду.
- 299(41). Хоть мал я, но больших я победил.
- 300(42). Как будто из одной повторно чаши
Я возлиял.

ПОЛИКСЕНА

[Содержанием служило принесение Поликсены в жертву на могиле Ахилла, которому она была обещана в жены при его жизни (ср. фр. 302 — из речи Тени Ахилла, появляющейся над его могилой). Другой мотив — спор между Менелаем (из его речи — фр. 301) и Агамемноном о сроках отплытия домой. Вероятно, из пророчества Кассандры о его смерти — фр. 305.]

- 301(522). Итак, под Идой оставайся ты
И приноси богам за жертвой жертву,
Собрав стада со всех Олимпа пастбищ.
- 302(523). Предвечный брег оставил я, покрытый
Глубоким мраком; с ахеронтских волн
Почуял я могучих возлияний
И плача ревностного ворожбу.
- 303(524). Не в силах ведь верховный рати вождь

Всех осчастливить, всем в угоду править.
 Сильнее много Зевса власть — моей,
 И все ж и он ни в ведро, ни в ненастье
 Не будет другом всем, и пусть к ответу
 Пред смертных суд он явится — виновным
 Его признают. Я же — смертный муж,
 От смертной матери родился; как же
 Могу умом я Зевса превзойти?

304(525). С эфирных же высот и с темной тучи...

305(526). Плащ без прорех, губительная риза...

АНТЕНОРИДЫ

[Трагедия под этим названием, как и «Пленницы», упоминается в античном предисловии к «Аяксу» (АС 108) как относящаяся к троянскому циклу. Антенор был единственным троянцем, выступавшим за решение спора о Елене мирным путем (см. выше «Посольство о Елене»), и поэтому среди ахейцев было условлено при взятии Трои пощадить его вместе с семьей. Поэтому содержание трагедии могло составлять переселение Антенора с детьми во Фракию или северную Италию (см. Страбон XIII, 1, 53, 608 С). Ряд исследователей отождествляет «Антеноридов» с «Посольством о Елене», опираясь на название 15 дифирамба Вакхилида под названием «Антенориды или посольство о Елене». Этой точки зрения придерживался и Зелинский. Единственный сохранившийся фрагмент, где говорится, по-видимому, об орле Зевса, не дает ответа на вопрос о содержании трагедии.

В Риме трагедию «Антенориды» (вероятно, по образцу софокловской) написал Акций (фр. 79—86).]

306(137) И птаха, и слугу, и вестника.

ДОЛОПЫ

[Содержание неизвестно. Власть над долопами Пелей вручил Фениксу, которого он приютит у себя. Может быть, «Долопы» — другое название трагедии «Феникс»?]

307(174). Что он, как заяц, спрятался и, беглый,
 Сидит под кровом.

ТЕВКР

[Содержание трагедии составляло возвращение Тевкра по окончании Троянской войны на Саламин, негодование Теламона по его адресу за то, что Тевкр не уберег от гибели Аякса, изгнание Тевкра (ср. А. 1007—1021) и основание им на Кипре города, названного тоже Саламин в память о покинутой родине. Трагедия написана не раньше 20-х годов V в., поскольку цитата из нее содержится в «Облаках» Аристофана, поставленных впервые в 423 г. (см. фр. 310). Фр. 308 — об Оиле, отце другого Аякса, павшем духом при известии о смерти сына; фр. 309 — слова Теламона; фр. 310—311 — о буре, постигшей при возвращении ахейцев.

Для римской сцены «Тевкра» обработал Пакувий (фр. 335—380); фр. 312 перевел Цицерон (Туск. 3, 71); возможно, что эту трагедию Софокла использовал в своем «Теламоне» Эний (фр. 319—338).]

308(576). Вот мудрецы, вот сильные умом!
 Все таковы, как этот ныне. В горе

- Чужом они совет умеют дать,
А если у самих в весах их жизни
Несчастья чаша перевес получит —
Забята вся их мудрость в миг один.
- 309(577). Дитя мое! Вотще, знать,
Вкушал усладу я, когда тебя
Хвалили, как живого — и не видел
Эринии, которая во мраке
Меня надеждой лживой согревала.
- 310(578). И на небесах
Сверкнули молнии, и гром прорвался
Через туч прорехи.
- 311(579). Кихрейский мыс.

ПЕЛЕЙ

[Оставшись после смерти Ахилла беззащитным стариком (ср. *Ил.* XXIV 486—489), Пелей был изгнан из своего царства Фтии соседями, сыновьями Акаста. Спасаясь от них, Пелей нашел убежище у абанта Молона на острове Икосе и здесь скончался. По версии, изложенной у Диктиса Критского, смерти Пелея предшествовала его случайная встреча с Неоптолемом, месть последнего соседям изгнанного деда и его торжественное возвращение на родину. Как следует из схолия к аристофановским «Всадникам», 1098 сл., «Пелей» был поставлен незадолго до 424 г. Аристотель относил эту трагедию Софокла к «эгическим» (*Поэтика* 18, 1456 а 1—2), т. е. в ней, очевидно, был убедительно изображен нрав состарившегося героя, погруженного в воспоминания о прошлом и размышления о тщетности людской славы.

Одноименную трагедию написал Еврипид (фр. 617—624.)]

- 312(487). Пелея Эакида я одна
На склоне лет его берегаю
Сиделкой верною. Ведь правду молвят:
Обратно в детство возвратился старец.
- 313(488). Несчастной жизни лучше небытье.
- 314(489). Согласны мы, рады мы,
Мысль по сердцу нам твоя.
- 315(490). Несись, несись, пифийский гимн!
- 316(491). Воскликну я громким голосом:
Есть в доме кто? Отклика жду.
- 317(492). Повелитель могучий Дотийской страны...
- 318(493). Не обмани моей надежды, Зевс!
Не дай мне жизнь окончить без копья.
- 319(494). Без омовенья тело намащает,
Не сбрасывая складчатых одежд.

КЛИТЕМЕСТРА

[Хотя об этой трагедии сохранилось только одно свидетельство, содержащее единственный стих, едва ли можно сомневаться, что ее содержание составлял заговор Клитеместры (вместе с Эгисфом?) против Агамемнона и убийство микейского царя в день его возвращения из-под Трои.]

320(334). Здесь бродит Мститель — разве вы его
Не видите?

ХРИС

[Имя Хриса известно из «Илиады» (I, 11—16): так звали жреца, чья дочь Хрисеида досталась в пленницы Агамемнону и с большой неохотой была возвращена им отцу. О дальнейших событиях повествует позднеантичный мифограф Гигин (№ 120), передающий, судя по всему, содержание трагедии Софокла. В изложении Гигина, Агамемнон не оставил Хрисенду нетронутой, и когда у нее родился ребенок, названный тоже Хрисом, она объявила его сыном Аполлона. Когда впоследствии Орест и Пялад с помощью Ифигении похитили из Тавриды и ее и кумир Артемиды, они искали у Хриса убежища от преследовавшего их царя Фоанта. Узнав, что Орест и Ифигения — дети Агамемнона, которым Хрис-младший приходится единокровным братом, Хрисеида оказалась перед дилеммой: открыть сыну тайну его рождения или выдать беглецов на расправу Фоанту. Она выбрала первый путь, и завязалось сражение, в котором Фоант погиб, а детей Агамемнона оно освободило от преследователя.

По сообщению схолиаста к ст. 1240 «Птиц» Аристофана (фр. 322), стих заимствован из Софокла, — стало быть «Хрис» написан незадолго до 414 г.

На римской сцене «Хрис» послужил прообразом для одноименной трагедии Пакувия (фр. 79—118).]

321(726). О Гестия, первнца возлияний,
Ты слышишь это?

322(727). Перуном Зевса будет свергнут он.

323(728). Такому властвовать над этим мясом?

ГЕРМИОНА

[Гермиона, дочь Менелая и Елены, была обещана в жены Оресту, но Менелай, находясь под Троей, нарушил это обещание, просватав дочь за Неоптолема. Когда же Неоптолем был убит в Дельфах, куда он явился требовать к ответу Аполлона за смерть Ахилла, Гермиона была возвращена Оресту. Так излагают содержание трагедии Софокла позднеантичные источники. Принятый Софоклом вариант нашел отражение в «Андромахе» Еврипида (ок. 424 г.), а на римской почве — в трагедии Пакувия (фр. 168—198) и в 8-ой «Героиде» Овидия.

Единственный дошедший от Софокла фрагмент — малоинформативен.]

324(202). О вы, земли отечественной стогны!

НАВИКАЯ, ИЛИ ПРАЧКИ

[Из названия ясно, что содержанием этой трагедии была встреча Одиссея с юной царевной Навсикаей (см. 6 кн. «Одиссея») и его дальнейшее пребывание в стране феаков. Во фр. 325 речь явно идет о работе Навсикаи и ее подруг, отправившихся на берег моря стирать белье; фр. 326, скорее всего, — из рассказа Одиссея о Харибде. Более далеко идущие выводы об этой трагедии делать рискованно. Об исполнении юным Софоклом роли Навсикаи см. АС 3 и 4.]

325(439). Сложить плащи и все льняные ризы.

326(440). Ладью мою теченье,

Подняв спокойно, извергает вновь.

ФЕАКИ

[Тот же случай, что и с предыдущей трагедией. Единственный фрагмент не дает никакого представления о том, какой эпизод из пребывания Одиссея у феаков и в каком свете получил обработку в этой трагедии Софокла.]

327(675). К еде приправа горькая.

ОМОВЕНИЕ

[Судя по названию, в трагедии был обработан известный эпизод из 19 книги «Одиссея», когда старая нянька Евриклея во время омовения ног Одиссея узнавала его по старому рубцу на ноге. Мнение ряда исследователей, будто «Омовение» служило только другим названием трагедии «Одиссей, пораженный шипом» (см. ниже), трудно признать справедливым, так как сцена омовения ног была настолько тесно связана в сознании современников Софокла с событиями в доме Одиссея накануне его расправы с женихами, что трудно себе представить ее перенесение к моменту, предшествующему смерти Одиссея. Контаминацию двух мотивов предпринял, по-видимому, только римский драматург Пакувий в своей трагедии «Омовение» (фр. 266—295). Единственный фрагмент Софокла не дает никакого ответа на затронутые здесь вопросы.]

328(451a). ... В присутствии
Соседей близких.

ОДИССЕЙ, ПОРАЖЕННЫЙ ШИПОМ

[От Кирки у Одиссея родился сын, названный Телегоном («далеко рожденным»). Достигнув совершеннолетия, он отправился на розыски отца, ночью (или в тумане) пристал к Итаке и, не зная, где он высадился, принялся грабить остров. Вступившийся за свое имущество Одиссей получил от неузнанного им Телегона смертельную рану копьем, наконечником которого служил твердый шип морской рыбы ската. Миф о смерти Одиссея восходит к старинному фольклорному сюжету «поединок отца с сыном», древность которого еще больше подчеркивается оружием Телегона, а сама трагедия, видимо, завершалась сценой трагического опознания Телегона, о которой пишет Аристокл в «Поэтике», 14, 1453 b 29—34.]

Среди сохранившихся фрагментов № 329 и 330 напоминают прорицание Тиресия в «Одиссее» XI, 127—129; в фр. 331—332, 335—336 вспоминается пророчество, полученное Одиссеем в Додоне, что ему суждена смерть от руки сына; в фр. 333 имеется в виду Киклоп, хотя и непонятно, в какой связи он мог упоминаться много лет спустя после возвращения Одиссея.]

329(453). Какой же дар ты на плечах могучих
Несешь?

330 (454). На плечах неся
Мякиноистребительную утварь.

331(455). Додонский Зевс — пророк для смертных он.

332(456). Священствующих вещей Додонид.

333(457). ...чудовищное чрево.

334(458). Коль выйдут — дело; если ж нет, скажи...

335(460). Теперь же

Ни из Додоны, ни с Пифийских склонов

Не убедит пророчество меня.

336(461) ...И додонского владыкп славословья прекрати!

Ж. ИЗ РАЗНЫХ ЦИКЛОВ

МЛАДЕНЕЦ ДИОНИС

[К фиванской царевне Семеле по ночам являлся Зевс. Желая убедиться, что это вправду он, Семела попросила его показаться ей в полном величии, и от перунов, зажатых в руке Зевса, загорелась спальня Семелы и погибла она сама. Плод их любви — недоношенного младенца Диониса — Зевс изъял из чрева матери и зашил себе в бедро, а когда ребенок достиг поры появления на свет, отдал его на воспитание нимфам и лесным демонам — сатирам. Какие именно проделки этих детей природы изображались в сатиrowsкой драме Софокла, подробнее неизвестно. Фр. 337 — скорее всего, из рассказа папаша-Силена.]

- 337(171). Когда к нему я пищу приближаю, —
Он ручку поднимает, нос мне треплет
И лысину, так весело смеясь...
337а(172). Где нашли они винный цвет,
Отдых сердцу от боли?

КЕДАЛИОН

[Кедалион — хромо́й кузнец с о-ва Наксоса, учитель в ремесле, а затем помощник Гефеста в его мастерской на о-ве Лемносе. В сатиrowsкой драме, озаглавленной именем Кедалиона, было обработано хийское предание о возвращении с его помощью зрения исполину-охотнику Ориону. Какую роль играли в этой истории сатиры (к ним, конечно, обращен фр. 339), неизвестно. Фр. 341 — поговорочное выражение, подобное нашему «выеденному яйцу», — пустое дело, перевод времени.]

- 338(328). И вот из страха уронил я нечто
Из тех приправ.
339(329). Плетьюми б, кнутами б бить вас, чужеды!
340(330). Твои слова так ясны для меня,
Как белая черта на белом камне.
341(331). Что б ни случилось — выйдет тень осла.
342(332). ...самозданные дома.

ГЛУХИЕ

[Еще одна сатиrowsкая драма, роль в которой сатиrow и тем более их глухота при существующем состоянии источников непонятна. Речь шла в ней о том, как некоторые из людей, получив от Зевса средство от старости, навьючили его на осла; по пути осел захотел напиться, но сторожившая источник ядовитая змея потребовала, чтобы осел отдал ей то, что несет. Так змеи приобрели средство от старости, каждый год меняя кожу. Но вместе с ним — и жажду, томившую осла. Оттого мучаются жаждой и укушенные ими люди.]

- 343(363). ...И съжившись, как бобовидный червь.

ПАНДОРА, ИЛИ МОЛОТОБОЙЦЫ

[Злоумышляя против человеческого рода, Зевс послал Эпиметею, брату Прометея, чан с запретом открывать его. Принесли этот чан сатиры, из чего следует, что и эта драма Софокла была сатиrowsкой. Ослушавшись приказа, Эпиметей велел сатирам раз-

бить сосуд молотами (отсюда второе название драмы), и на свет вышла Пандора, которую он взял себе в жены. Фр. 344 — вероятно, о создании Пандоры, вылепленной Гефестом.]

- 344(482). И первым делом ил меси руками.
345(483). Кто первый выпьет полный рог златой,
Тому рукою мягкою она...

ФАМИР

[Фракийский певец Фамир неосторожно похвалился, что своим искусством он может превзойти Муз, которые за это ослепили его (ср. *Ил.* II, 59—65). Об участии в постановке «Фамира», относящегося к началу творческого пути Софокла, самого поэта, см. АС 2.]

- 346(237). <И> во Фракии Зевса Афонского мыс.
347(238). И нарядные лиры и лютни и все
Сладкозвучные древа в Элладе...
348(240). Песни вровень мы поем
Шагу ног, размаху рук.
349(241). Умолкли песни, что под лютни звон...
350(242). От Эрхтония матерью стала грудного младенца —
Много он в Аргосе полом похитил добра — Автолика.
351(244). Он разбил золоченый рог,
Дивный строй разорвал звонкоголосых струн.
352(245). Всецело, с головой охвачен я безумьем
Мусическим от лиры и ладов Фамира,
Что их творит искусней всех...

ТАНТАЛ

[Тавтал, лидийский царь, сын Зевса, пользовался такой его любовью, что получил право присутствовать на пирах бессмертных. Он, однако, злоупотребил доверием богов и то ли вынес с Олимпа божественную пищу — нектар и амбросию, то ли разгласил среди людей содержание разговоров богов. Чтобы проверить их всеведение, он убил собственного сына Пелопа и подал его мясо к столу богов. Какой эпизод из жизни Тавтала составлял содержание трагедии Софокла, по незначительным сохранившимся фрагментам определить невозможно.]

- 353(572). Не надолго ведь жизнь человеку дана;
А умрет он — навеки он должен лежать
Под покровом земли.
354(573). Гермес то слово вещее открыл.

МЕЛЕАГР

[Сын калидонского царя Энея возглавил охоту на исполинского вепря, насланного на его землю Артемидой. При дележе трофеев произошла ссора между калидонцами Мелеагра и принявшими участие в охоте его дядьями. Различные варианты по-разному излагают последствия этой ссоры и причину смерти Мелеагра. Какую из версий принял Софокл, неизвестно.]

Одноименные трагедии написали Еврипид (фр. 515—539) и Акции (фр. 428—450).]

355(401). Чудовищного вепря дочь Латоны
Наслала на Энеевы поля,
Богиня-дальновержица.

ТИРО

[Тирó была дочерью элидского царя Саломонея, любившей местного бога реки Энипея. Однажды к ней под видом Энипея явился Посидон и овладел ею. Рожденных близнецов Тиро поместила в корыто и пустила его по течению Энипея. Мальчиков нашел и воспитал пастух, назвав одного из них Пелием, другого — Нелеем. Между тем Саломоней, овдовев, взял себе другую жену, по имени Сидерó (от греческого *sidēros* «железо», см. фр. 359), которая всячески преследовала падчерицу, заставляя ее, в частности, выполнять работы по хозяйству. Однажды подростки Пелий и Нелей оказались на царском дворе, причем в руках у Пелия было и корыто, в котором их подобрали. У колодца их увидела Тиро — произошло опознание, после чего близнецы убили Сидеро, вернули матери царское достоинство и сами были признаны царевичами, законными наследниками Саломонея.]

Софокл написал две трагедии, озаглавленные именем Тиро. Были ли это два варианта одного и того же сказания, или Софокл использовал еще какую-нибудь версию, неизвестно. Ту «Тиро», в которой развязку приносило узнавание, упоминает в «Поэтике» Аристотель (16, 1454b, 19—25), и поставлена она была до 414 г., как видно из отрывка античной дидактики и пародии в аристофановской «Лисистрате», 138. Фр. 356 — о внешности Тиро, отличавшейся белизной кожи; фр. 360 — из жалобы Тиро: обрезать у свободной женщины косу значило нанести ей страшное оскорбление, на что, как видно, вполне сознательно пошла Сидеро, желая увидеть падчерицу и приравнять ее к рабыне; фр. 368 — из хоровой партии.]

- 356(648). Столь белою ее на молоке
Вскормили.
- 357(653). Не разглашай ты демона повсюду:
О нем скорбеть в молчании пристойней.
- 358(654). Что значит птицы этой появленье
В столь странном месте?
- 359(653). Она отважна, ей сродни железу;
Его же носит в имени она.
- 360(659). И по косе скорблю, как кобылица
Младая, у которой пастухи
Во мраке стойл безжалостной рукою
Убор скосили гривы золотой.
И вот в полях, в вод зеркале текучих
Увидит образ свой она, увидит
Бесчестие поруганной красы —
Ах, и жестокий сжалится над нею;
Так стыдно ей, так больно, так обидно,
Что цвет похищен гордости белой.
- 361(660). <Явились> змеи посреди стола,
К блюдам и чашам винным подползая.
- 362(661). Объятый горем много видит дух.
- 363(662). Не восхваляй его, пока он жив.
- 364(663). Болезнь родится от упадка духа.
- 365(664). Всему нас учит долгий век и время.

- 366(665). Тот не дурен, кто согрешил невольно.
 367(666). Различных яств обильем угощаем.
 368(667). Число необъятно людей; не будь уверен,
 Что сын благородного добрым уродился,
 И отпрыск худого худым; исход непрочен
 Надежды у смертных...
 369(668). ...Диониса туроядца.

САЛМОНЕЙ

[Возомнив себя Зевсом, Салмоней приказал воздавать ему почести, как верховному богу. Зевс сразил его молнией. Пьеса была драмой сатиров, но в чем состояло их участие, сохранившиеся фрагменты не объясняют. Может быть, сатиры были пленниками Салмоней и получили свободу после его наказания?]

- 370(537). Любовный зуд и шепот поцелуев —
 Вот победителю в игре коттаба
 Наградный приз: так объявляю я.
 371(538). И тебя пожалуй
 Коснется огненный перуна дых,
 И задымишься дымом ты зловонным.
 372(539). Весь облик дымом, вестником огня...
 373(540). Карийские козлы.

ВОДОНОСИЦЫ

[Упоминается в схолии к ст. 1 «Антигоны». Содержание неизвестно.]

- 374(672). На акестейской колеснице он
 Стоит стопой уверенной...
 375(673). Открыта всем обитель Амфитриты.

ЭРИГОНА

[Эригона — дочь Эгисфа и Клитеместры; Орест, расправившись с убийцами отца, пытался убить и ее, но девушку спасла Артемида: она перенесла ее в Аттику и сделала там своей жрицей. Как был обработан этот миф у Софокла, неизвестно. Возможно, «Эригона» послужила прообразом одноименной трагедии Акция (фр. 318—325).]

- 376(235). Хочу
 Воочью видеть то, что чует сердце.
 377(236). Исподтишка <боролся он> и пал
 От тех, кого он сам стгубить задумал.

ГИППОНОЙ

[Гиппоной был царем ахейского города Олена, дедом Тидея, принявшего участие в походе семерых против Фив. Из сообщения античного лексикографа Полидевка (Поллукса) известно, что в одной из песен хора в этой трагедии Софокл говорил от своего имени. Фр. 379 касается, вероятно, дочери Гиппоной, уличенной им в потере девичьей чести.]

- 378(300). С Оленской я кормилицы-земли
Иду...
- 379(301). Итак, оставь утайки; все раскроет
Всезрящее, всевнемлющее время.
- 380(302). Спасенья зелье не везде растет:
Его на поле ты сорвешь Заботы.

АЛЕАДЫ

[Алей, царь Тегей в Аркадии, получил прорицание, сулившее ему смерть от сына его дочери Авги. Поэтому он сделал Авгу жрицей богини Афины, запретив ей под страхом смерти соединение с мужчиной. Когда Геракл, будучи гостем Алея, овладел в пьяном виде Авгой и отец заметил ее беременность, он отдал ее Навплию с просьбой утопить ослушницу. По дороге Авга родила мальчика, оставив его на горе Парфении. Вскормленный ланью и воспитанный пастухами, которые назвали его Телефом, тот со временем узнал тайну своего рождения и отправился в Тегею, где сыновья Алея (Алеады) не захотели признать в нем своего племянника. В завязавшейся ссоре Телеф убил своих дядьев и по указанию богов бежал в Мисию, куда еще задолго до этого Навплий переправил Авгу и выдал ее замуж за местного царя Тевфранта. Так как у Авги от Тевфранта не было детей, Телеф после смерти отчима стал царем Мисии.]

Из сохранившихся отрывков в фр. 390 речь идет, как видно, о Геракле, в фр. 393 — о лани, выкормившей Телефа. Остальные носят достаточно общий характер.

В надписи нач. IV в., найденной в афинском деме Эксоне, упоминается трилогия «Телефея», поставленная Софоклом (*Tr GF* 1. P. 39. *D d.* 5, 8), первой частью которой могли быть «Алеады». Спорным остается только, являлся ли ее автором знаменитый Софокл, или — скорее — его одноименный внук, тоже трагический поэт (см. *АС* 101), поставивший «Эдипа в Колоне».]

- 381(77). В том постоянная ошибка смертных:
Что злом хотят исправить зло они.
- 382(78). Ведь против правды нелегко идти.
- 383(79). Беда — притворство в благородном муже.
- 384(80). Большая сила в праведных устах.
- 385(81). Молчи, дитя! в молчаньи много выгод.
- 386(82). Что пользы в многословии тебе?
Излишек в речи нам всегда противен.
- 387(83). Ты обо всем не спрашивай: полезно
Оставить многое под сенью тьмы.
- 388(84). Что сказать мне на это — не знаю я сам:
Когда добрые никнут и терпят урон
От безродных мужей —
Нет от этого городу пользы.
- 389(85). Никто, конечно. Но не лучше ль будет
Врагов сразить, хотя б и преступленьем,
Чем в рабской службе ближнему служить?
- 390(86). А. Ах, перестань. Довольно и того мне,
Что он слывет родителем моим.
Б. Родил тебя он подлинно? Прекрасно!
А. А нет — все же лучше так; молве народной
Подчинена и истина...

- 391(87). А. Ужель с законным ты сравнишь ублюдка?
 Б. Законно всякий доблестный рожден.
- 392(88). Богатство людям сватает друзей;
 От них же — почести; а с ними место
 Вблизи властителя богач займет.
 Затем: врага у денег не бывает;
 А кто и враг — не сознается в том.
 Богач повсюду находить дорогу
 Способен, и в дозволенное место,
 И в недоступное. А что бедняк?
 И встретит счастье, да схватить не сможет;
 Богач же, будь безроден, безобразен,
 Лишь были б деньги — прослывет красавцем
 И умным он. Среди болезней даже
 К нему нисходит радость одному,
 Страданий острых притупляя жало.
- 393(89). Прекраснорогая с холма крутого
 Спустилась лань...
 На ветер <чуткие> поднявши ноздри
 И лоб рогатый...

МИСИЙЦЫ

[Содержанием трагедии могло быть либо прибытие Телефа в Мисию (см. вступительную заметку к «Алеадам»), либо его выступление во главе своего народа против ахейцев, по ошибке приставших к берегу Мисии вместо Трояды (см. вступительную заметку к «Еврипилу»). Поскольку, однако, Аристотель в «Поэтике» (24, 1460 а 27—32) упоминает «Мисийцев» в связи с переселением Телефа из Теги в Мисию, первое предположение представляется более вероятным; тогда «Мисийцы» принадлежали к той же трилогии, что «Алеады» и «Телеф», от которого, правда, никаких отрывков не сохранилось.

Одноименная трагедия была у Эсхила (фр. 143—145).]

- 394(409). Несчастному приятно хоть на миг
 Забыть о гнете неустанном горя.
- 395(410). Безбольного не знаем мы; счастливым
 Зовем того, кто менее несчастен.
- 396(411). Всю землю, гость, мы Азией зовем,
 А эту область — Мисией, согласно
 Названью тех, что обитают в ней.
- 397(412). Гудел во-всю фригийский треугольник,
 Созвучию лидийской лиры вторя.

ГОРДЫНЯ

[Сатирическая драма, содержание которой неизвестно.]

- 398(670). И вот Забвенье: всех его лишили
 Даров, немым оставив и глухим.
- 399(671). желая поросенка съесть.

ФРАГМЕНТЫ, СОХРАНИВШИЕСЯ БЕЗ НАЗВАНИЯ ДРАМ

- 400(734). и Гекатиных варева яств.
 401(735). По принуждению пить — не лучше жажды.
 402(737). Мне ненавистен тот, кто созерцает,
 Что навсегда сокрыто от людей.
 403(738). Зиждительному Солнца кругу поклоняется народ.
 404(739). Как же не по праву б я
 Убит был?
 405(743). Нагрянет свыше Мститель-кровопийца.
 406(745). Усердые, скрытое под сенью дома,
 Боятся слуха посторонних...
 407(751). Заклал я агнцев ежегодный дар
 Богам, что побережье охраняют.
 408(752). ...Сжался надо мной,
 Ты, Солнце! Не напрасно мудрецы
 Тебя богов родителем зовут,
 Отцом для всех.
 409(753). Я тягостный сожитель, чужестранцы —
 О тягостный!
 410(755). Ведь не выставил <брат мой> ублюдком меня, —
 Породил нас обоих единый отец.
 И владыка нам Зевс, а не смертный.
 411(756). Пусть лишь ляжет он:
 На шею тотчас прыгну я ему.
 412(757). О столько лет молчавший мой язык!
 Как обнаружишь ты такое дело?
 Но тяжким бременем Необходимость
 Нас жмет; раскрой же тайну всю дворца!
 413(758). Дурман похмелья — исцеленье горя.
 414(760). Дерзай! Заслон великий для тебя
 От этих страхов — я.
 415(761). Пловцы закрепку судна осушили.
 416(762). И рыб безмолвных хоровод шумел
 И плеском тем приветствовал царицу.
 417(763). Ведь жаждущий — всем мудрости заветам
 Глоток единый предпочтет воды.
 418(764). Тебя да сгубит бог злодейской смертью!
 С черпалками примчалась ты сюда.
 419(765). Мила ведь Феорида.
 420(766). И не пляшет уж более Робости дочь
 В облегченной душе...
 421(767). И что от ястреба раздался клекот,
 Похитившего мясо...
 422(768). Он уж не дует в нужную цевницу —
 Нет, в сопла дикие, без перевязки.
 423(769). В женоподобных ризах шеголяешь.

- 424(770). К какому богу попадешь ты в руки!
Не знает ни любви он, ни пристрастья,
Простой лишь Правде следуя одной.
- 425(771). И бог таков, я это твердо знаю:
Для мудрых — мудрый он судьбы вещатель,
Для неучей — бессмыслен и простец.
- 426(772). ...Тут изобрел я для питья ритон
И сикиниду.
- 427(773). Про Фивы молвишь и ворот седмицу —
Лишь там богов и смертные рождают.
- 428(774). С закрытыми глазами вижу я,
Сам стерегущий, а не сторожимый.
- 429(776). В тени Афона хребт лемносской телки.
- 430(777). В лоскут одетый ризы фессалийской.
- 431(778). А те — нашли осиное гнездо
И лакомятся медом.
- 432(779). Улов вакханок у меня в руках.
- 433(780). Какого палача у нас не стало!
- 434(781). Оружие к ногам скатилось их.
- 435(783). Обильная течет из чанов глина.
- 436(786). Ведь до поры разумной жизни спесь
Не доживает; лишь в молодые годы
Она цветет — и снова увядает.
- 437(787). Желал и я бы глины намесить.
- 438(788). Предстал пред мать и пред отца родного.
- 439(789). Не там, где ложе зоркими очами
Светильники оберегают.
- 440(790). Живою пользуясь ногой...
- 441(791). ...птица голосистая.
- 442(792). ...лань здешнюю.
- 443(793). 〈и телят〉
Плодоносные матки, и козы 〈в горах〉
У тяжелых вымен
- Да покажут детенышей резвый приплод.
- 444(795). Молосскими скрепив руками...
- 445(796). Чтоб ни обманною не мерил мерой,
Ни свыше меры жита ты не сыпал.
- 446(797). Ни звук пилы, ни топора удар.
- 447(799). Но я тебя обидными словами
Не стану попрекать; я не скажу,
Как ты, беглец, был изгнан из отчизны,
Ни как Тидей, отец твой, кровь родную
Пролив, был в Аргос принят поселенцем,
Ни как под Фивами сырую плоть
Астакова вкусил он сына, череп
Ему разбив.
- 448(799a). ...и рыбный соус.

- 449(800). Лидийский камень, издали железо
Ты привлекла.
- 450(804). Святые Девы таинства твоей.
- 451(806). Обильную добычу захватив,
Мы счастливо домой вернемся с нею.
- 452(807). ...Прибыли постыдной
Я неудачу предпочту всегда.
- 453(808). Что природа дала человеку,
Того не отнимешь никак.
- 454(811). Я клятву женщин на воде пишу.
- 455(815). Молчи, молчи: раздался в доме крик.
- 456(817). Чу! То дух пред алтарем,
Бродит он по лужам крови...
- 457(818). Вершина мысли и вершина дела.
- 458(819). Невразумленным не уйти тебе.
- 459(820). что навьюченный осел.
- 460(823). Огонь — андрахны зеленью ветвей
<Мы> возжигаем.
- 461(826). Ты это, Благодатная, дала.
- 462(827). Уж не расскажешь речью человека
Об этом ты!
- 463(828). А я спешу навстречу.
- 464(828a). Повсюду ясный свет.
- 465(828c). ...С глаз долой прогнать.
- 466(828f). Увы! Не слышен авла звук, влекущий
Нас к танцу.
- 467(831). Во всяком деле доброе начало
Конца благополучного залог.
- 468(832). Теснина Ада, бездны перелив.
- 469(833). Приятен плод, хоть и на лжи стезе.
- 470(834). От лживой речи я не жду плодов.
- 471(835). И небогатый честь стяжает муж.
- 472(836). Бедняк не хуже, коль душой он здрав.
- 473(837). Блаженны трижды смертные, что узрят
Тех таинств непорочных благодать
И уж затем в Аидову обитель
Сойдут. Одни в ней жизнь они обрящут,
Всем прочим в ней лишь горе суждено.
- 474(838). Арес ведь слеп, подруги; без оглядки
Бросается, как вепрь, он на добычу,
И все в смятении приводит.
- 475(839). От дел дурных не будет слов хороших.
- 476(840). И как грузило топит сеть <оно.>
- 477(841). Кого же к отроку любовь кольнула...
- 478(842). К которым страстные жаднее всех.
- 479(843). Что знанию доступно — я тому
Учусь; что в силах ум найти — ищу;

- А что желать лишь может сердце наше,
О том богов смиренно умоляю.
- 480(844). Теперь ступайте, весь рабочий люд,
Что грозноликой дочери Зевеса
Эргане молитесь — и за станками
Стоячими, и под удары млата
В глухую тяжесть грузной наковальни...
- 481(845). А ты о смерти смертного скорбишь,
Не зная, счастье ль жизнь ему сулила.
- 482(846). То не наряд, глупец, а непорядок
И страсть пустая сердца твоего.
- 483(848). А ты, что лошадь, бесишься от жира,
Наполнив пасть и чрево до <отвала>.
- 484(849). Не лира плачущим мила, а флейта.
- 485(850). Ведь и дары богов погибнут — сами
Лишь гибели не ведают они.
- 486(851). И к мельнице его петух мой звал.
- 487(852). Один лишь плач певцов в моих хорах
Всегда звучал.
- 488(853). А будешь душу разбирать ты смертных —
Ты больше тьмы, чем света, в ней найдешь.
- 489(854). Лекарством горьким горькой желчи накипь
Они смывают.
- 490(855). Не осуждаю я тебя; порочны
Твои слова, но дело благородно.
- 491(856). Не та же цель совета и ристанья.
- 492(857). Ты убедил, ты обольстил меня.
- 493(858). Прибой ленивый звуков словоносных
Едва проходит чрез воронку уха;
Он видит дальше и слеп вблизи.
- 494(859). Наездники лихие и стрелки,
И со щитом звенящим в бой идут.
- 495(860). Все сущее когда-либо впервые
На свет явилось.
- 496(861). К Сиренам, Форка дочерям, пришлыл я,
Поющим в ад сводящие напевы.
- 497(862). И с Корибантами пляшите...
- 498(863). Таких друзей лишившись, люди рады;
Имущий же их жаждет избежать.
- 499(864). Подобно меди благородной, он
В работе блещет,— а в тоске безделья
Его покроет ржавчины налет.
- 500(865). Необорим ведь Убежденья лик.
- 501(866). ...Жилицу дома кроткую, голубку...
- 502(867). Сложите вместе заключенья речи
Раздвоенной — и будет хорошо.

- 503(868). Как одуванчика обсевок вздутый
Увядшего...
- 504(869). Удил то многих дело и кормил.
- 505(870). Поспешно бродит убежденье к злу.
- 506(871). В круговороте быстром волей бога
Вращается судьба моя, меняясь
Без устали. Таков и круг луны:
Ведь и она и двух ночей не может
Подряд в едином виде пережить.
Нет, исподволь из мрака небытья
Она выходит, мерно хорошея
И наливаясь в лике молодом;
Едва достигнув совершенства грани —
Она ущерб несет и гибнет вновь.
- 507(872). И молодую — ей хитон короткий
Бедро беспечное кроет —
Дочь Гермionу-красу.
- 508(873). Ведь кто под царскую вступает сень,
Тот раб его, хотя б пришел свободным.
- 509(874). О боги, Афродитой плъ Желаньем
Охвачен он?
- 510(875). ...Страх, волосы вздымающий.
- 511(879). Жужжит и вверх стремится мертвецов
Летучий рой.
- 512(880). ...Алфесибею,
Которую отец родной...
- 513(881). Приснилось мне, как два материка
Сошлись.
- 514(884). Орел — жезла хранитель, Зевса пес...
- 514a(885). Кусая, ты виляешь, точно псица
Коварная.
- 515(885a). Увы, свершилось бога предсказанье.
- 516(887). Да исполнит Зевес нам победный возврат
В облегченье испытанных бедствий.
- 517(890). Обходя свои кросны под песнь челнока,
Что и с дремлющих дрему свеваает.
- 518(892). Детей родных он поглотил и в чреве
Их держит ныне.
- 519(893). Я благоречье возведу сначала.
- 520(894). Ведь гнев у старца — что клинок непрочный:
Рукой отточись — быстро притупишь.
- 521(895). Ведь если Зевс играет в кости — вечно
Они удачно для него падут.
- 522(896). Разумен будь, равняй со словом дело.
- 523(897). Лавровые ты листья жуй, и губы
Зубами закуси.
- 524(898). Я на него, как видишь, сам иду.

- 525(900). Кто мук моих не испытал, советы
Пусть прекратит.
- 526(902). Чтоб просияло Зевсово чело.
- 527(903). Я никогда понять вас не сумею.
- 528(904). Приятней нам идти с толпой отборных
Наездников, чем взяв всю рать с собой.
- 529(905). Идя, приморский путь я от чудовищ
Освободил.
- 530(907). Уж на богов престоле вышем Зевс...
- 531(908). Одно из трех освободит меня.
- 532(909). В торговлю, в куплю ты пустился, точно
Ты финикиянин, торгаш сидонский.
- 533(910). Одно и то же место в нашем сердце
Нам и веселье и печаль растит:
Мы от обоих проливаем слезы.
- 534(911). Привет тебе, ферейская земля,
Струя родная, Гиперейский ключ:
Тебя меж всеми возлюбили боги.
- 535(913). Лилица хитрая, Лаэрта сын.
- 536(915). Есть Эя, чудный фессалийский жребий.
- 537(916). Анакторей, град сонменный краю...
- 538(917). Скорей, артакяне и перкосийцы...
- 539(918). Все раскрывая, в свет выводит время.
- 540(919). Хоть мир ты весь, исследуя, пройди —
Ты все же божьей мысли не постигнешь,
Раз бог ее открыть тебе не хочет.
- 540a(920). Беспамятливый муж неблагодарен.
- 541(921). Когда глупцы числом необоримы,
От них мудрец погибнет одинокий.
- 542(922). А. Ведь честь велит нести страдальцам помощь.
Б. Благоразумье тоже бог великий.
- 543(923). Кто стал несчастным, тот не только глух —
Он и того, что ясно всем, не видит.
- 544(924). Ведь глупости нет необорней зла.
- 545(925). Сестра родная глупости — порочность.
- 546(926). Не след весельем гнусным сердце тешить.
- 547(927). Не помогает счастье оробевшим.
- 548(927a). Свободных граждан речь всегда свободна.
- 549(927b). Свобода — дочь счастливейшая Зевса.
- 550(928). В несчастьи стыд не выручает мужа:
В удаче же молчание — союзник.
- 551(929). Что тут хвалить! Ведь в опьянении всякий
Невольник гнева и беглец ума.
Обильно льется слов поток безумных,
И неохотно речи он услышит,
Что так охотно разводил тогда.
- 552(930). А кто в обмане уличен бесспорном,

- Умолкнет — как бы ни был он речист.
 553(931). Внушительная сила у того,
 Кто благороден — и уверен в этом.
 554(932). Под клятвенным зарокон и жена
 Родильных мук повторность отклоняет;
 Но боль пройдет — и снова в ту же сеть
 Любовной неги попадет голубка,
 Побеждена насущным вожделеньем.
 555(933). Для хищника тяжелой клятвы нет.
 556(934). Кто счастья жаждет — оставайся дома.
 557(935). Храни же тайну заповедной речи!
 Ведь нет такого прочного затвора,
 Чтоб удержать в повиновеньи слово,
 Что с языка слетело твоего.
 558(936). Где над отцами торжествуют дети,
 Нет благомыслия в городе таком.
 559(937). Страны законам угождать пристойно.
 560(938). Потуг немало в доблестном стремленьи;
 А кто доволен состязаньем скромным,
 О том и слава скромная пойдет.
 561(939). Ум чаще побеждает, чем рука.
 562(940). Пусть в рабстве тело — дух зато свободен.
 563(941). Киприда, девы, не Киприда только —
 Она началам многим соименна.
 Она — лихая смерть; она и жизнь
 Нетленная; она — безумья пламя;
 Она — желанье чистое и грусть.
 В ней все найдешь ты — дельное стремленье,
 Истому неги и насилья страсть.
 Проникнут ею всякий, в ком душа
 Живет; над ней никто не торжествует.
 В породы рыб вливается она
¹⁰ Плавучих; сонм четвероногий суши
 Ее познал; среди станиц пернатых
 Ее крыло витает; да, повсюду,
 Среди зверей, людей, богов — Киприда.
 Пусть трижды ей противостанет бог —
 Он будет ею трижды ниспровергнут.
 Коль в праве молвить я — а чем не в праве
 Я молвить истину? — она и Зевса
 Сразила сердце, без копы, без звона
 Булатного; во всех решеньях смертных
 И в божеских участвует Киприда.
 564(942). И был ли дом у смертных возвеличен,
 Хотя б тонул он в неге, без хозяйки
 Заботливой?
 565(943). Жена — душой мужчина, в сиром доме.

- 566(944). А бедность, нрав впитавши нечестивый,
Загубит в корень и разрушит жизнь.
- 567(945). О смертный род! О бедственное племя!
О, до чего ничто мы, тени дыма,
Напрасная обуза для земли!
- 568(946). Без горя жить богам лишь суждено.
- 569(947). Игрок искусный не клянет судьбы:
Он с тем, что выпало, мирится, пользу
Извлечь стараясь из всего.
- 570(948). Надежда кормит большинство из смертных.
- 571(949). Все беды долгой старости присущи:
Ум притупился, ослабели руки
И попусту забота гложет грудь.
- 572(950). Нет старости для мудрых, коих дух
Благоволенье божества вскормило:
Ведь прозорливость — высшее из благ.
- 573(951). Тот неразумен, кто чрезмерно смерти
Страшится; все подвластны мы судьбе.
А час придет — хоть ко двору ты Зевса
Беги: тебя настигнет он и там.
- 574(952). Кто и в несчастьи жизнью дорожит,
Тот иль бесчувствен, иль труслив не в меру.
- 575(953). А. С умершим смерть вкусить желает сердце.
Б. К чему спешить? Придет и твой черед.
- 576(954). Все гасит время и в забвенье вводит.
- 577(955). Во всякой речи побеждает Правда.
- 578(956). Чрез все пространство моря, к граням мира,
К истокам ночи, к основанью неба,
Где Феба манит изначальный рай.
- 579(957). Клянусь четой Лаперсов и Евротом,
Клянусь богами в Аргосе и Спарте.
- 580(958). С доспехами, с бегущей колесницей
Фиванский прах его, разверзшись, принял.
- 581(959). Затем увидел я страну вакханок,
Прославленную Нису, Дионисом
Любимую превыше всех земель.
Там всякой птицы раздается рокот...
- 582(960). Как странно ослабела тетива!
- 583(961). Не встанет смертный, если бог убил.
- 584(962). Свершилось зло — расплатой будет зло.
- 585(963). Изнеженные, ловкие витии...
- 586(964). От бога дар, дитя мое, нам этот;
А что даруют боги — принимай.
- 587(965). Впрямь Одиссей я, соименный гневу:
Немало злых я в жизни прогневил.
- 588(966). Кто напевает беотийский лад
Вначале тихо, а затем все громче...

ТАБЛИЦА
 ДЛЯ ПЕРЕВОДА НУМЕРАЦИИ ФРАГМЕНТОВ
 В ИЗДАНИИ С. РАДТА
 В НУМЕРАЦИЮ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ

Радт	Наст. изд.	Радт	Наст. изд.	Радт	Наст. изд.	Радт	Наст. изд.
4	1	61	69	126	79	185	36
5	2	62	70	127	81	187	40
6	3	63	72	128	82	188	37
10с	284	64	71	128а	80	189	38
11	285	65	73	129	83	190	39
12	286	66	74	137	306	199	190
13	287	67	75	140	108	201а	41
14	288	77	381	143	212	201b	42
15	289	78	382	144	213	201с	43
15а	290	79	383	144а	214	201d	44
19	152	80	384	149	204	201e	45
20	155	81	385	150	207	201f	46
21	154	82	386	152	208	201g	47
22	153	83	387	153	205	201h	48
23	157	84	388	154	209	202	324
24	158	85	389	155	210	210	272
25	156	86	390	156	211	211	273
28	260	87	391	157	206	212	274
29	261	88	392	158	182	222	275
33а	291	89	393	159	183	223а	90
34	292	91а	192	162	184	223b	91
35	293	92	193	165	77	225	92
36	294	93	194	167	78	226	93
37	295	108	49	171	337	227	94
38	296	111	10	172	338	235	376
39	297	112	11	174	307	236	377
40	298	113	33	176	239	237	346
41	299	115	35	177	240	238	347
42	300	120	34	178	241	240	348
60	76	122	89	181	197	241	349

ТАБЛИЦА (продолжение)

Р.дт	Наст. изд.	Радт	Наст. изд.	Радт	Наст. изд.	Радт	Наст. изд.
242	350	324	186	382	88	456	332
244	351	326	187	384	6	457	333
245	352	327	188	386	7	458	334
247	109	327 ^a	95	387	8	460	335
248	110	328	338	388	9	461	336
255	111	329	339	390	172	462	198
256	112	330	340	391	173	471	101
257	113	331	341	393	174	472	102
258	114	332	342	394	175	473	103
259	115	334	320	395	176	474	104
260	116	337	20	396	177	475	105
269 ^a	54	338	21	397	178	476	107
269 ^c	55	339	22	398	179	477	106
270	56	340	23	399	180	478	247
271	57	341	24	400	181	479	248
272	58	342	27	401	355	482	344
273	59	345	25	407	189	483	345
277	60	346	26	409	394	487	312
278	61	350	142	410	395	488	313
279	62	351	143	411	396	489	314
282	63	352	144	412	397	490	315
284	64	353	145	425	249	491	316
286	65	354	146	426	250	492	317
287	66	355	149	427	251	493	318
288	67	356	147	429	252	494	319
289	68	357	148	431	253	498	230
297	98	360	191	432	254	499	231
298	99	363	343	433	255	500	235
299	100	367	276	434	256	501	232
300	378	368	277	435	257	502	226
301	379	370	278	439	325	503	227
302	380	371	279	440	326	504	228
305	215	373	280	441 ^a	50	505	229
306	216	374	281	442	51	506	237
307	217	375	282	447	53	507	233
308	218	377	283	448	52	508	234
314	Следопыты	378	85	451 ^a	328	510	236
319	150	379	84	453	329	511	238
320	151	380	86	454	330	522	301
323	185	381	87	455	331	523	302

ТАБЛИЦА (продолжение)

Радт	Наст. изд.	Радт	Наст. изд.	Радт	Наст. изд.	Радт	Наст. изд.
524	303	590	140	671	399	738	403
525	304	591	132	672	374	739	404
526	305	592	137	673	375	743	405
533	141	593		675	327	745	406
534	30	596	117	677	167	751	407
535	31	597	118	678	161	752	408
536	32	598	119	679	162	753	409
537	370	599	120	680	163	755	410
538	371	600	121	681	170	756	411
539	372	601	122	682	169	757	412
540	373	602	123	683	168	758	413
546	28	603	124	684	160	760	414
549	29	604	125	685	164	761	415
553	262	605	126	686	165	762	416
554	263	606	127	687	166	763	417
555	264	611	128	687 _a	171	764	418
555b	265	618	242	694	201	765	419
556	266	619	243	695	202	766	420
557	267	620	244	696	203	767	421
562	219	621	245	697	268	768	422
563	220	622	246	698	269	769	423
564	221	636	17	699	270	770	424
565	222	637	18	701	271	771	425
566	223	638	19	707	12	772	426
567	224	646	195	707 _a	13	773	427
568	225	647	196	710	16	774	428
572	353	648	356	711	15	776	429
573	354	653	357	712	14	777	430
576	308	654	358	718	199	778	431
577	309	658	359	720	200	779	432
578	310	659	360	721	4	780	433
579	311	660	361	722	5	781	434
581	139	661	362	724	258	783	435
582	136	662	363	725	259	786	436
583	129	663	364	726	321	787	437
584	130	664	365	727	322	788	438
585	131	665	366	728	323	789	439
586	135	666	367	730 _c	159	790	440
587	133	667	368	734	400	791	441
588	134	668	369	735	401	792	442
589	138	670	398	737	402	793	443

ТАБЛИЦА (окончание)

Рарт	Наст. изд.	Рарт	Наст. изд.	Рарт	Наст. изд.	Рарт	Наст. изд.
795	444	846	482	890	517	931	553
796	445	848	483	892	518	932	554
797	446	849	484	893	519	933	555
799	447	850	485	894	520	934	556
799a	448	851	486	895	521	935	557
800	449	852	487	896	522	936	558
804	450	853	488	897	523	937	559
806	451	854	489	898	524	938	560
807	452	855	490	900	525	939	561
808	453	856	491	902	526	940	562
811	454	857	492	903	527	941	563
815	455	858	493	904	528	942	564
817	456	859	494	905	529	943	565
818	457	860	495	907	530	944	566
819	458	861	496	908	531	945	567
820	459	862	497	909	532	946	568
823	460	863	498	910	533	947	569
826	461	864	499	911	534	948	570
827	462	865	500	913	535	949	571
828	463	866	501	915	536	950	572
828a	464	867	502	916	537	951	573
828c	465	868	503	917	538	952	574
828f	466	869	504	918	539	953	575
831	467	870	505	919	540	954	576
832	468	871	506	920	540a	955	577
833	469	872	507	921	541	956	578
834	470	873	508	922	542	957	579
835	471	874	509	923	543	958	580
836	472	875	510	924	544	959	581
837	473	879	511	925	545	960	582
838	474	879a	137	926	546	961	583
839	475	880	512	927	547	962	584
840	476	881	513	927a	548	963	585
841	477	884	514	927b	549	964	586
842	478	885	514a	928	550	965	587
843	479	885a	515	929	551	966	588
844	480	887	516	930	552	1130	96
845	481						

ДОПОЛНЕНИЕ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СОФОКЛА

1. Софокл был родом из Афин, сын Софилла, не плотника и не медника, как говорит Аристоксен ¹, и не ножовщика по роду занятий, как говорит Истр ²; но случилось отцу приобрести рабов-медников или плотников; трудно поверить, чтобы родившийся от такого отца Софокл удостоился должности стратега ³, наряду с Периклом и Фукидидом, первыми гражданами государства. Да и комики его не пощадили, они и самого Перикла покусывали. Не вызывает доверия сообщение Истра, будто Софокл — уроженец Флиунта ⁴, а не Афин. Во всяком случае, даже если он и происходил из Флиунта, то ни у кого, кроме Истра, нельзя найти подтверждения этого. Итак, Софокл родился в Афинах, в deme Колоне, славный и жизнью своей, и поэзией, получил прекрасное воспитание, рос в достатке, отличился и в управлении государством, и в посольствах.

2. Говорят, что он родился в семьдесят первую Олимпиаду ⁵, на втором ее году, при афинском архонте Филиппе. Он был на семь лет моложе Эсхила и на двадцать четыре года старше Еврипида.

3. В детстве он усердно занимался и в палестре, и мусическими искусствами, и, как говорит Истр, был увенчан и в том, и в другом. Музыка учился у Лампра ⁶ и после морского сражения при Саламине, когда афиняне праздновали победу, Софокл, нагой, умащенный маслом, с лирой в руках, возглавлял хор, исполнявший эпиникий.

4. Трагедии он учился у Эсхила. Многие Софокл ввел в состязания впервые ⁷: он первым прекратил участие в постановке поэта в качестве актера и сделал это из-за слабости собственного голоса (раньше он выступал и как актер), число хоровцов изменил, вместо двенадцати их стало пятнадцать; Софокл ввел также и третьего актера.

5. Говорят, что взяв кифару, он пел под нее однажды в «Фампире» ⁸ и поэтому в Расписной Стое ⁹ изображен с кифарой.

6. Сатир же рассказывает, что он придумал посох с изогнутым верхом; и Истр говорит, что он изобрел белые ботинки, которые надевают актеры и хоровцы; Софокл писал драмы согласно их природе; он руководил фиасом ¹⁰ из посвященных людей.

7. Одним словом, столь велика была прелесть его нрава, что все и всюду его любили.

8. Он одержал двадцать побед ¹¹, как говорит Каристий, часто занимал второе место, третье же никогда.

9. В возрасте шестидесяти пяти лет ¹² афиняне выбрали его стратегом за семь лет ¹³ до Пелопоннесской войны, в походе против анев.

10. Настолько он был предан Афинам, что хотя многие цари за ним посылали, он не захотел покинуть родину.

11. Софокл имел жреческий сан в культе Галона ¹⁴ (этот герой был воспитан Хироном ¹⁵ вместе с Асклепием), о чем свидетельствует изображение, которое соорудил после смерти Софокла его сын Иофонт.

12. Никто другой, кроме Софокла, не был таким любимцем богов, — как говорит Иероним ¹⁶, рассказывая о золотом венке. Золотой венок был похищен из Акрополя, и вот Геракл явился Софоклу во сне и велел искать венок в незаселенном доме по правую руку от входа, — там, дескать, он спрятан. Софокл указал народу на этот дом и получил в награду один талант; об этом было объявлено всем. Получив талант, Софокл воздвиг памятник Гераклу-Возвестителю.

13. Многие рассказывают о той тяжбе, которая возникла у Софокла с его сыном Иофонтом. От Никостраты у Софокла был сын Иофонт, от сикионянки Феориды ¹⁷ — Аристон, и его сына, тоже Софокла по имени, дед очень любил. Однажды вывел ¹⁸ в драме Иофонта, завидующего отцу и перед фратрией предъявившего ему обвинение в том, что от старости он лишился разума; но члены фратрии ¹⁹ осудили Иофонта. По этому поводу Сатир рассказывает, будто Софокл заявил: «Если я Софокл, то не безумен; если же безумен, то я не Софокл», и, сказав так, прочитал вслух «Эдипа» ²⁰.

14. Истр и Неанф ²¹ рассказывают, что скончался он следующим образом: актер Каллипид шел из Опунта ²² во время праздников Кувшинов ²³ после сбора винограда и послал гроздь винограда Софоклу. Софокл же, взяв в рот незрелую ягоду, задохнулся и скончался, будучи уже глубоким стариком. А Сатир рассказывает, что во время чтения вслух «Антигоны» Софокл наткнулся в конце на длинную фразу, не отмеченную посередине знаком для остановки, перенапряг голос и вместе с голосом испустил дух. Другие же передают, что после исполнения драмы, провозглашенный победителем, он скончался от радости.

15. Среди отчих могил вдоль Декелейской дороги ²⁴ он был положен в могилу на расстоянии одиннадцати стадиев от городской стены; одни говорят, что в память о нем поставили Сирену, другие, что Обольстительницу, сделанную из меди. Когда спартанцы укрепляли это место в войне против афинян, Дионис, представ во сне перед Лисандром ²⁵, приказал предать тело этого мужа земле; когда же Лисандр пренебрег повелением, Дионис предстал перед ним во второй раз, приказывая то же самое; тогда Лисандр, выйдя у перебежчиков, кто был умерший и поняв, что это — Софокл, послал глашатая с приказом похоронить его.

16. Либон ²⁶, говорят, начертал на его могиле следующее:

В этой могиле, в священной обители прячу останки
Трагика, взявшего верх в славном искусстве своем.

17. Истр сообщает, что афиняне приняли решение вследствие доблести Софокла ежегодно совершать в его честь жертвоприношения ²⁷.

18. Как говорит Аристофан ²⁸, Софоклу принадлежит сто тридцать драм, из них семнадцать поддельных ²⁹.

19. Он соревновался и с Эсхилом, и с Еврипидом, и Хэрилом ³⁰, и Аристом ³¹, и со многими другими и с сыном Иофонтом.

20. Все вещи Софокл называл по-гомеровски. Ведь он пересказывает мифы по следам Поэта, во многих из своих драм перелагает «Одиссею»³² и объясняет имена в соответствии с Гомером — в том числе имя Одиссея:

Впрямь Одиссей я³³, сопенный гневу:

Немало злых я в жизни прогневил.

Он изображает и расцвечивает нравы, искусно пользуется замыслами, воспроизводя гомеровскую прелесть. Вследствие чего и сказал какой-то иониец, что один Софокл оказался учеником Гомера. Ведь не только он, но и многие другие подражали кому-нибудь из предшественников или современников, однако один Софокл сумел собрать мед с каждого цветка; за это его и называли пчелой. Он собирал все вместе: надлежащее время, сладость речи, силу, яркость.

21. Он умел соразмерить благоприятный момент и события, так, что маленьким полустипием или даже одним словом создавал характер действующего лица. Ведь изобразить характер или страсть — это высшее в поэтическом искусстве.

22. Аристофан говорит ³⁴, что Софокл наполнил медом соты, в другом же месте, что уста у Софокла смазаны медом.

23. Аристоксен сообщает ³⁵, что первым из афинских поэтов Софокл воспользовался для своих песен фригийским ладом и примешал его к дифирамбическому складу.

АНТИЧНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ СОФОКЛА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СЕМЬЯ, ЖИЗНЕННЫЙ ОБЛИК

1(13). Колон и Колона — это совершенно одно и то же. Тем не менее, победу одержала гомеровская форма, и Софокл употребляет ее, называя вершину погребального холма Колоной, хотя прекрасно знает об упомянутом сходстве; соответственно дом в Афинах у него зовется Колон, а выходец оттуда, каким он был сам, зовется уроженцем Колоны.

2(28). Софокла же, мало того, что он родился в прекрасное время, обучал и танцам, и музыке Лампр. После морской битвы при Саламине нагой, умащенный маслом, он в честь победы танцевал под аккомпанемент лиры; некоторые, правда, говорят, что на нем был надет гиматий. И ставя «Фамира», Софокл сам играл на кифаре; прекрасно играл и в мяч, когда поставил драму «Навсикая».

3(29). О том, что древние увлекались игрой на кифаре, свидетельствует и трагическая поэзия. Блиставший в ней Софокл не только прекрасно играл в мяч, сопровождая игру пением (как, согласно комментаторам «Одиссеи», он проявил себя в драме «Навсикая»), но отличался большим искусством в игре на кифаре.

4(30). Говорят, что впоследствии распространилось увлечение игрой в мяч. Можно сказать, что из городов играли сообща все спартанцы, из царей — Александр Великий, из частных граждан — трагик Софокл; говорят, что когда он поставил на сцене «Прачек», то весьма прославился, исполняя роль Навсикая, играющей в мяч.

5(64). Сыном Софокла был Иофонт. Он участвовал в состязаниях и одержал блестящую победу еще при жизни отца.

6(65). Высмеивается здесь Иофонт, сын Софокла за то, что выдает сочинения отца за свои. Он высмеивается не только за то, что называет свои отцовские трагедии, но и за холодность и многословие.

7(66). Иофонт поставил пятьдесят драм, среди которых «Ахилл», «Телеф», «Разрушение Илиона», «Актеон», «Дексамен», «Вакханки», «Пенфей»; и еще многие другие, написанные совместно с отцом.

8(164) <... еще большая несправедливость> если потерпевший и подвергшийся насилью сам себя сильно накажет. Ведь на самом деле большего наказания заслуживает совершивший преступление. Именно так сказал Софокл, выступая в защиту Евктемона, который, став жертвой насилия, сам себя зарезал: он не присудит преступнику меньше, чем присудил себе сам пострадавший.

9(167). Прибавим к философам ученейшего мужа, божественного Софокла, который, после того, как из храма Геркулеса был похищен тяжелый золотой кубок, увидел во сне бога, сообщающего ему, кто это сделал. Он сначала не обратил на это никакого внимания. Но когда сон стал повторяться, Софокл пошел в Ареопаг и доложил об этом; ареопагиты приказали арестовать того, на кого указал Софокл; во время допроса арестованный сознался и вернул кубок. После того, как все это случилось, сновидение было названо явлением Геркулеса Возвестителя.

10(75). Я встретился с поэтом Софоклом на Хиосе, в то время, когда он в качестве стратега плыл на Лесбос; был он за вином любителем шуток и занимательным собеседником. Его хозяином был Гермесилай, его личный друг и проксен афинян. И вот, когда отрок — виночерпий стоял у огня Софокл заметил своему соседу:

— Как хорошо сказал Фриних:

Опять на пурпурных ланитах свет любви пылает.

Ему, однако, возразил какой-то эретриец, школьный учитель:

— Сам ты, Софокл, поэт хороший, но все же Фриних не совсем удачно назвал ланиты красавца «пурпурными». Ведь если бы живописец раскрасил пурпуровой краской щеки этого мальчика, он вовсе не показался бы нам прекрасным. Не следует, значит, сравнивать прекрасное с тем, что не прекрасно.

Софокл улыбнулся на замечание эретрийца и сказал:

— Значит, тебе не нравится и слово Симонида, пользующееся большим успехом у эллинов:

...дева песнь

Звонкую льет из уст пурпурных, теша нас,

да и тот другой поэт, что назвал Аполлона «златокудрым»; ведь если бы живописец изобразил кудри Аполлона не черными, а золотыми, он этим испортил бы всю картину. Не одобришь ты и «розоперстой»; ведь если кто окрасит пальцы в цвет розы, он представит нам руки красильщика, а не прекрасной женщины. Тут все рассмеялись; эретриец нахмурился после этого урока.

11(61). *Еврипид — Софоклу.*

Донеслась в Афины, Софокл, весть о случившемся с тобой во время плавания в Хиос несчастье; весь город дошел до того, что враги горевали не меньше друзей. Я убежден, — лишь благодаря божественному провидению могло случиться, что в таком большом несчастье и ты спасся, и никого из сопровождавших тебя твоих близких и слуг не потерял. Что же касается беды с твоими драмами, то в Элладе ты не найдешь никого, кто бы не считал ее ужасной; но раз ты уцелел, то она легко исправима. Смотри же, возвращаясь поскорее целый и невредимый, и если сейчас тебе в плавании плохо от морской болезни или, ломая тело, досаждают холод, или кажется, что будет досаждать, тотчас спокойно возвращайся. Дома же, знай, все исправно, и все, что ты наказывал, исполнено. Приветствуй Хионида и Лапрепа и передай им, что мы ничуть не меньше радуемся тому, что и они спаслись. Если в Хиосе ты еще застанешь врача Антигена, и он не укатил куда-нибудь на Родос, то передай ему привет и имей в виду, что он и сыновья Кратина — это лучшие из мужей.

12(165). Третий способ снять обвинение состоит в том, что поступок совершен по ошибке или в результате несчастного случая, или по необходимости. Так, Софокл сказал, что не потому де дрожит, что, как сказал обвинитель, хочет уподобиться дряхлому старику, а по необходимости; ведь не по собственной воле ему восемьдесят лет.

13(54). Говорят, Софокл, услышав, что скончался Еврипид, во время предварительного показа драмы сам вышел вперед в черном гиматии, а хор и актеров вывел неувенчанными, и народ плакал.

14(57). Софокл, трагический поэт, услышав, что в Македонии скончался Еврипид, сказал: «Погиб оселок для моих стихов».

15(81). Софокл писал трагедии до глубокой старости. Так как усердие его было столь велико, что он, казалось, оставляет в небрежении свое имущество, сыновья вызвали его в суд, чтобы судьи отстранили Софокла словно безумного от владения домашним имуществом. Ведь по нашим обычаям принято запрещать родителям распоряжаться домашним хозяйством, если они плохо ведут его. Тогда, рассказывают, старик продекламировал судьям то сочинение, которое держал в руке и только что написал, — «Эдипа в Колоне», — и спросил, неужто такое сочинение может принадлежать безумцу. После того, как он закончил чтение, по решению судей был освобожден от обвинения.

16(82). Многие говорят, что Софокл, стремясь избежать обвинения в безумии, прочитал парод из «Эдипа в Колоне», начинающийся со слов: «В землю гордых коней, мой гость, ты пришел...» Стихи эти вызвали такое восхищение, что его проводили из суда, словно из театра, рукоплесканиями и восторженными возгласами.

17(83). Поэт Софокл, ровесник Еврипида, переживший его, — ведь он дожил до глубокой старости — сподобился быть обвиненным собственным сыном, будто бы на старости лет выжил из ума. Тогда, рассказывают, он достал своего «Эдипа в Колоне» — лучшее из всего, что написал и как раз только что закончил, — прочитал его судьям и не привел в свою защиту никаких более сильных доводов. Пусть смело обвиняют его в слабоумии, если сочинение старика не понравится. Здесь, насколько мне известно, все судьи встали перед таким поэтом, принесли ему высшие похвалы за остроумие в защите, великолепие трагедии и ушли не раньше, чем обвинив в слабоумии самого обвинителя.

18(85). В это самое время скончался Софокл, сын Софилла, трагический поэт, проживший девяносто лет и одержавший восемнадцать побед. Говорят, что во время представления последней трагедии, одержав победу в состязании, в сильнейшей радости Софокл упал и умер из-за этого. Аполлдор рассказывает, что в этом же году умер и Еврипид.

19(89). Съев сырую многоножку, тотчас умер Диоген.

Жизнь Эсхила черепаха враз падением прервала.

Поперхнувшись виноградом, испустил свой дух Софокл.

Псы загрызли Еврипида в дальних Фракии края.

Богоравного Гомера голод тяжкий уморил.

20(92). Отец Либер приказал осаждавшим стены спартамцам похоронить усопшего Софокла; он часто побуждал во сне их царя Лисандра, чтобы тот разрешил предать земле его любимца. Царь разузнал, кто умер в Афинах в минувший день, без труда понял, кого имел в виду бог, и дал спокойно совершить погребение.

21(94). Говорят, что когда скончался Софокл, в Аттику вторглись спартамцы, и их предводитель увидел во сне представшего перед ним Диониса, который велел воздать этой новой Сирене почести, какие установлены по отношению к умершим. И он понял, что сновидение относится к Софоклу и его поэзии. Ведь и по сию пору уподобляют влекущий соблазн стихов и речей Сирене.

22(3). Прошло сто сорок три года с тех пор, как в Афинах при архонте Каллии умер поэт Софокл, проживший девяносто два года, и выступил в поход Кир.

23(5). При консулах Клавдии Центоне, сыне Аппия Цека, и Марке Семпронии Тудитане, самым первым поэт Ливий начал ставить пьесы в Риме, спустя почти сто шестьдесят лет после смерти Софокла и Еврипида.

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

24(15). Выше всех трагический поэт Софокл; но вот что вызывает во мне изумление: хоть столь велики достоинства его трагической поэзии, он и в жизни прославился: будучи в Афинах человеком знатного происхождения, он отличился и государственными деяниями, и командовал войском.

25(20). Афиняне сначала послали против Самоса полководцем Перикла и вместе с ним поэта Софокла, которые осадой поставили вышедших из повиновения самосцев в тяжелое положение; в дальнейшем они выслали на остров две тысячи клерухов из числа своих граждан.

26(21). На четырнадцатом году афиняне, осадив Самос, выбрали стратегами против самосцев Перикла и Софокла.

27(22). Этот договор афиняне нарушили на четырнадцатом году, выбрав стратегами для осады Самоса Перикла и Софокла.

28(26). Передают, что однажды предводители войска совещались в шатре полководца, который попросил поэта Софокла как самого старшего высказать свое мнение. На это Софокл ответил:

— Я самый старый, ты самый старший.

29(27). И когда делаешь умозаключение, даже если в вопросе уже заключен ответ, следует объяснить причину. Так Писандр спросил Софокла, понравилось ли ему, как и другим пробулам, установить власть Четырехсот; Софокл ответил на это:

— Как? Разве тебе не показалось, что это дурно?

Писандр ему:

— Итак, ты поступил дурно?

— Конечно, — ответил Софокл, — потому что ничего другого лучше не было.

30(67). Рассказывают, что Пан — почитатель Пиндара и лирических песен. Божество с помощью Муз оказало почет скончавшимся Архилоху и Гесиоду. Софокл же еще при жизни оказал гостеприимство Асклепию. До сих пор сохранились многочисленные свидетельства этого, а когда Софокл скончался, то другой бог помог его погребению.

31(69). Дексион («Принявший»): так афиняне прозвали Софокла после его смерти. Говорят, что сограждане, после того, как Софокл скончался, желая оказать ему почести, соорудили ему святилище и назвали Дексионом, — из-за того, что он принял у себя Асклепия. И действительно, Софокл принял бога в своем доме и поставил жертвенник; по этой причине он и был прозван Дексионом.

32(70). Выступил Клеэнет, сын Клеомена из Мелиты. Оргеоны приняли следующее решение. Так как Каллиад, сын Филина из Пирея, и Лисимахид, сын Филина из Пирея, — доблестные мужи во всем, что касается общего дела оргеонов Амина, Асклепия и Дексиона, следует восхвалить их за доблесть и справедливость по отношению к богам и к общему делу оргеонов, увенчать каждого из них золотым венком стоимостью от пятидесяти драхм; освободить их от повинностей и возлияния в обоих святилищах — и их самих, и потомков, и выдать им на жертвоприношение в дар божеству сколько будет угодно оргеонам. Написать это решение на двух каменных стелах и поставить одну в святилище Дексиона, другую — в святилище Амина и Асклепия; выдать им и на стелы, сколько будет угодно оргеонам, чтоб и другие считали для себя делом чести все, что касается общего дела оргеонов, и знали, что благодетелям воздадут благодарностью, достойной их благодеяний.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ

33(2). Софокл, сын Софилла, из Колона, родом афинянин, трагик, родился в семьдесят третью Олимпиаду, так что был старше Сократа на семнадцать лет. Он первым ввел третьего актера — так называемого три-тагониста, также первым он увеличил хор, включив в него пятнадцать участников, в то время как раньше хор состоял из двенадцати человек. За сладость он был прозван пчелой. Он ввел состязания между собой драм, а не тетралогий.

Софокл написал также элегию и пеаны и прозаическое сочинение о хоре, состязаясь с Феспидом и Хэрилом. У него были дети: Иофонт, Леосфен, Аристон, Стефан, Менеклид. Скончался после Еврипида, в возрасте девятинаста лет. Написал сто двадцать три драмы или, по свидетельству некоторых других, больше. Одержал двадцать четыре победы.

34(33). Прошло двести шесть лет с тех пор, как в Афинах при архонте Апсефионе победил в трагедии Софокл, сын Софилла, из Колона, когда ему было двадцать восемь лет от роду.

35(36). В честь его (Кимона) афиняне устроили ставшее впоследствии знаменитым состязание между поэтами-трагиками. Софокл, в ту пору еще молодой человек, ставил свою первую пьесу, и архонт Апсефион в обстановке разногласий и споров между зрителями не стал бросать жребий для того, чтобы избрать судей. Когда же Кимон вместе с другими стратегами вошел в театр и совершил назначенное богу жертвоприношение, архонт не позволил им уйти, но, приведя к присяге, заставил сесть и судить состязание. Их было десять, так что каждый представлял одну филу. Судьи эти были настолько почетны, что вызвали особенно сильное соперничество и рвение со стороны исполнителей. И когда победу одержал Софокл, говорят, Эсхил, пробыв после этого в Афинах короткое время, удрученный и опечаленный, в досаде удалился в Сицилию. Там он скончался и был похоронен возле Гелы.

36(37). Согласно некоторым сообщениям, притесняемый афинянами и потерпевший поражение от Софокла Эсхил удалился к Гиерону.

37(95). Число актеров с одного до двух первым увеличил Эсхил, он уменьшил роль хора и отдал первое место речевым партиям; третьего актера и декорации ввел Софокл.

38(97). Когда-то в трагедии действовал один только хор; позднее Феспид ввел одного актера, чтобы дать хору передышку, второго ввел Эсхил, третьего же Софокл и тем самым завершил развитие трагедии.

39(118). Кто полагает, что Софокл был более совершенным трагическим поэтом, чем Эсхил, считает правильно; пусть, однако, он призадумается над тем, что гораздо труднее было после Феспиды, Фриниха и Хэрила достичь в трагедии такой высоты, чем вступившему на сцену вслед за Эсхилом достигнуть совершенства Софокла.

40(117). Ведь если кто-то захочет приписать Эсхилу все сценические нововведения — экиклемы и эксостры, периакты и проскении, подъёмники и журавли, появление героев на крыше и богов на специальном возвышении, блеск молний и грохот грома, маски и котурны, платья до пят,

шлейфы и покрывала, торжественные одеяния для царей и шерстяные одежды для пророков, наряды всех цветов — и зелёные, и с пурпурной каймой, и введение третьего актёра вслед за вторым, то может задаться вопросом, не Софокл ли всё это придумал и изобрёл? Желающим поспорить на эту тему предоставляется возможность поделить славу на двоих. Что же касается сладости слов и ясности духа, и благозвучия, и благоразумия в стихах и интриги в драмах, то пусть никто не постесняется отдать предпочтение Софоклу, и я согласен с Аристофаном, который говорит (про Еврипида):

Он словно облизал края бочонка,
Обмазанного медом уст Софокла.

41(99). Котурн — обувь трагических актеров, которую, по мнению некоторых, ввел в употребление Софокл.

42(100). Софокл говорил, что, подражая сначала с радостью высокому стилю Эсхила, он затем избавился от резкости и искусственности собственного письма и, наконец, изменил образ речи, так что тот стал наиболее подходящим для изображения нравов и потому самым лучшим; так и философы, всякий раз, когда после панегириков и разного рода сочинительских ухищрений начинают пользоваться речью, обращенной к нравам и страстям, именно тогда простотой и достигают истинного и непритязательного успеха.

43(52a). Эсхил первым ввел в трагедию изображение пьяных. То, что совершал сам автор трагедий, он сообщил и своим героям; ибо писал трагедии, находясь в состоянии опьянения. Поэтому, порицая его, Софокл и говорил: «О Эсхил! Если ты и делаешь то, что нужно, то делаешь это сам того не ведая», — так рассказывает Хамелеон в сочинении об Эсхиле.

44(53a). Если почитается не сама истина, а то, что должно быть на нее похоже, то Софокл и сам сказал, что он изображает людей такими, какими они должны быть, Еврипид же — какие они есть.

45(132). И нужно считать хор одним из актеров, чтобы он был частью целого и был тесно связан со всем действием, не как у Еврипида, но как у Софокла.

46(99a). Из ладов древняя трагедия чаще всего применяла дорийский и миксолидийский лады. Фригийский же и лидийский первым ввел Софокл, используя первый из них в духе дифирамбической поэзии.

47(99b). Кифарой пользовались в трагедиях и Еврипид, и Софокл, Софокл же в «Фамире» и лирой.

48(31). Кратин высмеивает его в «Пастухах»:

...Кто отказал Софоклу, хор просящему,
И дал его потомку Клеомахову,—
Играть бы с тем не стал я на Адониях.

49(40). Хотя в мусических состязаниях победа и достается сильнейшему, однако и здесь сохраняют значение слова Пиндара. Ведь вполне справедливо сказал он об этом в одном гимне: «В сражениях побеждает случай, а не сила». При постановке «Эдипа» в Афинах Софокл уступил

место Филоклу, это Софокл-то, о Зевс и боги, по отношению к которому и Эсхилу нечего было сказать. Что ж, считать теперь, что Софокл хуже Филокла? Позорным ведь было для него услышать, что трагедия Филокла лучше, чем его собственная.

50(130). [К словам Эдипа: «Я буду защищать это так, словно это дело моего отца»]. Такие рассуждения не содержат в себе возвышенного, но приводят в волнение театральную публику; такими выражениями изобилует Еврипид, Софокл же пользуется ими умеренно, чтобы взволновать зрителей.

51(131). Софокл хорошо излагает известную афинянам историю Эдипа, чтобы тот, рассказывая родословную с самого начала, не надоел зрителям. А вот Еврипид делает иначе: ведь в «Просительницах» он выводит Фесей не знающим истории Адраста ради того, чтобы растянуть драму.

ПОСМЕРТНАЯ СЛАВА

52(105). Блажен Софокл. Он прожил жизнь и долгую,
И счастьем полную. И умер праведным.
Трагедий много написал прекраснейших.
Скончался мирно он, беды не ведая.

53(102, 103). — Почему, скажи,
Престола и Софокл себе не требовал?
— И не подумал даже. Снизойдя в Аид,
Поцеловал Эсхила он и руку дал.

* * *

А ты мой престол
Передай под охрану Софоклу, пускай
Он блюдет мое место! Пускай меня ждет!
Я вернусь, а Софокла поэтом вторым
Я считаю. Высок и велик его дух.

54(172). Поэт Филоксен, когда его спросили, почему Софокл изображает благочестивых женщин, а он — дурных, ответил: потому что Софокл показывает, какими надлежит быть женщинам, а он, Филоксен, какими они являются на самом деле.

55(145). Линкей в письме к комику Посидиппу пишет: «Я считаю, что в изображении трагических страстей Еврипид ни в чем от Софокла не отличается; что же касается сушеных смокв, то афинские далеко превосходят все прочие».

56(156). Ликург внес законы, один о комедийных поэтах,.. другой же о сооружении бронзовых статуй поэтов Эсхила, Софокла и Еврипида, о хранении их списков в государственном архиве и о том, чтобы городской писец сличал их с текстом, использованным актерами, которым воспрещалось произносить другой текст.

57(151). [В каталоге книг Гераклида Понтийского]: «По поводу сочинений Еврипида и Софокла» три книги.

58(152). В этом же каталоге «О трех трагических поэтах» одна книга.

59(44). «Антигону» Софокла играли часто и Феодор, и Аристодем.

А в ней есть прекрасно написанные ямбы, весьма поучительные для вас. Он и сам исполнял их часто и хотя прекрасно помнит их наизусть, почему-то забыл привести их здесь. Вам ведь известно, конечно, что во всех трагедиях в виде особой почести тригонистам поручаются роли царей и скиптроносцев. Посмотрите-ка, какие слова поэт влагает в уста Креонта—Эсхина. Но этих слов Эсхин не произносил в свое оправдание ни как посол, ни перед судьями. Читай: [следуют стихи из «Антигоны» 175—190].

60(46). В Греции был знаменитый актер, превосходивший всех остальных чистотой голоса и красотой движений. Имя его, говорят, было Пол. Он искусно и с достоинством играл трагедии знаменитых поэтов. Так случилось, что этот Пол потерял горячо любимого сына. Когда по общему мнению он уже достаточно долго горевал над смертью сына, Пол вернулся к своему искусству. В ту пору ему предстояло играть в Афинах «Электру» Софокла и по роли он должен был нести в руках урну с якобы прахом Ореста. Эта сцена задумана таким образом, что Электра, несущая как бы останки брата, оплакивает его и скорбит по поводу его мнимой гибели. Итак, Пол, одетый в траурное одеяние Электры, взял из могилы сына его прах и урну и, сжимая его в объятиях, будто это останки Ореста, наполнил все вокруг не притворными, актерскими, но настоящими рыданиями и стенанием. Так что когда, казалось, шла пьеса, была представлена подлинная скорбь.

61(169). Так как в глубине Азии Александр не имел под рукой других книг, кроме «Илиады», он приказал Гарпалу прислать ему сочинение Филлиста, трагедии Еврипида, Софокла и Эсхила, и тот прислал.

62(149). Филохор... написал... «О сочинениях Софокла» пять книг.

63(158a). Александр Этолийский и Ликофрон из Халкиды царскими щедротами привели в порядок театральные книги для Птолемея Филадельфа (я имею в виду комедии, трагедии и драмы сатиров); вместе с ним трудился и привел в порядок списки заведующий этой библиотекой Эратосфен; опись этих книг составил Каллимах. Александр выправлял трагедии, Ликофрон — комедии; младшими были Каллимах и Эратосфен. Они отредактировали драматические произведения, подобно тому, как книги других поэтов исследовали Аристарх и Зенодот.

64(157). Птолемей Еввергет ревностно занимался приобретением древних книг, немаловажным свидетельством чего является его поступок с афинянами. Говорят, что, дав им залог в пятнадцать талантов серебра и получив книги Софокла, Еврипида и Эсхила только для того, чтобы переписать их и затем тотчас вернуть неповрежденными, он велел расположить их в порядке на красивейших папирусных листах. Затем то, что взял у афинян, оставил себе, а то, что переписал и привел в порядок, отослал им, наказав удерживать у себя пятнадцать талантов и взять новые книги вместо тех, древних, которые они ему дали.

Так что афинянам ничего другого не оставалось, если бы даже он и древние сохранил и новых не отослал, кроме того, чтобы оставить у себя деньги, полученные по первоначальному договору; вследствие этого они получили деньги и новые книги.

65(115b). Полемон... наслаждался Гомером и Софоклом и говорил, что оба они равно мудры, что Гомер — это эпический Софокл, Софокл же — трагический Гомер.

66(148). «Жизнеописаний» Сатира имеется шесть книг: Эсхила, Софокла и Еврипида.

67(14). Меня самого, только что я прибыл туда, влек к себе Колон, перед глазами возникал житель его — Софокл, а ты ведь знаешь, как я восхищаюсь им, какое наслаждение он мне доставляет.

68(147). Среди поэтов не одному Гомеру есть место; или, если говорить о греках, Софоклу или Пиндару, но даже второстепенным или ниже, чем второстепенным.

69(125). Время придет ли, дано ли мне будет рассеять по миру

Песни твои, что одни лишь достойны котурнов Софокла.

70(126). Так же не будет вовек износа котурну Софокла.

71(48). Надо помнить, что Аякс бросается на меч. Чтобы зрители прониклись образом Аякса, актеру следует обладать недюжинной силой; о Тимофее с Закинфа говорят, будто бы он так увлекал зрителей своим исполнением, что был прозван Мечом-Смертоносцем.

72(111). Будучи сладчайшим, Софокл словно склонялся к своему нраву в песнях; отчего и прозвали его пчелой.

73(119). Из всех прочих, кто держался в середине, то следующие за Гомером, может статься, покажутся отстоящими далеко от него, но если рассматривать их сообразно с ними самими, то из лирических поэтов достойны внимания Стесихор и Алкей, из трагических поэтов — Софокл из историков — Геродот, из ораторов — Демосфен, из философов, мне кажется, Демокрит, Платон и Аристотель; никого ведь, кроме них, найти невозможно, кто лучше бы сочетал слова.

74(121). Что же? Кому может быть отдано предпочтение в лирической поэзии — Вакхилиду или Пиндару? А в трагедии, клянусь Зевсом, — Иону Хиосскому или Софоклу? В то время как первые — безусловно поэты и в своей искусности, и в красоте слога, однако случается, что Пиндар и Софокл часто могут неразумно угаснуть и даже умолкнуть, образовав провал; но при сопоставлении ни один благоразумный человек не усомнится предпочесть все, что написал Ион, одной драме Софокла — «Эдипу».

75(124). Первым из трагических поэтов прославился Эсхил, отличающийся величием, возвышенностью и велеречивостью, — часто вплоть до излишества, нередко грубый и неуклюжий; поэтому афиняне разрешали более поздним поэтам исправлять его трагедии и после этого представлять на состязания. Многие поэты и были увенчаны в результате этого. Но гораздо более прославили такой род сочинений Софокл и Еврипид; из-за различия в их языке многие и до сих пор ведут споры, чтобы решить, который из них лучше — тот или другой. Этот спор я оставляю неразрешенным, так как он не имеет отношения к предмету, о котором идет речь. Но нельзя не признать, что тем, кто видит своё будущее в ораторском искусстве, больше пользы принесёт Еврипид. Ведь и слог его — за что Еврипида отвергают те, которым строгость, искусность и звучание

речи Софокла кажутся возвышеннее — больше созвучен с ораторским искусством, и насыщенность мыслями, в которых он выступает наравне с мудрейшими из мудрых, и разговор действующих лиц — их вопросы и ответы — достойны сравнения с мастерской речью оратора; в изображении страстей Еврипид в особенности восхищает, когда он хочет вызвать сострадание.

76(127). Выдумка это, конечно? Сатира обулась в котурны;

Мы преступили, конечно, границы и правила предков,

Точно в Софокловой маске, безумствует стих нарочитый.

77(168). Софокл также вступил в блистательное состязание с природой: он столь щедро являл миру свои восхитительные произведения, сколь благосклонно она подчиняла время его трудам. Почти на сотом году жизни, перед самым отходом к смерти, написал он «Эдипа в Колоне», и одна эта пьеса смогла вырвать славу у всех поэтов, трудившихся в этом виде творчества.

78(123). Софокл же, видимо, находится где-то посередине между ними, не отличаясь жесткостью и простотой Эсхила, равно как и тонкостью, бурностью переживаний и гражданственностью Еврипида; характерна для него возвышенная поэзия, сочетающая в себе и великолепное, и трагичнейшее, и изящнейшее, так что величайшая сладость вместе с серьезностью используются им для лучшего оснащения всего происходящего в его драмах и придают им убедительность. Заставив Одиссея появиться вместе с Неоптолемом... он изображает, как тот скрывается, посылая Неоптолема к Филоктету и внушая ему, что надо делать. И хор составил он не из местных жителей, как Эсхил и Еврипид, а из приплывших на корабле вместе с Одиссеем и Неоптолемом. Нравы же Софокл обрисовал удивительно величественными и благородными, — что касается Одиссея, то он гораздо мягче и честнее, чем у Еврипида; Неоптолема же Софокл возвысил честностью и благородством... Лирические партии у Софокла не склоняют к добродетели и не содержат в себе ничего наставительного, подобно тому, как это бывает у Еврипида, но несут в себе удивительную и великую сладость, так что не случайно сказал <о Еврипиде> Аристофан:

Он словно облизал края бочонка,
Обмазанного медом уст Софокла.

79(161). В театре у афинян есть изображения поэтов трагических и комических, большею частью малоизвестных; если не говорить о Менандре, то не было ни одного комического поэта, снискавшего себе славу. Из известных трагических поэтов находятся там Еврипид и Софокл — я считаю, что изображение Эсхила было сделано гораздо позднее его кончины и картины, изображающей сражение при Марафоне.

80(153). В первом смысле гипотезой называется драматическая перипетия, в соответствии с чем мы говорим о трагической или комической гипотезе и о неких «гипотезах» Дикеарха, извлеченных из Еврипида и Софокла; в этом смысле мы назовем гипотезой не что иное как драматическую перипетию.

81(133). [Фриних] считает, что подлинными образцами, нормой и примером чистой аттической речи является благородный Платон и Демосфен..., из комедиографов — Аристофан... из трагических поэтов громогласный Эсхил, сладостный Софокл и мудрейший Еврипид.

82(135). Что касается трагедии, то я вижу, что у Эсхила не было причин показывать и разыгрывать на сцене пустую болтовню; уверен также, что и приятнейший в речи Софокл никогда не слушал, какую болтовню поднимают афиняне — ведь оба этих поэта, по-моему, больше всего стремились к необходимой серьезности и изображению нравов лучшими, чем они в действительности были; Еврипида же обвиняют в том, что он свыкся с пустыми разговорами горожан.

83(174). Что же ты, божественный Софокл, медлишь принять дары Мельпомены? Что смотришь в землю? Что касается меня, то я не знаю, занят ли ты своими мыслями или охвачен вдохновеньем, снизошедшим от богини? Но будь отважен, о друг мой, и принимай дарованное; ты ведь знаешь, что «не презренны дары богов», как сказал один из посвящённых в таинства Каллиопа. Ты ведь видишь, как пролетают над тобой пчелы и жужжат что-то сладостное и божественное, совершая безмолвные возлияния своими каплями; из-за этого твое творчество будет цвести всё пышнее... В самом деле, наверняка кто-нибудь воскликнет о тебе: «Улей благосклонных Муз!» и пояснит, что он боится, как бы, повинувшись приказу, не вылетела незаметно из уст твоих пчела и не вонзила жало в позабывшего осторожность. И я думаю, что вот этот самый Асклепий, стоящий рядом с тобой и побуждающий написать пеан, не сочтет недостойным услышать от тебя: «О славный искусством!» Его взор, приветливо на тебя устремлённый, намекает на близкую между вами дружбу.

84(108а). Хор соловьев и песни других птиц отчетливо приводят на память слова сладкоречивого Софокла, сказавшего: «Рокот соловьиный повсюду льется в зелени ветвей».

85(73а). А пели они песню, подобную пеану Софокла, который в Афинах поют Асклепию.

86(106d). Ведь если Аполлон сказал, что из всех мужей мудрейший — Сократ, то этим он снизил в пользу Сократа свою похвалу Еврипиду и Софоклу, которая состояла в том, что Софокл мудр, но Еврипид мудрее. Итак, Сократ был признан лучше названных им мудрых трагиков. Ведь если на сцене или оркестре соревнуются ради получения награды и вызывают у зрителей горе и сострадание, а иногда и неблагоприятный смех (ведь нечто в этом роде требуется в сатирических драмах), то выходит, что возвышенное изображается не слишком хорошо с помощью философии и истины, а достойное похвалы — с помощью возвышенного.

87(177). Сына Софилла, тебя, о Софокл, певца хороводов,

Малая мера земли в недра свои приняла,

Кудри плюща из Ахарна главу твою сплошь обвивали,

Музы трагедий звезду, гордость афинской земли.

Сам Дионис победой твоей в состязаньях гордился,

Вечным сияет огнем каждое слово твое.

88(178). Тихо, раскидистый плющ, склонись над могилой Софокла.

- Тихо прими в свою сень, зеленью пышной укрой.
 Розы, бутоны раскройте, стебли лозы виноградной,
 Гибкий обвейте побег, спелую гроздью маня.
 Славьте тот дар благородный к искусству, которому имя
 Сладкоречивый Софокл, равный средь Муз и Харит.
- 89(179). Это могила Софокла. Ее, посвященный в искусство,
 Сам я от муз получил и, как святыню, храню.
 Он, когда я подвизался еще на Флиунтском помосте,
 Мне, деревянному, дал золотом блестящий вид;
 Тонкой меня багрянницей одел. И с тех пор, как он умер,
 Здесь отдыхает моя, легкая в пляске нога.
 — Счастлив ты местом своим. Но скажи мне, какую ты маску
 Стриженой девы в руке держишь? Откуда она?
 — Хочешь, зови Антигоной ее, иль, пожалуй, Электрой, —
 Не ошибешься: равно обе прекрасны они.
- 90(180). Пусть на могиле твоей безмятежной, Софокл богоравный,
 Вечно струятся плюща кудри вокруг легкой стопы.
 Пчелы, потомки воловьи, вечно пускай орошают
 Медом могилу твою, капли гиметтские льют.
 Как краса на табличках аттических в воске отлита,
 Так пусть навечно венок кудри укроет твои.
- 91(181). Дважды поведал ты нам об Эдипе; о гневе Электры;
 Как пир Атрея навек прочь Гелиоса прогнал;
 Много еще о тяжелых страданиях царей рассказавший
 Книг написал ты, Софокл. Вакха достойны они.
 Драмы твои доказали, что фиаса ты предводитель,
 Будто из уст твоих речь льется героев самих.
- 92(182). Первым воздвиг алтари божествам сим Софокл богоравный.
 Первенство он захватил в славе трагических Муз.
- 93(183). О горестном поведал сладкой речью ты,
 Софокл, искусно мед с полынью ты смешал.
- 94(155). Евгений: сын Трофима во Фригии, грамматик. Он преподавал
 в Константинополе и прославился чрезвычайно, состарившись уже при
 царе Анастасии. Евгений написал «колометрию» мелических партий Эс-
 хила, Софокла и Еврипида, на основании пятнадцати драм.

АНТИЧНЫЕ ПРЕДИСЛОВИЯ К ТРАГЕДИЯМ СОФОКЛА

95. ПРЕДИСЛОВИЕ К «ЦАРЮ ЭДИПУ» ГРАММАТИКА АРИСТОФАНА

Коринф покинув, мнимый сын царя, Эдип,
 Чужой, повсюду бранью осыпaeмый,
 Отправился к оракулу Пифийскому
 Искать ответ, кого родным почестъ отцом.
 Несчастный, на дороге узкой встретился
 Он с Лаием; отца в нем не признав, убил.
 Загадку злую Сфинкс дала — решил ее.
 На ложе матери в неведение взошел.
 Объяты Фивы мором и бесплодием.
 В Дельфийское святилище отправленный,
 За тем, чтобы узнать, как прекратить беду,
 Креонт услышал вeщеe пророчество:
 Нельзя без мести Лаия оставить смерть.
 Узнав в себе, страдальце, виноватого,
 Эдип и ослепил себя, глаза пронзив.
 Покрытая позором, мать повесилась.

96. ПОЧЕМУ ТРАГЕДИЯ НАЗЫВАЕТСЯ «ЦАРЬ ЭДИП»?

Трагедия озаглавлена «Царь Эдип» для того, чтобы отличить одного «Эдипа» от другого. Остроумно все называют эту трагедию «Царем» как произведение самое выдающееся в творчестве Софокла, хоть и побежденное Филоклом, как об этом рассказывает Дикеарх. Иные употребляют в заглавии этой драмы слово «Первый» вместо «Царь», из-за времени, когда пьеса была поставлена, а также и по существу дела; ведь в трагедии «Эдип в Колоне» в Афины приходит слепой скиталец.

Заслуживают порицания послегомеровские поэты, называющие царей тиранами еще до Троянской войны, в то время как само это именование — «тиран» — проникло к грекам позже, во времена Архилоха, именно так, как говорит об этом софист Гиппий. В самом деле, Гомер самого беззаконного из всех правителей Эхета называет царем, а не тираном:

...к Эхету царю, губителю смертных.

Говорят, что слово «тиран» обязано своим происхождением тирренцам; по той причине, что они занимались свирепым разбоем. То, что «тиран» — это более позднее слово, — ясно; и ни Гомер, ни Гесиод и никто другой из древних не употребляют в своих произведениях этого слова. Аристотель же в «Кимской политии» говорит, что сначала тиранов называли эсимнетами; так благозвучнее.

97. «Эдип» назван «Царем» в отличие от «Эдипа в Колоне». Основное в драме — это узнавание Эдипом собственных преступлений, его самоослепление и смерть повесившейся Иокасты.

98. ПРЕДСКАЗАНИЕ, ДАННОЕ ЛАИЮ ФИВАНСКОМУ

Лай Лабдакид, о счастливом рожденье детей ты мечтаешь.
 Дам тебе милого сына. Однако судьбы повеленьем
 Гибель ты примешь от рук его. Знак этот подал
 Зевс Громовержец, проклятьям ужасным Пелопа внявший, —
 Так отомстить тот поклялся за кражу любимого сына.

99. СФИНКС ЗАДАЕТ ЗАГАДКУ

Может ступать по земле четырьмя ли, двумя ли ногами,
 Может тремя; и никто из созданий живых не меняет
 Облик сильней, будь то твари земные, морские иль птицы.
 Ног чем больше он в ход запускает, на них опираясь,
 Скорость тем меньше его, что приводит в движение члены.

100. РАЗГАДКА

Слушай, хочешь иль нет, грознокрылая Муза умерших,
 Голоса нашего звук; есть на загадку ответ.
 Ты человека задумала, он по земле так ступает.
 Вот он явился на свет — нужно четыре ноги.
 Старцу без посоха — третьей ноги — обойтись невозможно:
 Старости тяжкой ярмо голову клонит ему.

101. ПРЕДИСЛОВИЕ К «ЭДИПУ В КОЛОНЕ»

«Эдип в Колоне» определённым образом связан с «Царем Эдипом». Изгнанный из отечества, уже стариком, Эдип приходит в Афины, ведомый за руку дочерью Антигоной; ведь дочери оказались более нежно привязанными к отцу, чем сыновья. Как утверждает Эдип, он приходит в Афины согласно пифийскому оракулу, который предписал ему расстаться с жизнью под сенью так называемых Священных богинь.

Сначала собираются местные старцы, которые составляют хор, чтобы расспросить Эдипа, и говорят с ним. Вслед за тем появляется Исмена и приносит с собой весть о распри между сыновьями и о скором прибытии Креонта за Эдипом. Креонт, действительно, скоро появляется, чтобы увести Эдипа назад, но уходит, ничего не добившись. Эдип же, обратившись к Фесею и поведав пророчество, кончает жизнь под сенью богинь.

Драма относится к самым изумительным. Софокл создал её в глубокой старости, на радость не только родине, но и своим согражданам, — ведь сам он был родом из Колона. Чтобы показать уважаемый всеми народ, а главным образом доставить удовольствие афинянам, указав им путь

к безопасности, Эдип предсказывает, что они одержат победу над врагами; он предрекает, что однажды афиняне вступят в борьбу с фиванцами и согласно оракулу победят их благодаря его могиле.

Действие происходит в Аттике, в deme Колона Конника, у святилища Священных богинь. Хор состоит из афинских граждан. Первым в прологе выступает Эдип.

102. «Эдипа в Колоне» после смерти деда поставил на сцене Софокл-внук, сын Аристона, при архонте Миконе, четвертом, считая от Каллия, при котором, как передает большинство, умер Софокл. Это явствует из того, что Аристофан в «Лягушках», поставленных при Каллии, выводит трагиков на землю, Фриних же в «Музах», которые он поставил одновременно с «Лягушками», говорит так:

Блажен Софокл. Он прожил жизнь и долгую,
И счастьем полную. И умер праведным.
Трагедий много написал прекраснейших.
Сковчался мирно он, тревог не ведая.

Действие происходит в Колоне, называемом Конным. Существует ведь и другой Колон — Торговый, у святилища Еврисака, где собираются поденщики, так что приводят и поговорку про опаздывающих к сроку:

Пришел ты слишком поздно, — поспеши в Колон.

Упоминает о двух Колонах| Ферекрат в «Петале» вот как:

Эй ты, откуда взялся? — Шел в Колон,
Но не в Торговый, в Конный путь держал.

103. С посохом старца ведя, явилась из Фив Антигона,
Матери дочь и отца, равных в злосчастье одном,
В землю Кекропа явилась, на тучные пашни Деметры
Смерти лишенных богинь, в сень их защиты святой.
Вслед и Креонт не замедлил примчаться с угрозой расправы,
Дланью святою Фесей гостя от бедствий укрыл.
Весть о пророчествах Феба правдивых Эдип раскрывает:
Старец победу в войне этой земле принесет.
Сын Полиник, о защите богов умоляя, в Афины
Прибыл. Проклятья отца ужас сулили ему:
Вечных страданий дыханьем повеяло в Конном Колоне,
Мойры пригнали его. Неумолима их месть.
Что прорицал Дальновержец, увидел Фесей богоравный:
В громах и дрожи земли скрылся Эдип от людей.

104. ПРЕДИСЛОВИЕ САЛУСТИЯ

Все, что произошло с Эдипом, мы узнаем из второй трагедии о нем. Искалеченный, он приходит в Аттику, ведомый одной из дочерей — Антигоной. Эдип оказывается в обители Священных богинь — Эриний, ведь она здесь и находится, в так называемом Колоне Конном. Его прозвали так с тех пор, как там стоит святилище Посидона — конника и Прометея, и погонщики часто здесь останавливаются. Эдипу дал пророчество Аполлон, что он должен умереть именно в Колоне Конном. И вскоре пророчество осуществляется. Какой-то местный житель замечает Эдипа и отправляется возвестить, что кто-то сидит в священном месте. И тогда сюда в виде хора собираются жители здешних мест. Итак, начинается трагедия Эдип, завершая свой путь и разговаривая с дочерью.

Трагедия несказанно прекрасна во всем своем построении, ни у кого нет подобной ей.

105. ПРЕДИСЛОВИЕ К «АНТИГОНЕ» ГРАММАТИКА АРИСТОФАНА

Вопреки предписанию государства предав погребению тело Полиника, Антигона изобличена и, заключенная Креонтом в подземный склеп, она погибла. Вслед за ней Гемон, пришедший в отчаяние из-за любви к Антигоне, наложил на себя руки. После его смерти лишила себя жизни и мать Гемона Евридика.

Этот же миф положен в основу «Антигоны» Еврипида; разница состоит в том, что у Еврипида Антигону, схваченную вместе с Гемоном, выдают за него замуж, и она рождает дитя по имени Меон.

Сцена представляет собой беотийские Фивы. Хор состоит из местных старцев. Первой выступает в прологе Антигона. Дело происходит во время царствования Креонта. Главное в произведении — это погребение Полиника, гибель Антигоны, смерть Гемона и кончина Евридики, матери Гемона.

Говорят, что Софокл, прославившийся постановкой «Антигоны», был удостоен звания стратега накануне войны с Самосом. Это тридцать вторая драма Софокла.

106. ПРЕДИСЛОВИЕ К «АНТИГОНЕ» САЛУСТИЯ

Это одна из прекраснейших драм Софокла. Пьеса как бы опровергает то, что рассказывают о героине и ее сестре Исмене; ведь Ион Хиосский в своих дифирамбах сообщает, что обе они были сожжены в храме Геры Лаодамантом, сыном Этеокла; Мимнерм же говорит, что Исмена, вышедшая на свидание с Феоклименом, была убита Тидеем по приказу Афины.

Подобные рассказы чужды тому, что повествуют об этих героинях; ведь по общему мнению они усердны в выполнении долга и необыкновенно

братолюбивы, то есть именно таковы, какими описали их трагические поэты. Названием трагедия обязана Антигоне. Лежит непогребенным тело Полиника, и Антигоне, пытающейся похоронить его, препятствует Креонт; все же предав тело Полиника земле, Антигона изобличена и погибает; Гемон, сын Креонта, влюбленный в нее, не в силах перенести такое несчастье, — он накладывает на себя руки; после его гибели кончает жизнь в петле и мать его Евридика.

От «Антигоны» Еврипида драма Софокла отличается тем, что у Еврипида изобличенную Антигону выдают замуж за Гемона, так как он любит ее; у Софокла же все наоборот.

Поставлена драма тридцать второй.

107. Креонт, бросив непогребенным тело Полиника, погибшего в единоборстве с братом, отдает приказание, чтобы под страхом смертной казни никто его не хоронил. Сестра Полиника Антигона пытается предать тело брата земле. И тайне от сторожей насыпает могильный холм; Креонт угрожает сторожам смертной казнью, если они не отыщут свершившего погребение.

Сметя насыпанную землю, сторожа принялись усердно охранять тело. Когда же пришла Антигона и нашла тело мертвеца обнаженным, то, горестно возопив, обнаружила себя. Сторожа выдали ее, и Креонт вынес Антигоне смертный приговор, — он приказал живьем заточить ее в подземный склеп. После этого Гемон, сын Креонта, сватавшийся к Антигоне, в негодовании закалывается у тела повесившейся невесты; все это совершается согласно предсказанию Тиресия; вслед за Гемоном пронзает себя мечом убитая горем Евридика, жена Креонта. Трагедия заканчивается тем, что Креонт оплакивает смерть сына и жены.

108. ПРЕДИСЛОВИЕ К «АЯКСУ-БИЧЕНОСЦУ»

Драма связана с троянскими событиями, так же, как «Антенориды», «Пленницы», «Похищение Елены» и «Мемнон». После того, как пал в битве Ахилл, больше всех, по общему мнению, отличился в спасении его трупа Аякс и после него Одиссей; когда же стали судить, кому достанутся Ахилловы доспехи, победу одержал Одиссей. Потерпев в суде поражение, Аякс возмутился и повредился в рассудке настолько, что, ринувшись на стада, уничтожил животных, как будто это греки. Одних четвероногих он убил, других, связав, отвел к своему шатру; среди животных выделялся размерами один баран, — приняв его за Одиссея, Аякс связал скотину и исхлестал бичом, откуда появилось и дополнительное название трагедии «Биченосец» в отличие от «Аякса Локрийского». Дикearch озаглавливает драму «Смерть Аякса». В дидаскалиях же она обозначена просто «Аякс».

Итак, вот что совершает Аякс. Афина застаёт Одиссея у шатра, выслеживающего, что творит Аякс, и объясняет ему смысл содеянного; она вызывает наружу Аякса, еще одержимого безумием и гордящегося расправой над врагами. Затем он уходит в шатер, чтобы бичевать Одиссея. Появляется хор саламинских воинов, которые увидели совершенное —

перебитый скот эллинов, — но не знают, кто это содеял. Выходит из шатра и Текмесса, пленница и наложница Аякса, — она знает, что убийца животных — Аякс, но ей неизвестно, кому принадлежат стада. И узнавая друг от друга неизвестное, — хор от Текмессы, что все это сотворил Аякс, а Текмесса от хора, что скот принадлежит эллинам, они плачут; и особенно сильно хор. Из-за этого и сам Аякс, выйдя из шатра вперед и обретя разум, оплакивает себя. И Текмесса просит его, чтобы он сдержал свой гнев; он же, сделав вид, что успокоился, уходит для очищения и убивает себя. В конце драмы ещё Тевкр произносит речи, обращаясь к Менелая, не позволяющему предать тело Аякса земле. Наконец, совершив погребение, Тевкр оплакивает брата. Смысл трагедии заключается в том, что гнев и соперничество приводят людей к таким бедствиям, которые постигли Аякса, пожелавшего стать обладателем доспехов Ахилла и убившего себя после того, как узнал, что не достиг исполнения своего желания. Нет пользы в подобном соперничестве ни для победителей, ни для побежденных. Посмотри хоть и у Гомера, как в немногих словах, но весьма вольнованно он говорит о несчастье Аякса:

...только душа Теламонова сына Аякса
Молча стояла вдали, одинокая, все на победу
Злобясь мою...

Теперь послушай одержавшего над ним верх:

О для чего в состязанье таком одержал я победу!

И в самом деле, победа не принесла ему пользы, так как из-за распри погиб такой муж. [Актеру надо как можно внимательнее следить за тем, чтобы не показаться напуганным. Одиссей появляется на сцене, объявляя тревогой и беспокойством: как бы не пострадать от врага. В предисловии кратко сказано, к кому обращена речь в прологе, где происходит действие и что делает Одиссей; в словах «кого пытаешься захватить» содержится намёк на то, что он идет к врагу. Нужно, чтобы в начале было краткое содержание].

Место действия — стоянка кораблей возле шатра Аякса. Первой выступает в прологе Афина. [Софокл восхитительно вводит ее в действие. Ведь было бы неправдоподобным, чтобы Аякс, войдя, рассказал о совершенном им, как будто бы избличая сам себя; и никто другой не знал о происшедшем, так как Аякс действовал втайне и ночью. Разъяснить происходящее было делом божества, и, так как Афина заботится об Одиссее, она говорит:

Мне все известно — и твоей охоте
Помощницей и стражем я пришла (36 — 37).

О смерти Аякса рассказывали по-разному. Одни говорили, что, истекая кровью, он вернулся к кораблям, раненный Парисом; другие, что троянцы получили оракул бросить в него грязью (потому что меч его не брал),

и он от этого скончался. Иные, что он стал самоубийцей, и среди них — Софокл. Пиндар повествует, что единственным уязвимым местом был у него бок; его тело, покрытое львиной шкурой, было неуязвимым, непокрытая же его часть — оставалась незащищенной.]

ПРЕДИСЛОВИЯ К «ФИЛОКТЕТУ»

109. На Хресе изукрашенный алтарь Афины,
Где жертв ахейцев ждал пророчества приказ,
Один лишь сын Пеанта знал, Геракла друг.
Хотел он показать алтарь морским войскам,
Но тяжко заболел, змеей укушенный.
На Лемносе оставили его страдать.
Елен сказал ахейцам: Илион падет
От сына Ахиллеса и Геракла стрел.
У Филоктета одного нашлись они,
И Филоктета, и Ахиллово дитя привел
Под Троию Одиссей, за ними посланный.

110. Филоктета с Лемноса отвозят под Троию Неоптолем и Одиссей, согласно предсказанию Елена, знавшего, как пророчествовал Калхант, оракул, согласно которому была взята Троя. Ночью он был схвачен Одиссеем и в оковах приведен к ахейцам. Действие происходит на Лемносе. Хор состоит из старцев, приплывших вместе с Неоптолемом. Этот миф использовал также Эсхил. Трагедия была поставлена при Главкиппе. Победу одержал Софокл.

ПРЕДИСЛОВИЯ К «ЭЛЕКТРЕ»

111. Содержание состоит в следующем: воспитатель показывает Оресту, что происходит в Аргосе.

Орест был еще маленьким, когда Электра, после того, как зарезали их отца, спрятала его и отдала воспитателю, боясь, как бы и Ореста не убили вместе с отцом.

112. Трагедию начинает выступающий в прологе воспитатель Ореста... Его дядька — старик, который принял и спрятал своего питомца в Фокиде у Строфия,— он показывает Оресту происходящее в Аргосе.

Похитив Ореста из Аргоса маленьким, воспитатель бежал и, возвратившись с ним в Аргос через двадцать лет, показывает ему, что делается в Аргосе.

Действие происходит в Аргосе. Хор состоит из местных девушек. С прологом выступает воспитатель Ореста.

113. ПРЕДИСЛОВИЕ К «ТРАХИНЯНКАМ»

Мощь немейского льва сокрушил он в подвиге первом.
В Лерне, то подвиг второй, он сразил многоглавую Гидру.
Третий — один на один он поверг Эриманфского вепря.
Лань золоторогую — подвиг четвертый — доставил с охоты.
Пятым подвигом птиц стимфалийских явилось изгнание.
Пояс блистающий дев амазонок похитил — шестое.
Авгия стойла, в-седьмых, он очистил от скопищ навоза.
Бык огнедышащий с Крита доставлен в Микены — восьмое.
Подвиг девятый — пригнал он фракийских коней Диомеда.
Остров Эрифия вслед без коров Гериона остался.
Кербера вывел из Гадеса, — стало одиннадцать кряду.
Золото яблок в Элладе сверкает — двенадцатый подвиг.
Фестия взял дочерей он, тринадцатый подвиг свершивши.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ТРАГЕДИИ СОФОКЛА

<i>А.</i>	«Аякс»	<i>ЦЭ.</i>	«Царь Эдип»
<i>Ан.</i>	«Антигона»	<i>ЭК.</i>	«Эдип в Колоне»
<i>Т.</i>	«Трахинянки»	<i>Эл.</i>	«Электра»
<i>Ф.</i>	«Филоклет»		

ДРУГИЕ АНТИЧНЫЕ АВТОРЫ И ПРОИЗВЕДЕНИЯ

<i>АС</i>	Античные свидетельства о жизни и творчестве Софокла
<i>Аполлод.</i>	Аполлодор
<i>Афин.</i>	Афиной
<i>Гес.</i>	Гесиод
<i>Теог.</i>	«Теогония»
<i>Т.иД.</i>	«Труды и Дни»
<i>Диод.</i>	Диодор Сицилийский
<i>Евр.</i>	Еврипид
<i>Андр.</i>	«Андромаха»
<i>Ипп.</i>	«Ипполит»
<i>Иф. Авл.</i>	«Ифигения в Авлиде»
<i>Мед.</i>	«Медея»
<i>Финик.</i>	«Финикиянки»
<i>Эл.</i>	«Электра»
<i>Ж</i>	Жизнеописание Софокла
<i>Ил.</i>	«Илиада»
<i>Од.</i>	«Одиссея»
<i>Павс.</i>	Павсаний
<i>Пинд.</i>	Пиндар
<i>Истм.</i>	Истмийские оды
<i>Нем.</i>	Немейские оды
<i>Ол.</i>	Олимпийские оды
<i>Пиф.</i>	Пифийские оды
<i>Туск.</i>	«Тускуланские беседы» (Цицерона)
<i>Эсх.</i>	Эсхил
<i>Аг.</i>	«Агамемнон»
<i>Евм.</i>	«Евмениды»
<i>Мол.</i>	«Молящие»
<i>Пе.</i>	«Персы»
<i>Пр.</i>	«Прометей»
<i>Сем.</i>	«Семеро против Фив»
<i>Хо.</i>	«Хоэфоры»

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бернабе* Poetarum Epicorum Graecorum testimonia et fragmenta. P. I / Ed. A. Bernabé. Lpz., 1987
- Джебб* Sophocles. The Plays and Fragments / By Sir R. Jebb. Cambridge, 1883—1896. P. I — VII. (Repr. 1962—1966).
- Доу* Sophocles. Tragoediae / Ed. R. W. Dawe. Lpz., 1984—1985. T. I—II.
- Дэн* Sophocle. T. I—III. Texte établi par A. Dain. P. 1956—1960.
- Пирсон* Sophocles. Fabulae / Rec. A. C. Pearson. Oxf., 1928.
- Р. Оху* The Oxyrhynchus Papyri. Egypt. Exploration Society. Oxf., 1898—1987. V. I—LIV.
- TrGF* Tragicorum Graecorum Fragmenta. Göttingen, 1977—1986. T. 1—4. (По этому изданию даются ссылки на фрагменты Эсхила и других греческих трагиков, кроме Еврипида, для которого источником служит изд.: Tragicorum Graecorum fragmenta. Rec. A. Nauck. Lpz., 1889.)
- ZPE* Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn, 1967—1989. Bd. 1—76.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ

- ЖМНП* «Журнал министерства народного просвещения»
- ФО* «Филологическое обозрение»

В. Н. Ярхо

ТРАГИЧЕСКИЙ ТЕАТР СОФОКЛА

Если собрать вместе все мнения о Софокле, высказанные на протяжении одного лишь XX в. в специальных и общих работах по древнегреческой литературе, то возникнет своего рода радуга, в конечных пунктах которой окажутся две взаимоисключающие точки зрения. Для одних Софокл — богобоязненный консерватор, с недоверием встречающий все то новое, что несет с собой афинская демократия, и больше всего озабоченный сохранением старинной веры в извечную мудрость богов. Для других он — вдохновенный певец свободного в своих решениях и поступках человека, прославляющий его героические дерзания и готовность перед лицом богов и людей взять на себя ответственность даже за те деяния, в которых он субъективно несколько не виновен.

Каждая из этих точек зрения явно страдает односторонностью, не учитывая всей сложности творчества Софокла. Невозможно примирить столь противоположные оценки и спасительной апелляцией к мысли, что правда находится где-то посередине: где и кто сможет найти середину между патриархальной консервативностью и верой в возможности человека? Однозначные характеристики типа «Софокл — пессимист» или «Софокл — поэт страдания» тоже не исчерпывают сути дела, так как неоправданно выдвигают в центр оценки древнего трагика какую-то одну, и притом не лишённую противоречивости, черту его мировоззрения или дарования.

Для раскрытия сущности драматургии Софокла первостепенное значение имеет понимание общенародного характера древнегреческого театра. В Афинах в V в. до н. э.¹ (да и во всем античном мире) не было театра в современном смысле слова, который давал бы регулярно спектакли с объявленным на неделю или месяц репертуаром. Трагедии показывали в Афинах во время Великих Дионисий — празднества, справлявшегося в конце марта — начале апреля и посвященного богу производительных сил Дионису. (С 433 г. трагедии начали ставить и на другом празднике в честь Диониса — Ленеях; их отмечали в конце января — начале февраля.)

При этом, поскольку исполняемые пьесы считались подарком богу Дионису, каждый раз надо было ставить новые произведения. Таким образом, с самого начала трагедия предназначалась для одноразового исполнения.

¹ В дальнейшем в статье и комментариях даты, относящиеся ко времени до нашей эры, дополнительным указанием не снабжаются.

Каждый автор представлял предварительно комплекс, состоявший из трех трагедий (трилогии) и примыкавшей к ним сатировской драмы; вместе они составляли тетралогию. У Эсхила тетралогии обычно были связаны единством сюжета, Софокл от этой практики отошел, и любая из сохранившихся его трагедий является законченным целым. Отбор трех тетралогий для постановки их на празднике осуществлял один из девяти архонтов, избиравшихся ежегодно для руководства государственной жизнью.

Важным моментом афинской театральной практики было художественное состязание между драматургами, в результате чего специальная судейская коллегия определяла место, занятое каждым из соревнующихся поэтов. Первая награда обозначала неоспоримый успех, вторая — относительное признание, третья — при трех соревнующихся — решительный провал. Лавры победителя разделял также хорег — богатый гражданин, который, исполняя общественную повинность, должен был оплатить наставника хора и костюмы — как для хора, так и для отдельных исполнителей — актеров, число которых не превышало трех.

Источником сюжетов афинских трагиков служила, за редчайшим исключением, богатая сокровищница мифов. Герои древнегреческих сказаний, по глубокому убеждению и зрителей, и самих поэтов, реально существовали несколько столетий тому назад, — это придавало достоверность повествованию поэта и заставляло задуматься над тем, как соотносить жизнь и деяния героев прошлого с собственным общественным опытом зрителей.

Вместе с тем, греческая мифология не была собранием канонизированных назиданий; об одном и том же событии могли рассказывать по-разному, и драматическим поэтам это давало огромные преимущества: история, изображенная однажды Эсхилом, могла быть несколько десятилетий спустя совсем иначе воспроизведена Софоклом или Еврипидом. Впрочем, не обязательна была и столь длительная дистанция во времени: обе «Электры», Софокла и Еврипида, созданы в пределах одного и того же десятилетия, но одна из них явно полемически направлена против другой. Важно, что мифологическая ситуация допускала наполнение актуальным идейным содержанием, и драматургам предстояло ответить на множество вопросов. Существует ли божественное управление миром и какими нормами оно руководствуется? Как получается, что самые разумные человеческие планы постигает неожиданная неудача? Как соотносятся требования общественного целого с интересами отдельно взятой личности, — идет ли речь об их беспрекословном подчинении целому или ему на пользу максимальная самостоятельность мышления его членов?

Однозначного ответа на эти вопросы жизнь не давала. Больше того: в них самих могла быть заложена противоречивость, способная принять трагический характер. Не всякому суждено было ее увидеть — для этого требовался такой масштаб драматического таланта, какой порождают воистину великие эпохи. Одной из таких эпох в истории человечества был V век в Афинах, и одним из детей этой эпохи был Софокл.

1

Жизненный путь Софокла, насколько мы знаем о нем из сохранившихся античных источников, был на редкость благополучен. Ему не пришлось, как Сервантесу, быть проданным в рабство на галеры и изнывать под бичом надсмотрщика. Ему не приходилось, как Мольеру, зависть от милостей и капризов королевского двора. Ему не довелось даже ни разу испытать на себе охлаждение афинских зрителей², — случай достаточно редкий, если мы вспомним, что два драматурга, определившие на века пути развития европейской драмы, — Еврипид и Менандр — не слишком часто добивались успеха у своей публики. Сама судьба, казалось, уготовила Софоклу путь успехов и славы, которой не могли омрачить никакие случайности. Сын богатого владельца оружейной мастерской, он получил прекрасное образование, позволившее ему развить все его умственные и физические возможности. 16-ти лет от роду он возглавлял хор юношей, славивших победу над персами в морской битве при Саламине (*Ж* § 3; *АС* 2). От поздней античности, любившей находить всякого рода совпадения на жизненном пути великих людей, дошел рассказ, согласно которому первое же выступление Софокла на афинской сцене (в 468 г.) стало его триумфом: он-де одержал победу над признанным главой трагических поэтов — Эсхилом (*АС* 34, 35). Более достоверным, однако, представляется, что Софокл впервые принял участие в состязании трагических поэтов за два года до этого и что Эсхил не имел никакого отношения к началу его творческого пути. Выступая вначале в качестве исполнителя главных ролей в своих драмах, Софокл очаровывал зрителей то искусством игры на кифаре, то изяществом, с которым он играл в мяч (*АС* 3, 4, 47). Широкие духовные запросы сблизили его с кругом лучших умов того времени, группировавшихся вокруг вождя афинской демократии Перикла; вместе с ним Софокл был избран одним из десяти стратегов — высших должностных лиц в государстве, которым поручалась защита его интересов в дни мира и войны (*АС* 25—27). И хотя судьба не одарила Софокла еще и военными талантами, в его честности и глубокой преданности отечеству никто в Афинах не сомневался — достаточно напомнить, что незадолго до избрания стратегом ему было поручено возглавить коллегию эллиноتامиев — казначеев Афинского морского союза, ведавших получением взносов от государств-союзников и их распределением в интересах афинского полиса.

Зарекомендовал себя Софокл и в религиозной жизни родного города. Когда в конце 20-х годов V в. афиняне заимствовали в Эпидавре культ бога-целителя Асклепия, в доме у Софокла, избранного жрецом нового божества, некоторое время хранилась доставленная из Эпидавра его статуя, пока для нее не было построено святилище. Соответственно после смерти Софокла он был героизирован под именем Дексион — «принявшего бога», и ему воздавались почести наряду с Асклепием еще в середине IV в., а, возможно, и много позже: культ Асклепия, начиная с середины

² См. *Ж* § 8; *АС* 33.

IV в., в течение многих столетий пользовался широчайшей популярностью во всех греческих государствах, в том числе и в Афинах, и написанный Софоклом пеан в честь Асклепия исполнялся, во всяком случае, еще во II в. н. э. Вероятно, до этих же пор продолжалось и поклонение его автору (*Ж* § 17; *АС* 30—32, 85).

Античная традиция донесла до нас, кажется, одно-единственное свидетельство о домашних неурядицах Софокла: малодостоверный анекдот о привлечении его к суду сыном Иофонтом по обвинению в старческом слабоумии и небрежении хозяйственными заботами. Однако и из этого испытания девяностолетний поэт вышел с честью: прочитав знаменитый впоследствии первый стасим из только что написанного «Эдипа в Колоне», он был с восторгом принят судьями и окружающей их публикой (*АС* 15—17). Судьба даровала Софоклу и свою последнюю милость: он умер в конце 405 г., не дожив нескольких месяцев до окончательного поражения Афин в Пелопоннесской войне и установления жестокой диктатуры 30 олигархов, грозившей уничтожить столь милое Софоклу афинское демократическое устройство. Прав был комический поэт Фриних, который подвел итог жизненного пути Софокла в лаконичном четверостишии:

Блажен Софокл. Он прожил жизнь и долгую,
И счастьем полную. И умер праведным.
Трагедий много написал прекраснейших.
Скончался мирно он, беды не ведая.
(*АС* 52, см. также 18, 20 21).

Итак, благополучнейшая жизнь, полная гармонии между личным успехом и общественным служением; неугасающая, пронесенная через десятилетия любовь к родным Афинам и вера в их историческое предназначение, — и наряду с этим немеркнущая слава трагического поэта, поднявшего в своем творчестве самые глубокие проблемы человеческого существования. Образцовой трагедией считал «Царя Эдипа» свыше двух тысячелетий тому назад Аристотель, — и поныне нет, наверное, ни одной работы по теории драмы, которая не вела бы историю европейского театра от этого бессмертного творения Софокла. Из написанных им девяти десятков трагедий³ полностью сохранились только семь, но до сих пор каждое новое поколение ищет в них разгадки «феномена Софокла», объяснения той диалектике художественного, при которой его гармоничнейшие создания несут в себе конфликт огромного драматического напряжения. Какие силы породили эти вершины трагического в творчестве Софокла?

2

Софокла принято называть поэтом расцвета афинской демократии, — и в самом деле, вершина его творчества по времени совпала со знамени-

³ Всего Софокл написал около 120 произведений для театра, но примерно четвертую часть из них составляли так называемые сатирические драмы.

тым «веком Перикла», когда началось возведение грандиозного архитектурного ансамбля на афинском акрополе, появился исторический труд Геродота, в Афинах стали возникать собственные философские школы. Между тем само слово «расцвет» носит однозначный характер чего-то абсолютно совершенного, в то время как в действительности идеологии афинской демократии был присущ целый ряд серьезных внутренних противоречий.

Как всякое древнегреческое государство, Афины испокон веков считали свое благополучие делом рук богов, — на укрепление их авторитета было направлено, в частности, и сооружение Парфенона — храма Афины-Девы. Бесчисленное количество праздников было связано с почитанием того или иного божества — Зевса, Посидона, Афины, Аполлона, Деметры, Персефоны, Диониса — и с принесением им жертв, имевших целью обеспечить благосклонность богов. Существовало также множество местных культов и алтарей, почитавшихся людьми, которых объединяли родственные или соседские связи. С возлияния богам и подобающей случаю молитвы начинался и званый обед, и рядовая пирушка.

Без совета с оракулом Аполлона в Дельфах не полагалось предпринимать ни одно сколько-нибудь серьезное дело, — так, незадолго до Саламинского сражения Фемистокл сумел истолковать полученное из Дельфов пророчество в пользу создания афинского морского флота. Так и Перикл, задумав распространить влияние Афин на запад, заручился согласием дельфийского жречества для основания на юге Италии города Фурий. Словом, общественный и частный быт афинян, казалось бы, можно охарактеризовать известным русским выражением: «Без бога ни до порога».

Вместе с тем, очень интенсивная публичная жизнь афинян делала невозможной постоянную оглядку на авторитет богов и старинные нравственные нормы, требуя от граждан готовности к формированию и выражению собственного мнения.

По характеру своего государственного устройства Афины в середине V в. были наиболее передовым из древнегреческих рабовладельческих полисов. Законодательная власть принадлежала всему коллективу свободных граждан, регулярно созываемых на народное собрание. Подготовку к нему осуществлял Совет пятисот, составившийся из равного числа представителей от десяти фил — административно-территориальных единиц, на которые делилась Аттика. Члены Совета пятисот избирались жребием, как и многочисленные члены судебных коллегий и сотни должностных лиц для наблюдения за порядком в городе и в гаванях, на базарах и в тюрьмах, за ремонтом храмов и состоянием дорог, и т. д. Только для выборов на должности, связанные с материальной ответственностью (в частности, стратегов) требовался определенный имущественный ценз, и пригодность кандидатуры решалась не жребием, а голосованием. Следовательно, от каждого афинского гражданина требовался известный уровень общественного сознания и достаточная доля ответственности за исполнение доверенных ему обязанностей, которую нельзя было переложить на богов. Из этой практики афинской демократии возник известный тезис, сформулированный софистом Протагором, — «Человек есть

мера всех вещей», т. е. в меру своего разума он судит об окружающей его действительности и принимает свое решение — один ли, вместе ли со своими согражданами в суде или в народном собрании.

Особенно часто пришлось афинянам рассчитывать на собственное разумие с началом Пелопоннесской войны, разгоревшейся в 431 г. между двумя крупнейшими военно-политическими группировками. Одну из них возглавляли Афины, другую — Спарта, и военные действия поначалу складывались не слишком благоприятно для Афин. Уступая спартанцам в сухопутном войске, жители Аттики вынуждены были перебраться в Афины и укрыться за городскими стенами, в то время как враги у них на глазах опустошали брошенные на произвол судьбы угодья. Разгоревшаяся в условиях страшной перенаселенности эпидемия нанесла новый удар по афинянам, — между тем, глубоко почитаемая ими богиня Афина не делала ничего для спасения своих граждан, а из Дельфов шли одно за другим пророчества, предсказывавшие победу спартанцам. Вера в божественный промысел начала колебаться.

Убеждение в благодатном покровительстве богов, стремление заручиться их поддержкой, с одной стороны, и необходимость принимать под свою ответственность собственное решение, отстаивать его и добиваться его осуществления, — с другой, таково было первое противоречие в общественном сознании афинян.

Этим двусмысленным положением богов объяснялась и достаточно широкая шкала представлений об их участии в управлении миром, — причем весьма различного мнения на этот счет придерживались люди, входившие в один и тот же кружок Перикла. Так, Геродот, оставивший грандиозную картину восточного Средиземноморья в эпоху греко-персидских войн и захвативший заодно множество предшествовавших событий, был уверен в непосредственном вмешательстве божества в исполнение людских планов. Иногда оно носило благодетельный характер — так, по сообщению историка, за несколько дней до Саламинской битвы афинянам явилось знамение, несомненно подтверждавшее, что симпатии местных богов на их стороне (Геродот VIII, 65). Чаще, однако, божеству свойственно испытывать зависть к чрезмерному возвышению, славе, богатству смертных и стремиться губить все выдающееся. С точки же зрения Протагора, о богах вообще нельзя сказать, существуют они или нет, — решение этого вопроса препятствует его неясность и краткость человеческой жизни. Огромное большинство афинян таких рассуждений не понимало, Протагор был со временем обвинен в нечестивости и погиб при кораблекрушении, спасаясь от судебного преследования. Заметим, однако, что еще за 20 лет до этого Перикл, выступая несколько раз перед согражданами в начале Пелопоннесской войны, тоже отнюдь не думал апеллировать к проблематичной помощи божества, а обосновывал свой план ведения войны совершенно рациональными аргументами.

Итак, боязнь вызвать зависть и гнев богов, убеждение в необходимости почитать их и ублажать, — с одной стороны, и полное безразличие к их существованию, опора человека на собственные интеллектуальные возможности и рациональное мышление, — с другой, —

такovo было второе противоречие в идеологии афинской демократии.

Третье противоречие, имевшее часто довольно конкретные последствия для внутри- и внешнеполитической обстановки в Афинах, заключалось в отношении афинян к своим лидерам.

Как во всех древних государствах, возникших непосредственно из родового строя, в Афинах высоко ценилась знатность происхождения, которая создавала достаточно благоприятные условия для выдвижения выходцев из аристократических семей к руководству общественной жизнью. Так, организатором победы над персами при Марафоне был Мильтиад, чей род возводил себя к легендарному Аяксу; в 60-е годы стратегом многократно избирался сын Мильтиада Кимон, сумевший серьезно потеснить персидский флот у берегов Малой Азии и этим подготовить окончательную победу греков; к знатнейшему афинскому роду Алкмеонидов принадлежал и Перикл. Казалось естественным, что именно эти люди, славящиеся благородным происхождением, предназначены отстаивать интересы своих сограждан в области внутренней и внешней политики. Эту мысль всячески поддерживали приверженцы аристократической идеологии в поэзии, — в первую очередь знаменитый лирический поэт Пиндар. В его представлении, доблесть — врожденное свойство, ему нельзя научиться, и только тот, кто наделен им от природы, заслуживает почета и уважения. В глазах Пиндара, «природа» — гарантия высокой нравственности и залог благополучия.

Между тем, афинская демократия, охотно выдвигавшая знатных к руководству, еще охотнее пользовалась всяким случаем их низвергнуть. Мильтиад вскоре после марафонской победы был заподозрен в предательстве при неудачном ведении осады о-ва Пароса, приговорен к огромному штрафу и умер в тюрьме, не имея средств его выплатить. Кимон, возглавивший неудачный поход афинского войска на помощь спартамцам против восставших илотов, был приговорен к изгнанию. Дольше всех пользовался расположением народа Перикл, но и он вследствие неблагоприятного начала Пелопоннесской войны был отстранен афинянами от должности стратега, которую занимал не менее 15 лет подряд. Похоже, что афинская демократия придерживалась иных взглядов на природу доблести, чем Пиндар, и явно предпочитала реальный успех врожденному благородству. Что же касается человеческой природы, то Пелопоннесская война дала множество примеров ее проявления совсем в ином направлении, чем этого требовала аристократическая концепция доблести: предательство и измена, корыстолюбие и вымогательство оттеснили далеко на задний план благородство и элементарную порядочность.

Итак, что важнее для человека, что обеспечивает ему положение в обществе — нравственный максимализм, следование нормам природной доблести или откровенный прагматизм, обычно прикрываемый видимостью общей пользы, — вот еще одна трудная проблема, возникавшая перед современниками Софокла. Конечно, ни от самого драматурга, ни от его героев мы не должны ожидать прямого ответа на подобные вопросы индивидуального поведения его сограждан, но ни один из этих вопросов не окажется безразличным для объяснения образа действия его персонажей.

3

Хотя семь трагедий, дошедших от Софокла, составляют ничтожную часть его художественного наследия, в них все же определяются общие черты, характерные, по-видимому, для всего его творчества. Лучшее всего они выявляются при сравнении идеологии Софокла с мировоззрением его непосредственного предшественника, «отца трагедии» Эсхила. Как и Эсхил, Софокл был убежден в существовании справедливых, хотя и требовательных богов, но божественное управление миром представлялось ему большей частью фоном, на котором раскрывается самостоятельная деятельность человека. Так, прорицания, полученные героями Софокла, всегда сбываются, но только дважды боги непосредственно вмешиваются в их осуществление: первый раз — в «Филоктете», где обожествленный Геракл разрешает все сомнения своего друга, направляя его под Трою; второй раз — в «Эдипе в Колоне», когда голос с небес призывает героя к месту его последнего упокоения и перед страдальцем разверзается поглощающая его заживо земля. Во всех других случаях только собственная деятельность человека помогает исполниться божественному пророчеству.

В «Аяксе» вестник приносит предупреждение Калханта, напоминающее близким к герою людям о необходимости следить за ним до окончания текущего дня, — предупреждение запаздывает, потому что Аякс успевает покончить с собой. Но он делает это отнюдь не потому, что знает о прорицании, а потому что считает для себя невозможным хоть еще на один день продлить жизнь. В «Трахинянках» Гераклу сужден отдых после совершения всех его подвигов, — этим отдыхом становится смерть, после которой действительно не существует ни забот, ни трудов. Но и здесь конец наступает в результате обстоятельств, никем не детерминированных, а вызванных только естественным стремлением Деяниры вернуть себе мужа.

Самостоятельность в своих решениях, готовность нести ответственность за свои действия составляют основу нормативности героев Софокла. Сам он, по преданию, утверждал, что создает людей такими, «какими они должны быть» (АС 44, 54), и две трагедии, отделенные в творчестве Софокла примерно четырьмя десятилетиями, позволяют нам проникнуть в сущность этой нормативности.

Первая из них — «Аякс»⁴, в основе которой лежит широко известный в античности эпизод из троянского цикла мифов: негодование Аякса на ахейских вождей, присудивших доспехи убитого Ахилла не ему, а Одиссею, и последствия этого гнева, обратившегося против самого героя.

При толковании образа Аякса надо прежде всего избавиться от современного представления о некоем патриотическом долге, будто бы объединявшем в походе под Трою ахейских вождей. Возможность такой ин-

⁴ Сведения о датировке и история мифа дается в преамбулах комментария к каждой трагедии.

терпретации, вообще говоря, содержалась в мифе и могла быть по-разному использована и до софокловского «Аякса» и много лет спустя после него: во всеобъемлющей картине мира, созданной Эсхилом в «Орестее», на поведение Агамемнона накладывает несомненный отпечаток его долг перед союзным войском, готовящимся отомстить за осквернение домашнего очага Менелая, и в идеальном образе еврипидовской Ифигении (в Авлиде), созданном уже в самом конце Пелопоннесской войны, мы видим кризис к объединению всех эллинов против надменных варваров. В «Аяксе» ничего этого нет: саламинский герой, как и многие другие участники похода, принял в нем участие только потому, что был верен клятве, данной однажды всеми претендентами на руку Елены (1113). В остальном он ни в коей мере не признает над собой господства Атридов, и задуманная им месть находится в полном соответствии с исконной обязанностью эпического героя защищать всеми доступными средствами свою рыцарскую честь. Присуждение Ахилловых доспехов Одиссею Аякс рассматривает как позорное для себя и, следовательно, имеет такое же право мстить, как гомеровский Ахилл, устроившийся от боев после нанесенного ему бесчестья. Добавим, что готовность всячески помогать другу и вредить врагу считали естественным стремлением человека не только гомеровские герои, но и афиняне V в. Таким образом, трагедия Аякса вовсе не в том, что он покусился на жизнь обидчиков, а в том, что месть его — не по его вине! — приняла такую форму, которая сделала его предметом позора и осмеяния.

Насланное Афиной на Аякса помрачение разума, ведущее его к нападению на ахейский скот, дает нам еще один повод осознать все различие в нравственных постулатах, как их ставит перед собой современный человек и как их воспринимали герои Софокла. Причиной безумия древние греки обычно считали вмешательство божественных сил. Так, еще гомеровский Агамемнон объяснял обиду, нанесенную им Ахиллу, воздействием Аты — богини ослепления и Эриний, способных лишить человека здравого образа мыслей. И саламинская свита в «Аяксе» перебирает целую вереницу богов (172—185), размышляя, кто из них мог бы отомстить ее предводителю за проявленное когда-нибудь неуважение. Точно так же еще двадцать лет спустя трезенские женщины в «Ипполите» Еврипида будут искать божественный источник иступления, охватившего Федру. Но как у Еврипида, так и у Софокла, хор не обладает достаточной провидательностью, чтобы установить истинную виновницу, вызвавшую к жизни нарушение нормального психического состояния человека, — там — Киприду, здесь — Афины.

Причину своего вмешательства в исполнение плана Аякса Афина нигде не называет, но зритель о ней, конечно, легко догадывался: если бы месть Аякса удалась, ахейское войско лишилось бы своих вождей и тем была бы спасена столь ненавистная Афине Троя. Для нас, впрочем, интереснее другое. В глазах современного человека невинность при совершении преступления — смягчающее обстоятельство; убийца, признанный душевнобольным, найдет себе место не в тюремной камере, а в психиатрической клинике. Герои Софокла меряют свое поведение другой

мерой, исходя не из причины, а из результата. Если бы Аякс, находясь в здравом уме и твердой памяти, зарезал обоих Атридов и до смерти исполосовал ударами бича Одиссея, это могло бы вызвать кровавую распрю в ахейском лагере, но не дало бы никому оснований насмеяться над убийцей: он осуществил свое право на месть. Теперь же, когда временная невменяемость героя дает ему, казалось бы, право на снисхождение, ему и его спутникам грозит расправа со стороны остального войска, разгневанного бессмысленным истреблением общего стада. Еще важнее, что не ищет ни самооправдания, ни снисхождения сам Аякс: объективно позорный исход его справедливой расправы с обидчиками оставляет ему только один путь для восстановления утраченного достоинства — самоубийство.

Можно ли рассматривать суд, который вершит сам над собой Аякс, как новое вмешательство Афины? Ведь поспешно разыскивающий его вестник передает слова Калханта о гневе, который затаила против героя Афина: и отправляясь в поход, и сражаясь на поле брани, Аякс отказался от ее помощи (770—777). Для обидчивых греческих богов этого достаточно, чтобы навсегда возненавидеть смертного. Заметим, однако, что в софокловской трагедии гнев Афины является совершенно второстепенным мотивом: и Аякс вовсе не предстает богоборцем, — просто он привык рассчитывать только на свои силы; и действие гнева Афины ограничено, по неисповедимым причинам, одним днем. Мотив этот играет скорее сюжетобразующую роль: не узнай хор и Текмесса об опасности, угрожающей сегодня Аяксу, они бы спокойно дожидались его возвращения и сообщение о его смерти получили бы только от какого-нибудь вестника; с прекрасным предсмертным монологом Аякса Софоклу пришлось бы расстаться. Но и это соображение, исходящее из нужд сценической техники, тоже не главное в определении того значения, которое мог бы получить в трагедии гнев Афины. Главное же состоит в том, что сам Аякс ничего об этом не знает: в Афине он, судя по прологу, видит достаточно благожелательное к нему божество, и решение о самоубийстве принимает совершенно независимо от своих взаимоотношений с ней в прошлом. «Аякс» вовсе не трагедия богоборчества, а трагедия благородной личности, от природы не предназначенной приспособляться ни к обстоятельствам, ни к окружающим ее людям.

Жить прекрасно или не жить совсем — таков нравственный кодекс благородной натуры, который она отстаивает от всяких попыток вмешательства извне. Нетерпимость к чужому мнению, непримиримость к врагам и к себе самому, неукротимость в достижении цели — эти свойства, присущие всем истинным трагическим героям Софокла, так зримо предстают перед нами уже в образе Аякса. Он остается глухим к призывам и мольбам хора «уступить» обстоятельствам, которые оказались сильнее его, — когда сам Аякс употребляет это слово (666), оно звучит в его устах трагической иронией, ибо зрители заранее знают, что он приведет свой план в исполнение.

Знаменитый монолог Аякса, в котором он выражает притворную готовность примириться с Атридами, вызвал много волнений у исследова-

телей. Суть их недоумений сводится к тому, что Аякс, не привыкший идти кривым путем, здесь явно прибегает к обману, чтобы развязать себе руки и избавиться от опеки Текмессы и хора. Как совместить благородную прямоу Аякса с его же хитростью? Вопрос решается, на наш взгляд, двусмысленностью монолога: речь Аякса может быть истолкована и буквально (так понимает ее хор), и с проникновением в ее скрытое значение, которое придает каждому слову верный себе герой. Поэтому правильное будет не подозревать Аякса в измене своей благородной и прямой натуре, а признать, что он остается так же верен ей в «обманном» монологе, как и в тех, которые произносит до и после него.

Нравственная проблема, встающая в «Аяксе», снова привлечет внимание Софокла в «Филоктете», написанном за несколько лет до смерти драматурга. Многие изменилось за эти годы в родных Афинах. «Школа Эллады», увенчанная почти готовым ансамблем Акрополя, из последних сил отбивалась от врагов. Впереди было еще, правда, несколько удачных операций на море, но и окончательное поражение. В далекое прошлое ушли те героические идеалы, которые питали благородную «природу» софокловских героев. Уже упоминалось, что в годы Пелопоннесской войны человеческая природа гораздо чаще давала знать о себе совсем в иных проявлениях. Несмотря на все это, Софокл снова возвращается к теме человеческого благородства, соотнося его на этот раз с прагматически понимаемым «общим благом». В «Аяксе» проблема личного и общественного возникала только в одном аспекте: каким сохранится в общественном мнении облик Аякса — как достойный прославления или посрамления? Материальный ущерб, нанесенный Аяксом своим соплеменникам, мерк перед трагедией благородного героя, опозорившего себя бессмысленным поведением.

В «Филоктете» свойства природы Аякса оказываются поделенными между двумя персонажами, и трудно сказать, какому из них приходится разрешать более трудные противоречия.

Филоктет унаследовал от Аякса его непримиримость к врагам и неукротимость в гневе: брошенный Атридами на произвол судьбы и десять лет терзаемый муками болезни и одиночества, он ни на каких условиях не хочет примирения с ними. Даже надежда на излечение, пока ее сулит смертный, не может склонить его к участию в захвате Трои. Неоптолем близок к Аяксу своей благородной природой, которую он, однако, вынужден на время предать в интересах «пользы». Мы помним, что Неоптолем с самого начала неохотно слушает советы своего наставника в прагматизме — Одиссея. Уже в прологе искренний и бесхитростный Неоптолем противопоставляется готовому на всякие уловки многоопытному Одиссею. При этом последний руководствуется соображениями отнюдь не личной выгоды, — возвращение Филоктета под Трою соответствует интересам всего греческого войска. Сознавая значение исторической миссии, возложенной на ахейских вождей, Неоптолем поначалу соглашается использовать против Филоктета явный вымысел и заведомую ложь. Однако по мере того, как юноша проникается сочувствием к страданиям Филоктета и, в конце концов, становится свидетелем его мучительного

припадка, он все более осознает несовместимость обмана по отношению к доверившемуся ему страдальцу с внутренним долгом честного человека, каким от природы призван быть сын прямого и бесхитростного Ахилла. В результате Неоптолем возвращает Филоктету его лук и соглашается выполнить прежнее обещание, т. е. доставить его на родину. Понимая, что этим он вызывает против себя ненависть Атридов и месть всего ахейского войска, Неоптолем, тем не менее, предпочитает остаться верным своей природе и достойным своего отца. Нравственный долг человека приходит в непримиримый конфликт с интересами общества; прямота и честность Неоптолема заводят все дело в тупик, и Софоклу не остается ничего другого, как искать разрешение всех противоречий в появлении сверхъестественной силы — обожествленного Геракла, который на правах старого друга, некогда вручившего Филоктету свой лук, передает ему волю богов: герой должен поехать под Трою, получить там исцеление и помочь соотечественникам взять вражеский город. Единственная из всех сохранившихся трагедий Софокла, построенная с применением *deus ex machina*, завершается без обычных смертей или самоубийств. Вмешательство Геракла разрешает конфликт между справедливым гневом индивидуума и интересами целого, между благородной природой героя и потребностями общего дела.

Благополучный финал «Филоктета» не должен привести нас к заключению, что возникающие здесь проблемы лишены трагизма или были неактуальны для своего времени. Наоборот, в известном смысле «Филоктет» был ближе к непосредственным жизненным конфликтам, чем более ранние произведения Софокла. Аякс совершил позорное деяние не по своей вине, — Неоптолем вполне сознавал неприглядность своего поведения. Его образ был человечнее, доступнее зрителям, чем недостижимый в своей трагической непреклонности Аякс. Общественный и индивидуальный опыт, накопленный афинянами за трудные годы Пелопоннесской войны, заставлял их особенно живо реагировать на постановку нравственных проблем: что больше присуще «природе» человека — прямота и честность или приспособление к сиюминутным требованиям и интересам? Моральное превосходство софокловского Неоптолема над Одиссеем очевидно, — но так же очевидно, что это превосходство не способно привести сына Ахилла к стоящей перед ним цели — добиться участия Филоктета в завершающем этапе Троянской войны. В этой трагедии все по-своему правы: Филоктет — в своей ненависти к обидчикам; Одиссей — в стремлении выполнить данное ему и важное для всего войска поручение; Неоптолем — в желании сохранить в чистоте свое природное благородство. На исходе своих дней Софокл сумел показать всю глубину конфликта, возникающего между индивидуально-справедливым и общественно-полезным, но не мог найти ему естественного разрешения, потому что историческая действительность поколебала убеждение поэта в возможности моральной победы благородной личности над враждебностью ее социального окружения. Впрочем, чтобы понять, какой ценой достигается такая победа, надо вернуться к более ранним созданиям поэта.

4

«Антигону» долгое время принято было рассматривать — а иногда и сейчас рассматривают — как трагическое столкновение двух одинаково справедливых начал: кровно-родственного, олицетворяемого Антигоной, и государственно-правового, защищаемого Креонтом. Однако это толкование, исходящее из опыта человека нового времени, противоречит как непредвзятому анализу софокловской трагедии, так и специфике взаимоотношений между личностью и государством в Перикловых Афинах. Начнем с последнего.

Древние греки — и не только афиняне — чувствовали себя полноправной личностью лишь в той мере, в какой они являлись членами гражданского коллектива. Связь эта была взаимной: человек пользовался статусом гражданина, если он владел хотя бы небольшим земельным наделом и мог обеспечить себя вооружением для участия в военных действиях; в свою очередь, государство считало своим долгом поддерживать материально неимущих граждан, брать на себя заботу о сиротах. Способным к исполнению обязанностей стратега считался в Афинах гражданин, не только обладавший достаточным имущественным цензом, но и имевший детей от законной жены: предполагалось, что человек, умеющий хорошо вести домашние дела, справится и с общественными. Тесная связь личности с государством подкреплялась общностью религиозных культов: Зевсу был посвящен ряд общегородских праздников, но каждая семья особо почитала Зевса — покровителя домашнего очага и той ограды, в пределах которой собирались все члены семьи. Таким образом, уже заранее можно сказать, что противопоставление частных и общегосударственных нравственных норм в афинской демократической идеологии являлось маловероятным. Иное дело — государства олигархические или монархические, где не правители служат закону, а закон — правителям. Здесь могло иметь место и нарушение прав личности, и ее насильственное подчинение прихотям тирана.

Теперь обратимся к правовой стороне конфликта в «Антигоне».

Запрещение хоронить Полиника, которым начинается свое правление пришедший к власти Креонт, не имеет под собой достаточных оснований. Оставить непогребенным труп противника, бросив его на произвол бродячим псам и хищным птицам, — достаточно частая угроза в гомеровских поэмах, где такая доля убитого воспринималась как еще один удар по его посмертной славе. Впрочем, и здесь практиковалась выдача трупа родным за выкуп; лишить близких права на последнюю услугу покойнику считалось делом безнравственным. Тем более справедливо это для классического периода греческой истории, когда даже случайному прохожему вменялось в обязанность похоронить попавшее ему на пути непогребенное тело. Мера эта была своего рода защитной реакцией как от вполне реальной опасности заражения местности, так и от потенциальной угрозы со стороны покойника: предполагалось, что пока тело не предано земле, душа умершего не находит себе места в царстве теней, а скитается по земле, причиняя всяческие беды живым. Тем более невозможно было

представить себе запрет родным хоронить своего покойника, который бы исходил от государства. Даже если речь шла об изменнике или политическом противнике, запретным было только его погребение в родной земле, но никто не препятствовал близким похоронить тело за ее пределами. Таким образом, указ Креонта, отказывающий в погребении Полинику, нарушает все правовые и нравственные нормы древней Эллады и ни в коей мере не может быть отождествлен с волей государства. Это самый типичный пример произвола единоличного правителя, встречающий к тому же всеобщее осуждение народа, о чем сообщает отцу Гемон. Кстати, отношение Креонта к «мнению народному» характеризует его тоже не как идеального царя — истинного отца своим согражданам, а как деспота, считающего единственно правильным свое мнение. Наконец, упрямство Креонта встречает осуждение и у прорицателя Тиресия, чьими устами вещают сами боги, — несправедливость позиции нового фиванского царя настолько очевидна, что можно только удивляться тому, с какой настойчивостью защищали ее многие современные исследователи. (Что Софокл именно так — как высокомерный, нечестивый произвол — расценивал запрещение хоронить своего противника, следует, кстати, из заключительной части «Аякса», где общепринятая нравственная норма, в конце концов, торжествует.)

Креонт и Антигона представляют собой два полюса реализации прагматического тезиса о человеке как «мере вещей». Креонт меряет и себя, и окружающих его людей мерой собственного произвола. Выдавая свой указ по единичному, частному поводу за закон, он придает абсолютное значение мнению одного человека, который, как он ни будь умен, не имеет права нарушать вечный закон богов. Антигона меряет себя и сложившуюся вокруг нее ситуацию мерой ее соответствия именно этим непреходящим нравственным нормам, находящимся под защитой богов. Как она посмела нарушить царский запрет? Разве она не знала о грозящей ей казни? — спрашивает Антигону Креонт (446—449). Конечно, знала, — отвечает девушка, — но не считала возможным поставить исполнение человеческого указа выше своих обязательств перед богами. Запрет Креонта изрек не Зевс, и не его постоянная сопредстольница Дика (Справедливость) (450—452), потому что отказ покойнику в погребении противоречит всем божественным установлениям. В основе «меры вещей», принятой Креонтом, лежит индивидуальное человеческое разумение; в основе «меры вещей», принятой Антигоной, — незывлемые нравственные нормы, освященные авторитетом олимпийских богов. Достаточно противопоставить эти две «меры», чтобы понять, на чьей стороне окажутся симпатии Софокла.

Если тем не менее Антигона погибает в атмосфере полного одиночества, созданной вокруг нее Софоклом, то это происходит потому, что великий поэт был намного прозорливее своих современников и многих исследователей наших дней. Самосознание личности, присвоение себе права судить других так же вытекало из существа афинской демократии, как и постулируемая ею опора на традиционный авторитет богов. Когда к власти приходит человек, подобный Креонту, его гипертрофированная

вера в свои возможности способна нанести государству непоправимый вред; осквернение алтарей гниющей плотью мертвеца, о котором сообщает Тиресий, — одно из предвестий такого бедствия. Чтобы защитить город от гнева богов, чтобы встать на пути человеческого произвола, нужна героическая личность, готовая купить ценой жизни право на исполнение родственного долга. Такой личностью и становится для Софокла Антигона, трагически гибнущая в неравной борьбе, но своей смертью восстанавливающая мировую справедливость.

Конечно, лучше было бы, если бы в духе рождественской притчи злые были бы наказаны, а добрые торжествовали победу, — однако, силы, пришедшие в столкновение в «Антигоне», были слишком могущественны для такого благостного исхода. Конфликт между осознавшей себя индивидуальностью и традиционным благочестием коренился в самом существовании афинской демократии и в десятилетия, последовавшие за постановкой «Антигоны», вполне дал о себе знать в общественной практике афинян. Добавим к этому, что и подвиг Антигоны и его мотивировку трудно было бы себе представить в каком-либо жанре, получившем развитие до аттической трагедии: уделом незамужней девушки в древних Афинах было беспрекословное повиновение воле отца или заменяющего его родственника. Чтобы решиться на открытое столкновение с царем, чтобы противопоставить ему свое мнение, нужен был не менее высокий уровень самосознания личности, чем тот, на котором находится Креонт. Достижение этого уровня в поведении Антигоны — тоже неоспоримый результат развития афинской демократии, усвоенный Софоклом. И предпосылки конфликта в этой трагедии, и его глубина, и его разрешение — в одинаковой мере следствие внутренних противоречий, свойственных общественному строю Афин в V в.

Выше уже упоминалось, что завершающая часть «Аякса» содержала в себе зерно проблемы, явившейся исходной точкой для «Антигоны», — право героя на погребение независимо от отношения к нему при жизни. Так и в «Антигоне» своего рода лейтмотивом проходит проблематичность человеческого знания, которая получит еще более полное выражение в двух последующих трагедиях. Креонт с самого начала уверен в непогрешимости своих замыслов, которые, однако, в конце трагедии оборачиваются «неразумием» и «безрассудством». Поступок Антигоны и Исмена, и Креонт, и хор характеризуют как проявление безрассудства, сама Антигона задается вопросом, кто же из двух — Креонт или она сама? — поступает неразумно (469 сл.). Финал трагедии дает ответ на этот вопрос, подтверждая героическую «разумность» девушки, совпадающую с объективно существующим божественным законом, но воспользоваться плодами своего разумного решения Антигона не успевает.

Аналогичная ситуация — в «Трахинянках», которые по времени создания занимают место между «Антигоной» и «Царем Эдипом».

Преданная Гераклу и с трепетом ожидающая его возврата Деянира стремится узнать правду о причине похода ее супруга на Эхалию — не для того, чтобы мстить ему, а для того, чтобы отвратить его от новой любви, в которой Деянира не видит ничего преступного: неожиданно вспыхнувшую в Геракле страсть к Иоле легко объяснить необоримым воздействием Афродиты, подчиняющей себе сердца и смертных, и бессмертных. Но и в стремлении Деяниры вернуть себе Геракла тоже нет ничего преступного, и к выполнению этой задачи брошенная женщина приступает во всеоружии знания, позволяющего ей действовать в полной уверенности своей правоты. «Что страшного в знании?» — спрашивает она (459), и глашатай Лихас должен признать в ней разумную женщину, здраво смотрящую на жизненные обстоятельства. И вот результат разумной деятельности Деяниры: «Знай, что сегодня ты погубила своего мужа и моего отца!» — сообщает ей Гилл (739 сл.). Зелье, некогда врученное Деянире смертельно раненным кентавром, оказалась не приворотным средством, а страшной отравой, заживо сжигающей тело Геракла. Поступки, представляющиеся человеку разумными, приводят к последствиям, противоположным его первоначальным (и вполне благочестивым) намерениям, — истинное знание приходит к Деянире (710—713), как и к Креонту, с пагубным опозданием и становится причиной ее самоубийства. Точно так же отдых, обещанный Гераклу после его многолетних трудов, оказывается совсем иным, чем представляли его себе люди (821—830, 1164—1173). Божественное прорицание не солгало, — только боги глубже понимают истинный смысл изреченных ими слов, чем смертные.

Впрочем, в «Антигоне» и «Трахинянках» проблема знания только намечается, — всестороннее раскрытие она находит в «Царе Эдипе», где деятельность главного героя проходит под знаком неустанного стремления к истине, как бы она ни оказалась безжалостна, и все поведение Эдипа проникнуто нескончаемым ее поиском. Глаголы со значением «искать», «исследовать», «узнавать» и т. п. составляют один из разветвленных лейтмотивов этой трагедии; в целом ряде случаев они сосредоточиваются в компактные лексические гнезда, цель которых в афинской драме — внедрить в сознание зрителя идеи, владеющие драматургом и для него особенно важные. К чему приводят эти неуклонные усилия Эдипа овладеть знанием, известно: к его саморазоблачению, вследствие которого фиванский царь опознает в себе убийцу собственного отца и мужа собственной матери. Поскольку таким образом Эдип узнает о невольном совершении пророчества, полученного им некогда в Дельфах, из этого нередко делают вывод, что главной целью Софокла было доказать неизбежность божественных прорицаний и бессилие человека перед лицом безжалостного рока. К этому добавляются усиленные поиски вины Эдипа: его обвиняют то в легкомысленном отношении к полученному прорицанию, то в несправедливых обвинениях по адресу Тиресия и Креонта, которых Эдип подозревает в заговоре против себя. Между тем, ни построение действия в трагедии, ни самый ее текст не дают основания для подобных обвинений.

Прежде всего, действие «Царя Эдипа» относится ко времени, отделенному от убийства Лаия и женитьбы Эдипа на Иокасте добрыми двумя десятками лет: когда юноша Эдип получил в Дельфах злое пророчество (787—799), он позабыл все сомнения относительно своего происхождения и твердо решил не возвращаться в Коринф, где были живы Полиб и Мeroпа, которых он считал своими родителями. Бредя из Дельфов куда глаза глядят, Эдип встретил заносчивого чужеземца на колеснице, и между ними загорелась дорожная ссора. На нападение незнакомца разгневанный Эдип ответил яростным ударом дорожного посоха, отчего его соперник свалился замертво. Продолжая свой путь, Эдип дошел до Фив, разгадал загадку злодейки-Сфинкс и в награду получил опустевший незадолго до этого царский престол и руку овдовевшей царицы. Какие основания были у него подозревать в убитом своего отца и в его вдове — свою мать? В дорожной ссоре Эдип поступал в соответствии с элементарной логикой самообороны, защищаясь от надменного встречного, а в Фивах — в соответствии с правилами богатырской сказки, которые предписывают освободителю царства от чудовища жениться на спасенной царевне или царице. Таким образом, если бы Софокл хотел показать тщетность человеческих усилий в борьбе с роком, он должен был сделать содержанием своей трагедии события из ранней молодости Эдипа, когда тот по неведению исполнил все то, чего хотел избежать. Софокл, однако, поступил иначе, и поэтому в его трагедии никакой роли не играет рок, и никто не стремится вступать с ним в борьбу, поскольку все предреченное давно свершилось.

Содержание «Царя Эдипа» составляют вовсе не события двадцатилетней давности, а, по верному замечанию Шиллера, непрерывный «трагический анализ», производимый самим Эдипом, причем речь идет вовсе не о том, убил ли Эдип незнакомца и даже — кем был этот незнакомец (на этот вопрос любящий зритель мог дать ответ еще до начала трагедии и уж во всяком случае, сравнив рассказ Иокасты с воспоминаниями Эдипа, 715 сл., 729—753, 798—815), а о том, кто же, в конце концов, сам Эдип, чей он сын, муж, отец? Именно в процессе расследования незаметно для зрителя смещаются цели фиванского царя. Сначала он ищет причину моровой язвы, посетившей его страну. Потом — убийцу прежнего царя, и здесь-то у Эдипа возникает подозрение в причастности к этому делу Креонта как самого близкого к царскому трону человека, единственного, кому могла быть выгодна смерть Лаия; как мы знаем, подозрения Эдипа оказываются напрасными, но надо признать, что он руководствуется при этом вполне разумной логикой борьбы за власть. Наконец, с той же настойчивостью и непреклонностью Эдип расследует свое происхождение, и на этом пути ему приходится неоднократно преодолевать сопротивление людей, раньше него — в силу своего участия в давно забытых происшествиях — понимающих, к чему приведет начатое им дознание. Если даже оставить в стороне злое пророчество Тиресия (415—425), которым Эдип не придает никакого значения, так как его смертельно оскорбляет совершенно необоснованное, по его мнению, обвинение в убийстве Лаия, все же Эдипу по меньшей мере дважды представляется возможность пре-

кратить свой розыск: сначала его умоляет об этом Иокаста (1060—1068), потом старается уйти от ответа на губительные вопросы старый пастух (1146—1165). И не было бы ничего проще, чем послушаться совета любящей и любимой жены, до того не раз старавшейся внести покой в смятенную душу Эдипа, если бы герой Софокла не был человеком, «каким он должен быть», т. е. не шел бы до конца к однажды намеченной цели, невзирая на все опасности, угрожающие его благополучию и самому существованию.

В этом смысле правы сторонники той теории, которая в судьбе Эдипа видит присущую познанию трагическую двусмысленность: проникая в глубины жизни, оно разрушает ее непосредственную данность, губит спокойную простоту «наличного бытия». В древнегреческом театре эту мысль примерно за полвека до постановки «Царя Эдипа» выразил один из героев Эсхила: «Лучше быть несведущим, чем мудрым». Однако в те, далекие для софокловского Эдипа времена человеческое знание, если оно совпадало с нормами мировой справедливости, вело смертного по единственно возможному и потому правильному пути преклонения перед божественными нравственными заповедями. На рубеже последней четверти V в., после вторжения в умственную жизнь афинян софистики и риторики, «простота наличного бытия» утратила в их глазах свою однозначную привлекательность. Для раскрытия заложенных в жизни противоречий требовались героические усилия интеллекта, даже если человек сознавал, что он может вызвать против себя силу, одолеть которую он не способен.

Нет ли, впрочем, ужасного кощунства в нашем утверждении, что Эдип, убивший родного отца и женившийся на собственной матери, остается в глазах Софокла идеальным, нормативным героем? Нет — именно потому, что Софокл в этой трагедии рисует не закоренелого злодея, хладнокровно расправляющегося с отцом и насилующего мать; такой персонаж никогда не мог бы стать объектом художественного исследования в подлинной трагедии. Софокл же изображает человека, по неведению совершившего страшные преступления и не только не уклоняющегося от своего публичного саморазоблачения, но и раньше всех творящего суд над самим собой. В известном отношении Эдип следует логике Аякса, т. е. осуждает себя на самоослепление, исходя не из субъективного намерения, а из объективного результата. Но в то время как трагедия Аякса возникает вследствие вмешательства божества, отчуждающего действие от его носителя, превращающего субъективно оправданный замысел в поступок, позорящий совершившего, трагедия Эдипа коренится в ограниченности, экзистенциально присущей самому человеческому знанию: все разумные меры, принятые Эдипом и его родителями в прошлом и принимаемые им самим в настоящем, приводят к прямо противоположному результату.

На чьей стороне находятся симпатии Софокла в этом столкновении неизбежно неполного, частичного, ограниченного человеческого знания с всеобъемлющим, всеохватывающим божественным всеведением, олицетворяющим в глазах поэта разумность мира? Настоящая трагедия не позволяет подобной постановки вопроса — иначе она превратится в плоскую притчу о пользе смирения. «Царь Эдип» потому и является на

протяжении столетий образцом трагедии, что в непримиримый конфликт оказываются вовлеченными могучие силы, одинаково правые в своих притязаниях. Общественная нравственность не могла бы смириться с безнаказанностью вольного или невольного отцеубийцы, взошедшего на ложе собственной матери, и мир «вышел бы из своей колеи», если бы такое преступление осталось неразоблаченным, — в этом отношении правда находится на стороне дельфийского оракула, давшего своим приказом изгнать из фиванской земли убийцу Лаия первый толчок «трагическому анализу», который разворачивается в «Царе Эдипе». И зрители Софокла, считавшие олимпийских богов прямыми покровителями афинской демократии, не могли осуждать Аполлона за его совет, приведший к саморазоблачению Эдипа.

Вместе с тем, афинская демократия не многого стоила бы, если бы она сама не сознавала, что вырастила новый тип человека — не бессловесного раба под игом деспота-варвара, а самостоятельного в своем решении и поведении индивидуума, способного и готового принять на себя всю меру ответственности за свои поступки. Коллективом таких свободных, подчиняющихся только себе подобным, видел Эсхил афинское ополчение, сокрушившее войска Дария и Ксеркса, в «Персах» (472 г.). Человеческая личность, находящая в себе силы пойти на смертные муки ради служения своему призванию и долгу, — таким видел свой идеал Софокл, создавая образы Антигоны и Эдипа. Героическая индивидуальность и разумный, но непознанный универсум — эти две силы пришли в столкновение в софокловской трагедии, и вследствие могущества обоих противников борьба между ними не могла не принять грандиозных масштабов. И если победа остается в конечном счете за вечным и неуничтожимым миропорядком, не меньшее значение имеет раскрытие с максимальной полнотой возможностей человеческой личности, обнаруживающей их в целенаправленном и бескомпромиссном деянии.

6

Две трагедии, оставшиеся до сих пор за пределами нашего анализа, — «Электра» и «Эдип в Колоне» — несмотря на все различие в сюжете, объединяются одной особенностью, которую можно было бы назвать странным для софокловской трагедии словом «беспроблемность».

В самом деле, содержание «Электры» составляет месть детей Агамемнона за убитого отца, необходимость которой ни у них самих, ни у хора не вызывает никакого сомнения. В эсхиловских «Хоэфорах» огромная лирическая сцена была нужна для того, чтобы укрепить душу Ореста накануне матерубийства, и в последнюю минуту он испытывал все же мгновенное колебание, для преодоления которого требовалось вмешательство Пилада. В еврипидовской «Электре» брат и сестра чувствовали себя после совершения мести потерянными и раздавленными. Ничего похожего у Софокла: матерубийство санкционировано Аполлоном и осуществляется без малейшего колебания. Трудности возникают в связи с чисто «технической» стороной дела: чтобы заручиться доверием в доме Эгисфа,

Оресту и его воспитателю приходится придумать историю мнимой смерти юноши, и эта весть, равно как и появление неузнанного Ореста с урной, якобы содержащей его прах, ударяет бумерангом по Электре, готовой теперь свершить месть своей собственной рукой. Достаточно, однако, ей опознать брата, как она становится его верной помощницей, а у Ореста после убийства матери еще остается сил, чтобы вести двусмысленный монолог с Эгисфом, а затем заколоть и его.

Конечно, для Электры предвкушение мести не проходит так беззаботно, как это может показаться по нашему изложению. Уже в прологе мы видим ее в состоянии крайнего напряжения, вызванного долгим бесплодным ожиданием Ореста. Затем от своей сестры она узнает о намерении Эгисфа убраться с глаз долой, а в ожесточенном споре с матерью выплескивает все, что накопилось у нее в душе. Известие о гибели Ореста повергает ее в полное отчаяние, еще более усугубляемое отказом Хрисофемиды принять участие в мести. Последним актом переживаний Электры становится ее монолог над урной, и нам остается только восхищаться мастерством, с которым Софокл доводит образ до драматической кульминации, но сущность трагического лежит здесь не в столкновении каких-то сил, имманентно присущих мирозданию, не в противоречивости поведения человека, а в необходимости мобилизации его душевных сил в крайне неблагоприятных обстоятельствах. Одиночество героини, непонимание ее окружающими, враждебность матери напоминают положение многих других персонажей Софокла, но там их неукротимость и непреклонность способствуют конечному торжеству объективной справедливости через приносимые ими жертвы. В «Электре» разумность мироздания, олицетворяемая в божественной воле, не подложит ни сомнению, ни обоснованию, — внимание драматурга всецело поглощает человеческая индивидуальность, вовлекаемая нелегким для нее путем в процесс реализации поведения Аполлона.

Не возникает необходимости в доказательстве правоты Аполлона и в «Эдипе в Колоне». Достаточно слепому скитальцу Эдипу открыть Фесею пророчество, во исполнение которого его могила в священной роще Евменид будет служить вечным залогом благоденствия для Афин, как Фесей принимает сторону изгнанника, защищает его от Креонта и благочестиво провожает к месту последнего упокоения. Конечно, и в этой трагедии, как в «Электре», есть вершинные точки, в которых прорывается все еще бушующий темперамент Эдипа (его спор с Креонтом или ответ Полинику), но назначение этих сцен — оправдать изгнанника, а не ставить его снова лицом к лицу с его мрачным прошлым. Насколько бескомпромиссно царь Эдип в более ранней трагедии признавал себя виновным в невольных преступлениях и даже в своей исконной «нечестивости», настолько же решительно Эдип, пришедший в Колон, эту ответственность с себя снимает. Он выступает теперь не как «совершивший», а как «пострадавший», «перенесший» много напрасных бед, и его оправдательный монолог перед Креонтом (962—999) содержит полную программу освобождения от нравственной ответственности. Аттическая трагедия, поднимавшая огромный пласт общественного сознания, охватившая глобальные про-

творчества мироздания и не один раз задумывавшаяся над сложным положением человека в этом мире, завершает свой исторический путь иллюзорным примирением героя с непознанными силами, в борьбе с которыми он прежде утверждал свою подлинную сущность.

7

Проблематика трагедий Софокла не сводится, естественно, к изложению и столкновению идей, — в конфликт вовлекаются живые люди, и для всех сохранившихся трагедий можно установить некоторые сходные принципы в художественном изображении персонажей.

Прежде всего, это стремление поэта к обобщенной нормативности героя, непреклонного в достижении поставленной цели. Действующие лица Эсхила часто представляли перед зрителем в момент выбора решения — таковы Пеласг в «Молящих», Этеокл в «Семерых против Фив», Орест в «Хозэфорах». В еще большей динамике представлена еврипидовская Медея, неоднократно принимающая и отбрасывающая уже принятое решение убить собственных детей, чтобы отомстить Ясону. Софокла — за одним исключением, о котором речь пойдет ниже — не привлекает в его героях процесс выбора решения. Они появляются в тот момент, когда сложившаяся ситуация властно диктует им одну, единственно возможную линию поведения. Таков Аякс: позорное избиение скота не оставляет ему иного выхода, кроме самоубийства. Такова Антигона: гибель Полиника предопределяет ее стремление похоронить труп брата, невзирая ни на какие запреты. Таковы Электра и Филоклет в их неукротимой ненависти к обидчикам, таков Эдип в его желании обрести себе последнее упокоение в Колоне и в непримиримости к изгнавшим его сыновьям.

Даже если цель, на которую направлены усилия индивидуума, смещается, это происходит незаметно для зрителя и не оказывает никакого влияния на присущую герою целеустремленность. Так, царь Эдип сначала озабочен выяснением причин моровой язвы и, узнав их, принимает энергичные меры, чтобы парализовать неведомого преступника. Затем он с той же одержимостью сам ищет след «древнего злодейства», который приводит его к неизбежному самоопознанию, — и здесь, несмотря на усилия Иокасты и старого пастуха, Эдип доводит расследование до трагического конца. Начальная ситуация в «Трахинянках» не предполагает заранее вмешательства Деяниры в судьбу Геракла, — но коль скоро оно становится, с ее точки зрения, необходимым, Деянира без колебаний прибегает к помощи мнимого приворотного зелья. Сомнения одолевают ее уже после того, как плащ отправлен Гераклу.

Некоторое отклонение от общего правила представляет собой образ Неоптолема, который и в самом деле изменяет своей прежней готовности доставить Филоклету под Троем и возвращает ему лук. Однако и здесь не следует преувеличивать психологическую глубину разработки образа: душевные муки Неоптолема скрыты от зрителя, и только несколько раз встречающееся в его речах слово «давно» (806, 906, 913, 966) указывает на длительное созревание в его душе желания отвергнуть навязанную

ему роль, причем этот отказ свидетельствует не о рождении новой черты характера, а о возвращении Неоптолема «к самому себе» (950), о сохранении им своей «природы» со всеми заложенными в ней возможностями (1310).

Раскрывая личность своих героев в самый значительный момент их жизни, Софокл, однако, не уделяет внимания их чисто индивидуальным чертам. Проникновеннейший прощальный монолог Аякса вполне подobaет благородному мужу, воину и любящему сыну, но в нем нет ничего субъективного, что было бы свойственно только этому герою. Трогательные жалобы Антигоны, не успевшей насладиться радостями супружества и материнства, справедливо вызывают слезы у достаточно сдержанного хора, но эти жалобы могла бы повторить любая девушка, покидающая свет задолго до определенного ей срока. Зритель знает, что Антигона обручена с Гемоном, знает о попытках юноши вмешаться в судьбу осужденной, — сама Антигона ни чем не обнаруживает свои чувства именно к этому жениху. Та же Антигона, решившись на погребение Полиника, и Электра, готовясь взять на себя месть убийцам отца, пытаются обрести помощь в лице Исмены и Хрисофемиды, обращаясь только к одному доводу: оказав им поддержку, сестры обнаружили бы свою благородную природу и стяжали славу (*Ан.* 38; *Эл.* 970 сл.). Аргументом служит критерий, обращенный на объективную ценность поступка, а не какие-нибудь, только сестрам доступные воспоминания о прожитых вместе днях детства и юности.

При всем том, скажет читатель, мы не спутаем Аякса с Антигоной и Эдипа с Филоктетом, ибо каждый из них — своеобразная личность, законченная индивидуальность. Читатель будет прав. Конечно, говоря об индивидуализации в античном театре, мы не должны подходить к ней с мерками нового времени, стремящегося запечатлеть в образе неповторимое сочетание отдельных черт психического склада и внешнего облика человека. Последнее условие неприменимо к античности хотя бы потому, что маска и костюм, которые носил персонаж, подчеркивали как раз его принадлежность к определенному социальному типу (царь, вестник и т. п.), а отнюдь не его индивидуальность. Но и античные драматурги, как мы уже видели, не были озабочены воспроизведением всех нюансов психического облика героев. Какие же другие средства были в распоряжении Софокла, если он хотел достичь и достигал своеобразия своих персонажей?

Первое из этих средств — уникальность ситуации, в которую поставлены его герои.

Любая девушка, приговоренная к смерти, будет оплакивать свое несостоявшееся жизненное призвание, но далеко не любая согласится под страхом смерти нарушить запрет царя. Любой царь, узнав об опасности, грозящей государству, примет меры к ее предотвращению, но далеко не всякий царь должен при этом оказаться тем самым виновником, которого он ищет. Всякая женщина, желая вернуть себе любовь мужа, может прибегнуть к спасительному зелью, но отнюдь не обязательно, чтобы это зелье оказалось смертельным ядом. Любой эпический герой

будет тяжело переживать свое бесчестие, но вовсе не каждый может быть повинен в том, что вверх себя в этот позор из-за вмешательства божества. Другими словами, каждый сюжет, хоть и заимствованный из мифа, Софокл умеет обогатить такой «подробностью», которая необыкновенно расширяет возможности для создания необычной ситуации и для проявления в ней всех качеств героя.

Другое средство индивидуализации образа — противопоставление герою персонажа, контрастирующего с ним либо чертами характера, либо уровнем знания.

По первому принципу создан контраст между Антигоной и Исменой. Первая — воплощенная решимость действовать, беззаветное служение долгу; вторая — покорность власти имущему, склонность к компромиссу. И даже когда Исмена готова пойти на смерть вместе с Антигоной, подлинная героиня не нуждается в этой жертве: свой груз ответственности она не хочет с кем бы то ни было делить. Более наступательную позицию занимает в «Электре» Хрисофемиды. Она не только, как Исмена, не находит в себе сил для мести убийцам отца, но и всячески стремится отвратить от нее сестру. Ясно, что одержимость Электры обрисовывается на этом фоне еще ярче.

Между царем Эдипом и Иокастой нет такого различия в характере, как между названными выше сестрами. Преданная царю супруга, понимая его состояние, хочет внести успокоение в его смятенную душу; для этого у нее находятся и ласковые слова, и разумные доводы. Но вот наступает момент, когда человеческая речь не может вместить в себя страшную истину, и Иокаста способна только просить Эдипа о прекращении расследования. Царь остается глухим к ее мольбам, они представляются ему препятствием на пути к правде, которое не заслуживает внимания, — в столкновении истинного знания, открывшегося Иокасте, и мнимого знания, увлекающего за собой Эдипа, достигает высшего предела неповторимости той трагической ситуации, в которой находится герой.

К сюжетобразующим средствам индивидуализации персонажей присоединяются у Софокла и отнюдь не случайные стилистические приемы.

Жизненное кредо героя в драме раскрывается, как правило, в монологах, построение которых и даже объем могут многое сказать о человеке. Так, например, в «Антигоне» на долю заглавной героини приходится, если не считать ее прощального коммоса, один небольшой монолог (450—470), на долю Креонта — пять, общим объемом в 165 стихов. Как видно, новый царь любит поговорить и любит, чтобы его слушали. По содержанию три из его пяти монологов отличаются достаточной эмоциональностью, поскольку царь встречает противодействие своим замыслам и стремится его преодолеть. Два же других монолога представляют собой набор общих мест и бесспорных истин (162—210, 639—680), которым сам Креонт, кстати, не очень следует.

При этом важно не только то, *что* говорят Креонт и Антигона, но и *как* они это говорят. Спокойный, уверенный в себе Креонт строит речь из пространственных периодов, с разъяснениями и повторами, причем любой из таких периодов укладывается в некое число полных стихов — в 5, 6, 7,

иногда в 9 строк. Так, всего лишь 4 периода в выходном монологе Креонта (162—210) занимают в общей сложности 27 стихов — больше его половины и больше монолога, в котором Антигона будет отстаивать свое право на погребение Полиника. (За примером отошлем читателя к ст. 194—206.) На добрую полсотню стихов этой тронной речи — ни одной вопросительной интонации, хотя бы риторической, ни одного междометия! А что у Антигоны? Во всей ее партии, объеме немногим более 200 стихов, встретим всего два периода в 5 и 6 стихов — оба раза в прологе, где она излагает запрет Креонта (26—36), т. е. воспроизводит чужие слова. В ее же собственной речи даже периодов в 2—3 стиха сравнительно немного — всего 14. Все остальное (не считая небольшого количества односложных предложений в стихомифии) — постоянные переносы окончания фразы в другой стих, начало ее посередине стиха, что в греческой трагедии всегда является признаком импульсивности говорящего.

Храни же ум свой для себя. А брата
Я схороню. Прекрасна в деле этом
И смерть. В гробу лежать я буду, брату
Любимому любимая сестра...

(73—77)

Еще эмоциональнее — разорванные самостоятельными предложениями на две-три части одиночные стихи:

Не бойся за меня! Себя побереги!

(83, ответ Антигоны Исмене).

Да, знала. Как не знать? Объявлен всем он был.

(448, ответ Антигоны Креонту) ⁵.

Как видим, Антигона не склонна к длинным речам — ее язык так же энергичен, импульсивен, как ее собственное поведение.

Впрочем, импульсивным может быть и длинный монолог — например, страстное обличение лицемерия и коварства честолюбцев, выливающееся в устах Эдипа в десять безостановочных стихов (ЦЭ 380—389), — мы даем их здесь в прозаическом переводе, лучше передающем взволнованную интонацию оригинала: «О богатство, и власть, и искусство [править людьми], превосходящее любое другое искусство в жизни, полной соперничества, каким предметом зависти вы являетесь, если ради этой власти, которую вручил мне город не по моей просьбе, а в дар, — ради нее верный Креонт, мой давний друг, жаждет изгнать меня, обойдя исподтишка и подослав этого лжепророка, плетущего козни, коварного обманщика, его, кто хорошо видит только наживу, в своем же искусстве слеп!» И если этой тираде предшествует поток непрерывных риторических вопросов, то только глухой не поймет, как взволнован и возмущен фиванский царь.

Разумеется, далеко не всякое употребление стилистического приема напрямую ориентировано на создание образа. Иногда оно служит общей

⁵ Перевод обоих стихов — автора статьи.

динамике развития действия, — таково назначение так называемых *ἀντιλάβαι*, когда стих делится между двумя говорящими, что в большинстве трагедий является свидетельством высшего напряжения в споре. Наиболее яркие примеры — в диалоге Аякса и Текмессы (591—594), Эдипа и Креонта (*ЦЭ* 626—629), Электры и Ореста (1220—1225), Филоклеты и Неоптолема (810—817, притом ст. 810, 814, 816 делятся каждый на три реплики). Если этот прием и не является отличительным признаком какого-то одного характера, он во всяком случае наглядно выделяет те точки, в которых в речи говорящих прорывается наивысшее напряжение.

8

До сих пор мы вели речь о трагедиях Софокла так, как будто по форме они ничем не отличаются от драматических произведений нового времени. Между тем, читатель, конечно, давно обратил внимание на присутствие в трагедиях Софокла еще одного, коллективного исполнителя — хора.

Хор — неперменный участник древнегреческой трагедии по меньшей мере до конца IV в. По составлявшим его действующим лицам часто назывались произведения и самых ранних афинских драматургов («Египтяны» и «Финикиянки» Фриниха), и «отца трагедии» Эсхила («Персы», «Молящие», «Хозфоры» — «Несущие надгробные возлияния», «Фригийцы», «Карийцы»), и его последователей — Софокла (из сохранившихся — «Трахинянки», из неподшедших — «Колхидянки», «Прорицатели», «Пленинцы» и др.), Еврипида («Молящие», «Гераклиды», «Троянки», «Финикиянки»), и известные нам часто только по названиям произведения их менее знаменитых современников («Вакханки», «Египтяне», «Ливийцы»). Сама структура древнегреческой трагедии сохранила свою исконную двусоставность, восходящую к ее происхождению из хоровых песен, к которым впоследствии присоединился декламатор.

Во времена Софокла трагедия уже обязательно открывалась *прологом* — речевой сценой с участием двух или трех актеров. В ней давалась сюжетная экспозиция, зритель знакомился с местом действия и его участниками, отчасти — с их характерами. За прологом следовал *пáрод* — выход хора на *оркестру* (сценическую площадку) по одному из ведущих к ней боковых проходов. Соответственно пародом называлась и исполняемая в это время хоровая песня. Дальнейшее развитие трагедии происходило в чередовании речевых сцен (*эписодиев*) с хоровыми — *стасимами*, состоявшими, как и парод, из симметричных куплетов — *строф* и *антистроф*. Название «стасим» переводится как «стоячая песнь», из чего, однако, не следует неподвижность хора при их исполнении. Напротив, сами понятия «строфа» и «антистрофа» обозначали, что хор сопровождал их исполнение передвижением по оркестре сначала в одну, потом в противоположную ей сторону. Каждая пара строф имела свой собственный ритмический рисунок с преобладанием тех размеров, которые соответствовали настроению, владевшему хором.

Иногда строфа и антистрофа сопровождалась каждая одинаковым рефреном — по-гречески это называлось *эфимний*; пара строф или весь стасим могли завершаться *эподом* — своего рода «припевом».

Древнегреческая трагедия знала и как бы смешанную структурную единицу — так называемый *коммос*, совместную партию актеров и хора, в которой хору могли принадлежать и небольшие строфы, и отдельные реплики в *лирических* размерах; в таких же размерах или в ямбических триметрах могли быть выдержаны и ответы актера, но могли разрастаться и до целой арии, составленной из симметричных строф, перемежаемых в свою очередь строфами хора. Коммос мог быть совсем небольшим, но мог занимать и значительное место в пределах эпизодия (например, в сцене прощания Антигоны). В поздних трагедиях («Электра», «Филоклет», «Эдип в Колоне») форму коммоса принимает парод.

Другое дополнение к простейшей структуре трагедии представляла собой так называемая *гипорхема* — хоровая песнь, сопровождаемая оживленной пляской и либо разделявшая эпизодии на правах стасима, либо включенная в их состав. Софокл обычно пользовался этим приемом для создания иллюзии благополучного разрешения завязавшегося конфликта, — после этого с тем большей силой воздействовала на зрителя подлинно трагическая развязка («Аякс», «Трахинянки», «Царь Эдип»).

Заключительная часть трагедии, после которой, по Аристотелю, больше нет песен хора, называется *экрод* — «уход» актеров и хора с оркестры.

По мере развития афинской трагедии объем хоровых партий сокращался, хотя как раз Софоклу приписывается увеличение состава хора от 12 до 15 человек и специальное сочинение «О хоре» — по-видимому, рассуждение о целях и способах его употребления в драме. Тем не менее и у Софокла хор, на что специально указывал Аристотель, являлся одним из действующих лиц, а не искусственно привлеченным по традиции элементом, как то было нередко у Еврипида, а затем стало нормой в IV в. Этот вот коллективный персонаж и вызвал много споров в неоклассицистической и романтической эстетике XIX в., отзвуки которой часто доходят и до нашего времени.

Хор — это голос поэта, а то даже и всей гражданской общины, судящей трагических героев с позиций общенародной нравственности, — такое определение и поныне мы часто встретим в работах по теории литературы. Между тем, положение это — один из тех штампов литературоведения, который, будучи однажды наложен на древнегреческую трагедию, так же мало соответствует ее сути, как и многие другие расхожие формулы.

Начнем с того, что сам хор состоял из певцов, исполнявших собственно хоровые, лирические партии (хоревтов), и их предводителя, достаточно часто вступавшего в прямой контакт с действующими лицами. Этого члена хора греки называли *корифеем*, т. е. человеком, возглавляющим вереницу хоревтов при ее появлении на оркестре, — никакого другого значения в этот технический термин не вкладывалось. Роль корифея в греческой трагедии на протяжении первой половины V в. значительно видоизменялась. У Эсхила ему часто принадлежала довольно обширная партия в

анапестах, предварявшая вступительную песнь хора, и в этой же технике написан парод «Аякса» (вероятно, наиболее ранней из сохранившихся трагедий Софокла): здесь соратники героя, саламинские воины, встревожены носящимися по ахейскому лагерю слухами о ночной вылазке своего предводителя, и анапесты корифея передают это тревожное настроение, еще в большей степени заражая им, к стати сказать и зрителя, который, в отличие от хора, уже видел в прологе охваченного безумием Аякса и знает, что озабоченность хора имеет под собой достаточные основания.

В других трагедиях Софокла анапестическое вступление корифея отсутствует, но в этом же стихотворном размере бывают выдержаны небольшие партии корифея либо среди лирических строф, либо на стыках хоровых и речевых партий: здесь в нескольких анапестических стихах возвещается появление нового действующего лица или повторный выход уже известного персонажа. Чаще всего такие анапестические «предвещения» (прокеригмы) используются в «Антигоне»: дважды перед выходом Креонта (155—161; 1257—1260) и Антигоны (376—383; 800—805), а также перед выходом Исмены (526—530) и Гемона (626—630). Ясно, что назначение этих прокеригм совершенно служебное: ни афиш, ни либретто в афинском театре не было, и слова корифея помогали зрителю сразу же понять, кто перед ним появляется. Эту же функцию могли выполнять вводные двустушия корифея и в ямбических триметрах — обычном размере речевых партий. Наконец, несколько анапестических стихов корифея обычно завершали трагедию. Они либо обосновывали уход хора с оркестры («Трахинянки», «Филоктет»), либо излагали достаточно тривиальные мысли: «Что случилось, того не избегнуть» (ЭК.). Что по своей философской глубине эти высказывания сильно уступали тому изображению человеческих страстей, прозрений и заблуждений, которое только что прошло перед потрясенным зрителем, ясно каждому непредубежденному читателю. Эти несколько стихов — не больше, чем закрепление достигнутой к финалу трагедии разрядки, своего рода формула, показывающая, что все узлы развязались и действие драмы кончилось. Придавать этой формуле какое-нибудь мировоззренческое значение — напрасный труд.

Не найдем мы никакой идейной глубины и в другом назначении корифея — комментировать происходящий на его глазах обмен монологами или репликами между действующими лицами. Вот Креонт излагает перед Гемоном свои взгляды на детей и их взаимоотношения с отцами, и корифей резюмирует: все это весьма разумно. Затем в ответ отцу Гемон уважительно, но твердо опровергает все доводы Креонта, и корифей снова заключает: и это верно. Иногда соображения корифея могут быть и более весомы: так, его тревожит безмолвный уход Иокасты (в «Царе Эдипе») и Евридики (в «Антигоне»), и он обращает на это внимание соответственно Эдипа и вестника; в первом случае Эдип игнорирует предостережение корифея, во втором — вестник признает его справедливость, — результат один и тот же. Правда, Эдипа слова корифея заставляют занестись еще выше в мечтах о своем происхождении, и эта его надежда резко контрастирует в глазах зрителя с известной ему правдой о рождении Эдипа, —

реплика корифея вносит свой вклад в ту атмосферу двусмысленности, которой окутано все расследование Эдипа, и таким образом сам корифей выступает как одно из действующих лиц драмы, отнюдь не наделенное судейскими полномочиями. Может быть, однако, задача «нравственной цензуры» возлагается на хор в его полном составе? Попробуем проверить и это представление.

Заметим прежде всего, что хор обычно составляется не из каких-то абстрактных представителей народа, а из лиц, достаточно тесно связанных с героями трагедии.

Ближе всего эта связь в «Аяксе», где позорный поступок главного действующего лица и его ожидаемое самоубийство могут самым непосредственным образом отразиться на положении саламинских воинов, приведенных им под Трою. В «Электре» и «Трахинянках» участь главной героини не связана так близко с судьбой хора, составленного из ее подруг — местных женщин, но в силу естественной женской солидарности они достаточно близко принимают к сердцу все повороты действия, а в «Электре» к тому же явно разделяют с девушкой ее жажду мести. В «Царе Эдипе» и в «Антигоне» хор состоит из фиванских старцев, и хотя ни там, ни здесь он не замешан непосредственно в события, происходящие в доме фиванских царей, его традиционная лояльность по отношению к своим владыкам вызывает в нем глубокую заинтересованность в их судьбе, опасения за них, радость и сочувствие. Роль хора в «Филокете» — достаточно служебная: составляющие его мирмидонские воины явились на Лемнос, сопровождая своего молодого предводителя Неоптолема, и их дело — следовать его приказам. Впрочем, и здесь они поддерживают Неоптолема в его благожелательном отношении к больному Филоклету и проникаются к нему сочувствием. Самая широкая дистанция, своего рода полоса отчуждения пролегает поначалу между хором и героем в «Эдипе в Колоне»: в запятнанном невольными преступлениями чужестранце селяне из Колона видят угрозу благочестивой неприкосновенности священной для них рощи Евменид. Но стбит афинскому царю Фесею признать справедливость притязаний Эдипа на последнее упокоение в этой самой роще, как хор занимает по отношению к страннику явно сочувственную позицию, пытается защитить его от насилия со стороны Креонта, радуясь возвращению ему захваченных дочерей и соболезнуя им в потере отца.

Как видим, уже самый выбор хора во всех трагедиях Софокла исключает возможность с его стороны осуждения героев, запятмающих, как правило, более высокое социальное положение и соединенных с хором нитями вполне объяснимой привязанности. О чем же может петь в таких условиях хор?

Возьмем для ответа на этот вопрос самую раннюю из дошедших трагедий Софокла — «Аякса» и самую позднюю — «Эдипа в Колоне». Интервал между ними, вероятно, в полстолетия, и, сравнивая роль хора в них, мы, может быть, найдем какую-нибудь эволюцию в его положении. К тому же, как мы уже отметили, хор в «Аяксе» теснее всего связан с главным героем, хор в «Эдипе в Колоне» больше всего ему противостоит. Итак, чем заняты мысли хора в этих трагедиях?

Вступительные анапесты корифея в «Аяксе» содержат своего рода сюжетную параллель к прологу: там зритель уже слышал разговор Афины и Одиссея, видел самого безумствующего Аякса; здесь он видит его подданных, озабоченных разнесшимися по лагерю слухами, и вдобавок слышит из уст корифея рассуждение отвлеченного характера о том, как зависть преследует людей выдающихся и как мало значит толпа, лишенная храброго предводителя. В примыкающей к анапестам небольшой лирической партии хор ищет причину поведения Аякса, высказывая обычную в греческой поэзии мысль, что впасть в безумие человек способен только в том случае, если его наслало враждебное божество. Получив затем от Текмессы подтверждение своим опасениям, хор в очередной паре строф предвидит серьезные последствия происшедшего и для Аякса и для себя. Далее следует подробный рассказ Текмессы о событиях минувшей ночи и появление прозревшего Аякса, мечтающего о своей скорой смерти. Корифей, как обычно, комментирует все происходящее в немногословных репликах, служащих своего рода мостиками между монологами. Наконец, оставив свое завещание сыну, Аякс удаляется в шатер. Наступает время для хоровой песни — первого стасима. Содержание его — воспоминания о родном Саламине, усталость от многолетней осады Трои, сожаление об Аяксе и его престарелых родителях, которым суждено пережить сына.

Короткий 2-ой эпизодий составляет знаменитая «обманная» речь Аякса, дающая хору основание надеяться на его выздоровление. Соответственно второй стасим полон радостного возбуждения: саламинские ратники призывают Пана и Диониса, Аполлона и Ареса, и самого Зевса даровать благой исход планам Аякса. Радостная песнь хора создает резкий контраст к следующему за ней рассказу вестника, — Аяксу грозит сегодня смертельная опасность. Разделившись на две половины, хор отправляется на розыски Аякса, но успевает только к печальной развязке. Хор, естественно, оплакивает участь погибшего героя и сочувствует его близким, а в возникающем затем споре Менелая с Тевкром корифей недвусмысленно принимает сторону последнего.

Наконец, в третьем стасиме хор снова высказывает свою тоску по родине и утомление от безнадежной осады Трои и порицает того, кто первым в Элладе подал пример жестокой войны, — достаточно частое для древнегреческой мысли убеждение, что все блага и горести человеческого рода имели когда-то своего «первооткрывателя».

Если мы захотим теперь одним словом определить роль хора в «Аяксе», это будет соучастие — постоянное, ни на минуту не прекращающееся сознание своей тесной связи с главным героем и лирический комментарий к его и к своей судьбе, далекий от каких бы то ни было попыток осуждать Аякса.

Структура партий хора в последних трагедиях Софокла существенно меняется, — в первую очередь это касается парода, который из замкнутого хорового целого превращается в коммос — лирическую партию с участием актера. Так обстоит дело в «Электре» и в «Филоклете»; так построен парод и в «Эдипе в Колоне». Хор аттических старцев, появляясь

с тревожной мыслью о чужестранце, посмевшем осквернить своим присутствием рощу Евменид, скоро встречает его самого, и парод складывается из лирических строф хора в чередовании с репликами Эдипа и Антигоны. Содержание его — самое конкретное: сначала хор требует, чтобы слепец вышел за пределы священной рощи; затем, узнав его имя, хочет и вовсе изгнать Эдипа из своей земли.

Следующая партия хора, отделенная от предыдущей примерно тремя сотнями стихов, — снова небольшой коммос (510—548): хор хочет узнать от самого Эдипа, справедливы ли идущие о нем слухи, и убеждается в их основательности.

После сцены Эдипа с Фесеем хор исполняет, наконец, свою первую самостоятельную партию, знаменитый первый стасим — прославление Афин. Всю любовь к родной стране, впитанную с молоком матери и крепнущую в человеке с каждым десятилетием его жизни, вложил Софокл в эти две пары строф, отнюдь не лишние и по ходу действия трагедии: для просветленной смерти прощенного богами Эдипа трудно найти более благодатное место, чем святая роща в Колоне, место почитания Диониса и Персефоны, Афины и Посидона.

В сцене Эдипа с Креонтом хор активно вмешивается в защиту скитальца: вкрапленный в речевую ткань небольшой коммос задерживает Креонта, давая время подоспеть Фесею. И когда афинский царь отправляется выручать дочерей Эдипа, хор в своем втором стасиме мысленно сопровождает афинскую рать, призывая ей на помощь могущественных богов.

Третий стасим на первый взгляд не находится в такой непосредственной связи с содержанием трагедии, как предыдущий: здесь хор размышляет о тяготах неотвратно приближающейся к человеку старости; звучат и мрачные мотивы («высший дар — нерожденным быть»), столько раз использованные в доказательство пессимизма Софокла. Не следует, однако, забывать, что этот стасим, во-первых, сложен девяностолетним поэтом, а, во-вторых, — и это самое главное, — завершается эподом, обращенным к судьбе Эдипа: в него отовсюду бьют волны страданий, и для него смерть — желанное избавление. Таким образом, и третий стасим оказывается достаточно закономерно включенным в содержание и смысл трагедии о последнем дне царя Эдипа.

В полной мере приложима эта оценка и к очередному коммосу (1447—1499): при виде сверкающих молний и при ударах грома хор испытывает вполне объяснимый страх, но и надежду, что эти знамения — признак исполнения пророчества, ранее сообщенного Эдипом: его могила будет вечно служить защитой аттической земле.

Подобно тому, как во втором стасиме хор мысленно следил за путем афинского войска, так теперь в последнем, четвертом стасиме хор напутствует Эдипа мольбой к подземным владыкам: пусть они ласково встретят страдальца и даруют ему вечный покой. Впрочем, остается еще заключительный коммос, в котором главное место занимают сольные арии оплакивающей отца Антигоны, а хор добавляет к ним только краткие слова сочувствия и утешения.

Отличается ли по своему назначению роль хора в «Эдипе в Колоне» от его роли в «Аяксе»? Едва ли мы найдем существенную разницу, — и в последней трагедии Софокла хор такое же действующее лицо, принимающее самое близкое участие в судьбе невинного страдальца, как и в «Аяксе». Оценка Аристотеля остается, по-видимому, справедливой для всего творчества Софокла.

Однако, возразит нам, может быть, читатель, есть ведь в дошедших до нас трагедиях хоровые партии и отвлеченного содержания, явно несущие в себе осуждение человеческой гордыни, — как, например, 1-ый стасим в «Антигоне» или 2-ой — в «Царе Эдипе». Не слышен ли здесь в полную меру «глас народный»? Чтобы дать ответ на этот вопрос, нельзя вырывать отдельно взятую хоровую песнь из общего контекста трагедии, — надо посмотреть, каково ее назначение в содержании драмы, в развитии действия.

Первый стасим «Антигоны» (332—375) звучит в тот момент, когда хор находится в состоянии удивления, граничащего со страхом: в Фивах творится что-то непостижимое. Не успел царь отдать приказ, запрещающий хоронить Полиника, как тело уже оказалось погребенным, причем на земле не осталось следа ни от ноги человека, ни от колесницы (249—252), — хор даже склонен заподозрить в этом божественное вмешательство (278 сл.). Поэтому свою знаменитую похвалу человеку хор начинает с двусмысленного высказывания: «Много на свете страшных сил» — таково первое и основное значение прилагательного *δεινός*. Как согласовать такое вступление с несомненно положительной оценкой достигший человек? Ответ дает последняя строфа: если человек почитает законы страны и правду, он высоко вознесен в государстве; если же из дерзости творит недоброе, ему в государстве нет места (365—372). Кого имеет здесь в виду хор — Креонта или Антигону? — вот вопрос, над которым бьется уже не одно поколение ученых, привлекая к ответу на него и современных Софоклу авторов, и более поздних — например, Платона и Аристотеля. Однако не следует забывать, что зритель Софокла не только еще слыхом не слыхивал про Платона и Аристотеля, но не знает даже и того, как будут дальше развиваться события в трагедии. Поэтому слова хора звучат для него достаточно двусмысленно, только усиливая ту тревогу и беспокойство, которое уже породили в нем и решение Антигоны, и сообщение стража. Никаких других функций эта песня хора не несет.

Что касается 2-го стасима из «Царя Эдипа» (863—910), то многие исследователи склонны адресовать звучащее в нем осуждение гордыни не кому иному, как самому Эдипу, — ведь он только что согласился с непочтительным отзывом Иокасты о прорицателях и пророчествах (851—859), а в следующей за стасимом сцене снова будет поддерживать ее в религиозном скепсисе (946—949, 964—988). Нельзя отрицать, что хор встревожен падением традиционного благочестия (засвидетельствованным и другими источниками для первых лет Пелопоннесской войны) и связывает с этим возможный упадок нравственности и опасность возникновения тирании. Однако какое отношение имеет все это к Эдипу? Никаких

намеков на его тиранические замашки (насильственный захват власти, жестокость и коварство, расплата злом за добро) или пресыщение богатством до сих пор в трагедии не было (и не появится): хор до последнего разоблачения будет стоять на стороне Эдипа и радоваться за него. Иное дело, что хор вообще встревожен всем происходящим. В самом деле, Эдип стал подозревать в себе убийцу Лаия, и это, конечно, очень грозное предположение, но, если оно оправдается, значит, не осуществилось пророчество Аполлона, по которому Лаию суждено было пасть от руки собственного сына, — ведь хор по-прежнему считает Эдипа сыном коринфского царя Полиба. Где же правда? Хор находится в смятении и ищет надежной опоры в вечных и неизблемых божественных законах. Снова, как и в «Антигоне», стасим выдает взволнованность и обеспокоенность хора, нужную Софоклу для создания на сцене напряженной атмосферы. Если здесь и звучит «глас народа», то он только в самой общей форме выражает озабоченность падением веры в богов, никого конкретно не осуждая.

Говоря об эмоциональном назначении хоровых партий, обратим внимание еще на такую их разновидность, как гипорхемы — собственно, «плясовые песни», отличавшиеся от других песен хора более радостным настроением и, соответственно, большей оживленностью. Софокл помещает их как раз на переломе событий, перед катастрофой. Так, в том же «Царе Эдипе» хор с радостью поддерживает надежды Эдипа на его божественное происхождение, — наконец-то, в душу царя и фиванских старцев снизойдет покой! Но следующий за тем допрос старого пастуха опрокидывает все ожидания и ведет дело к трагической развязке. Точно так же — в «Аяксе»: успокоенный обманной речью своего вождя хор радуется его исцелению, — тотчас за этим является вестник, предупреждающий о грозящей сегодня беде. Любовь к контрастам, замеченная нами в изображении индивидуальных персонажей, распространяется и на партии хора, который является своеобразным действующим лицом, чья роль чаще сводится к эмоциональному комментарию хода событий, чем к непосредственному в них участию.

Наконец наличие хора придает древнегреческой трагедии неповторимое своеобразие в композиционном отношении. Нарастающий по ходу действия объем хоровых партий мог создавать замедление сценического ритма, убывающий — способствовал его ускорению. То же самое справедливо и для речевых сцен. Искусно используя сочетание традиционного хорового и речевого элементов, афинские драматурги строили в каждой трагедии композиционную структуру, отвечающую основной ее задаче — осмыслению мира и места в нем борющегося и страдающего человека.

Обращаясь к композиции трагедий Софокла, мы должны опять начать с того, что он застал на афинской сцене, т. е. с краткого напоминания о структурных приемах Эсхила.

Наиболее ранняя из достоверно датированных эсхилевских трагедий — «Персы» (472 г.) представляет образец композиции, которую можно определить как фронтоную. В геометрическом центре пьесы находится хоровая песнь, являющаяся центральной и для ее идейного замысла, — 1-й стасим, в котором хор оплакивает поражение персидского войска при Саламине и предвидит последствия этого для судьбы персидской монархии. Обрамляют трагедию две большие хоровые партии, примерно равновеликие, — парод и эксод. В первом торжественно звучит описание разноплеменного войска, поднятого в поход Ксерксом, и диковинные имена его предводителей. Во втором появляются имена тех же полководцев, но теперь уже погибших при Саламине, и трагедия завершается плачем хора с участием вернувшегося домой Ксеркса. Между двумя большими хоровыми партиями и центральным стасимом располагаются речевые эпизоды и новые лирические сцены, так что в первой половине пьесы действие идет по нарастающей и завершается развязкой в 1-ом стасиме, а во второй половине получает истолкование из уст умершего персидского царя Дария, чью тень вызывает из могилы его супруга.

В последнем произведении Эсхила — трилогии «Орестея» — фронтоная структура, опирающаяся на три хоровые партии, либо преодолевается изнутри динамикой сценического ритма трагедии (так обстоит дело в «Агамемноне»), либо совсем отвергается (так — в «Хоэфорах», отчасти в «Евменидах»). В любом случае главным носителем нравственной проблематики становится уже не хор, а отдельные герои. В зависимости от того, под каким углом зрения они получают освещение, три трагедии, входящие в «Орестею», могут быть охарактеризованы различно. Первая — «Агамемнон» — построена как трагедия-поединок с двумя противостоящими друг другу антагонистами. Вторая — «Хоэфоры» — представляет собой трагедию-монодраму: в центре внимания драматурга — образ Ореста, к которому направлены все остальные линии. (Преобладающая роль Ореста подчеркивается и тем, что в течение примерно трех четвертей трагедии он находится на сцене.) Последняя часть трилогии — «Евмениды» — может быть названа трагедией-диптихом: ее заключительная четверть только внешне связана с исходным пунктом сюжета — обвинением и оправданием Ореста. Основное же содержание этих последних 270 стихов составляет конфликт между двумя поколениями богов и их примирение.

Продолжение трех композиционных типов, намеченных Эсхилом в «Орестее», мы найдем в сохранившихся трагедиях Софокла.

Структуре трагедии-диптиха больше всего соответствует «Аякс»: первые три пятых посвящены здесь судьбе главного героя, в остальных двух пятых обсуждается вопрос о его праве на почетное погребение. Разумеется, без позорного поступка и самоубийства Аякса не имела бы смысла и вторая часть трагедии, но ясно, что разработка ее нравственной проблематики («жить прекрасно или вовсе не жить») завершается вместе с падением Аякса на меч.

«Антигону» и «Трагичянок» естественно отнести к типу трагедии-поединка, предполагающего столкновение двух различных отношений к

нравственному долгу. В «Антигоне» эти два начала воплощаются в героях, приходящих в непосредственное столкновение друг с другом на глазах у зрителей. В «Трахинянках» носители двух противоположных этических принципов (эротическое своеволие Геракла и преданность семейному очагу со стороны Деяниры) вовсе не встречаются, но их несовместимость является главным двигателем действия и источником трагического финала. В композиционном отношении обе трагедии характеризуются тем, что развязка их оказывается сдвинутой далеко вправо от «геометрического» центра.

С точки зрения чисто количественных пропорций в центре «Антигоны» находится сцена Креонта с Гемоном, — несомненно, важная для уяснения уязвимости позиции Креонта, но еще далекая от полного ее разоблачения, которое наступает только в монологе Вестника (1154—1239), в середине последней четверти трагедии. К катастрофе ведут последовательно три речевые сцены, каждая из которых короче другой: спор Креонта с Антигоной занимает 198 стихов (384—581), с Гемоном — 150 стихов (631—780), с Тиресием — 103 стиха (988—1090). Все более убыстряющийся ритм получает завершение в кратчайшей сцене Креонта с корифеем (24 стиха, 1091—1114) — сопротивление царя сломлено, и дело стремительно идет к развязке. Отсутствие Антигоны в этих речевых сценах, равно как и в финале не делает трагедию двухчастной наподобие «Аякса», так как все, что происходит после прощального коммоса героини (и сам этот коммос), является результатом ее подвига.

Аналогично построены «Трахинянки». В количественном отношении центральное место занимает в них группа из 3-го и 4-го эпизодов, разделенных стасимом (531—820), причем сцены эти относятся друг к другу как причина и следствие: в 3-ем эпизоде Деянира передает Лихасу плащ, в 4-ом делится с хором своими опасениями, подтверждение которым дает сообщение Гилла. Между тем, о самоубийстве Деяниры мы узнаем значительно позже, в конце третьей четверти трагедии, а разгадка судьбы Геракла, являющейся следствием деяния Деяниры, наступит вовсе за 100 стихов до конца пьесы.

«Царь Эдип», «Электра» и «Эдип в Колоне» принадлежат к тому композиционному типу, который мы охарактеризовали выше как монодраму. Характерным признаком ее, как и в «Хозфорах», является сосредоточение внимания на главном герое, вынужденном принять и отстаивать важное решение. В соответствии с этим он почти все время находится на глазах у зрителей; для «Царя Эдипа» число стихов, во время которых главный герой пребывает на сцене, составляет 77,5% всего объема трагедии, для «Эдипа в Колоне» — 87,4%, для «Электры» — 93,4%. Что же касается композиционной структуры этих трех трагедий, то она дает достаточно разнообразные решения.

Все попытки найти какие-нибудь симметричные количественные отношения в построении «Царя Эдипа» остаются безуспешными. Кульминацией трагедии является, несомненно, 4-й эпизод, в котором Эдип, только что освободившийся от груза страшных предсказаний, приходит к концу своих разысканий, и это постижение правды происходит в ст.

1142—1185, — позади уже три четверти трагедии. Последняя четверть приносит развязку — рассказ вестника о самоубийстве Иокасты и самоослепление Эдипа, затем появление самого царя, беспощадно оценивающего свое прошлое и настоящее. Такого рода самооценка тоже показательна для монодрамы — сравним монолог Ореста в «Хоэфорах» (973—1017).

Близка к «Царю Эдипу» по структурным признакам «Электра». Кульминация здесь сосредоточена в 4-м эпизоде (1098—1383): монолог надурной (1126—1170) — вершина отчаяния Электры, опознание Ореста — вершина ее надежд. Развязка — предсмертный крик Клитемстры и появление Ореста с ее трупом — наступает за каких-нибудь 100 стихов до конца. Напряжение действия нарастает от начала до конца, исключая этим всякую возможность фронтовой композиции. Правда, в построении этой трагедии можно обнаружить также известное стремление к организации симметричных по содержанию сцен вокруг центра. Так, ожиданию места в прологе (1—85) соответствует ее осуществление в финале (1398—1510); между ними могут быть выделены пять частей, из которых первая и пятая, вторая и четвертая объединяются симметрично вокруг средней, третьей. В первой части (86—327) — жалобы Электры и хора, надежда и отчаяние; в пятой (1098—1383) — отчаяние Электры при известии о гибели Ореста, сменяемое его узнаванием и новыми надеждами; во второй (328—471) и четвертой (871—1057) частях Электре противопоставляется ее робкая сестра Хрисофемиды; средняя часть содержит спор Электры с Клитемстрой и рассказ вестника о состязании колесниц в Дельфах (515—823). Таким образом, симметрия в построении «Электры» очевидна, хотя и остается достаточно внешним средством организации материала, подчиненного изнутри иному ритму.

Почти полное и достаточно неожиданное возвращение к фронтовой композиции мы находим в «Эдипе в Колоне» — не только последнем образце трагедии-монодрамы, но и последней для нас аттической трагедии вообще.

Почти точно в геометрическом центре пьесы (720 стихов от начала, 736 от конца) расположен самый крупный по объему и самый важный по содержанию 3-ий эпизод (720—1043): появление Креонта, его спор с Эдипом, захват дочерей, вмешательство Фесей, чей выход (887), деливший эпизод пополам, приходится к тому же ровно на середину всей трагедии. Эпизод обретен двумя равновеликими стасимами (1-ый и 2-ой: 668—719, 1044—1095, оба по 52 стиха). Первому стасиму предшествует эпизод 2-ой (Эдип и Фесей, 549—667=119 стихов), за вторым стасимом следует эпизод 4-ый (Эдип и Фесей с возвращенными Антигоной и Исменой, 1096—1210=115 стихов). Эти два эпизода, таким образом, не только равновелики, но и симметричны по содержанию: в обоих случаях Фесей оказывает помощь Эдипу. Образовавшееся ядро (549—1210) снова заключено в раму из лирических строф (коммос Эдипа с хором, 510—548=39 стихов; 3-ий стасим, 1211—1248=38 стихов); к этой раме примыкает «слева» 1-ый эпизод (254—509=256 стихов, Исмена), «справа» — 5-ый (1249—1446=198 стихов, Полиник). Хотя они и не равновелики, но в

5-ом эпизодии реализуется сообщение о вражде братьев, принесенное Исменой в 1-ом эпизодии, так что разница почти в 60 стихов, может быть, не была столь ощутимой по сравнению с параллелизмом содержания. То же самое можно сказать и об остающихся разделах трагедии, выходящих за пределы фронтовой композиции, которая заключает в себе две трети драмы, от 254 до 1446, около 1200 стихов — больше, чем любая из трагедий Эсхила, кроме «Агамемнона». Находящиеся за пределами фронтовой части трагедии, не будучи равновелики, подкрепляют симметрию содержания. Коммос (1447—1499), в котором Эдип сообщает хору о своем приближающемся конце, соотносится с пародом, в котором Эдип впервые встречается с этим хором (117—253). Последний диалог между Эдипом и Фесеем и следующая затем речь вестника (1500—1669) составляют по содержанию полную параллель к прологу (1—116): в начале трагедии Эдип узнает, где он находится, и заключает, что он близок к своему последнему пределу; в финале его ожидания сбываются — боги зовут его к себе. За границами этой, еще более обширной фронтовой композиции остается только заключительный плач, но и он переносит нас в атмосферу эсхильской трагедии (ср. финал «Персов» или «Семерых против Фив», 875—1004). Как объяснить это возвращение к художественной структуре, доведенной Эсхилом до совершенства, но им же самим — а вслед за ним и Софоклом — отвергнутой, особенно в монодраме?

Как мы уже замечали, Эдип в Колоне отличается от Эдипа-царя тем, что выступает как герой не действующий, и даже не совершивший, а пострадавший и до сих пор несущий на себе печать страдания. В центре монодрамы царя Эдипа находился действующий герой, ищущий правду; в центре монодрамы Эдипа в Колоне — событие, которое осуществляется на протяжении всей трагедии, как только Эдип попадает в священную рощу Евменид. Единственное препятствие — желание Креонта вернуть Эдипа в Фивы — устраняется, как только в дело вмешивается (ровно посередине трагедии!) Фесей. Напряжение, достигающее вершины в центральной сцене, снимается появлением Фесея, которое обозначает, в сущности, развязку; все остальное во второй половине — не более, чем ретардация, позволяющая бросить дополнительный свет на фигуру Эдипа (его любовь к дочерям и ненависть к Полинику; доверие, оказываемое Фесею), но не вносящая ничего нового ни в сюжетную ситуацию, ни в характеристику героя. Центром трагедии снова стало событие, и это возвращение к доступному нам исходному пункту развития аттической драмы обусловило возрождение фронтовой композиции. Так и в художественной структуре софокловской трагедии мы наблюдаем завершение пути, пройденного афинской драмой на протяжении V в.

Наше представление о трагическом театре Софокла было бы неполным, если бы мы оставили в стороне его зрелищную сторону. Речь идет не о декорациях, которые, по античному свидетельству (АС 37, 38), ввел Со-

фокл. Это были трехгранные призмы, причем на каждой их стороне изображались детали, обозначающие место действия одной из трех частей трилогии, — орchestra все равно оставалась пустой. Говоря о зрелищной стороне софокловского театра, мы имеем в виду возникающие по ходу действия массовые сцены, размещение исполнителей на орchestra, их приход и уход, употребление различных аксессуаров. Помимо чисто зрелищного эффекта использование постановочных средств должно было усиливать звучание содержательной стороны трагедии.

Так, начало «Антигоны» происходит на рассвете, и одинокая фигурка кутающейся в плащ девушки на пустынной орchestra не могла не вызвать жалости у зрителей, — особенно в противопоставлении с выходом Креонта, когда залитая солнцем орchestra уже заполнена хором, а царь появляется в сопровождении подобающей ему свиты. Противоположный эффект достигался в «Эдипе в Колоне». Здесь Креонт, захватив Антигону, поручал своей свите доставить ее в Фивы — парод, обозначающий направление из Колона, заполнялся толпой оруженосцев Креонта, окруживших девушку. Немного спустя по этой же дороге торопливо следовала свита Фесея, пустившаяся в погоню за обидчиками, и вскоре победители возвращались вместе с отбитыми у врагов девушками. «Массированное» насилие со стороны Креонта встречало столь же массированную отповедь, — в столкновение приходили персонажи, олицетворявшие Фивы и Афины. Пройдет немного времени, и тем же путем побредет в унынии и одиночестве отвергнутый Эдипом Полиник, — несмотря на собранную им огромную рать, он останется один на один и перед судом отца, и перед лицом родного города.

...Прежде чем царь Эдип начнет свою речь, обращенную к собравшимся фиванцам, они заполнят орchestra, устремляясь к воротам дворца, — живописная немая сцена подтвердит то доверие к своему повелителю, которое испытывает к нему народ. А как только предводимые жрецом фиванские юноши покинут площадь перед дворцом, их сменит хор старцев, узавших о возвращении Креонта.

Дважды представало печальное шествие перед зрителями «Трахинянок»: в первый раз это были пленницы Геракла, вызывавшие сочувствие у Деяниры; второй раз — толпа слуг Геракла, несших на носилках своего смертельно больного господина и сопровождавших его вместе с Гиллом к месту последнего упокоения. Таким же впечатляющим был конец «Аякса», завершавшегося погребальным шествием актеров и хора за телом героя.

Впрочем, чтобы держать зрителя в напряжении, не всегда нужны большие массы народа. После ухода разгневанного Тиресия (в «Царе Эдипе») Софокл не дает никаких слов заглавному герою. Можно, однако, представить себе, что царь провожал удалявшегося прорицателя долгим взором и только после этой молчаливой сцены возвращался во дворец. Неизбежная пауза наступала и после того, как в молчании (или после нескольких прощальных слов) покидали орchestra Деянира, Евридика, Иокаста. Немалое значение имело молчание Неоптолема при виде приступа болезни, мучающей Филоклетта (Ф. 803 сл.), и во время обличитель-

ной речи заглавного героя (929—936, 949—952). Эта же трагедия дает нам хороший пример того, как умел Софокл обыгрывать сценическую деталь — в данном случае, лук Филоктета. Не меньшую роль играли урна с мнимым прахом Ореста в «Электре» или меч Аякса.

Для того чтобы изобразить события, происходившие за сценой, греческая драма употребляла так называемую экиклему — платформу на колесах, выдвигавшуюся в нужный момент на оркестру. На такой экиккле мы должны представить себе появление Аякса с окровавленным бичом в руках в окружении разбросанных вокруг него туш перебитого скота, или Ореста, встречающего Эгисфа у накрытого трупа Клитеместры.

Когда мы теперь читаем греческую трагедию, мы не всегда представляем себе, как она игралась. Несколько приведенных выше примеров показывают, что, создавая трагедию, Софокл не упускал возможности сделать ее постановку также впечатляюще театральной.

11

Как всякое великое создание прошлого, древнегреческая трагедия пережила не один срок жизни, а по меньшей мере три. Первый из них, по времени наиболее краткий, занял всего лишь столетие — от первых трагедий Эсхила, увидевших свет в 500 г., до поставленных посмертно в самом конце V в. «Вахканок» Еврипида и «Эдипа в Колоне» Софокла. Вторая жизнь древнегреческой трагедии растянулась на 900 лет — от 387 г., когда начали возобновлять пьесы трех великих трагиков, до показа их в многочисленных театрах всего античного мира вплоть до его падения в конце V в. н. э. Еще через тысячу лет (оставляя в стороне передачу античных текстов из поколения в поколение в византийские времена), с появлением первых изданий древних авторов в начале XVI в., древнегреческая драма вступила в третью эпоху своей жизни, которая продолжается и в наши дни. Этот последний период представляет для нас наибольший интерес.

Когда речь заходит о судьбе древнего автора в культуре нового времени, всегда есть опасность потонуть в потоке имен тех поэтов и писателей, которые переделкой оригинала пытались приспособить его к вкусам своих современников. С первых десятилетий XVI в. до последних десятилетий XX в. можно насчитать не менее семидесяти драм по мотивам произведений Софокла⁶, причем далеко не каждая из них стала событием даже для своего времени, не говоря уже о ее жизни в веках. Кто бы помнил сейчас французского драматурга XVIII в. Шатобрена, если бы Лессинг не высмеял его в «Лаокооне» за то, что в своем «Филоктете» (1755) Шатобрен ухитрился доставить на безлюдный остров, где томился покинутый герой, прекрасную принцессу в сопровождении гувернантки и устроить юной особе роман с Неоптолемом!

⁶ Heinemann K. Die tragischen Gestalten der Griechen in der Weltliteratur. 2 Bd., Lpz., 1920; Hamburger K. Von Sophocles zu Sartre. Griechische Dramenfiguren, antik und modern. 3. Aufl. Stuttgart, 1962; Belli A. Ancient Greek Myths and Modern Drama. A Study in Continuity. N. Y.; London, 1969.

Если же всерьез говорить об истории освоения Софокла в новое время, то мы заметим в каждом веке свои интересы и методы интерпретации.

В XVI в., наряду с несколькими обработками «Царя Эдипа», принадлежащими второстепенным авторам, наибольшее внимание привлекает обращение к «Антигоне» (Л. Аламанти в Италии, 1533; во Франции — Р. Гарнье, 1580, который, впрочем, объединил трагедию Софокла с «Финикиянками» Сенеки) и к «Электре» (Лазар де Баиф, 1537). Видимо, образы героинь Софокла, выступающих против несправедливости и угнетения, оказались созвучными мировоззрению Ренессанса. С полной уверенностью можно это утверждать о переложении «Электры» на венгерский язык, сделанном в 1558 г. Петером Борнемиссой. В стране, все еще находившейся под турецким игом, «Электра» звала к сопротивлению и мести угнетателям, и не напрасно эту трагедию считают сейчас одной из провозвестниц венгерской драмы нового времени.

XVII в. остается к Софоклу почти равнодушен. Из крупных имен надо упомянуть только Корнеля, который придал своему «Эдипу» (1659) достаточную долю любовной интриги, и Драйдена, обработавшего того же «Эдипа» в соавторстве с Ли 20 лет спустя.

Новый всплеск интереса к Софоклу происходит в XVIII в. и проявляется он в двух направлениях: во-первых, в «галантных» обработках оригинала с внесением в него обязательных любовных мотивов, и, во-вторых, ближе к концу века, в серьезных эстетических оценках древнего поэта.

В качестве примера первого направления назовем раннюю трагедию Вольтера «Эдип» (1718), в основу которой автор положил мысль о губельных последствиях запретной любви и для подкрепления этой идеи снабдил каждого из главных героев — Эдипа и Иокасту — наперсниками⁷.

Несравненно большее значение для восприятия и оценки Софокла имел тот эстетический анализ его творчества, который начинается в Германии с Лессинга и находит завершение уже в XIX в. у Гете и Гегеля.

Лессингу принадлежит первое, хоть и не доведенное до конца, жизнеописание Софокла (1760), выполненное во всеоружии тогдашних приемов текстологической критики, а пример «Филоктета» неоднократно используется в «Лаокооне» (1766) для рассуждений о границах изображения на сцене нравственных качеств героя, его боли и страдания. Того же «Филоктета» немного спустя обрабатывает Гердер (1774—1775), который и в своих размышлениях о различии между древнегреческой и шекспировской трагедией снова обращается к Софоклу — для эстетики немецкого неоклассицизма и раннего романтизма Софокл служит синонимом древнегреческой трагедии вообще.

Раздумья об античной драме и особенно о трагедии Софокла не оставляют на протяжении последних лет его жизни Шиллера. В письме к Гете 2.X.1797 г. он дал интереснейшую характеристику «Царя Эдипа» как «трагического анализа» и высоко оценил разработку сюжетной ситуации,

⁷ В качестве курьеза, характерного, впрочем для первой половины XVIII в., назовем творчество никому сейчас не известного французского «военного комиссара» Ля Турнеля, который в 1730—1731 г. сочинил на сюжет «Эдипа» не более и не менее как 4 отдельных пьесы, из которых ни одна так и не была поставлена.

которая предоставляет драматургу «непчислимые выгоды». Правда, Шиллер не заметил, что эти выгоды создал для себя целенаправленной переработкой мифа сам Софокл, но искуснейшее построение «Царя Эдипа» Шиллер отметил вполне справедливо. Прав он был и в том, что при всем величии древних трагиков, и в первую очередь Софокла, нельзя навязывать нормы античной драмы современному произведению. К сожалению, в своей «Мессинской невесте», демонстрирующей осуществление зловещего рока в «амом ходе действия», Шиллер отступил от высказанного им верного принципа и потерпел неудачу.

В начале XIX в. античная трагедия занимает видное место в литературно-критических работах братьев Шлегелей. По-видимому, они первыми ввели в оборот эстетики нового времени тезис о «внутренней гармонии» Софокла, а также высказали мысль о том, что «истинным предметом трагедии является борьба между конечным внешним бытием и бесконечным внутренним призванием»⁸, — очень верное положение в применении и к «Аяксу», и к «Антигоне», и к «Царю Эдипу». К Шлегелям восходит также представление о хоре как «идеальном зрителе» и попытки определить «трагическую вину» Эдипа.

Античность была постоянным спутником Гете, и в его трактате «Об эпической и драматической поэзии», в письмах, в беседах с Эккерманом мы найдем глубокие мысли о различии двух жанров, причем критерием для своих эстетических взглядов Гете считал «Илиаду» и трагедии Софокла. О последнем он отзывался всегда с восхищением, утверждая, что все его персонажи «имеют в себе частицу высокой души великого поэта»⁹. Гете правильно заметил, что Креонт и Исмена нужны Софоклу для того, чтобы обнаружилась благородная природа Антигоны, а самого Креонта решительно осудил: «Никогда нельзя называть государственно добродетельным такой поступок, который идет против добродетели в обычном смысле этого слова»¹⁰.

Это мнение Гете особенно интересно, так как по времени примерно совпадает с известными высказываниями Гегеля о столкновении в «Антигоне» двух одинаково правых и одинаково односторонних начал: права государства в лице Креонта и права родственных, семейных уз в лице Антигоны. Это толкование стало почти обязательным в эстетике на протяжении доброго столетия, хотя, как мы стремились показать выше, является ошибочным. Напротив, в позднейшей теории драмы почти не нашли отклика очень ценные замечания Гегеля о Эдипе, который берет на себя объективную ответственность за то, что он сделал в неведении, и таким образом является столь же виновным, сколь и невиновным.

«Антигона» и «Царь Эдип» занимают преимущественно внимание Шиллера и Шлегелей, Гете и Гегеля, — можно ли считать случайностью, что Гельдерлин, ровесник Гегеля, изучавший вместе с ним богословие в Тюбингене, начал с этих же двух трагедий так и не законченный им пере-

⁸ Литературные теории немецкого романтизма. Л., 1934. С. 239 сл.

⁹ Эккерман И. П. Разговоры с Гете. М.; Л., 1934. С. 349.

¹⁰ Там же. С. 688 сл.

вод Софокла, впервые опубликованный в 1804 г.? Правда, не всеми эти переводы были приняты одинаково доброжелательно, а филологическая критика имела к ним свои претензии, но уже в наше время обе трагедии в переводе Гельдерлина легли в основу опер такого известного композитора, как К. Орфф (1949 и 1959).

Глубокие наблюдения классиков немецкой литературы и философии над творчеством Софокла явились, может быть, одной из причин того, что в XIX в. серьезные драматурги — и не только в Германии — не берутся вступать в соревнование с Софоклом. Когда же в новых исторических условиях, сложившихся в Европе в первые десятилетия XX в., к «Царю Эдипу» обращаются Гофмансталь (1906 и 1909) или Кокто (1928), сопоставление их произведений с древнегреческим прототипом становится невозможным по той простой причине, что Эдип и Иокаста в их изображении уже успели прочесть не только Софокла, но и Фрейда и все, что было написано за это время психоаналитиками о «Эдиповом комплексе». На первый план выступает многозначительная (и не только бессознательная) сексуальность главных персонажей, под натиском которой совершенно пропадают софокловские проблемы человеческого бытия, знания и неведения.

Своеобразно сложилась в XX в. судьба «Антигоны». В 40—70-е годы появляется около десятка драм, опер, кино- и телефестивалей, отталкивающихся от образа софокловской героини, хотя и переносящих ее в совершенно непривычную обстановку. Актуальная для эпохи Перикла проблема взаимоотношения неписаных божественных законов с волей единоличного правителя не привлекает внимания современных драматургов. Ее заменяют совсем иные коллизии.

Так, в обработке Б. Брехта (1948 г.) Креонт ведет войну с Аргосом за принадлежащие тому железные рудники. Этеокл погибает в бою, а Полиник спасается бегством, и Креонт убивает его как дезертира, запрещая хоронить его труп. Антигона же объясняет свое неповиновение не столько родственными чувствами, сколько политическими соображениями: это война не в защиту отечества, а ради удовлетворения властолюбивых и агрессивных замыслов Креонта.

Если у Брехта Полиник — как-никак, а все-таки дезертир, то в опере Любомира Пипкова «Антигона 43» Полинику соответствует казненный гитлеровцами болгарский партизан, патриот и герой, служащий образцом и для своей сестры, и для ее жениха: оба они погибают, выполняя свой долг перед казненным братом героини.

Еще дальше от античного прототипа отходит словацкий драматург Петер Карваш в трагедии «Антигона и другие» (1961). Здесь действие происходит в гитлеровском концлагере в начале 1945 г., и заключенная № 29738, двадцатилетняя Анти (Антония) вообще не находится ни в каком родственном отношении к убитому немецкому антифашисту Леопольду Кюне (Полли) и не задумывается над нравственным обоснованием своего участия — вместе с другими заключенными — в погребении Полли. Как расстановка сил в трагедии Карваша, так и основной идейный конфликт, и его осмысление, и характеристика персонажей очень сильно отличаются от художественного замысла Софокла. Даже на имена оригинала остаются

ся только намеки: Анти товарищи по заключению чаще называют Тонькой, и зрители не обязаны помнить античную трагедию, чтобы поверить в достоверность фамилии начальника лагеря, хауптштурмфюрера Кроне. В современной ситуации выведена героиня Софокла и у западногерманского режиссера Р. Вольфхарта в телефильме «Берлинская Антигона». Здесь немецкая девушка Анна Хофман хоронит тело своего возвратившегося с восточного фронта брата Кристофа, которого гитлеровский суд приговорил к смертной казни за антифашистскую пропаганду.

Но и Ануй в своей «Антигоне» (1942) — вероятно, наиболее известной из обработок софокловской трагедии в XX в. — достаточно близко воспроизводя сюжет оригинала, наполняет его совершенно иным идейным содержанием. Его Креонт не честный, хотя и недальновидный апологет своей идеи, как у Софокла, а циничный политикан, сознающий всю неприглядность дела, которое он делает, и тем не менее продолжающий его делать. У Софокла Креонт искренне убежден, что один из братьев — доблестный защитник Фив, а другой — изменник; у Ануя Креонт хорошо знает, насколько оба были ничтожны и подлы и как мало заслужили они преданность Антигоны. Он даже не уверен, что похоронили того, кого надо, — настолько трупы были изуродованы растоптавшей их кавалерией; для государства же, которое олицетворяет Креонт, важна «пропаганда», а не истинная ценность человека. Какой смысл имеет в таких условиях самопожертвование Антигоны? И если она все же настаивает на своем праве умереть, чтобы сказать «нет» мещанскому благополучию и сытости, и видит только в этом свой высший нравственный долг, то единственное, что сохраняется в образе Антигоны от Софокла, — это неумолимость и бесстрашие перед лицом смерти.

Эти свойства образа, созданного Софоклом и ставшего вечным символом героического сопротивления, составляют наиболее близкий современному восприятию мировоззренческий смысл, который делает «Антигону» принадлежностью не только породивших ее Перикловых Афин, но и всей человеческой культуры. С таким же правом можно сказать это и об остальных софокловских героях. Их цельность, не нарушаемая никакими ударами извне; непреклонность в достижении даже ценой жизни поставленной перед собой цели; неподкупная строгость к самим себе, готовность нести полную ответственность за каждый свой шаг, — в этом заложена их непреходящая ценность, сделавшая героев Софокла вечными спутниками человечества.

В. Н. Ярхо

Ф. Ф. ЗЕЛИНСКИЙ — ПЕРЕВОДЧИК СОФОКЛА

Вышедший в 1914—1915 гг. в издательстве М. и С. Сабашниковых трехтомник Софокла в переводах Ф. Ф. Зелинского явился значительным событием русской культурной жизни и, в частности, в истории приобщения русского читателя к творческому наследию великого древнегреческого трагика. Впервые на русском языке появились переведенные одним человеком не только все семь трагедий, но и около девяти сотен фрагментов из его не сохранившихся полностью драм. Сгруппированные по мифологическим циклам, они, помимо всего прочего, составили еще и увлекательное собрание греческих преданий. Но главная ценность издания Зелинского была все же не в отрывках из Софокла, обращенных к достаточно подготовленному читателю. Гораздо важнее, что весь перевод был выполнен в соответствии с едиными принципами и к тому же — крупным филологом, отдавшим Софоклу более двух десятилетий своей жизни. В наше время серьезная филологическая подготовка переводчика, берущегося за античного автора, является первым и непременным условием. В XIX в. два качества — поэтическое дарование и знание древнегреческого языка — не слишком часто соединялись в одном человеке. Иначе обстояло дело с Зелинским.

Фаддей Францевич Зелинский (1859—1944) был очень крупной фигурой в русской и мировой классической филологии в последние десятилетия прошлого и в первой трети нынешнего века.

Получив гимназическое образование в Петербурге, он затем пробыл 4 года в Русской филологической семинарии при Лейпцигском университете, где получил степень доктора философии за работу, посвященную последним годам 2-й Пунической войны (1880 г.). Другую диссертацию — на степень доктора филологических наук — Зелинский защитил 6 лет спустя в Дерптском университете (Тарту), уже будучи профессором классической филологии Петербургского университета. В этой должности он пробыл около 40 лет, подготовив несколько поколений отечественных филологов-классиков. С 1921 г. Зелинский жил в Польше, оставаясь до конца жизни профессором Варшавского университета, членом Польской Академии наук и многих иностранных академий, почетным профессором целого ряда западноевропейских университетов.

Научные интересы Зелинского отличались необыкновенной широтой и разносторонностью. В своих работах по древнеаттической комедии он по существу открыл элементы ее симметричного построения и объяснил развитие в пределах одного жанра весьма разнородных фольклорных исто-

ков. Зелинский первым сформулировал обязательный для гомеровского эпоса «закон хронологической несовместимости» (действия одновременные изображаются как следующие друг за другом); в то же время ему принадлежат ценные исследования в области ритмического характера латинской прозы. Его капитальная монография о месте ораторского наследия Цицерона в истории мировой культуры («Cicero im Wandel der Jahrhunderten») выдержала при жизни Зелинского четыре издания (последнее — в 1929 г.).

Наряду со специальными исследованиями в области античной культуры Зелинский отдавал много сил и времени ее популяризации, выступая как самый горячий пропагандист ее непреходящего гуманистического значения. В царской России на рубеже XIX—XX вв., когда классическое образование в результате реформ Толстого и Делянова было загнано в узкое русло усвоения грамматических правил и бесконечных исключений, культуртрегерская деятельность Зелинского несомненно имела большое значение. Впрочем, недостаток в живом слове об античности ощущался в это время, как видно, не в одной России: лекции Зелинского, читанные в 1903—1905 гг. учащимся выпускных классов гимназий и реальных училищ и объединенные затем в книгу «Древний Мир и мы», были тут же переведены на немецкий, французский, английский, итальянский и чешский языки, служа для многих тысяч читателей своеобразным введением в культуру античного мира.

Любовь к популяризаторской деятельности была одной из причин дружбы Зелинского с его ровесником — профессором того же Петербургского университета, историком М. И. Ростовцевым, которому Зелинский посвятил свой перевод Софокла.

Конечно, следует помнить, что восприятие античности у Зелинского было достаточно субъективным и своеобразным. Античность не была для него предметом умственно-беспристрастного изучения; он видел в ней не идеал для подражания, не норму, а семя, из которого выросла вся культура нового времени. Стремясь разрушить — с полным на то основанием — казенное впечатление от античности, порожденное реакционными реформами классического образования, Зелинский подходил к наследию древнего мира с позиций психологии современного человека, окрашенной к тому же ярко выраженным идеалистическим мировоззрением. Исторического материализма для Зелинского не существовало; история культуры выводилась им из стремления человеческой души к совершенствованию вложенных в нее природой задатков, к идеалам добра и красоты. Ближе всего подошел к этому, с точки зрения Зелинского, «избранный народ» — древние греки. То, чего они не достигли или недоделали, надлежит завершить современному человечеству. При такой посылке неизбежной была модернизация античности, нередкая подмена исторического анализа чисто субъективным «вчувствованием» в литературный источник.

Эта общеметодологическая концепция не могла не отразиться на переводческой деятельности Зелинского. Профессиональным переводчиком он не был, его переводы — по большей части побочный продукт его научной деятельности. Зелинский переводил тех авторов, которыми занимался как филолог, и его переводы должны были подтвердить правильность его

понимания того или иного древнего писателя. При этом он руководствовался вполне определенными принципами, сформулированными в 1913 г. в предисловии к переводу «Героид» Овидия (Зелинский назвал их «Баллады-послания»). Задача перевода, по Зелинскому, — не буквалистское следование оригиналу (в этом с ним едва ли есть необходимость спорить), а передача тех представлений и чувств, которые заключены в подлиннике и могут извлекаться из контекста, не будучи в нем никак названы. Понятно, что такой подход чреват субъективностью, неизбежно ведущей к модернизации древнего автора, — этот упрек бросил автору сразу же после выхода его Овидия В. Я. Брюсов. Мы увидим, что почти то же самое можно сказать и о выполненных Зелинским переводах Софокла.

Софокл привлек внимание Зелинского более чем за 20 лет до того, как вышел в свет сабашниковский трехтомник. Еще в 1892 г. он выпустил комментированное издание «Царя Эдипа»; шесть лет спустя — аналогичное издание «Трахинянок». Эту трагедию он опубликовал тогда же в прозаическом переводе¹, который, если и не может передать поэтического своеобразия оригинала, позволяет часто более точно выразить его мысль. Далеко не со всем в этих комментированных изданиях можно было согласиться: например, Зелинский так и не привел достаточно веских соображений в пользу отнесения некоторых кусков в «Царе Эдипе» к некоему древнему варианту. Откровенно модернизирующий характер носили многочисленные ремарки, к чему нам еще придется вернуться. Незадолго до выхода в свет трехтомника Софокла отдельные его трагедии в стихотворном переводе Зелинского стали появляться в периодической печати². И эти переводы, и комментированные издания, выполненные Зелинским, несомненно принадлежали серьезному и оригинально мыслящему филологу, приступавшему к работе с прекрасным знанием материала. К тому же и свой полный перевод Софокла Зелинский рассматривал как новый вклад в пропаганду гуманистических идеалов античной культуры: эпиграфом ко всему изданию, повторив его и во втором томе, он выбрал знаменитые слова Антигоны: *Ὅτοι συνέχθειν, ἀλλὰ συμφιλεῖν ἔφω* — «Делить любовь — удел мой, не вражду».

Софокловский трехтомник Зелинского вскоре же после его выхода в свет получил весьма одобрительную оценку. «При большой близости к оригиналу он (т. е. Зелинский) живо и образно передает возвышенный тон и малейшие изгибы трагедии»³. «Чудный подарок нашей родине, прекрасный и знаменательный»⁴. «Событие, далеко не обычное в нашей научно-литературной жизни»⁵.

Правда, никто из рецензентов, по справедливому замечанию С. И. Радцига, не задавался целью сверить перевод, стих за стихом, с оригиналом:

¹ *ФО*, 1898. Т. XIV. Приложение.

² «Трахинянки» // *Журнал Мин. Нар. проsv.* (далее: *ЖМНП*), 1911. июль; «Аянт-биченосец» // *Русская мысль*. 1912. Кн. V; «Электра» // *Вестник Европы*. 1912. Февраль-март.

³ *Голос минувшего*. 1914. № 10. С. 285. (С. И. Радциг).

⁴ *Гермес*. 1915. № 5. С. 106 (Э. Диль).

⁵ *Русская мысль*. 1917. Сент.-окт. Разд. XIII. С. 1. (С. А. Жебелев).

может быть в этом случае его оценка в деталях была бы менее восторженной. Так или иначе, перевод Зелинского на добрых четыре десятилетия остался единственным признанным русским Софоклом. (Появившийся в 1936 г. в изд. «Academia» совместный перевод В. О. Нилендера и С. В. Шервинского, который к тому же остановился на первом, «фиванском» томе, не мог быть признан достаточно надежной альтернативой существовавшим переводам Зелинского).

Между тем со времени выхода в свет сабашниковского Софокла прошли почти три четверти века — срок, за который достаточно основательно изменились и наши представления о Софокле, и требования, предъявляемые к художественному переводу. В какой мере труд Зелинского выдержал испытание временем? Чтобы ответить на этот вопрос, надо прежде всего понять, как обстояло дело с русскими переводами Софокла до Зелинского, что из сложившейся традиции он мог использовать и от чего мог или должен был отказаться.

1

Первой трагедией Софокла, с которой познакомился русский читатель, был «Филоклет»: в 1799 г. в Москве вышел прозаический перевод В. Голицына ⁶, в 1816 — перевод в александрийских стихах, выполненный молодым С. Аксаковым ⁷. Интерес к «Филоклету» едва ли оказался случайным: более, чем в какой-либо другой трагедии Софокла, поэтика классицизма могла найти здесь столь дорогой ей конфликт между долгом чести и долгом гражданским. Не случайно оба перевода были сделаны с французского, и уже по одному этому от них трудно требовать верности оригиналу. Так, Аксаков, следуя за Лагарпом ⁸, опустил все хоры; Голицын сохранил многие хоровые партии (из чего следует сделать вывод, что он пользовался каким-то другим, скорее всего, прозаическим французским переводом), но тяжеловесный язык конца XVIII в. в лучшем случае передавал содержание трагедии, никак не ее художественные достоинства.

Не могли существенно обогатить читающую публику и несколько отрывков из «Антигоны» и «Эдипа в Колоне», которые перевел прозой П. Львов ⁹, и из «Царя Эдипа», переведенные тоже прозой Я. А. Галинковским для его многочастного «Корифея» ¹⁰. Правда, вступительный монолог Эдипа и ответ жреца были переведены здесь шестистопным ямбом без рифм ¹¹, представляя собой первый опыт передачи на русский язык греческого триметра, но сам переводчик признавал, что «в стихах ослаблен подлинник», и скромно назвал свой труд не более, чем «подражанием» Софоклу. Наконец,

⁶ Филоклет. Трагедия Софокла. Пер. с франц. М., 1799.

⁷ Филоклет. Трагедия в трех действиях, в стихах, сочиненная на греческом Софоклом, а с греческого на французский переложенная Ла Гарпом. М., 1816. О принадлежности перевода С. Аксакову см.: Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. I. С. 160—161.

⁸ Лагарп вообще оставался долгое время для русского читателя единственным источником сведений о Софокле. См.: Лагарп Ф. Ликей, или Круг словесности. СПб., 1811. Кн. 2. С. 60—171.

⁹ Ипшкрена, 1801. Ч. IX. С. 283—285; Ч. X. С. 201, 406—408.

¹⁰ Корифей, или Ключ литературы. М., 1803. Кн. 2. С. 129—133.

¹¹ Там же. С. 125, 127—129.

отрывки из «Аякса», «Трахинянок», «Царя Эдипа», «Эдипа в Колоне» и «Электры» в прозаическом переводе П. Соколова были помещены в уже упоминавшемся издании «Лиякея».

К началу XIX в. относится еще один любопытный документ из истории освоения Софокла в России. В вышедших в 1811 г. «Цветках русской поэзии» известного профессора Царскосельского лицея Н. Кошанского наряду с греческими текстами и русскими переводами Биона и Мосха читателю был представлен «Отрывок Клитемнестры, Софокловой трагедии, найденный и в первый раз на греческом изданный Хр. Фр. Маттеем». Источником для перевода нескольких сотен стихов, никакого отношения к Софоклу не имеющих, послужил опубликованный Маттеи в 1805 г. текст из аугсбургской рукописи XVI в., по неведомой причине принятый им за трагедию Софокла¹². Нас интересует здесь, однако, не сам факт этой вольной или невольной мистификации, а средства, которыми греческий текст был переведен на русский язык: для речевых партий Кошанский, как и пять лет спустя Аксаков, использовал александрийский стих, а две пары строф в хоре «жителей миценских» перевел рифмованными стихами (первую пару — четырехстопными ямбами, вторую — преимущественно такими же хорейми); между строфами была соблюдена симметрия, включая сюда и эфимнии, выдержанные в двустопных усеченных дактилях. Этот прием в передаче хоровых партий объективно оказался прецедентом для многих последующих переводчиков Софокла, даже если они и не были осведомлены о подложной «Клитеместре».

Первого полного Софокла русский читатель получил благодаря труду И. И. Мартынова, выпустившего с 1823 по 1825 г. все семь трагедий отдельными книжками. Мартынов переводил с древнегреческого (все трагедии вышли даже с параллельным греческим текстом) и снабдил каждую трагедию примечаниями, объясняющими отчасти ход действия в ней, отчасти — его перевод. В хоровых партиях были выделены составляющие их структурные элементы — строфы, антистрофы, эподы, но получить представление об их ритмическом своеобразии в отличие от разговорных партий было нельзя, так как перевод был выполнен прозой. Впрочем, в это же время появился и первый в России достаточно крупный образец стихотворного перевода Софокла.

В вышедшие в 1825 г. «Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев» А. Ф. Мерзлякова с обширным введением «О начале и духе древней трагедии...» вошел ряд сцен из трех греческих трагиков, в том числе большие отрывки из «Эдипа в Колоне» (со ст. 1447 до конца трагедии) и «Антигоны» (ее спор с Креонтом и выход Исмены, 2-й стасим, сцена Креонта с Гемоном и следующий за тем 3-й стасим, наконец заключительный эпизод, начиная со ст. 1155). Речевые партии Мерзляков переводил традиционным для русской трагедии александрийским стихом с чередованием мужских и женских рифм. Например:

Надменность не для тех, которых рок — служенье.

Достоин казней всяк, презрев мое веленье;

Достоин злейших кар дерзнувший предо мной,

Ругаясь, гнусною тщеславиться виной...¹³

¹² Clytemnestrae, tragoediae Sophoclis, fragmentum ineditum / Primum edidit Chr. Fr. de Matthaei. Mosquae, 1805.

¹³ В порядке курьеза заметим, что к александрийскому стиху спустя 70 лет после Мерзлякова вернулся некий И. Теодорович в переводе отрывка из «Антигоны», 441—470. Заключительные стихи в монологе Антигоны звучали следующим об-

В передаче хоровых партий Мерзляков был не слишком последователен. Иногда он пользовался рифмами на протяжении всего стасима, иногда вкраплял их только кое-где, иногда и вовсе обходился без них. Само собой разумеется, что в переводе использовались традиционные размеры — чаще всего четырехстопные хорей или ямбы с анакрузой, но попадались и дактили — чистые двустопные или же в комбинации с хорейми. Мерзляков также не ставил перед собой задачи хотя бы приблизительно передать количество и симметрию хоровых строф.

Было бы, конечно, преувеличением назвать перевод Мерзлякова точным. Если довод Креонта против выдачи Антигоны замуж за Гемона («Для посева есть и другие пашни»), до сих пор шокирующий читателей своей откровенностью, был вовсе неприемлем для аудитории Мерзлякова, то все же его перевод («Рассудок над страстями быть должен властелин. Ему невеста есть») нельзя назвать даже пересказом оригинала. Есть и другие примеры достаточного вольного обращения с текстом Софокла: опускаются отдельные реплики Корифея, в том числе — анапестическая прокеригма перед выходом Гемона. Напротив, перед обращением Креонта к Исмене в его уста вложены 11 стихов о тягости царской власти, отсутствующие в оригинале и представляющие собой достаточно вольный пересказ рассуждений того же персонажа в «Царе Эдипе». В остальном перевод А. Мерзлякова несомненно соответствовал тогдашним представлениям об этом виде искусства и отличался к тому же достаточным уровнем поэтического мастерства.

Следующее обращение к Софоклу в России происходит 20 лет спустя после Мерзлякова. В «Библиотеке для чтения» за 1846 г. (т. 77, № 8) в отделе «Русская словесность» (1) появляется перевод «Антигоны», выполненный 23-летним Ап. Григорьевым, который, по его словам, старался строго, почти буквально держаться подлинника. В этом, надо сказать, он вполне преуспел — однако с большим ущербом для стихотворного размера и русского языка вообще. Что касается размера, то здесь без всякой последовательности пятистопные ямбы были перемешаны с шестистопными, а то и с семистопными. Как, например, можно было втиснуть в трагическую речь такой стих:

И это, говорят, объявит благородный Креон...

Или считать написанными по-русски такие обороты:

«...пусть она / Умрет или живет закладена / В пещере этой...?»

Хоры Григорьев перевел свободным стихом с весьма отдаленным соответствием парных строф, притом что буквализм в переводе делал и эти части трагедии трудно читаемыми. Остается только гадать, каким образом безмянный рецензент, откликнувшийся в том же году на перевод Григорьева, сумел найти в нем «отчасти довольно удачный опыт», «несмотря на нестройность, шероховатость и часто совершенное отсутствие стихов»¹⁴.

Интерес к фиванским трагедиям Софокла снова пробуждается в самом начале 50-х годов. «Царя Эдипа» и «Антигону» переводит С. Шестаков¹⁵, «Антигону» и «Эдипа

разом: А если видишь ты в моем поступке глупость, / Прости,— но этим ты свою являешь тупость. См.: Циркуляр по Виленскому учебному округу. 1894. № 1. С. 28—30.

¹⁴ ЖМНП. 1846. Дек. Отд. VI. С. 241. Обстановку, в которой возник перевод Ап. Григорьева, рисует В. Н. Княжнин, К истории одного перевода «Антигоны» // Sertum bibliologicum в честь ... А. И. Маленна. СПб., 1922. С. 285—295. Напрасно, однако, он пытался реабилитировать самый перевод.

¹⁵ «Эдип» — сначала в «Прописях». 1852. Т. 2; затем в серии «Европейские классики». СПб., 1876. Вып. 7; «Антигона» — в «Отечественных записках». 1854. Т. 95.

в Колоне» — В. Водовозов¹⁶. Значение этих работ и для непосредственного восприятия Софокла русским читателем и для дальнейшей судьбы русских переводов Софокла совершенно несоизмеримо.

Переводы С. Шестакова надо признать достаточно беспомощными. Читая их, то и дело наталкиваешься на корявые обороты, смысл которых становится понятным только при обращении к оригиналу¹⁷. В переводе «Царя Эдипа» нет никакого членения трагедии; в «Антигоне» введены термины пролог, парод, эпизоды, стасимы, но строфические соответствия в хорах никак не выдержаны; следующие за хором анапестические прокеригмы, хотя и переведены (как раз сравнительно удачно) размером оригинала, но от партий хора никак не отделены. Принципиальное значение имело употребление для передачи речевых партий белого стиха — пятистопного ямба с чередующимися мужскими и женскими окончаниями.

Реакция современников на первый же перевод Шестакова была достаточно безрадостной. Неизвестный читатель журнала «Москвитянин», признаваясь в своем незнании древнегреческого языка, в то же время выдвинул перед переводом требование, бесспорное с точки зрения русского читателя: «...чтобы он был написан по-русски; ...потом уже требуется изящество и верность... Но перевод г. Шестакова не только не изящен, — продолжал анонимный рецензент, — но даже грешит против самых простых правил русского языка, а местами просто непонятен; это уже из рук вон плохо». Далее следовали многочисленные цитаты из последней части «Царя Эдипа», вполне оправдывавшие приговор рецензента: «Все-таки мне кажется, что перевод г. Шестакова скорее уронит репутацию Софокла между не знающими подлинника, чем восхитит их»¹⁸. Это мнение надо признать верным и, таким образом, констатировать, что первая встреча русского читателя с полным переводом «Царя Эдипа» в сущности не состоялась.

Совсем иначе — и вполне заслуженно — была принята переводческая работа В. Водовозова. Анонимный рецензент писал на следующий год после издания «Антигоны»: «За исключением нескольких отчасти темных оборотов и небольшого числа стихов сухих и не совсем поэтических, вся софокловская «Антигона» переведена достойным образом. Стих везде ровен и прост, язык чужд малейшей напыщенности, метафоры и кудреватые выражения, не подходящие к духу русского языка, везде смягчены со вкусом и знанием дела. Во многих частностях перевода священным огнем блещет истинная и пламенная поэзия..., не нуждающаяся ни в каких комментариях»¹⁹. И сам Водовозов во вступительной заметке отмечал, что он заботился о передаче не каждого слова, а точного смысла, простоты, изящной пластики речи Софокла. Применяя в речевых партиях, как и Шестаков, белый стих (пятистопный ямб), Водовозов пользовался им с несравненно большей свободой и легкостью. Правда, он, как и после него многие переводчики, не считал для себя обязательной эквилинеарность перевода оригиналу. Реплика одного персонажа могла у него оканчиваться посредине стиха, где ее подхватывал другой персонаж. Однако одностроичную стихомифию Водовозов старался соблюдать. Что

¹⁶ «Антигона» — в *ЖМНП*. 1856. № 9; «Эдип в Колоне» — *ЖМНП*. 1859. № 1. «Антигона» переиздавалась затем отдельно в 1873, 1884, 1895 гг. См. также прим. 20.

¹⁷ Например: «... что бог прикажет, / Я был бы злой, когда не все исполнил»; «Хитрый ловец, несет он в дом, / Чтобы вперед хватали там, где можно, / Легкомысленных птиц стада...»

¹⁸ *Москвитянин*. 1852. Т. III. № 9. Отд. V. С. 6.

¹⁹ См.: Библиотека для чтения. 1857. Т. 141. № 1. Литерат. летопись. С. 65.

касается хоровых партий, то большую часть их он перевел вольными ямбами, прекрасно отдавая себе отчет в неадекватности такого перевода размеру оригинала. Считая, что точное подражание греческому размеру в хорах читается тяжело, Водовозов, по его собственному признанию, не решался создавать новый размер. Впрочем, воспроизвести один из таких ритмов он попытался в переводе парода, комбинируя хорен и дактили с анапестами.

Этими же принципам Водовозов руководствовался и при переводе «Эдипа в Колоне», опубликованном три года спустя. Здесь он, однако, гораздо смелее, чем в «Антигоне», стремился передать размер подлинника в коммосах и более внимательно следил за симметрией между строфами и антистрофами. Сохранил он и тетраметры в маленьком монологе Фесея в «Эдипе в Колоне» (887—890), в то время как в «Антигоне» уже упоминавшиеся анапестические прокеригмы он передал четырехстопными усеченными дактилями.

Добавим, что Водовозов был очень внимателен к художественному замыслу Софокла в переводимых им трагедиях. Он правильно уловил сознательную неопределенность высказываний хора в 1-м стасиме «Антигоны»: хоть еще и далеко до развязки, вчитель «не может не видеть со стороны Антигоны одну чистую, бескорыстную любовь к брату, а со стороны Креонта одну бессмысленную ярость»²⁰. В «Эдипе в Колоне» Водовозов справедливо увидел «оправдание и возвышение человека, на котором лежит бремя наследственной кары», благодаря чему в трагедии «совершенно уничтожается сила рока»²¹. Полезны были и его примечания. Так, уже упоминавшийся ст. 569 из отповеди Креонта Исмене Водовозов перевел: «Найдет он и других себе невест», но в примечании указал буквальный перевод: «Найдутся и другие поля для посева».

Можно только пожалеть, что работа Водовозова над Софоклом прекратилась после перевода двух трагедий. Если бы он продолжал ее дальше, русский читатель, может быть, оказался бы избавленным от совершенно дилетантских переводов Софокла, появившихся в 1870-е — 1890-е годы.

К их числу относятся «Электра», «Антигона», «Эдип в Колоне» в переводе Котелова²², «Филоклет» в переводе В. Краузе (1893)²³ и неизвестного, укрывшегося под инициалами Е. М. (1894), а также отрывки из «Аякса» в переводе В. Алексева и двух учеников 1-й санктпетербургской гимназии²⁴, — выше ученического уровня эти сцены и не поднялись. Добавим к этому скорбному списку перевод «Электры» К. Герцога (1897), где длина стихов колебалась от 4 до 6 ямбов, а в хоровых партиях использовались довольно беспомощные рифмы. Если мы сейчас называем эти переводы, то только потому,

²⁰ Переводы в стихах и оригинальные стихотворения В. И. Водовозова. СПб., 1888 (перепечатаны «Эдип в Колоне». С. 53—148, и «Антигона». С. 149—206). С. 176. Напомним также, что Водовозову принадлежала обстоятельнейшая статья об «Антигоне». См.: Библиотека для чтения. 1857. Тт. 142 и 145. (С. 35—78 и 1—38).

²¹ Там же. С. 57.

²² Соответственно в 1874 г. (*ЖМНП*. № IX—X), 1884 и 1894 г. Перевод «Эдипа в Колоне» получил крайне отрицательную оценку в рецензии Вл. Апфельрота (*ФО*. 1895. Т. IX. Кн. 2. Критика и библиография. С. 105—115).

²³ См. рец. Ф. Аристархова (*ФО*. 1894. Т. VI. Кн. 2. Критика и библиография. С. 187—195). «При отсутствии чутья к стихотворной форме лучше остаться при прозе, чем издавать пародии на стихи» (С. 188).

²⁴ *Алексеев В. А.* Древнегреческие поэты в биографиях и образцах. СПб., 1895. С. 470—485.

что в них при всем их несовершенстве все-таки можно проследить определенные тенденции в переводческой практике. По этой же причине в дальнейшем будут упомянуты некоторые из прозаических переводов Софокла — большей частью любительских и предполагавших своей целью помощь учащимся в чтении античного автора.

К счастью, среди переводчиков Софокла в последние десятилетия XIX в. были не одни бесталанные версификаторы. Заслуживает упоминания перевод «Эдипа в Колоне» В. Зубкова²⁵ — не слишком поэтический, но достаточно грамотный, с соблюдением симметрии строф и антистроф и с передачей так называемых *ἀντιλαβαί*, когда один стих делится между двумя действующими лицами. Добросовестной работой был и перевод «Электры» П. Занкова²⁶, выполненный в пятистопных ямбах, с рифмованными строфами в хорах и комбинацией различных размеров в коммозах.

Наибольшей удачей этих лет был перевод «Царя Эдипа» О. Вейсс (1893). На сей раз избранный для речевых партий шестистопный ямб благодаря цеуре и чередованию мужских и женских окончаний читался легко и свободно; в соответствии с оригиналом хорейским тетраметром были переведены заключительные стихи трагедии. Хоровые партии Вейсс перевела, следуя традиции, почти везде рифмованными строфами, строго сохраняя симметрию в каждой паре. Из размеров она чаще всего употребляла четырехстопные дактили и анапесты (чередую полные стопы с усеченными), но не отказывалась и от хореев и ямбов. Достаточно разнообразен был и набор рифм: парные, перекрестные, обнимающие. Работа О. Вейсс была оценена вполне положительно. Столь строгий рецензент, как В. Апфельрот, в свое время заслуженно разгромивший в пух и прах один из переводов Н. Котелова, на этот раз отмечал, что «поэтический колорит подлинника передан повсюду с истинно поэтическим воодушевлением», а «музыкальные рифмы украшают почти все хоры. Русский язык перевода может быть назван безукоризненным, верность подлиннику вполне достаточная». Были, конечно, и кое-какие претензии к переводчице в деталях, но в целом Апфельрот видел в работе Вейсс тот случай, когда *interpres poetae poeta est*²⁷.

К 90-м годам прошлого века относятся и три перевода Софокла, сделанные Д. С. Мережковским. Начиная с 1892 г., с интервалом в два года, одна за другой появились «Антигона», «Царь Эдип» и «Эдип в Колоне»²⁸. Филологи-классики относились к Мережковскому без особого уважения. Вышедший в 1891 г., за год до «Антигоны», перевод эсхилосовского «Прикованного Прометея» был очень сурово оценен неизвестным рецензентом²⁹, а опубликованный в том же году еврипидовский «Ипполит» подвергся уничтожающей критике со стороны Инв. Анненского, упрекавшего переводчика во множестве вольностей и неточностей, но вместе с тем отметившего и его необыкновенные версификаторские способности³⁰.

Тщательное сличение сделанных Мережковским переводов трагедий Софокла с оригиналом тоже позволит выявить достаточное количество отступлений от него — иногда

²⁵ ЖМНП. 1883. № 10.

²⁶ ЖМНП. 1890. № 8. № 9.

²⁷ ФО. 1893. Т. V. Кн. 1. С. 34—36.

²⁸ Первые публикации соответственно — Вестник Европы. 1892. № 4; Вестник иностранной литературы. 1894. № 2; Вестник Европы. 1896. № 7.

²⁹ См.: Книжки «Недели». 1891. № 2. С. 175—182: перевод едва удобочитаемый, вялый и бледный, очень неточный, сделанный, быть может, вовсе не с греческого.

³⁰ ФО. 1893. Т. IV. Ч. 2. Критика и библиогр. С. 183—192.

безобидных, иногда — более опасных³¹. Так, завершение знаменитого 1-го стасима «Антигоны» отличается у Софокла сознательной двусмысленностью: слушая рассуждения хора о том, кто соблюдает божественные законы, а кто их преступает, зрители могли с одинаковым основанием отнести их и к Антигоне, и к Креонту. Мережковский устраняет эту трагическую неопределенность, переводя: «Но и царь непобедимый, / Если нет в нем правды вечной, / На гибель обречен». Аналогичные промахи нетрудно обнаружить и в других трагедиях, и нельзя отрицать, что такого рода вольности мешали адекватному восприятию хода мысли оригинала. Мало заботился Мережковский и об изолированности перевода. Анапестические прокеригмы он передавал то дактилями, то хорейми. Но нельзя отрицать и того, что Мережковский прекрасно владел избранным им белым стихом, который читался легко и свободно³²; в хоровых партиях он почти всюду соблюдал ритмическую симметрию и, пользуясь традиционной для русской поэзии метрикой, совершенно обошелся без рифм. Читателю переводы Мережковского пришлось, как видно, по вкусу, — все они, будучи первоначально опубликованы в журналах, затем многократно переиздавались на протяжении одного лишь первого десятилетия нашего века³³. И Зелинский, выпуская «фиванский» том своего Софокла последним, мотивировал это тем, что фиванские трагедии уже имелись в хороших переводах — О. Вейсс и Д. Мережковского.

Еще два перевода, хронологически предшествующие изданию Софокла Зелинского, так же точно нельзя принимать всерьез, как и упоминавшиеся выше переводы С. Шестакова, Н. Котелова, В. Краузе, К. Герцога. Это был «Аякс», переведенный дважды: в 1904 г. П. Красновым³⁴ и в 1910 г. — Д. Шестаковым³⁵. Оба они перевели белым стихом, достаточно любительским с точки зрения русского языка; в хорах Краснов пользовался нерегулярно рифмованными стихами, причем в богатстве рифм его упрекать не приходится. С точки зрения переводческой установки важно было, что Д. Шестаков точно воспроизвел античную стихомифию, не разбивая стиха между персонажами, как это достаточно часто позволял себе Краснов.

Перевод Д. Шестакова, впервые изданный в 1910 г., вышел затем в следующем году в «Варшавских университетских известиях»; в это же время (1911—1912 г.) появились в журналах и первые переводы Зелинского, которые два года спустя войдут в сабашниковское издание. Мы подошли к рубежу, на котором следует остановиться и оглянуться назад: что же было сделано в русской переводной литературе из Софокла за сто с лишним лет до Зелинского?

³¹ Укажем в качестве примера первый же стих «Антигоны», где метонимическое обращение к Исмене («О родная голова моей сестры») Мережковский понял буквально и перевел: «О дай твою обнять, Исмена, голову!».

³² Эти достоинства признавали за ним и специалисты: «Легкий стих, отличный литературный язык, местами чувствительность и искреннее одушевление — все эти качества переводов Мережковского давно оценены. Но чего ему безусловно недостает — это изучения подлинников», — писали Инн. Анненский и И. Холодняк в 1908 г., отмечая, что лучше других удались переводчику трагедии Софокла, особенно «Эдип в Колоне». См.: *ЖМНП*. 1908. № 12. Отзывы о книгах. С. 236.

³³ Все три — отдельным томом (вместе с переводами Эсхила и Еврипида) в 1902 г.; затем «Царь Эдип» и «Антигона» вместе с «Прометеем» в 1904 г.; отдельно «Антигона» (1906), «Царь Эдип» (1901, 1907), «Эдип в Колоне» (1904, 1910).

³⁴ *ЖМНП*. 1904. № 4—5.

³⁵ Варшава, 1910.

2

Если подходить к итогам с количественной стороны, имея в виду только стихотворные переводы (но включая также и крупные отрывки), то картина предстанет более или менее благоприятной. «Антигону» переводили 6 раз, «Эдипа в Колоне» — 4, «Царя Эдипа», «Аякса» и «Электру» — по 3. Меньше всего повезло «Филоклету», переведенному всего два раза, да и то с французского, и «Трахинянкам», до Зелинского в стихах вообще не переводившимся. Однако претендовать на внимание читающей публики могло значительно меньшее число переводов. Это были «Антигона» и «Эдип в Колоне» В. Водовозова, «Царь Эдип» О. Вейсс, все три — Д. Мережковского, к которым следует присоединить и «Электру» П. Занкова. Остальных трех трагедий просто не было в хороших переводах, так что вполне насыщенной оставалась потребность в полном русском Софокле. Для его подготовки требовалось установить исходные переводческие принципы, в которых на протяжении XIX в. не было заметного единства.

Как известно, размером речевых партий в греческой трагедии был ямбический триметр, которому в русской метрике соответствует шестистопный ямб. Им — с некоторыми отступлениями — пользовались при переводе Софокла Ап. Григорьев, Котелов (в «Антигоне»), Краузе, анонимный Е. М. и Вейсс. Удача сопутствовала одной Вейсс, и, забегая несколько вперед, можно напомнить, что изданный в 1936 г. и выполненный шестистопным ямбом совместный перевод фиванской «трилогии» В. Нилендера и С. Шервинского не стал их победой. Обратившийся впоследствии к Софоклу один С. Шервинский предпочел шестистопнику пятистопный белый стих.

В самом деле, с нерифмованным пятистопным ямбом в XIX в. традиционно было связано представление о трагедии: им написан «Борис Годунов» Пушкина, драматическая трилогия А. К. Толстого. К нему закономерно обратились, переводя Софокла, С. Шестаков и Водовозов, за которыми последовали Занков, Котелов (в «Эдипе в Колоне»), Мережковский, Д. Шестаков. Принял эту традицию и Зелинский, сумевший достаточно выгодно использовать преимущества белого стиха и создав перевод, звучащий легко и свободно.

Между тем употребление белого стиха взамен шестистопника в оригинале таит в себе и определенную опасность. Поскольку на каждом стихе перевода теряется один — два слога, то на трагедию в полторы тысячи стихов набегают свыше 180 стихов, на которые примерно и приходится переводчику увеличить объем трагедии по-русски. Так получилось, в частности, у Мережковского, чья «Антигона» насчитывает 1564 стиха при 1350 в оригинале (увеличение на 214 стихов, т. е. более чем на 16%). Но коль скоро принцип эквивалентности при таком подходе заведомо не учитывается, можно позволить себе и некоторые другие вольности, которые в противном случае просто не уместились бы в пределах одного стиха. В частности, возникает соблазн нарушить стройность такого традиционного приема греческой трагедии, как стихомифия — обмен персонажей однострочными репликами. Зелинский не избежал этих соблазнов. В целом объем каждой

трагедии увеличился у него на 10—11%, при том что некоторые монологи выросли чуть ли не в полтора раза. Достаточно часто нарушал Зелинский и принцип однострочной стихомифии, переводя один стих двумя. Наконец, еще одним приемом организации диалога в древнегреческой трагедии были уже упоминавшиеся *ἀντιλαβᾶι* («подхваты») — в особенно важных местах стих делился пополам между двумя персонажами (см., например, «Царь Эдип», 626—629, 1173—1176). Из предшественников Зелинского этой стороне уделяли внимание только немногие и не всегда последовательно: Зубков, Вейсс, Е. М., Д. Шестаков. Здесь Зелинский, за редкими исключениями, сохранил верность оригиналу, не позволяя себе деление стиха между двумя говорящими, кроме тех случаев, когда оно воспроизводит структуру оригинала.

Особую трудность для переводчика греческой трагедии составляют хоры и коммосы, т. е. совместные вокально-речитативные партии актера с хором. В оригинале в них обычно употребляются так называемые лирические размеры, сочетание которых звучало как музыкальная фраза, состоящая из различных комбинаций целых, половинных и четвертных нот. Передать эти сочетания на русский язык в ряде случаев просто невозможно: если в оригинале следуют один за другим два — три, а то и четыре — пять долгих слогов, то перевод их таким же количеством ударных подряд можно осуществить только в порядке очень смелого и едва ли нужного эксперимента. Поэтому есть два пути для передачи по-русски ритмики хоров: либо использовать привычные для нашего уха сочетания дактилей, анапестов, хореев и т. д., либо пытаться приблизить звучание хора в переводе к ритмической структуре оригинала. Подавляющее большинство предшественников Зелинского шло по первому пути, нередко снабжая перевод рифмами. В зависимости от способностей переводчика получались более или менее сносные, иногда даже и совсем хорошие стихи, легко читаемые и легко воспринимаемые нашим слухом. Но здесь возникала другая опасность: привычные размеры стирали грань между временем, и переведенные таким образом хоры из Софокла неизбежно вызвали ассоциации с отечественной поэзией. Так, в переводе соло Антигоны у Котелова читаем:

Горе мне! Надо мною смеются!
 О зачем оскорбляют меня?
 Еще боги родные пекутся
 Обо мне, и не мертвая я...

В том же коммосе в партии хора у Мережковского:

Велик закон божественный,
 Но людям надо слушаться
 И власти человеческой:
 В себя ты слишком верила
 Душой непобедимую —
 И вот за то умрешь!

В хоре из «Царя Эдипа» у Вейсс:

Вот множество жен и седых матерей
 Стекаются с громким рыданьем
 И молят, припав к ступеням алтарей,
 Конца нестерпимым страданьям.

Не надо быть чересчур начитанным в отечественной поэзии, чтобы первая цитата вызвала в памяти некрасовское: «Вьдь на Волгу! Чей стон раздается...», вторая — его же: «В каком году рассчитывай/, В какой земле угадывай», а третья — пушкинское: «Скажи мне, кудесник, любимец богов...». Конечно, святая цель всякого перевода — сделать переводимого автора близким современному читателю. Но если герои Софокла начинают говорить ритмами Пушкина и Некрасова, это явно стирает дистанцию во времени в две с половиной тысячи лет, пролегшую между нами и древними греками.

Иначе, т. е. свободным стихом, переводили хоры Ап. Григорьев, С. Шестаков и изредка В. Водовозов, которому эта попытка удалась, пожалуй, лучше, чем другим. Вот один из примеров — строфа коммоса «Эдипа в Колоне» в переводе Водовозова (ст. 534—541):

— Они от тебя родились? —
 — Они же и сестры отцу.
 — Увы! — О сплетенье бесчисленных бедствий!
 — Ты стерпел? — Я стерпел неисходное горе.
 — И сделал... — Не сделал... — То как же?... — Я принял
 Дар, какого не думал, несчастный,
 Никогда заслужить от граждан.

Зелинский, спустя более чем полвека, пошел по этому же пути и перевел хоры размерами, максимально приближенными к подлиннику, не теряя при этом его выразительности. Наиболее удачные примеры этому — парод из «Царя Эдипа», все три стасима из «Эдипа в Колоне», парод и 4-й стасим из «Антигоны», парод и 1-й стасим «Трахинянок», 1-й и 3-й стасимы «Аякса», 1-й стасим и коммос (1081—1168) из «Филоклетета», все три стасима в «Электре».

Последний вопрос, связанный с хорами, — передача симметрии в парах строф. Неудивительно, что в начале прошлого века, когда специфике в строении греческой трагедии не придавалось серьезного значения, Мерзляков перевел восемь одинаковыми куплетами 2-й стасим «Антигоны», состоящий в оригинале из двух различных по ритму пар строф. Но и четверть века спустя С. Шестаков, филолог-классик, переводя «Царя Эдипа» и «Антигону», отнюдь не стремился передать симметрию между строфой и антистрофой. Не было никакого деления на строфы и в переводах Котелова. Постепенно, однако, убеждение в необходимости выделять в хоровых партиях составляющие их элементы и следить за их симметрией стало проникать и в издания переводов. Первым, кто провел эту мысль в жизнь, был В. Зубков в переводе «Эдипа в Колоне» (1883). Сохраняли симметрию внутри одной пары строф Вейсс, Мережковский, Краснов. Само

собой разумеется, что Зелинский, будучи крупным специалистом по античной драме, тщательно следил за ритмической симметрией строф и провел ее везде последовательно.

К вопросу о членении хоров близко примыкает вопрос о членении в переводах трагедии в целом. Согласно Аристотелю, греческая трагедия состояла из пролога, выхода хора (парода) и его последующих песен (стасимов); заключенные между стасимами речевые сцены Аристотель называл эпизодами, заключительную часть трагедии, после которой не бывает песен хора, — эксодом. В этом отношении в русских изданиях переводов Софокла на протяжении всего XIX и начала XX в. было мало порядка. Никаких пометок не было у А. Григорьева, С. Шестакова (в «Царе Эдипе»), Котелова, Мережковского, Д. Шестакова. Античные термины были введены (недостаточно последовательно) Водовозовым, употреблялись С. Шестаковым (в «Антигоне»), Занковым и в прозаических переводах трех драм, выпущенных А. Я. Либерманом (1892). Переводы сами по себе были почти дословными и неудобочитаемыми, но каждая часть трагедии получила свое название в соответствии с античной традицией. В противоположность этому в известной хрестоматии, составленной В. Алексеевым (см. прим. 24), в отрывках из трагедий были использованы современные понятия: действия, явления. Тот же самый принцип сохранил Алексеев и в собственных прозаических переводах фиванских трагедий³⁶. Возможно, впрочем, что это членение обязано своим появлением уже выходу в свет в 1892 г. комментированного издания «Царя Эдипа» Зелинского, который пошел по среднему пути: он оставил такие названия, как пролог, парод, стасимы, эксод, но наряду с ними ввел и действия, разделенные на сцены. Этот принцип Зелинский сохранил и в сабашниковском издании. Между тем, в афинской драме V в. до н. э. никаких «действий» и «сцен» не было; деление на пять «частей», соответствующих пяти действиям новой европейской драмы, появилось впервые только в новой аттической комедии на рубеже IV—III вв. и перешло оттуда в римскую комедию и трагедию. Поэтому членение текста трагедий, принятое Зелинским, надо признать эклектическим, т. е. не соответствующим ни античной, ни современной практике.

Наконец, в свое издание Зелинский ввел многочисленные и довольно обширные ремарки, целесообразность которых сомнительна по трем соображениям. Во-первых, в античных изданиях никаких ремарок не было, и в современной издательской практике принято снабжать перевод только самыми необходимыми для читателя указаниями. Во-вторых, ремарки, характеризующие состояние действующих лиц («улыбаясь», «вспыхнув», «брезгливо» и т. п.), неизбежно носят субъективный характер, навязывая читателю то восприятие текста, которое хочет найти в нем переводчик; мы увидим в дальнейшем, что далеко не все они получают подтверждение в ходе и в характерах трагедии. Следует помнить и о том, что античные актеры играли в масках и поэтому не могли ни «улыбаться», ни «краснеть». Зелинский, правда, оговаривал эти ремарки тем, что он представлял

³⁶ «Царь Эдип» (1895), «Эдип в Колоне» (1896).

себе сцену не такой, какой она была в древние времена, а «витавшую перед глазами поэта». Трудно, однако, сказать, в какой степени перед драматургом, писавшим для актеров в масках, могла витать в мыслях мимика его персонажей. Наконец, в целом ряде случаев ремарки Зелинского носят характер указаний для режиссера и художника, которые к тексту Софокла опять же никакого отношения не имеют. Никто из переводчиков Софокла до Зелинского так необоснованно широко ремарками не пользовался, и только Вейсс ввела их в свой перевод «Царя Эдипа», вышедший в свет после появления комментированного издания той же трагедии Зелинского. Последовал за ним в прозаических переводах и В. Алексеев³⁷.

3

При всем значении, которое имеют для современного издания Софокла членение и оформление перевода, все же не эти вопросы определяют оценку труда, взятого на себя Зелинским. Гораздо важнее выяснить, какое воздействие оказало его собственное восприятие трагедий Софокла на перевод, который всегда является отражением мировоззрения и эстетической концепции переводчика. Это тем более верно, когда речь идет не о каком-нибудь одном стихотворении или даже целой трагедии, а обо всем дошедшем до нас творчестве античного драматурга, и когда к тому же перевод сделан видным филологом-античником. Подходя с этой точки зрения к переводу Зелинского, следует отметить в нем — при всех его высоких достоинствах — целый ряд погрешностей в передаче как мысли оригинала, так и ее художественного выражения.

Вообще говоря, далеко не всегда легко определить, где начинаются отступления переводчика от содержания оригинала и где — неадекватность в передаче его словесного оформления. Как правило, эти две стороны перевода очень тесно связаны между собой. Тем не менее мы попытаемся здесь выделить направления, по которым сличение перевода Зелинского с оригиналом дает основание констатировать ряд существенных расхождений между ними. Эти расхождения можно классифицировать по следующим рубрикам.

1. Внесение в перевод современных представлений о древнегреческом мировоззрении, не находящих себе места в тексте Софокла или не играющих в нем той роли, которую склонны им приписывать в новое время.

2. Наделение персонажей Софокла психологическими характеристиками, импонирующими человеку нового времени, но чуждыми представлениям древних греков о своих легендарных героях далекого прошлого.

3. Усиление или распространение словесных образов оригинала, вносящее в перевод краски и оттенки, чуждые тексту Софокла.

4. Ослабление или опущение словесных образов оригинала, приводящее к потере существенных оттенков мысли, содержащейся в тексте Софокла.

5. Прямые недосмотры, ошибки и стилистические небрежности.

³⁷ В «Антигоне» (1896, затем 1905, 1914) и особенно в «Царе Эдипе» (1895).

4

Начнем с внесения в перевод тех представлений, которые принято считать непрременной принадлежностью древнегреческого взгляда на мир, но для которых текст Софокла в целом ряде случаев не дает никаких оснований. Первым среди этих представлений будет пресловутый рок.

Смешно было бы отрицать, что герои Софокла нередко видят в своих бедствиях проявление некоей непостижимой силы, отождествляемой с волей богов или судьбой. Но из этого отнюдь не следует, что словом «рок» позволительно переводить целый ряд совсем других понятий.

«Кто в превратностях жизни стал спутником свирепых бед и страданий?» — восклицает хор в «Царе Эдипе» (1205 сл.) после саморазоблачения героя. «Насмешка *рока* где полней?» — у Зелинского. «От деяния обоих (т. е. Эдипа и Иокасты, вступивших по неведению в брак) прорвались эти беды — не только для него одного, но смешавшиеся для мужа и для жены», — несколько ниже заключает домочадец (1280 сл.) сообщение о самоубийстве Иокасты. «Так грянул *рок* из тучи двуобразной...» — у Зелинского.

В «Аяксе» Тевкр, узнав о самоубийстве героя, восклицает: «О несчастный я, несчастный!» (981). В переводе: «О *рок* мой злополучный!».

На уговоры хора Электра в одноименной трагедии отвечает: «Мои беды — из числа тех, которые всегда будут называть неизлечимыми» (230). В переводе: «Крепко стянут *рока* узел». В этой же трагедии хор, слыша предсмертные крики Клитеместры, констатирует: «Свершаются проклятья» (1419) — речь идет о родовом проклятье, тяготеющем над потомками Пелопа. В переводе: «Свершился *рок*».

В «Трахинянках» Деянира объясняет сыну, что относительно последнего похода Геракла есть пророчество: либо он встретит в нем смерть, либо, добыв победу, проведет в покое остальную часть жизни. «Когда весы находятся в таком положении, неужели ты не поможешь ему, сын? ...» (83 сл.). В переводе: «Перед ударом *роковым* / Ты не пойдешь отцу на помощь?». В этой же трагедии Деянира несколько ниже противопоставляет беспечной девичьей юности долю законной супруги, «с тех пор, как вместо девушки ее назовут женщиной» (148 сл.). В переводе: «...когда / Ночь *роковая* женщиною деву / Вдруг наречет...». Оставляя в стороне неточность перевода (о чем см. ниже), зададимся вопросом, почему брачную ночь надо считать роковой?

Антигона в своем прощальном монологе горюет, что ей предстоит умереть «прежде, чем удастся до конца отведать своей доли в жизни» (896). В переводе: «Казалось, лет не мало / Мне *рок* судил».

В «Филоктете» Неоптолем рассказывает, как явившиеся к нему после смерти Ахилла послы убеждали его плыть под Трою: «Не положено-де никому другому, кроме меня взять (троянскую) твердыню» (346 сл.). В переводе: «То я один, по властной воле *рока*...». Несколько раньше: «Когда выпала Ахиллу доля умереть...» (331). В переводе: «Когда Ахилл по воле *рока* умер». Хор, сочувствующий Филоктету, удивляется свалившейся на него напасти. Ведь он не совершил никакого преступления ни против богов, ни против людей, а между тем «погубил так недостойно» (685). В переводе: «Ах, и казнь такой *рок* ему мстит!» В конце трагедии Неоптолем убеждает Филоктета плыть с ним под Трою: там он исцелится от своей язвы. «А как я узнал, что дело обстоит таким образом, я тебе скажу» (1336). В переводе: «А как мне ведом *рока* путь, скажу». Уговоры

напрасны. «Дай мне выстрадать то, что мне должно выстрадать» (1397), — возражает Филоклет. В переводе: «Не бойся. Все, что рок велит, стерплю».

Итак, человек жалуется, что он несчастен, — Зелинский отождествляет это с роком. Неисцелимые беды — рок; проклятья — рок; неопределенное будущее Геракла — рок; брачная ночь — рок. Что выпало человеку на долю — рок; что ему предстоит — тоже рок. Страдания, недостойные добродетельного человека, — рок; предсказание прорицателя — снова рок.

Чтобы объяснить преувеличенную роль рока в переводах Зелинского, достаточно обратиться к его вступительным статьям к каждой трагедии в сабашниковском издании. С одной стороны, он сам опровергает «р страненный предрассудок», будто «античный мир преклонялся перед роком»³⁸; сам признает, что «воплощенное в Эдипе человечество облагорожено и возвышено красотой его жизни и красотой его гибели» (II, 69), но при том считает «Царя Эдипа» «трагедией рока» (см. II, 14, 27, 32, 56 и само название статьи). Действие рока видит Зелинский и в «Электре» (I, 313—319), хотя в этой трагедии многое, если не все, в разрешении конфликта зависит от собственной воли и от собственных поступков действующих лиц. «Носителем рока» становится для Зелинского Филоклет (I, 138), вокруг фигуры которого он конструирует целую мифологему, далеко не доказанную для ранней стадии мифа и, во всяком случае, не имеющую никакого отношения к трагедии Софокла. И Деянира, оказывается, приносит себя в жертву «той непонятной, роковой силе, которая руководила и ее судьбой и ее действиями» (III, 47), хотя трудно представить себе что-нибудь по-человечески более понятное, чем желание жены вернуть себе любовь мужа. Если в «Трахинянках» вполне разумные побуждения Деяниры приводят к трагическим последствиям, то причина этого — ограниченность человеческого знания, а отнюдь не «роковая» предопределенность.

Другой категорией, часто вносимой Зелинским в его перевод, является грех. Опять же не станем отрицать, что убийство отца — грех, равно как и сожительство с матерью, даже если оба преступления совершены по неведению. Отправить мужу отравленный плащ — тоже, конечно, грех, даже если женщина по неведению считала смертельный яд безобидным приворотным зельем. Поэтому, хотя понятие о «грехе» принадлежит христианской морали, не будет большим отступлением от смысла трагедий Софокла, если невольные деяния Эдипа и Деяниры мы назовем грехом. Заметим все же, что в древнегреческом языке понятие «греха» отсутствует: невольное преступление называют в нем «ошибкой», «виной» (*ἁμαρτία*)⁶, сознательное преступление, особенно в сфере кровного родства, — «скверной», «осквернением». Тем более непростительно, когда словом «грех» Зелинский пользуется в тех случаях, в которых оригинал содержит совсем иную мысль.

³⁸ Софокл. Драмы. М., 1915. Т. II. С. 60. Далее ссылки в тексте; римской цифрой обозначается том, арабской — страницы.

В «Царе Эдипе» Креонт объясняет, почему вовремя не расследовали обстоятельства убийства Лаия: «Вещавшая загадками Сфинкс вынудила нас оставить неясные события, а заниматься тем, что у нас перед глазами (букв.: смотреть себе под ноги)» (130 сл.). У Зелинского: «Так ближний *грех* тот дальний заслонил». Но почему появление Сфинкс — грех? Для фиванцев оно было бедствием, несчастьем, позором — чем угодно, только не грехом. Да и гибель Лаия («дальний грех») тоже для фиванцев не грех, пока не стало известным, как она произошла.

После раскрытия невольных преступлений Эдипа Креонт велит слугам увести слепа в дом. «Ибо родным больше всего подобает видеть беды, происшедшие с родными, и слышать о них» (1430 сл.). У Зелинского: «Лишь брату брата не опасен *грех*». Конечно, самоослепление Эдипа — результат разоблачения его «грехов», но здесь речь идет вовсе не о них, а формулируется общая мысль: в несчастьях людей должны принимать участие их близкие, и незачем выносить свои беды на всеобщее обозрение.

В «Аяксе» хор, обнаружив тело покончившего с собой героя, восклицает: «О мое горе! Ты пролил свою кровь...» (909). В переводе: «О мой *грех*, мой *грех!*...» Однако никакого греха хор не совершил: сначала он поверил умиротворяющим словам Аякса; затем, узнав о грозящей ему беде, бросился на розыски. В чем вина хора, не говоря уже о грехе? Несколько ниже в своей песни хор с тоской размышляет о том человеке, который первым открыл грекам путь ненавистной брани. «О страдания (*πίνοι*), порождающие страдания! Этот человек погубил людей» (1196—1198). В переводе: «Вот он, *грех*, всем пращур *грехам!* От него мы и ныне гибнем!» У Зелинского получается, во-первых, что всякая война — грех (чего хор не думает) и что, во-вторых, люди гибнут именно от этого греха. В оригинале виной бед назван не грех, а тот человек, который стал причиной всех страданий для дальнейших поколений.

В «Филокете» честный Неоптолем, согласившись было с доводами Одиссея, сумел войти в доверие к Филокету и завладеть его луком, необходимым для захвата Трои. Поскольку, однако, благородная натура юного героя противится совершенному обману, он хочет вернуть Филокету его лук и в диалоге с Одиссеем отстаивает свое право на этот поступок. «Я хочу исправить то, в чем провинился раньше», — говорит он Одиссею. «В чем же твоя вина?... Что за дело ты совершил, не подобающее тебе?» (1224—1227). В оригинале — уже известное нам существительное *ἀμαρτία* — «вина», глагол *ἐξαμαρτάνω* — «ошибаться», «провиниться», а в последней реплике — и вовсе нейтральное слово *ἔργον* — «дело, деяние». Не то у Зелинского: «Хочу свой *грех* недавний искупить!» — «...в чем же видишь *грех* свой? ..Жду имени *греха* твоего». Спустя еще несколько два десятка стихов, Неоптолем резюмирует: «Я попытаюсь искупить вину, в которой я позорно провинился» (1248 сл. — все те же *ἀμαρτία* и *ἀμαρτάνω*). У Зелинского: «...*грех* свой гнусный / Хочу загладить я». Заметим, что на стороне Одиссея есть своя, и не малая логика: если с помощью лука Филокетета можно взять Трою и избавить сотни людей, его соотечественников, от гибели, то надо ли проявлять такую щепетильность в отношении одного упрямца? Во всяком случае, ни один из зрителей Софокла не счел бы поступок Неоптолема не только что преступлением («грехом»), но даже виной. Своим переводом Зелинский модернизирует текст, а следовательно, и всю проблему до неузнаваемости.

В «Электре» хор упрекает героиню в том, что открытой ненавистью к убийцам отца она еще больше увеличивает свою собственную беду. «Разве ты не понимаешь, что из нынешних бед ты позорно вергаешь (себя) в еще большие» (214—216). Перевод: «Знай, мятежной распри вихрь / В вольный *грех* тебя вергает». Но почему чувство ненависти

и жажда мести убийцам Агамемнона — грех? Софокл так не думал, — его «Электра» свидетельствует об этом с полной очевидностью.

С бесчисленным количеством «грехов» мы встретимся в переводе «Эдипа в Колоне», для понимания которого как раз очень важна предпринятая Софоклом в конце его жизни реабилитация невольного преступника. Итак, слепой Эдип оказался в священной роще Евменид, доступ в которую не дозволен. Пришедшие сюда поселяне требуют, чтобы он покинул запретное место: «Ты далеко зашел, далеко» (155), — говорят они, имея в виду совершенно конкретную ситуацию: в глубь рощи нельзя заходить. «*Грешить ты, грешить*», — в переводе Зелинского. «Вынес я страшные беды, вынес, но повелею, да знает это бог!» — объясняет впоследствии Эдип свое прошлое (521 сл.). И еще дальше, в ответе Креонту: «Ты не сможешь найти никакого повода упрекать меня в вине, которой бы я провинился перед собой и перед своими близкими» (966—968). Если еще до рождения Эдипа его отцу была предсказана смерть от руки сына, «справедливо ли в этом упрекать» его, тогда еще даже не зачатого (969—972). Какое основание упрекать его в невольном деянии? (977). Заметим, что во всех приведенных случаях, где речь идет действительно о «смертных грехах», Софокл не употребляет слов, означающих преступление, осквернение и т. п. Везде — такие понятия, как «вина» или «деяние». Что у Зелинского? «*Грех свершил я, друзья... / Грех роковой*» (521 сл.). «Но где ж во мне открыл *греха* ты семья, / Того *греха*, что погубил нас всех?» (966—968). «В каком тогда *грехе* повинен был я?» (971). «И ты в *грехе* меня коришь невольном» (977).

Антигона умоляет Эдипа выслушать Полиника: какой вред от слов? «К тому же, деяния, задуманные во зло, избличаются речью» (1187 сл.). Антигона надеется, что слова отца отвратят Полиника от братоубийственного похода. «Когда в душе туман *греха* клубится», — перевод Зелинского. Пришедший Полиник приносит отцу свое запоздалое раскаяние, называет себя проклятым, негоднейшим и продолжает: «Содеянное мной я осознал не под чужим влиянием» (1266). «Я сам за *грех* казню себя, отец» — в переводе. Наконец, Эдип оставляет Фесею свое завещание — блюсти закон богов «Среди множества городов, если в них и хороший правитель, легко найдется место гордыне» (1535 сл.) — т. е. пренебрежению божественными заповедями. «В несметном сонме городов нетрудно / *Греху* найтись...» — переводит Зелинский.

В «Трахивянках» Деянира, узнав, что введенная к ней в дом пленницей Иола является объектом страсти Геракла, не собирается мстить за это ни ей, ни тем более своему нравственному герою. «Я была бы безумна, если бы вздумала чем-нибудь попрекать своего мужа, охваченного такой болезнью (т. е. любовью), или эту женщину, соучастницу того, в чем (для нее) нет ничего позорного и для меня — никакой беды» (445—448) Разумная женщина — по крайней мере, в изображении Софокла — понимает, что любовное наваждение овладевает мужчиной помимо его воли, и что Геракл, находясь в вечных странствиях, не мог отказывать себе в удовлетворении желаний. Иначе рассуждает на этот счет Деянира у Зелинского: «Мне ль мужа своего корить, что он / Болезни той безропотно отдался? / Иль мстить... вот той, что *согрешила* страстью / Невинной, безобидной для меня...». При сравнении с оригиналом мы видим, что Зелинский наградил «греховной страстью» Иолу, о чем на самом деле нет речи, а говорить о пленнице, взятой героем в наложницы, что она «согрешила», вообще абсурдно³⁹. Затем, если

³⁹ Любопытно отметить, что в прозаическом переводе «Трахивянок» (см. прим. 1) Зелинский целиком верен мысли оригинала. По-видимому, в поэтическом переводе он искал более энергичные выражения — пусть даже вопреки оригиналу. Это

Деянира и понимает, что в увлечениях Геракла нет ничего позорного и особой беды, то едва ли она считала их для себя «безобидными».

Позже, увидев, как под воздействием употребленного зелья сторел клок шерсти и опасаясь того же исхода для Геракла, Деянира отвечает ободряющему ее хору: «В недобрых замыслах нет никакой надежды и не дружит с ними отвага» (725 сл.). В переводе: «Ах, если *грех* на совести лежит, / Не служит и надежда утешеньем». Конечно, невольная вина Деяниры может быть оценена нами как грех, но Софокл пользуется здесь словом *βουλεύματα* («замыслы»).

Подведем итог. Подобно тому, как множество разных греческих понятий Зелинский передает однозначным русским словом «рок», так и к одному-единственному слову «грех» он сводит множество греческих понятий, не находящихся с «грехом» ни в какой связи. «Горе» и «беды» — грех. «Страдание» и «деяние» — грех, не говоря уже о вольной и невольной вине и случайном нахождении в запретном месте.

5

Другой вид отступлений от оригинала, отчетливо прослеживаемый в переводах Зелинского, это — модернизация психического облика персонажей Софокла, может быть уместная при постановке его трагедий на сцене, но едва ли позволительная при переводе текста, адресованном читателю.

Так, в представлении Зелинского, мифические цари и герои отличаются высокой степенью демократизма, который дает им основание неизменно видеть в своих подчиненных «друзей» или «товарищей».

В «Антигоне» после выходной речи Креонта и следующей за тем краткой стихомифии с хором на оркестре появляется страж, в страхе от необходимости сообщить царю мрачную новость. Поэтому он начинает издали, отнимая у царя время разговором, совершенно не относящимся к делу. Креонт реагирует на все это односторонней репликой: «Что же это за дело, которое внушает тебе такую робость?» (237) и, поскольку страж все еще не объясняет цели своего появления, царь достаточно резко напоминает ему о его обязанности: «Так говори, наконец, и, сделав дело, уходи!» (244). Вот как этот отрывок выглядит у Зелинского:

Креонт (с ободряющей улыбкой)

В чем дело, друг? Ты оробел, я вижу! /

Скорее сбудешь — и скорей уйдешь.

Креонт явно представлен добродушным человеком, для которого и последний страж — друг (ср. также в переводе ст. 242: «Не мешкай, друг!»), хотя текст ни малейшего намека на такой демократизм царя не содержит. Напротив. Как мы узнаем впоследствии из слов Гемона, один лишь взгляд царя «страшен простому человеку», не решающемуся перечить его речам (690 сл.).

касается вообще всех приводимых ниже стихов из «Трахинянок», кроме 339 (см. ниже), где Зелинский уже в 1898 г. создал свою «модель» отношений между Деянирой и Гераклом.

Объяснение столь благостному изображению Креонта мы находим во вступительной статье Зелинского к «Антигоне». Здесь выясняется, что Креонт «не тиран, а монарх-демократ» (II, 341), и поскольку его повеление «равносильно государственному закону» (II, 327 — Софокл повторяет это якобы не раз!), то мы должны «освободить созданный им героический образ Креонта от всех изъянов и случайностей, представить его богом со сверкающими доспехами» (II, 351). С таким толкованием — одним из многочисленных толкований «Антигоны» можно спорить; бесспорно только одно: толкование должно исходить из текста, а не быть привнесённым в него переводчиком. Впрочем, обратимся к персонажам не столь демократичным, как Креонт в изображении Зелинского.

Деянира в «Трахинянках», услышав из уст вестника радостное сообщение о возвращении Геракла, спрашивает, от кого он об этом узнал. «Его слуга, глашатай Лих возвещает об этом» (188 сл.), — отвечает вестник. В переводе: «Его ж товарищ все нам рассказал, глашатай Лих...». Сам Лих в конце своего монолога, объясняя присутствие перед дворцом пленниц из Эхалии, говорит Деянире: «Так приказал твой супруг, я же, будучи ему верен, исполняю (приказ)» (285 сл.). В переводе: «...Я ж, верный друг ему, приказ исполнил». Но откуда взял Зелинский, что Лих — «друг» и «товарищ» Геракла? В первом случае в оригинале прямо сказано «слуга», во втором Лих отчитывается в исполнении приказа перед царицей, — поведение, более свойственное посыльному, чем другу Геракла.

В начале «Филоккета» перед зрителем появляются Одиссей и Неоптолем в сопровождении моряка. Осмотрев пещеру отсутствующего Филоккета, Одиссей считает нужным обезопасить себя от неожиданного появления ненавидящего его героя. «Пошли этого человека в дозор, — говорит он Неоптолему, — чтобы тот [Филоккет] неожиданно не натолкнулся на меня» (45 сл.). В переводе: «Итак, товарища на холм пошли...». Однако, моряк — такой же товарищ юному и знатному Неоптолему, как Лих — Гераклу.

В «Царе Эдипе» коринфский вестник не понимает, из-за какой женщины Эдип не решается вернуться в Коринф, куда его зовут на царство. «Из-за Мерыпы, старик, бывшей супруги Полиба», — отвечает Эдип (990). «Меропа, друг, Полибова вдова», — в переводе Зелинского. Но почему пастух из Коринфа друг Эдипу, славному царю Фив? В другой раз в этой же трагедии хор обращается к ослепившему себя Эдипу: «Что за безумие охватило тебя, несчастный?» (1299 сл.). «Что за ярость, о друг, обуяла тебя?» — у Зелинского. Хор в греческой трагедии может достаточно сурово судить царей, но без той тени панибратства, которую приписывает ему в данном случае переводчик. По-видимому, несмотря на усилия Зелинского, нам придется все же расстаться с представлением об излишнем дружелюбии софокловских царей и героев в отношении их слуг.

Значительно ближе к современным представлениям, чем это могло быть изображено Софоклом, передает Зелинский отношения между мужчиной и женщиной.

Начать надо со знаменитых, упоминавшихся ст. 568—572 из «Антигоны». Здесь, как известно, Исмена потрясена решением Креонта казнить Антигону, посватанную за его сына, царевича Гемона. «И ты убьешь невесту своего сына? — Для посева пригодны и другие пашни. — Нет, коль у него с ней все слажено. — Я не терплю дурной жены для сына! — О дорогой Гемон, как бесчестит тебя отец!» — завершает спор Исмена. По крайней мере, так стоит в большинстве рукописей, хотя в Альдине — первом

изданий печатного текста Софокла — этот стих и отдан Антигоне, и вслед за ним так же поступают многие современные издатели.

Как видит читатель из прозаического перевода, в этом диалоге нет ни слова о любовных чувствах молодых людей. Конечно, выражение Исмены «у него с ней все слажено» можно понимать в том смысле, что выросшие вместе в царском дворце Гемон и Антигона с детства питали друг к другу симпатию, которая со временем переросла во взаимное влечение. К такому выводу приведут нас и последующие события, когда мы узнаем, что Гемон проник в склеп к замурованной Антигоне и там покончил с собой, обняв труп невесты. Но и хор в «Антигоне» и афинские зрители Софокла понимали реплику Исмены куда более прозаически. Будущие супруги — царского происхождения и к тому же двоюродные брат и сестра; такие браки очень приветствовались в Афинах, так как позволяли сохранять приданое невесты в пределах одного рода. К тому же в реальной афинской жизни никому не приходило в голову справляться о взаимном согласии молодых: детей сватали родители, и главным критерием при выборе невесты было требование, чтобы она, живя в родительском доме, как можно меньше знала и видела; своего собственного супруга она могла в первый раз встретить только при бракосочетании или незадолго до этого, — какая уж там любовь! Поэтому не чем иным, как откровенной модернизацией, надо считать толкование, приданное этому стиху Зелинским: «А их *любовь* ты ни во что не ставишь?»

Соответственно нет упоминания о любви и в двух других случаях, где она появляется в переводе. При виде подходящего Гемона корифей хора спрашивает: «Идет ли он, горюя о судьбе Антигоны, его невесты, и скорбя об утерянной надежде на брачное ложе?» (627—630). На вопрос же Креонта, не гневается ли на него сын за невесту, Гемон отвечает: «Никакой брак я не поставлю выше твоего мудрого руководства» (637 сл.). Зелинский переводит в первом случае: «Знать не сладко с *любовью* прощаться», в другом: «Нет той *любви*, которую бы сын твой / Твоим благим заветам предпочел». В обоих случаях он считает «любовь» синонимом «брака», — древние греки опять же судили иначе. Вступление в брак они считали гражданской обязанностью, а любовь искали в кругу гетер.

«Любовь» и «ласка» вообще часто возникают в переводах Зелинского вместо отнюдь не тождественных понятий. В «Аяксе» Тевкр удивлен тем, что Одиссей, при жизни Аякса — его злейший враг, взял его после смерти под защиту. «Ты развеял мои страхи», — говорит Тевкр Одиссею (1382). «Мог ли ожидать / Такой *любви* я от тебя?» — звучит в переводе, хотя Одиссей отнюдь не изъясняется в любви ни Тевкру, ни его погибшему брату. «Нет ничего позорного в том, чтобы чтить своих единокровных», — говорит Антигона Креонту (511). «Стыдиться ли мне, что брата я *люблю*?» — в переводе. В «Электре» героиня жалуется: «Я истаиваю без родителей, ни один из близких мне людей не берет меня под защиту» (187 сл.). В переводе: «Сколько уж лет сиротой изнываю я, / *Ласки* не зная супруга любимого...». Но в оригинале речь идет вовсе не о супружеских ласках, а об отсутствии мужчины-родственника, который бы на правах *κρίσιος* отстаивал интересы подопечной женщины.

Не менее показателен для Зелинского и перевод ст. 764 из «Трахинянок». Рассказывая матери, как Геракл совершал жертвоприношение, надев присланный ею смерто

носный плащ, Гилл продолжает: «И сначала он, несчастный, с радостным сердцем возносил мольбу, радуясь торжественному одеянию» (763 сл.). В переводе: «Вначале он с душою просветленной / Мольбы, несчастный, возносил к богам, / Плащу и ласке радуюсь». Может быть, Деянира и хотела, посылая плащ, вложить в него ожидание супружеской ласки, — Геракл, которого существование законной жены никогда не удерживало от увлечений на стороне, едва ли был расположен к подобным нежным чувствам.

Впрочем, Зелинский был на этот счет другого мнения. Анализируя «Трахинянок» во вступительной статье, он непременно хочет сделать Геракла верным мужем, только однажды нарушившим долг супружеской верности. Соответственно Зелинский готов принять за чистую монету саркастические слова Деяниры о Геракле как «верном, любящем супруге», и, наоборот, считает притворными ее слова о том, что она часто терпела его увлечения (III, 38, 53). Однако зрители Софокла достаточно хорошо знали многочисленные мифы, повествовавшие о связях Геракла с Авгой, Омфалой, пятьюдесятью Фестивадами и т. д., чтобы не встать на точку зрения Зелинского, и едва ли, кстати, при тогдашнем отношении к браку видели в этих связях что-нибудь предосудительное. И если Зелинский, исходя из своей мифологии Геракла, делает его (а не только Деяниру) героем «трагедии верности» (III, 34, 49), то это возможно только потому, что весь раздел о взаимоотношениях героя и его супруги в указанной статье построен на психологизирующих и достаточно модернизированных домыслах Зелинского (ср. от начала до конца придуманную психологию Лиха и вестника, которому безо всяких на то оснований приписывается пристрастие и к сплетням, и к стаканчику вина, — III, 39—43).

Можно привести и другие примеры такой психологизации, наложившей свой отпечаток на перевод вопреки недвусмысленному характеру оригинала.

В «Царе Эдипе» главный герой, пытаясь раскрыть тайну убийства Лаия, спрашивает у Креонта, не мог ли совершить это кто-нибудь, подкупленный в Фивах. «Об этом думала» («Такую возможность допускали» 126), — отвечает Креонт в форме безличного предложения. «И я так думал», — переводит Зелинский, чтобы еще больше усилить подозрительность Эдипа по отношению к своему шурину: если и он так думал, но не привял мер для розыска убийцы, стало быть, и у него рыльце в пушку.

Когда был убит Лаий? — спрашивает Эдип в другом месте у Иокасты. «Известие об этом достигло города незадолго до того, как ты принял власть над этой землей» (736 сл.), — отвечает царица и повергает Эдипа в смятение души, ибо он-то помнит, что убил некоего старца на распутии трех дорог по пути в Фивы. «То было... дай припомнить... незадолго...» — переводит Зелинский, вводя (видимо, для оживления диалога) отсутствующее в тексте и лишнее всякого смысла «дай припомнить»: неужели Иокасте время гибели первого мужа не запомнилось достаточно отчетливо на всю жизнь? Та же Иокаста снова становится объектом психологизирующей интерпретации Зелинского еще полтора десятка стихов спустя. Где сейчас находится раб, бывший свидетелем убийства Лаия, — спрашивает Эдип, — в доме? «Нет, — отвечает Иокаста, — после того, как он оттуда вернулся и увидел, что тебе досталась власть погибшего Лаия, он умолил меня, припав к моей руке, послать его в поля и на пастбища, чтобы быть как можно дальше от города. И я его отослала. Этот человек, хоть и раб, был достоин такой и еще большей милости» (758—764). Казалось бы, здесь все ясно: рожденный в царском доме верный раб, заслуживший доверие господ долгой службой, получает удовлетворение вполне законной просьбы — не служить новому, «чужому» царю после смерти «своего», старого. Совсем не то видит здесь Зелинский. Ведь это — тот самый раб, которому чуть не полвека назад было поручено подбросить родившегося у Иокасты

младенца; этого царица ему-де простить не может. Поэтому начало ее краткого монолога предваряется ремаркой «(мрачно)», а конец звучит так: «Не будь рабом он — от меня б награду / И не такую заслужил злодей». Ясно, что «злодей» попал в русский текст исключительно в угоду интерпретации Зелинского и вопреки Софоклу.

Методологический источник модернизирующей психологизации Зелинского очевиден. Это убеждение в том, что во все исторические эпохи люди одинаково любили и страдали, радовались и ненавидели. Между тем, восприятие и оценка этих «одинаковых» эмоций, несомненно, глубоко различны в разные времена, и задача переводчика-исследователя (каким был Зелинский) состоит отнюдь не в том, чтобы эти различия затемнить⁴⁰.

6

Переходя к частому у Зелинского приему усиления или распространения словесного образа оригинала, мы имеем в виду два случая.

Первый — относительно безобидное расширение оригинала, более уместное в комментариях, чем в тексте.

В «Филоктете» моряк, одетый купцом, говорит Неоптолему: «Оказавшись в равном с тобой положении (т. е. причалив к тому же острову), я решил не совершать плаванья молча, прежде чем я не расскажу тебе...» (551 сл.). У Зелинского: «Я так решил: раз общая нас доля / На этот остров дикий занесла — / То, знать, не след мне молча удалиться, / А должен все поведать я тебе».

В «Электре» героиня, оплакивая мнимую смерть Ореста, над которым теперь глумится их же мать, замечает с горькой иронией: «Не довольно ли ему этого?» (790). У Зелинского: «Ужель, о боги / Достоин с нами поступили вы?»

В «Аяксе» хор призывает Пана: «О явись, владыка, ведущий хоры богов, чтобы, придя, начать со мной Нисейские и Кносские хороводы, которые ты изобрел» (697—700). У Зелинского: «Как на Нисе под меду звон / Пляшет Вакха безумный рой, / Или под Кноссом, где юный бог / За себя Ариадну взял / Так и нас научи плясать ты!»

Как видит читатель, «купец» в «Филоктете» не сообщает о том, что он прибыл на дикий остров (зритель и так это знает); Электра в данном случае не призывает богов, и хор в «Аяксе» не растолковывает, какие события происходили на Нисе или под Кноссом, — все это добавлено Зелинским, и с этими добавлениями, в конце концов, можно примириться. Если даже читатель не поймет из этих стихов перевода, как экономно выражал свою мысль Софокл, он все-таки поймет, что хотел сказать автор. Хуже обстоит дело со вторым случаем усиления в переводе словесного образа, когда читатель получает не совсем то или совсем не то, что сказал Софокл. Таких примеров, к сожалению, очень много. Выберем некоторые из них.

⁴⁰ Ср. очень верное замечание историка культуры Возрождения о том, что «некая общность разума между людьми всех времен и регионов» «слишком малосодержательна, не подвержена изменениям, находится вне истории. Поэтому заниматься ею — удел не историков культуры, а скорее биологов, антропологов, формальных логиков или, на худой конец, историософов». См. Баткин Л. М. О некоторых условиях культурологического подхода // Античная культура и современная наука. М., 1985. С. 308.

В «Аяксе» Афина объясняет Одиссею, что герой «ночью, один, коварно поднялся» (47) против ахейских вождей. У Зелинского: «...Пошел он ночью одинокий / С коварным замыслом в душе больной». Однако Аякс отправился мстить обидчикам в полном здравии ума, — желание мести никогда не считалось у греков признаком помрачения разума, и душа Аякса стала «больной» лишь вследствие вмешательства Афины, — характерное для греков убеждение в том, что лишить смертного разума могут только боги.

В «Трахинянках» вестник, первым сообщивший Деянире о возвращении Геракла, задерживает ее после ухода Лиха перед дверью дворца, чтобы открыть глаза на истинное положение вещей. «В чем дело? — спрашивает Деянира. — Чего ради ты заступаешь мне дорогу?» (339). У Зелинского:

Деянира (не останавливаясь, брезгливо):
Ты здесь? Зачем подкрался ты ко мне?

Можно было бы оставить на совести переводчика ремарку, которой у Софокла, естественно, не было и для введения которой трудно найти объяснение: почему Деянира столь брезгливо относиться к человеку, обрадовавшему ее вестью о возвращении долгожданного супруга? Однако ремарка эта тесным образом связана с переводом следующего стиха: «подкрался» — сильный глагол, характеризующий реакцию Деяниры как недоброжелательную, для чего оригинал не дает достаточных оснований. Можно допустить, что Деянира недовольна поведением слуги, позволяющего себе встать на пути царицы, но не больше.

Главный герой «Царя Эдипа», конечно, человек темпераментный, и его диалог с Тиресием служит тому подтверждением; царь проходит путь от просьбы о помощи до негодования на упрямом прорицателя, но при всем том сохраняет достоинство, присущее в трагедии всякому царю. «Неужели ты... никогда не скажешь (правды), а окажешься непреклонным и не дашь ответа?» (334—336), — спрашивает он в один из моментов спора. У Зелинского: «Ужьель... ответ свой / Ты бессердечно, гнусно утаишь?» Однако у Софокла даже очень разгневанный Эдип все же не решается упрекать прорицателя в гнусности. В финале этой же трагедии Эдип, объясняя хору свое решение ослепить себя, перечисляет невольно совершенные деяния, которые «среди людей являются самыми позорными» (1408). — «Наяву свершилось / Что только грезит в страхе человек», — переводит Зелинский, опираясь, вероятно, на слова, сказанные ранее Иокастой. («Многие смертные видят во сне совокупление с матерью», 981 сл.). Но между этими словами и новым монологом Эдипа успевает совершиться его саморазоблачение и самоослепление, и теперь Эдипу уже не до спасительных отсылок к снам, — образ, введенный Зелинским, может быть оправдан психоаналитической теорией сновидений, но не находит опоры в тексте Софокла.

В ряде случаев усиление образа служит Зелинскому для оправдания его собственных общественных взглядов. Мы уже видели, как в его толковании Креонт стал царем-демократом в обращении со стражем. Вот еще пример из того же ряда. В своей тронной речи Креонт отказывает в погребении Полинику, который, «будучи беглецом и вернувшись, захотел сжечь огнем и опустошить дотла отчую землю и родимых богов (т. е. их храмы)»; «захотел насытиться родственной кровью, а других (граждан), поработив, увести в плен» (Ант. 199—202). В переводе Зелинского: «Что, изгнанный народной волей,.. / Вернулся силой,.. / Чтоб кровью граждан месть свою насытить, / Гражданою же в ярмо неволи впрячь». Здесь сразу две неточности. Во-первых, «народная воля» совершенно не при чем: Полиника изгнал незаконно захвативший престол его брат

Этеокл, и Зелинский, вводя в перевод «народную волю», значительно усиливает позицию Креонта, который отнюдь не является у Софокла выразителем «гласа народа». Во-вторых, в оригинале противопоставляются не граждане и гражданки, а две группы граждан — одни будут убиты в бою, другие попадут в плен. Во 2-м стасиме той же трагедии хор задает риторический вопрос: «Какое человеческое нечестие одолеет твою власть, Зевс..?» (604 сл.). Речь идет о ὑπερβασία — собственно, о нечестивом превышении меры человеческих возможностей, в отличие от благочестивого соблюдения подобающей дистанции между богом и человеком. В переводе: «Твою, Зевс, не осилит власть / Жалкий мрак человеческой доли». Но «жалкий мрак» — вовсе не то же самое, что сознательная нечестивость человека.

В «Аяксе» хор рассуждает о том, что зависть скорее избирает своим объектом людей могущественных, «между тем как малые отдельно от великих представляют собой стену, которая плохо защищает» (158 сл.). «О безумная чернь!» — начинает приведенную нами фразу Зелинский. У Софокла — констатация факта зависимости «малых» от «великих» в достаточно спокойном тоне, у Зелинского — эмоциональный взрыв с несомненным выпадом по адресу «черни», у Софокла отсутствующим, но, вероятно, соответствующим собственному взгляду Зелинского на место «малых» и «великих» в обществе ⁴¹.

Конечно, не всегда усиление образа в переводе против оригинала может быть объяснено мировоззренческими установками Зелинского. Достаточно часто причиной надо искать просто в стремлении сделать язык Софокла более выразительным, чем это имеет место в каждом конкретном случае в греческом тексте. Чаще всего, однако, это стремление приводит Зелинского к напыщенности взамен ясности Софокла, причем введенный переводчиком образ далеко не всегда выигрывает в точности.

Прощаясь с Исменой и имея в виду казнь, обещанную послушнику Креонтом, Антигона в одноименной трагедии говорит: «Но дай мне и моему неразумию вынести весь этот ужас. Не настолько (бесславно) погибну, чтобы не умереть прекрасно» (95—97). У Зелинского это звучит так: «Нет, нет, оставь меня с моей мечтой! / Пусть грянет страшная гроза; не так уж / Она сильна, поверь, чтобы клад последний / Разрушить мой — прекрасной смерти клад». Звучит эффектно, но у Софокла этого образа («клад смерти») нет, и, если вдуматься, он достаточно бессодержателен. Как вообще представить себе «клад смерти»? «Клад» — это то, что прячут; Антигона напротив, действует вполне открыто. «Разрушить клад» — значит, по-видимому, проникнуть в тайник, где он спрятан и похитить скрытое сокровище. Какое все это имеет отношение к смерти, ожидающей Антигону? Впрочем, с «кладом» мы встретимся еще раз.

В «Эдипе в Колоне» вестник рассказывает, как герой трагедии в предсмертную минуту просит Фесея дать ему руку в залог того, что дочерям идущего на смерть старца будет обеспечено покровительство афинского царя (1631 сл.). «О друг желанный, — говорит в переводе Зелинского Эдип, — ...старинной чести клад, / Десницу детям протяни моим». Здесь в роли клада уже выступает десница, к которой этот образ подходит не больше, чем к смерти. Образ клада напоминает, естественно, знаменитый ответ Кочубея в пушкинской «Полтаве»: «Так, не ошиблись вы: три клада / В сей жизни был»

⁴¹ Ср. его высказывание по адресу «взбунтовавшегося крестьянина», поднимающего топор «над головой благодетеля — помещика» (II, XLIX).

мне отрада». Но здесь речь идет именно о том, что глубоко запрятано в душе человека (его честь, честь его дочери; святая месть изменнику), и самый образ клада возникает как метафора, противопоставляемая реальному, разыскиваемому кладу.

В «Электре» Хрисофемида, еще не слышавшая известия о мнимой смерти Ореста, находит на могиле отца жертвоприношения, которые, по ее мнению, мог сделать только тайно вернувшийся на родину брат. Электра охлаждает ее восторг: «Ты не понимаешь, где ты находишься и куда тебя уносит мысль» (922). В переводе: «Сама не знаешь ты, в какой земле / Среди призраков душа твоя витает». Но в оригинале нет ни слова ни о призраках, ни о том, что Хрисофемида уносится мыслями в чужую землю, — напротив, Электра сурово напоминает сестре, что их страна находится во власти враждебных им людей. Дальше в этой же сцене Электра излагает свой план мести; хор напоминает о необходимости соблюдать в таких обстоятельствах благоразумие, на что Хрисофемида отвечает: «О жены, если бы ей был присущ здравый рассудок, она, прежде чем говорить, соблюла бы предосторожность, чего она не делает» (992—994). В переводе: «Ах, был бы ум ей спутником, подруги, / Она бы раньше, чем раскрыть уста, / О женском долге вспомнила. Но нет! / Его она бесследно позабыла». Читатель будет прав, если спросит, при чем в этих стихах женский долг. Действительно, ни при чем. Мотив этот выдвигает Хрисофемида несколькими стихами позже, но и здесь говорит вовсе не о долге, а о присутствующей женщинам от природы слабости, не позволяющей им выступать с оружием в руках против мужчин.

В «Царе Эдипе» Креонт, отводя от себя подозрения в заговоре, ссылается и на то, что легче быть в царстве вторым человеком после царя, чем самим царем. «Сейчас я получаю от тебя все без страха, — говорит он Эдипу, — а если бы я сам царствовал, пришлось бы многое делать против своей воли» (590 сл.). В переводе: «Со мной ты ласков; все могу без страха / Я получить; а если б сам я правил — / Как часто б волю я казнил свою». Как видит читатель, первого высказывания («Со мной ты ласков») в оригинале вовсе нет, а бесхитрое «против воли» превращается «в казнь своей воли».

В «Антигоне» страж, приведя схваченную у трупа Полиника Антигону, говорит Креонту: «Бери ее, и суди, и допрашивай» (398 сл.). В переводе: «...бери, / Пытай, казни...»; едва ли, однако, страж допускал мысль, что царь будет пытать свою собственную племянницу.

Множество примеров излишнего усиления образа дает «Эдип в Колоне».

Испуганный пребыванием Эдипа в священной роще, но не решаясь изгнать его, стражник просит, чтобы чужеземец подождал его возвращения вместе с местными жителями. «Оставайся здесь, где я тебя увидел», — говорит он (77). «Блюди то место, где тебя я встретил», — переводит Зелинский. Но «блюсти» значит «хранить», «усердно охранять», а колонский страж меньше всего заинтересован, чтобы слепой нищий старик «оберегал» священную рощу, в которую смертным и вход-то заказан. Ища затем сострадания у пришедших поселян, Эдип говорит им: «Не велико мое счастье... иначе бы я не брел, пользуясь чужими глазами, я, старый, за малой» (144—148) — т. е. слепому старику приходится прибегать к помощи слабой девушки. У Зелинского: «Я чужими глазами свой путь нахожу: / Столь великий корабль небольшая ладья, / Надрываясь, влечет за собою». Бесхитростную человеческую жалобу в оригинале Зелинский заменяет пышной метафорой, не находящей опоры в тексте. В другой раз к жалости поселян вызывает Антигона: «Я молю тебя тем, что тебе дорого: сыном, женой, имуществом, богом» (250 сл.). В переводе: «...заклинаю я: чадом, женой, святынею, верою», — видимо, Зелинскому показалось, что «имущество» (χρῆς) слишком прозаическое появ-

тие в одном ряду с женой и богом, которого он в свою очередь заменил «верой». Однако обе замены напрасны. Первая — потому что греки не были ханжами и понимали, что, не имея за душой ни гроша, трудно содержать семью; вторая — потому что заклинать верой имеет смысл только в том случае, если приверженность этой вере находится под сомнением или подвергается испытанию. Ни в том, ни в другом богобоязненных аттических поселян подозревать не приходится.

Отправляясь по поручению Эдипа совершить жертвоприношение, Исмена наказывает Антигоне беречь отца. «Ведь если кто берет на себя труд заботиться об отце, не следует думать, что это труд», — заключает она (508 сл.). «Дочерняя забота / Хоть тяжела порой, но молчалива», — звучит перевод. Почему «молчалива»? Хор просит Эдипа поведать им о его прошлом: «Послушайся нас; ведь и я сделал то, о чем ты просишь» (520). Перевод: «Святы и мне твои желанья». Почему «святы»? Эдип упрекает Креонта в хитром замысле с целью залучить домой прежнего изгнанника. Если тебе в нужде отказывают в необходимом, а одаряют тогда, «когда душа твоя полна тем, чего желал» (778), сочтешь ли ты это за благодеяние? — спрашивает он Креонта. Перевод: «...Позднее же, уж пресыщенный, брашном / Уставленной трапезу их найдешь...» Снова образ стола, обильно уставленного яствами, введен Зелинским без оснований на то в тексте. В жарком споре с Полиником Эдип обвиняет сына в том, что тот «изгнал собственного отца, лишил его родины и заставил носить рубище» (1356 сл.). В переводе: «Лишил земли, и гражданства, и крова» — по-видимому достаточно сильное в греческом языке *ἄλλοις* («не имеющий родины») казалось Зелинскому недостаточно выразительным и он решил усилить его втрое. Наконец, в финале ст. 1583 допускает два варианта перевода. При рукописном чтении *ἔλωσάντο*: «Знай, что он навеки оставил жизнь». Принимая конъектуру Виламовица *ἔλωσάντο*, получаем: «Знай, что он вытянул жребий вечной жизни» (т. е. приобщился к сонму вечно чтимых героев). Зелинский дает некий гибрид: «Иссяк источник... вечной жизни». Но если считать Эдипа смертным, как может его жизнь оказаться вечной? Если же она вечная в указанном выше смысле, то источник ее иссякнуть не может.

К области произвольного усиления образов оригинала относится очень полюбившаяся Зелинскому метафора чаши⁴². Вот наиболее наглядные примеры.

(1) В «Антигоне», 209 сл., Креонт завершает свою речь сентенцией: «Всякий, кто полон благомыслия в отношении нашего города, будет одинаково почтен мною и при жизни, и после смерти». У Зелинского: «Любите родину — и чести чашу / Нальет и здесь вам полную, и там». (2) В той же трагедии Антигона недоумевает, почему за столь благочестивый поступок, как погребение брата, она должна нести кару. Она готова признать свою ошибку и искупить ее страданиями, если запрет хоронить покойника может найти сочувствие у богов. «Если же ошибаются другие (т. е. запретившие похороны), то пусть они примут не больше горя, чем несправедливо причиняют мне» (927 сл.). У Зелинского: «Но если вы виновны, горя чашу / Мою — не боле — завещаю вам». (3) В «Трахинянках» Деянира с грустью говорит о том, как много забот обрушивается на замужнюю женщину: она получает свою долю ночных забот (т. е. проводит ночи без сна), боясь то за мужа, то за детей (149). У Зелинского: «...Когда / Ночь роковая женщиною деву / Вдруг наречет и ей заботы чашу / Нальет до края».

Оставим в стороне оценку самого образа чаши, которым так дорожил Зелинский, — ясно, что Софоклу во всех приведенных случаях он чужд. Посмотрим лучше,

⁴² Ср. в собственном языке Зелинского — I, 270, 277.

сколько важных для Софокла поворотов мысли Зелинский принес в жертву этому образу. Во(1) у Софокла Креонт выражает свое отношение («почтен мною»), которое хор старцев не поддерживает, но и не отвергает («Тебе так угодно...», 211), — существенный момент для понимания взаимоотношений между царем и хором. У Зелинского Креонт скрывается за безличным «Нальют вам...». У Софокла важно отношение к покойнику со стороны оставшихся в живых; у Зелинского покойника ожидает проблематичная чаша чести «там», т. е. в подземном мире, на который в оригинале нет ни малейшего намека. Во (2) у Софокла Антигона противопоставляет свою мнимую ошибку действительной ошибке Креонта («другие»), за которую ему впоследствии придется горько расплачиваться. У Зелинского Антигона противопоставляет себя старцам («вы», «вам»), ни в чем не виноватым. В (3) Зелинский превращает ночные заботы матери и супруги в заботы первой брачной ночи, в связи с чем опускает и столь важное упоминание мужа и детей, составляющих предмет вечного женского беспокойства.

7

Вводя образ, чуждый оригиналу, переводчик ослабляет другие, важные для поэта оттенки. К примерам такого ослабления образа мы и перейдем.

В финале знаменитого 1-го стасима «Антигоны», хор, осуждая человека, который может навлечь беду на город, поет: «Да не делит со мной мой очаг и не мыслит одинаково со мной, кто творит такие дела» (372—375). В переводе: «И в доме гость, и в вечер друг / Он опасный», — достаточно слабо против заклатья, вложенного Софоклом в уста хора.

В «Царе Эдипе» герой, узнав о необходимости разыскать убийцу Лаия, заверяет Креонта: «Вы по справедливости найдете во мне союзника, мстящего за эту землю и за бога» (135 сл.). У Зелинского: «...Слугою верным и стране и богу». Но «верная служба» — значительно слабее, чем месть за убийство своего предшественника. Появление коринфского вестника в этой же трагедии полно у Софокла двусмысленности. Узнав, что перед ним жена Эдипа, вестник желает ей всяческих благ как «достойной супруге» фиванского царя и затем снова повторяет пожелание добра ее «дому и супругу» (930, 934). В другой ситуации в таком обращении не было бы ничего трагического, но зритель знает, кем на самом деле приходится Эдипу его супруга, и Софокл, трижды на протяжении семи стихов (первый раз в ст. 928) напоминающая о супружеских отношениях Эдипа и Иокасты, исподволь готовит последний удар. В переводе Зелинского в двух случаях из трех эта двусмысленность утрачена: вестник приветствует Иокасту как «благословенную царицу Фив» и желает счастья «и царю, и дому».

В «Эдипе в Колоне» герой справедливо говорит, что он был изгнан (356), — в переводе: «Родину покинул».

Однако больше всего случаев ничем не оправданного ослабления образа оригинала оказалось почему-то в «Филоктете». Одиссей, которому совершенно непонятно обращение Неоптолема к лжи и коварству, называет вещи своими именами: «...тебе надо исхитриться, чтобы своровать непобедимое оружие» (77 сл.). У Зелинского: «...в этом первая твоя задача, / Чтоб стал твоим непобедимый лук». Согласимся, что между «хитростью» и «задачей» разница не меньше, чем между «воровством» и «приобретением» («стал твоим»). В дальнейшем Софокл неоднократно подчеркивает присущее Неоптоле-

му благородство от рождения. «Ведь для благородных противно позорное...» (475 сл.), — говорит ему Филоктет. «Кто в красоте рожден», — переводит Зелинский. «Уходи... Хоть ты и благороден, остерегись...» (1068), — говорит ему же Одиссей. В переводе Зелинского: «Иди, добряк». В обоих случаях важная для Софокла оценка благородства натуры Неоптолема (γενναῖος) утрачена. В другой раз, напротив, Зелинский стремится спасти юношу от заслуженного гнева обманутого Филоктета. «Погибнете вы — прежде всего Атриды, затем сын Лаэрта и ты!» (1285 сл.), — восклицает Филоктет у Софокла. «Проклятье вам — Атридам, Одиссею, / А с ними и...», — здесь Зелинский обрывает реплику и передает слово Неоптолему.

Другие примеры из той же трагедии: Одиссей наставляет Неоптолема: пусть юноша для большей убедительности поносит его перед Филоктетом «самыми последними словами» (ἔσχατ' ἐσχάτων, 65). У Зелинского: «обидными». В вымышленном рассказе о разрыве с Атридами Неоптолем говорит: «Я им ненавистен» (585). В переводе: «Я с ними в ссоре». «Ты благочестиво говоришь» (662), — начинает Филоктет благодарственную речь к Неоптолему. «Ты дело молвишь», — у Зелинского. Наконец, пытаясь в последний раз убедить Филоктета вернуться под Трою, Неоптолем, осудив его непримиримость, продолжает: «И все же я скажу, и в свидетели (истины) призываю Зевса, зашитника клятвы. И ты это узнай, и запиши в глубине своего рассудка» (1324 сл.). В переводе: «Все ж мысль свою я выскажу тебе / Правдиво, честно — Зевс тому порукой». Из трех слов оригинала (ὄμωσ δὲ λέξω) в переводе выросли полторы строки; зато сильный образ Зевса, оберегающего святость клятвы, сведен к «поруке» за честность Неоптолема, а заключение, показывающее, какое значение он придает своим словам, вовсе не передано.

8

Кто всему выше сказанному приходится добавить совершенно непостижимые для специалиста такого ранга, как Зелинский, но тем не менее очевидные случаи недосмотра, ошибок и стилистических небрежностей.

В знаменитом 1-м стасиме «Антигоны» хор поет о том, что люди подчинили себе море и землю, приручили волов и лошадей, изобрели государственные установления и средства от болезней, — всем они овладели в такой степени, которая превосходит всякие ожидания; но, достигнув вершин, люди могут направлять свои способности то к злу, то к благу (364—366). В переводе Зелинского — совсем другая мысль: «Кто в мудрость искусство возвел, / Смирив возжеления пыл, / Тот в трудном пути и отраду встретит...». В четвертом стасиме хор, желая утешить Антигону, вспоминает, что и Данаэ была заключена в медностенную башню. И все же ее одарил золотым дождем Зевс, чтобы проникнуть в ее заточение (944—950). «И ей лоно *пред* тем Зевса согрел дождь золотой», — переводит Зелинский, явно перевернув последовательность в изложении мифа. В начале этой же трагедии Исмена, посвященная в планы Антигоны, говорит ей: «У тебя горячее сердце для дел, внушающих холод» (88), т. е. опасных, грозящих смертью. В переводе: «Ты лед таишь под пламенем души», — явно обратная картина. Несколько позже Креонт, выслушав рассказ стража, подозревает, что тот подкуплен, и горячо клеймит деньги, которые, между прочим, «показали людям путь к мошенничеству» (300). «...Они законом учат / Пренебрегать...» — в переводе Зелинского. Вероятно, сам Креонт считал свой запрет хоронить Полиника законом, но у Софокла это не сказано.

Исмена, разыскавшая отца в Колоне, рассказывает ему о распре, возникшей между сыновьями: «Теперь, по воле кого-то из богов и от преступного разума обуяла их, трижды несчастных, злая вражда...» (Эк. 371 сл.). У Зелинского: «...богов ли волей или в порыве духа / Мязежного...». У Софокла — двойная мотивировка: воля богов и собственное безрассудство; у Зелинского — альтернатива: либо воля богов, либо собственное безрассудство. Ошибка эта тем более непонятна, что Зелинский сам писал о свойственном древнегреческим авторам законе «двойного зрения» (I, 32, 45). В этой же трагедии Эдип, узнав о возвращении дочерей, просит: «Подойдите, дети, к отцу, — я уже не надеялся когда-нибудь прикоснуться к вашему телу» (1104 сл.). У Зелинского: «О ближе, деги! Дайте прикоснуться! Я думал, ввек уж не увижу вас». Но Эдип — слепец, увидеть что-нибудь он не в состоянии. Соответственно и Полиник не может обращаться к отцу с просьбой «Хоть взгляни на сына!», как переведен ст. 1272. В оригинале: «Не отворачивайся от меня!»

«Если ты не слышал от гонцов...», — говорит Эдип Тиресию (Цэ. 305). «Как от гонцов ты слышал», — в переводе.

В «Трахинянках» хор, слушая рассказ Деяниры, видит приближающегося вестника. «Теперь храни молчание, — обращается к ней Корифей, — я вижу подходящего сюда человека с венком на голове, — конечно, он несет радостное известие» (178 сл.). «Будь осторожна!» — переводит Зелинский. Почему Деянире надо проявлять осторожность в ожидании столь долгожданной вести?

Неоптолем готов отобрать лук у Филоктета, но не хитростью, а силой. «Человек на одной ноге, — говорит он, имея в виду искалеченного Филоктета, — не одолеет силой нас, собравшихся в таком количестве» (Ф. 91 сл.). У Зелинского: «...Осили нас, богатырей таких». Софокл говорит о численном превосходстве Неоптолема со свитой над Филоктетом, Зелинский — о недюжинной силе Неоптолема и Одиссея.

В «Аяксе» хор обращается к Текмессе: «Какую весть принесла ты, невыносимую, неустрашимую, о пламенном герое?» (221—223). У Зелинского: «О боги! Знать, правда / В вести лихого злодея была, / Обидной, неизбежной?» Получается, что сообщение о беде Аякса принесла хору не Текмесса, а какой-то неизвестный «лихой злодей». Несколько позже хор следующим образом резюмирует рассказ Текмессы: «О Текмесса, дочь Телеванта, ужасную вещь говоришь ты нам, что этот муж неистовствует из-за бед» (331 сл.). В переводе: «Боюсь и я, Текмесса, от болезни / Не в добрый час очистился Аянт».

В «Электре» героиня при виде открывшегося ей Ореста в безумной радости восклицает: «Тебя ли держу в своих объятьях? — Пусть бы так держала всегда», — отвечает Орест (1226). «Так бы все держать нам», — в переводе Зелинского. Реплика не менее загадочная, чем ст. 443 из «Филоктета»: здесь герой спрашивает у Неоптолема, жив ли Ферсит, который изводил греков своей болтовней. «...Там, где молчать ему кричали все», — едва ли лучший стих в переводах Зелинского.

Нельзя отнести к числу стилистических достижений Зелинского также злоупотребление противительной частицей «же». При всей известной любви греков к смысловым оппозициям, находящей в частности, отражение в широчайшем распространении парных частиц типа $\mu\epsilon\acute{\nu}$. . . $\delta\acute{\epsilon}$, избежать этого «же» в переводе не всегда возможно. Но слишком часто мы встречаем у Зелинского такие сочетания, как «Скажи же...», «На деле ж жизнь...», «Позднее же, уж...», «Кряж же...», «Какая ж женщина...», «Мужем же...», «(Краса) / Моя на убыль уж идет, мужчины ж...». Едва ли это жужжание может убедить читателя в музыкальности языка Софокла.

Собранные в пяти предыдущих параграфах примеры достаточно вольного обращения Зелинского с его оригиналом не должны создать у читателя представление, что так выполнен весь перевод, — в этом случае его переиздание было бы лишено всякого смысла. Речь шла выше не о правиле, а об исключениях, и мы сосредоточили на них внимание, чтобы показать сложность задачи, возникшей при подготовке настоящего тома. Перед его составителями открывались два пути: либо воспроизвести без изменений перевод Зелинского, оговаривая в примечаниях все отступления от оригинала, либо подвергнуть перевод необходимой редактуре, учитывая к тому же современное состояние текста Софокла и результаты, достигнутые в его толковании. Первый путь диктовался шизетом перед трудом Зелинского, второй — шизетом перед словом Софокла. После долгих размышлений был выбран второй путь, подсказанный самим Зелинским.

Начиная в 1916 г. под своей редакцией издание трагедий Еврипида в переводах незадолго до того умершего Инн. Анненского, Зелинский следующим образом охарактеризовал свою задачу: «Две дорогие тени витали надо мной... — тень автора и тень переводчика. Не всегда их требования были согласны между собой; в этих случаях я поступал так, как желал бы, чтобы — в дни, вероятно, уже не очень отдаленные, — было поступлено с моим собственным наследием»⁴³. Год спустя, возражая на претензии родственников покойного поэта, Зелинский снова обратил внимание на неблагоприятное положение редактора и на свое стремление внести посильный вклад в память о переводчике, освобождая его труд от слабых мест и ошибок. «Созданное мною должно пережить меня, я этого желаю, — заключал свою мысль Зелинский, — но лишь постольку, поскольку оно хорошо, а не постольку оно мое. И если после моей смерти найдется самоотверженный друг, который не пожалеет времени и труда для того, чтобы и мое наследие «могло постоять за себя перед судом науки и поэзии», я его заранее приветствую и благодарю»⁴⁴.

Составители настоящего тома по вполне понятным причинам не могут претендовать на роль друзей Зелинского. Однако мотивы, которыми они руководствовались при подготовке к переизданию его переводов, целиком совпадают с теми, которые положил в основу своего труда по переизданию переводов Анненского сам Зелинский. При этом надо помнить, что Зелинский редактировал переводы, отделенные от него обычно не более, чем 5—10 годами. Современный читатель получает в руки Софокла, переведенного более семидесяти лет назад, — за это время многое изменилось во взглядах на античность вообще и на Софокла — в частности. Зелинский сделал колоссально много для приобщения русского читателя к познанию быта и внутреннего, интимного мира древнего грека, — но это был грек, каким представлял его себе на рубеже XIX и XX вв. сам Зелинский, воспитанный на драматургии Ибсена. Героев Софокла он видел на совре-

⁴³ Театр Еврипида. М., 1916. Т. I. С. X.

⁴⁴ Там же. М., 1917. Т. II. С. XXIII.

менной сцене и оценивал их нормами психологии новейшего времени ⁴⁵. Современные издатели, если они не хотят дезориентировать читателя, обязаны показать Софокла таким, каким он был в V в. до н. э. Разумеется, право всякого читателя — домыслить для себя и применительно к своему времени мысли, чувства, поступки, мимику героев древней трагедии, оценить ситуации, в которые они поставлены драматургом. Однако переводчик не имеет права подсказывать свой путь, чтобы насильно вести по нему читателя.

Располагая индульгенцией, дважды выданной Зелинским будущим издателям его перевода, составители тем не менее сочли своим долгом как можно внимательнее отнестись к труду выдающегося русского эллиниста. Например, Зелинский достаточно свободно вводил в перевод такие слова, как «витязи», «волхвы», «терем», «хоромы», «вельможа», «огни лучин», более уместные в повествовании о русской старине, чем в древнегреческой трагедии. Поскольку, однако, они являются частью стиля, принятого Зелинским, эти образы почти везде были сохранены, несмотря на вносимый ими анахронизм. Исправление перевода Зелинского пошло в направлениях, ясных из предыдущих разделов этой статьи: были устранены злоупотребления по части таких понятий, как «рок» и «грех»; были исключены элементы модернизирующей психологизации и образы, внесенные в текст Софокла без достаточных на то оснований; исправлены очевидные неточности и недосмотры; за редчайшими исключениями была восстановлена однострочная стихомифия. Естественно, что при этом некоторое количество стихов пришлось перевести заново, — их число составило в среднем 8% от числа стихов в переводе Зелинского (в различных трагедиях — от 10,5 до 4,6%), в то время как исправления Зелинского в переводах Анненского достигали в I томе Еврипида примерно 18%, во втором — свыше 26%. Номера заново переведенных стихов указаны в примечаниях к каждой трагедии; те из них, исправление которых мотивируется в этой статье, отмечены звездочкой. Мелкие поправки специально не оговариваются.

Что касается внешнего оформления перевода, то в настоящем издании выдержано членение трагедии в соответствии с античной традицией (см. выше, с. 491) и сняты, за исключением самых необходимых, ремарки Зелинского, место для которых, скорее, в режиссерском экземпляре современного постановщика, чем в переводе древнегреческого автора. Впрочем, в преамбулах к примечаниям каждой трагедии везде, где это представляет интерес, воспроизводятся вступительные ремарки Зелинского. В квадратных скобках добавлены ссылки на стихи, которые могли дать основание Зелинскому для его сценировки. Указания, лишённые таких отсылок, следует отнести за счет режиссерской фантазии переводчика.

⁴⁵ Издатели первого после Зелинского нового русского перевода Софокла В. О. Ниландер и С. В. Шервинский в своих «пояснениях к переводу», отмечая эрудицию Зелинского, вместе с тем справедливо писали: «Модернизация — принцип проф. Зелинского. Но модернизация его сомнительна тем, что она касается не отдельных выражений, ни даже языка, а самого характера чувств действующих лиц: Эдип, Антигона, Исмена переживают свои перипетии с пафосом французского романтика» (Софокл. Трагедии. М.; Л., 1936. I. С. 194).

ПРИМЕЧАНИЯ *

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ

От античных времен не сохранилось документальных свидетельств о распространении текста трагедий Софокла при его жизни. Однако нет оснований предполагать для них иную судьбу, чем для произведений других древнегреческих трагиков: с авторского экземпляра снимались копии, которые могли приобретаться достаточно состоятельными любителями отечественной словесности, а в IV в., с возникновением в Афинах философских школ в Академии и Ликее, — также храниться в библиотеках, обслуживавших научные занятия Платона и Аристотеля. Без этого невозможно объяснить наличие в их сочинениях множества цитат из трагиков, и притом не только из трех, наиболее знаменитых (Эсхила, Софокла и Еврипида), но и из менее выдающихся.

Поскольку при посмертных постановках трагедий (а исполнение на театральных празднествах одной «старой» драмы перед началом состязания трагических поэтов стало нормой с 387 г.) режиссер и актеры могли позволять себе известные вольности, в середине IV в. афинским политическим деятелем Ликургом был проведен закон, согласно которому создавалось государственное собрание всех пьес трех трагических авторов, и в дальнейшем их исполнении надлежало придерживаться зафиксированного в этом своде текста (АС 56). Насколько высоко ценили афиняне свою коллекцию, видно из рассказа о том, как примерно столетие спустя они согласились предоставить ее для временного пользования египетскому царю Птолемею Еввергету под залог в 15 талантов (ок. 22 тыс. рублей серебром). Впрочем, афиняне недооценили материальные возможности восточного монарха: Птолемей велел сделать со всего собрания копию и именно ее вернул в Афины, потеряв таким образом отданные в виде залога деньги, но зато оставив у себя оригинал (АС 64). Возможно, что именно этим собранием — наряду с другими источниками — пользовались впоследствии ученые филологи, занимавшиеся во второй половине III в. классификацией рукописей в знаменитой Александрийской библиотеке (АС 105).

Полное собрание сочинений Софокла подготовил, по-видимому, в первой половине следующего века знаменитый филолог Аристофан Византийский, ставший главным библиотекарем после 195 г. Под именем Аристофана дошло до нас античное «предисловие» к «Антигоне» (АС 105). Упоминается Аристофан и в «Жизнеописании» Софокла

* Фрагменты Гесиода указываются по изд.: *Fragmenta Hesiodae* / Ed. R. Merkelbach et M. West. Oxf., 1967; Архилох — по изд.: *Iambi et elegi Graeci...* / Ed. M. L. West. Oxf., 1978. V. I; Анакреонт и Симонид по изд.: *Poetae melici Graeci* / Ed. D. Page. Oxf., 1962. Фрагменты Аристофана, Кратина, Фриниха по изд.: *The Fragments of Attic comedy...* / By J. M. Edmons. Leiden, 1957. V. I. Фрагменты римских трагиков по изд.: *Remains of Old Latin* / Ed. and transl. by E. H. Warmington. London; Cambr., Massachusetts, 1967—1979. V. I—II. Номер при имени Гигина обозначает соответствующий рассказ в его «Историях» (*Fabulae*).

Ссылки на номера стихов даются везде по оригиналу; найти соответствующий стих в пределах десятков, отмеченных при русском тексте Софокла, не должно составить особого труда. Обозначение «стих» или «ст.» большей частью опускается. Сокращение «сх.» обозначает схолии к древним авторам; «Ркп.» — «рукопись», «рукописи», «рукописный». Отсылка Dawe R. Studies обозначает его: *Studies on the text of Sophocles*. Leiden, 1973—1978. V. 1—3.

Перевод стихотворных цитат, кроме особо оговоренных, принадлежит составителю примечаний.

(§ 18), в некоторых схолиях к сохранившимся трагедиям и в папирусных отрывках из сатировской драмы «Следопыты». Текст издания Аристофана Византийского послужил основой для большинства, если не всех последующих папирусных копий. В настоящее время известны отрывки из 17 папирусных экземпляров, содержащих текст дошедших до нас трагедий Софокла. По времени они охватывают не менее 600 лет: самый ранний образец относится к концу I в. до н. э. или к началу I в. н. э.; самый поздний — к рубежу VI—VII в. н. э. Чаще других встречаются здесь «Царь Эдип» и «Аякс» — по 4 экземпляра; тремя экземплярами представлены «Трахинянки», двумя — «Электра» и «Антигона», одним — «Эдип в Колоне» и «Филоклет».

К этому следует прибавить отрывки из папирусного кодекса V—VI вв. н. э., который опознан теперь как собрание семи трагедий Софокла *. Здесь тексту трагедий предшествовало собрание «предисловий» к ним (см. АС 95—113), среди которых содержались неизвестные нам из других источников предисловия к «Аяксу» и «Филоклету» и еще одно стихотворное (ср. АС 95) к «Царю Эдипу». Издание Аристофана, судя по всему, было предназначено не для ученых, а для широкой публики, — в нем, в частности, кроме уже упоминавшихся «предисловий», не было никакого другого вспомогательного аппарата. Со временем, однако, по мере того, как эпоха Софокла все дальше уходила в прошлое, читателям стали требоваться разъяснения и по части языка, и в отношении реалий, и разного рода историко-литературные справки к тексту, — все то, что в античные времена называлось схолиями.

Составление таких схолиев — в том числе и к Софоклу — взял на себя необыкновенно начитанный и усердный грамматик августовского времени Дидим (современники называли его человеком «с медными внутренностями»). К труду Дидима восходит наиболее древний пласт в корпусе схолиев, известных нам уже по средневековым рукописям Софокла.

На пути к ним, однако, творческое наследие Софокла испытало ту же судьбу, которая постигла и других древнегреческих драматургов: во времена римского императора Адриана (117—138 гг. н. э.) из примерно трех сотен пьес Эсхила, Софокла и Еврипида был сделан отбор наиболее читаемых; не последнюю роль играли здесь и нужды школы. В результате в обиходе широкой публики осталось только семь трагедий Софокла, известных нам сейчас полностью. В IV в. н. э. участие в редактировании новых изданий принял римский грамматик Салустий (может быть, один из друзей византийского императора Юлиана), — его имя сохранилось в более поздних «предисловиях» (АС 104, 106).

Остальные трагедии Софокла, оставшиеся за пределами «семерки», исчезли отнюдь не сразу и не бесследно: находимые в Египте папирусы с отрывками из не дошедших до нас его пьес датируются вплоть до III в. н. э. Стало быть, на эллинизированном Востоке достаточно полные собрания сочинений Софокла могли еще находиться и в библиотеках, и у книгопродавцев, и в частном пользовании. На европейской же почве от драм, не вошедших в состав «семерки», уцелели только отдельные отрывки в различных антологиях, лексикографических и грамматических сочинениях. Зато отобранные семь продолжали переписываться из рукописи в рукопись с обширными предисловиями и схолиями. Один из таких кодексов, написанный унциальным письмом (т. е. заглавными буквами) примерно в V в. н. э., и стал, как полагают историки текста Софокла, прообразом византийских рукописей с его трагедиями.

Самой ранней из этих рукописей является кодекс из библиотеки Лоренцо Медичи (Laurentianus XXXII, 9), широко известный среди филологов, так как кроме трагедий Софокла в нем содержатся также трагедии Эсхила и «Аргонавтика» Аполлония Родосского. Написан кодекс в середине X в. н. э. К тому же прототипу, что кодекс Медичи, восходит и так называемый Лейденский палимпсест, т. е. пергаменная книга, на которую в конце X в. занесли текст Софокла, а еще через четыре столетия его соскоблили, чтобы написать на освобожденных полтора сотня страниц сочинения религиозного характера. Открытый в 1926 г. Лейденский палимпсест с восстановленным текстом Софокла является, наряду с кодексом Медичи, древнейшим источником для современных изданий.

* См.: *Luppe W. P. Vindob. G 29779 — ein Sophokles-Kodex // Wiener Studien. 1985. B. 19. S. 89—104.*

Эти две рукописи, наряду с еще другими десятью, более поздними (XIII—XVI вв.), представляют особую ценность потому, что содержат все семь трагедий Софокла. Огромное большинство других рукописей (около 170 из общего числа, достигающего примерно 200 экземпляров), ограничивается так называемой византийской триадой («Аякс», «Электра», «Царь Эдип»), образовавшейся в результате нового отбора, произведенного в Константинополе ок. 500 г. н. э. Составителем этой триады считают обычно византийского грамматика Евгения (АС 94).

К изданию трагедий Софокла (преимущественно вошедших в триаду) в XIII—XIV вв. были причастны известные византийские филологи Максим Плануд, Фома Магистр, Мосхопулос, Деметрий Триклиний. К этому же времени относятся и поздние схоллии, составленные в помощь любителям классической филологии и учащимся.

Первое печатное издание Софокла вышло в 1502 г. из типографии венецианца Альда Мануция. После этого трагедии Софокла издавались вместе и порознь несчетное число раз.

В настоящее время издатели Софокла оперируют тремя группами византийских рукописей, причем все больше утверждается убеждение, что группы эти не носили «закрытого» характера, т. е. переписчики при своей работе могли пользоваться не одним экземпляром, восходящим к определенному прототипу, а двумя или больше, сопоставляя их между собой и выбирая из каждого то чтение, которое представлялось им наиболее предпочтительным. Поэтому может случиться, что какая-нибудь из рукописей, во всем остальном мало примечательная, сохранила где-нибудь наиболее древнее чтение. Сличение рукописей, внесение поправок (конъектур), выбор и обоснование принятого чтения и составляет до сих пор главную задачу каждого нового издателя древнегреческого текста¹.

В наше время в научном обиходе приняты три издания трагедий Софокла:

Sophocles. *Fabulae* / Rec. A. C. Pearson. Oxford, 1924 (исправленное издание — 1928; многократные перепечатки вплоть до начала 60-х годов). (В дальнейшем — *Пирсон*).

Sophocle. / *Texte établi par A. Dain*.... Paris, 1956—1960. Т. I—III. (в дальнейшем — *Дэн*).

Sophocles. *Tragoediae* / Ed. R. W. Dawe. Leipzig, 1975—1979. Т. I—II. (второе издание — 1984—1985). (в дальнейшем — *Дэу*).

Не утратили своего значения и старые комментированные издания, в которых каждой трагедии посвящен специальный том:

Sophocles. *The Plays and Fragments* / By Sir R. Jebb. Cambridge, 1883—1896. Т. I—VII (Перепечатано в 1962—1966) (в дальнейшем — *Джебб*).

Sophocles / Erklärt von F. W. Schneidewin, Berlin, 1909—1914. (Издание, переработанное Э. Бруном и Л. Радермахером).

В последние десятилетия к ним прибавились две новые серии комментариев: *Kamerbeek J. C. The Plays of Sophocles. Commentaries*. Leiden, 1959—1984. (Комментарий без греческого текста, но с указанием отступлений от издания Пирсона, принимаемых Камербеком.) *Cambridge Greek and Latin Classics: Oedipus Rex* / Ed. by R. D. Dawe. 1982; *Philoctetes* / Ed. by T. B. L. Webster. 1970; *Electra* / Ed. by J. H. Kelles. 1973; *Trachiniae* / Ed. by P. E. Easterling. 1982.

Все названные выше издания были в той или иной степени использованы при подготовке настоящего однотомника.

При этом следует иметь в виду, что при издании русского перевода далеко не все различия оригинала нуждаются в констатации или обосновании. Очень часто они касаются таких вопросов, которые не могут получить отражения в русском тексте. Так, например, в поэтическом языке V в. до н. э. наряду с более употребительными

¹ К истории текста Софокла см. подробнее: *The fragments of Sophocles* / Edited... by A. C. Pearson. Cambridge. 1917 (Repr. Amsterdam, 1963). P. XXXII—XLVI; *Tuyn A. Studies in the manuscript tradition of the tragedies of Sophocles*. Urbana, 1952; *Dain A. Sophocle*. V. I. P. XX—XLVIII; *Dawe R. Studies on the text of Sophocles*. Leiden, 1973. V. I. P. 3—112; *Treue K. Kleine Klassikerfragmente*. N 3 // *Festschrift zum 150. Jahr. Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums*. Berlin, 1974. S 434 f; *Renner T. Four Michigan papyri of classical Greek authors*. *ZPE*. 1978. 29. P. 13—15. 27 f.

формами имперфекта с приращением могли встретиться и формы без приращения (например, *Ан.* 1164: ἡθύνε в одних ркп., εἴθύνε — в других), — для русского перевода это различие не имеет значения. Иногда разночтения возникают в порядке слов в достаточно прихотливых по своему построению партиях хора, — в русском переводе это опять-таки не может быть учтено. Но даже и в тех случаях, когда разночтение касается отдельных слов, оно не всегда может быть отражено в русском переводе. Вот несколько примеров.

Цэ, 722 — в одних ркп. θανεῖν («умереть»), в других — παθεῖν («вынести» гибель от руки сына); в переводе в любом случае будет: «пасть», «погибнуть». *Эк.* 15 — все ркп. дают чтение στέγουσιν — башни «покрывают», «защищают» город; конъектура, введенная Доу в его издание, — στέφουσιν «увенчивают». В переводе это слово и создаваемый им образ совсем выпали. *А.* 295 — почти все ркп. дают чтение λέγειν и только две — φράζειν. В широком смысле эти глаголы — синонимы; они различаются между собой примерно как русское «говорить» и «молвить», «изрекать». Вполне возможно, однако, что в русском переводе и тот и другой греческие глаголы окажутся переведенными как «молвить» или «сказать». Поэтому в дальнейшем в примечаниях к отдельным трагедиям отмечаются только такие разночтения и конъектуры, которые способствуют пониманию текста и хода мысли автора, насколько оно может быть отражено в русском переводе.

Остается сказать о принятом в этом одноместнике порядке размещения трагедий. Наиболее естественной была бы хронологическая их последовательность, чему, однако, мешает отсутствие документальных данных о времени постановки пяти трагедий из семи. С другой стороны, и русскому читателю несомненно удобнее пользоваться текстом трагедий, относящихся к одному мифологическому циклу, в порядке развития событий в пределах каждого цикла, и в примечаниях в этом случае можно избежать лишнего отсылки к еще не прочитанной трагедии. Поэтому было признано целесообразным поместить сначала три трагедии, восходящие к фиванскому циклу мифов («Царь Эдип», «Эдип в Колоне», «Антигона») и по содержанию служащие одна продолжением другой, хотя на самом деле Софокл такой связной трилогии не писал и поставленная раньше двух остальных «Антигона» (ок. 442 г.) оказывается при размещении по сюжетному принципу после «Эдипа в Колоне», созданного в самом конце жизни поэта. Затем следуют три трагедии на сюжеты Троянского цикла («Аякс», «Филоклет», «Электра») — опять в той последовательности, в какой находятся изображаемые в них события. Последней из сохранившихся трагедий помещены «Трахинянки»; к ним присоединяется обнаруженная в довольно крупных папирусных фрагментах драма сатиров «Следопыты», за которой идут отрывки из других не сохранившихся драм.

ЦАРЬ ЭДИП (с. 5)

О времени постановки трагедии не сохранилось документальных свидетельств. Дикеарх, ученик Аристотеля, оставил сообщение, что в соревновании трагических поэтов Софокл, поставив «Царя Эдипа», уступил первое место Филоклу (*АС*, 96) — племяннику Эсхила, плодovitому поэту, от которого практически ничего не сохранилось. Так как мы не знаем ни того, с какими драмами в тетралогии Софокла был объединен «Царь Эдип», ни с чем выступил его соперник Филокл, то бессмысленно гадать о причинах решения афинских судей, по поводу которого много веков спустя негодовал греческий ритор Аристид (*АС*, 49).

Современные ученые обычно датируют «Царя Эдипа» первой половиной 20-х годов V в., приводя в пользу этого следующие доводы: 1) вводя в сюжет трагедии моровую язву, не известную из других источников, Софокл находился под впечатлением эпидемии, поражающей Афины в 430, 429 и 426 гг.; 2) в поставленных в 425 г. «Ахарнянах» Аристофана пародируется (ст. 27) восклицание софокловского царя Эдипа (ст. 629); 3) в целом ряде стихов аристофановских «Всадников» (424 г.) тоже можно предполагать пародию на «Царя Эдипа». Таким образом, «Царь Эдип» должен был быть поставлен не раньше 429—426 и не позже 425 г.² Название «Царь Эдип» было дано трагедии,

² См. подробнее: *Клох В. М. W. Date of the «Oedipus Tyrannus» of Sophocles // American Journal of Philology. 1956. V. 77. P. 133—147.* В недавнее время была пред-

по-видимому, в более позднее время, чтобы отличить ее от другого софокловского «Эдипа», действие которого происходит в Колоне (АС 96, 97). Первоначально трагедия называлась, скорее всего, просто «Эдип», как одноименные произведения Эсхила и Еврипида (см. ниже).

Миф, положенный в основу трагедии, известен уже из гомеровских поэм, где он, однако, не получает столь мрачного завершения: хотя Эдип по неведению и женился на собственной матери (эпос называет ее Эпикастой), боги вскоре раскрыли тайну нечестивого брака. Эпикаста, не вынеся страшного разоблачения, повесилась, а Эдип остался царствовать в Фивах, не помышляя о самоослеплении (Од. XI, 271—280 и схол. к ст. 275). В другом месте (Ил. XIII, 679 сл.) сообщается о надгробных играх по павшему Эдипу, — вероятно, он погиб, защищая свою землю и свои стада от врагов (ср. Гес. Т. II Д, 161—163).

Дальнейшее развитие миф получил в не дошедшей до нас киклической поэме «Эдиподия» (VII—VI вв.), о которой мы знаем очень немного, но один момент из нее очень важен: четверо детей Эдипа (Этеокл, Полиник, Антигона, Исмена) родились от брака не с Эпикастой, а с некоей Евриганеей, взятой Эдипом в жены после смерти Эпикасты (Лавс. IX, 5, 10). Таким образом, в «Эдиподии» над детьми не тяготело проклятие рожденья от incestуозного брака, почему еще в V в. акрагантский правитель Ферон без всяких оговорок возводил свою родословную к Полинику. В связи с этим в прославляющей Ферона II Олимпийской оде Пиндара (38—42) мы находим указание на убийство Эдипом Лаия, вследствие чего осуществилось древнее пророчество, данное некогда Лаию в Дельфах. Содержание этого пророчества сохранилось только в более поздних источниках — Палатинской антологии (XIV, 76, ст. 1—3) и в средневековых рукописях Софокла (АС 98) и Еврипида (при трагедии «Финикиянки»). Как видно, здесь Лаию предсказывалась смерть от руки сына в наказание за соращение им юного Хрисиппа, сына Пелопа. У Софокла на этот мотив нет ни малейшего намека, хотя он и был использован Еврипидом в трагедии «Хрисипп» (ок. 411—409), до нас не дошедшей.

Не сохранились также две первые части фиванской трилогии Эсхила — «Лаий» и «Эдип», и только по третьей части — трагедии «Семеро против Фив» — мы можем установить, что в версии Эсхила Аполлон предостерегал Лаия от рождения сына, так как это поведет к гибели фиванского царства (742—749). Вероятно, Эсхил был первым автором, который, отступив от эпической версии, развил мотив incestуозного брака, сделал Этеокла и Полиника, Антигону и Исмену детьми Эдипа от собственной матери.

В этой связи важно отметить, что в пророчествах совершенно отсутствует предостережение, которое могло бы быть адресовано супруге Лаия, — опасаться соединения с могущим родиться сыном, да и у Софокла предсказание о женитьбе на матери получает только Эдип; Иокаста о предстоящем ей позорном союзе ничего не знает. Отсюда следует сделать вывод, что первоначальным содержанием мифа об Эдипе была встреча не знающих друг друга отца с сыном, обычно кончающаяся гибелью отца, — в греческой мифологии известны и другие примеры этого мотива (смерть Одиссея от не узнанного им собственного сына Телегона; гибель критского царя Катрея от руки сына, пытавшегося спастись от ужасного пророчества бегством на о-в Родос; смерть аргосского царя Акрисия от нечаянного удара его внука Персея). Столь же увлекающий современных психоаналитиков incestуозный брак сына с матерью появляется как драматический мотив не раньше, чем у афинских трагиков.

Что касается женитьбы Эдипа на Иокасте, то этот брак становится естественным следствием спасения Фив: освободив город от Сфинкс, Эдип вполне закономерно получает в награду трон и руку овдовевшей царицы. Именно такого рода версия и существовала на этот счет в древности и сохранилась в схолиях к ст. 53 и 1760 «Финскиянок» Еврипида. Звучала она следующим образом.

ложена датировка «Царя Эдипа» 433 г. (Müller C. W. Zur Datierung des Sophokleischen Oedipus / Akad. d. Wissensch. Mainz, 1984), причем, помимо постулируемого влияния этой трагедии на еврипидовского «Ипполита» (428), автор очень враждебно относится к достаточно обоснованным попыткам связать «Царя Эдипа» с событиями начала Пелопоннесской войны. С точки зрения относительной хронологии творчества Софокла предложение Мюллера ничего не меняет: «Царь Эдип» все равно оказывается между тремя «равными» трагедиями («Аякс», «Антигона», «Трахинянки») и тремя остальными, более поздними.

Когда Фивы попали под гнет хищной Сфинкс, а их царь Лаий погиб, пришедший к власти его шуриц Креонт объявил по всей Греции, что фиванский трон и рука царицы будут наградой тому, кто освободит город от опасности. На этот призыв откликнулся Эдип, считавший себя сыном коринфского царя и успевший до этого в богатирском испытании встретиться с Лаием и убить его. Изгнав Сфинкс и став мужем Иокасты, Эдип однажды проезжал с ней на колеснице мимо того места, где он столкнулся с Лаием, и показал ей снятый с убитого царя меч и пояс. Тут Иокаста узнала в своем новом муже убийцу прежнего, но промолчала, не подозревая, что это ее сын. (Эта версия получила отражение, скорее всего, в «Эдипе» Еврипида, поставленном ок. 420—410 г. и до нас не дошедшем). Вероятно, если бы Иокаста знала, что ее сыну суждено не только убить отца, но и жениться на матери, она постаралась бы сопоставить свой брак с гибелью Лаия и вполне могла бы установить личность своего нового супруга.

Наконец, остается вопрос об избавлении от рожденного Иокастой младенца и его последующем опознании. По традиционной версии, прислужники Лаия бросили ребенка с проколотыми сухожилиями ног в диком ущелье, и только случайно его нашли пастухи Полиба или какой-то путник³. Никто из них, естественно, не мог знать, откуда родом бессловесное дитя. Есть также вариант, по которому младенец был брошен в ковчежке в море и прибит к берегу в чужой земле⁴, — здесь вообще исключаются всякие посредники между подбросившим ребенка и принявшим его. Таким образом, совмещение в трагедии Софокла в одном персонаже — старом пастухе — свидетеля убийства Лаия и домочадца, передавшего ребенка из рук в руки коринфскому пастуху, который в свою очередь приходит вестником в Фивы, — нововведение поэта, позволившее ему построить трагическое узнавание Эдипа.

Структура трагедии достаточно традиционна: пролог (1—150), парод (151—215), четыре эпизода (216—462, 513—862, 911—1085, 1110—1185) и примыкающие к ним четыре стасима (463—512, 863—910, 1086—1109, 1186—1222), из которых третий выполняет функцию гипорхемы; завершает трагедию эксод (1223—1530) со включенным в него коммосом Эдипа с хором (1313—1368) и заключительным диалогом Эдипа с Креонтом в анапестях (1515—1523). О ст. 1524—1530 см. ниже в примечаниях.

Для исполнения трагедии требовались три актера, между которыми роли распределялись следующим образом: протагонист — Эдип; дегтероголист — жрец Зевса, Иокаста, Пастух, Домочадец; триагонист — Креонт, Тиресий, Коринфский вестник.

Не считая упомянутых выше драм Эсхила и Еврипида, название трагедии «Эдип» засвидетельствовано еще более, чем для десятка афинских трагиков, от произведений которых на эту тему ничего не дошло. В Риме к образу Эдипа обращались Юлий Цезарь (его трагедия не сохранилась) и Сенека — единственный автор, кроме Софокла, чья трагедия уцелела до наших дней.

Для настоящего издания заново переведены следующие стихи⁵: 10, 17, 19, 40—44, 81, 95, *111, *126—128, 130 сл., *136, 142—146, 216—219, 244—248, 252, 266, 273—275, 293, 301, *305, 324, 328 сл., *336, 339, 341, 422—427, 441 сл., 445 сл., 484, 486, 501—503, 520—522, 533, 539, 570 сл., 592, 624 сл., 639—641, 644—649, 673—675, 677—679, 685 сл., 688, 695—698, 701 сл., 706, 726—728, *736, 746, 753, 756, 783, 802—806, 879 сл., 890, 903, 921, *930, *934, 961, 971, 976, *990, 1000, 1030 сл., 1034, 1048, 1054 сл., 1060 сл., 1066, 1068, 1078, 1086 сл., 1094 сл., 1107—1109, 1120, 1129 сл., 1168—1172, 1175, 1180—1182, 1197 сл., *1204 сл., 1215, 1219—1222, 1231 сл., 1244 сл., 1273 сл., *1280 сл., 1327, 1376, 1397, 1401 сл., 1405, *1408, 1410, 1420, *1430—1433, 1436 сл., 1445 сл., 1510, 1526 сл.

³ Ср.: Цэ. 717—719; Евр. Финик. 22—30 и схол.; 802—805; 1604 сл.; Аполлод. III, 5, 7; сх. к Од. XI, 27.

⁴ Сх. к Евр. Финик. 26 и 28; Гигин. 66. Местом, где был подобран Эдип, называют побережье близ Сикиона (там издревле определяли место царства Полиба), либо близ Коринфа. Жена Полиба часто носит в источниках имя Перибей, что, конечно, ничего не меняет в существе дела.

⁵ Звездочкой отмечены здесь и далее стихи, перевод которых обсуждается в статье «Ф. Ф. Зелинский — переводчик Софокла». Дополнение «сл.» указывает на один стих сверх названного.

Место действия Ф. Зелинский в своем издании переводов Софокла изображал следующим образом: «Сцена представляет фасад дворца; по обе стороны главных дверей стоят изображения и жертвенники богов-покровителей царя и общины: Зевса [ср. 904], Аполлона [ср. 80, 149, 919], Паллады [ср. 159—197], Гермеса. Направо — спуск в Фивы [ср. 297, 512, 1110], откуда доносятся жалобные звуки молебственных гимнов, прерываемые рыданиями и стонами [ср. 19, 182—186]. Налево — спуск к дороге, ведущей в Фокиду [ср. 82, 924]».

- ⁸ *Птенцы младые...* — В оригинале: «О дети». Ср. 6 (в переводе не передано), 58, 142. Эдип сразу же представлен как царь, по-отечески заботящийся о своих подданных... *Кадмова гнезда!* — Кадм — сын финикийского царя Агенора, посланный им на поиски Европы, похищенной Зевсом. Не найдя нигде следов сестры, Кадм получил от дельфийского оракула Аполлона указание прекратить бесполезные розыски и основать город Фивы (часто называемые также Кадмеей). Ср. ниже, 267 сл.
- ¹⁸ *Средь них и я...* — Зелинский переводил: «Здесь — под обузой старости жрецы», принимая рукописное чтение в 18 ἱερείς и видя в противопоставлении οἱ μὲν ... οἱ δὲ ... (16 сл.) указание на две группы просителей — юношей и жрецов. Однако на присутствие других жрецов, кроме обращающегося к Эдипу, в дальнейшем тексте нет ни малейшего намека, и их место скорее там, где у алтарей в городе совершаются жертвоприношения и возносятся мольбы к богам (ср. 4 сл., 19—21). Поэтому Дэн и Доу с полным основанием принимают конъектуру Бенгли ἱερεῖς, к которой примыкают следующие слова ἐγὼ μὲν ... — «а я — жрец»... Тогда множественное число в οἱ δὲ следует рассматривать как так наз. pluralis maiestatis — «что же касается нас, то я»... В соответствии с этим внесено изменение в перевод Зелинского.
- ²⁰ *У двух святылиц...* — Имеются в виду два храма Афины Паллады, известные в историческое время в Фивах — Афины Онки (ср. *Эск. Сем.* 487, 501) и Афины Кадмейской или Исменийской.
- ²¹ *...над Исмена вещью золотой.* — У алтаря Аполлона Исмения, чей храм находился вблизи реки Исмена. Здесь жрецы бога давали предсказания в ответ на жертвоприношения, состоявшие из заколотых и сожженных у алтаря животных. Отсюда — «вещая» зола.
- ²² *Зачем мы здесь?* — Добавление Зелинского.
- ³⁶ *...певице ужасов...* — Сфинкс с ее загадкой. Ср. 391, 508, 1199.
- ⁴⁴ *Твой опыт...* — После этого стиха Доу постулирует лакуну, исходя из трудности при синтаксическом анализе оригинала. Предложение Доу не встретило сочувствия у рецензентов, и Зелинский, если и видел эту трудность, не придал ей значения при переводе.
- ⁷⁰ *Послал я в Дельфы...* — Без обращения за советом к жрецам пифийского Аполлона в Дельфах древние греки не принимали ни одного серьезного решения в вопросах как общественной, так и частной жизни.
- ⁸² *Густого лавра...* — Обращавшиеся в Дельфы надевали на голову венок из ветви лавра и не снимали его до возвращения домой.
- ⁹⁷ *...оскормленную соком Земли фиванской...* — Причина бедствия, постигшего Фивы, состояла именно в том, что убийца Лаия, происходивший из его царства, продолжал находиться на фиванской земле, тем самым оскверняя ее пролитой кровью здешнего царя. Ср. 101. Если бы Эдип продолжал жить в любой другой земле, совершенное им убийство незнакомца в дорожной ссоре могло вообще не считаться преступлением.
- ¹¹⁴ *Как говорили...* — Зелинский перевел: «Так сам он нам говорил», исходя из рукописного ἑφασκεν. Здесь, однако, представляется уместной конъектура Доу ἑφασκον (3 л. мн. ч.): «Так говорили». В то время, когда происходит действие трагедии, не важно, чем мотивировал свой отъезд 20 лет тому назад Лаий; важно, что об этом думали и продолжают думать в народе.
- ¹⁴⁴ *Сюда же... созовите...* — Мотивировка выхода хора, далеко не всегда обязательная в древнегреческой трагедии.
- ¹⁵¹ *Зевса отрадная весть...* — В изображении Софокла, хор уже осведомлен о возвращении Креонта, но не знает содержания полученного им оракула.

- 157 *Чадо Надежды, бессмертное Слово!* — Аполлон, отождествляемый с изрекаемым от его имени прорицанием («бессмертным Словом»), которое вселяет в смертных надежду на избавление от бедствий.
- 158 *Первой тебя я зову...* — Парод выдержан в форме культового гимна, обращенного к богам с призывом о помощи. Сначала называются имена богов с принадлежащими им эпитетами (Афина — *державная*, букв. «земледержца»; Феб — *всеразличий*; *Артемиды* в оригинале названа Евклией, богиней «Доброй славы»: под этим именем она почиталась и в историческое время в ее храме в Фивах); затем — просьба явиться на призыв (*свет нам явите*) и ее обоснование ранее оказанной помощью (*Если когда-либо... развеяли...*). Далее, во второй паре строф, излагается обстановка, требующая вмешательства богов; из картины бедствия, постигшего город, вырастают новые призывы о помощи (третья пара строф). Ср. молитву Христа в «Илиаде» (I, 37—42) и гимн Сафо к Афродите.
- 161 *...на площади круглой...* — На агоре, главной городской площади, в центре которой, как видно, находился алтарь со статуей Артемиды.
- 190 *Ареса буйного...* — Арес, обычно посылающий воинам смерть на поле боя, здесь мыслится как бог, виновный в гибели людей и в мирное время (*без щитов, без копий*).
- 195 *Амфитрита* — супруга Посидона, живущая в глубине моря.
- 208 *...с гор ликийских...* — Связь Артемиды с ликийскими горами возникла, вероятно, по аналогии с эпитетом «Ликийский», который прилагался к Аполлону (так он назван и в оригинале, 203). Происхождение этого эпитета объясняют по-разному: от корня *λυκ* — обозначающего свет; от слова *λύκος* — «волк» (Аполлон почитался как защитник стада от волков); от малоазийской страны Ликии, откуда происходила Лето, родившая Зевсу близнецов, Аполлона и Артемиду. Что касается Артемиды, то в Трезене, на северном побережье Пелопоннеса, был храм Артемиды Ликийской (*Павс.* II, 31, 4).
- 209 *...моей родины отпрыск...* — Упомянутый далее бог *Дионис*, сын фиванской царевны Семелы и Зевса.
- 222 *...я — поздний гражданин...* — С точки зрения афинского права, уголовное преследование могло быть возбуждено только по заявлению полноправного гражданина, каким стал Эдип, будучи избран царем.
- 224—229 *Кому известно...* — Тоже элемент афинского процессуального кодекса: заочное освобождение от наказания явившегося с повинной соучастника преступления.
- 236 *В земле . . . отлучен.* — «Заключение» убийцы посредством отлучения его от общения с людьми, посещения храмов тоже момент из области афинского уголовного права.
- 246—251 *Я говорю: будь проклят...* — Эти стихи еще в середине прошлого века О. Риббек предложил перенести в конец монолога, после ст. 272 (*Иль худшей смертью...*), и Зелинский в своем переводе исходил из этой перестановки. Еще более далеко идущие изменения в порядке стихов в этом монологе отстаивает Доу, располагая их в следующем порядке: 232—243, 269—272, 252—268, 244—251 (*Studies*. V. 1. P. 221—226). Едва ли, однако, есть необходимость в этих перестановках, и в настоящем издании перевод приведен в соответствие с традиционным порядком текста.
- 264 *Так за него, как за отца родного...* — Став супругом Иокасты, Эдип оказался связанным узами родства с Лаием и поэтому (согласно афинской судебной практике) имеет право возбудить уголовное преследование еще не найденного убийцы.
- 380 *О власть, о злато...* — Ст. 380—389 представляют собой в оригинале один синтаксический период (см. Трагический театр Софокла, с. 490), разбитый Зелинским в переводе на 6 самостоятельных предложений.
- 391 *...хищная певича...* — См. примеч. к ст. 36. *Живую дань сбирала...* — добавление Зелинского.
- 395 *Птицы вещи молчали...* — В Древней Греции одним из средств прорицания служил полет птиц и издаваемые ими при этом звуки. Ср. 966. Слепому Тиресию приходилось делать свои умозаключения именно по этому второму признаку. См. *Ан.* 999—1004.
- 417 *И час придет...* — Добавление Зелинского, имеющее целью сгладить не слишком удачный в оригинале переход от 416 к 417. Доу постулирует между ними лакуну в один стих, равную по смыслу добавлению Зелинского.
- 421 *Киферон* — горный кряж на границе между Фивами и Атикой, где по наиболее

- распространенной версии Эдип был подкинут, а по версии Софокла — передан коринфскому пастуху. Ср. 1134, 1391.
- 442 *В твоём искусстве...* — Переведено по конъектуре Бентли, принятой Доу: τέχνη против рукописного τούη. Эдипа в меньшей мере сгубил случай, чем его способность отгадать загадку Сфинкс.
- 472 *...рой... Эриний.* — Эринии — божества кровной мести. Первоначально в их функции входила месть за убийство или осквернение, совершенное в пределах рода и семьи (ср. ЭК. 40 и прим.), затем им стало подведомственно всякое убийство. Здесь упоминание Эриний (в оригинале — Керы, родственные им божества) несет в себе трагическую двусмысленность, так как преступления, совершенные по неведению Эдипом, входят в древнейшую сферу действия Эриний. Ср. *Од.*, XI, 279 сл.; *Эсх. Сем.* 700, 723, 791, 977.
- 476 *С круч... Парнаса.* — На склонах Парнаса расположены Дельфы и оракул Аполлона, источник *грозных вешаний* (480); в оригинале: «прорицаний, исходящих от пула земли» — в Дельфах особым почитанием пользовался камень, проглоченный Кроном вместо младенца Зевса и возвращенный им из своего чрева вместе с его другими, проглоченными им детьми. Место, где лежал камень, считалось центром («пупом») земли.
- 490 *Полибид* — Эдип, считающийся сыном Полиба.
- 513 *Созраждане.* — Каким образом Креонт, ушедший в конце пролога вместе с Эдипом во дворец, оказался в городе и, тем более, узнал, в чем его подозревает царь, ни Софокла, ни его аудиторию, как видно, не интересовало.
- 562 *...был тогда при деле?* — В оригинале точнее: «Владел своим искусством?»
- 590 *...без страха...* — Перевод по ркп. чтению ἄνευ φόβου. Доу принимает и отставляет конъектуру Блейдза ἄνευ φθόνου — «без зависти», которая всегда сопровождает царя, но не распространяется на второе после него лицо в государстве.
- 623 *Нет, не изгнанье...* — После этого стиха в оригинале явно выпал однострочный вопрос Креонта (напр.: Когда же я смогу убедить тебя в ошибке?). Точно так же после 625 — однострочная реплика Эдипа (напр.: Нет, ибо я убежден в своей правоте). Лакуну после ст. 625 указал Джебб; Зелинский принял ее, но заполнил переводом «от себя»; лакуну после ст. 623 обосновывает Доу.
- 668 *...новый бедствий вал...* — В переводе пропала важная мысль оригинала: «бедствий, происходящих от вас двоих».
- 732 *Фокида* — область в Средней Греции, центром которой были Дельфы. На восток от них, по дороге к Фивам, находилась *Давлида*. Расстояние от Дельфов до Давлиды по прямой — немногим более 20 км.; путь по горным дорогам был, естественно, несколько длиннее, но в любом случае ясно, что Эдип только что успел покинуть Дельфы и находится целиком под впечатлением полученного там ужасного пророчества (см. 789—793), когда повстречался с Лаием и его свитой.
- 848 *...тогда уж нет сомнений...* — Некоторый нюанс в переводе этого стиха зависит от принятой в нем интерпункции. Большинство издателей членит этот период на: εἰ...αὐδῆσαι, σαφῶς τοῦτ'ἔστιν — «если (пастух) укажет на одного убийцу, то ясно, что это дело моих рук». Доу членит период иначе: εἰ...αὐδῆσαι σαφῶς, τοῦτ'ἔστιν — «если (пастух) явно укажет на одного убийцу, значит, это дело моих рук».
- 863 *Судьба моя!* — О месте 2-го стасима в трагедии см. выше, с. 497.
- 873 *Слепая спесь — власти чадо...* — Зелинский перевел по конъектуре Блейдза, принятой Доу: ἄβρις φτεῖναι τύραννός — «тирания порождает гордыню». Ркп. чтение, принятое большинством издателей: ἄβρις φτεῖναι τύραννον — «гордыня порождает тирана» — имеет не меньше права на существование: именно гордыня, надменность, превращение человеческих возможностей в служили, по представлению древних греков, источником единовластия. Ср. *Эсх. Пе.* 808, 821.
- 898-900 *...срединный храм...* — Дельфы; см. прим. к 480; *...чертог Агейский...* — храм Аполлона в Абах, северо-восточнее Давлиды; *Олимпия* — культовой центр в Элиде, на западе Пелопоннеса; в расположенном там огромном храме Зевса, как и в Абах, паломникам давались прорицания.
- 906 *Уж веры нет...* — В переводе опущена существенная мысль оригинала: «Уже теряют силы прорицания, касающиеся Лаия», — хор делает вывод о падении благочестия, исходя из вполне конкретного случая: Лаию была предсказана смерть от

- руки сына, а он погиб от безвестного убийцы. О падении среди афинян в годы Пелопоннесской войны веры в оракулы см. Фукидд II, 47, 4; V, 103, 2.
- 919 *Ликийский Аполлон...*— См. примеч. к 208.
- 924 *Дозвольте, граждане...*— В оригинале этот и два следующих стиха кончаются одинаково на слог — *ποι* — редкий случай в афинской трагедии, подчеркивающий значение предстоящей сцены.
- 940 *Земли истмийской...*— Истм — вообще перешеек, но чаще всего имеется! в виду Коринфский перешеек, соединяющий Среднюю Грецию с Южной.
- 966 *...с криком... птицы...*— См. 395 и примеч.
- 1032 *...суставы знают ног твоих.*— По общепринятой версии, Лайх велел проколоть младенцу сухожилия у щиколоток и связать ноги сыромятным ремнем (ср. 1034, 1350). Воспалившиеся и опухшие в результате этой варварской операции ноги и дали якобы повод спасителям ребенка назвать его Эдипом: это имя греки производили от глагола *οἶδα* («вспухать») и существительного *ποῦς* («нога»). *Οἶδ᾽ ποῦς* — «с опухшими ногами» (1036).
- 1062 *...тройным рабом...*— Т. е. рожденным от женщины, которая была сама рабыней в третьем поколении... *не станешь ты рабыней.*— Свободнорожденная гражданка, вышедшая замуж за раба, теряла свои гражданские права и приравнивалась к рабыне. Эдип истолковывает тревогу Иокасты в том смысле, что она боится узнать о его истинном — может быть, рабском — происхождении (ср. 1070, 1078 сл.).
- 1100 *Горного Пана ль подруга...*— В греческой мифологии было достаточно примеров соединения богов со смертными девушками, которые потом вынуждены были подбрасывать детей — плод тайной связи. Так был подброшен сын Аполлона и афинской царевны Креусы Ион (см. одноименную трагедию Еврипида); близнецы, рожденные фиванской царевной Антигоной от Зевса, — Амфион и Зет; тоже близнецы, рожденные элидской царевной Тиро от Посидона, — Пеллий и Нелей (ср. Менандр. Третейский суд 325—337). Поэтому предположение хора, что и Эдип — результат одного из таких союзов, с древнегреческой точки зрения не содержит в себе ничего невозможного.
- 1123 *...не купленным...*— Рабы, выросшие в доме, считались заслуживающими особого доверия своих господ.
- 1137 *Арктур* — самая яркая звезда в созвездии Волопаса. Ее появление в сентябре было признаком осеннего равноденствия (*Гес. Т и Д.* 566, 610; Фукид. II, 78). В оригинале: «от весны до Арктура», стало быть, от марта до сентября.
- 1152 *...заставят силой.*— Древние греки были убеждены, что добиться от раба правды можно только под пыткой (ср. 1154, 1158).
- 1227 *Истр* — Дунай (обычно его нижнее течение); *Фасис* — Рион.
- 1380 *Фиванец истый...*— Ср. 222.
- 1398 *Где две дороги...*— Ср. 734.
- 1417 *Креонт отныне страж...*— Как единственный взрослый мужчина из царского рода. Называя своих сыновей мужчинами (1460), Эдип, как видно, несколько преувеличивает их возраст.
- 1443 *Вновь вопросить...*— Откладывая изгнание Эдипа, Софокл приводит финал трагедии в соответствие с распространённой версией, по которой Эдип еще некоторое время оставался во дворце, скрытый от глаз сограждан. Это время требовалось, по мифу, для того, чтобы Этеокл и Полиник успели оскорбить отца и заслужить его проклятие (см. вступительную заметку к ЭК и ст. 427—430, 440—444).
- 1489 *...собрания у соседей...*— Имеются в виду те случаи, когда афисские женщины могли появиться среди публики: праздники Великих Панафиней, Дионисии и чисто женские праздники — Фесмофории, Адонии и т. п.
- 1503 *Сын Менекея!* — Креонт.
- 1512 *Теперь лишь об одном...*— Рукописи дают здесь разночтения, и одно из возможных чтений (принятое Доу) дает здесь противопоставление: «молите, чтобы мне жить, как дает случай, вам же — лучше, чем вашему отцу».
- 1524—1530 *О сыны земли фиванской!* — Подлинность заключительных стихов трагедии вызывает у многих исследователей сомнение. Расхождение начинается с вопроса о том, кому они принадлежат: в ркп. они отданы хору, в схолиях — Эдипу. Эта последняя атрибуция представляется явно ошибочной: назидательное завершение, уместное в устах корифея, совершенно разрушило бы трагическое содержание обра-

за Эдипа. Возможно, замечание схолиаста вызвано почти буквальным сходством 1524 сл. со ст. 1758 сл. из заключения еврипидовских «Финикиянок», где их прозносит Эдип. Однако, именно это сходство, подкрепляемое принятым в обоих случаях размером — трохеическими тетраметрами, возбуждает сомнение в принадлежности финальных стихов ЦЭ Софоклу: в его трагедиях заключительные слова корифея всегда бывают выдержаны в анапестах. Вероятно, обсуждаемыми стихами во время посмертных постановок трагедии заменили подлинный софокловский финал по образцу завершения «Финикиянок». (См. *Dawe. Studies. V. I. P. 266—273*). Сомнения, связанные с малоупотребительным у Софокла трохеическим тетраметром, распространяются иногда и на предшествующие стихи, начиная с 1515.

ЭДИП В КОЛОНЕ (с. 59)

Трагедия написана в последний год жизни поэта (АС 15) и поставлена уже по-смертно, в 401 г., его внуком Софоклом младшим (АС 102). Может быть, к этой постановке относится надпись, найденная в 1894 г. в Элевсине. В ней сообщается, что два элевсинских гражданина, Гвафис, сын Тимокеда, и Анаксандрид, сын Тимагора, назначенные совместно хорегами (такая система вошла в практику в последние годы Пелопоннесской войны), дважды одержали победу: один раз в комедии, которую поставил Аристофан, другой раз — в представлении трагедии (возможно, тетралогии), поставленной Софоклом (т. е. внуком).

О названии, указывающем на место действия в трагедии, см. АС 97, 101, 102.

В сюжете «Эдипа в Колоне» различаются два основных мотива: вечное упокоение изгнанного из Фив Эдипа в Колоне и вражда между его сыновьями, еще более осложнившаяся вследствие проклятья отца. Второй из этих мотивов восходит к циклической «Фиваиде» (*Афин. XI, 465 е, ст. ЭК. 1375*): там рассказывалось, как после разоблачения Эдипа сыновья перестали относиться к нему с должным почтением и этим вызвали его грозное проордания, что им суждено делить власть мечом, т. е. погибнуть в братоубийственном поединке. Этот сюжет мимоходом упоминался несколько раз у Пиндара (*Ол. II, 38—42; Нем. IX, 18—27*), а затем лег в основу эсхиловских «Семерых» (467 г.) и еврипидовских «Финикиянок» (411—409)⁶. Софокл также использовал его в своем последнем «Эдипе» (371—381, 421—427, 1291—1330, 1370—1392), но не меньше внимания обратил и на отношения сыновей к Эдипу, которые сначала изгнали его, а теперь стараются заручиться его поддержкой (427—430, 440—444, 1354—1369).

Что касается первого мотива, то в уже упомянутых «Финикиянках» покидающий свою родину в сопровождении Антигоны (1690—1694) Эдип сообщает о приближающемся исполнении проордания, данного Аполлоном: ему суждено достичь в своих скитаниях Афин и окончить жизнь в их пригороде Колоне, жилище бога-конника Посидона (1703—1707). И в самом деле, в роще на холме в Колоне, находившемся несколько северо-западнее Афин, в V в. существовал алтарь, посвященный Эдипу, — его видел еще во II в. н. э. Павсаний (I, 30, 4).

Местное аттическое сказание считало эту рощу заповедным участком Эриний — хтонических богинь, призванных карать за пролитие родственной крови. (На местный характер этого предания специально указывает Софокл: *ЭК, 62 сл.*) Именно эти богини, согласно «Одиссее» (XI, 280), преследовали Эдипа после невольного убийства Лаия. Однако, подобно тому, как Эринии сочетали в себе карающие и благодатные функции, так и сам себя покаравший Эдип под конец жизни должен был приобщиться к сонму «героев», т. е. обожествленных смертных, оказывающих покровительство тому месту, где они похоронены. Что Эдипу был уготован такой путь, ясно из беотийского сказания, сохраненного в схолиях к *ЭК 91*.

Здесь рассказывается, как близкие Эдипа похоронили его в фиванской земле, но фиванцы, считавшие своего бывшего царя нечестивцем, потребовали удаления его останков из их земли. Тогда Эдипа похоронили в беотийском селении Кеосе, где вскоре

⁶ Ср. также: *TrGF 2, Fr. 346b, 458*.

произошли какие-то бедствия, и местные жители решили, что причиной является захоронение у них Эдипа. Считаясь с его прахом, его близкие оказались ночью в Этеоне, недалеко от границы Беотии с Атикой, и там совершили погребение. Наутро выяснилось, что могила Эдипа находится в священном участке Деметры. На запрос встревоженных этеонцев Аполлон в Дельфах дал приказ: «Не тревожить того, кто пришел как молящий к богине». Атический миф можно рассматривать, таким образом, как параллельный вариант к беотийскому, с той лишь разницей, что в предместии Афин приходит еще живой Эдип.

Выбор Софоклом темы для его последней трагедии был не лишен и политического смысла. Во-первых, она давала повод для очередного на атической сцене прославления Афин как надежного защитника всех, кто обращается к ним за помощью. Мотив этот имеет достаточно длительную традицию и прослеживается как в трагедиях Еврипида («Гераклиды», «Молящие»), предшествующих «Эдипу в Колоне», так и в атическом красноречии вплоть до середины IV в. В условиях Пелопоннесской войны, когда каждая из воюющих сторон стремилась обеспечить себе поддержку союзных городов-государств, такое изображение Афин имело вполне определенную патриотическую направленность. Во-вторых, в конце 407 г. спартанский царь Агис предпринял наступление против афинян в районе Колона и был отбит, причем три четверти его конницы составляли беотийцы (*Диод.* XIII, 72, 3—4). Естественно было предположить, что в этом не последнюю роль сыграло чудесное вмешательство покойного Эдипа, обещавшего охранять принявшую его атическую землю (ср. *ЭК.* 92 сл., 616—628, 1518—1525). Наконец, выбирая местом действия трагедии свой родной Колона, Софокл получил возможность прославить его в знаменитой хоровой песни, которая, согласно античному анекдоту, потрясла судей и публику (*АС* 16, 17). И действительно, трагедия, написанная девятидесятилетним старцем, не содержит ни малейших признаков увядания его таланта.

Структура «Эдипа в Колоне», сохраняя членение по традиционным элементам (речевые и хоровые партии), характеризуется значительным усилением лирических партий с участием хора и солистов. Следующий за прологом (1—116) парод (117—253) отличается особенно искусным построением: между двумя строфами хора (117—137=149—169) расположен анапестический диалог Эдипа с Корифеем (138—148); такой же диалог (170—175, на этот раз Эдипа с Антигоной) примыкает к антистрофе. Вторая пара строф (176—187=192—206) представляет собою коммос с участием хора, Эдипа и Антигоны; между строфами — снова краткая анапестическая система (Эдип, 188—191). Со ст. 207 начинается астрофическая часть коммоса, которая завершается арией Антигоны (237—253).

Следующий затем 1-й эпизодий (254—667) делится на две части коммосом (510—548), как и последний, 4-й эпизодий (1249—1555; коммос: 1447—1499). Две лирические партии комматического характера включены и во 2-й эпизодий (720—1043; лирические строфы: 833—843=876—886). Целиком речевой характер сохраняется только в 3-м эпизодии (1096—1240). Четыре сгасима (668—719, 1044—1095, 1211—1248, 1556—1578) примыкают соответственно к каждому из эпизодиев.

Эксод (1579—1779) также содержит большой коммос с участием хора, Антигоны и Исмены (1670—1750) и завершается анапестическим диалогом Фесея с Антигоной (1751—1776).

«Эдип в Колоне» — единственная из трагедий Софокла, в которой на сцене оказывается одновременно четыре действующих лица: в ст. 1096—1210 — Эдип, Фесей, Антигона, Исмена (без слов); в ст. 1249—1446 — Эдип, Полинник, Антигона, Исмена (без слов); в ст. 1486—1555 — Эдип, Фесей, Антигона, Исмена (без слов). Наиболее естественным выходом из положения представляется привлечение к исполнению дополнительного актера с весьма ограниченными функциями: во всех указанных выше сценах он присутствовал молча в костюме и маске Исмены, а в ст. 1724—1736 ему доверялось произнести несколько вокальных фраз. Такого рода практика привлечения дополнительного исполнителя (так называемая *παροχή*, т. е. дополнительная обуза для хора) засвидетельствована словарем Поллукса (IV, 110). В этом случае при распределении остальных ролей придется считаться с необходимостью поделить между двумя актерами роль Фесея. Получится следующая картина: протагонист — Эдип; деутерагонист — Страж, Исмена (до 509), Фесей (кроме 887—1043), Креонт, Полинник, Вестник; тритагонист — Антигона, Фесей (в 887—1043); дополнительный

актер — Исмена (с 1096). Впрочем, роль Исмены в заключительном коммозе мог исполнять и протагонист, освободившийся от роли Эдипа.

Кроме софокловского «Эдипа в Колоне» была еще трагедия неизвестного автора «Эдип изгнанник». Ее последний стих («На смерть меня влекут отец, жена и мать») сохранился у Светония в жизнеописании Нерона, гл. 46. Об обращении других драматургов к последнему дню жизни Эдипа ничего не известно.

Для настоящего издания заново переведены следующие стихи: 11, 25, 40 сл., 45, 63 сл., 71 сл., *77, 120, *147 сл., 150—*155, 162 сл., 167—169, 177, 181, 185—187, 189, 191 сл., 202—206, 214 сл., 223, 226, 234, 236, *248 сл., 263 сл., 273 сл., 276, 292, 302—304, 314, 330 сл., *371 сл., 380 сл., 394 сл., 399 сл., 402—405, 409, 411 сл., 447, 457 сл., 460, 499, 504, 515—517, *520 сл., 536 сл., 547 сл., 560 сл., 579 сл., 583 сл., *590 сл., 604, 606, 614 сл., 658—663, 679 сл., 685, 696, 749, 752, 772 сл., *778 сл., 781—783, 800 сл., 813 сл., 817 сл., 832, 834, 836, 862, 879, 882, 886, 890, 937, *967 сл., *971, *1004, 1028, 1043, 1084, 1101, 1105, 1108, 1113 сл., 1168, 1175, *1188, 1192 сл., 1235, 1239, *1266, 1268, *1272, 1301, 1307 сл., 1321, 1347, 1349 сл., *1357, 1379, 1383 сл., 1407 сл., 1422 сл., 1437 сл., 1462—1469, 1498 сл., 1525, 1532 сл., *1535, 1572—1574, 1576, 1578, *1583 сл., 1599 сл., 1641, 1643 сл., 1666, 1671, 1728, 1734, 1743, 1747, 1753, 1771 сл., 1779.

Место действия трагедии Ф. Зелинский во вступительной ремарке к переводу представлял себе следующим образом: «Скалистая местность. На переднем плане — дорога. За ней, справа, темнотливенная роща на холме [ср. 16—18]. Фон образует афинский Акрополь с его зданиями — царским дворцом и храмом Афины [ср. 24; см., однако, 303—305]. Там и сям — обломки скал, представляющие собой естественные сиденья [ср. 19, 194—202]. Слева — конная статуя героя Колона [ср. 59—61]».

- ¹⁹ ...из живого камня... — Неотесанного, не обработанного рукой человека; ср. 101.
- ⁴⁰ *Земли и Мрака грозные исчадия*... — Эриний. Эсхил (Евм. 416) называет их матерью Ночь. Согласно Гесиоду (Теог. 184), Эриний родила Земля, оплодотворенная каплями крови Урана, которого оскопил его сын Кронос, — отсюда их функция мстить за преступление против родителей.
- ⁴² *Евмениды* («благосклонные») — другое наименование Эриний, выдвигающее на первый план их благодатные функции (486—489). См. Эсх. Евм. 794—1047.
- ⁸⁷ ...в тот день неслыханных гаданий... — Тогда же, когда Эдип получил ужасное предсказание о своей судьбе, придя в Дельфы. Характерно, однако, что в ЦЭ Софокл не вспоминает об этой части предсказания, касающейся кончины Эдипа.
- ⁹⁴ *А знаменьем признаешь*... — Предвосхищение финала, ср. 1456—1479.
- ¹⁰⁰ ...бесчеловечных сопратезниц... — Возлияние Эриниям состояло из родниковой воды и меда, без примеси вина, которое добавлялось при жертвоприношениях другим богам (см. 158—160, 469—481).
- ¹⁸¹ *Ты разве меня не слышишь?* — Как видно из сравнения с антистрофой, после этого стиха в оригинале пропали 3 стиха; еще один, последний, — в следующей за ними партии Антигоны.
- ²²⁸ *Нет от богов*... — Хор хочет сказать, что нарушение им обещания, данного ранее Эдипу (см. 176 сл.), не вызовет гнева богов, так как раньше он скрыл от них свое имя. запятнанное скверной.
- ^{258—265} *Когда поток струится*... — Эдип хочет сказать, что своим поведением старцы омрачают репутацию Афин как оплота всех гонимых.
- ²⁷¹ *На зло ответил злом я*... — Т. е. убил, обороняясь, повстречавшегося ему не узнавшего Лаия.
- ²⁷⁸ *Святые их заветы*... — В ркп. имеются разночтения, но ни одно из них не дает права на столь возвышенный стиль. Буквальный перевод: «Почитая (одних) богов [т. е. оберегая священную рощу Евменид], не ставьте ни во что (других) богов [т. е. блюдуших права гостеприимства]». Есть даже чтение, позволяющее перевести: «Не делайте глупцами других богов».
- ³¹² ...этнейский конь... — Из области в Сицилии, прилегающей к горе Этне.
- ³³⁷ ...у египтян нравам Они учились... — Сведения, по-видимому, почерпнутые Софоклом в «Истории» Геродота (II, 35), с которым он находился в дружеских отношениях.
- ³⁵⁴ ...Вестницей гаданий Феба... — Мотив, введенный Софоклом только здесь, чтобы

- подчеркнуть преданность Исмены; ни в каких других прорипаниях Феба, кроме полученных им в юности, Эдип не нуждался. Новое прорипание Исмена приносит только сейчас (387—392).
- 379 ...новый брак...— Не в том смысле, что Полиник был женат ранее, а в том, что у него появились новые свойственники за пределами родной страны. Полиник женился на дочери аргосского царя Адраста. ...смелая дружина...— семь вождей (включая Полиника), ополчившихся против Фив.
- 435 ...я готов Принять был гибель...— Ср. ЦЭ. 1409—1412.
- 484 Да, слышали...— В некоторых ркп. при этом стихе обозначена только перемена говорящего; в других его отдают Исмене или Антигоне, в третьих — обоим сестрам вместе. Исмена представляется здесь наиболее подходящей собеседницей Эдипа, поскольку она же далее берет на себя труд совершить возлияние и уходит, оставляя Антигону с отцом.
- 547 Если б не тронул я...— Ркп. текст здесь явно неудовлетворителен, предлагая чтение: καὶ γὰρ ἄλλους ἐφόνευσα καὶ ἀλώεσα — «и других я убил и погубил», как будто Эдипа беспокоит судьба убитых им спутников Лаия. Для исправления смысла предлагались различные конъектуры, и в том числе: καὶ γὰρ ἄν, οὐς ἐφόνευσα, ἐμ' ἀλώεσαν (см. Джебб), «ибо погубили бы меня те, которых я убил». Перевод Зелинского выполнен по этому чтению, напоминающему зрителю, что убийство Лаия было совершено Эдипом в состоянии аморбозы (см. ниже, 922—999).
- 582 И сам чужим я вырос...— Фесей родился от союза афинского царя Эгея с трезенской царевной Эфрой и провел свое детство и отрочество вдали от Афин, которые он считал своей родиной как сын и наследник афинского царя.
- 583 И много бедствий...— Достигши совершеннолетия, Фесей отправился на свидание с отцом через Коринфский перешеек, населенный в те времена кровавыми разбойниками. Только одержав победу над Скироном, Синисом, Прокрустом и т. п. чудовищами, Фесей сумел добраться до Афин; здесь ему еще предстояла охота на свирепого марафонского быка и поездка на Крит, где он убил Минотавра, вступив с ним в поединок в глубине лабиринта.
- 588 Кому же? — Доу постулирует после этого стиха лакуву в две однострочные реплики, Эдипа и Фесея. В самом деле, 588 звучит в оригинале следующим образом: «(Ты говоришь о вражде, грозящей) твоим сыновьям или мне?» После этого слова Эдипа («Они домой влекут меня...») явно не содержит ответа на вопрос Фесея: вражда между отцом и сыновьями грозит самому Эдипу. Можно предположить, что в ответ на вопрос Фесея Эдип сообщал о какой-то опасности, грозящей ему самому, пока он ищет защиты у Фесея, и Фесей спрашивал, чего же именно боится теперь изгнанник. Слова Эдипа (589) и были ответом на этот, выпавший в ркп. вопрос.
- 676 Кроткого бога...— Определение «кроткого» — добавление Зелинского, мало подходящее к Дионису, который обладал способностью вселять в людей вакхическое исступление.
- 680 Его воспоиших нимф...— Младенец Дионис был отдан на воспитание нимфам в мифической Нисе; впоследствии они составили сопровождавшую его свиту.
- 683 Дева-Кора — Персефона, богиня подземного мира.
- 684 Есть и древо у нас...— Дальше следует гимн оливковому дереву (маслине), почтавшемуся в Аттике как священное дерево Афины. Его вырубка считалась актом религиозного нечестия (ср. ниже: «Ни стар, ни млад... ввек не сгубит его») и строго каралась, вплоть до смертной казни.
- 685 ...в дорийской земле — Имеется в виду весь Пелопоннес, названный так якобы по имени легендарного элидского царя Пелопа.
- 706 Зевс-Морий — эпитет, сопровождающий имя Зевса, происходит от слова μορῖα «священная маслина».
- 716 Здесь же прынул в лазурь...— Находившийся на Акрополе и символизировавший власть над морем источник с соленой водой афиняне считали делом рук Посидона, который вызвал его на свет, ударив о скалу трезубцем. Они так и называли его «морем» — отсюда ассоциация этого образа с кораблем, плывущим по настоящему морю в сопровождении морских нимф *Нереид*.
- 748 ...такой падет позор? — С нашей точки зрения, самоотверженное служение Антигоны скитальцу-отцу меньше всего заслуживает обозначения как позорное. Греки, однако, судили гораздо чаще по объективному результату: доля юной ца-

- ревны, скитающейся, как нищенка, лишеной защиты отца и мужа, представлялась им позорной. Такое положение Антигоны, по мнению Креонта, позорит и весь ее род (*Каким беславьем...*, 754).
- ⁷⁶⁶ ...я изгнанья жаждал...— Ср. ЦЭ. 1518 сл.
- ⁸⁶⁹ ...такую же дарует старость...— Ср. Ан. 1261—1346.
- ⁸⁸² Зевс не даст...— Ркп. здесь испорчена, и образовавшуюся небольшую лакуну издатели восстанавливают по-разному, но из ответа Креонта очевидно, что здесь должен был быть упомянут Зевс.
- ⁸⁸⁶ За рубеж страны! — Хор хочет сказать, что свита с Антигоной и Исменой уже близка к границам Аттики; если не застигнуть их немедленно, то ради защиты девушек афинянам придется вторгнуться с войском на чужую территорию, что может повести к серьезным для них внешнеполитическим осложнениям. Ср. 902.
- ⁸⁸⁷⁻⁸⁹⁰ Что за крики?—См. Ф. 1402—1407 и примеч.
- ⁹⁰¹ Дороги две... сошлись.— Обе дороги вели из Колона на северо-запад, в направлении Киферона. Одна шла вдоль северного берега Элевсинского залива и через Элевсин, другая — несколько севернее, в обход Эгалеийского хребта. Обе они сходились южнее аттического поселения Элевфер. Фесей отправляет туда своих людей в расчете на то, что они опередят свиту Креонта, не дав ей пересечь границу.
- ⁹¹⁹ А ведь не Фивы...— В свете событий 407 г. (см. вступительную заметку) комплимент по адресу Фив (ср. также 929) не вполне понятен. Высказывалось предположение, что эти стихи внесены Софоклом-внуком при постановке 401 г., после того как эмигрировавший в Фивы Фрасибул собрал там отряд, положивший начало освобождению Афин от олигархии Четырехсот.
- ⁹⁵⁴ Ведь нет для гнева...— Эти два стиха несколько нарушают ход мысли Креонта, объясняющего свое поведение и необходимость подчиниться воле Фесея. Некоторые издатели их совсем исключают, Доу переносит после 959: Хоть я и слаб,— говорит Креонт,— но затаю свою обиду до самой смерти.
- ¹⁰²⁹ Не одиноким ты...— Загадочный намек в устах Фесея на поддержку со стороны кого-то из афинян, на которую мог рассчитывать Креонт. Убеждение, что враги царствующей особы всегда должны опираться на недовольных среди его окружения, присуще и другим персонажам Софокла: ср. ЦЭ. 378—389, 399 сл.; 532—542; Ан. 289—294.
- ¹⁰⁴⁸ ...Пифийский брег...— Местность на берегу Элевсинского залива, где находился храм Аполлона (Пифийского бога). *Иль луг светозарный...*— Сам Элевсин, древний культовый центр Деметры и Персефоны (*могучих богинь*), известный своими мистериями (*вечными тайнами*). См. 901 и примеч.
- ¹⁰⁵⁹⁻¹⁰⁶¹ ...затский кряж . . Горы снеговой склон? — Другое название Эгалеийского хребта. См. 901 и примеч.
- ¹⁰⁶⁸ ...вся вперед устремлена...— Испорченное в ркп. место. Перевод приблизительный.
- ¹⁰⁷⁸ Не будет им обид истоком...— Это выражение можно толковать по-разному. Благодаря вмешательству Фесея (1) на будущем обеих сестер не отразится их происхождение от отца, сошедшегося с собственной матерью; или (2) они не потерпят обиды от Креонта, приходящегося им кровным родственником.
- ¹¹¹⁸ Кто дело сделал.— Ркп. чтение испорчено. Перевод Зелинского — по чтению Джебба.
- ¹¹⁵⁶ ...не согражданин тебе...— Странная характеристика, если учесть что Полиник (о котором говорит Фесей, не называя его по имени) и Эдип — оба родом из Фив. Возможно, сам Полиник сказал Фесею, что он из Аргоса, или царь понял это по его одежде (ср. 1167 сл.).
- ¹¹⁶⁷ ...в Аргосе дорийском...— Находящемся в Пелопоннесе, населенном преимущественно дорийцами. Ср. 1301.
- ¹²⁴⁵⁻¹²⁴⁸ То от закатной межи морей...— Поэтическая парафраза мысли «со всех сторон света».
- ¹²⁴⁹ Уж близится пришелец...— В оригинале 1249 сл. звучат следующим образом: «И вот, по-видимому, чужеземец к нам... что же касается свиты, то он один, отец...» В связи с этим Доу справедливо замечает, что ограничительная частица γε («в отношении же», «что касается») не имеет смысла после слов Антигоны καὶ μὴν, вводящих появление нового персонажа. Поэтому Доу предполагает здесь потерю двух стихов: в первом завершалось сообщение Антигоны («к нам приближается»), во

- втором содержался вопрос Эдипа: «Один он идет? Или за ним следует свита?» — беспокойство Эдипа после недавнего вторжения Креонта вполне объяснимо. На этот вопрос Антигона и отвечает успокаивающим: «Что касается свиты, то ее нет; он подходит один». Соображения Доу несомненно заслуживают внимания.
- 1299 *Дух — мститель твой...* — В оригинале: Эриния. См. ЦЭ. 472 и примеч.
- 1300 *Так и пророки возвестили...* — О каком пророчестве здесь идет речь, не ясно. Доу замечает, что содержание пророчества Полиник должен был сообщить прежде, чем перейти к дальнейшему изложению («Когда же я прибыл в Аргос»..., 1301). Поэтому после 1300 Доу предполагает лакуну в несколько стихов.
- 1311 *Нас семь вождей...* — Ср. Эсх. Сем. 375—652; Евр. Финик. 119—181.
- 1321 *По матери он назван...* — Имя Парфенопей производят от греческого слова *παρθένος* — «дева»; Аталанта — одна из спутниц Артемиды, долго хранившая свое девичество.
- 1390 *...Эреба Мрак изначальный...* — Ср. Гес. Теог. 116; по космогонии, излагаемой в аристофановских «Птицах» и восходящей к орфическим представлениям, в начале мироздания лежали четыре стихии: Хаос, Ночь, черный Эреб (царство мертвых) и обширный Тартар (693).
- 1409 *Не отдавайте в поруганье...* — Автореминисценция сюжета «Антигоны» Софокла. Ср. 1435 сл.
- 1493 *Там над обрывом...* — В оригинале точнее: «приди, даже если ты свершаешь жертву...» Имеется в виду священная роща и храм Посидона в Колоне (Павс. I, 30, 4).
- 1534 *...от сынов дракона.* — Фиванцев, которые являются потомками спартов, выросших из посеянных Кадмом зубов убитого им дракона.
- 1548 *Гермес-вожатый* — проводник душ умерших в загробном царстве; в этом качестве его звали психопомп. См. А. 832.
- 1565 *Несчетных мук...* — Ркп. текст испорчен. Перевод приблизительный.
- 1569 *Необоримый зверь...* — Страж подземного царства пес Кербер.
- 1574 *Земли и Эреба Суровая дочь.* — Смерть, хотя подобная генеалогия больше нигде не засвидетельствована.
- 1563 *Вытянул у бога...* — Перевод Зелинского исправлен по конъектуре *λελοχῦστα*, принятой многими издателями, в том числе Дэнном и Доу. См. «Ф. Зелинский — переводчик Софокла», с. 536.
- 1591 *...медными устоями...* — Т. е. уходит в самую глубину Тартара. Ср. Ил. VIII, 13—15; Гес. Теог. 811—813.
- 1593 *Близ Полой Чаши...* — Судя по всему, углубление в скале, в котором спрятали свой договор о дружбе Фесей и царь лапифов Пирифой; Фесей согласился сопровождать Пирифоя в походе за Персефоной в подземное царство.
- 1595 *Скалы Фориковой, дуплистой груши И каменной могилы...* — Колонские святыни, ближе нам неизвестные.
- 1600 *Деметры-Хлои* — «Зеленеющей», т. е. покровительницы молодой листвы и начала всякой растительности. В Афинах было святилище, в котором Деметра-Хлоя почиталась вместе с Землей — Детокормилицей (Павс. I, 22, 3).
- 1624 *Волосы внезапно...поднялись.* — Симптом страха, известный еще из гомеровского эпоса: Ил. XXIV, 359.
- 1694 *Не роща...* — Стих испорчен, и *καλῶς*, переведенное Зелинским «не роща», скорее всего, лишнее.
- 1702 *Несчастный старец...* — Перевод Зелинского по не имеющему смысла ркп. *οὐδὲ γέρον*. Более вероятный смысл этого стиха «даже находясь под землей (в Ахеронте)». Первое чтение, предложенное Векляйном, принимает Джебб; второе предлагает Доу.
- 1715 *О родная...* — В партии Исмены, как это видно из сравнения со строфой, в ркп. пропуск. Разные издатели, однако, постулируют его в различных местах: одни — посередине сохранившегося текста, другие — после него. Из перевода Зелинского изъят один стих в соответствии с первым предположением.
- 1733 *Там и мне бы...* — После этого стиха в ркп. потерян обмен краткими репликами между Исменой и Антигоной, переведенный здесь по дополнению Виламовица.

АНТИГОНА (с. 124)

Документальных данных о постановке трагедии нет, но сохранилось сообщение, что афиняне избрали Софокла стратегом на 441 г. для ведения войны против Самоса (АС 105), воодушевленные его «Антигоной». Выборы стратегов происходили летом, и, следовательно, «Антигону» надо датировать мартом-апрелем 442 г., когда справляли Великие Дионисии, если даже в этом свидетельстве простая последовательность во времени истолкована как причина и следствие.

История Антигоны примыкает непосредственно к мифу о братоубийственной вражде Этеокла и Полиника, излагаемому в античных источниках более или менее единообразно. Однако дочерям Эдипа до Софокла не уделяется почти никакого внимания. Сохранилось только сообщение, возводимое к поэту VI в. Мимнерму, об убийстве Исмены Тидеем (см. АС 106). Хронологически значительно ближе к трагедии Софокла эсхиливские «Семеро против Фив», в финале которых (1005—1078) выводят Антигона и Исмена, по-разному реагирующие на приказ городских властей оставить без погребения тело Полиника: в то время как Исмена проявляет послушание, Антигона отказывается повиноваться приказу и вместе с половиной хора уходит хоронит брата. Подлинность этого финала была давно заподозрена учеными и до сих пор находится под сомнением по целому ряду достаточно веских причин (см.: *Ярхо В. Н.* Трагедия Софокла «Антигона». М., 1986. С. 29—32). Поэтому вернее будет считать, что именно Софокл впервые сделал Антигону главной участницей событий, происшедших после гибели братьев.

Вместе с этим известно и другое. После гибели семи нападавших вождей фиванцы отказались выдать родным их трупы. Тогда организатор всего похода, аргосский царь Адраст обратился за помощью в Афины, и Фесей сумел убедить фиванцев не нарушать божественных и человеческих установлений в отношении умерших. Тела семи вождей были выданы афинянам и погребены в древнем религиозном центре Аттики Элевсине. Так излагалась эта история и в недоедшей трагедии Эсхила «Элевсинцы» (фр. 53 а, 54), и в двух случаях у Пиндара (*Нем.* 9, 24, —474 г.; *Ол.* 6, 16, — ок. 468 г.), с той лишь разницей, что Пиндар как патриот своих родных Фив отвергал постороннее вмешательство: семь костров для семи умерших были воздвигнуты в самих Фивах. Впрочем, что в обеих версиях не делается никакого исключения для Полиника, и эта традиция сохраняется в «Просительницах» Еврипида (ср. 928—931), поставленных через 20 лет после «Антигоны».

Наряду с этим сохранилось свидетельство Павсания, позволяющее предположить наличие фиванского варианта, в котором особо выделялась роль Антигоны (IX, 25, 2). Согласно этому варианту, труп Полиника оставлен без погребения, но Антигоне удается, прилагая все свои силы, дотащить его до места сожжения тела Этеокла и положить на еще горящий костер. Никаких санкций по адресу Антигоны, согласно Павсанию, не последовало, поскольку жестокость победителей не заходила в Греции так далеко, чтобы не позволить родным отдать последний долг покойнику. Следовательно и здесь Софокл был первым, кто вывел Антигону слушницей царского приказа: запрет хоронить павших полководцев он сосредоточил в своей трагедии на одном Полинике; а исполнение Антигоной ее родственного долга изобразил как нарушение указа, данного новым царем — Креонтом.

Структура трагедии достаточно традиционна: за прологом (1—99) и пародом (100—161) следуют пять эпизодов (162—331; 384—581; 631—780; 806—943; 988—1114), к которым примыкают пять стасимов (332—375; 582—625; 781—800; 944—987; 1115—1154),— последний из них выполняет функции гипорхемы. 2-й, 3-й и 4-й эпизоды вводятся небольшими анапестическими вступлениями (376—383; 626—630; 801—805). Кроме того, первую (большую) половину 4-го эпизода составляет коммос Антигоны с хором (806—882), перемежаемый два раза анапестами (817—822 и 834—838). В эксод (1155—1352) также включен обширный коммос (1261—1347) Креонта с хором и анапестическое заключение (1348—1352).

Роли между тремя актерами могли распределяться следующим образом: протагонист — Антигона, Тиресий, Евридика; девтергонист — Исмена, Страж, Гемон, Вестник, Домочадец Креонта, тригагонист — Креонт (см. АС 59).

После Софокла трагедия, названная именем Антигоны, исполняли в Греции Еврипид (см. АС 105 и прим.) и трагик IV в. Астидамант-младший (*TrGF* 1. № 60, Т. 5),

а в Риме — Акций (фр. 87—95), несомненно использовавший софокловский прототип. Для настоящего издания заново переведены следующие стихи: 10—13, 43, 45—48, 58, 75, 80 сл., 83, *88 сл., *95—97, 99, 162 сл., 175, 179, 181—183, *200 сл., 207—209, *210, 228—230, 235 сл., *244, 249—252, 263 сл., 292, 323—326, *365—367, 405, 428, 459, 464, 497 сл., 504 сл., 509 сл., *511, 517 сл., 536, 548, 556 сл., 565, *569 сл., *572—574, 576, 580 сл., 593 сл., 614—617, 631, *637, 687—691, 705 сл., 709, 715—717, 730, 744 сл., 771 сл., 782, 829 сл., 845—848, 855, 899, 925 сл., 994, 996, 1002, 1027, 1060—1063, 1088—1090, 1104, 1106 сл., 1111 сл., 1114, 1136—1139, 1197, 1216 сл., 1229, 1269, 1278 сл., 1337 сл.

- ⁴³ *Не уличат меня...*— По сообщению схоластика, античный грамматик Дидим (2-я пол. I в. до н. э.) считал этот стих неподлинным, ссылаясь на своих предшественников, комментаторов Софокла. Те из современных издателей, которые придерживаются атетезы, указывают, главным образом, на то, что реплика в два стиха нарушает однострочную стихомифию, хотя подобные случаи встречаются у Софокла и в *Ан.* (401—406), и в других трагедиях: ЦЭ 356—369, 1000—1046; ЭК 579—606.
- ⁵¹ *Он двух очей...себя лишил.*— Ср. Эсх. *Сем.* 778—784.
- ¹⁰⁴ *Над Диркейским.. руслом...*— Дирка — река на запад от Фив.
- ¹²⁷ *...надменных речей позвалбу...*— Образ осаждающих Фивы как надменных насильников навеян Эсхилом: *Сем.* 375—676.
- ¹³⁵ *...поверженный огнеосец...*— Капаней. Ср. Эсх. *Сем.* 422—446; Евр. *Финик.* 1172—1186; Соф. ЭК. 1318 сл.
- ¹⁴⁹ *...царицы ристаний...*— Собственно, «славной многими колесницами»: ср. *Ил.* IV, 391; *Пинд. Ол.* VI, 85; *Истм.* VII, 20.
- ¹⁶² *О, мужи Фив!*— Обращение Креонта к старцам (ἀνδρες) Зелинский перевел «сограждане», что более соответствует греческому πολιται; однако так Креонт никогда к ним не обращается, и это характерно для его представления об отношениях между царем и подданными.
- ²⁶⁴ *...раскаленное держать в руках железо...*— В доказательство своей невинности.
- ²⁹⁰ *Я ротот слышу.*— См. ЭК. 1029 сл. и прим.
- ³⁸² *Много в природе дивных сил...*— См. «Трагический театр Софокла», с. 497.
- ³⁷⁰ *Благороден! Безроден... тот...*— В подлиннике противопоставляются ὑψίπολις — «высоко вознесенный в городе», «пользующийся высоким уважением в государстве» и ἀπολις — «лишенный государства», «отвергнутый государством».
- ⁴⁶⁷ *...домового Зевса...*— В подлиннике речь идет о Зевсе ἐρκεῖος — покровителе очага, стоящего посреди двора, обнесенного оградой. Почитание такого «причачного» Зевса было символом прочности семейных связей.
- ⁵²⁷ *Сердобольные слезы...*— Как видно, Исмена появлялась в другой маске, чем та, в которой она выступала в прологе. Теперь на маске были обозначены кровавые полосы — знак того, что, горяя о сестре, она ногтями раздрала в кровь щеки.
- ⁵⁷² *О Гемон...*— Ркп. традиция отдает этот стих и 574 Исмене; в первопечатном издании Альда Мануция ст. 572 был отдан Антигоне, и так поступают с тех пор многие издатели, движимые романтическими представлениями о любви Гемона и Антигоны; между тем, сама Антигона на протяжении трагедии об этом ни слова не говорит, и, на наш взгляд, нет оснований менять ркп. атрибуцию реплик ни в 572, ни в 574, который отдают то хору, то все той же Антигоне. См. подробнее: *Ярхо В. Н.* Трагедия Софокла «Антигона». С. 77 сл.
- ⁵⁹⁸ *Не испугит жертва сыновья...*— Такой перевод имеет в виду скорее всего гибель обоих сыновей Эдипа, наиболее близкую по времени к событиям, изображаемым в трагедии. В оригинале — более общая мысль: каждое предыдущее поколение не освобождает от бед следующее за ним.
- ⁶²⁸ *Стал единственным ныне...*— Старший сын Креонта Мегарей погиб раньше (см. 1303) при осаде Фив. У Эсхила (*Сем.* 474—477) он назван среди защитников Фив и предсказывается его смерть, к которой Эсхил, впрочем, больше не возвращается. Еврипид (*Финик.* 930—1018) выводит первенца Креонта под именем Менекея и повествует о его самопожертвовании ради спасения родного города.
- ⁶⁵⁶ *...из сонма граждан... пред сонмом граждан...*— Попытка переводчика передать

- перекликающиеся между собой в оригинале *πόλεως* в начале 656 и *πέλει* — в конце следующего стиха.
- ⁶⁵⁸ ...*ж родственному Зевсу*...— В оригинале *Δία ξύναμνον*, «покровителю кровнородственных связей».
- ⁶⁶⁷ *И в справедливом деле, и в ином*.— Креонт требует от своих подданных повиновения и справедливому, и несправедливому приказу. Между тем, древние греки считали такого рода нерассуждающую покорность уделом раба, а не свободного человека. Ср. поговорку:
Повинуйся господину в правом и в неправом, раб
и «Иаречения Менадра» 176: Рабом родившись, угождай хозяину.
- ⁶⁶⁸⁻⁶⁷¹ *Кто так настроен*...— Доу принимает конъектуру Зайдлера, предложившего перенести эти стихи после 662, — этим и в самом деле достигается усиление положительной характеристики хорошего гражданина, которой затем противопоставляется описание свойств плохого, с точки зрения Креонта, подданного. Однако с сомнениями Доу в подлинности 666 сл. и 672—680 едва ли можно согласиться. Во-первых, пропали бы очень важные для образа Креонта претензии на непогрешимость его приказов (666 сл.); во-вторых, нарушилось бы равенство в объеме между речами Креонта и Гемона и как следствие — симметрия в построении всей сцены. Сейчас два монолога занимают соответственно 42 и 41 стих, — почти столько же, сколько и следующая за ними стихомифия (726—765=40 стихов). К каждому из этих отрезков примыкают по два триметра, произносимые корифеем; перед монологом Креонта — 13 стихов, после реплики корифея, заключающей стихомифию, — тоже 13. Атетеза, предлагаемая Доу, разрушает эту очевидную симметрию (13 : 42 : 2 : 41 : 2 : 40 : 2 : 13).
- ⁶⁹⁰ *Страх простолоюдину Твой взор внушает*...— Ср. ЦЭ. 597 сл. После этого стиха Доу вслед за Диндорфом, постулирует лагуну в 1-й стих, поскольку в оригинале переход от 690 к 691 создает известные трудности грамматического порядка. Зелинский, как видно, либо не признавал этих трудностей (как Джебб и многие другие издатели), либо счел возможным обойти их в переводе.
- ⁷⁴² *Ты, негодяй?* — Ст. 742—757 вызвали различные попытки перестановок. Доу считает, что их ркп. порядок нарушен актерами во время смертных постановок «Антигоны», и печатает их в такой последовательности: 741, 748, 749, 756, 755, 742—747, 750—754, 757, 758 и далее в обычном порядке. См. *Studies*. V. 2. P. 109—111. Зелинский ограничился перестановкой, отмеченной в русском тексте.
- ⁷⁷⁴ *Врыт в землю склеп*...— Речь идет, вероятно, о какой-нибудь из заброшенных гробниц микенского времени. Ср. 1215—1218.
- ⁷⁸¹ *Эрот, твой стяг*...— Неодолимость любовного влечения — общее место в греческой литературе. Ср. *Тр.* 443, 497—503; фр. 160, 563.
- ⁸⁰⁵ ...*старцы земли родимой*...— В оригинале *πολιται* — «граждане». См. 162 и примеч.
- ⁸²⁴ *Гостья с фригийских гор*...— Ниоба, дочь Тантала, потеряв всех своих детей, окаменела от горя, и только из глаз ее продолжали литься слезы. В таком виде она была перенесена богами на вершину горы Сипил в Лидии, где ее окаменевшее тело секут дожди и засыпает снег.
- ⁸³⁴ ...*то богиня, бессмертных дитя*...— Тантал был сыном Зевса; матерью Ниобы считалась обычно одна из плеяд — Тегета.
- ⁸³⁷ *Кто с богами*...— После этого стиха, вероятно, утерян один стих, — в анапестах, симметрично завершающих строфу, насчитывается 6 стихов.
- ⁸⁵⁴ *К престолу Правды вековой*...— Реплика хора вызвала многочисленные толкования, противоречивость которых объясняется неясностью высказывания. Наиболее вероятный перевод: «...Ты тяжело обрушилась, дитя, на высокий алтарь Правды». Значит ли это, что Антигона нарушила заветы Правды? Но с этим не согласуются ни доводы Антигоны (451), ни ее недоумение (921). Или у Правды она ищет защиты? Тогда почему она «искупает горе отца»?
- ⁸⁶⁹ *Негу брака познал*...— Имеется в виду женитьба Полиника на Аргии, дочери Адраста, которая дала ему возможность собрать войско против родного города.
- ⁹⁰⁴ *И все ж — не каюсь я*.— 904—920 вызывают в течение многих десятилетий ожесточенную полемику среди исследователей. Доводы Антигоны, 905—912, близко напоминают рассуждения жены знатного перса Интаферна у Геродота (III, 119), а

- поскольку поэт и историк были близкими друзьями, то защитники этих стихов усматривают в них желание Софокла польстить своему другу. Однако аргументы жены Интаферна используются совсем в иной обстановке. Затем, было бы странно, если бы Антигона, до сих пор объяснявшая нарушение запрета Креонта долгом перед святыми законами Правды, теперь, когда судьба ее решена, стала бы приводить достаточно прагматические доводы в свою защиту. Таким образом, по содержанию по меньшей мере 904—915 надо признать вставкой, сделанной по образцу Геродота, но без достаточного понимания хода мысли Софокла. Поскольку Аристотель ссылается на 909—912 в «Риторике» (III, 16, 9), следует сделать вывод, что подозрительные стихи вставлены еще в начале или в первой половине IV в. и вошли затем во все рукописи.
- 944 *И Данае-красе...*— Аргосскому дарю Акрисию была предсказана смерть от руки внука. Поэтому он заключил свою, еще незамужнюю дочь Данаю в окованную медью башню. Сюда, однако, под видом *золотого дождя* дочень Зевс, оплодотворивший Данаю.
- 955 *Сын Дрианта, Ликург...*—Оказал сопротивление культу Диониса и был за это заключен богом в расселину скалы, с которой он сросся. Согласно *Ил.* VI, 130—140, Дионис, спасаясь от Ликурга, бросился в море, где его приняла Фетида, а Ликург был ослеплен Зевсом.
- 966 *Там, где в каменных врат...мареве...*— Финей, царь *Салмидесса* (на западном берегу *Босфора*) имел двух сыночек (*братьев-Финидов*) от первой жены Клеопатры, которую он впоследствии заточил в тюрьму; а его вторая жена (*лихая...мачеха*) ослепила пасынков и заключила в склеп (979). Вся эта строфа, текст которой в нескольких местах испорчен, служит введением в судьбу Клеопатры и ее сыночек, напоминающую долю Антигоны.
- 980 *Вела она...род...*— Отцом Клеопатры был бог северного ветра Борей, матью — *афинская царица* Орифия, похищенная Бореем... *вьюг отцовских стая...*— северные вихри; *Бореада* — Клеопатра, дочь Борей.
- 987 *...о дитя родное!* — Обращение хора к Антигоне показывает, что во время исполнения стасима она еще находилась на оркестре, и примеры пострадавших в далеком прошлом (Даная, Ликург, Клеопатра и ее сыночек) должны были несколько смягчить ее участь.
- 994 *...прямо править город.*— Перевод Зелинского сделан по ркп. чтению τήνδε ναυκλήρεις; многие издатели, в том числе Джейбб и Дэн, предпочитают конъектуру τήνδ' ἐναυκλήρεις — «ты правил»: Тиресий имеет в виду достаточно длительный период, когда Креонт выступал в качестве регента (ср. *ЦЭ*, 1418); теперь же, отказав Полинику в похоронах, он как раз правит плохо, от чего его и хочет предостеречь прорицатель.
- 1000 *Где вещей птицы гавань...*— См. *ЦЭ*. 395 и прим.
- 1013 *...как мглою Покрылся свет...*— Доу считает этот стих поздней вставкой: Тиресий ослеп в юности, и сейчас ему не время вспоминать о давней потере зрения.
- 1021 *...птица не издаст...*— Доу принимает атетезу и этого стиха, для чего имеется и смысловое, и формальное основание: 1) о птицах речь уже была выше; 2) множественное число причастия βεβρωτες («наевшиеся») в ст. 1022, которое Зелинский переводит нейтральным «вкусив», в оригинале согласовано с подлежащим во множественном числе θεοί («боги»): «Боги не принимают от нас ни молитв, ни жертвенного пламени, отведав крови убитого человека». В 1021 подлежащее ὄρνις («птица») не может быть формально согласовано с βεβρωτες.
- 1037 *Сарды.*— В VI в. столица сказочно богатого лидийского царя Креза.
- 1058 *...мне же царством ты обязан.*— Вероятно, Тиресий хочет сказать, что Креонту удалось спасти Фивы в закончившейся войне только потому, что он, вняв совету прорицателя, принес в жертву своего сына. См. 628 и прим.
- 1115 *Многозванный...*— Начинающийся здесь стасим по своему тону и назначению соответствует гипорхеме.
- 1115 *Многозванный.*— Точнее «многоименный», т. е. пользующийся почитанием в различных культах под различными именами: Вакх, Иакх (в Элевсинских мистериях), Загрей (в связи с подземным миром), Мельпомен (в связи с Музами) и т. д. Речь идет о Дионисе, зачатом от Зевса фиванской царевной Семелой (*Кадмейской девицей*)...краса и любовь...— В оригинале: «слава»...*молнии сын!* — Вяив просьбе Се-

- мелы, Зевс явился ей во всем своем величии, держа в руках огненосные перуны, от которых загорелась спальня Семелы и сама она погибла в огне (см. 1139). Недоношенного ребенка Зевс вырвал из чрева Семелы и зашил себе в бедро, где он и доносил его до положенного срока.
- ¹¹¹⁸ *Тобой Италия полна...* — Южное и западное побережье Италии с давних времен было опасно древнегреческими колониями, а в середине 40-х годов V в., незадолго до постановки «Антигоны», на месте разоренного г. Сибариса по инициативе Перикла был заложен новый город Фурии. Греческие переселенцы привезли с собой, естественно, и культуру винограда и виноделие, покровителем которых являлся Дионис.
- ¹¹²⁵ *...сее... змеиный.* — Богатыри, выросшие из зубов дракона, убитого Кадмом. См. ЭК. 1534 и прим.
- ¹¹²⁶ *...скалы двуглавой...* — Парнаса; *...Касталии ключ...* — Протекает у ее подножия близ Дельфов.
- ¹¹³¹ *...Нисы услон.* — Под названием Нисы было известно свыше десятка гор на территории Греции, Малой Азии, Индии и Африки. Здесь имеется в виду Ниса на о-ве Евбее, откуда бог переправляется в расположенную через пролив Беотию.
- ¹¹⁷⁰ *Тень дыма* — в древнегреческом поговорочное выражение, обозначающее ничтожную малость. Ср. Ф. 946.
- ¹²⁰⁰ *К царю теней и к девственной Гекате...* — Креонт провинился перед владыкой царства мертвых тем, что не отдал принадлежащего тому покойника (ср. 1070), а перед покровительницей перекрестков Гекатой (*«распутый бдительной богиней»*) — тем, что разносимые хищными зверями и птицами куски мертвой плоти осквернили дороги и придворные алтари (ср. 1016—1018).
- ¹²¹⁵ *Бегите, слуги!* — В дальнейшем рассказе Вестника не все понятно и с точки зрения археологии, и с точки зрения значения отдельных слов. Поэтому Доу предполагает между 1216 и 1220 три лакуны. См. *Studies*. V. 2. P. 117—119. Зелинский представлял себе дело таким образом, что слуги Креонта сдвинули в сторону камень, закрывавший вершину купольной гробницы, и увидели сверху повесившуюся Антигону и прильнувшего к ней Гемона. Догнавший их Креонт, увидев эту картину, бросился вниз и через дверь, ведущую в дромос (коридор, соединяющий вход с круглым залом, перекрытым куполом) и уже выломанную Гемоном, побежал в глубь гробницы, где и произошли остальные события. При этом, правда, остается непонятным, почему Креонт не сразу обнаружил выломанную дверь, чтобы войти в склеп, и может ли слово «устье» обозначать верх купола, а не вход в гробницу на уровне земли? Другое объяснение исходит из того, что Креонт велел слугам отодвинуть камни, которыми был завален вход в склеп, и по дромосу достичь круглого зала, — тогда устьем более естественно будет названо то место, где дромос вливается в зал. Конечно, при этом возникнут другие вопросы: как удалось Гемону проникнуть в склеп, если раздвинуть камни под силу только нескольким людям, и что мог различить Креонт и слуги почти в кромешной темноте (света, проникавшего из дромоса, было явно недостаточно, чтобы осветить глубину склепа)? Но эти вопросы, вероятно, мало волновали аудиторию Софокла.
- ¹²⁵⁰ *...не поступит криво.* — Ближе к оригиналу: «не совершит ошибки», «не поддастся заблуждению».
- ¹²⁹³ *Раскрылась дверь...* — Через раскрытую дверь выдвигалась на оркестру экиклема с телом Евридики, распростертым у алтаря (ср. 1301). После 1346 экиклему убрали обратно.
- ¹³⁰³ *Оплакав... Мегарей...* — См. 628 и прим.
- ¹³⁴⁸ *...сознание долга...* — Здесь и в 1353 Зелинский переводит словом «долг» греческое τὸ σφρονεῖν — «способность здравого размышления».

Не сохранилось документальных данных о времени постановки трагедии, и различные исследователи, опираясь на различные стилистические приметы, предлагают достаточно широкий спектр датировок. Построение парода (анапестическое вступление Корифея, сопровождаемое лирической партией хора), напоминающее его структуру

у Эсхила в «Молящих», «Персах» и «Агамемноне», а также довольно активное использование эсхилловской фразеологии заставляет предполагать, что «Аякс» относится к тому периоду творчества Софокла, который он сам характеризовал как время стилистической близости к своему предшественнику (АС 42). Наиболее вероятным поэтому представляется, что «Аякс» является самой ранней из семи дошедших трагедий Софокла и относится к отрезку времени от середины 50-х до середины 40-х годов V в. В пользу этого предположения говорит и то обстоятельство, что мотив права покойника на погребение независимо от его взаимоотношений с людьми при жизни, составляющий идейную предпосылку «Антигоны», уже намечен в заключительной части «Аякса».

Поскольку у Софокла была еще трагедия об Аяксе Локрийском (см. фр. 284—290 и вступление), то на настоящую трагедию нередко ссылаются с дополнительным названием: «Аякс-биченосец» (см. АС 108).

Миф, лежащий в основе трагедии, получил первую литературную обработку, повсей видимости, в киклическом эпосе VIII—VII вв. «Илиада» знает Аякса как безупречного героя, второго в греческом войске после Ахилла, готового всегда прийти на помощь соратникам и взять на себя самые трудные испытания. Таким он выступает в единоборстве с Гектором (кн. VII), в сражении при кораблях (кн. XIV) и в битве за тело Патрокла (кн. XVII), не говоря уже о более мелких эпизодах. Поручается ему и такая деликатная миссия, как посольство к устроившемуся от боя Ахиллу (кн. IX). Никаких намеков на ожидающую его в будущем судьбу в «Илиаде» нет. В «Одиссее», оформлении которой отнесится к более позднему времени, встречается уже упоминание о споре за доспехи погибшего Ахилла, разгоревшемся между Одиссеем и Аяксом. Для решения вопроса Фетидой был созван суд из троянцев при участии Афины. Приговор был вынесен в пользу Одиссея, почему при его посещении подзаемного царства тень оскорбленного Аякса отказалась даже приблизиться к нему (XI, 543—547).

Краткость рассказа в «Одиссее» предполагает знакомство слушателей с его более обширным изложением в другой эпической поэме, и на это прямо указывает скойл к ст. 547, отсылающий к киклическому эпосу. И в самом деле, даже из очень отрывочных свидетельств о поэмах эпического цикла мы можем установить, что спор за доспехи Ахилла и его последствия были отражены в двух произведениях: в «Эфиопиде», автором которой считали Арктина из Милета (ок. 776 г.), и в «Малой Илиаде», которую приписывали разным авторам и относили примерно к рубежу VIII и VII вв. Из сохранившихся отрывков и пересказа этих поэм можно заключить, что «Эфиопида» повествовала о споре, разгоревшемся между Аяксом и Одиссеем за доспехи Ахилла, и о самоубийстве героя, уязвленного несправедливым решением; «Малая Илиада» добавляла к этому новый мотив: впаив в безумие, Аякс перебил стада, приняв их за своих обидчиков — ахейских полководцев. Поэтому после смерти ему было отказано в обычном для героического века почетном сожжении на костре, и он был захоронен в могиле⁷. Что касается времени, когда произошло самоубийство, то его относили к рассвету следующего после суда дня. Эту подробность сохранил впоследствии и Пиндар (*Истм.* III, 53), устрояя остальные подробности и считая единственной причиной самоубийства уязвленное самолюбие Аякса (*Нем.* VIII, 26 сл., VII, 25).

В разработке мифа об Аяксе на афинской сцене Софокл имел предшественником Эсхила, поставившего трилогию на этот сюжет, до нас не дошедшую. Она состояла из трагедий «Спор об оружии» (фр. 174—178); «Фракиянки» (фр. 83—85), названные так по хору фракийских пленниц, подруг Текмессы, — содержание трагедии составляло самоубийство Аякса; «Саламинянки» (фр. 216—220) — возвращение Тевкра к отцу на Саламин. Сохранившиеся фрагменты настолько незначительны, что не позволяют строить какие-либо умозаключения о развитии событий и их мотивировке у Эсхила. Во всяком случае, ясно, что Софокл, заменив хор фракийских девушек хором саламинских воинов, соратников Аякса, поставил героя и хор в более тесные отношения, чем это могло быть у Эсхила. Так же очевидно, что Софокл развил версию «Малой Илиады» об избиении ахейского скота, не теряя из виду и той характеристики Аякса, которая была дана ему в «Илиаде».

Особое значение для Софокла и его афинских зрителей имело то обстоятельство, что Аякса (вместе с его отцом Теламоном) они считали своим полубожественным покровителем. Его имя носила одна из десяти аттических фил, и его вышательством

⁷ Бернабе. С. 69, 71, 74, 77.

объясняли успех, достигнутый в морском сражении при Саламине, когда греческий флот защищал от персов родину легендарного ахейского героя (см. *Геродот*. VIII, 64, 121).

Структура трагедии представляет некоторые отличия от обычной для Софокла формы. Это касается прежде всего следующего за прологом (1—133) уже упомянутого парода, в котором хоровой песни (172—200) предшествуют анапесты Корифея (134—171); затем действие во второй половине пьесы переносится от площадки перед шатром Аякса на морской берег, — соответственно хор, покинувший оркестру после ст. 814, возвращается после ст. 865, и этот повторный выход хора составляет содержание так называемого эпипарода (866—878), который переходит в коммос хора и Текмессы (879—973). Остальные структурные элементы используются без особых отклонений от нормы: эпизодии 2-й, 3-й и 4-й (646—692, 719—865; 974—1184) носят целиком речевой характер; только эпизодий 1-й (201—595) начинается анапестами (201—220), переходящими в коммос (221—262 — хор и Текмесса); второй коммос (348—429), расположенный в рамках этого же эпизода, разыгрывается между Аяксом и хором. К 1-му, 2-му и 4-му эпизодам примыкают стасимы (596—645; 693—718 — в функции гипорхемы; 1185—1222). Роль хоровой партии после 3-го эпизода берет на себя эпипарод с примыкающим к нему коммосом (866—973). Заключительная часть экзода (1223—1420) выдержана в анапестах (1402—1420), как и в обеих трагедиях о Эдипе.

Роли между тремя актерами могли распределяться следующим образом: протагонист — Аякс, Тевкр; дветерагонист — Одиссей, Текмесса; триагонист — Афина, Вестник, Менелай, Агамемнон. Можно предположить и другое разделение ролей между вторым и третьим актерами: второй играл Афины, Текмессу и Агамемнона, третий — Одиссея, Вестника и Менелая. В любом случае роль Текмессы со ст. 1168 должен был исполнять одетый в ее костюм статист, так как в экзодe на сцене присутствуют три персонажа (Тевкр, Агамемнон, Одиссей), а Текмесса все время остается бессловесной.

История Аякса привлекала внимание античных драматургов и после Софокла. На афинской сцене ее воспроизводили в IV в. Астидамант младший («Аякс Безумствующий»), Каркин младший и Феодект — дошли только свидетельства о существовании этих пьес и одна короткая реплика (*TrGF* 1. № 60. Т 1; № 70. Фг. 1а; № 72. Фг. 1). Сохранились также два небольших фрагмента из трагедий неизвестных авторов, содержание которых составляло самоубийство Аякса (*TrGF* 2. Фг. 110, 683). В Риме трагедия «Аякс-биченосец» была у Ливия Авдроника (фр. 15—17), взявшего за образец Софокла. Эсхилово название «Спор об оружии» носили трагедии Пакувия (фр. 29—48) и Акция (фр. 96—130), которые, однако, расширили сюжет драмы Эсхила, присоединив к нему и смерть Аякса в духе Софокла.

Для настоящего издания заново переведены следующие стихи: 24 сл., 29, 36 сл., 41, 46, 52, 59, 113, 130, 156, *158, 166, 168—171, 175, 206—208, *221—226, 232, 267, 269 сл., 304, *330—332, 337 сл., 345, 384, сл., 403 сл., 450, 478, 493, 504 сл., 532, 554, 593, 650, 669 сл., 684, 690, *699, 712—714, 815 сл., 872, 890, 970 сл., 1011, 1028, 1061, 1131, 1156, 1264 сл., 1282, 1287, 1291, 1326 сл., 1333, 1347 сл., 1357, 1364, 1397.

Своему переводу «Аякса» Ф. Зелинский предпослал следующую ремарку: «На переднем плане палатка Аякса — довольно просторная деревянная изба с двумя входами: средним и боковым [ср. 541]. Оба наглухо заперты, средний — широкой двустворчатой дверью, боковой — узкой одностворчатой. Поодаль кормюю к зрителям вытянутый на берег корабль Аякса, дальше — вид на Геллеспонт».

Действующие лица. Имя героя, которым озаглавлена эта трагедия, существует в русской транскрипции в трех вариантах: Эаят, Аянт и Аякс. С точки зрения правил передачи на русский язык древнегреческих имен собственных единственной правильной является форма «Эаят»: в ней начальному дифтонгу *Αι-* соответствует, как и во всех других заимствованиях из древнегреческого, русское «э», а конечное «нт» передает звучание косвенных падежей с основой *Αϊαντ-*. Вместе с тем, эта форма наименее распространена в русском языке, поскольку со времен Зелинского ее вытеснил «Аянт», хотя греческий *αι-* никогда в русском языке через «а» не передается. Не желая, с одной стороны, повторять ошибку Зелинского, а с другой — выводить достаточно известного героя под малоузнаваемым именем, мы решили воспользоваться латинской формой «Аякс», получившей у нас права гражданства благодаря переводу «Илиады» Гнедича.

- 17 *Трубы тирренской...* — Названной так, вероятно, потому, что она была на вооружении у тирренских выходцев, — так Геродот называет племена лидийского происхождения.
- 35 *Твоей деснице...* — Перевод по общепринятому ркп. чтению $\chi\epsilon\rho\acute{\iota}$; Доу принимает засвидетельствованное в двух случаях $\phi\rho\epsilon\nu\acute{\iota}$, — тогда смысл был бы: «я всегда следовал твоему разумному руководству».
- 52 *Его глаза сурово заслонив...* — Потерю человеком разума греки с гомеровских времен объясняли вмешательством божества. Ср. ниже, 172 сл., 611; *Евр. Ипп.* 141—150; *Геракл* 835—837, 859—874, 1189—1191.
- 57 *Атриды* — Агамемнон и Менелай, сыновья Атрея.
- 172 *Тавропола* («владычица быков») — культовое обозначение Артемиды.
- 179 *Эниалий* — культовое имя Ареса.
- 180 *Сисифом... рожден...* — По одному из вариантов мифа, мать Одиссея еще до замужества отдалась Сисифу, чьим сыном он и является.
- 202 *Эреxfиды* — потомки легендарного аттического царя Эреxfея, какими жители Саламина, строго говоря, не являлись.
- 209 *День прошедший сменил?* — Доу постулирует перед этим стихом потерю в ркп. шести анапестических стоп. Таким образом удалось бы сравнить в объеме строфу хора со следующей строфой — ответом Текмессы, а главное — избежать анапестического монометра в начале строфы.
- 229 *Смерть над тобой нависла...* — Аяксу угрожает расправа со стороны возмущенного войска. Ср. 254—256, 408 сл.
- 301 *Он спорит с тенью...* — Текмесса слышала разговор Аякса с Афиной, ср. 91—117.
- 408 *Скамандр* — река, протекающая близ Трои.
- 431 *Созвучьем жалобным...* — В оригинале монолог начинается восклицанием $\text{A}\acute{\iota}$ созвучным с именем $\text{A}\iota\alpha\varsigma$.
- 434 *Здесь мой отец...* — Теламон принимал участие в походе Геракла на Трои, завершившемся победой... *у ног священной Иды...* — Троя была расположена у подножья г. Иды.
- 481 *Не подкидным ответил ты нам...* — Хор сравнивает речь Аякса с ребенком: она — не подкинутая, а рожденная в его собственной душе.
- 492 *...Зевсом, что очаг блюдет наш* — Ср. *Ан.* 486—488, 658 сл.
- 514 *Ведь нет уж для меня...* — Ср. доводы Текмессы со словами Андромахи у Гомера (*Ил.* VI, 413—430).
- 522 *Ведь от любви рождается любовь.* — В оригинале оба раза употреблено $\chi\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma$ — «благосклонность»; романтическое понятие о любви чуждо эпическим героям, и тем более — их наложникам.
- 524 *...благородства путь.* — Ср. тот же образ в завершении речи Аякса (480).
- 574 *...что имя дал тебе...* — Имя «Еврисак» производится от двух греческих слов: $\epsilon\upsilon\rho\acute{\upsilon}\varsigma$ «широкий» и $\sigma\acute{\alpha}\kappa\omicron\varsigma$ «щит».
- 599 *Лучезарной сияешь славою* — упоминаемый здесь Саламин в афинской аудитории возбуждал воспоминание о морской победе над персами в 480 г.
- 601 *Что овец неприютных стадо.* — Ркп. текст испорчен, и различные поправки ведут к различному смыслу. Джебб и Дэн принимают поправку $\mu\eta\tau\acute{\omega}\nu$, которая исключает образ овечьего стада (ркп. $\mu\eta\lambda\acute{\omega}\nu$) и вводит жалобу на пребывание под Троей в течение долгих месяцев. Зелинский перевел, сохраняя ркп. $\mu\eta\lambda\acute{\omega}\nu$.
- 645 *Эака боготвора.* — Эак — сын Зевса и речной нимфы Эгины, отец Теламона... *боготвора...* — Перевод Зелинского по конъектуре $\delta\acute{\iota}\omega\nu$ вместо ркп. $\alpha\iota\omega\nu$. Этим эпитетом он, по-видимому, хотел сказать, что Эак, как потомок Зевса, сотворен богом.
- 662 *От Гектора я получил его...* — Имеется в виду обмен дарами, которое совершили Аякс и Гектор, — *Ил.* VII, 301—305.
- 695 *Киллена* — горный кряж в Аркадии, на севере Пелопоннеса.
- 699 *Как на Нисе...* — См. *Ан.* 1131 и прим. Папирус IV в. н. э. дает вместо ркп. $\text{N}\acute{\iota}\sigma\iota\alpha$ чтение $\text{M}\acute{\iota}\sigma\iota\alpha$ — тогда речь должна идти о почитании Диониса в Малой Азии. См. 720 и прим. *Кносс* — одна из древнейших столиц Крита.
- 702 *Волн Икарйских...* — Часть Эгейского моря, омывающую остров Икарес (на запад от Самоса), часто называли Икарйским морем. Ср. *Ил.* II, 145.
- 704 *Свет яви знакомый...* — Перевод несколько затемняет смысл оригинала, где ска-

- зано: «Пусть делийский Аполлон, придя над водами Икарийского моря, будет нами легко различим», т. е. своим присутствием облегчит нашу участь. Никакого света, который Аполлон должен являть с Делоса, в оригинале нет, так как различить его от берегов Трои все равно было бы нельзя.
- 708 *Развеея... мялу... Арес.* — Поскольку Аякс, по мнению хора, отказался от мысли о самоубийстве, его соратникам теперь не угрожает Арес как бог насильственной смерти.
- 720 *С высот мисийских.* — Мисия — область в Малой Азии, на восток от Трояды; ее границу, примыкающую к Трояде, составляла горная цепь, у подножья которой Тевкр, как видно, искал добычи в схватках с местными племенами. Ср. 342 сл.
- 801 *Сын Фестора...* — Калхант.
- 830 *Добычей бросил ворогам и псам.* — В «гомеровской» этике оставить тело врага без погребения значило тем самым еще больше опозорить его имя. Ср. *Ил.* XVI, 834; XVII, 240 сл., 557 сл.; XXIV, 339—354. Во времена Софокла такой поступок считался предосудительным, — ср. 1091 сл. и весь фивал; отсюда же — моральный крах Креонта в «Антигоне».
- 832 *...мой проводник...* — ЭК. 1548 и прим.
- 841 *...так пусть и их...* — Отсюда и до конца фразы многие исследователи считают текст поздней вставкой, так как Аякс действительно погибает от своей собственной руки, в то время как «рука домашних» (если иметь в виду Клитеместру, сразившую Агамемнона) все же не может быть названа собственной рукой погибшего.
- 866 *Отныне мрак Аида...* — Поскольку актер, исполнявший роль Аякса, должен был затем выйти в роли Тевкра, надо предположить, что ему удавалось незамеченным покинуть оркестру, а театральным служителям так же незаметно заменить его куклой, изображавшей мертвого Аякса.
- 881 *С Олимпа грянь...* — Имеется в виду гора Олимп в Мисии, соименная фессалийскому Олимпу, обители богов.
- 884 *Босфор.* — Имеется в виду Геллеспонт. Ср. *Эсхил. Пр.* 733.
- 894 *...пленница-невеста...* — «Взятая копьем» Текмесса, ставшая женой Аякса.
- 914 *...злоименный Аякс...* — См. 431 и прим.
- 916 *Его покрою я...* — Сохранился аттический килик, расписанный мастером Бригом (ок. 470 г.), на котором изображены прозенное мечом тело Аякса, лежащее на земле, и Текмесса с покрывалом в руке, готовящаяся прикрыть умершего.
- 936 *...златых доспехов радил* — В оригинале в этом стихе утеряно слово, содержавшее скорее всего определение доспехов Ахилла. Различные издатели предлагают различные дополнения. Зелинский перевел по чтению *χρυσόδετων* или *χρυσόπλων*.
- 936 *На горе мне...* — Ст. 966—973 вызвали неоднократные попытки различных перестановок и изъятий. Стремление к сокращению монолога обосновывали большей частью желанием уравнивать его в объеме с предыдущим монологом той же Текмессы (915—924), завершившим строфу. Однако полная симметрия в объеме между речевыми частями, примыкающими к строфе и антистрофе, не являлась обязательным правилом, и одно лишь количество высказанных предложений по поводу этого отрезка свидетельствует о достаточной их субъективности. Доу, напротив, постулирует лакуну после 965.
- 977 *...брат единокровный!* — Тевкра родила Теламону троянская царевна Гесиона, отданная ему в наложницы Гераклом после захвата Трои в предыдущем поколении. Ср. ниже 1013, 1228, 1259, 1299—1305.
- 985 *Скорей сюда Его ведил* — Этот приказ побуждает Текмессу покинуть оркестру, с тем чтобы исполняющий ее роль актер мог выйти впоследствии в роли Агамемнона или Одиссея. Когда Текмесса появится снова, ее бессловесную роль будет исполнять статист. См. вступительную заметку.
- 988 *Над витязем лежачим.* — Перевод на основании ркп. τοῖς θάνοβσι; однако Тевкр посылает Текмессу не защищать тело мертвого Аякса, а охранять беззащитного Еврисака. Поэтому прав Доу, вводя конъектуру Зейферта *σθένους*: каждый рад насмеяться над беззащитными, взывающими о помощи (букв.: стенающими от горя).
- 1029 *Аякс дал Гектору...* — См. 662 и примеч.
- 1030 *...троянец к колеснице привязан был...* — В *Ил.* (XXII, 395—400) Ахилл привязывает к колеснице уже мертвого Гектора, и при этом не упоминается пояс, подарен-

- ный троянскому вождю Аяксом. Возможно, Софокл нашел эту деталь в каком-нибудь другом источнике или позволил себе слегка видоизменить традиционную версию для создания эффектного сравнения судьбы Аякса и Гектора.
- 1076 *Коль страх и стыд...*— Убеждение в том, что страх перед судом сограждан и общественным мнением (стыд) составляют основу нормального общежития, высказывалось неоднократно в греческой литературе и до, и после Софокла. Ср. *Эсх. Евм.* 517—525, 690—703; *Платон.* Евтифрон, 12 В.
- 1089 *Он сам явился...*— Софокл воспроизводит здесь и далее гомеровскую характеристику ахейского войска под Троей, в которой каждая дружина во главе со своим вождем занимала достаточно независимое положение к верховному командованию.
- 1113 *Он клятвою был связан...*— По совету Одиссея отец Елены Тиндарей обязал ее женихов совместной клятвой вступить в защиту ее будущего мужа в случае, если будет затронута его супружеская честь. Пользуясь этим, Агамемнон и Менелай собирали для войны под Троей огромное войско (ср. фр. 213). Гомер касается этой клятвы только мимоходом (*Ил.* II, 339—341, 356). Подробнее — в приписываемом Гесиоду «Каталоге женщин» (фр. 204, 78—85), в афинской трагедии V в. (*Евр. Иф. Авл.*, 57—71) и у поздних авторов (*Павс.* III, 20, 9; *Аполлод.* III, 10, 9).
- 1121 *Стрелок я вольный...*— Спартанцы, обладавшие лучшим в Греции ополчением тяжеловооруженных воинов, привлекали в качестве лучников только людей зависимого состояния. Тевкр, которого уже «Илиада» знала как лучшего стрелка из лука (VIII 266—315), противопоставляет свое положение спартанскому взгляду на мастерство стрельбы из лука. *А щит возьмешь...*— Т. е. сравняешься с тяжеловооруженным.
- 1136 *Вините судей...*— Состав суда, призванного решить, кто более достоин доспехов Ахилла, варьируется в различных источниках. Согласно одним, это были ахейские вожди; по другим, в качестве арбитров были привлечены троянцы (см. вступительную заметку).
- 1174 *Держи в руках...*— В жертву покойнику приносили отрезанную прядь волос. Ср. *Эл.* 449 сл.
- 1179 *Как я срезаю эту прядь...*— Появляющиеся перед ст. 1168 Текмесса и Еврисак, вероятно, уже держали в руке заранее отрезанные пряди волос. Что касается Тевкра, то у актера под шлемом должна была быть приготовлена бутафорская прядь, которую он и срезал на глазах у зрителей.
- 1220 *Сунийский краж*— мыс, составляющий южную оконечность Аттики.
- 1223 *Прибавил шаг у я...*— В оригинале этот стих начинается с сочетания *καὶ μὴν*, которым обычно возвещается появление персонажа, причем это объявление принадлежит лицу, уже находящемуся на оркестре (ср. 1168). Тевкр покинул сцену перед началом стасима, чтобы позаботиться о погребении Аякса, но, увидев приближающегося Агамемнона, вернулся обратно. При виде его Корифей должен был сказать: «Но вот неожиданно возвращается Тевкр», на что следовал бы ответ Тевкра: «Да, я вернулся, потому что увидел...» Исходя из этих соображений Доу принимает предложение Морштадта отдать начальное *καὶ μὴν* хору и предположить за ним небольшой пропуск в ркп. (реплика хора).
- 1235 *Пристойны ли рабу...*— Агамемнон мыслит на афинский лад: рожденный от свободного и рабыни в Афинах приравнялся юридически к рабу. Ср. 1259 сл.: интересы неполноправного гражданина мог защищать в суде только свободнорожденный.
- 1278 *Пылало пламя... Коней гнал Гектор...*— Софокл воспроизводит события, описанные в «Илиаде», в обратном порядке: там вторжение троянцев предшествует поджогу кораблей. См. XII, 35—471; XVI, 112—124.
- 1285 *Не беглый жребий...*— При жеребьевке древние греки встряхивали шлем, в который складывали камешки, служившие жребиями, и вылетающий первым указывал на того, кому надлежит идти на единоборство, в разведку и т. д. Желавшие уклониться от опасного дела могли под видом камешка незаметно бросить ком, слепленный из земли или глины, который при встряхивании шлема рассыпался. О жеребьевке перед единоборством с Гектором см. *Ил.* VII, 175—191.
- 1292 *Сам варвар был...*— Поскольку Тантал, отец Пелопа, был лидийским (по Софоклу — фригийским) царем, то и Пелоп, как уроженец Малой Азии был, по афинским меркам, варваром.

- ¹²⁹⁴ *Вкусить дал брату...*— Атрей, желая отомстить своему брату Фиесту за прелюбодейние с его женой Аэропой, пригласил брата на пир и подал ему зажаренное мясо его зарезанных детей. См. фр. 108 и вступит. заметку.
- ¹²⁹⁶ *...застав с рабом на ложе...*— Отец Аэропы, критский царь Катрей, застав дочь с любовником-рабом, отослал ее к Навплию с поручением утопить ее в море. Сжалившись над девушкой, Навплий отдал Аэропу в жены Атрею. У Еврипида была об этом трагедия «Критянки» (фр. 460—470).
- ¹³⁰⁵ *От витаяя рожденный...*— В оригинале: «от двух благородных» — афинская формула, гарантирующая человеку гражданские права.
- ¹³⁴⁸ *Ведь не его, а божию законы...*— Ср. Ан. 450—457; 1070—1076.
- ¹⁴⁰² *Уж довольно речей...*— Начиная с этого стиха, заключительная часть трагедии подвергается многочисленным сомнениям. Наиболее бесспорной интерполяцией является 1417: во-первых, два усеченных анапеста (паремйака) никогда не следуют один за другим в завершении анапестической системы; во-вторых, оговора Тевкра, что он имеет в виду Аякса, каким тот был при жизни, а не умершего, лишена всякого смысла. Не очень кстати по содержанию и заключительные слова Корифея: в трагедии речь шла не о предстоящем, а уже о совершившемся — нападении Аякса на стада, которое покрыло его позором и стало причиной самоубийства. По лингвистическим соображениям ставит под сомнение весь отрезок 1402—1420 Доу; см. *Studies*. V. I. P. 173—175.
- ¹⁴⁰³ *Вы идите, друзья...*— Едва ли надо представлять себе дело таким образом, что хор, разделившись на три отряда, сразу же отправлялся выполнять поручения Тевкра: тогда некому было бы составить погребальное шествие. Если стихи эти подлинные, то распоряжения Тевкра надо понимать как относящиеся к тому моменту, когда хор удалится со сцены. Вероятно, отчасти по этим соображениям Наук считал 1402 (кроме начального *ἀλλίς*) — 1412 поздней вставкой.
- ¹⁴⁰⁸ *...доспелов суровый убор.*— Неточный перевод. В оригинале речь идет о τὸν ὀπισθίον χεῖρ' οὖν — той части вооружения, которая находится «под щитом», т. е. о панцире и поножах. Свой щит Аякс завещал Еврисаку (ср. 574—577).
- ¹⁴¹⁵ *Он был добрым из добрых...*— В оригинале разумеются не черты характера Аякса, который отнюдь не отличался преувеличенной добротой, а его принадлежность к бл. агородным и безупречное следование нормам героической этики.

ФИЛОКТЕТ (с. 216)

«Филоктет» — единственная трагедия Софокла, время постановки которой при жизни поэта достоверно известно: она была показана при афинском архонте Главкиппе, т. е. весной 409 г., и завоевала первое место (АС 110). О других драмах, входивших в состав тетралогии, сведений нет.

Ко времени создания Софоклом «Филоктета» миф, составлявший содержание этой трагедии, был хорошо известен его аудитории и уже получил обработку на афинской сцене.

В «Илиаде» Филоктет, сын Пеанты, упоминался как один из фессалийских царей, владевший четырьмя городами в северной ее части (в историческое время эта область называлась Магнесия); в поход под Троию он отплыл с 7 кораблями (ниже, 1027), но на десятом году войны — в момент, к которому приурочено действие «Илиады», — оставался больным на Лемносе; впрочем, добавляет автор, вскоре о нем вспомнят (II, 716—725), — здесь имеется в виду известное из других источников пророчество о том, что Троя не может быть взята без лука Геракла и владеющего им Филоктета (ср. АС 109). О причине болезни героя сообщали киклические поэмы, свидетельство о чем сохранилось в позднем пересказе Прокла: во время жертвоприношения на о-ве Тенедос Филоктет был укушен гидрой и издавал громкие вопли, недопустимые при совершении обряда; кроме того, образовавшаяся рана испускала такое зловоние, что делало общение с ним совершенно невозможным. Поэтому Одиссей по поручению Атридов отвез Филоктета на Лемнос и оставил его здесь в одиночестве⁸. В других источниках в качестве места жертвоприношения назывался островок Хриса у восточного побережья Лемноса. Здесь

⁸ *Бернабг. С. 41.*

Геракл в свое время принес жертву, обеспечившую успех его похода под Трою; соответственно и перед ахейцами, снарядившими войско против Трои в следующем поколении, было поставлено условие повторить жертвоприношение в священной усадьбе местного божества — нимфы Хрисы. Найти это место и помог им Филоктет, присутствовавший еще юношей при жертвоприношении Геракла, но на этот раз не заметивший сторожившую усадьку змею (АС 109).

На десятом году войны, после гибели Ахилла и Аякса, ахейцы очень нуждались в новых героях, а захваченный Одиссеем в плен троянский прорицатель Елен поведал им о необходимости заручиться помощью Филоктета (1336—1341) и Неоптолема, сына Ахилла. Соответственно на Лемнос за Филоктетом был отправлен Диомед, а на о-в Скирос за Неоптолемом — Одиссей. Первому было обещано под Троей исцеление, второму — доспехи отца. Филоктет, вылеченный сыном Асклепия Махаоном, убил затем в единоборстве Париса, а Неоптолем в ночь овладения Троей дал волю гневу и мести за гибель отца. Согласно эпической традиции Филоктет не сопротивлялся возвращению в ахейское войско, коль скоро оракул сулил ему исцеление.

Все три знаменитых афинских трагика обработали миф о Филоктете — сначала Эсхил, затем Еврипид (в 431 г.) и, наконец, Софокл. Трагедии предшественников Софокла не сохранились, но сравнительно полное представление о них дает нам греческий ритор I в. н. э. Дион Хрисостом, который в речи 52 сравнивает все три драмы (ср. АС 78), а в речи 59 излагает содержание пролога еврипидовской трагедии.

Произведение Эсхила (вероятно, из числа его ранних пьес) отличалось свойственной ему суровой простотой. Правда, явившийся за Филоктетом Одиссей пытался завоевать его доверие рассказом о мнимой смерти Агамемнона, о казни самого Одиссея и о бедственном положении всего войска, но не принимал никаких мер для самозащиты, — зрителю предлагалось допустить, что за 10 лет либо неузнаваемо изменился Одиссей, либо бедствия настолько ослабили память Филоктета, что он был не в состоянии узнать своего злейшего врага. (Эсхил так же не придавал значения подобным несуразностям, как впоследствии Шекспир: достаточно было Кенту нацепить бороду, чтобы Лир не узнал своего старого соратника, служившего ему не один десяток лет.) Так или иначе, Одиссей — вероятно, во время приступа болезни у Филоктета — завладевал его луком, и тому не оставалось ничего другого, как следовать вместе с ним под Трою.

Тоньше и сложнее была представлена вся история у Еврипида. Во-первых, у него Одиссей согласился на трудную миссию только после того, как Афина изменила его внешность и голос (мотив, заимствованный из «Одиссеи», XIII, 429—435). Во-вторых, в помощники ему был придан Диомед, — таким образом, Еврипид соединил эпическую и эсхиловскую версии. Наконец Еврипид ввел совершенно новый момент: наряду с ахейцами заинтересованность в Филоктете проявляли троянцы: на Лемнос прибывало их посольство (может быть, во главе с Парисом), которое стремилось привлечь Филоктета на свою сторону. При этом маскировка Одиссея не сразу оборачивалась ему на пользу: озлобленный против всех греков, Филоктет готов был спустить стрелу с тегивы при виде первого же ахейца, появившегося на Лемносе, и Одиссею, чтобы уцелеть, пришлось выдать себя за жертву ахейских вождей: он-де был другом Паламеда, казненного по навету Одиссея, и теперь спасается бегством, боясь за свою жизнь. Правда, при появлении троянского посольства, он, хоть и будучи жертвой греков, выступал в их защиту и добивался того, что троянцам пришлось уйти безрезультатно. Затем, по-видимому, следовал припадок Филоктета, похищение Одиссеем его лука, появление подоспевшего на помощь Диомеда, и в результате бурного объяснения с Филоктетом удавалось убедить его отправиться под Трою. Вероятно, этот спор, как и предыдущие дебаты между Одиссеем и предводителем троянцев дали Диону основание охарактеризовать трагедию Еврипида как образец ораторского искусства. Хор и у Еврипида, и у Эсхила состоял из жителей Лемноса, который, таким образом, не представлял собой пустынным и нелюдимым, как у Софокла.

Из сопоставления, произведенного Дионом, видны и другие нововведения Софокла. Хор состоит у него из мирмидонских моряков, соратников Ахилла, которые теперь сопровождают своего нового вождя Неоптолема, до Софокла никакого отношения к истории Филоктета не имевшего. Поскольку теперь участники хора впервые видят страдания Филоктета, это позволяет им проявить максимум сочувствия к его участи. Еще важнее роль их вождя: юный герой, готовый применить к Филоктету, если надо, силу,

с большой неохотой соглашается на хитрость (мотив, использованный обоими предшественниками Софокла) и в конечном результате отказывается от средств, противоречащих его благородной натуре. Введя верного своей природе Неоптолема, Софокл развернул в трагедии не только столкновение между справедливо гневающимся Филоклетом и прагматически мыслящим Одиссеем, но и внутренний конфликт в душе Неоптолема между врожденным благородством и долгом перед ахейским войском.

Структура «Филоклетета», как и наиболее близкого к нему по времени «Эдипа в Колоне», характеризуется существенным отличием от традиционной. Следующий за прологом (1—134) парод (135—218) состоит из трех пар строф, перемежаемых анапестами Неоптолема (144—149, 159—168, 191—200). В трагедии есть только один полноправный стасим (676—729); место двух других занимают два коммоса (827—864 — хор и Неоптолем; 1081—1217 — Филоклет и хор). Более традиционный характер носят три эпизодия (219—675 со включением одной пары строф, 391—402=507—518; 730—826; 865—1080) и эксод (1218—1471), завершаемый, как часто у Софокла, анапестами (1445—1471); анапесты (1408—1417) вводят и появление Геракла. Необычным для Софокла является употребление трохического тетраметра в коротком диалоге Неоптолема с Филоклетом (1402—1407), — здесь, может быть, сказывается влияние Еврипида, который охотно пользовался этим размером в поздних трагедиях.

Роли между тремя исполнителями распределялись следующим образом: протагонист — Филоклет, девергагонист — Неоптолем, тригагонист — Одиссей, Моряк, Геракл.

После трех великих трагиков к образу покинутого Филоклетета обращались еще несколько афинских драматургов, в том числе уже известный нам Филокл (сохранилось только название). Новшество Софокла, который свел вместе Неоптолема и Филоклетета, использовал в IV в. Феодект, с той лишь разницей, что здесь Филоклет был изображен с язвой не на ноге, а на руке; он пытался скрыть от Неоптолема свои страдания, но когда боль становилась невыносимой, просил окружающих отрубить ему руку (*TrGF* 1. 72. Фг. 5b). Сохранился также один стих из трагедии неизвестного автора, предполагающей встречу Филоклетета с Неоптолемом (*TrGF* 2. Фг. 363):

Не сын Ахилла ты, а он доподлинно.

К некоему «Филоклетету», написанному не позже IV в., относят исследователи также недавно опубликованный папирсый фрагмент (*TrGF* 2. Фг. 654). Неизвестному же автору принадлежала и сатирическая драма о Филоклетете, как видно, собравшемся жениться (*TrGF* 2. Фг. 10).

Какая нимфа, что за дева юная

Тебя возьмет? Какой уж ты теперь жених! — говорил ему, вероятно, Силен.

Для римской сцены «Филоклетета» (или «Филоклетета на Лемносе») написал Акций (фр. 522—572), обработавший, главным образом, трагедию Эсхила, но использовавший кое в чем и Софокла.

Для настоящего издания заново переведены следующие стихи: 5 сл., 28, *48, 50—53, *77, 133, 155, 165 сл., 173, 177 сл., 220 сл., 240, 273—275, 292, 324, *331, 343 сл., *347 сл., 395, 400—402, 419 сл., 424, *442 сл., 500—502, 511—514, 547, 601, 627, 653 сл., *685, 795, 806, 813, 823, 853, 960, 1031, *1068 сл., 1081 сл., 1094, 1096, 1100, 1163, 1177, 1185, 1200, 1208 сл., 1215—1217, *1224 сл., *1227, 1270, *1285, *1325, 1328, *1336, 1346 сл., 1391 сл.

Своему переводу Ф. Зелинский предпослал следующее описание места действия трагедии: «Сцена представляет пустынный скалистый берег острова Лемноса. На переднем плане — узкая полоса белых известковых утесов, омываемых сильным прибоем волн [ср. 1455—1457]. Над нею нависли прибрежные скалы [ср. 1000—1002]; по ним крутая тропинка ведет на верхнюю поляну. Посредине этой поляны, немного левее, огромная сосна; ее ветви шумят и гнутся от сильного ветра, дующего с моря. Левее, замыкая сцену, большая сквозная скала [ср. 16, 159, 952]. Под ней слева родник [ср. 21 сл., 1461]. Направо от сосны вид на огнедышащую гору — Мосихл [ср. 986 сл.]. Справа сцену замыкают поросшие травой и бурьяном холмы».

⁴ ...малыйца... — Согласно Софоклу, владения Филоклетета находились не в Магнесии, а охватывали область, примыкающую с севера и запада к Малийскому заливу. На юго-западе этой области расположены гора Эта (см. 450, 493) и Трахинский хребет (ср. 491).

⁶¹ *Пергам* — название троянского кремля.

- ⁶⁹ *Дардан* — сын Зевса и Электры, дочери титана Атланта, переселившийся с о-ва Самофракии во Фригию, где впоследствии его внук Трос основал город Трою; по другой версии, город основал правнук Дардана Ил, почему он и называется Илионом.
- ⁷² *Не под грозой присягаи...* — См. А. 1113 и примеч.
- ^{186—190} *Одр его стережет...* — Текст до конца антистрофы не слишком надежен и потому дал повод для множества разночтений. Перевод Зелинского достаточно свободно передает общий смысл оригинала.
- ¹⁹⁹ *Чем исполнится время...* — К представлению о том, что всякой каре приходит свое время по воле богов, см. *Эсх. Аг.*, 362—380.
- ²⁴⁰ *Зовется Скирос.* — Чтобы спасти Ахилла от участия в Троянской войне, Фетида спрятала его, нарядив в женское платье, среди служанок Деидами, дочери царя Скироса Ликомеда. Однако этот маскарад не помешал Ахиллу сойтись с Деидамией, в результате чего на свет и явился Неоптолем некоторое время спустя после того, как разоблаченный Одиссеем Ахилл отправился на войну.
- ²⁴⁸ *Ведь не был ты грудным ребенком...* — Во время подготовки ахейского похода под Трою Неоптолем был грудным ребенком, и его последующее участие в войне может быть объяснено, если только принять вариант мифа, по которому греки сначала сбились с пути и вынуждены были вернуться по домам, и только еще через 10 лет возобновили свое предприятие; тогда к концу десятого года войны Неоптолему должен был пойти двадцатый год. Однако эта версия мифа настолько серьезно нарушает всю остальную хронологию похода и последовавших за ним событий, что чаще всего в античных источниках обходится молчанием.
- ²⁸² *Чудесный стрел наследником оставил...* — Филоклет получил лук Геракла от своего отца Пеанта, которому его, в свою очередь, отдал сам Геракл за то, что Пеант поджег на Эте его погребальный костер (*Аполлод.* II, 7, 7). Ср. Т. 1191—1199, где Гилл соглашается соорудить для отца костер, но категорически отказывается его поджечь. Ср. ниже 670, 943.
- ³³⁵ *Его сам Феб стрелю поразил.* — Обычно считается, что Аполлон направлял руку Париса, стрелявшего из засады в Ахилла. Ср. пророчества на этот счет у Гомера (*Ил.* XIX, 416 сл., XXII, 359 сл.). Аполлон один назван, впрочем, в той же *Ил.* (XXI, 278) и в отрывке из неизвестной эхилловской трагедии (фр. 350), где Фетида обвиняет Аполлона в том, что он во время ее свадьбы с Пелеем пророчил ей счастливую материнскую долю, но не исполнил своего предсказания:
 Сам гимны пел, сам в празднестве участвовал,
 Сам прорицал, и сам рукой божественной
 Сразил дитя мое.
- ³⁴⁴ *...и дядька моего Отца...* — Феникс. См. *Ил.* IX, 438—446, 486—495.
- ³⁵⁵ *Сигей* — мыс на северо-западном побережье Трояды у входа в Геллеспонт. Здесь в историческое время показывали могилу Ахилла; поэтому для Неоптолема Сигей — ненавистный холм.
- ³⁷³ *Ведь я их спас...* — Ср. *Од.* V, 309 сл. Согласно сообщению Прокла⁹, тело Ахилла унес Аякс, в то время как Одиссей отражал наседавших на них троянцев.
- ^{361—395} *Царица гор...* — Одно из ранних свидетельств отождествления *матери Зевса* — Реи с фригийской «Великой Матерью» богов Кибелой, часто изображавшейся верхом на льве или в колеснице, запряженной львами (см. ниже), и их обеих — с Землей. Ср. *Евр. Елена*, 1301—1352. *Златоносный Пактол* — река в Лидии, на которой расположены Сарды, один из крупнейших центров культа Кибелы.
- ⁴¹⁶ *Тидея сын* — Диомед; *Сисифа...* *семя* — Одиссей. См. А. 190 и примеч.
- ⁴²⁴ *...погиб, кто был с ним рядом...* *Антилог.* — После гибели Гектора на помощь троянцам пришел царь эфиопов Мемнон, который в одном из боев вместе с Парисом напал на колесницу Нестора. Антилог вырубил отца, но сам погиб от руки Мемнона. Ср. *Од.* IV, 187 сл.; *Пинд. Пиф.* 6, 28—42.
- ⁴²⁶ *...чем ит.* — Аякса и Антилоха.
- ⁴³⁵ *И он в могиле уж...* — Подвигам, смерти и погребению Патрокла посвящены в «Илиаде» кн. XVIII и XXIII.

- 442 *Ферсит* — персонаж «Илиады», выступающий с резкими упреками по адресу Агамемнона (II, 211—242).
- 484 *...ради Зевса ... Просителей заступника...* — Личность молящего о помощи испокон веку считалась у греков находящейся под покровительством Зевса. Ср. *Ил.* XXIV, 569 сл., 586; *Од.* VI, 206—208; VII, 164 сл., XIII, 213 сл., XXII, 334 сл., 379 сл.; *Эсх. Мол.* 359—364, 381—386, 413—437, 478 сл.
- 489 *Халкодонт* — евбейский царь. Его сын Элефеор сражается под Троей: *Ил.* II, 536—545; *Плутарх. Фесей* 35.
- 492 *Сперхей* — полноводная река, берущая начало в горах западнее Эты и впадающая в Малийский залив.
- 496 *И сам за мной ... поспешил.* — Перевод Зелинского основан на ркп. αὐτόστολον, принятом до недавнего времени всеми издателями, и конъектуре Блейдза πλεύσαντα: «Чтобы он приплыл на собственном корабле». Однако Доу справедливо замечает, что человеку, оказавшемуся в одиночестве на необитаемом острове, не приходится распорядиться, кто и как должен его спасать. К тому же прилагательное αὐτόστολος в классической греческой литературе не встречается. Поэтому Доу предлагает читать αὐτῆς στόλον, сохраняя ркп. πλεύσαντα: Филоктет через проезжих просил своего отца снова послать за ним корабль, чтобы спасти его и вернуть домой (ἐκθῶσαι δέμου), — мысль, выпавшая в переводе Зелинского.
- 502 *...непрочна... Судьба людская.* — Перевод по конъектуре Уэйкфилда, принятой теперь и Доу: ἀδῆλα; ркп. δεινά дает значение «страшна».
- 518 *Немесиды* — персонафицированное «возмездие». В оригинале: «избежав возмездия богов» (за отвергнутую мольбу о помощи).
- 549 *Пепарет* — остров в Эгейском море, лежащий на пути от Лемноса к Магнесии, Евбее и Малийскому заливу.
- 562 *Сыны Фесея...* — Афинский царь Демофонт, фигурирующий в еврипидовских «Гераклидах», и его брат Акамф.
- 625 *Как некогда отец его вернулся.* — Т. е. Сисиф (см. А. 190 и прим.). Чувствуя приближение смерти, Сисиф приказал жене оставить его тело непогребенным, а сам, оказавшись в Аиде, попросил у владыки умерших разрешения вернуться на землю, чтобы наказать супругу за проявленную к нему нечестивость. Разумеется, получив согласие Плутона, Сисиф и не подумал возвращаться в обитель мертвых.
- 78 *Иксион* — царь фессалийского племени лапифов, покусившийся на честь Геры; Зевс велел привязать его в Тартаре к безостановочно вращающемуся огненному колесу.
- 726 *Вознесся муж...* — В тот момент, когда костер, на котором покоился смертельно больной Геракл, охватило пламя (802; Т. 1191—1215), герой был взят богами на Олимп, где ему было даровано бессмертие (1411—1420). Ср. *Диод.* IV, 38, 4; 39, 2—4.
- 800 *...яростным огнем лемносским...* — На Лемносе находилась огнедышащая гора Мосихл. Под ней, по верованиям греков, помещалась кузница Гефеста; огонь в ней раздували киклопы.
- 989 *Зевс страны властитель...* — Сбращению Филоктета за помощью к божествам — покровителям Лемноса Одиссеей противопоставляет авторитет Зевса, одинаковый для всех стран и земель.
- 1025 *В обмане уличенный...* — См. фр. 198 и вступит. заметку к нему¹⁰.
- 1075 *Но все ж — останьтесь...* — Эта уступка Неоптолема дает возможность хору остаться на оркестре.
- 1092 *О птиц вольных рой...* — Перевод ближе к чтению Германна — Доу (ἴθ' αἰ πρόσθ' ἄνω), чем к ркп. εἴθ' αἰθήρος, принимаемому Пирсоном и Дэнном.
- 1207 *Тело свое рассеку...* — Зелинский перевел здесь: «Голову взмахом отсечь»..., исходя из ркп. κρήτ' принятого также Пирсоном и Дэнном. Однако конъектура Германна κρήτ', принятая Джеббом и Доу, дает более естественную картину: можно представить себе человека с мечом в правой руке, которым он наносит себе удары и отсекает конечности. Но как представить себе человека, отрубаящего себе самому голову? Соответственно принятой конъектуре исправлен и перевод.

¹⁰ Ср. также А. 1113 и примеч.; Бернабе, с. 40; Гигин, 95.

- 1261 *Служу я правде...* — Следующий стих в ркп. потерян. Зелинский предложил возместить его следующим образом: «Да, он далек; но я ведь близко, знаешь?»
- 1333 *...Асклепия сынов.* — Асклепий, сын Аполлона и фессалийской царевны Горониды, был сражен молнией Зевса за то, что он пытался своим врачебным искусством вернуть жизнь мертвым. Сыновья его — Подалирий и Махаон — находились в греческом войске под Троей (*Ил.* III, 731 сл.). Ср. ниже 1437, где исцеление Филоктета представляется делом рук самого обожествленного Асклепия.
- 1364 *...доспехи у тебя Похитили.* — После этих слов в ркп. содержится фраза, в которой Филоктет выражает негодование по поводу того, что доспехи Ахилла отдали не Аяксу, а Одиссею. Однако, о суде из-за доспехов Ахилла Филоктет ничего не знает (в 411—413 Нептолем сообщил ему только, что Аякса уже нет в живых); грамматически фраза построена не слишком умело. Поэтому все современные издатели считают ее поздней вставкой, и Зелинский с полным основанием опустил ее в переводе.
- 1371 *...и от отца получишь...* — Здесь Филоктет представляет себе своего отца еще живущим на свете. Ср. 665. В других случаях он считает, что Пеанта уже нет в живых, — 492—497, 1210—1212.
- 1402—1407 *Что ж, идем...* — Если не считать находящегося под подозрением финала ЦЭ (см. 1524—1530 и примеч.), то эти стихи — первый пример употребления у Софокла трохейского тетраметра, встречающегося затем еще раз в ЭК. 887—890.
- 1426 *Исторгнешь жизнь...* — Поскольку гибель Париса, виновного в похищении Елены, должна была ликвидировать первопричину войны, можно сделать вывод, что в древнейшей традиции роль Филоктета была значительнее, чем в гомеровском и киклическом эпосе.
- 1459 *Гермейский хребет* — мыс на северо-восточной оконечности Лемноса. У Эсхила (*Аг.* 283) он упоминается как одна из передаточных станций для огненного сигнала, возвещающего о падении Трои.

ЭЛЕКТРА (с. 269)

Датировка софокловской «Электры» является одним из трудных вопросов в изучении этого автора. Помимо того, что не сохранилось ни документальных, ни косвенных свидетельств о постановке трагедии, дополнительные трудности вносит нерешенность вопроса о хронологическом соотношении «Электры» Софокла с одноименной драмой Еврипида, дату которой тоже нельзя считать единогласно принятой всеми исследователями, чьи мнения колеблются между 421 и 413 гг. Соответственно возникает вопрос, чья же трагедия — Софокла или Еврипида — была показана раньше и кто из двух вступает в очевидную полемику со своим предшественником. Вопрос этот обсуждается в течение столетия, так что один современный исследователь не без оснований дал своей статье, посвященной спорной проблеме, название: «Вечные Электры». Поскольку сравнение двух трагедий увело бы нас далеко за пределы настоящей преамбулы к примечаниям, ограничимся здесь констатацией бесспорного факта, что «Электра» Софокла принадлежит к числу его поздних трагедий и была поставлена, вероятно, ок. 415 г. В пользу этого говорят композиционные и стилистические признаки, сближающие ее с «Филоктетом» и «Эдипом в Колонах».

Фигура Электры в древнегреческой драме V в. самым тесным образом связана с мифом о трагических событиях в доме микенского царя Агамемнона: ради успеха троянского похода он вынужден принести в жертву свою дочь Ифигению, чем вызывает затаенную ненависть к себе со стороны своей супруги Клитемestры. К тому же ее, пользуясь десятилетним отсутствием супруга, соблазняет его двоюродный брат Эгисф, и вместе они убивают вернувшегося с войны царя. Через семь лет наступает час расплаты: возмужавший на чужбине Орест получает приказ Аполлона отомстить матери за убитого ею отца и осуществляет этот приказ, который, в свою очередь, навлекает на него гнев Эривий — древних богинь, мстящих за пролитие родственной крови. Электра в той или иной степени принимает участие в расправе с убийцами Агамемнона, хотя роль ее у каждого из трех трагиков различна.

Следует, впрочем, заметить, что такое место в мифе Электра заняла не сразу. «Илиада» знает трех дочерей Агамемнона — Хрисофемиду, Лаодику и Ифианассу

(IX, 144 сл.); Электры среди них нет. В «Одиссее» находим упоминание об убийстве Агамемнона, совершенном Эгисфом не без согласия Клитемстры (XI, 404—434), и о погребальном пире, который устроил Эгисфу и матери Орест (III, 306—310). Почему вместе с убитым Эгисфом пришлось хоронить и Клитеместру, из «Одиссеи» не ясно, хотя о самом акте мести, исполненном Орестом, автор поэмы отзывается однозначно положительно (I, 298—302)¹¹. В любом случае в «Одиссее» даже не упоминается никто из сестер Ореста.

Впервые имя Электры появилось, по-видимому, у лирического поэта Ксанфа (VII в.), который отождествлял ее с гомеровской Лаодикой, — так-де звали девушку от рождения, но поскольку она долго не выходила замуж, то ее прозвали Электрой. В духе древнегреческих этимологий Ксанф образовывал это имя (в его дорийской форме Алектра) от отрицательного префикса α- и слова λέκτρον «супружеское ложе». Получалось, что Электра обозначает «безбрачная» (*Элиан*. Пестрые рассказы IV, 26).

Оставив на совести Ксанфа его лингвистические изыскания, напомним, что Ксанфа считал своим предшественником знаменитый сицилийский поэт Стесихор, который в 1-й половине VI в. создал лирическую поэму в двух частях «Орестея». Хотя от нее дошли скудные отрывки, известно, что в творчестве Стесихора произошла существенная перестановка акцентов: на первое место в качестве уийцы Агамемнона выдвинулась Клитемestra, и Стесихор ввел мотив приснившегося ей грозного сна, который побудил царницу отправить на могилу убитого умилостивительные дары. Для этого ей надо было прибегнуть к помощи одной из дочерей, и едва ли мы ошибемся, признав в этой дочери Электру. Вероятно, не обходилось и без ее встречи с Орестом, и какое-то участие Электра должна была принять в последней встрече Ореста с матерью.

К такому выводу приводят памятники изобразительного искусства первой половины V в., свидетельствующие о широком распространении мифа — вероятно, под влиянием Стесихора. Так, на одной из краснофигурных аттических ваз, где около персонажей, участвующих в изображенной там сцене, подписаны их имена, мы видим убитого и свалившегося с трона Эгисфа, слева от него — Электру, а справа — Ореста с мечом и позади него — Клитеместру с занесенной над сыном секирой. Электра, протянув руку к брату, призывает его оглянуться, дабы уклониться от угрожающего ему удара. Так мы оказываемся в непосредственной близости к эсхиловским «Хозфорам», где Клитемestra, узнав о смерти Эгисфа, требует, чтобы ей подали секиру, но ее готовность к вооруженному сопротивлению пресекает Орест, появившись с обнаженным мечом из ворот дворца (887—895).

«Хозфоры» Эсхила, средняя часть его трилогии «Орестея» (458 г.), — прямая предшественница обеих «Электр», написанных примерно четыре десятилетия спустя. Но если Еврипид во многом переиначил миф, то Софокл, в общем, придерживался линий, начертанных Эсхилом. Сравнивая обе трагедии, мы вместе с тем увидим и то новое, что внес в трактовку образов Софокл.

«Хозфоры» начинаются с появления вернувшегося из изгнания Ореста у могилы отца: он просит умершего о помощи в совершении мести его убийцам. При виде процессии женщин, приближающихся к гробнице, Орест отходит в сторону, оставив на могиле свой скромный дар — прядь волос. Электра, которая возглавляет траурное шествие, объясняет участникам хора свое затруднение: мать послала ее с возлияниями покойному, но как исполнить ее приказ, если умерший пал от ее собственных рук? Хор советует Электре, совершая возлияние, молить отца о скорейшем возвращении мстителя — Ореста. Найденная на могиле прядь волос и оставшиеся на земле следы повергают Электру в сильнейшее волнение: и волосы совпадают по цвету с ее собственными, и в отпечаток ноги укладывается ее ступня, — сомнения нет: Орест близок, и он в самом деле выходит из укрытия. Быстрое узнавание, рассказ Ореста о приказе Аполлона отплатить равной мерой убийцам отца, и развертывается обширнейший коммос с участием хора, Ореста и Электры. От плача и воспоминаний об отце хор и Электра переходят к тяжелому настоящему: отцовский трон в руках убийц, с Электрой они обращаются, как с последней рабыней. Наконец, задача коммоса выполнена —

¹¹ Об отдельных событиях, составлявших историю Агамемнона, повествовалось и в не дошедших до нас кикладских поэмах (насколько можно судить по позднейшему пересказу); в «Киприях» — о жертвоприношении Ифигении; в «Возвращениях» — об убийстве Агамемнона Эгисфом и Клитеместрой (*Бернабе*. С. 58, 95).

в Оресте созрела решимость поднять меч на родную мать. Он узнает содержание ее сна и излагает свой план: под видом чужеземцев из Фокиды он и Пилад принесут весть о смерти Ореста, усыпят этим бдительность царствующей четы и проникнут во дворец. Юноши удаляются, Электра уходит во дворец — на случай, если им там понадобится ее помощь. Больше она не появится. После стасима Орест и Пилад возвращаются, излагают перед Клитеместрой вымышленную историю о встрече со Строфием, шурином Агамемнона, к которому она еще до возвращения царя отравила малолетнего сына. Строфий-де сообщил им о смерти Ореста и просил передать родным урну с его прахом. Клитемestra приглашает молодых людей в дом и посылает за Эгисфом, который является по ее вызову. Сама она, по-видимому, оставляет мужчин наедине и удаляется в свою половину, потому что после очередного стасима из дворца выбегает перепуганный слуга и стучит в двери женского покоя. Услышав от него загадочную фразу: «Мертвые убивают живых», Клитемestra сразу оценивает ситуацию, требует, чтобы ей вынесли секиру, но тут ее застают уже сразивший Эгисфа Орест. Короткая, но сжатая, как пружина, стихомифия между матерью и сыном — и он уводит Клитеместру во дворец, чтобы она заснула последним сном рядом со своим любовником. Хор торжествует победу, но Орест, уверенный в своей правоте, испытывает неожиданную тревогу: он видит, как его окружают зловещие Эринии, и убегает за спасением от них в Дельфы к Аполлону, отдавшему приказ об убийстве матери.

Вернемся теперь к Софоклу. Как и у Эсхила, Орест с безмятным Пиладом появляются уже в прологе, но вместе с ними — старый воспитатель, который некогда отнес мальчика к Строфию, получив его из рук Электры (см. 11 сл.). Ему излагает Орест свой план: пусть старик повторно придет к дворцу и расскажет о гибели Ореста в состязании на колесницах, между тем как сам он пойдет почтить могилу отца, а потом вернется с урной, якобы содержащей его собственный прах. Сменяющие их диалог жалобы Электры и ее дуэт с хором показывают всю глубину ее отчаяния и ненависти к матери. Поэтому вполне понятно, что с возлияниями на гроб отца Клитемestra посылает не ее, а Хрисофемиду — Софокл извлек ее из гомеровской версии и придал пустому имени облик живого человека. От сестры же Электра узнает и о намерении Эгисфа заточить ее вдали от царского дворца, и о сие Клитеместры. Первое известие оставляет ее равнодушной (все равно ее жизнь — сплошная мука), второе наполняет радостью и придает силы для ожесточенного спора с матерью, пытающейся оправдать свое преступление. Ничего подобного этому диалогу нет у Эсхила; у него мать и дочь вообще не встречаются. Рассказ Воспитателя о скачках, где якобы сложил голову Орест, наполняет Клитеместру радостью, Электру — безысходным отчаянием, из которого, впрочем, скоро рождается мысль взять на себя долг мести. Разговор с возвратившейся Хрисофемидой еще больше укрепляет Оресту в ее намерениях. — здесь появляется Орест с урной и, не будучи в силах выносить скорбь и слезы сестры, открывает ей. Радостный дуэт брата и сестры прерывает оберегавший их Воспитатель. Орест и Пилад входят во дворец в сопровождении Электры. Скоро оттуда доносятся предсмертные вопли Клитеместры, и сначала Электра, а затем Орест выходят с сообщением, что дело сделано. Остается встреча с Эгисфом — Орест уводит его во дворец с намерением убить там, где был убит Агамемнон. Хор торжествует победу.

Сравнивая «Электру» с «Хозфорами», мы видим, во-первых, что Софокл существенно развил момент интриги: планы Ореста остаются ведомыми Электре, и известие о его мнимой смерти, равно как и вид погребальной урны, повергает ее в неподдельное отчаяние. Во-вторых, Софокл сводит Электру лицом к лицу с матерью, и дочь высказывает ей (в несравненно более развернутой форме) все, что мог бы сказать ей Орест: двадцать с небольшим стихов из эсхилловских «Хозфор» превращаются у Софокла в большую бурную сцену объяснения Электры с Клитеместрой (516—659). В-третьих, не Электра, а Хрисофемидка отправляется к могиле отца и находит там признаки возвращения Ореста, — радость, которую могла бы испытать Электра, у Софокла ей заказана. В-четвертых, одержавший победу Орест у Софокла несколько не сомневается, как и сам автор, в справедливости совершенной мести, в то время как у Эсхила матереубийство становится новым звеном в цепи преступлений-отмщений, опутавших дом Атридов. Соответственно, нет у Софокла и ничего похожего на грандиозный эсхилловский козмос, — перед софокловским Орестом, послушным исполнителем воли Аполлона, нет, в сущности, никаких проблем, кроме чисто технических. Уход Ореста в дом вместе с обреченным на смерть Эгисфом носит совершенно прозаич-

ческий характер, лишней раз подчеркивая, что не Орест, а страдающая и ликующая Электра, от пролога и до финала почти непрерывно находящаяся на глазах у зрителей, является главным героем у Софокла.

В соответствии с этим видоизменяется и структура трагедии, избыточная лирическими партиями. «Электра» — единственная из дошедших трагедий Софокла, в которой вокальный элемент проникает уже в пролог (1—120): после монолога Ореста из дворца слышен вопль Электры, а после того, как Воспитатель, Орест и Пилад покидают оркестру, из дома появляется и сама Электра, исполняющая сольную арию в лирических анапестах (86—120). Парод (121—250) выдержан в форме коммоса — строфы хора чередуются с ариозо Электры. Точно так же вокальный элемент включен во все речевые сцены, кроме первого эпизодия (251—471): 2-й эпизодий (516—822) отделен от 3-го (871—1057) коммосом хора и Электры (823—870), не уступающим по объему обычному софокловскому стасиму. Эпизодий 4-й (1098—1383) содержит обширный лирический дуэт брата и сестры (1232—1286). Наконец, эксод (1398—1510) начинается с коммоса с участием хора, Электры и Ореста (1398—1441), в первую половину которого вклиниваются вопли Клитемestры за сценой. Три стасима (472—515; 1058—1097; 1384—1397) построены достаточно традиционно.

Роли между тремя актерами распределялись следующим образом: протагонист — Электра; девергагонист — Орест, Клитемestра; триагонист — Воспитатель, Хрисофемид, Эгисф. Роль безмолвного Пилада исполнял статист.

Авторитет трех великих трагиков, приложивших свой талант к обработке мифа о мести за Агамемнона, был настолько велик, а «Электра» Софокла была к тому же так популярна в последующие века (ср. АС 59, 60, 89, 91), что больше никто из афинских драматургов не рисковал вступать с ними в соревнование. В Риме трагедию Софокла перевел некий Атилиус — идентичен ли он автору комедий-паллиат, жившему в начале II в., неизвестно, но представляется маловероятным. Цицерон оценивал этот перевод без энтузиазма (О границах добра и зла I, 2; Письма к Аттику XIV, 20, 3: «грубейший поэт»); тем не менее он был, очевидно, достаточно известен, если стихи из него пели на похоронах Юлия Цезаря (*Светоний*. Юлий Цезарь 84).

Для настоящего издания заново переведены следующие стихи: 28, 97 сл., 138, 184, 189, 212, *216, 226—228, *230, 240 сл., 271, 356, 367 сл., 388, 440, 533, 541, 544—546, 581, 587, 592, 598, 604, 648, 663, 769, *790 сл., 795 сл., 798, *922, 975—978, 987—989, *994, 999 сл., 1024, *1226, 1232—1235, 1239 сл., 1264, 1280—1284, 1339, 1449, 1453—1455, 1470 сл., 1497 сл.

Своему переводу Ф. Зелинский предпослал обширную ремарку, из которой текстом трагедии подтверждается только наличие на оркестре статуи и жертвенника бога Аполлона (635—659, 1376).

¹ *Вожда агейских сил...* — Этот стих, представленный во всех ркп., является скорее всего более поздней вставкой. В пользу этого говорят следующие соображения. (1) В схолиях к *Евр. Финик.* 1—2, передается «старинная молва», что эти два стиха добавлены Еврипидом по настоянию Софокла, как, в свою очередь, ст. 1 «Электры» добавлен Софоклом по настоянию Еврипида. Между тем, *Финик.* (1—2), как это ясно из папирусного отрывка их «содержания», являются неподлинными, и этот вывод можно распространить и на *Эл.* 1. (2) пышное обращение к Оресту в *Эл.* 1 не находит соответствия в стиле более простых обращений в начале других трагедий Софокла: ср. *А.* 1; *Ан.* 1; *ЦЭ.* 1; *ЭК.* 1. (3) Не находит оно поддержки и в характере Воспитателя, не склонного к подобным риторическим амплификациям, — ср. 1326. (4) Источник этого распространенного обращения — *Эл.* 693—695, где пышная характеристика Агамемнона так же к месту, как она не к месту в начале трагедии. См.: *Haslam M. The Authenticity of Euripides, Phoenissae 1—2, and Sophocles, Electra 1//Gr., Rom. a. Byz. St. 16(1975). 149—174.*

⁴ *Здесь древний Аргос...* — В изложении Софокла Аргос — не город, отделенный от Микен примерно 15 км, а вся область, столицей которой являются Микены. Таким образом, глядя вниз с Акрополя, Орест видит растилающуюся перед ним отчую землю, а, повернувшись, оказывается перед входом в дворец.

⁵ *Святая сень неустовой Ио...* — Роца, в которой стоглазый Аргус сторожил дочь аргосского бога реки Инаха Ио, превращенную Герой в телку; после того как Гермес по приказу Зевса убил Аргуса, Гера наслала на Ио овода, который своими укусами доводил ее до исступления.

- ...бога-волкобойцы Ликейский торг... — площадь (агора) перед храмом Аполлона. См. ЦЭ. 203, 208 и примеч.
- ⁸ ...богини Геры храм... — Остатки этого храма, раскопанные в начале XIX в., находятся примерно в трех километрах от Аргоса.
- ¹⁰ ...Пелопидов дом... — См. ниже, 505—515, и раздел «Фрагменты», с. 393—395.
- ¹⁵ ...жунак любезный... — В оригинале ξένος — слово, которым обозначался чужеземец (Пилад происходит из Фокиды): однако Пилад — «самый любимый из друзей-чужеземцев», т. к. Орест вырост вместе с ним под одной крышей.
- ⁶³ ...слуги ложные... — Ср. рассказы на этот счет у Геродота, IV, 14 и 95.
- ⁸⁷ Равнодольный эфир... — имеющий равную с землей долю в мироздании.
- ¹¹¹ ...Проклятия Дух... — В оригинале: πῶτον' Ἀρά — «могущественное Проклятие».
- ¹³⁹ ...чьи воды всех приемлют... — Ахеронт, река в подземном царстве. Ср. 184.
- ¹⁴⁸ ...Итиса кличет... — Превращенная в соловья Прокна тоскует об убитом Итисе; см. вступит. заметку к фр. 129.
- ¹⁵⁰ Мать-Ниобея... — См. Ан. 824 и прим.
- ¹⁵⁸ Ифианасса... — См. вступит. заметку.
- ¹⁸¹ Парнасской равнины гость... — В оригинале речь идет о Крисе, древнем городе у подножья Парнаса, близ которого происходили состязания колесниц, — см. 730.
- ¹⁹⁴ ...над ложем мук... — Имеется в виду пиршественное ложе (ср. 203: неизреченная трапеза): в V в. греки пировали, опершись на локоть на специальном ложе; Софокл переносит этот обычай в гомеровские времена. Об убийстве Агамемнона во время пира см. Од. XI, 405—420.
- ²⁸⁴ Что именем отца уж нарекла... — По сообщению византийского комментатора к Од. IV, 531, существовало поговорочное выражение «Агамемнонов пир» (как было и выражение «Пир Фiestа»).
- ²⁹⁵ Не ты ль всему виною? — У Эсхила (Аг. 877—885) Клитеместра сама отсылает Ореста к Строфию, чтобы он не стал свидетелем убийства отца. Согласно Софоклу, Ореста от рук Клитеместры, готовой расправиться с ним как с потенциальным мстителем за смерть отца, спасла Электра (ср. 601—604, 1130—1133). У Еврипида спасителем Ореста назван старый Воспитатель (Эл. 16—18, 415 сл., 557).
- ³⁰² ...что руками женщин бой ведет! — Ср. аналогичную характеристику Эгисфа — Эсх. Аг. 1625—1627.
- ⁴¹⁰ Тревожный сон... — См. Эсх. Хо. 32—41, однако содержание сновидения у Эсхила совсем иное (526—533).
- ⁴³¹ Не оскверняй могилы... — Софокловская Электра сама дает рекомендации Хрисофемиде в отношении жертвоприношения, в отличие от Электры у Эсхила, которая испытывает затруднение, как совместить принесение даров убитому с отношением к его убийце, — Эсх. Хо. 84—100.
- ⁴⁴⁵ ...руки Отсекла... — Ср. Эсх. Хо. 439—443. Расчленение тела покойника считалось у древних греков средством лишить его возможности совершения загробной мести. Ср. русский обычай пронзять колом могилу человека, подозреваемого в связи с нечистой силой.
- ⁴⁵¹ ...волос кольцо... — См. А. 1179 и примеч.
- ⁴⁹⁵ Возмездья час... сон грозит... — Текст испорчен, перевод приблизительный по смыслу.
- ^{505—515} Назидник лизой Пелоп! — См. выше, 10. Безмерной обиды стон... Проклятие, изреченное Миртилом.
- ⁵³¹ Он в дар богам... — Речь идет о жертвоприношении в Авлиде, когда Агамемнон обреч на заклание свою дочь Ифигению, чтобы обеспечить благополучное отправление ахейского флота в Трою (см. 563—576). См. Эсх. (Аг. 228—247 и 1525—1529) — Клитеместра использует те же аргументы в свое оправдание.
- ⁵³⁹ ...ведь двух детей отцом... — Гомер (Од. IV, 12—14) и следующая ему традиция (напр., Евр. «Андромаха» и «Орест») знают одну лишь дочь Менелая — Гермению; Софокл использует здесь версию, восходящую к «Каталогу жен», который приписывали Гесиоду; см. фр. 175, где говорится, что Елена Славному в битвах Атриду дочь родила Гермению, Также и мощного сына, Арья оплот, Никострата.
- Ср. Аполлод. III, 11, 1.

- 560 ...докажу тебе...— Перевод по конъектуре Морштадта δεῖξω, принятой в наше время Доу. Δείξω, несомненно, сильнее ркп. λείξω.
- 568 ...пятнистого оленя...— В подлиннике: лань — животное, посвященное Артемиде.
- 588 ...детей ему рожаешь...— Традиции известны дочь Эгисфа и Клитемestры Эригона (Павс. II, 18, 6) и сын Алет (Гигин, 122 — правда, без указания на имя матери). Ср. Евр. Эл. 62. Именем Эригона была озаглавлена несохранившаяся трагедия Софокла (фр. 376 сл.).
- 704 сл. ...этолянин...— Из Этолии, расположенной на юго-западе Средней Греции. Область магнетов — Магнесия, на востоке Фессалии. ...наездник энианский...— из племени на юге Фессалии.
- 723 И долго . . . неслись.— Предшествующие пять стихов, 718—722, перевесены по предложению Доу после 740: вполне естественно, чтобы сначала Воспитатель рассказал о том, как сошли с дистанции остальные 8 ездоков, а потом перешел к последнему эпизоду — единоборству двух оставшихся соперников. В соответствии с перестановкой внесены незначительные изменения в перевод Зелинского.
- 743 Он левый повод опустил...— Главная трудность соревнования в гонках на колесницах состояла в том, чтобы, держась как можно ближе к мете и отгесняя от нее соперников, не задеть за нее осью.
- 752 Его же все дальше волочили кони...— Ср. описание вышедших из повиновения коней у Еврипида (Ипп. 1236—1248).
- 836-849 Амфиарай.— См. фр. 33—40 и вступит. заметки к ним.
- 851 Вереницей рыданий...— Перевод Зелинского («вереницей унылой») исправлен на основании конъектуры Бергка, принятой Доу: παυδύρτω
- 872 Я забыла о приличье...— Порывистые движения в присутствии посторонних, быструю ходьбу афиняне считали недостойными для свободнорожденного и тем более — для девушки из царской семьи. Ср. Платон, Хармид, 159 В.
- 975 ...и гости...— Чужеземцы, оказавшиеся в Арголиде.
- 1007 Не в смерти ужас...— Эти два стиха значительная часть издателей, начиная с Наука и кончая Доу, считает поздней вставкой, поскольку готовность к смерти отнюдь не соответствует характеру Хрисофемиды и всем ее высказываниям, — ср. 335—340, доводы, предшествующие спорным стихам, а также 1027. Другие издатели либо игнорируют предложение изъять эти стихи, либо энергично его отвергают, как, например, Джебб.
- 1053 Хотя б в тоске изныла ты.— Доу замечает, что последующий упрек в безумье и в погоне за призраком пустым непонятен в устах Электры. Поэтому он постулирует потерю после 1052 двух стихов: в первом содержалось завершение реплики Электры, во втором — начало ответа Хрисофемиды, которой Доу и отдает все остальные стихи, с 1053 по 1057. Доводы его явно заслуживают внимания.
- 1126 О жалкий груз...— См. АС 60.
- 1154 Мать бессердечная...— В оригинале: μήτηρ ἀμήτωρ — «мать, не достойная называться матерью».
- 1201 ...такой же болью...— Зелинский перевел по чтению лучшей рукописи (Laug. XXXII, 9): τοῖς ἴσοις, которое поддерживает и Доу. Большинство издателей принимает чтение других ркп. τοῖσι σοῖς. В первом случае перевод: «Я пожалел тебя», так как пришел, лишь один страдая от бед, равных твоим; во втором: «...лишь один страдая от твоих бед».
- 1205 ...отдай мне урну...— После этого стиха Доу предлагает перестановку в следующем порядке: 1208; лакуна в один стих, произносившийся Орестом; 1206, 1207, 1209 — при том, что начало реплики тоже отдается Электре и должно в этом случае звучать: «Нет, не отдам! О бедный мой Орест»... В пользу последнего предложения говорит то обстоятельство, что ἀντιλαβή, возникающая в 1209 при ркп. чтении, здесь маловероятна: обычно ἀντιλαβή следуют в нескольких стихах подряд (ср. ниже, 1220—1226) и к тому же в кульминационной точке диалога, здесь еще не достигнутой.
- 1240 ...этих в доме жен...— Опять намек на трусость Эгисфа. Ср. 302 и примеч.
- 1264 Вновь вспыхнула...— Из сравнения этой реплики Ореста со строфой (1243 сл.) видно, что после 1264 в ркп. утрачен один стих.
- 1296 Затем одно.— В оригинале эти два стиха звучат следующим образом:

...Чтоб вид твой, слишком радостный, не выдал
Нас матери, когда мы в дом войдем.

Ясно, что придаточному предложению, вводимому союзом «чтобы», должно было предшествовать главное, и Доу справедливо постулирует после 1295 лакуну в один-два стиха («Прими меры к тому, чтобы...»). Зелинский ввел это предпологаемое главное предложение в перевод: «Блюди себя». *Нас... не выдала...*— Т. е. Ореста и Пилада.

- 1322 *Молчанье!* — Этот стих и первую половину следующего ркп. отдаю Оресту, хотя, согласно указанию в схолиях, некоторые античные комментаторы отдавали их хору. В этом есть свой резон, так как появление нового действующего лица обычно возвещает корифей. Однако ἀντιδραστή между корифеем и актером (в данном случае исполняющим роль Электры) в подобных случаях маловероятна. Поэтому, может быть, прав Доу, отдавая корифею всю реплику 1322—1325.
- 1391 *...бледной рати друг...*— В оригинале: «помощник (заступник) находящихся под землей»,— т. е. мститель за убитого отца.
- 1427 *От матери бесчестье...*— Поскольку антистрофа (1422—1441) повторяет метрическую схему строфы (1398—1421), ясно, что после этого стиха в ркп. утеряны три строки и еще одна — после 1429.
- 1431 *С предметья он собрался...*— В этой реплике Электры в оригинале утрачено несколько стоп. В переводе этот пропуск сглажен.
- 1458 *Откройте настезь двери!* — Перевод Зелинского выполнен по чтению большинства ркп. πέλας; однако в оригинале ему предшествует инфинитив: «велю показаться...» — что? двери? Поэтому Доу принимает конъектуру Рейзке πέλας, нашедшую теперь подтверждение в двух сравнительно поздних рукописях: «Велю показать вблизи всем микенцам и аргосцам, чтобы они могли видеть...» К тому же перевод Зелинского: «Смотри, микенский... люд» несколько опережает сценическую ситуацию: как видно из 1466, эккиклема с телом Клитеместры выкатывалась из дверей дворца только перед этим стихом.
- 1485 *Что пользы нам...* — Эти два стиха пропущены в ркп. Медичи и дописаны позже; кроме того, смысл их не вяжется с ходом мысли Электры: зачем ей искать пользу (в оригинале: выгоду) в отсрочке смерти Эгисфа? Поэтому ряд издателей, включая сюда Доу, следует за предложением Диндорфа считать эти строки позднейшей вставкой.
- 1500 *Не от отца наследье...*— Т. е. Агамемнон не был столь же проникновенен, чтобы предугадать свою смерть.
- 1508—1510 *И то уж вред...*— Завершение этой трагедии подвергалось сомнению со стороны некоторых ученых (см. *Dowe. Studies. V. I. P. 203*). Большинство издателей, однако, не разделяет этого скепсиса и считает обсуждаемые стихи естественным заключением трагедии справедливой мести.

ТРАХИНЯНКИ (с. 323)

О постановке трагедии не сохранилось никаких документальных данных, и, привлекая самые различные стилистические и исторические критерии, исследователи расходились в ее датировке в добрых 50 лет: от конца 60-х до середины 10-х годов V в.! В настоящее время преобладает убеждение, что «Трахинянки» принадлежат к числу «ранних» пьес Софокла и близки хронологически к «Антигоне». Одним из важных аргументов для датировки служит сходство между «Трахинянками» и еврипидовской «Алkestидой» в изображении сцены прощания героини со своим супружеским ложем (Т. 915—922 — Алkestида, 175—184). Поскольку дата «Алkestиды» известна (438 г.), то вопрос сводится к тому, кто из двух драматургов обязан другому. Те исследователи, которые отдадут пальму первенства Софоклу, считают 438 г. пределом, позже которого «Трахинянки» не могли быть поставлены; те, которые постулируют (на наш взгляд, с достаточными основаниями) приоритет Еврипида, приходят к выводу о постановке «Трахинянок» вскоре после 438 г.

Содержание мифа, положенного в основу сюжета трагедии, было достаточно хорошо известно из литературных источников во времена Софокла. В недодешедшем целиком дифирамбе Пиндара (фр. 249 а) объяснялось, почему Геракл попал в Этолию

и женился на Деянире: об этом попросил его в подземном царстве ее брат Мелеагр. О необходимости вступить в борьбу с речным богом Ахелоем (см. ниже, 9—17), о попытке кентавра Несса овладеть при речной переправе Деянирой и его гибели от стрелы Геракла шла речь в каком-то произведении Архилоха (фр. 276, 286—288), а позже — в отрывке, который приписывается Вакхилиду (фр. 64). В ранней традиции Деянира была, по-видимому, наделена качествами, сближающими ее с амазонкой (она правила упряжкой коней и упражнялась в военном искусстве — *Аполлод* I, 8, 1; ср. также схолий к Аполлонию Родосскому I, 1212), но впоследствии эти свойства были забыты под влиянием совсем иного образа, созданного Софоклом.

Для другой сюжетной линии «Трахинянок» (взятие Эхалии, пленение Иолы и роковой подарок, посланный Гераклу Деянирой) наиболее ранним источником была поэма «Взятие Эхалии», написанная в VIII или VII в. неким Креофилом с Самоса или Хиоса (часто его называют близким другом или зятем Гомера, который подарил ему свое собственное сочинение). Здесь взятие Эхалии (традиция локализует ее на Евбее, см. ниже, 74) прямо объяснялось желанием Геракла добыть Иолу¹²; как дальше развивались события, неизвестно, но в псевдогесиодовском «Каталоге женщин» (не позже VI в.) уже содержался рассказ о том, как Деянира послала Гераклу через Лихаса пропитанный зельем хитон; надев его, Геракл вскоре умер. По мнению автора, Деянира оказалась жертвой собственного заблуждения (фр. 25, 17—25). Страсть к Иоле как причину похода против Эхалии и злополучный плащ упоминал в середине V в. и Вакхилид (фр. 16=дифирамб 2). Наконец, прочным элементом мифологического предания была смерть Геракла на вершине Эты, где в новое время были найдены археологические свидетельства существования там достаточно раннего культа Геракла. Расположенный неподалеку от Эты город Трахин был, таким образом, вполне подходящим местом для предсмертных мук Геракла.

Таким образом, отдельные источники сюжета «Трахинянок» достаточно ясны; однако Софокл был, по-видимому, первым, кто объединил их в одно трагическое событие. Его изложение в более поздних произведениях основывается в целом на софокловской версии, — назовем для примера обширное повествование в «Метаморфозах» Овидия (IX, 1—241, 278—280) и более краткое — у Аполлодора (II, 7, 5—7) или — с некоторыми вариациями — Диодора Сицилийского (IV, 34, 1; 36, 3—5; 37, 5; 38, 1—3; здесь, однако, борьба с Ахелоем не находится в связи с женитьбой на Деянире, и Геракл отправляется из Калидона только три года спустя; в Эхалии он воюет не с Евритом, а с его сыновьями).

Структура трагедии характеризуется достаточной близостью к традиции: за прологом (1—93) и пародом (94—140) следуют четыре эпизода (141—496; 531—632; 663—820; 863—946), замыкаемые четырьмя стасимами (497—530; 633—662; 821—862; 947—970). Первый эпизод включает в себя небольшую астрофическую гипорхему (205—224), четвертый — короткий коммос кормилицы с хором (878—895). Эксод (971—1278) начинается с анапестической партии (971—1004), к которой присоединяется ария Геракла с разделяющими строфы гексаметрами Старика и Гилла (1004—1043). Анапестами (1259—1278) трагедия и завершается.

Роли между тремя актерами распределялись следующим образом: протагонист — Деянира, Геракл; девтерагонист — Гилл, Лихас; тритагонист — Кормилица, Вестник, Старик.

Среди трагедий других древнегреческих драматургов к сюжету «Трахинянок» могло иметь отношение «Сожжение Геракла» некоего Спинфара (сохранилось только название — *TrGF* 1, № 40. Т. 1). Неизвестному автору принадлежал папирусный отрывок, в котором речь идет тоже о сожжении Геракла на Эте (*TrGF* 2. Фр. 653). В римской трагедии «Трахинянки» послужили основой для «Геракла на Эте», сохранившегося в собрании пьес Сенеки; авторство его иногда оспаривается, а вся трактовка образа Деяниры, как и следует ожидать при такой дистанции во времени и различии в мировоззрении двух авторов, достаточно далека от софокловской.

Для настоящего издания заново переведены следующие стихи: 48, *83, 89, 140, *147—151, 158—160, 168—170, *188, 263—267, 274, *286, 317, *339, 383 сл., 414, 426, *447 сл., 452, 469, 478, 518, 543 сл., 552, 576 сл., 582—586, 600, 630—632, 661 сл., 664 сл., 671, 678, 698, 700 сл., *725 сл., 794, 816, 821 сл., 825, 835, 843—845, 852—856,

925 сл., 932—935, 939 сл., 949 сл., 959 сл., 1091 сл., 1099, 1109 сл., 1122 сл., 1133—1135, 1141 сл., 1172, 1196 сл., 1241, 1243 сл., 1275—1278. Ст. 879—888, пропущенные без достаточных оснований Ф. Зелинским, переведены М. Гаспаровым.

Своему переводу Зелинский предпослал обширную вступительную ремарку, из которой подтверждение в тексте находит только указание на стоящую перед домом статую Аполлона (ст. 209).

- ⁶ сл. *Плеврон* — город в южной Этолии. *Эней* (Οἰνίας) — этолийский царь (не смешивать с троянским героем Энеем!).
- ³⁵ ...царя презренного приказ.— Еврисфея, микенского (или аргосского) царя, в услужение которому был отдан Зевсом Геракл в наказание за совершенное им в припадке безумия убийство своей первой жены и детей. По другой версии мифа, Геракл женился на Деянире уже после окончания службы у Еврисфея: придя в подземное царство за Кербером (12-й подвиг), Геракл встретил там тень Мелеагра, который попросил героя освободить его сестру Деяниру от притязаний Ахелоя и жениться на ней. В этом случае, однако, Деянира была бы к моменту возвращения Геракла после взятия Эхалии слишком молода, чтобы иметь взрослого сына и испытывать страх за Геракла во время его длительных отлучек из дома.
- ³⁸ *Ифит* — сын царя Эхалии Еврита; Геракл убил его в то время, как юноша находился в Тиринфе (269—273), — родном городе Геракла, так как оттуда был родом его земной отец Амфитрион. Обычно это преступление Геракла объясняют очередным приступом безумия, насланным на него Герой. Соответственно семья Геракла была изгнана из Тиринфа и нашла приют у его друга, царя Кеика, в Трахине, а сам Геракл был по приказу Зевса продан в рабство Омфале (см. ниже, 69 сл., 248—253).
- ⁴⁴ ...десять лун... сверх... пяти.— Греки вели счет по лунным месяцам. По современному счету, Геракл отсутствовал год и почти два полных месяца, из которых год ушел на службу у Омфала, а остальное время — на подготовку к войне и захват Эхалии. Ср. 648.
- ⁷⁶ *Пророчество ... оставил!* — Деталь, не известная из других источников и введенная, по-видимому, самим Софоклом. Ср. А. 750—757, 778 сл.
- ¹¹⁶ ...витязя-кадмейца... — Геракла, рожденного Алкменой в Фивах.
- ¹⁴⁴⁻¹⁴⁶ *Ах, молодежь!* — Доу считает эти три стиха поздней вставкой, поскольку рассуждение Деяниры слишком напоминает популярные в поздней поэзии идиллические описания заповедных мест; в действительности, как бы ни оберегали родители своих детей, найти такое место, где бы летом не светило жаркое солнце, а зимой не свирельствовали дожди и ветры, в реальной жизни едва ли возможно. Доводы Доу несомненно заслуживают внимания. Поскольку же 147 начинается с противительного союза ἀλλά («однако»), надо предположить, что либо после 146 выпал один стих («Жизнь незамужней девушки свободна от забот...»), либо этот стих заменила поздняя вставка.
- ¹⁷² *Додона* — древнее святилище Зевса в Эпире, где жрицы, носившие название «голубки», давали прорицания смертным, вслушиваясь в шум листьев священного дуба.
- ²⁰⁶⁻²⁰⁷ *В свадебном веселье...* — Стихи, испорченные в рукописи. Переводя «в свадебном веселье», Зелинский присоединился к чтению ἀ μελλόνουφος, толкуя его таким образом, что Деянире ждет как бы новая свадьба после длительного отсутствия супруга. Однако такое толкование представляет явное насилие над греческим языком. Удачную поправку предложил Пейдж, использованную Доу: ἀνολοῦσάτ' ἐν δόμοις... ὦ μελλόνουφος «воздайте ликующую песнь в чертогах, вы, готовые к браку», — т. е. девушки, составляющие хор.
- ²²⁹ *Ты мне несешь.* — В оригинале обращение Деяниры укладывается в полные четыре стиха; введенной Зелинским ἀντ'αὐτῆς в греческом тексте нет.
- ²³⁷ *В честь кенейского он Зевса...* — Кенейский мыс — крайняя северо-западная оконечность Евбеи.
- ²⁶³ ...как кунак старинный... — Еврит обучил юного Геракла стрельбе из лука. Ср. Феокрит 24, 107 сл.
- ³³² *Войдем во двор...* — Современный Софоклу греческий дом располагался по четырем

- сторонам внутреннего двора. Впрочем, в оригинале этой детали, введенной Зелинским, нет; там просто сказано: «Войдем в дом».
- 362 *Он двинул рать...* — Эти стихи по ряду грамматических и смысловых причин возбуждают сомнение у издателей. Зелинский с полным основанием оставил без перевода 363, а 364 постарался присоединить к 362, избегая затруднений, создаваемых в этом случае оригиналом.
- 443 *И богами он Державно правит...* — См. Ан. 781 и примеч.
- 510 *...эниадский поток...* — Город Эниады расположен недалеко от впадения Ахелоя в Ионическое море.
- 511 *...от Вакховой Фивы...* — См. Ан., примеч. к 1115 сл.
- 520 *«Лестница», «плигма»* — приемы из арсенала борцов. Некоторое представление о ходе этой борьбы может дать рассказ Ахелоя у Овидия (Метаморфозы IX, 50—54).
- 526 *...как зритель равнодушный...* — Перевод Зелинского по его конъектуре *ῥατήρ* (ср. 22 сл.), введенной вместо бессмысленного ркп. *ῥάτηρ* и принятой затем Пирсоном и Дэном.
- 554 *...мысль спасения мою.* — Перевод по конъектуре Кэмпбела *νόημα* вместо неудовлетворительного по смыслу ркп. *λόγημα*.
- 559 *Евен* — река, берущая начало на юго-западном склоне Эты и впадающая в Коринфский залив восточнее Плеврона.
- 614 *...знаком... здесь запечатленным.* — Отпечатком на воске, сделанным с кольца Деяницы.
- 633—639 *О вы, что у скал надбрежных...* — Хор обращается к людям, населяющим область между Этой и малыйским заливом. *Кипучий исток...* — Горячий источник в Фермопильском ущелье... *край... девы золотушкой...* — Артемиды, слывшей покровительницей заливов ... *эллинов речи...* *Фермопилы внемлют!* — К Фермопилам с запада примыкал городок Анфема, где собирались члены дельфийско-фермопильского союза, включавшего в себя племена, населявшие окрестные земли.
- 641 *Не вестницей вражьей брани...* — В сопровождении флейты часто исполнялись воинские песни и марши.
- 661 *Подвластный чарам любви...* — Стихи испорчены. Перевод сделан по общему смыслу.
- 694 *...коим плац Я натурала...* — Многие исследователи считают стих вставкой, сделанной кем-нибудь из актеров при повторной постановке трагедии. Если согласиться с этой атегезой, перевод Зелинского придется перестроить следующим образом:
- Тот клок овечьей шерсти я случайно
На солнышке бросила. Нагрелась...
- 715 *Хирон* — кентавр, отличавшийся от своих диких и разнужданных соплеменников благородством нрава. У него воспитывался Геракл, который позже случайно ранил его стрелой, пропитанной ядовитой кровью Гидры. Ср. 1095—1097.
- 721 *Невыносимо жить в бесславье...* — Ср. А. 479 сл.
- 752 *Есть мыс Евбеи...* — Нарушение синтаксического строя в переводе соответствует анаколуфу в оригинале; таким способом Софокл передает волнение Гилла, не способного следить за правильностью своей речи.
- 788 *Локрийцев склоны горные...* — Локрида расположена напротив Кенейского мыса.
- 834 *...змей искристокожий.* — Лернейская гидра.
- 863 *Ошиблась я?* — В ркп. деление на полухория отсутствует, и в разных изданиях есть небольшие различия в делении реплик. Так, 865 (*τί φημί*) иногда считают заключением предыдущей реплики (Джебб, Дэв); тогда надо перевести его: «Что это значит?»
- 887 *С клинком, несущим гибель?* — В ркп. этот стих отдают кормилице; так и в изданиях Джебба и Дэна. Доу, вслед за Маасом, оставляет стих в составе партии хора.
- 964 *...чужая рать...* — См. 259.
- 1015—1017 *Отсеките ж главу мне...* — Должны быть по объему симметричны 1041—1043, но в оригинале — лакуна в несколько стоп, оставленная в переводе без внимания
- 1095—1097 *...надменный род... кентавров...* — По пути за *Эриманфским* вепрем (Эриманф —

- горный хребет на границе между Ахеей и Аркадией, в сев. Пелопоннесе) Геракл подвергся нападению кентавров и перебил их.
- 1099 *И стража-змея...*— Дракона, сторожившего золотые яблоки Гесперид, росшие в волшебном саду далеко на Западе (у грани мира).
- 1168 *... отцова дуба...*— В Додоне. См. 172 и примеч. *Селлы* — племя, жившее в окрестностях Додоны.
- 1275—1278 *Разойдемся же, девы...*— Эти стихи в разных ркп. отдают то Гиллу (так и Джебб), то хору (так Пирсон, Дэн, Доу и мн. др.). Эта атрибуция, подтверждаемая теперь папирусным отрывком V—VI в. н. э. (*P. Oxy.* 52, 1984, 3688), принята и в переводе, с той лишь разницей, что Зелинский адресовал последние слова корифея Иоле, которая якобы молча присутствовала на оркестре во время всей последней сцены. Однако на ее появление нет ни малейшего намека в тексте, включая сюда 1219—1221, которые звучали бы иначе, если бы Иола находилась на виду у зрителей. Единственное возможное толкование последних стихов — обращение корифея к девушкам, составляющим хор, и побуждающее их покинуть оркестру. В соответствии с этим заменен перевод Зелинского.

СЛЕДОПЫТЫ (с. 365)

До начала нашего века из пьесы Софокла «Следопыты» были известны лишь две цитаты по полтора стиха и одно слово, сохранившиеся у позднеантичных авторов. При одной из этих цитат имелось указание, что «Следопыты» были сатиrowsкой драмой. Разумеется, строить какие-нибудь предположения о содержании этой драмы было совершенно бессмысленно. Однако именно эти две цитаты оказали неоценимую помощь при идентификации отрывков из папирусного свитка II в. н. э., изданных в 1912 г. в девятом томе Оксиринхских папирусов под №1174. От древней рукописи дошло в различной сохранности 16 колонок (с 1-й по 15-ю и 17-я; колонка 16-я не обнаружена) и множество мельчайших фрагментов, к которым полтора десятка лет спустя добавилось еще несколько обрывков, обнаруженных позже (*P. Oxy.* 17. 1927. № 2081 а).

За время, прошедшее с момента первой публикации папирусных фрагментов «Следопытов», они были 14 раз переизданы, а число отдельных исследований, им посвященных, перевалило к началу 80-х годов за девять десятков, не считая отведенных им разделов в общих трудах по истории античной литературы, древнегреческого театра и сатиrowsкой драмы как жанра. Последнее по времени издание «Следопытов» с обширным аппаратом принадлежит итальянскому ученому Энрико Мальтезе¹³, — в нем использованы результаты предшествующей работы над текстом и толкованием пьесы и приводится исчерпывающая библиография трудов по «Следопытам» на западноевропейских языках¹⁴.

Папирусные отрывки «Следопытов» представляют особый интерес именно потому, что до их открытия об античной сатиrowsкой драме приходилось судить по одному «Киклопу» Еврипида, который из трех великих греческих драматургов проявлял к этому жанру наименьший интерес, а его «Киклопу», насыщенному актуальными для времени Еврипида рассуждениями на общественно-политические темы, не хватает, по-видимому, легкости, отличавшей этот вид афинской драмы. Очень славился в древности своими сатиrowsкими драмами Эсхил, но первое представление о них ученый мир получил только в 40-х годах нашего столетия, когда в тех же папирусах из Оксиринха были обнаружены довольно крупные отрывки из нескольких его сатиrowsких

¹³ *Sophocle. Ichneutae...* / A cura di E. V. Maltese. Firenze, 1982.

¹⁴ В России на появление «Следопытов» сразу же откликнулся Ф. Зелинский. На заседании общества классической филологии и педагогики он уже в том же 1912 г. читал свой стихотворный перевод (Гермес. 1912. № 15. С. 392—395; ср. в том же журнале (с. 379 сл.) заметку Зелинского «Софокл и Геродот», в которой он предложил более правильное, чем это было в первом издании папируса, чтение ст. 305). Еще через два года Зелинский опубликовал в «Вестнике Европы» (1914. Кн. 1. С. 157—177; Кн. 2. С. 141—159) свой перевод в сопровождении статьи, также вошедшей затем в т. III сабашниковского издания Софокла.

драм. Появившиеся за 30 лет до того «Следопыты» уже в значительной мере подготовили почву для оценки новых документов этого жанра.

Сатирическая драма V в. является очень специфическим отрогком древнегреческого театра. Из драмы сатиров, по свидетельству Аристотеля (Поэтика 4, 1449a), развилась трагедия, после того как забавные сюжеты и озорные сатиры были заменены серьезными темами и возвышенной речью, вложенной в уста легендарных героев прошлого. Как происходил этот процесс, остается во многом неясным, и мнения исследователей на этот счет далеки от единодушия, — несомненно, во всяком случае, что пьеса с участием сатиров, замыкавшая на театральных представлениях драматическую тетралогию, призвана была вернуть зрителей от напряженных переживаний, вызванных тремя трагедиями, в атмосферу весеннего обновления природы, которое и отмечалось празднествами в честь бога Диониса. В те времена, когда трагедии, составлявшие трилогию, были связаны единством содержания (как, например, в большинстве случаев у Эсхила), оно распространялось и на драму сатиров. Так, к «Срестее» Эсхила примыкала сатирическая драма «Протей», изображавшая приключения Менелая и его спутников, занесенных бурей при возвращении из-под Трои в Египет. Его же фиванская трилогия завершалась сатирической драмой «Сфинкс», в которой не хищное чудовище загадывало загадку Эдипу, а, наоборот, явившийся в Фивы странник заставлял Сфинкса разгадать его загадку и одерживал в этом соревновании победу.

Какова была в этих случаях роль сатиров, можно догадываться по аналогии с «Киклопом», отрывками из других сатирических драм и памятникам вазовой живописи. Сатиры, по происхождению своему — низшие божества плодородия, сродные нашим лесным, представляли собой на оркестре афинского театра ораву озорных и необузданных детей природы, возглавляемых их предводителем — палашем Силеном. Наибольший интерес они проявляли к вину и женщинам, причем нередко были готовы напасть не только на заблудившуюся в лесу красавицу, но и на самих богинь. Часто они оказывались в плену у какого-нибудь чудовища (так — в «Киклопе») или бога (так — в «Следопытах») и жаждали освобождения, готовые на словах на любые подвиги, но немедленно находившие предлог, чтобы избавиться от мало-мальски опасного поручения. Такими они выведены и в «Следопытах», содержание которых заимствовано в основном из так называемого гомеровского гимна к Гермесу.

Здесь изображалось, как рожденный от Зевса аркадской нимфой Маней Гермес, едва успев появиться на свет, отправился на поиски приключений. Из панциря попавшейся ему на пути черепахи он смастерил лиру; придя затем на луг, где паслись коровы Аполлона, он похитил их и так ловко запутал следы, что сам дельфийский бог-прорицатель не мог найти им объяснения. Только с помощью местного крестьянина, оказавшегося свидетелем кражи, Аполлон сумел опознать виновного в Гермесе и потащил его на суд олимпийских богов. Те очень развеселились при виде незадачливого истца, но поскольку и он, и обвиняемый были сыновьями Зевса, то между ними скоро восстановился мир. Гермес открыл, где спрятаны коровы, и в знак примирения подарил старшему брату изобретенную им лиру. Эту ситуацию Софокл и положил в основу своих «Следопытов»¹⁵, добавив к ней хор сатиров, которые по призыву Аполлона бросаются на розыски стада, но приходят в неопишуемый страх, услышав совершенно неведомые им звуки лиры. Стало быть, драма начиналась уже после того, как Гермес совершил все свои проделки, вернулся домой и улегся как ни в чем не бывало в свою колыбель. Гарантию того, что перед нами — начало пьесы, дают стихометрические пометки, уцелевшие на полях и обозначающие соответственно конец первой, второй, третьей и четвертой сотен стихов. Судя по «Киклопу» и папирусному отрывку из «Тянувших невод» Эсхила, сатирическая драма не превышала по объему 800—900 стихов; значит, дошедший до нас текст охватывает примерно половину пьесы. Что касается ее второй половины, то мы едва ли ошибемся, предположив, что для успокоения са-

¹⁵ Имеются в «Следопытах» и некоторые отклонения от повествования в гимне, вызванные, главным образом, интересами сюжетосложения. Так, в гимне свидетелем похищения коров был некий земледелец, обрезавший виноградные лозы, а Гермес спрятал стадо в пещере близ реки Алфея в Элиде. Софокл, естественно, устроил свидетеля-земледедца и поместил украденное стадо в ту же пещеру, где находился сам Гермес, — иначе бы он не мог ввести сатиров, откликающихся на призыв Аполлона и находящих следы у самой пещеры.

тиров из пещеры выходил сам Гермес, а на их призыв снова появлялся Аполлон; спор между двумя богами, завершавшийся их примирением и обещанным отпуском на волю сатиров, должен был закончить эту забавную драму.

Время постановки «Следопытов» документально не засвидетельствовано, и различные попытки вывести датировку из стилистических наблюдений и сопоставлений с другими драмами не приводят к сколько-нибудь убедительным результатам. Только предположительно можно установить и число актеров: если в финале происходила встреча Аполлона с Гермесом в присутствии Силена, требовались три актера; в противоположном случае можно было ограничиться двумя.

Переходя к русскому переводу, следует заметить, что нигде Зелинский не давал столько воли своей фантазии, как при работе над этой пьесой. Поскольку только примерно половина стихов в найденном папирусном экземпляре сохранилась целиком или допускает достаточно надежные дополнения, исследователи старались представить себе, как должны были звучать и стихи, уцелевшие в гораздо более скверном состоянии. Не остался в стороне от этой работы и Зелинский и, публикуя свой перевод, стремился привести его в соответствие с принятой им реконструкцией, дописывая собственные стихи там, где от греческого текста дошло по две-три буквы. Реконструкция эта в целом особых возражений не вызывает, а свои добавления Зелинский выделял везде курсивом, так что читателю было ясно, где он имеет дело с переводом, а где с вольным пересказом. Вероятно, читателю вообще приятнее остановить взор на сплошном тексте, чем натапливаться на обрывки предложений и отточия, но если на 200 с небольшим сохранившихся греческих стихов приходится в русском переводе 435, то возникает опасность, что читателю предложен не столько Софокл с дополнениями Зелинского, сколько вариации переводчика на тему Софокла. Поэтому в настоящем издании из перевода Зелинского изъяты все стихи и части стихов, не находящие себе достаточной опоры в греческом тексте. При этой операции ряд стихов пришлось перевести заново. Сюда относятся: 84 сл., 137, 184—191, 197—202, 251—256, 287—289, 291—294, 312, 316, 343—348, 356, 359, 365, 397, 399. Слова, передающие в переводе вполне очевидные дополнения греческого текста, заключены в квадратные скобки.

Действующие лица. Среди них не указан Гермес, поскольку в сохранившихся отрывках он не присутствует. Однако он, вероятнее всего, появлялся во второй половине пьесы.

²² *Все племена ... обошел...* — В тексте дальше лакуна, в которой читаются слова «фессалийцев», «беотийской земли» — указание на проделанный Аполлоном путь с севера на юг, прежде чем он добрался до Аркадии, относящейся уже к «земле дорийской» (34).

⁴⁰ *...исчадьям Звероподобным...* — Т. е. сатирам. Ср. далее 147, 221, 252.

⁸³ *...иль послух, иль свидетель...* — В оригинале противопоставляются *ὄλτῆς* и *κατήκοος* — «повид» и «послух».

¹⁰⁰ *То бог, то бог...* — При распределении реплик между тремя сатирами (вероятно, возглавлявшими три отряда, на которые разделился хор) мы исходили из обозначений, сохранившихся в рукописи, и реконструкции, предложенной Зигманом.

¹¹⁸ *...направлены обратно Следы...* — Ср. гомер. гимн к Гермесу, 75—78, 220—226.

¹³⁴ *Пустельга* — ястребок, который ловит только мышей и насекомых.

¹⁷⁶ *Улю-лю. Улю-лю!* — Здесь начинается астрофическая песнь хора, плохо сохранившаяся начиная со 181. Судя по всему, отдельные стихи исполнялись отдельными хоревтами, изображавшими охотничьих собак, — отсюда их клички (*Глазун, Хвостун, Хвостатый* и т. д.).

²²⁴ *...владыке угождали?* — Т. е. Дионису.

²⁴³ *О, красавица-нимфа...* — В оригинале здесь, как и в 270, гомеровский эпитет *βαδύχιμος* — «низкоподпоясанная».

²⁶⁶ *...чтобы Гера ... не проведала...* — Киллена высказывает опасение, чтобы ревнивая Гера не нанесла вреда ребенку, рожденному от Зевса.

²⁶⁷ *...девы Атлантиды...* — Майи, дочери титана Атланта.

²⁸⁷ *Переверну...* — Здесь и далее излагается, как Гермес соорудил лиру из панциря умерщвленной им черепахи (*...голос трупа...* 299).

³⁰⁵ *Ихневмон* — небольшое хищное животное. истребляющее крыс и мышей.

- ²⁹⁸⁻³²⁸ *Оставь сомненья...* — Размер диалога — восьмистопный ямб.
- ³²⁹ *Струится песни звонкой лад...* — После речи Киллены из пещеры опять доносятся звуки лиры; на них хор реагирует в строфе.
- ³⁷⁷ *Не собьешь, нимфа!* — От следующих 19 стихов сохранились только отдельные слова: «Безумствуя... О трижды негодный! — Воистину... Ребенок-вор... Негодник... Страшно слушать... А если и вправду?» По-видимому, после антистрофы продолжалась перебранка между Килленой и Корифеем.
- ⁴⁰³ *Отстанешь ты?..* — После этой реплики Киллены шел плохо сохранившийся ответ Корифея. Следующие 30 стихов утеряны безвозвратно, так как целиком отсутствует колонка 16-я и начальные 3 стиха от кол. 17-й. Но и от остальных стихов этой колонки уцелели только обрывки, среди которых находилась очередная песенка хора, обращавшегося под конец к Аполлону (*О Локсий!* — 448). Вновь появившийся бог, как видно, был доволен службой сатиров и обещал им награду и освобождение.

ФРАГМЕНТЫ (с. 381)

Кроме семи, сохранившихся целиком трагедий Софокла, и уцелевших на папирусе связанных отрывков из «Следопытов», от него дошло еще свыше 1100 фрагментов различной величины — от нескольких десятков (порою сильно поврежденных) стихов на папирусах до отдельных слов, цитируемых для разных нужд позднеантичными географами, лексикографами, грамматиками, теоретиками красноречия и стиля и т. п. Все они собраны сейчас в первоклассном издании: *Tragicorum Graecorum Fragmenta* / Ed. S. Radt. Göttingen, 1977. V. 4. Sophocles. См. также добавления и поправки в 3-м томе той же серии, с. 561—592. С изданием Радта сверены для настоящего однотомника переводы и толкования Зелинского, причем эта часть его труда (III, 197—421) оказалась наименее приспособленной для воспроизведения в нашем издании.

Дело в том, что раздел фрагментов Софокла, перевод которых составляет неоценимую заслугу Зелинского, он задумал как «книгу для чтения» по античной мифологии (III, 189) и соответственно не только расположил отрывки по мифологическим циклам, но и снабдил достаточно подробным изложением мифа те драмы, от которых дошли одни лишь названия (и притом не всегда достоверные).

Затем Зелинский дополнил перевод фрагментов Софокла переводом отрывков из древнеримских драматургов, обработавших те же сюжеты, что и Софокл, а часто — и непосредственно его трагедии. Этот метод имеет свои преимущества и свои недостатки. Преимущества — в том, что он позволяет более подробно, хотя и достаточно предположительно восстановить содержание утерянных драм Софокла. Недостаток — в том, что у читателя-неспециалиста создается представление, будто отрывки из римских авторов могут быть впрямую включены в восстанавливаемый сценарий драм Софокла¹⁶, хотя между специалистами-филологами отнюдь не всегда достигнуто на этот счет полное согласие: римские драматурги могли заимствовать близкие мотивы и у других греческих трагиков, использовавших те же сюжеты, что и Софокл. В тех случаях, когда фрагменты из римских драматургов являются достаточно информативными, они приводятся в переводах Зелинского в примечаниях.

В силу указанных выше причин раздел фрагментов разросся у Зелинского до 14 с лишним печатных листов и уже по одной этой причине не мог быть включен полностью в настоящее издание.

Поэтому, сохранив принятый Зелинским принцип распределения фрагментов по мифологическим циклам, пришлось заново составить вводные заметки к недоданным драмам, а те, от которых дошли одни названия, вовсе исключить. Напротив, добавлен перевод фрагментов, ставших известными после 1915 г. или достаточно связанных, но почему-либо опущенных Зелинским. Фрагменты №№ 50, 54, 55, 159, 265, 284, 352 переведены О. В. Смыкой; №№ 3, 9, 13, 20, 27, 34—37, 51, 53, 66—68, 80, 192, 210,

¹⁶ Например, от трагедии Софокла «Еврисак» сохранилось одно слово, даже не включаемое в настоящее издание. Гораздо больше — около 50 строк — дошло от одноименной трагедии Акция; Зелинский все их перевел и поместил при названии софокловского «Еврисака», хотя более подходящее место для них — собрание фрагментов римских трагиков.

214, 236, 271, 290, 291, 316, 327, 408, 426, 441, 442, 446, 448, 455, 457, 463—466, 487, 509, 510, 513, 522, 540а, 548, 549 — В. Н. Ярхо. Все перечисленные фрагменты печатаются здесь впервые. Вводные заметки составлены В. Н. Ярхо.

Добавлены также сведения о недошедших драмах Софокла, содержащиеся в эпиграфических источниках — каталогах победителей в сценических соревнованиях и дидактиках, и указания на обработку тех же сюжетов у других античных драматических авторов. В этом случае, однако, опущены имена второстепенных драматургов, от которых дошли тоже одни отрывки или только названия.

В связи с распределением фрагментов по мифологическим циклам они снабжены иной нумерацией, чем у Радта. Номера его издания проставлены в скобках, а для нахождения в настоящем издании соответствующего фрагмента дается таблица для перевода нумерации Радта в принятую здесь нумерацию.

Как увидит читатель, число фрагментов в нашем однотомнике почти вдвое меньше их количества у Радта: без перевода оставлены отдельные слова, маловразумительные папирусные отрывки и фрагменты, принадлежность которых Софоклу сомнительна. Опущены также, как правило, ссылки на источники, из которых извлечены фрагменты: читателю-вспециалисту эти сведения мало что скажут, специалист-античник найдет их вместе с превосходным аппаратом у Радта.

Слова, добавленные в перевод Зелинским для связности текста, заключены в лямбда-скобки.

Фр. 6. ...*высоты Хрисейские!* — Остров Хриса находился у восточного побережья о-ва Лемноса. См. вступит. заметку к «Филоклету».

Фр. 7. *Аджет* — фессалийский царь, супруг Алектиды. *Ланифы* — фессалийское племя. *Дотий* — город в Фессалии, близ горы Оссы.

Фр. 8. *Ургюмой, неприступною...* — слова кормилицы о царице амазонок Гипсипиле?

Фр. 18. *Сарпедонская круча* — мыс во Фракии. Сюда Борей унес Орифию. См. Ан. 980 и примеч.

Фр. 19. *Халдей...* — Представитель жреческой касты в Вавилоне.

Фр. 20. *Море Ионийское* — здесь так назван Понт Евксинский (Черное море).

Фр. 25. *Красю бедр...* — О Ганимеде, взятом на Олимпе в качестве виночерпия богов.

Фр. 29. *Обрывы и утесы...* — У Циперона сохранился обширный отрывок из «Медей» Акции (фр. 381—392), в котором скифский пастух описывал приближение корабля «Арго».

Такая движется громада
 На берег моря с грохотом и шумом
 Неистовым. Пред ней валы бегут,
 Водовороты от ее напора
 Крутятся. Устремленная вперед,
 На лоно вод бросается она,
 И море брызгами с шипеньем диким
 Ее встречает. Ты подумал бы,
 Оторванная туча грозовая
 Скатилась в волны, иль с горы высокой
 Валун ветрами буйными снесен,
 Иль столкновеньем яростных бурунов
 Ком шаровидный создан водяной.
 Боюсь, на землю ополчилось море;
 А то, пожалуй, сам Тритон, трезубцем
 Подводные пещеры выметая,
 Воздвиг под шум разорванного моря
 Скалистую громаду до небес.

(Пер. Ф. Ф. Зелинского).

Фр. 31... *Гекаты, доспех!* — В «Аргонавтике» Аполлония Родосского (III, 1214 сл.) Геката является из подземного царства, вся обвитая змеями и увенчанная ветвями дуба.

Фр. 36. *О, что за речь...* — Вероятно, слова Эрифилы в ответ на обвинения Алкмеона. Отрывок из его размышлений сохранился у Акция (фр. 281).

За отца отместить я должен — нет иного для меня
В бедствиях моих исхода: так повелевает <бог>.

Фр. 42. *...правду Средь граждан молвить...* — Размышление, характерное для афиняи, гордившихся тем, что их общественный строй предоставляет всем гражданам равное право на свободу речи.

Фр. 50. *Ты видишь ту...?* — папирусный отрывок. Связный текст начинается со т. 4.

Фр. 51. *Сгубил меня...* — Перевод папирусного отрывка, опубликованного в 1897, сделан по изд.: *The Papyrus Fragments of Sophocles...* by R. Carden. В. — N.-Y., 1974, с принятыми там дополнениями и распределением реплик.

Фр. 53. *Мила была тому, кто выше их.* — Вероятно, слова Ниобы о Зевсе, которому она приходилась по отцу внучкой (Ан. 824, 834 и примеч.), а по мужу — невесткой (Амфион — сын Зевса и фиванки Антиопы).

Фр. 56. *...Геры услон...* — Холм в Аргосе, на котором стоял ее храм. См. Эл. 8 и примеч. *Пеласги* — древнейшие обитатели Эллады. Софокл отождествляет их с *тирренским племенем*, как нередко называли выходцев с островов Эгейского моря.

Фр. 57. *Он стекает...* — Сатиры не только отождествляют р. Инах в Аргосе с одноименной рекой на западе Средней Греции, но и помещают ее истоки в земле *перребов*, которая граничит на юге с Фессалией (перевод Зелинского здесь неточен; в оригинале сказано: «течет с вершин Пинда, Лакма и от перребов»). *Лакм* и *Пинд* — горные хребты; первый — на границе Эпира и Македонии, второй пересекает Фессалию в ее западной части. Восточнее его была расположена земля *амфилохов*, еще юго-восточнее — *Акарнания*. Отождествлению пелопоннесского Инаха с западногреческим могло способствовать также существование на западе Амфилохии города, называвшегося Аргос. *Лиркей* — поселение, расположенное несколько северо-западнее пелопоннесского Аргоса, на берегу Инаха, недалеко от его истоков. Объяснить появление здесь реки, текущей в Средней Греции, можно было только тем, что она пересекала Калидонский залив (*прорезая пучину*) и затем текла под землей (ср. фр. 64) до ее выхода на поверхность неподалеку от Лиркея.

Фр. 62. *И грубой шкуры...* — Буквальный перевод: «Возникает грубая шероховатость черепахи» — о шкуре Ио? Или, скорее, о рогах и копытах?

Фр. 63. *Народной притчи...* — Точнее было бы «поговорки», как в оригинале (*παροιμία*).

Фр. 86. *...муж дотийский...* — см. фр. 7 и примеч.

Фр. 108. *Клянусь той трусостью...* — Некоторые моменты из софокловского «Атрея» освещают сохранившиеся фрагменты Акция.

Атрей сообщает историю своей вражды с Фиестом:

Ему же мало было, что супругу
Он братнюю развратом осквернил.

(Фр. 169).

Среди соблазнов то соблазн сильнейший —
Жен царственных стыдливость загрязнять
И чуждой примесью их плод порочить.

(Фр. 170—172).

Еще узнай: то знаменье, что Зевс мне
Устоем царства моего прислал,
Овец, сверкающий златою шерстью —
Его Фиест дерзнул похитить тайно,
Жену мою помощницей избрав.

(Фр. 173—177).

Замышляемая Атреем месть:

Пусть ненавидят, только бы боялись!

(Фр. 168).

Часть варит
Он жаром пламени; покровы рук
На вертела накальвает.

(Фр. 187—189).

Пир Фiestа и его последствия:

Что случилось? Раскатами новыми вдруг
Огласилась небес омраченная твердь.

(Фр. 183—185).

Ф и е с т

...Ты нарушил верность.

А т р е й

Не перед верным клятве я поклялся.

(Фр. 192—193).

Ф и е с т

Сам подбадривает льстиво брат меня, чтоб плоть детей
Челюстями я своими разрывал, несчастный муж!

(Фр. 196—197).

Отчаяние Фiestа:

Мне ль к аргосскому престолу прикоснуться? Мне ль приют
Даст Пелопа дом? В какой мне храм с молитвою войти?
Оскверненными устами — ах, кого приветить мне?

(Фр. 194—195).

Фр. 119. *Энотрия* — под этим названием греки объединяли Луканию и Бруттий в южной Италии. ...*земля лигийцев* — область, примыкающая к Лигурийскому морю.

Фр. 122. ...*иллирийский род*. — Племена, населявшие Иллирию, область в северо-западной Греции (часть нынешней Албании).

Фр. 125. *Геты* — племена, населявшие северную Фракию.

Фр. 129. *Я размышляла так*... — Ср. Т. 148—154; *Евр. Мед.* 230—251.

Фр. 132. ...*рок необорный*... — В оригинале *ροῖρα*, доля, выпавшая человеку при его рождении.

Фр. 138. ...*на его насилье*... — Ср. у Акция, фр. 639—642:

Терей же, лишь увидел лик ее,
Разнузданною, варварской душою
Поддавшись жару дикому любви,
Задумал гнусное деянье.

Фр. 152. *Тавр*. — По сообщению древних, река близ Трезена.

Фр. 155. *Я смьял ему*. — Разбойнику Прокопту (иначе — Прокрусту).

Фр. 158. ...*Мне определил отец*. — Как явствует из Страбона, сохранившего этот отрывок, он взят из монолога Эгея. Его *отец* — легендарный афинский царь Пандион — владел, как видно, кроме Аттики, отданной в наследство Эгею, также Евбеей, завещанной Лику, и Мегаридой, где *Нис* основал город Нису. *Скиронов брег*... — Скироновы скалы, тянущиеся вдоль побережья Мегариды, где обитал разбойник Скирон, впоследствии убитый Фесеем. Южная часть Аттики досталась четвертому брату — *Палланту*. Имея 50 сыновей, он надеялся со временем получить во владение также царство Эгея, который считался бездетным, пока не объявился выросший в Трезене Фесей. В борьбе с ним Паллант и сыновья потерпели поражение. Почему, однако, Софокл называет Паллантидов *гигантами*, остается неясным, — разве что с образом Палланта объединились два одноименных гиганта из аттических сказаний.

Фр. 159, 18: *Кроммион* — поселение на южном берегу Коринфского перешейка, около которого свирепствовал дикий *кабан*. Фесей его выследил и убил. 20. *Скирон* — разбойник, который, поелившись на Коринфском перешейке, приказывал путникам мыть ему ноги, а затем неожиданным ударом сбрасывал их в пропасть.

Фр. 166. *Хвостом вильнул он...*— Судя по всему, Кербер, не воспротивившийся возвращению Фесея на землю.

Фр. 176. *Египетская старость...*— Т. е. плод почернеет.

Фр. 184. *Из породы Этнейских...*— Этнейские жуки отличались особенной величиной.

Фр. 188. *...меня несут...*— Разумеется, крылья.

Фр. 192. *...лидийский камень.*— Магнит.

Фр. 207. *И львом...*— Перечисляются обличья, которые принимала Фетида, не желая отдаться смертному. Ср. фр. 242.

Фр. 222. *...посудиной зловонной...*— Ночным горшком. Такому же обращению подвергался в недошедшей трагедии Эсхила «Собиратели костей» появившийся в своем дворце под видом нищего Одиссей (фр. 180):

Другой потешник ловко запустил в меня
Урыльником, неблаговожно пахнувшим.
Уметил прямо в темя мне без промаха.
Горшок разбился, черепки рассыпались,
И ароматы разнеслись не сладкие.

(Пер. М. Л. Гаспарова).

Кто являлся жертвой в «Сотрапезниках», неизвестно. Может быть, все тот же Одиссей, разгневавший Ахилла (фр. 224)?

Фр. 224. *Сисиф.*— См. А. 190 и примеч.

Фр. 225. *Пиериды*— Музы, названные так по области Пиерии в юго-западной Македонии, их любимому месту пребывания.

Фр. 226. *То было на рассвете...*— Вероятно, из донесения вестника Гектору.

Фр. 227. *...паламида...*— Черноморская рыба.

Фр. 229. *Их господа...*— Слова пастухов о своей скотине.

Фр. 235. *И для булата...*— Вероятно, о Кикне.

Фр. 237. *...рук Посидона творенье...*— По просьбе Лаомедонта, отца Приама, троянские стены были возведены Посидоном и Аполлоном.

Фр. 238. *Трех богинь...*— Оригинален значительно корочце и во многом испорчен.

Фр. 241. *...напиться бычьей крови...*— Покончить с собой: бычья кровь считалась ядом. Ср. Аристофан. Всадники, 84 и схолии.

Фр. 242. *И вышло то...*— Ср. выше, фр. 207 и примеч.

Фр. 248. *Не он ли...*— Ср. ниже, фр. 252 и 254. К заслугам Паламеда ср. также сохранившиеся отрывки из его монологов у Эсхила (фр. 182):

Я разделил по сотням и по тысячам
Войска, я всем назначил продовольствие,
Срок завтраку, и полднику, и ужину...

и у Еврипида (фр. 578):

Я изыскал лекарство от беспамяतства,
Сложивши в слоги гласные с согласными
И тем открывши людям доступ к грамоте,
Чтобы хозяин, за море уехавший,
Узнать бы мог, что деется в дому его;
Чтоб мог распорядиться умирающий,
Свое добро все расписав наследникам,
И чтобы спор, возникший меж сунягами,
Решала запись, а не слово лживое.

(Пер. М. Л. Гаспарова).

Фр. 254, 14. *...Сириуса бедственный закат.*— В оригинале: «Морозный закат», т. е. исчезновение Сириуса на небосводе означает приближение зимы.

Фр. 261. *Четырехкрылы...*— По свидетельству античных лексикографов, Софокл описывал так муравьев.

Фр. 263. *Бог брани жаждет...*— В оригинале: «Война любит охотиться за молодыми».

Фр. 265. *Я призываю...* — Папирусный отрывок, в котором уцелела только левая половина колонки. 15 *Халкодонт* — см. Ф. 489 и примеч.

Фр. 272, 81. *Сарпедон* — ликийский царь, сраженный Патроком. См. *Ил.* XVI, 419—507.

Фр. 277. *...трояне аргивянам обиду нанесли...* — Похитив Елену.

Фр. 280. *Отца, перуном тронутого...* — Анхиса, наказанного Зевсом за разглашение Анхисом его связи с Афродитой.

Фр. 284. *...Дриантов отпрыск...* — Ликург. См. *Ан.* 955 и примеч. Афина хочет сказать, что под Троей появился новый богохул наподобие Ликурга. *Салмоней*. — См. вступит. заметку к фр. 370.

Фр. 285. *...пантеры дикой шкура.* — Этим знаком был отмечен дом Антенора во избежание его разорения в ночь взятия Трои. См. вступит. заметку к фр. 310.

Фр. 292. *Ученый волхв...* — Калхант, жрец в ахейском войске.

Фр. 293. *Как решето...* — Из оправдания Аякса?

Фр. 295. *Под каждым камнем...* — К этому поговорочно-назидательному выражению ср. аттический сколий V в.:

Друг! Под камнем любим злой скорпион может запрятаться.

Ты смотри, берегись! Всякий обман с глаз наших прячется

(Пер. О. В. Смики).

Фр. 296. *И за очаг...* — Ср. фр. 290.

Фр. 298. *Килла* — более точное местонахождение этого города или острова в Троаде неизвестно. Ср. *Ил.* I 38. Стих принадлежал либо жрецу Хрису, либо самому Аполлону.

Фр. 303. *Не в силах ведь...* — из речи Агамемнона.

Фр. 306. *И птаха...* — Вероятно, об орле Зевса.

Фр. 311. *Кизрей* — название о-ва Саламина по имени его легендарного царя Кизрея.

Из отрывков трагедии Пакувия выделяются три группы.

К первой относится рассказ о беспокойстве Теламона и его попытках выведать что-нибудь о событиях под Троей:

Когда же утомился он, пришельцев
О сыновьях расспрашивая, вести
Ему никто ведь верной не принес...

(Фр. 335—336).

Ни просьбами, ни властью ничего
Добиться он не мог.

(Фр. 375).

Он не приносит вести из под Трои?

(Фр. 340).

Ко второй — эпизоды из встречи Теламона с вернувшимся Тевкром и его негодование по адресу побочного сына, не сумевшего сберець Аякса:

Тебя я вижу — после стольких лет!

(Фр. 339).

Отделить его дерзнул ты, без него ты в Саламин
Возвратился, без почтения к лику старика-отца!
Ведь его на склоне лет ты сделал сирым, растерзал,
В гроб загнал! Убийство брата, малолетний сын его —
А ведь он твоей опеке поручен был...

(Фр. 345—349).

Он стонет, распростертый, повторяя
«Его убил ты!» шопотом глухим

(Фр. 369).

От тебя, на зло природе, отрекаюсь я: иди!
(Фр. 342).

Не то — убей меня, когда отсюда
Хотя на шаг один я удалюсь.
(Фр. 343).

К третьей группе относятся фрагменты, повествующие о буре, настигшей при возвращении греков:

Вал прибоем учащенным неустанно струг стегал;
Он стремглав повнесся жертвой волн-мучительниц своих.
(Фр. 361—362).

Скрип снастей и свист канатов, грохот волн о борт ладья,
Шум и крик, раскаты грома...
(Фр. 363—365).

Разгромлены данайцы; много их
Погибло
(Фр. 341).

Фр. 312. *Пелея Эакида я одна...* — Зелинский отдает эти стихи Брисеиде, хотя и оставляет не ясным, каким образом она одна могла попасть к Пелею из-под Трон.

Фр. 317. *Дотийская страна.* — См. фр. 7 и примеч.

Фр. 321. *Гестия* — богиня-покровительница домашнего очага.

Фр. 328. *В присутствии соседей...* — Из «Омовения» Пакувия к истории омовения ног Одиссея с последующим опознанием героя и его рассказом о минувших странствиях относятся следующие отрывки:

Слова Евриклей:

Дай мне ногу: светлой влагой смою я с нее налет
Бурой пыли; так нередко Одиссея мыла я.
Я сниму с тебя усталость мягкой рукой своей.

(Фр. 266—268).

Слова Одиссея о Киклопе:

Оттуда к Этве я пришел, к пещере
Утесистой...

где он увидел

мужа в возрасте могучем,
С душой свирепой и с огромным телом.

(Фр. 272—274).

О Кирке:

Она волшебным зельем изменила
Тела моих товарищей.

(Фр. 275—276).

Фр. 329—330. Ср. *Од.* XI, 127—129 (пророчание Тиресия Одиссею).

Если дорогой ты путника встретишь, и путник тот спросит,
Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?
В землю весло водрузи — ты окончил свое роковое,
Долгое странствие.

(Пер. В. А. Жуковского).

Фр. 335. *Ни из Додоны, ни с Пифийских склонов...* — Т. е. пророчания, исходящие от жрецов Зевса и Аполлона. Из «Омовения» Пакувия к гибели Одиссея могли иметь отношение следующие фрагменты:

Жалобы смертельно раненого Одиссея, напоминающие соответствующую сцену в «Трахинянках»:

О полегче, полегче, без тряски, друзья,
Чтоб свирепая боль не усилилась вдруг.

Удержите, держите! Ой, рана болит;
Обнажите ее! О мученья мои!

Нет, покройте ее и оставьте.

Отойдите! касаясь, толкая меня,
Вы усилили дикую муку.

(Фр. 280—282, 287—292).

Реакция окружающих:

Но и ты, Одиссей, опустился душой.
Хоть и больно ты ранен, то видим мы все.
Но ты вспомни о битвах и бранных делах.
В коих век ты провел...

(Фр. 283—286).

Из рассказа Телегона после его опознания. Это Кирка

Копье мое скрепила лютой смертью,
Невиданным, безбожным острием.

(Фр. 292—293).

Предсмертное признание Одиссея:

Жалобой, не плачем должно встретить роковой удар.
Это лишь достойно мужа; слезы женщинам даны.

(Фр. 294—295).

Фр. 337. Ср. слова Силена в «Тянущих невод» Эсхила (фр. 47а, 786 сл.):

Видишь: дитя смотрит, смеясь:
Крошку смешит лысый мой лоб...

(Пер. М. Л. Гаспарова).

Фр. 350. *Автолик* — хитрый похититель стад; отцом его обычно считают Гермеса, матерью — некую Хиону или Стильбу. Почему Софокл возводит его происхождение к легендарному аттическому герою Эрихтонию, объяснить трудно.

Фр. 366. *Тот не дурек...*— Ср. Т. 727 сл. Представление о том, что невольное преступление не свидетельствует о порочности человека, восходит еще к Симониду (фр. 37, 27—29):

И того я рад любить и хвалить,
Кто не делал в жизни нарочно зла.

(Пер. М. Л. Гаспарова).

Фр. 368. *Число необъятно людей...*— Ср. Евр. Эл., 366—372.

Фр. 374. *На аkestейской колеснице...*— Акеста — город в Сицилии. Выращиваемые там мулы славилась быстротой и надежностью.

Фр. 375. *Обитель Амфитриты.*— Море. Амфитрита — супруга Посидона, ее обитель — в морских недрах. Ср. Ваххилид XVII, 96—115 (нисхождение Фесея в морскую глубь).

Фр. 378. *Олен* — город на севере Пелопоннеса, на берегу Калидонского залива.

Фр. 390. *...славет родителям...*— Истории рождения Телефа была посвящена трагедия Еврипида «Авга» (фр. 265—282); ее «содержание» найдено недавно на папирусном отрывке. См.: Hypothesis zur Auge des Euripides // Kölner Papyri. Bd. 1. Or-laden, 1976. N 1.

Фр. 391. Ср. рассуждения героев у Еврипида: *Андр.* 636—638; *Ипп.* 309; фр. 141, 168, 377.

Фр. 394. *...Гекатиных варева яств.*— Имеются в виду либо печення, посвящаемые в дар Гекате, либо какая-нибудь смесь, которой придается магическое значение в процессе ворожбы. Ср. *Феокрит.* Колдуньи, 11—16.

Фр. 418. *Тебя да сгубит бог...*— отрывок из сатиrowsкой драмы.

Фр. 419. *Мила ведь Феорида.*— По сообщению Афиней (XIII, 592b), Софокл, уже будучи стариком, в одной из своих трагедий увековечил имя своей возлюбленной Феориды. Возможно, впрочем, также игра слов: *Феорис* созвучное имени *Θεωρίς*, обозначало корабль, на котором представители греческих государств (феоры) доставлялись для участия в празднествах какого-либо бога. Тогда отрывок из Софокла мог иметь смысл: «мил наш священный корабль».

Фр. 426. *Сикиннида* — разнузданная пляска; стало быть, отрывок из драмы сатиров.

Фр. 427. *Лишь там богов... рождают.*— Т. е. Диониса, сына Семелы от Зевса, и Геракла, сына Алкмены от Зевса.

Фр. 431. *А те — нашли осиное гнездо...*— Из сатиrowsкой драмы.

Фр. 447. *Но я тебя...*— Из речи Одиссея к Диомеду. Характерный пример ораторской фигуры умолчания: говорящий сообщает именно то, что он якобы собирался опустить. *Тидей*, сын калидонского царя Энея, совершив убийство (возможно, невольное) одного из родственников, должен был покинуть родину и нашел приют в *Аргосе*, где женился на одной из дочерей Адраста. В сражении под Фивами Тидей, убив Меланиппа (сына Астака), расколол ему череп и высосал мозг, чем вызвал отвращение обычно благосклонной к нему Афины (*Аполлод.* III, 6, 8). Что касается Диомеда, родившегося в Аргосе, то он не был изгнан из отчизны, а царский престол, на который он мог претендовать как внук Энея, захватили, пользуясь отсутствием Диомеда, его дядья.

Фр. 448. *...и рыбный соус.*— Из сатиrowsкой драмы.

Фр. 449. *Лидийский камень...*— Ср. Фр. 192 и примеч.

Фр. 460. *Андрална* — вид кустарника.

Фр. 473. *Тех таинств... благодать...*— Речь идет об Элевсинских мистериях, посвященных Деметре и Персефоне.

Фр. 480. *Эргана* — прозвище Афины как покровительницы ремесленников.

Фр. 485. *Ведь и дары богов...*— Стихи восстанавливаются из прозаического свидетельства Плутарха.

Фр. 486. *И к мельнице...*— По свидетельству Плутарха, слова Адмета об Аполлоне, которого Зевс отдал ему в рабство в наказание за убийство киклопов.

Фр. 488. *А будешь душу разбирать...*— Очень свободный перевод. «Душа» внесена Зелинским.

Фр. 490. *Не осуждаю я...*— Согласно Плутарху, слова Нестора Аяксу.

Фр. 492. *Ты убедил...*— Плутарх приводит этот отрывок как слова раскаивающейся женщины своему любовнику.

Фр. 496. *К Сиренам...*— См. *Од.* XII, 39—54, 181—196.

Фр. 497. *Корибанты* — жрецы богини Реи-Кибелы, в ритуал которой входили вопящие танцы.

Фр. 502. *Сложите вместе...*— Вероятно, заключение, сделанное корифеем хора, после того как он услышал речь двух персонажей, — ср. Эл. 369—371, Ан. 724 сл.

Фр. 506. *В круговороте быстром...*— По сообщению Плутарха, отрывок из речи Менелая.

Фр. 512. *Алфесибей* — первая супруга Алкмеона, дочь Фегея. См. вступит. заметку к фр. 49.

Фр. 529. *Идя, приморский путь...*— слова Фесея. Ср. фр. 159, 18—21.

Фр. 532. *Сидон* — финикийский город на побережье Средиземного моря.

Фр. 534. *Ферейская земля* — в Иолке (в Фессалии). Там же протекает *Гиперейский* источник.

Фр. 535. *Лисица хитрая...*— Одиссей.

Фр. 536. *Эя* — наряду с Эей, столицей колхов, так назывался еще город в Фессалии.

Фр. 537. *Анакторей* — город в Акарнании, центр области, населенной анакторейцами.

Фр. 538. *Артака и Перкота* — фригийские (т. е. троянские) города.

Фр. 539. *Все раскрывающая...*— Ср. А. 646 сл.

Фр. 567. *О, смертный род...*— Ср. А. 125 сл.

Фр. 579. *Лаперсы* — прозвище Диоскуров. *Еврот* — река в Спарте.

Фр. 580. ...*прах его... принял.*— При бегстве из-под Фив Амфиарай вместе с колесницей был поглощен землей.

Фр. 581. *Ниса.*— См. *Ан.* 1131 и примеч.

Фр. 587. *Впрямь Одиссей я...*— См. *Ж.* 20.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СОФОКЛА (с. 440)

Сохранившееся в ряде рукописей «Жизнеописание Софокла» принадлежит к популярному во II—I в. жанру биографий великих поэтов прошлого, восходящему к историку литературы из школы перипатетиков Сатиру (нач. II в.). Папирусные отрывки из его биографии Еврипида стали известны в начале нашего века (*Р. Оху.* IX 1912; N 1176); здесь же сохранилось сообщение (фр. 39), что аналогичные работы Сатира были посвящены двум другим великим трагикам (*АС* 66). Имя Сатира упоминается и в жизнеописании Софокла (§ 6), наряду с именем другого филолога — Каристия, относящегося к концу II в. Таким образом, прототип жизнеописания Софокла можно датировать I в.; затем к нему присоединялись и другие источники, так что в конечном результате к достоверному материалу добавились и легендарные подробности и анекдоты.

Перевод «Жизнеописания» выполнен впервые для настоящего издания.

¹ *Аристоксен* из Тарента (2-я половина IV в.) — ученик Аристотеля, автор работ по музыке и литературе.

² *Истр* из Кирены (2-я половина III в.) — историк александрийской школы.

³ ...*удостоился должности стратега...*— Софокл в первый раз исполнял должность стратега вместе с Периклом в 441—439 гг.; во второй раз—в 428 г., во время похода против анеев (см. § 9 и примеч.).

⁴ *Флиунт* — город в Арголиде, на севере Пелопоннеса.

⁵ ...*в семьдесят первую Олимпиаду...*— Т. е. в 495 г. Относительно года рождения Софокла существуют небольшие разногласия, которые заставляют принять датировку между 498 и 495 гг. Дальше, однако, в «Жизнеописании» начинается путаница: Эсхил родился в 525 г. и в любом случае был старше Софокла не на 7, а на 27—30 лет; год рождения Еврипида — скорее всего, 484 г., так что и здесь число лет, сообщаемое «Жизнеописанием» (24), ни с чем не согласуется.

⁶ *Лампр* — известный в Афинах учитель музыки (1-я половина V в., ср. *АС* 2).

⁷ *Многое Софокл вел... впервые...*— К нововведениям Софокла см. также *АС* 33, 37—38.

⁸ «*Фамир*» — см. фр. 346—352.

⁹ *Расписная Стоя* — здание на Акрополе в Афинах, расписанное знаменитыми художниками V в.

¹⁰ ...*он руководил фиасом...*— Фиас — культовое объединение; возможно, вокруг Софокла объединялись актеры, считавшиеся служителями Диониса и Муз. Ср. *АС* 91.

¹¹ ...*одержал двадцать побед...*— Наиболее авторитетный источник — надпись с перечнем победителей на Великих Дионисиях, высеченная в 278 г. (*IG* II² 2325), — дает для Софокла число в 18 побед (ср. *АС* 18); византийский словарь «Суда» называет 24 победы (*АС* 33), включая сюда, очевидно, и победы, одержанные Софоклом на Ленеях.

¹² *В возрасте шестидесяти пяти лет...*— Есть и другое чтение: «шестидесяти восьмью лет», более подходящее для датировки рождения Софокла 496 годом.

¹³ ...*за семь лет...*— Очевидная ошибка: поход против анеев имел место на третьем году Пелопоннесской войны (431—404).

¹⁴ ...*имел жреческий сан в культе Галона...*— Жреческие обязанности были, вероятно, наследственными в роду Софокла. Галон — либо местный герой-исцелитель, либо в тексте описка, и надо читать Амин (ср. *АС* 32).

¹⁵ *Хирон* — мифологическое существо, кентавр, воспитатель Асклепия, Геракла, Ахилла.

¹⁶ *Иероним* (ок. 347—419 или 420) — христианский писатель. Ср. *АС* 9.

¹⁷ ...*От сикионянки Феориды...*— Побочные связи при существовании законной жены

- были у афинян достаточно обыденным явлением. Ср. фр. 419 и примеч. О Софокле-внуке см. АС 102. О его собственной творческой деятельности известно, что он начал выступать на афинском театре в 396 г. и одержал то ли 7, то ли 12 побед; из них две — в 387 и 375 гг.
- ¹⁸ *Однажды... вывел...* — Место испорченное; скорее всего, выпало имя какого-то комического автора.
- ¹⁹ *...члены... фратрии...* — Фратрия — административно-культурная единица в афинском государственном устройстве, ведавшая зачислением в состав граждан жен и новорожденных детей своих членов и разбиравшая их семейные дела.
- ²⁰ *...Прочитал... «Эдипа».* — Т. е. 1-й стасим из «Эдипа в Колоне».
- ²¹ *Неанф* из Кизика (III в.) — древнегреческий историк и биограф.
- ²² *Опунт* — город в Локриде, недалеко от побережья Евбейского залива.
- ²³ *...во время праздников Кувшинов...* — Праздник Кувшинов — второй день афинского праздника Анфестерий, справлявшихся в честь Диониса в конце февраля. Участники празднества соревновались между собой, кто быстрее выпьет кружку вина вместимостью около трех литров.
- ²⁴ *Декелейская дорога* — вела из Афин на северо-восток, к городу Декелея, занятому спартапцами в 413 г.
- ²⁵ *Лисандр* — спартанский полководец, возглавлявший осаду Афин в 405 г. По содержанию ср. эту легенду с АС 20—21.
- ²⁶ *Лобон* из Аргоса (конец III в.) — историк литературы, не отличавшийся достоверностью сообщений.
- ²⁷ *...совершать... жертвоприношения.* — Т. е. почитать Софокла как местного героя. Ср. АС 31—32.
- ²⁸ *Аристофан* Византийский (257—180) — александрийский филолог, первый издатель Софокла.
- ²⁹ *...семнадцать поддельных.* — Т. е. ходивших под именем Софокла. Есть и другое чтение: «семь поддельных», и в этом случае мнение Аристофана совпадает с АС 33.
- ³⁰ *Хэрил* — афинский трагик, старший современник Эсхила. Мог ли Софокл выступать его соперником на трагической сцене, мало вероятно по хронологическим соображениям.
- ³¹ *Аристий* — афинский трагик (V в.), особенно славившийся как автор сатирических драм.
- ³² *...перелагает «Одиссею»...* — Ср. фр. 325—336.
- ³³ *Впрямь Одиссей я...* — Фр. 587. Имя Одиссея греки сближали с глаголом *ὀδύσσειν* «сердиться, гневаться» — см. *Од.* XIX, 406—409.
- ³⁴ *Аристофан говорит...* — Имеется в виду фр. 581 а Аристофана-комика. Ср. АС 40.
- ³⁵ *Аристоксен сообщает...* — См. АС 46 и примеч.

АНТИЧНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ СОФОКЛА (с. 442)

В этот раздел включены свидетельства различного характера и различной достоверности, извлеченные из античных и средневековых источников. Многие из них перекликаются со сведениями, содержащимися в «Жизнеописании» (далее сокращенно *Ж*), другие вносят дополнительные черты в жизненный облик Софокла и судьбу его творческого наследия. Полностью свидетельства опубликованы в собрании фрагментов Софокла, выполненном С. Радтом (*TrGF.* Т 4), которым и руководились для настоящего издания составители и переводчик. Номера Радта поставлены в скобках. Там же специалисты найдут более подробные указания источников.

Из помещенных здесь переводов № 10 принадлежит В. О. Нилендеру, № 53 — Адр. Пиотровскому, № 69 и 70 — С. В. Шервинскому, № 76 — Д. С. Недовичу и Ф. А. Петровскому, № 89 — Л. Блумену. Все остальные переводы выполнены В. Н. Чемберджи специально для настоящего издания и публикуются здесь впервые.

1(13). Из комментария византийского ученого Евстафия (2-ая пол. XII в.) к «Илиаде».

2(28). *Афин.* I, 20 е. Ср. Ж § 3; 5. «*Навсикая*» — см. фр. 325—326.

3(29). Из комментария Евстафия к «Илиаде».

4(30). Из комментария Евстафия к «Одиссее».

5(64). Схолий к ст. 73 «Лягушек» Аристофана. См. АС 7 и примеч.

6(65). То же, к ст. 78. Здесь бог Дионис говорит, что хочет проверить, как Иофонт будет сочинять трагедии, оставшись без поддержки только что скончавшегося Софокла.

7(66). Из византийского словаря «Суда». В 435 г. Иофонт одержал победу на Великих Дионисиях; в 428 г. завоевал второе место. *Дексамен* — мифический царь Олена в Ахее. См. Фр. 378.

8(164). Из «Риторике» Аристотеля I, 14, 1374 b 34.

9(167). Из сочинения Цицерона «О дивинации» I, 54. Ср. Ж § 12. *Ареопаг* — в Афинах верховное судилище по религиозным преступлениям.

10(75). Рассказ афинского поэта Иона (ок. 490—422), приводимый у Афиней XIII, 603 f — 604 b. Пребывание Софокла на о-ве *Хиосе* относится ко времени его первой стратегии. *Проксен* — гражданин, берущий на себя в своем государстве защиту интересов граждан другого государства. *Фриних* — афинский трагический поэт, старший современник Эсхила. *Эретриец* — житель города Эретрии на Евбее. *Симонид* — древнегреческий лирический поэт (556—468). *Другой поэт* — Пиндар; «златокудрым» назван Аполлон в его *Ол.* VI, 41; VII, 32. «*Розоперстая*» — постоянный эпитет Зари (Эос) в «Одиссее» («с перстами пурпурными», в пер. В. А. Жуковского).

11(61). Из позднеантичного сборника фиктивных писем, ходившего под именем Еврипида. Речь идет о той же поездке Софокла на Хиос, о которой говорится в № 10, однако достоверность сообщаемых здесь сведений (в частности, о гибели во время морской бури его драм) весьма сомнительна. *Хионид* и *Кратин* — афинские комические поэты, но едва ли они имеются здесь в виду. *Лапреп* и *Антиген* из других источников неизвестны. Скорее всего, имена здесь так же придуманы к случаю, как и все письмо.

12(165). Из «Риторике» Аристотеля III, 15, 1416 а 13. О каком обвинении Софокла идет речь, неизвестно. В процессе, возбужденном против него Иофонтом, старый поэт вел себя, по преданию, совсем иначе, ср. АС 15—17.

13(54). Из «Жизнеописания» Еврипида, сохранившегося в средневековых рукописях.

14(57). Из Ватиканского гномология — сборника изречений знаменитых людей древности.

15(81). Из диалога Цицерона «О старости» 22.

16(82). Из трагата Плутарха «Должно ли старику участвовать в государственной деятельности».

17(83). Из «Апологии» Апулея 37.

18(85). Из «Истории» Диодора Сицилийского XIII, 103, 4. *В это самое время...* — В 406 г. *Аполлодор* из Афин (II в.) — известный ученый, автор исторических, литературных, мифологических и других исследований.

19(89). Из стихов, приписываемых эллинистическому поэту Сотаду (1-ая пол. III в.). Причины смерти называемых здесь людей носят анекдотический характер.

20(92). Из «Естественной истории» Плиния VII 109. Ср. Ж § 15 и примеч. *Либер* — римское наименование Диониса.

21(94). Из «Описания Эллады» Павсания I, 21, 1.

22(3). Из надписи на камне, выполненной на о-ве Паросе в 263 г. и указывающей, за сколько лет до ее составления произошло то или иное событие. *Прошло сто сорок три года...* — С 406 г. ...*девяносто два года...* — В этом случае годом рождения Софокла надо считать 498 ...*выступил в поход Кир.* — Имеется в виду Кир-младший, сын Дария II, начавший в 405 г. подготовку похода против своего старшего брата Артаксеркса II. История похода описана в «Анабасисе» Ксенофонта.

23(5). Из «Аттических ночей» Авла Геллия XVII, 21, 42. *При консулах...* — В 240 г.

- 24(15). Из «Естественной истории» Плиния XXXVII, 40.
- 25(20). Из «Географии» Страбона XIV, 1, 18, 638 с. Экспедиция против Самоса в 441 г. имела целью предотвратить выход из афинского Морского союза одного из самых крупных его членов. Осада длилась около девяти месяцев. *Клерухи* — афинские безземельные граждане, получающие во владение надел земли («клер») в союзном государстве.
- 26(21). Из сочинения позднеантичного компилятора Аристодема. *На четырнадцатом году...*— Автор считает от времени заключения между Афинами и Спартой в 445 г. так называемого Тридцатилетнего мира, но ошибается на 10 лет.
- 27(22). Из схолиев к позднеантичному ритору Гермогену 2-ая пол. II в. н. э.).
- 28(26). *Плутарх*. Никий 15, 2.
- 29(27). Из «Риторики» Аристотеля III, 18, 1419 а 25. Речь идет об участии Софокла в коллегии пробулов, которым в 413 г. было поручено подготовить реформу афинского государственного устройства в чрезвычайно тяжелых условиях, сложившихся после поражения афинян в Сивилии и захвата спартанцами аттического поселения Декелея. Результатом деятельности пробулов стал захват власти олигархией Четырехсот. *Писандр* — один из руководителей олигархической верхушки.
- 30(67). *Плутарх*. Нума 4, 8 ...*гостеприимство Асклепию*.— Т. е. у него в доме находилась статуя Асклепия, доставленная из Эпидавра в 420 г. ...*другой бог*...— Дионис, см. выше, № 20—21.
- 31(69). Из позднеантичного словаря. См. № 30 и 32 и примеч.
- 32(70). Надпись на камне, несколько позже середины IV в. *Оргеоны* — букв., «почитатели», члены культового содружества, объединившиеся для поддержания культа какого-либо божества. В данном случае речь идет о двух святилищах: одно — совместное святилище Асклепия и божества — «Отвратителя (болезней)» Амина; другое — святилище Дексона, под которым был героизирован и почитался после смерти Софокл. *Мелита*, *Пирей* — названия афинских демонов — первичных административно-территориальных единиц в Аттике.
- 33(2). Заметка из словаря «Суда». *Семьдесят третья Олимпиада* — 488—485 г. Следовательно, составитель заметки ошибается на 10 лет. ...*старше Сократа*...— Сократ родился в 469 г. ...*состязания*... *драм*, а не *тетралогий*.— Неточно: и Софокл ставил тетралогии, но они состояли из драм, не связанных между собой сюжетом, как это было у Эсхила ...*двадцать четыре победы*.— См. примеч. к Ж § 8
- 34(33). Из надписи с о-ва Пароса (см. прим. к № 22)... *двести шесть лет*...— От 263 г. дают дату победы Софокла — 469/468 г.
- 35(36). *Плутарх*. Кимон 8, 7 ...*устроили*... *состязание*...— Ошибка Плутарха: состязания трагических поэтов вошли в состав Великих Дионисий с начала V в. ... *ставил свою первую пьесу*...— В «Хронике», составленной в начале IV в. н. э. христианским автором Евсевием, первое выступление Софокла отнесено к 470 г., а первая победа — к 468 г. *Фила* — территориально-административная единица, на которые делилась Аттика; в V в. было десять фил ...*Эсхил*... *удалился в Сицилию*.— Снова путаница Плутарха в хронологии: Эсхил был в Сицилии дважды, ок. 470 г. и после 458 г. Поскольку же известно, что в 467 г. Эсхил одержал победу своей фиванской трилогией, то в 468 г. он скорее всего вовсе не принимал участия в состязании.
- 36(37). Из «Жизнеописания» Эсхила, сохранившегося в средневековых рукописях, § 8.
- 37(95). Из «Поэтики» Аристотеля 4, 1449 а 15.
- 38(97). Диоген Лаэртский III, 56. Высказывание неточное: только с введением актера трагедия оформилась как жанр; до Феспиды, впервые поставившего трагедию в 534 г., ее просто не было.
- 39(118). Из «Жизнеописания» Эсхила § 16.
- 40(117). Из неизвестного античного грамматика. *Эккиклема* — выдвигаемая площадка, на которой разыгрывалась сцена, происходящая внутри дома или дворца; *эксостра* — вращающаяся платформа, также использованная для показа действия, происходящего за пределами сцены; *периакты* — трехгранная призма, каждая из сторон которой служила декорацией для одной из пьес трилогии; *проскений* — перед сценой; *журавль* — устройство, напоминающее длинный рычаг деревенского колодца;

с его помощью можно было изобразить, как герой или бог взмывает ввысь. *Он словно обладал...* — Двустипшие комедиографа Аристофана (фр. 581).

41(99). Из комментария римского грамматика Сервия к Вергилию. *Котурн* — обувь из мягкой кожи на эластичной подошве. Котурны на высокой платформе вошли в практику античного театра не ранее эллинистического времени.

42(100). Из трактата Плутарха «О преуспеяниях в доблести».

43(52a). Афиней X 428f *...изображение пьяных*. — Имеется в виду недошедшая трагедия «Кабиры», в которой Ясон и его спутники были изображены в состоянии опьянения. О пристрастии самого Эсхила к вину — из области античных анекдотов. *Хамелеон* (конец IV в.) — философ и автор биографий поэтов, снабжавший их занимательными подробностями, не заслуживающими доверия.

44(53a). Из «Поэтики» Аристотеля 25, 1460 b 32.

45(132). То же 18, 1456 a 25.

46(99 a). Из анонимного византийского сочинения «О трагедии». *Лады* в греческой музыке различались в эстетическом плане по создаваемому ими душевному состоянию. *Дорийский* лад носил торжественный и мужественный характер, *миксолийский*, напротив, способствовал нарушению психического равновесия. *Фригийский* лад ассоциировался с оргиастическим действием, *лидийский* — с надгробным плачем.

47(99b). Из того же сочинения.

48(31). *Кратин* — древнегреческий комедиограф (V в.) — высмеивал в этих стихах (фр. 15) бесталанного поэта Гнесиппа («потомок Клеомахов»), которого архонт, ведавший театральным делом, предпочел однажды Софоклу. *Адонии* — женский праздник.

49(40). Из речи ратора Аристида (II в. н. э.): 46, 256, 11. *...слова Пиндара*. — Фр. 38 из гимна «К Удаче». *Филокл* — трагический поэт, племянник Эсхила; известны названия его 8 драм (в т. ч. «Эдип» и «Филоктет») и одной тетралогии.

50(130). Схолий к ЦЭ. 264.

51(131). Схолий к ЭК. 220 *...Еврипид делает иначе...* — Имеется в виду сцена из трагедии «Просительницы» 104—160.

52(105). Четверостишие из комедии «Музы» (фр. 31), поэта Фриниха (не смешивать с трагиком, современником Эсхила), поставленной в 405 г. Ср. № 102.

53(102, 103). Из комедии Аристофана «Лягушки» (405 г.), в которой бог Дионис был изображен спустившимся в Аид, чтобы вывести оттуда на землю одного из трех великих трагиков. Первое четверостишие (786—789) — из разговора двух слуг в подземном царстве; второй отрывок (1515—1519) — из прощальной речи Эсхила, покидающего обитель мертвых.

54(172). Из позднеантичного собрания изречений. По содержанию — вариант № 44. *Филоксен* — афинский поэт рубежа V—IV вв.

55(145). *Афин*, XIV, 652 с. *Линкей* (III в.) — древнегреческий историк.

56(156). Из сочинения «Жизнеописание десяти ораторов» (841f), сохранившегося под именем Плутарха. *Ликург* (ок. 390—325) — афинский оратор и политический деятель; при нем в Афинах был отстроен каменный театр.

57(151) — 58(152). Диоген Лаэртский V, 87—88. *Гераклид Понтийский* (IV в.) — древнегреческий философ, ученик Платона и Аристотеля.

59(44). Из речи Демосфена «О предательском посольстве» XIX, 246, направленной против его политического противника Эсхина, выступавшего одно время в качестве триагониста. *Он сам* — Эсхин. *Феодор*, *Аристодем* — известные в IV в. актеры.

60(46). Из «Аттических ночей» Авла Геллия VI, 5. *Пол* — современник Демосфена.

61(169). *Плутарх*. Александр 8, 3. Имеется в виду Александр Македонский. *Гарпал* — его казначей. *Филист* (конец V — 1-ая пол. IV в.) — сицилийский историк и политический деятель.

62(149). Заметка из словаря «Суда». *Филолор* (конец IV — 1-ая пол. III в.) — афинский историк.

63(158a). Из трактата византийского ученого Иоанна Цеца «О комедии». *Птолемей Филадельф* — царь Египта (285—246). *Александр Этолийский* (1-ая пол. III в.), *Ликофрон из Халкиды* (1-ая пол. III в.) — александрийские филологи и поэты. *Эрато-*

сфен (ок. 275—195) — руководитель Александрийской библиотеки примерно с 235 г., поэт и географ. *Каллимах* (ок. 310—240) — крупнейший представитель «ученой» александрийской поэзии. *Аристарх* (217—145) и *Зенодот* (первый руководитель Александрийской библиотеки, ок. 285—260) занимались изучением и изданием греческих авторов классического периода.

64(157). Из комментариев античного медика Галена (129—200 н. э.) к сочинению Гипократа «Эпидемии». *Птоломей Everget* — царь Египта (246—221).

65(115 b). Заметка из словаря «Суда». *Полемон* (II в.) — древнегреческий писатель, автор путеводителя по греческим городам.

66(148). Из Оксиринхского папируса с биографией Еврипида.

67(14). Из трактата Цицерона «О границах добра и зла» 5, 3, — слова, вложенные автором в уста его брата Квинта.

68(147). Из сочинения Цицерона «Оратор» 1, 4.

69(125). *Вергилий*. Буколики VIII, 9 сл.

70(126). *Овидий*. Любовные элегии I, 15, 15.

71(48). Схолий к А. 864.

72(111). Схолий к А. 1199.

73(119). Из сочинения риторика Дионисия Галикарнасского (2-ая пол. I в.), «О соединении слов» 24, 187. *Стесихор* (конец VII — 1-ая пол. VI в.) и *Алкей* (конец VII — 1-ая пол. VI в.) — знаменитые древнегреческие поэты, представители жанра ранней мелики.

74(121). Из трактата «О возвышенном» (1-ая пол. I в. н. э.), известного под именем Лонгина.

75(124). Из сочинения Квинтилиана (I в. н. э.) «Воспитание оратора». X, 1, 66.

76(127). Ювенал VI, 634.

77(168). Из сочинений Валерия Максима (I в. н. э.), составителя сборника знаменитых деяний и изречений.

78(123). Из речи (52, 15) Диона Хрисостома (I в. н. э.), содержавшей сравнение трагедий «Филоклет», написанных Эсхилом и Еврипидом (не сохранились), с одноименной трагедией Софокла.

79(161). Из «Описания Эллады» Павсания (I, 21, 1).

80(153). Из сочинения «Против математиков» (III, 3) Секста Эмпирика (II в. н. э.).

81(133). Высказывание позднего риторика Фривиха (2-ая пол. II в. н. э.), сохранившееся в «Библиотеке» византийского патриарха Фотия.

82(135). Из речи Аристиды (46, 133, 2).

83(174). Из сочинения позднегреческого риторика Филострата-младшего (2-ая пол. III в. н. э.) «Картины», 13 ...«не презрены дары богов»... — *Ил.* III, 65 ...*один из посвященных*... — Т. е. Гомер как служитель музы эпической поэзии *Каллиопы*. *Пеан* Софокла в честь Асклепия был широко известен в Афинах, как это ясно из отрывка его текста, сохранившегося в надписи на обломке камня III в. н. э., и *АС* 85.

84(108 a). Из тех же «Картин» Филострата 3, 2. Цитата из Софокла — *ЭК.* 17 сл.

85(73a). Из «Жизнеописания Аполлония Тианского» Филострата старшего (1-ая пол. III в. н. э.) III, 17.

86(106d). Из памфлета христианского писателя Оригена (1-ая пол. III в. н. э.) «Против Цельса» 7, 6.

87.88. Эпиграммы Симия (III в.) из VII книги Палатинской антологии (фиктивные эпитафии) 21 и 22.

89(179). Эпиграмма Диоскорида (III в.) из той же книги № 37. Эпитафия написана от лица сатира, чье изваяние стоит на могиле. *Флиунтский помост* — оформление сатирической драмы в самостоятельный жанр приписывалось драматургу Пратину (1-ая пол. V в.) из Флиунта. *Стриженой девы*... — Т. е. остригшей волосы в знак траура.

90(180). Эпиграмма Эриккия (I в. н. э.) — из той же книги, № 36... *потомки волвы*... — В древности считали, что пчелы зарождаются в туше убитого быка. Ср. *Вергилий*. Георгики IV, 281—314. *Гиметт* — гора в Аттике, восточнее Афин.

91(181). Эпиграмма Статилия Флакка из Палат. антологии IX, 98. *Пир Атрея* — согласно мифу, бог Гелиос, увидев, как Фiest поедает мясо своих детей, убитых Ат-

реем, повернул солнечную колесницу в обратном направлении. *Фиас* — см. Ж § 6 и примеч.

92(182). Эпиграмма неизвестного автора из Палат. антол. VI, 145.

93(183). Двустипшие византийского автора Иоанна Геометра.

94(155). Справка из словаря «Суда». *Колометрия* — анализ ритмической структуры. *Пятнадцать драм* — в их число, по-видимому, входила византийская триада Софокла (см. предварительные сведения в Примечаниях), такая же триада Эсхила («Персы», «Прометей», «Семеро против Фив») и 9 трагедий Еврипида («Алkestида», «Медия», «Ипполит», «Андромаха», «Гекуба», «Троянки», «Финикиянки», «Орест», «Вакханки»).

95—113. Под этими номерами объединяются сохранившиеся в средневековых рукописях Софокла своего рода введения и справочный материал к семи трагедиям. (Иногда он помещается и после текста драмы). Происхождение этих «предисловий» различно. Наиболее древним является № 105, принадлежащий в основе своей александрийскому грамматiku Аристофану Византийскому; в нем дается сжатое изложение содержания и сведения о постановке. Возможно, что Аристофан является также автором № 102, или здесь, как и в № 112, использован его материал. Стихотворное изложение содержания трагедий (№ 95, ошибочно приписанный Аристофану; № 103 и 109) вошло в моду в позднеантичные времена. С именем Салустия, филолога IV в. н. э., связаны № 104 и 106. Наиболее пространные и достаточно компилятивные «предисловия» представляют собой уже продукт византийской учености.

96. *Дикеарх* (2-ая пол. IV — нач. III в.) — ученик Аристотеля, историк и географ. *Архилох* (ок. 680—640) — древнегреческий поэт-ямбограф. *Гиппий* из Элиды (2-ая пол. V в.) — ритор и теоретик красноречия ... *Эхету царю...* — *Од.* XVIII, 85. *Тиран* в древнегреческом первоначально обозначало правителя, пришедшего к царской власти не по праву наследования; в этом смысле оно вполне подходит к Эдипу с точки зрения фиванцев, для которых спаситель Фив был пришлым человеком. «*Кимская полития*» — одно из многочисленных, не сохранившихся сочинений Аристотеля, посвященных государственному устройству греческих полисов.

98. См. вступительную заметку в примеч. к ЦЭ.

99. Кроме рукописей ЦЭ., текст загадки встречается в «предисловии» к «Финикиянкам» Еврипида и в схолии к ст. 50 той же трагедии, а также в Палатинской антологии под именем эллинистического поэта Асклепиада.

100. Текст разгадки заимствован из средневековой рукописи «Финикиянок» и схолия к ст. 50 той же трагедии.

102. См. вступительную заметку в примеч. к ЭК ... *Аристофан в «Лягушках»*... — См. АС 53; *Фриних* — см. АС 52. *Еврисаку* — сыну Аякса Саламинского, было посвящено святилище в деме Мелите. *Ферекрат* (V в.) — афинский комедиограф, старший современник Аристофана. «*Петала*» — вероятно, имя гетеры.

103. *Земля Кекропа* — Афины, называемые так по имени их легендарного царя.

105. От «*Антигоны*» Еврипида сохранились только отрывки — фр. 157—178. *Беотийские Фивы* — в отличие от одноименных городов в Фессалии, Малой Азии, Египте. *Тридцать вторая драма...* — По-видимому, в хронологическом порядке; неясно, однако, имеются ли в виду все произведения Софокла, или только дошедшие целиком до александрийских филологов.

106. *Пьеса как бы опровергает...* — Дальше действительно идет какая-то путаница: причина, по которой *Лаодамант* мог съесть обеих теток много лет спустя после гибели отца, совершенно непонятна. Что касается *свидания Исмны с Феоклименом*, то вмешательство *Тидея* заставляет отнести это событие ко времени первой осады Фив семью полководцами ... *кончает жизнь в петле...* — Ошибка Салустия: у Софокла Евридика срывает себя мечом; может быть, Салустий, излагая содержание по памяти, спутал Евридику с Иокастой в ЦЭ., которая действительно кончает жизнь в петле.

108. ... *только душа Теламонова сына...* — *Од.* XI, 543 сл. (из рассказа Одиссея о посещении подземного царства и встрече с тенью Аякса). *О для чего...* — Там же, 548. *Актеру надо...* — В квадратные скобки помещен пассаж, не имеющий отношения к предисловию; он заимствован из схолий к ст. 1—2. *Софокл...* *вводит ее в действие.* — Отрывок в квадратных скобках отсутствует в наиболее надежных рукописях ... *вернул*

ся к кораблям...— Версия, восходящая к александрийскому грамматiku III в. Антиклиду ...бросить в него грязью...— Вариант, известный из мима сицилийского комедиографа Софрона (сер. V в.) ...единственным уязвимым местом...— Версия о неуязвимости Аякса была известна в V в. (Эсхил. фр. 83; Платон. Пир, 219 е), но Софокл ее не использовал. Пиндар повествует...— Составитель имел в виду либо 6 *Истм.* 47, где Геракл молит Зевса о даровании Теламону сына, — «несокрушимого, как та шкура» (льва), что его окутывает, либо какое-то не дошедшее до нас произведение.

109. Стихотворное предисловие к «Филоклету» посвящено больше событиям, предшествовавшим действию в трагедии Софокла, чем самой трагедии.

113. Предисловие не имеет прямого отношения к содержанию «Трахинянок». Византийский филолог Иоанн Цец приписывает его эпическому поэту IV в. н. э. Квинту Смирнскому; без имени автора оно содержится в так наз. Приложении Плануда к Палатинской антологии XVI, 92. *Феспия взяла дочерей он...*— Ср. *Аполлод.* II, 4, 10; *Павс.* IX, 27, 6.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Софокл. Римская копия с греческого оригинала 30-х годов IV в. до н. э. Ватикан, собрание б. Латеранского музея. Фронтиспис
- Афина в раздумье. Рельеф 60-х годов V в. до н. э. Афины. Музей Акрополя
- Кресилай. Бюст Перикла. Ок. 440 г. до н. э. Мраморная копия с бронзового оригинала. Мюнхен. Глиптотека
- Деметра и Триптолем. Рельеф последней трети V в. до н. э. Афины. Национальный музей
- Голова Посидона. Фрагмент бронзовой статуи ок. 460 до н. э. Афины. Национальный музей
- Рождение Афродиты. Рельеф т. наз. «Трона Людовизи». Ок. 460 г. до н. э. Рим. Национальный музей
- Голова Зевса. Середина V в. до н. э. Кирена. Музей скульптуры
- Голова Аполлона с о-ва Кипр. 2-ая четверть V в. до н. э. Лондон. Британский музей
- Битва греков с амазонками. Фрагмент щита Афины-Девы со статуи Фидия. Ок. 440 г. до н. э. Копия I—II вв. н. э. Музей Пирей
- Посидон, Аполлон и Артемида. Деталь восточного фриза Парфенона. 447—432 гг. до н. э. Фидий и его круг. Афины. Музей Акрополя
- Битва греков с амазонками. Фрагмент щита Афины-Девы со статуи Фидия. Ок. 440 г. до н. э. Копия I—II вв. н. э. Музей Пирей
- Голова юноши. Деталь фриза Парфенона. Около 430-х годов до н. э. Школа Фидия
- Парфенон в Афинах. V в. до н. э.
- Надгробная стела юноши с о-ва Саламин. 2-я пол. V в. до н. э. Афины. Национальный музей
- Стела Гегесо. Последняя четверть V в. до н. э. Афины. Национальный музей
- Храм Ники на афинском Акрополе. Ок. 430 г. до н. э.
- Храм Аполлона в Дельфах. IV в. до н. э.
- Театр Диониса в Афинах. 30-е гг. IV в. до н. э.
- Геракл, Несс и Деянира. Краснофигурный килик работы Аристофана. Ок. 420 г. до н. э. Бостон. Музей изящных искусств
- Аполлон и Артемида, убивающие детей Ниобы. Деталь краснофигурного кратера. 2-я четверть V в. до н. э. Париж. Лувр
- Пляшущие сатиры. Краснофигурный килик круга Дуриса. Ок. 460 г. до н. э. Москва. ГМИИ им. Пушкина
- Голова Сфинкс. Деталь акротерия храма Аполлона в Фивах. 2-я пол. VI в. до н. э. Париж. Лувр
- Сидящий Асклепий. Рельеф из Эпидавра. Ок. 380 г. до н. э. Афины. Национальный музей.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАГЕДИИ

Перевод Ф. Ф. Зелинского

под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо

	Текст	Прим.
ЦАРЬ ЭДИП	5	545
ЭДИП В КОЛОНЕ	59	552
АНТИГОНА	124	558
АЯКС	169	562
ФИЛОКТЕТ	216	568
ЭЛЕКТРА	269	573
ТРАХИНЯНКИ	323	579
СЛЕДОПЫТЫ.	365	583
Генеалогические таблицы мифологических персонажей, упоминаемых Софоклом (<i>Сост. В. Н. Ярхо</i>)	378	
ФРАГМЕНТЫ. (<i>Пер. Ф. Ф. Зелинского, О. В. Смыки и В. Н. Ярхо</i>)	381	586
Таблица для перевода нумерации фрагментов в издании С. Радта (<i>Сост. В. Н. Ярхо</i>)	436	

ДОПОЛНЕНИЕ

Перевод В. Н. Чемберджи

Жизнеописание Софокла	440	595
Античные свидетельства о жизни и творчестве Софокла	442	596

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений	465
<i>В. Н. Ярхо</i> . Трагический театр Софокла	467
<i>В. Н. Ярхо</i> . Ф. Ф. Зелинский — переводчик Софокла	509
Примечания (<i>Сост. В. Н. Ярхо</i>)	542
Список иллюстраций	603

СОФОКЛ

ДРАМЫ

В переводе Ф. Ф. Зелинского

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редактор издательства
О. К. Логина

Художники
*В. Г. Виноградов,
Л. А. Григорян*

Художественный редактор
Н. Н. Михайлова

Технический редактор
Н. Н. Кокина

Корректоры
Н. П. Гаврикова, Н. А. Несмеева

ИБ № 46573

Сдано в набор 23.08.89

Подписано к печати 21.03.90

Формат 70×90¹/₁₆

Бумага типографская № 1

Гарнитура обыкновенная новая

Печать высокая

Усл. печ. л. 45,78

Усл. кр. отг. 47,10

Уч.-изд. л. 44,2

Тираж 50000 экз. (1-й завод 1-30000 экз.)

Тип. зак. 3853

Цена 5 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени

издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485,

Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Афина в раздумье
Рельеф 60-х годов. V в. до н. э.
Афины. Музей Акрополя

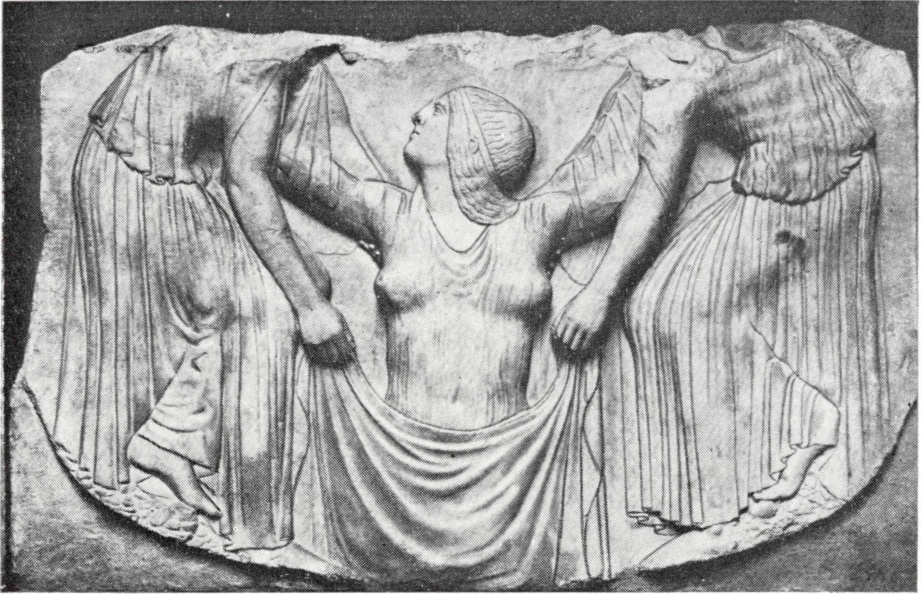
*Кресилай. Бюст Перикла.
Ок. 440 г. до н. э.
Мраморная копия с бронзового оригинала.
Мюнхен. Глиптотека*

*Деметра и Триптолем.
Рельеф последней трети V в. до н. э.
Афины. Национальный музей*

*Голова Посидона.
Фрагмент бронзовой статуи ок. 460 г. до н. э.
Афины. Национальный музей*

*Рождение Афродиты
Рельеф т. наз. «Трона Людовизи». Ок. 460 г. до н. э.
Рим. Национальный музей*

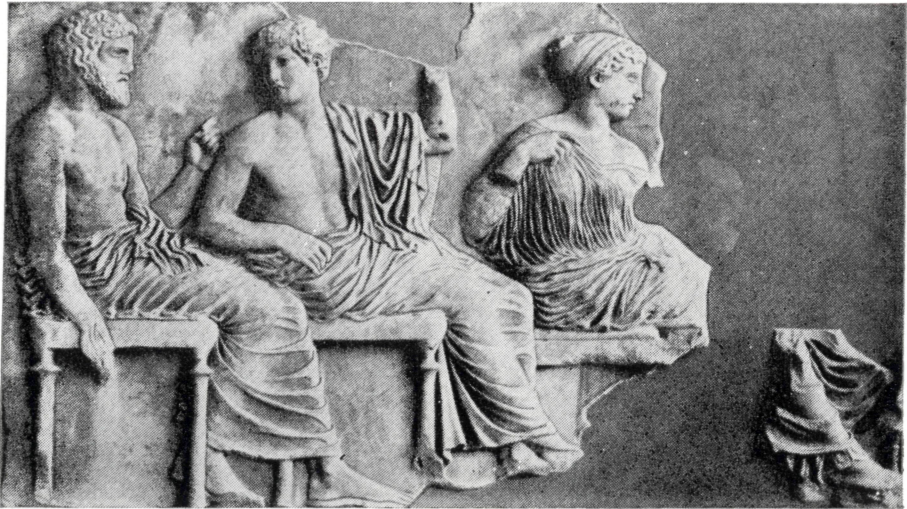
*Голова Зевса.
Середина V в. до н. э.
Кирена. Музей скульптуры*

*Голова Аполлона с о-ва Кипр.
2-ая четверть V в. до н. э.
Лондон. Британский музей*

*Битва греков с амазонками.
Фрагмент щита Афины-Девы со статуи Фидия. Ок. 440 г. до н. э.
Копия I–II вв. н. э. Музей Пирея*

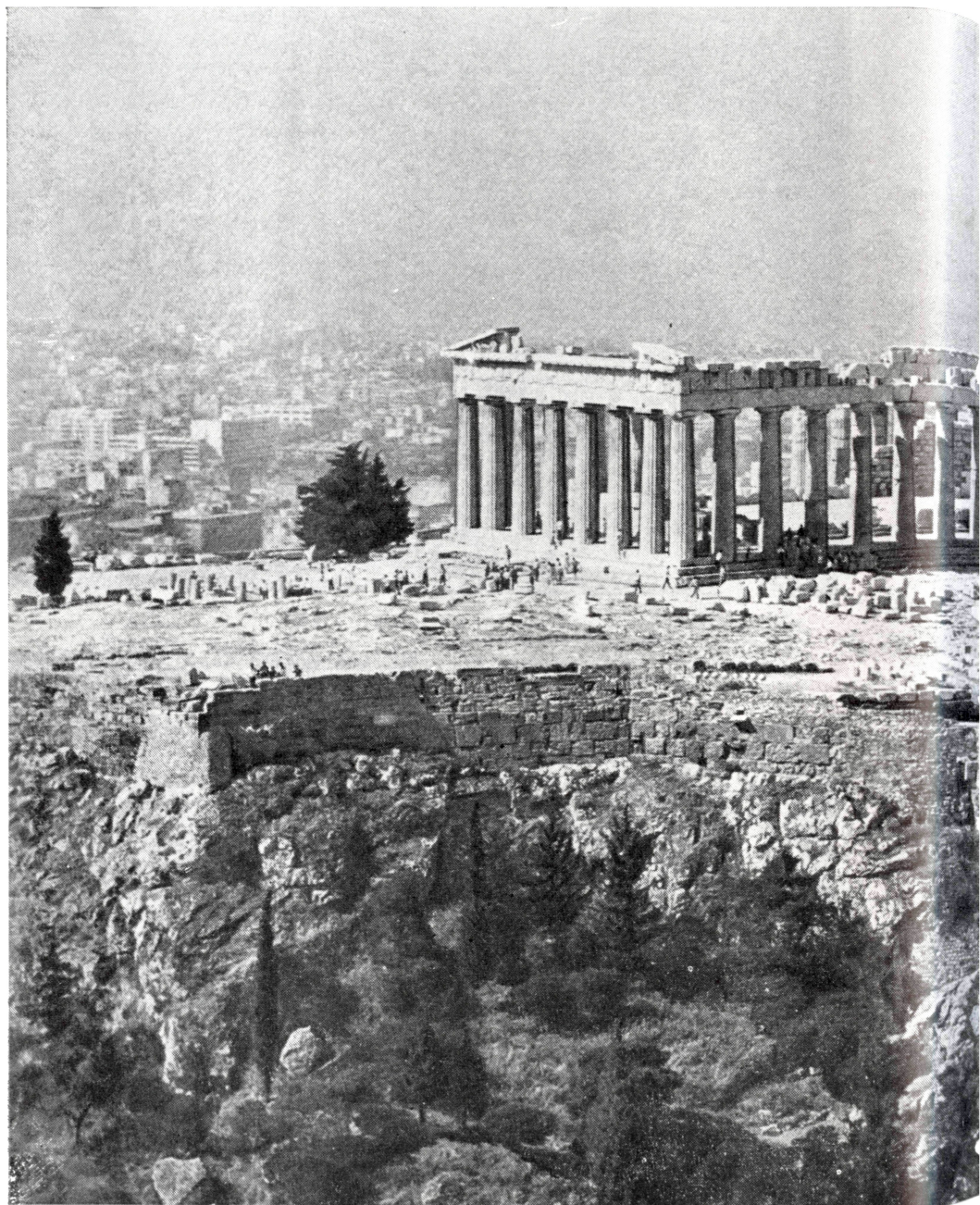
*Посидон, Аполлон и Артемида.
Деталь восточного фриза Парфенона. 447–432 гг. до н. э.
Фидий и его круг. Афины. Музей Акрополя*

*Битва греков с амазонками.
Фрагмент щита Афины-Девы
со статуи Фидия.
Ок. 440 г. до н. э.
Копия I—II вв. н. э.
Музей Пирея*

*Голова юноши.
Деталь фриза Парфенона.
Около 430-х годов до н. э.
Школа Фидия*

Парфенон в Афинах. V в. до н. э.

*Падгробная стела юноши с о-ва Саламин.
2-я пол. V в. до н. э.
Афины. Национальный музей*

*Стела Гегесо.
Последняя четверть V в. до н. э.
Афины. Национальный музей*

*Храм Ники
на афинском Акрополе.
Ок. 430 г. до н. э.*

*Храм Аполлона
в Дельфах.
IV в. до н. э.*

*Театр Диониса в Афинах.
30-е гг. IV в. до н. э.*

Геракл,
Несс и Деянира.
Краснофигурный киликс
работы Аристофана.
Ок. 420 г. до н. э.
Бостон.
Музей
изящных искусств

Аполлон и Артемида,
убивающие детей Ниобы.
Деталь
краснофигурного
кратера
2-ая четв. V в. до н. э.
Париж. Лувр

*Пляшущие сатиры.
Краснофигурный килик
круга Дуриса.
Ок. 460 г. до н. э.
Москва.
ГМИИ им. Пушкина*

*Голова Сфинкс.
Деталь акротерия
храма Аполлона
в Фивах.
2-ая пол. VI в. до н. э.
Париж. Лувр*

*Сидящий Асклепий.
Рельеф из Эпидавра. Ок. 380 г. до н. э.
Афины. Национальный музей*